

«Если человек безразличен ко всему и довольствуется тем, что ест и пьет, то он далек от нравственного совершенства.

Если мюрид хочет знать, насколько он близок к Богу, Пророку и учителю, то пусть посмотрит в свое сердце: если оно поражено жаждой власти, то пусть знает, что он далек от Бога, Пророка и учителя.

Если сердце мюрида ноет, наполнено состраданием к людям, лишено неприязни и зависти, он близок к Богу, Пророку и учителю... Убравший из своего сердца гнев, простивший обиду, стократ упоминающий Аллаха, молящийся за тех, кто злословит – раб Божий».

Следуйте шарияту: то, что не из Корана и Сунны – не берите!

Шейх, Устаз, Овлиа Киши-Хаджи

ШЕЙХ, УСТАЗ, ОВЛИЯ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВ

Автор проекта и составитель
Р-Х. Ш. Албагачиев

Нальчик
ООО «Тетраграф»
2012

Религиозное издание

ШЕЙХ, УСТАЗ, ОВЛИЯ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВ

Автор проекта и составитель Р.-Х. Ш. Албагачиев

Технический редактор Т. В. Демьяненко

Художник М. М. Тарчокова

Корректор О. А. Абанокова

Компьютерная обработка и верстка А. С. Бозиевой

Сдано в набор 22.03.2012. Подписано в печать 28.06.2012.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Гарнитура Myriad Pro. Бумага офсетная. Усл. п. л. 53,3.

Тираж 1000 экз. Заказ № 73

ООО «Тетраграф»

360000, КБР, Нальчик, пр. Ленина, 33

© Р.-Х. Ш. Албагачиев.

Составление, 2012

© ООО «Тетраграф», 2012

ISBN 978-5-905288-81-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не задерживаясь ни на мгновение, бежит время. Бежит, оставляя безвозвратно ушедшее прошлое. А жизнь не стоит на месте. Все меняется! Необходимость объективного осмысления и исследования прошлого, духовного наследия позволяют нам понять сущность и значимость исследования жизни и религиозной деятельности Шейха Киши-Хаджи. Многие события и обстоятельства бытия Устаза останутся для нас навсегда, к большому сожалению, сокрытыми. Тайны прошлого зачастую так и остаются тайнами.

Сегодня мы преклоняемся только Всевышнему Аллаху, с почтением относимся к Пророку Мухаммаду (а.с.с.), с уважением к тому, кто всей своей жизнью, своими поступками показывал нашим народам все прекрасное ислама, для которого любовь к Аллаху была первична. Мы всегда взываем только к Аллаху, но чтим и уважаем своего Устаза, за его жизненные поступки, за его самопожертвование Аллаху. Его жизнь, его поступки являются примером для подражания.

«Шейх Киши-Хаджи был, по преданию, близок к Аллаху, дух которого был свят, помыслы чисты, натура бескорыстна и человеколюбива. Он был зачинателем зикризма кавказского варианта кадырийского тариката в Чечне, в Ингушетии и Дагестане», – пишет Л. Я. Солодовниченко.

Кадырийский тарикат объединяет в своих рядах до 13 родственных между собой суфийских братств, которые основаны на суннитском толке ислама. Данный тарикат является одним из самых распространенных в мусульманском мире.

Есть версия о том, что Киши-Хаджи после паломничества в Мекку посетил мечеть-могилу Абдул Кадыр Гилани в Багдаде, познакомился с учением кадырийа и стал в Чечне зачинателем учения кадырийа, получившего название зикризм. Кадырийский тарикат, возрожденный впервые в нашем крае Киши-Хаджи, – путь служения Богу и очищения через зикр – находил широкий отклик в сердцах людей.

В своей книге хадисов Бухари рассказывает, что ибн Аббас говорил: «Во времена Пророка (а.с.с) люди повышали голос в зикре». Бухари также пересказывает слова Абу Мабада: «Во времена Пророка Мухаммада (а.с.с.) был обычай воздавать хвалу Аллаху вслух после обязательных совместных молитв. Когда я слышал зикр, я знал, что совместная молитва окончена». Относительно громкого зикра Бухари, со слов Абу Хурайра, сообщает, что Пророк (а.с.с.) передал слова Аллаха: «Если мои слуги упоминают меня в душе, Я упомяну про Себя. Если он упомянет Меня в группе, Я упомяну его в группе в Моем присутствии».

Тирмизи и имам Ахмад Абу Давуд передают сообщение ас-Саиба о том, что Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Джабраил пришел ко мне и приказал мне, чтобы я приказал моим сподвижникам повышать голоса в такбире».

Мы много раз слышали о величии исполнения зикра «Ла иллахѳа илла-ллахѳу» в хадисах Пророка Мухаммада (а.с.с.) «Обновляйте свой иман», «О Расулулахѳу (а.с.с.)». Как мы должны обновлять свой иман?» – спросили асхабы. «Читайте “Ла иллахѳа илла-ллахѳу” часто», – был ответ.

Цель зикра – погружение в созерцание Аллаха в состоянии транса. Зикр – многократное повторение определенных слов и фраз, включающих имена Бога, подкрепленное определенными круговыми движениями. Зикр способствовал распространению четок, состоящих из 99 бусин, соответственно числу имен Аллаха. Необходимость зикра обоснована Кораном: «О те, которые уверовали! Вспоминайте Аллаха частым упоминанием и прославляйте его утром и вечером!»

По поводу исполнения зикра Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Однажды Мусса (ѳалайхи салам) попросил Аллаха научить его какому-нибудь виду зикра, для его упоминания. Ему было сказано читать “Ла иллахѳа илла-ллахѳу”. Он сказал: «Мой Господь! Его читают все твои творения». Опять пришел ответ: «Читай “Ла иллахѳа илла-ллахѳу”. Он попросил: «О мой Господь! Я хочу что-нибудь особое только для себя». Тогда всевышний Аллах сказал: «Если семь небес и семь земель положить на одну чашу весов, а калама “Ла иллахѳа илла-ллахѳу” – на другую, то последнее перевесит». Калама “Ла иллахѳа илла-ллахѳу” называют очистителем сердца».

Исполнение современного зикра вслух или мысленно возводит верующего к сподвижникам Пророка (а.с.с.) – первым халифам Абу-Бакру и Али, которые являются основателями суфийского тариката и совершали зикр вслух и тайно по указанию самого Мухаммада (а.с.с.).

Когда люди собираются для зикра во имя Аллаха, и их цель – только чтобы Всевышний был доволен, тогда ангел объявляет с небес: «О люди! Вы прощены, и ваши грехи заменены добрыми делами».

Пророк Мухаммад (а.с.с.) говорил, что Аллах назначил специальных ангелов, чтобы они летали над всей землей и искали людей, вспоминающих Всемогущего Аллаха, произнося Его имя. Когда же они обнаруживают целые собрания таких людей, то бывают настолько изумлены и обрадованы, что зовут посмотреть на это зрелище все новых и новых ангелов, и, смыкая свои крылья, они выстраиваются над молящимися в столб, достигающий небес. Когда собрание заканчивает зикр, все эти ангелы возвращаются на небо. Аллах спрашивает у них, где были (хотя Он и так знает о происходившем, Ему приятно лишний раз об этом услышать). Ангелы рассказывают Ему, что они вернулись с собрания людей, вспоминавших, славивших и чтивших Его. Тогда Аллах говорит собравшимся ангелам, что Он прощает всех, кто участвовал в поминании».

Зикр, совершаемый сердцем, означает, что каждый миг ты связан с Аллахом, поэтому Он важнее и выше всего. И нет ничего лучшего для спасения от наказания Аллаха, чем зикр. Тот, кто хочет достичь любви Аллаха, тому надо делать зикр многократно. Зикр – это дверь к любви Аллаха. Хазрет Абу Дарда говорит: «Делайте зикр Аллаха во время своего

благополучия и счастья, и это пригодится вам во времена трудностей и несчастий».

Маулана Абдуль Хай по поводу громкого зикра написал труд «Сабахатуль Фикр», где упомянуты примерно 50 таких хадисов, которыми сопровождается громкий зикр. Это учение зикра утверждает, что земная жизнь дается человеку как испытание для определения его в потустороннем вечном мире.

Хазрет Сальман Фарси говорит: «Если человек делает зикр Аллаха во время богатства и спокойствия, то когда если настигнет какое-нибудь несчастье или трудность, ангелы говорят, что это знакомый голос, который принадлежит беспомощному рабу. И затем они просят за него у Аллаха. А кто во времена удовольствия не вспоминает Аллаха, то когда его настигает какое-либо несчастье, ангелы вопрошают: «Что за незнакомый голос?» Ибн Аббас говорит, что в джаннате восемь ворот, и только одни из них для делающих зикр Аллаха.

Одним великим шейхом Х. М. Чишти было отмечено: «Экстаз, рождающийся в сердцах дервишей во время зикра, подобен бурлению пенных волн, бьющихся о берег».

Современные братства зикристов различаются между собой лишь способом радения: мюриды кунтахаджинского братства совершают зикр темпераментными круговыми движениями, мюриды Бамат-Гирей-Хаджи из Автуров исполняют зикр, иступленно подпрыгивая на месте; последователи Чим-Мирзы из Майртупа совершают зикр круговыми движениями, ударяя при этом в барабан. Зикристы-баталхаджинцы при ритуальном радении образуют круг и, раскачиваясь на месте, хором исполняют религиозные гимны.

В Чечне и Ингушетии под вирдом понимают последователей того или иного суфийского братства, в их числе находится и многочисленное мюридское братство – кунтахаджинцев. Мы должны знать, что все вирды – это равнозначные пути, ведущие к Аллаху, к нашему единому Богу, к единому Священному Корану и Пророку Мухаммаду (а.с.с.) В Священном Коране сказано: «Не разъединяйтесь!». Мы должны думать о будущем поколении, о народе и нашей государственности. Каждому в отдельности, в целом народу должно признать необходимость единства, осуждать неприязненные отношения друг к другу из-за вирда.

Всевышним был ниспослан на землю человек, который посредством чудодейственного слова, образом мыслей и действий своих принес на ингушскую землю ислам. И когда воздаем благодарение Аллаху за то, что Он нас сотворил мусульманами, мы, независимо от вирдовой принадлежности, должны с великим благодарением произносить имя Святого Устаза из Гудермесского села Илсхан-Юрт.

Шейх Киши-Хаджи о тех, кто порицает зикр хафи, и о тех, кто порицает людей зикра джахри, сказал: «Есть три категории людей, которые порицают различные виды зикра. Две из них на истине, а третья – в заблуж-

дении. Первый человек – это тот, который очистил зеркало своего сердца, и которому Аллах через зикр хафи (тихий зикр) ниспослал на сердце нур, и который достиг цели через тарикат Накышбандия. И Аллах одаряет его наградами, и Аллах не приказал ему возвышать голос при совершении зикра. Он скрытно поминает Аллаха. И он порицает тех, кто громко поминает. И он на истине. И у него есть оправдание порицания, так как Аллах указал ему путь зикра хафи. И он достиг цели и увидел, что его путь истинный, и ему не понятен другой путь. Второй человек – тот, кто достиг Аллаха посредством кадырийского тариката, использующего зикр джахри. Он также на пути барякята и милости, и ему приказано обнаруживать (гучудаккха – т. е. распространять) религию громким голосом, и он поминает Аллаха громко. И бывает, что он порицает людей тихого зикра, и говорит: «Если бы в сердце этого человека ниспустились бы вкус и сладость марифата Аллаха, то он бы и кричал и смеялся бы (т. е. это имело бы сильные внешние проявления). И у него также есть оправдание в порицании (так как Аллах указал для него этот путь). И он тоже на истине. Третий – тот, кто свое сердце не очистил зикром и не достиг Аллаха ни кадырийским, ни накышбандийским тарикатом и не достиг степени истины, и он порицает людей громкого и тихого зикра. И пусть Аллах убережет нас от таких людей. И это – заблудший, и он вводит в заблуждение людей. И нет у него доли в истине».

Киши-Хаджи считается одним из 356 мусульманских святых (Овлия), постоянно живущих на земле. Устаза воспринимают как всенародного лидера, духовного пастыря, нравственным авторитетам во всех спорах.

Появление Святого Устаза было принято добровольно. Хаджи из Илсхан-Юрта пришел на земли ингушей как миротворец, он пользовался беспрекословным авторитетом, который заслужил своим образом жизни. Человек, который боялся прикоснуться к тому, что не заработал своим потом, который при жизни стал святым для чеченцев и ингушей, он сделал то, что не могли сделать веками соседи мусульмане. Таков был образ жизни самого Шейха Киши-Хаджи, который каждый свой шаг делал только с именем Всевышнего. Проповедь Киши-Хаджи – центральное событие, оказавшее решающее влияние на судьбу ислама и суфизма среди вайнахов.

Первые известные нам документальные источники, свидетельствующие о наличии мусульманских верований у вайнахов, относятся к концу XVI века. Так, в 1588 году владелец ингушского селения Ларс в Дарьялском ущелье Салтан-Мурза, обращаясь к русскому царю с просьбой о принятии в подданство и под защиту, присягает на верность царю на Коране.

Верующие чеченцы и ингуши, служители культа объясняют обращение в ислам не иначе как волей Аллаха. Многие богословы современности отмечают то, что этим народом была дарована божественная благодать, т. е. им было предначертано самим Аллахом стать мусульманами.

Шейх Киши-Хаджи привел в ислам десятки тысяч людей и наставлял их быть искренними мусульманами сердцем и помыслами своими.

Последователи Шейха Киши-Хаджи – это не только Чечня, Ингушетия и Дагестан в рамках границ. Это и Пригородный район (незаконно отторгнутый в 1957 г.) Северной Осетии, это Казахстан и Киргизия.

Шейх Киши-Хаджи о настоящих мюридах сказал: «Когда я видел этих людей, их светлые лица и чистоту слов – поступков, я хотел плакать. Мое сердце сжималось и хотелось как можно дольше побыть с этими муслимами. Ибо свет веры, исходящий из их сердец, привлекает к себе мусульман».

Устаз из Илсхан-Юрта сказал: «Есть три вещи, подтверждающие то, что человек является мюридом устаза, и есть также три вещи, подтверждающие разрыв между мюридом и устазом. Первые три: 1) оставление сплетен и злословия (не злословить ни о ком); 2) очищение сердца от зависти (не завидовать никому); 3) согласие мюрида со словами и делами устаза. Вторые три (разрыв связи): 1) если мюрид не уважает других устазов, завидует им, проявляет неприязнь, то для мюрида есть опасность разрыва связи с устазом; 2) если мюрид не любит других устазов, как своих, то и для него есть опасность разрыва; 3) если мюрид услышит, как кто-то злословит или сплетничает о своем брате мусульманине, он должен высказать порицание такому человеку, дабы тот прекратил сплетничать. Если же мюрид промолчит, то это также может явиться причиной разрыва связи с устазом.

По учению Киши-Хаджи, с помощью трех основных принципов, которых следует строго придерживаться верующим, давшим обещание соблюдать верность заветам шейха, поддерживается связь мюрида со своим устазом: не произносить хулу, быть бескорыстным, верить словам своего устаза и быть довольным любыми его действиями. Мюрид должен выполнить все обязанности, возложенные на него Аллахом, за все остальное отвечает Устаз, который в день Страшного суда будет стоять рядом с усопшим и оберегать его от всякого страха. О значимости чистоты и доброты сердца, искренности в религиозных делах постоянно напоминал верующим Кунта-Хаджи.

Вера в Аллаха единого и единственного, Творца и Создателя небес и человека, всего того, что его окружает, – присуща человечеству. Всевышний говорит: «Воистину, община ваша – единая община, Я же – Господь ваш. Так поклоняйтесь Мне!» (Коран, 21:92).

В Священном Коране есть сура «Аль-Аср», в ней говорится: «Чтобы человек и на этом и на том свете пребывал в довольстве, ему необходимо обладать четырьмя качествами». Первое – это убежденно верить в Аллаха, второе – творить добрые дела, третье – призывать к истине и четвертое качество – призывать к терпению. Мы должны жить по закону Аллаха, находить большую радость и удовольствие в вере. Мы обязаны познать глубину секретов Корана, где изучающий Священную книгу найдет жемчужину его мудрости, знаний, которые всегда ведут к воспитанности и отделяют от всех нежелательных и чуждых вещей.

В своем знаменитом трактате «Тарджамат Макалати. Кунта-Шейх». Шейх Киши-Хаджи пишет: «Если сердце мюрида ноет, наполнено состраданием к людям, лишено неприязни и зависти, он близок к Богу, Пророку и учителю... Убравший из своего сердца гнев, простивший обиду, стократ упоминающий Аллаха, молящийся за тех, кто злословит, – раб Божий».

Устаз Киши-Хаджи: «Из двух людей один легко войдет в рай – это тот, кто радуется людям, собирающимся делать зикр. Другой, который презирует зикр, посмеивается над зикристами пойдет в ад».

Киши-Хаджи отрицал любую войну, говорил, что нельзя отвечать злом на зло, просил прощать своих врагов, наставлял, что спасение человека только в духовном росте.

Многих поражала мудрость Шейха, его смиренность. Отражение самой веры в поведении Киши, проповеди, поступки показывали народу, что так надо поступать, чтобы обрести справедливость в этом мире и в потустороннем – рай. Пацифизм Киши-Хаджи происходил из любви, которую он исповедовал, ко всякому человеку, его душе, ко всем живым существам. Киши-Хаджи говорил, что мюрид должен жить простой жизнью, стараться делать маленькие добрые дела, любить и уважать все живое – а также землю и воду, – весь мир, созданный Всевышним. Киши-Хаджи считал, что познать Аллаха можно, не изучая мазхабы, а лишь «глазами сердца».

О высоком моральном облике Шейха Киши-Хаджи говорит и то, что он решительно отказывался принимать элементарную помощь от своих мюридов, отказывался от подарков, которые преподносили ему верующие, а то, что вынуждали его брать, он отдавал нищим и бедным.

Устаз из Илсхан-Юрта сказал: «Мусульмане! Любите друг друга, поддерживайте друг друга, будьте по-настоящему братьями друг другу. Только любя веру в душах каждого из нас, вы любите веру подлинную, а не веру мифическую. Никто и ничто: ни холодное звездное небо, ни животные, ни наделенные разумом – не способны воспринять и осмыслить святое чувство веры, кроме людей, таких как и вы...»

Его популярность как шейха была чрезвычайно обширна. Деятельность зикристов напугала царскую администрацию. Дело Шейха Киши-Хаджи рассматривалось на уровне наместника Кавказа Его Императорского Высочества князя Михаила Николаевича Романова. Было решено «искоренить зикр в чеченском племени», а Киши-Хаджи, его брата Мовсара и других активных сторонников Шейха взять под стражу. Арест произвели 3 января 1864 года, когда в Чечне и Ингушетии находились военные силы.

Шейх Киши-Хаджи предсказывал свой арест и ссылку. Видимо, он считал распространение среди горцев тариката кадырия делом более важным, чем его собственная судьба, и поэтому представил событиям развиваться именно так. Шейх из Илсхан-Юрта, предсказывая свое будущее, добавил, что он не имеет права изменить что-либо в своей судьбе. Таким образом, не предприняв никаких попыток избежать ареста, Устаз тем самым отнимал у власти повод к продолжению репрессивных действий.

Путь следования арестованных в ссылку пролегал через населенные пункты: Владикавказ, Змейская, Прохладная, Георгиевская, Ставрополь, Екатеринодар, Новочеркасск. Конечный пункт – уездный город Устюжно Новгородской губернии. Властями были приняты меры по розыску и задержанию других активных участников братства Киши-Хаджи. К концу января 1864 года было арестовано 14 наиболее активных векилей Кунта-Хаджи.

Сведения о том, как проводил ссылку Киши-Хаджи, практически отсутствует. Известный российский историк И. Попов встречался с Киши-Хаджи в Устюжне. Шейх произвел на него большое впечатление. И. Попов пишет: «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением держать беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий, благородства и был обаятельным человеком».

Старший научный сотрудник Устюженского краеведческого музея Е. Воротынцева в своей статье «Тайна черкесского кладбища» пишет о том, что «популярность Киши-Хаджи на Кавказе приобретает невиданные размеры и начинала всерьез беспокоить российские власти. Чем же смог этот выходец из беднейших слоев народа так увлечь десятилетиями угнетенный, но все-таки непокоренный народ?» Далее Е. Воротынцева пишет: «Кроме того, настораживает указанный в полицейской ведомости возраст. Год рождения Киши-Хаджи точно не установлен. Историки указывают конец XVIII – начало XIX в. Казалось, что в 1865 году Киши-Хаджи должен быть более старшим».

Подобных «возрастных» искажений в период работы над книгой было обнаружено предостаточно не только по отношению к Устазу из Илсхан-Юрта, но и с другими сведениями. Все события и факты, связанные с существующей датой рождения Устаза 1830 г., мягко говоря вызывают сомнения в своей подлинности. Выходит, что ученик Шейха Батал-Хаджи Белхороев, родившийся в 1821 г. (по хиджре 1824 г.), старше своего учителя. Хотя в возрасте 8 лет, потеряв родителей, маленький Батал стал учеником Устаза из Илсхан-Юрта и некоторое время жил у него.

В рапорте начальнику Тифлисского жандармского управления от 25 октября 1911 года под № 25 капитан Николаев (помощник заместителя Его Императорского Величества на Кавказе) пишет: «Доношу, что мною получены следующие агентурные сведения: в Терской области арестован житель селения Сурхохи Назрановского округа Батал-Хаджи Белхороев, 114-летний старик, который магометанским населением Терской области почитается за святого». Проведя простые математические действия, можно установить, что шейх Батал-Хаджи должен был родиться в 1797 г.

В своей статье «Шейхи не умирают» Махмуд Гаркаев, чеченский ученый арабист, муфтий, в 1991 г. в газете «Республика» пишет, что Кунта-Хаджи начал свою деятельность как проповедник в 1838 году в разгар Кавказской войны. В 1841 г. Шамиль потребовал, чтобы Кунта-Хаджи с мюридами явил-

ся на шариатский суд, т. е. Веденский суд (в данном издании есть копия протокола суда на арабском языке и его перевод на русском). М. Гаркаев пишет, что во время ареста Кунта-Хаджи было более 56 лет.

Другим доказательством несостоятельности версии о рождении Шейха Киши-Хаджи в 1830 г. является дата рождения шейха Бамат-Гирей-Хаджи Митаева. Он родился в 1838 г., как пишет В. Х. Акаев в 2003 г. в статье «Чеченский суфий Бамат-Гирей-Хаджи: жизнь и духовный путь»: «Однажды Киши-Хаджи среди игравших на кладбище детей приметил мальчика, который ходил между могилами, прислоняясь к каждой из них. Киши-Хаджи спросил у своих мюридов, знают ли они, что делает этот мальчик. Получив отрицательный ответ, он пояснил, что мальчику хорошо видно, то что происходит в каждой могиле. Обладателем столь необычных способностей оказался Бамат-Гирей. Киши-Хаджи берет под свое покровительство мальчика». Выходит, что Бамат-Гирей-Хаджи моложе своего Устаза всего на 8 лет, когда они встретились мальчику было около 10 лет. Значит, самому Киши-Хаджи было не более 18 лет. Есть и другие доказательства, подтверждающие, что 1830 г. ошибочно установлен как год рождения Устаза. Многие события и факты из жизни Шейха Киши-Хаджи не увязываются с этой датой.

Киши-Хаджи в самые трагические дни для собственного народа взывал к милосердию, оказанию помощи нуждающимся в ней. Он проповедовал добро, уважение друг к другу и справедливость, был окружен любовью ближних, почитался как святой и зародил в душах простых людей искреннее отношение к вере и поклонение Всевышнему. Шейху из Илсхан-Юрта выпало трудное время, и вся жизнь его проходила в преодолении всевозможных испытаний, только сильная и крепкая вера в Аллаха помогла пройти все тяжести земной жизни.

Утверждают, что сам Киши-Хаджи говорил в свое время соратникам, что место его упокоения не будет известно ни одной душе на земле, поэтому зикристы-кунтахаджинцы до сих пор не верят в смерть своего Шейха.

С именем Шейха Киши-Хаджи в Чечне и Ингушетии связано много мест, которые чтут, как память о великом человеке. Это не культ святых мест, это культ уважения к человеку, давшему народу огонь ислама. Это почитание человека, ставшего для многих и многих вайнахских поколений примером как сохранить в себе ислам и нести его людям.

Хеда – мать Шейха Киши-Хаджи, похоронена в селении Эртан. Тысячи людей приходят к ее могиле, чтобы через нее обратиться к ее сыну-шейху прося заступничество и исцеление у Всевышнего. Рядом расположен родник Киши-Хаджи и участок земли, где раньше был дом Киши-Хаджи и место, где в первый раз был совершен зикр.

Последние слова великого проповедника Киши-Хаджи во время ссылки, обращенные к простым мюридам, были: «Следуйте шариату: то, что не из Корана и сунны – не берите».

Подтверждение этих слов мы найдем в достоверных хадисах: «Посланник (а.с.с.) сказал: "Я оставляю после себя Коран и мою сунну. Если вы крепко будете за них держаться, то никогда не заблудитесь!"».

Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев из Илсхан-Юрта на века остался в памяти вайнахского народа, стал нравственно-этическим достоянием не только чеченского, но и ингушского народа.

ОТ АВТОРА

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Шейх, Устаз, Овлия Киши-Хаджи, будучи еще при жизни человеком, которым гордился чеченский народ, стал нравственно-этическим примером для сотен тысяч его последователей среди чеченцев и ингушей. Своим жизненным опытом и тернистым путем веры, к утверждению жизни ради ислама, он духовно обогатил народ, став своеобразным лидером для целых поколений чеченцев и ингушей.

Киши-Хаджи был великим гуманистом и религиозным миссионером. Его образ жизни, глубокая вера в Аллаха, просветительская деятельность привлекли к себе большое число сторонников и последователей. Существующие свидетельства рассказывают о скромности, высокой духовности, простоте Шейха Киши-Хаджи, а также о постоянно и искренне совершаемых благодеяниях.

С именем Шейха из Илсхан-Юрта в Чечню и Ингушетию пришел ислам, который впоследствии оформился в один из тарикатов суфизма, а именно в кадырийский. По воле Аллаха и Его милости, Киши-Хаджи стал причиной добровольного принятия ислама большинством ингушей в 1847 году.

Более 210 лет прошло с того момента, как на свет появился святой Устаз Киши-Хаджи, которого сотни тысяч чеченцев и ингушей, почитают своим Устазом.

Источником описания жизненного пути Шейха Киши-Хаджи стали архивные документы, устные рассказы, которые сохранились в народной памяти до наших дней, исследования как отечественных, так и зарубежных авторов.

Материалы, использованные в данном издании, позволили правдиво воссоздать историю жизни и деятельности Устаза, а читателям предоставили возможность познать благочестивость, духовность и мудрость достойного сына вайнахского народа.

При их подборе приоритетной была задача сохранить достоверность событий, отсеять сомнительную информацию.

Задача настоящего издания заключается в том, чтобы правду о жизненном пути досточтимого Шейха сделать достоянием многих.

С самого начала было понятно, что, к великому сожалению, нет возможности в полной мере осветить все стороны многогранной деятельности Устаза, Шейха Киши-Хаджи и опубликовать одновременно все материалы, хотя в недалеком прошлом практически не было возможным собирать подобную информацию – о духовных (религиозных) лидерах.

Собирать, публиковать материалы данной темы почетно и ответственно. Одновременно осознание того, что многие ждут объективных, честных материалов о достойных сынах наших народов, среди которых одним из

достойнейших является Шейх Киши-Хаджи, придавало уверенности в востребованности подобного труда.

В период работы над книгой я просил Всевышнего наставить меня на правильный путь, облегчить мои поиски, чтобы труд стал достойным и желанным. Мои просьбы были услышаны. Я всегда чувствовал поддержку со стороны Аллаха, в поиске нужных материалов мне постоянно сопутствовала удача, а самое главное – я понимал, что без Его, Аллаха, согласия я бы не написал и одной строчки. Аллах дал возможность создать эту книгу, чтобы была польза тем, кто ее прочитает. Все это воспринимаю как милость и благосклонность Всевышнего ко мне, поэтому молю и прошу Его не мешать в Своей милости в дальнейшем, а наоборот, прошу даровать больше возможностей служить Его делу. Аминь!

Шейх Киши-Хаджи в тяжелые и судьбоносные для народа годы нашел в себе силу, мудрость и смелость ответить на вызов времени и искренне пропагандировать исламские ценности. На протяжении последних двух веков чеченцы и ингуши сохранились как народ благодаря свету ислама и нашим устазам, которые являлись проповедниками богоданных истин.

О величии зикра в хадисах сказано, что Судный день не может произойти до тех пор, пока на земле есть кто-либо, говорящий «Ла иллаху илла-ллаху». Говоря о ценности зикра М. З. Кандехееви пишет, что «зикр – это дерево, дающее плоды познания Аллаха. Чем больше зикра, тем крепче корень этого дерева, а чем крепче корень, тем больше плодов». Таким образом, зикр – основа тариката, его содержание. Верующий мусульманин должен постоянно и самоотреченно вспоминать Аллаха.

Хотелось бы отметить, что имеющийся в данном издании материал дает возможность рассказать о малоизвестных фактах бытия Шейха Киши-Хаджи в первую очередь для многочисленных последователей его учения, великого учения Устаза-Овлиа и настоящего сына вайнахского народа. В книге Пророка (а.с.с.) сказано: «Кто не почитит своего учителя, тот подвергается от Бога трем гибельным несчастьям: первое – язык его не повернется при смерти на свидетельство единства Божия; второе – обещает в течение своей жизни; третье – забудет все, что знал».

Это учение будет передаваться из поколения в поколение, а сам Устаз останется в памяти и сердцах людей чистосердечным, благородным духовным наставником. Нам необходимо все сказанное Шейхом осознать и руководствоваться в жизни.

Поиски прижизненной фотографии Святого Устаза не дали положительного результата. Есть мнение, что его прижизненного фото не осталось. Однако удалось частично собрать фотографии святых мест – зияратов, связанных непосредственно с именем Устаза. В их числе мечети в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Казахстане и т. д.

Благодарен Всемогущему Господу, слава Ему и хвала, за то, что дал возможность завершить данную работу, написанную с искренним покаянием перед Всевышним Аллахом.

Читая эту книгу, читатель задумается о своей духовной жизни, будет следовать нравственно-религиозному учению и тем заповедям, которые оставил Шейх из Илсхан-Юрта. Хотелось бы, чтобы это издание позволило читателю составить цельное представление о личности Шейха Кунта-Хаджи, о духовной жизни Устаза, его взглядах на многое, что прочтение книги на многих окажет влияние, заставит размышлять о знамениях Всевышнего Аллаха, о том, что каждому человеку придется отчитываться за свои поступки, думать о том, что его ждет в вечном мире.

Прошу Аллаха Всевышнего, чтобы за данную книгу Он даровал в День воскресения великую награду и чтобы это новое издание помогло удовлетворить интерес мусульман к подробностям жизнедеятельности Шейха, Устаза и Овлиа Киши-Хаджи Кишиева.

Пусть этот труд станет для нас еще одной возможностью приблизиться к довольству Всевышнего Аллаха, пусть Аллах щедро одарит своей милостью и вознаграждением каждого из нас за богоугодный поступок, совершенный во имя Аллаха!

Несомненно, после выхода данной книги, найдутся материалы, которые не попали в настоящее издание. Пусть это станет поводом для последователей заняться изданием еще одной книги об Устазе Киши-Хаджи!

Прошу Аллаха Всевышнего принять эту работу, которая выполнена лишь с мыслями о Нем!

Прибегаю к Его защите от совершения ошибок и забвения – ведь Он любит прощать, Милосердный и Милостивый!

Пусть Всевышний Аллах даст нам возможность следовать заповедям Шейха Кунта-Хаджи, идти праведным путем и даровать нам от Себя милость: ведь поистине Он дарующий.

Искренне благодарен всем, кто от души оказал всестороннюю помощь начиная от сбора материалов о жизни и деятельности Шейха Кунта-Хаджи Кишиева до выхода в свет книги «Шейх, Устаз, Овлиа Кунта-Хаджи Кишиев»: М.-Г. С. Евлоеву, Хож-Ахмад Кадырову, Ш. М. Дударову, В. А. Катаеву, Х. Н. Байсултанову, А. С. Шахидову, М. А. Анташкиеву, С. А. Мерешкову, А. М. Дударову, П. Р. Петировой, М.-Б. Кациеву и др.

Мюриды Кунта-Хаджи встают, когда произносят имя Своего Устаза, чаще всего имя его не произносят в знак почтения Святости и Уважения, заменяя его такими, как:

Илсхан-юьртара Хъаьжа;
Хаджи из Илсхан-Юрта;
Кишин во! – сын Киши;
Мубарик Хъаьжа;
Мубарик Хаджи;
Беркате Хъаьжа;
Хедин во!;

Сын Хеди;
Эртана-Хъаьжа;
Хаджи из Эртана;
Шейх Кунта;
Кишин Хъаьжа;
Киши-Хаджи;

Устаз из Илсхан-Юрта
(Илсхан-юртара Устаз);
Шейх Киши;
Аламан Устаз;
Дуьненан Устаз;
Овлиийн Говс;
Делан Вели;
Элчанан Верас;
Аламан Iу;
Эхартан Да;
Хатиймун Вели;

Варисун-Наби;
Мовсаран – Ваша (брат);
Муцин – Ваша (брат);
Висхан – Ваша (брат);
Матин – Ваша (брат);
Хьаптин – Ваша (брат);
Эсетан – Дада (отец);
Субаран – Дада (отец);
Махьмин – Дада (отец);
Мовлин – Дада (отец).

«Свят Аллах и хвала Ему, нет Божества, кроме Аллаха, и Аллах Велик и мне милее, чем все то, над чем возшло солнце», – сказал наш Пророк Мухаммад (а.с.с.).

В заключение я прошу Всевышнего Аллаха благословить настоящий труд, донеся его до тех, кому он может принести пользу и благо, а также добавить его на чашу весов моих добрых дел в Судный день.

КАДЫРИЙСКИЙ ТАРИКАТ – ПУТЬ СЛУЖЕНИЯ БОГУ И ОЧИЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЗИКР

В VII веке происходит формирование ордена зикристов кадырийа. Впоследствии образовалось много орденов, которые рассеялись по всему мусульманскому Востоку.

Основателем кадырийского тариката, отличающегося от других суфийских организаций громким исполнением зикра джахрия, в мусульманском мире считается Абд аль-Кадыр Гилани¹ (1077–1166). Также нужно отметить, что в XV–XVI веках орден кадырийа основывается в ряде мусульманских стран, в том числе и Турции, особенно в Стамбуле.

Мухйи ад-дин (Абдул Кадыр аль Гилани) (Аби Салих Джжангидуст) – ханбалитский проповедник и богослов, суфийский шейх. Родился в провинции Гилан (Иран) в семье араба. Основал суфийское братство кадырийа. Один из наиболее почитаемых и даже обожествляемых святых. Он был учеником Абу Саида Мубаррака Мухарами из Багдада, который преподавал в медресе мазхаб Абу Ханбала. Позже наставником этого медресе стал сам Абдул Кадыр Гилани. Скончался он в Багдаде в 1166 году.

Зикризм кадырийского толка суфизма распространился в Чечне и Ингушетии в 50-х годах XIX века из Турции (Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 12). Проповедником нового для горцев суфийского тариката кадырийа явился житель селения Илсхан-Юрт Чечни Шейх Кунта-Хаджи Кишиев. Учение Киши-Хаджи быстро распространяется среди чеченцев и ингушей, вовлекая в свои ряды все больше и больше последователей.

Нужно сказать, что есть версия о том, что Киши-Хаджи после паломничества в Мекку посетил мечеть – могилу Абдул Кадыр Гилани в Багдаде, познакомился с учением кадырийа и стал в Чечне зачинателем учения кадырийа, получившего название зикризм.

Кадырийский тарикат, возрожденный впервые в нашем крае Киши-Хаджи, – путь служения Богу и очищения через зикр – находил широкий отклик в сердцах людей. Первые шаги зикристского движения появились на Северном Кавказе, в Чечне и Ингушетии в начале 50-х годов XIX века.

По учению Киши-Хаджи, с помощью трех основных принципов, которых следует строго придерживаться верующим, давшим обещание соблюдать верность заветам шейха, поддерживается связь мюрида со своим Устазом: не произносить хулу, быть бескорыстным, верить словам своего Устаза и быть довольным любыми его действиями. Мюрид должен выполнять все

¹ В исламской литературе в России широко употребляется другая транскрибированная версия имени – Абдул Кадыр Гилани. В настоящем издании мы будем использовать этот вариант.

обязанности, возложенные на него Аллахом, за все остальное отвечает Устаз, который в день Страшного суда будет стоять рядом с усопшим и оберегать его от всякого страха.

Отличительной чертой кадырийского тариката был громкий зикр, сопровождаемый хлопанием в ладоши, покачиванием туловища, бегом по кругу и подпрыгиванием на месте во время исполнения религиозных гимнов, точнее, назмаш. Данный вид тариката получил название «зикр». «В полном понимании этого термина «зикр» – упоминание Бога, поэтому отождествление кадырийского тариката с зикризмом не совсем верно», – пишет В. Х. Акаев в брошюре «Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение» (Грозный, 1994. С. 24).

Некоторые авторы, в их числе А. Д. Яндаров (Суфизм и идеология. Грозный: Чечено-Ингушское изд-во, 1976. С. 106) отмечает, что путь Киши-Хаджи, равно и других паломников, пролегал через Турцию, где влияние тариката кадырийа было очень велико, по сравнению с другими мусульманскими странами. Более правдоподобная версия заимствования тариката кадырийа Киши-Хаджи – это Священная Мекка, так как она была главным средоточием мусульманских орденов.

Суфизм кадырийского толка в научной и специальной литературе получил название «зикризм» по принципу основного ритуального обряда этого религиозного учения, которое заключается в громком радении – зикре.

Известный на Северном Кавказе кадырийский тарикат, получивший название зикризм, возник в XIX веке, в конце Кавказской войны, являясь социальным движением и формой религиозной мысли. Основатель зикризма Шейх Киши-Хаджи, чеченец из аула Илсхан-Юрт Гудермесского района, появился, когда уставший от непрерывной войны с царизмом народ остро нуждался в мире. Киши-Хаджи проповедовал мир, братство, поддержку сирот и обездоленных. Это соответствовало душевному состоянию народа и общему настроению в обществе. Он проповедовал идеи непротivления злу насилием, отказ от военных действий против значительно превосходившей горцев по своей военной мощи царской армии, а также призыв к смирению. Он понимал, что непримиримое сопротивление царской власти может привести народ к уничтожению. Его идея – прекращение кровопролития и переход к мирной жизни. Зикризм являлся противником продолжения борьбы до победного конца.

В. Х. Акаев (Шейх Кунта-Хаджи... Грозный, 1994. С. 54) приводит слова, сказанные Овлиа Киши-Хаджи во время ареста слугами русского царя Александра Второго: «Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви – идите, ибо они только строения, – а мы в душе мусульмане. Если вас заставляют носить кресты – носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но если ваших женщин будут использовать и насиловать, вас заставлять забыть язык, обычаи и культуру – подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося. Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура,

дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обид и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска хлеба».

Однажды у Киши-Хаджи спросили: «Алимы говорят, нельзя быть святым (овлия), если не знать четыре мазхаба. Верно ли это?» Киши-Хаджи ответил: «Пророк (а.с.с.) познакомил нас с шариатом и определил тарикат. Шариат и тарикат – корни мазхабов. Пророк (а.с.с.) не умел ни читать, ни писать. Ссылаться на мазхабы, считая, что они от Пророка (а.с.с.), неверно. Аллах дает интеллект тому, кому пожелает, а также кладет его в сердце по своему усмотрению. Поэтому чтение книг, посвященных мазхабам, необязательно» (Тарджамат/макалати. Кунта-Шейх. Петровск, 1911. С. 20). Далее он считает, что «для того, кто видит Мухаммада и говорит с ним, нет надобности в книгах, разъясняющих мазхабы».

В. Х. Акаев пишет, что Киши-Хаджи признает, что «муллы шариата» обязаны знать мазхабы, а «Устазы тариката» через знание шариата идут по пути, ведущему к Богу. Первые познают Бога после изучения мазхабов, а вторые – «глазами сердца» и любовью к Пророку (а.с.с.), как разъясняет Устаз (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи... Грозный, 1994. С. 54; Тарджамат/макалати. Кунта-Шейх. Петровск, 1911. С. 23).

Суфийское самосознание называется тарика (путь). Все суфии претендуют на цепь откровений, называемую сил-сила, которая восходит к самому Пророку (а.с.с.) и Его сподвижникам. Любой посвященный, вступивший на путь духовного самосознания, был известен как мюрид, полностью положившийся на волю своего шейха. Подобные взаимоотношения с шейхом составляют наивысшую часть суфизма, и умирающий шейх сам обычно назначает своего преемника, которому передается духовная власть.

Многие верующие задаются вопросом, почему Устаз Киши-Хаджи не назвал имя своего ставленника – продолжателя кадырийского тариката, а также не угадал примерное место, где он мог бы появиться? Действительно, Киши-Хаджи не назвал имя своего ставленника, а только перечислил приметы: в какой форме будут исполнять зикр его мюриды.

Киши-Хаджи или его поверенный вакил брали вступающего в братство за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника-Устаза, помимо пяти нормативных молитв-намазов произносить стократно словесную формулу «Ла иллаха илла-ллаху» (*Нет божества, кроме Аллаха*) и участвовать в ритуале кругового зикра.

Мы знаем, что все великие духовные учителя (Устазы) и святые – овлия были в свое время учениками и последователями своих великих учителей. Они всегда хранили преданность своему Устазу. Это наделяло их силой и благодатью. Они продолжали учение своего Устаза Киши-Хаджи, вовлекали все новых мюридов, считали себя его учениками.

Саид-афенди аль-Чиркави рассказал одну историю, связанную с Киши-Хаджи, которую он слышал от старших. «Однажды в поисках какой-либо легкой материальной добычи два приятеля оказались на территории Чечни. Когда шли по дороге, из кустов вдруг выскочили два разбойника и, направив

на них ружья, потребовали отдать все вещи, которые у тех были при себе, а затем быстро покинуть это место. Чтобы вызвать жалость разбойников, пришедшие в отчаяние путники сказали им: «У нас нет ничего ценного, чтобы отдать вам. Мы являемся мюридами Киши-Хаджи; если можно, пропустите нас к нему». Тогда разбойники потребовали: «Если вы мюриды Киши-Хаджи, тогда покажите нам какое-нибудь чудо, чтобы мы смогли поверить вам». Те застыли в молчании. В действительности они не были мюридами Киши-Хаджи и не знали его. Придумав что делать, в конце концов один из них бросил трость на землю и сказал: «Моя трость ест черный горох». Тогда разбойник достал из кармана горсть черного гороха и сказал: «Вот, возьми, и пусть ест». Что же делать? Он в отчаянии бросил горошину на землю, и она, упав на рукоять трости, скатилась и исчезла. Он принялся бросать на трость по одной горошине, и все горошины пропадали. Таким образом все горошины исчезли. Тут удивленные разбойники пожелали путникам счастливой дороги, а сами отправились в лес. Эти же были удивлены вдвое больше, нежели разбойники. Их переполняло чувство стыда, и они решили без промедления направиться к Киши-Хаджи. Когда они пришли к нему, он сказал: «Дети мои, конечно, можно сказать, что трость ест горох, но почему было не сказать хотя бы, что она ест вареный горох. Из-за вашего твердого гороха мои беззубые десны совсем разболелись». А разбойники, отпустив путников, сказали друг другу: «Давай прекратим эту разбойничью жизнь, покаемся и пойдем к Киши-Хаджи». Приняв такое решение, они направились к нему. (Сокровищница благодатных знаний. 2003. С. 312, 313).

Киши-Хаджи в самые трагические дни для собственного народа взывал к милосердию, оказанию помощи нуждающимся в ней. Он проповедовал добро, уважение друг к другу и справедливость, был окружен любовью ближних, почитаем как святой и зародил в душах простых людей искреннее отношение к вере и поклонение Всевышнему.

Киши-Хаджи в тяжелые и судьбоносные для народа годы нашел в себе силу, мудрость и смелость ответить на вызов времени и искренне пропагандировать исламские ценности.

Слово *ислам* в переводе с арабского языка означает «спокойствие, мир с самим собой», а как религиозный термин означает «преданность Богу», «мир с Богом». Ислам пришел к человечеству со словами «Ассалам алейкум» – «Мир вам».

Посланник Аллаха (Да благословит и приветствует его Аллах!) сказал: «Ислам – это когда ты свидетельствуешь, что нет божества, кроме Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха (а.с.с.), совершаешь намаз, выплачиваешь закят, постишься в Рамадан и совершаешь Хадж к Дому, если можешь добраться до него» (Кулиев Э. Основы веры в свете Корана и Сунны. М., 2006. С. 107).

Главными течениями ислама являются суннизм и шиизм. Российские мусульмане в большинстве своем сунниты. Сунниты – приверженцы Сунны

(традиции) Пророка (а.с.с.) как образца для подражания. Суннизм окончательно оформился в X веке, выражая обычаи, теорию и практику большинства мусульманской общины.

Через пятьдесят лет после смерти Мухаммада (а.с.с.) в мусульманской общине образовалось несколько религиозных группировок, распавшихся в свою очередь на школы и секты. Это соответствовало предсказаниям самого Пророка (а.с.с.), который утверждал, что после его смерти община распадется на 73 направления. Уже через 30 лет после Мухаммада (а.с.с.) мусульманская община раскололась на три неравные части – суннитов, шиитов и хариджитов.

Наиболее многочисленное направление в исламе – сунниты – люди Сунны и согласия. Большая заслуга в «легализации» морально-этического учения суфиев принадлежала суннитским богословам Абу Халиду аль-Газали (1059–1111) и Абдул Кадыру Гилани. Последний стал основателем одного из первых суфийских братств – кадырийя.

Ислам на территории России начал распространяться в начале 40-х годов VII века – спустя всего лишь несколько лет после смерти Пророка Мухаммада (а.с.с.), с именем которого связано становление и развитие ислама. Сегодня ислам является религией более чем тридцати этносов Российской Федерации. После распада Советского Союза мусульманами России построено большое количество мечетей, общая численность которых превысила 5000. В дореволюционной России насчитывалось 12 000 мечетей, к 1937 году количество действовавших мечетей не превышало сотни, а в 1956 году их насчитывалось 94.

Верующие ингуши и чеченцы, служители культа, объясняют обращение в ислам не иначе как волей Аллаха. Многие богословы современности отмечают то, что этим народам была дарована божественная благодать, т. е. им было предназначено самим Аллахом стать мусульманами.

Известный кавказовед Е. Шиллинг писал, что проникновение ислама в среду ингушей и чеченцев начинается с XV века (*Шиллинг Е. Култ у ингушей // Известия Ингушского НИ института краеведения. Орджоникидзе, 1934. Вып. 6. С. 99*).

«Население плоскостной Ингушетии, – пишет исследователь М. Б. Мужухоев, – начинает принимать ислам в XVI веке» (*Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам. Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 148*).

Первые известные нам документальные источники, свидетельствующие о наличии мусульманских верований у вайнахов, относятся к концу XVI века. Так, в 1588 году владелец ингушского селения Ларс в Дарьяльском ущелье Салтан-Мурза, обращаясь к русскому царю с просьбой о принятии в подданство и под защиту, присягает на верность царю на Коране. (*Вехи единства. Грозный, 1982. С. 24–26*).

«В первой половине XIX века у ингушей действовало 25 мечетей, в том числе в каждом крупном населенном пункте действовала главная мечеть.

Но в период Советской власти в Чечено-Ингушской АССР не было ни одной действующей мечети», – отмечает А. И. Шамилев (*Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. 1963. С. 25*).

В Ингушетии последними приняли ислам жители ингушского селения Гвилети, расположенного в верховьях Дарьяльского ущелья (1862)². Согласно данным археологии и ряда письменных источников, в распространении ислама выделяются несколько этапов: VIII–X века – в период арабо-хазарских войн; XI–XII века – через Золотую Орду; конец XIV века – с нашествием войск Тимура; конец XV – первая половина XVI века – через эмиссаров из Дагестана, Турции и Ирана. Еще в XVI веке были попытки создать местную письменность на основе арабской графики. Усиление распространения ислама происходило в конце XVIII – первой половине XIX века. (Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998. С. 106).

В настоящее время, несмотря на наличие различных течений, среди всех мусульман республики существует стойкое представление о принадлежности к общности людей, объединенных верой, традициями, интересами в современном мире.

Вера в Бога – единого и единственного, Творца и Создателя небес и человека, всего того, что его окружает, – присуща человечеству. Всевышний говорит: «Воистину, община ваша – единая община, Я же – Господь ваш. Так поклоняйтесь Мне!» (Коран, 21:92).

Хаджи из Илсхан-Юрта считал, что мужчина ответственен за благо своей семьи и справедливое отношение ко всем ее членам.

Мы должны жить по закону Аллаха, находить большую радость и удовольствие в вере. Мы обязаны познать глубину секретов Корана, где изучающий Священную книгу найдет жемчужину его мудрости, знаний, которые всегда ведут к воспитанности и отдаляют от всех нежелательных и чуждых вещей.

О значимости чистоты и доброты сердца, искренности в религиозных делах постоянно напоминал верующим Киши-Хаджи.

² Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 179.

ЦЕННОСТЬ ЗИКРА

Мы много раз слышали о величии исполнения зикра «Ла иллахля илла-ллаху» в хадисах Пророка Мухаммада (Да благословит его Аллах и приветствует!) «Обновляйте свой иман», «О Расулуллахь, (саллаллаху алахи ва салим). «Как мы должны обновлять свой иман?» – спросили асхабы. «Читайте “Ла иллахля илла-ллаху” часто», – был ответ.

Приведенные выше слова Пророка Мухаммада (Да благословит его Аллах и приветствует!) об имане означают, что иман изнашивается из-за грехов и сила имана уходит.

По поводу исполнения близкого для нашего сердца зикра Пророк Мухаммад (Да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «Однажды Мусса (алайхи салам) попросил Аллаха научить его какому-нибудь виду зикра для его упоминания. Ему было сказано читать «Ла иллахля илла-ллаху». Он сказал: «О мой Господь! Его читают все твои творения». Опять пришел ответ: «Читай “Ла иллахля илла-ллаху”». Он попросил: «О мой Господь! Я хочу что-нибудь особое только для себя». Тогда Всевышний Аллах сказал: «Если семь небес и семь земель положить на одну чашу весов, а калама “Ла иллахля илла-ллаху” – на другую, то последнее перевесит». Калама «Ла иллахля илла-ллаху» называют очистителем сердца. По этой причине многие овлия назначают своим мюридам читать ее много, не сотнями, а тысячами раз (Яковлев Л. Суфии: Собрание притч и афоризмов. М.: ЭКСМО–Пресс, 2002. С. 18; Заурбеков М. Д. Шейх А. Митаев. М., 2005. С. 79).

Необходимость зикра обоснована Кораном: «О те, которые уверовали! Вспоминайте Аллаха частым упоминанием и прославляйте его утром и вечером!» Цель зикра – погружение в созерцание Аллаха в состоянии транса. Зикр – многократное повторение определенных слов и фраз, включающих имена Бога, подкрепленное определенными круговыми движениями. Зикр способствовал распространению ношения четок, состоящих из 99 бусинок, согласно числу имен Аллаха. К XV веку они получили повсеместное распространение.

Исполнение современного зикра вслух или мысленно возводит верующего к сподвижникам Пророка (а.с.с.) – первым халифам Абу-Бакру и Али, которые являются основателями суфийского тариката и совершали зикр вслух и тайно по указанию самого Мухаммада (а.с.с.) (Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 10).

Зикр, совершаемый мысленно, сердцем – это когда каждый миг ты связан с Аллахом, поэтому он важнее и превыше всего. И нет ничего лучшего для спасения от наказания Аллаха, чем зикр. Зикр бывает двух видов. Один совершается словами, другой – сердцем. Тот, кто хочет достичь

любви Аллаха, тому надо делать зикр многократно. Зикр – это дверь любви к Нему.

Когда люди собираются для зикра во имя Аллаха и их цель – только чтобы Аллах был доволен, тогда ангел объявляет с небес: «О люди! Вы прощены, и ваши грехи заменены добрыми делами».

Маулана Абдуль Хай по поводу громкого зикра написал труд «Сабахатухъ Фикр», где упомянуты примерно 50 таких хадисов, которыми сопровождается громкий зикр (*Шейхуль Маулана Мухаммад Закария Кандехлеви. Ценности зикра. 2000. С. 37*). Это учение зикра утверждает, что земная жизнь дается человеку как испытание для определения его в потустороннем вечном мире.

Пророк Мухаммад (а.с.с.) говорил, что Аллах назначил специальных ангелов, чтобы они летали над всей землей и искали людей, вспоминающих Всемогущего Аллаха, произнося Его имя. Когда же они обнаруживают целые собрания таких людей, то бывают настолько изумлены и обрадованы, что зовут посмотреть на это зрелище все новых и новых ангелов, и, смыкая свои крылья, они выстраиваются над молящимся в столб, достигающий небес.

Когда собрание заканчивает зикр, все эти ангелы возвращаются на небо. Аллах спрашивает у них, где были (хотя Он и так знает о происшедшем, Ему приятно лишний раз об этом услышать). Ангелы рассказывают Ему, что они вернулись с собрания людей, вспоминавших, славивших и чтивших Его.

Аллах спрашивает ангелов:

- Видели ли они Меня?
- Нет, Господи, не видели, – отвечают ангелы.
- А что бы подумали эти люди, если бы Меня узрели? – спрашивает Всемогущий Аллах. И ангелы отвечают, что в таком случае они бы еще глубже погрузились в молитву.
- Чего они просят у Меня? – спрашивает Всемогущий Аллах.
- Они хотят к Тебе в рай, – говорят ангелы.
- Они видели Мой рай?
- Нет, не видели.
- Так что же было бы, если бы они его узрели?
- Они стремились бы туда еще больше.
- А от чего эти люди ищут защиты? – спрашивает Всемогущий Аллах. И ангелы сообщают ему, что эти люди ищут защиты от ада.
- Они видели Мой ад? – интересуется Аллах.
- Нет, Господи, не видели.
- А что, если бы видели? – спрашивает Всемогущий Аллах у ангелов. И они отвечают ему, что в таком случае они бы еще отчаянней искали защиты от него.

Тогда Аллах говорит собравшимся ангелам, что Он прощает всех, кто участвовал в памятовании о Нем. (Шейх *Чишти Х. М.* Суфийские целительства. М.; СПб., 2002. С. 167).

Зикр выполняет следующие функции: отводит и преодолевает злые силы, доставляет радость Всемогущему Аллаху, привлекает средства к существованию, добавляет человеку внушительности и престижа, избавляет от личных недостатков, очищает речь от сплетен и злословия, исцеляет все болезни сердца, освобождает сердце от всякого страха и предотвращает лицемерие.

Хазрат Абу Дарда говорит: «Делайте зикр Аллаха во время своего благополучия и счастья, и это пригодится вам во времена трудностей и несчастий». Хазрет Сальман Фарси говорит: «Когда человек делает зикр Аллаха во время богатства и спокойствия, тогда если настигнет какое-нибудь несчастье или трудность, то ангелы говорят, что это знакомый голос, который принадлежит беспомощному рабу. И затем они просят за него у Аллаха. А кто во времена удовольствия не вспоминает Аллаха, то, когда его настигает какое-либо несчастье, ангелы говорят: «Что за незнакомый голос?» Ибн Аббас говорит, что в джаннате восемь ворот, и одни из них только для делающих зикр Аллаха.

Собрание для совершения зикра принимает различные формы и называется просто «зикр». Каждый суфийский орден может иметь собственные формы зикра и порядок его совершения, но эти различия очень малы и незначительны. Зикристы Чечни и Ингушетии не имеют специальных культовых сооружений. Они собираются поочередно в доме одного из членов своего братства. Посреди комнаты, становясь друг за другом, кунтахаджинцы создают сплошной круг. Тамада, туркх или мюрид звонким голосом начинает протяжно и в медленном темпе произносить «Ла иллах!ла илла-ллах!у». Остальные повторяют то же самое. Медленным шагом начинается плавное движение по кругу. Мерные звуки зикра, сопровождаемые хлопаньем в ладоши, постепенно учащаются.

Известный ученый-хадисовед аль-Хафиз ибн Къайим написал подробный труд на арабском языке под названием «Альвабилюль Сайиб» о ценностях зикра. Он отметил, что в зикре есть больше ста видов пользы, и перечислил из них более семидесяти. Вот некоторые:

1. Зикр отбивает шайтана и ослабляет его силу.
2. Является причиной довольства Аллаха.
3. Удаляет из сердца переживания и грусть.
4. Порождает удовлетворение и радость в сердце.
5. Дает силу телу и сердцу.
6. Освящает лицо и сердце.
7. Притягивает пропитание.
8. Одевает делающего зикр в одежды достоинства, внушающего страх и любовь. (То есть от его вида охватывает страх и смотрящие любуются им.)

-
9. Порождает любовь к Аллаху, а любовь есть дух ислама и сердцевина религии, источник счастья и спасения. Тот, кто хочет достичь любви Аллаха, тому надо делать зикр много. Так же, как учение и повторение являются дверью к знаниям, так и зикр Аллаха – это дверь любви к Нему.
10. От зикра удастся муракаба, которая доводит до степени ихсана. Это и есть та степень, на которой удастся поклоняться Аллаху так, как будто видишь Его.
11. Порождает обращение к Аллаху, из-за чего постепенно достигается то, что Аллах становится убежищем, защитником во всем. И в каждой беде обращается внимание к Нему.
12. Порождает близость к Аллаху. И насколько зикра становится больше, настолько увеличивается приближенность. И насколько происходит пренебрежение зикром, настолько происходит отдаление от Аллаха.
13. Открывает дверь к познанию Аллаха.
14. Порождает в сердце трепет перед Аллахом и Его величием и создает осознание присутствия Аллаха.
15. Средство для твоего упоминания при дворе Аллаха. Так, как сказано в Священной Книге: «Вспоминайте Меня, и Я вспомню вас. Кто вспоминает Меня про себя, Я вспоминаю того про себя».
16. Он оживляет сердце. Зикр для сердца, как вода для рыбы (представьте себе, что будет с рыбой без воды).
17. Это питание для сердца и души.
18. Он очищает сердце от ржавчины. Грязь и ржавчина на сердце – это страсти и пренебрежение. Зикр служит для очищения от этого.
19. Удаляет грехи и ошибки.
20. Удаляет от раба беспокойство, которое идет от Аллаха.
21. Зикры, которые человек делает, упоминают человека по четырём сторонам Трона Аллаха.
22. Тот, кто делает зикр Аллаха в легкости, того Аллах вспоминает во время беды.
23. Это средство спасения от наказания Аллаха.
24. Он является причиной ниспослания сакины и милости Аллаха. Ангелы окружают делающих зикр.
25. Благодаря зикру язык уберегается от злословия за спиной человека (глайбат), сплетен, лжи, ругани, пустословия. Человек, чей язык привык к зикру Аллаха, обычно уберегается от этих ошибок.
26. Собрании зикра – это собрания ангелов, а собрания пустословия и небрежия к зикру – собрания шайтанов. Каждый выбирает то, что ему по душе.
27. Из-за зикра счастлив делающий зикр и тот, кто с ним сидит. А занятый пустословием и небрежением несчастен сам и тот, кто с ним сидит.

28. Зикр уберегает от сожалений в Судный день. Всякое собрание, в котором нет зикра Аллаха, будет поводом для сожаления и потери в день Къематди (Судный день).
29. Если вместе с зикром удастся плакать в уединении, то в зной и жару Судного дня, когда каждый не будет находить себе места на площади воскресения, он будет в тени трона Аллаха.
30. Те, кто занят зикром, получают больше, чем все те, кто просят дуа. В одном хадисе Аллаха говорится, что, кому Его зикр дал возможности делать дуа, Аллах даст больше, чем делающим дуа.
31. Несмотря на то, что это самый легкий вид поклонения, зикр – превосходное всего.
32. Зикр Аллаха – это наслаждение джанната.
33. Сколько даров и благ обещано за зикр, столько нет ни за какое другое деяние. Также в одном хадисе сказано: «Тому, кто прочитает 100 раз в какой-либо день "Ла-иллахъа иллалл-Ллаху, вахда-ху, ла шарика ла-х! Ла-ху-ль-мульку ва ла-ху-ль-хамд, юхъи ва юмит, биядихи-ль-хайр, ва хува аля кули шайин къодийр!» (Смысловой перевод: Нет божества, кроме одного лишь Аллаха. У которого нет сотоварища! Ему принадлежит владычество, и Ему хвала! Он дает жизнь, и Он же ее забирает! Добро в Его руках! Он все может!» Никто не достоин поклонения, кроме Аллаха Единого, у которого нет сотоварищей; вся власть этого мира и ахирата принадлежит ему, и Он над каждой вещью мощен – для него дается награда за освобождение 10 рабов, записывается 100 хороших дел и прощается 100 проступков. До вечера он защищен от шайтана. И никто другой не будет лучше его, кроме того, кто прочитает больше его. Зикр есть самое лучшее деяние».
34. Благодаря постоянству в зикре человеку удастся уберечься от того, чтобы забывать себя, что является причиной несчастья в обоих мирах. Потому что забывать вспоминание Аллаха есть причина забывания себя и всех своих интересов. Также Аллах сказал: «Не будьте как те, которые забыли Аллаха, и Аллах заставил их забыть самих себя. Они – распутники». То есть их разум стал больным, так что они перестали понимать свою настоящую пользу. А когда человек забывает себя, он становится беспечным к своим интересам, и это становится причиной гибели – как чей-либо сад или поле, оставленные без присмотра, обязательно пропадут. Уберечься от этого можно лишь тогда, когда человек держит язык влажным от зикра Аллаха и зикр станет для него дорогим, как вода во время жажды, во время голода еда и во время суровой жары или холода дом и одежда.
35. Зикр возвышает человека, делается ли он в постели или на базаре, здоровым или больным или совмещен с благами и наслаждениями. Нет ничего другого подобного, что становится причиной возвы-

шения все время. Так что, чье сердце освещается нуром зикра, тот, даже когда спит, более бодрствующий, чем пренебрегающий зикром, когда бодрствует.

36. Нур зикра остается с человеком в этом мире и в могиле. А в ахирате он будет идти впереди на мосту Сират.
37. Зикр – это главный принцип суфизма и задействован во всех школах суфизма. Для человека, которому открылась дверь к зикру, открылась и дверь к достижению Аллаха. А тот, кто достиг Аллаха, что хочет, то и получает, так как у Аллаха нет недостатка в чем-либо.
38. В сердце человека есть один уголок, который не может заполнить ничем, кроме зикра Аллаха. А когда зикр захватывает сердце, то он не только заполняет этот уголок, но и совершающего зикр без богатства делает богатым и уважаемым. А тот, кто отворачивается от зикра, тот, несмотря на богатства, происхождение и власть, становится униженным.
39. Зикр объединяет разобщенное и разбрасывает собранное, приближает далекое и отдаляет близкое. Это означает, что, разогнав различные переживания и тревоги, которые бывают в сердце, он делает человека собранным.
40. Зикр будит человека ото сна и выводит из небрежности. А пока сердце спит, то упускается всевозможная польза.
41. Зикр – это дерево, дающее плоды познания Аллаха. И чем больше зикра, тем крепче корень этого дерева, а чем крепче корень, тем больше плодов.
42. Зикр приближает к Святой Сущности Аллаха, которого вспоминают настолько, что происходит единение с ним. Также сказано в Коране: «Истинно Аллах с богобоязненными». И приводится в хадисе: «Я со своим рабом, который вспоминает Меня». В другом хадисе сказано: «Вспоминающие Меня – это мои люди. Я не отдаляю их от Своей милости. Если они раскаиваются в своих грехах, то Я для них друг, а если они не раскаиваются, то Я для них враг. Я ввожу их в страдания для того, чтобы очистить их от грехов. Далее, благодаря зикру достигается единение с Аллахом. Это такое единение, с которым не сравнится никакое другое. Его невозможно высказать словами или написать пером. Его сладость может ощутить только тот, кому оно дается. О Аллах, благослови нас этим».
43. Зикр равен освобождению рабов, раздаче богатства, джихаду на пути Аллаха.
44. Зикр – это корень благодарности. Кто не делает зикр, тот также и не благодарит. В одном хадисе сказано, что Мусса (алайхи салам) спросил у Аллаха: «Ты дал мне бесчисленные блага, укажи мне способ, которым бы я Тебя много благодарил». Аллах ответил: «Насколько ты будешь делать зикр, настолько будешь благодарен». В другом хадисе Аллах ответил: «Пусть твой язык всегда будет влажен от зикра».

-
45. Перед Аллахом самые уважаемые среди праведных те, кто постоянно занят зикром, так как богобоязненность приводит в джаннат, а зикр – к единению с Аллахом.
 46. В сердце есть особая твердость, которая не смягчается ничем, кроме зикра.
 47. Зикр – исцеление от всех болезней сердца.
 48. Зикр – корень дружбы с Аллахом, а пренебрежение к зикру – это корень вражды с Аллахом.
 49. Ничто не сравнится с зикром Аллаха в привлечении благ Аллаха и отстранении наказаний Аллаха.
 50. Делающему зикр ниспослется милость от Аллаха.
 51. Тот, кто хочет в этом мире жить в саду рая, пусть сидит в собраниях зикра.
 52. Собрания зикра – это собрания ангелов.
 53. Аллах гордится перед ангелами за делающих зикр.
 54. Делающий зикр навсегда войдет в джаннат улыбаясь.
 55. Все деяния установлены для зикра Аллаха.
 56. Из всех деяний лучшее то, в котором делается больше зикра. Из уразы самая лучшая та, в которой больше зикра. Из хаджа самый лучший тот, в котором больше зикра.
 57. Зикр замещает нафль-намазы и другие нафль-поклонения. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «После каждого намаза читать Субхана-ллахи, Аль-хамду ли-ллахи, Аллаху Акбар», а зикр называл возмещением хаджа, умры, джихада и другого.
 58. Зикр – большой помощник в других видах поклонения, потому что от частого зикра каждый вид поклонения становится любимым.
 59. Благодаря зикру любая трудность становится легкой, любая сложность становится простой, бремя любого вида становится легким, и всякое страдание исчезает.
 60. Благодаря зикру из сердца уходит страх. Зикр Аллаха играет особую роль в создании спокойствия вместо тревоги и устранения из сердца страха. В этом его особое воздействие. Насколько зикр будет больше, настолько и получится спокойствия и исчезнет страх.
 61. Благодаря зикру появляется особая сила, способствующая совершать такие дела, которые казались непосильными.
 62. Все те, кто усердствует для ахирата, находятся в состязании, и в этой гонке делающие зикр впереди всех. В Судный день (Къематди), когда люди будут получать награды за деяния, многие в это время будут сожалеть, почему же не делали зикр, когда это было самое легкое из всех деяний.
 63. Аллах подтверждает праведность делающих зикр и называет их праведниками. А кого Аллах назвал праведником, воскрешение того не может быть вместе с лжецами. Когда раб произносит: «Ла

иллах! илла-ллах!у, Аллаху Акбар», то Аллах говорит: «Мой раб сказал истину, никто не достоин поклонения, кроме Меня, и Я есть самый Великий».

64. Из-за зикра в джаннате строятся дома. Когда человек прекращает зикр, ангелы прекращают строить. Когда у них спрашивают: «Почему вы прекратили строить?», – они отвечают, что до сих пор не поступили материалы. В одном хадисе сказано, что тот, кто скажет 7 раз «Субхана-Ллах!и ва би-хамди-хи! Субхана-Ллах!и-ль-Азым!», для того в джаннате выстроится замок.
65. Зикр – это преграда от джаханнама. Если из-за какого-либо плохого дела будет заслужен джаханнам, то зикр станет посередине преградой. И чем больше было зикра, тем крепче преграда.
66. За делающих зикр ангелы просят прощение. Когда раб произносит «Субхана-ллах!и бихамд!и альхамду лиллах!и рабб!и аламин», то ангелы просят дуа, чтобы Аллах простил его.
67. Гора или равнина, на которых делается зикр Аллаха, гордятся этим. Сказано в хадисе, что одна гора, обращаясь к другой, спрашивает: «Проходил ли сегодня по тебе зикр». И если отвечает, что проходил, то она радуется.
68. Частый зикр обеспечивает свободу от нифака (лицемерия), потому что Аллах говорит о качествах лицемеров: «Не вспоминают Аллаха, кроме как немного».
69. По сравнению со всеми праведными делами, зикр имеет особый вкус, который не создается никаким другим деянием. Если бы не было никакой другой ценности зикра, кроме этого вкуса, то это было бы достаточно для его ценности.
70. У делающих зикр на лице будет в этом мире блеск, а в ахирате – нур (свет).
71. У того, кто делает зикр на улице или дома, в путешествии или не в путешествии, в Судный день будет много свидетелей.
72. Пока язык занят зикром, он будет уберегаться от лжи, пустословия и сплетен.
73. Шайтаны – явные враги человека. И всяческим образом они сбивают его и всегда окружают со всех сторон.
74. Лучшие нравственные добродетели и похвальные качества произрастают из зикра.
75. Зикр является самым важным из всех принципов суфийского Пути (учения и практики), потому что длительность и многократность исполнения зикра является причиной овладения любовью поминаемого в зикре Аллаха.
76. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Самое полезное дело, которое совершил сын Адамов, и которое спасет его от Божьего наказания – это зикр Аллаха».

77. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Пусть люди поминают Аллаха, пока находятся в этом мире, т.е. имеют еще возможность совершить зикр».
78. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Поминайте Аллаха, совершайте зикр многократно, пока люди не скажут: «Они – сумасшедшие».
79. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Тот, кто больше совершал зикр, поминая Всевышнего, получит больше награды от Аллаха».
80. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Человек за каждый час, который миновал у него в этой жизни, в течение которого он не помянул Аллаха добром, будет горько раскаиваться и сожалеть в Судный день».
81. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Всевышний Аллах говорит, что в Судный день выяснятся люди щедрости. Они – это люди собраний, где исполняется зикр».
82. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Если люди соберутся и станут исполнять зикр, поминая и славословя Всевышнего и Всемогущего Аллаха, то обязательно услышат голос свыше: «Вы прощены! Ваши прегрешения заменены на благие деяния».
83. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Награда за собрания для зикра – рай».
84. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Всех опередили особые. Это страстно увлеченные зикром (восхвалением) Аллаха, Господь снимет с них тяжесть их грехов и они в Судный день придут к Нему радостными и веселыми».
85. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Нет более лучшей милостыни от Него, чем зикр в Его славу, на исполнение которого Он вдохновляет своего раба».
86. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Зикр – самый лучший дар от Всевышнего Аллаха, самое лучшее поклонение Господу Богу».
87. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Лучшие представители разных народов, которые собираются для зикра Аллаху, выбирают самые лучшие выражения для славословия Аллаха».
88. Что может быть лучше, достойнее и богоугоднее, чем зикр Аллаху – как Велик и преславен Он! (Аль-Газали. «Возрождение наук о вере».)
89. Бухари в своем сборнике «Сахих» привел хадис Пророка Мухаммада (а.с.с.): «Человеку, который совершает искренне зикр, и чьи глаза наполняются слезами, то Господь Бог представит свою тень в Судный день, когда не будет никакой тени, кроме тени, даруемой Аллахом».
90. Верующие – это только те, сердца которых испытывают строго при зикре Аллаху. (Сура 8 «Добыча», аят 21.)
91. А тому, кто не будет совершать зикр, Мне, воистину, предстоит обеспечить жизнь в тяготах, и Мы воскресим его в Судный день слепым. (Сура 20, аят 124.)

-
92. О вы, которые уверовали! Совершайте зикр Аллаху многократно и славьте Его утром и вечером (Сура 33, аят 41, 42).
93. Если кто-либо голодный, но с довольным сердцем будет совершать зикр, это доказывает, что человек ближе к Аллаху.
94. Самый большой алим – совершающий много зикр Аллаху.
95. Кто семьдесят тысяч раз скажет «Ла иллахъа илла-ллаху», выкупит из ада приготовленный для себя огонь. И этот огонь не тронет его (Зиниетюль Гулуб. С. 107).
96. От частого зикра любовь к Аллаху усиливается, поэтому все, что захочет Он, сделаешь с радостью.
97. Делайте зикр Аллаха много: ночью и днем, в лесу и на море, в пути и дома, в богатстве и бедности, больным и здоровым, тихо и громко в любом состоянии.
98. Не ленитесь побольше поминать Аллаха. Только зикр языка проложит дорогу в сердце (Саид афанди).
99. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Кто слаб для того, чтобы усердствовать ночью, и жаден, чтобы тратить богатство (на садака), и боится врагов, чтобы участвовать в джихаде, тому нужно делать много зикра Аллаха».
100. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал, что зикр Аллаха – это признак имана, освобождения от лицемерия, защита от сатаны, спасение от огня».
101. Хафиз ибн Хаджар (р.а) рассказывает от Джабира (р.а), что Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Ангел Джабраиль делал мне ударение на зикре Аллаха настолько, что я подумал, что без зикра ничто не принесет пользу».
102. По словам Абдуллаха ибн Аббаса: «Еще со времен Пророка Мухаммада (а.с.с.) было принятым совершать зикр Аллаху вслух после фарз намаза. Он (ибн Аббас) также упоминает, что услышав звук зикра Аллаху, понимают, таким образом, что намаз окончен и люди выходят из мечети». (Сахих Бухари Теджриди Сарих. Т. 2, Хадис 465).
103. Совершайте же зикр Мне, Я же совершу зикр вам; будьте благодарны Мне и не будьте отрицающими Меня! (Сура 2 «Корова», аят 152).
104. Совершать зикр Аллаху более велико, и Аллах знает то, что вы творите! (Сура 29 «Паук», аят 45).
105. Совершайте же зикр Аллаху много, чтобы достичь того, чего желаете. (Сура «Джума», аят 10).
106. И совершай зикр с именем Господа твоего и устремись к нему всем устремлением (Сура 73, аят 8).
107. Ничего не может воспрепятствовать словам “Ла иллахъа илла-ллаху” к Аллаху. Остальные поклонения раз в неделю, в месяц, в год возносятся к Аллаху. Зикр “Ла иллахъа илла-ллаху”, как произнесешь, сразу возносится».

108. Тот, кто больше совершает зикр Аллаху, тот будет спасен (Хадис).
109. Если кто-либо постоянно будет совершать зикр Аллаху, то это деяние намного ближе, чем если бы имея деньги, раздать их нуждающимся.
110. Те, кто попал и в рай, не будут жалеть о мирской жизни, кроме того, что все-таки недостаточно совершали зикр Аллаху.
111. Те, кто совершая зикр Аллаху, будут настолько искренны, что на глазах их выступят слезы, и если хоть одна слеза упадет на землю, то те будут спасены от ада (Хадис).
112. Те, кто совершает зикр Аллаху в уединенном месте, похож на воина, выступившего в одиночку против вражеского войска (Хадис).
113. Зикр – как награда Аллаха. Поэтому всегда благодарите Его (Хадис).
114. В Хадисе – Кудси сказано: «Аллах сказал: "Эй, сын Адама! Совершая зикр, ты благодаришь Меня. Забывая Меня, ты наносишь оскорбление"».
115. В Судный день ближе к Аллаху будет тот, кто больше всех совершал зикр Аллаху (Хадис).
116. Во время ночного намаза громко совершай зикр Аллаху! Таким образом, сатана будет напуган, ты разбудишь соседей для намаза. И Аллах будет доволен тобой (Хадис 795).
117. Дом, где совершают зикр Аллаху, и дом, где не совершают зикр Аллаху, похожи на живого и мертвого человека соответственно (Хадис).
- В этом хадисе нам Пророк (а.с.с.) советует зикр вслух. Скрытый зикр по сравнению с зикром, совершенным вслух, считается мертвым. Зикр, совершенный в себе и зикр вслух, какой из них похож на живой, а какой – на мертвый. Эй, совершающие зикр Аллаху! Почему не слышно вашего голоса? Голос мертвого не слышен, а голос живого слышен. Это доказательство зикра, совершенного вслух (*Шейх Хаджи Мухаммеду хильми Кутлубаю*. В свете аятов и хадисов. 1991. С. 80, 81).
118. Некоторые люди – овлия – ключ к зикру. Они как напоминание. Когда видим их, вспоминаем о зикре. Сам (овлия) совершает постоянно зикр днем и ночью, а также напоминает людям.
119. Пророк Мухаммад (а.с.с.), выходя в центр Мекки, громко произносил эти слова: «Субхана-л-лахи валь-хамду ли-ль-лахи! Ва ла илаха-илла-л-лаху, ва-ллаху акбар! ва ла хауля ва ла куввата илла би-ль-Лахи-ль амити-ль-азым! Ла илаха иллал-Лаху вах-да-ху, ла шарика ла-х! Ла-ху-ль-мульку ва ла-ху-ль-хамд, юхьи ва юмит, биядихи-ль-хайр, ва хува аля кулли шайин кьодийр!» («Нет божества, кроме одного лишь Аллаха. У которого нет сотоварища! Ему

принадлежит Владычество, и Ему хвала! Он дает жизнь, и Он же ее забирает! Добро в Его руках! Он все может!»).

120. Чьи последние слова будут «Ла иллаха-илла-ллах», тот попадет в рай (Хадис).
121. В каждом доме, где совершается зикр, присутствуют ангелы. И говорят: «Совершайте много зикр Аллаху, и вам будет милость». Когда будут подниматься на небеса, то на крыльях отнесут зикр (Хадис).
122. Пророк Мухаммад (а.с.с.) говорил: «Когда вы попадете в райские сады, то вкушайте райские фрукты и нюхайте райские цветы.
– А те райские сады для кого? – спросили его.
– Для тех, кто совершает зикр Аллаху (Хадис).
123. Человек на том свете будет жалеть о каждом часе, проведенном без зикра (Хадис).
124. Кто 100 раз в день скажет: «Субхана – Лахи ва би-хамди-хи!», то его грехи и ошибки, даже если их так много, как пены в море, Аллах все же простит.
125. В Судный день самым ценным поклонением для Аллаха является совершение зикра (Хадис).
126. Пророка Мухаммада (а.с.с.) спросили:
– О Посланник Аллаха! Кто такие овлиях (Великие наставники)?
– Это те, кто постоянно совершают зикр Аллаха (Хадис).
127. В Судный день, если грехи будут перевешивать добрые дела, то один раз сказанные на земле слова «Ла иллаха-илла-ллах» перевесят грехи. И из 99 тетрадей будут удалены грехи (Хадис).
128. Совершать зикр Аллаху – знак любви к Нему. А если не нравится совершать зикр Аллаху, значит, не любит Его (Хадис).
129. Пророк Мухаммад (а.с.с.) со своими сторонниками после намаза вслух читали тасбих и совершали зикр. Совершать зикр Аллаху громко можно и даже нужно (Бестан Невадыр).
130. Пять польз от громкого зикра:
 - а) Верующий показывает, какой религии он принадлежит.
 - б) Зикр Аллаху осветит своим светом и очистит дома и все вокруг. Сердца людей очистятся от дурного.
 - в) Присоединение к группе людей, совершающей зикр Аллаху, и участие в зикре Аллаху вместе с ними считается для верующего добрым делом.
 - г) На том свете зикр Аллаху принесет верующему огромную пользу.
 - д) Зикр спасет от плохих мыслей. Зикр помогает человеку справиться с мыслями.
131. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Зикр Аллаха в семьсот тысяч раз лучше, чем тратить на пути Аллаха».
132. Зикр Аллаха освежает сердце и смягчает его (Хаким Тирмизи).

133. Собрания, занятые зикром Аллаха, окружаются со всех сторон ангелами, милость и сакина (спокойствие и почтение) спускается на них, и Аллах говорит о них с гордостью своим ангелам (Абу Хурайра и Абу Саид).

134. Пророк Мухаммад (а.с.с.) сказал: «Никакой поступок человека не может превзойти зикр Аллаха в спасении его от наказания в могиле».

По способу совершения зикр делится на громкий (джахрия) и тихий. В Чечне и Ингушетии тихого зикра придерживаются последователи накшбандийского тариката. С середины XIX века распространяется учение другого суфийского ордена – кадырийского тариката, который практикует громкий зикр.

Вирды накшбандийского тариката: Ташу-Хаджи, Ахматук-Хаджи, Доку-Шейх, Дени-Шейх, Юсуп-Хаджи, Багаудин Арсанов, Кмалат Шейх, Элла-мулла, Сугаип-мулла, Узин-Хаджи, Солса-Хаджи, Сулейман-Хаджи, Албаст-Хаджи, Магомед Амин, Янгильба-Хаджи, Канна-Шейх, Ибрагим-Хаджи, Косум-Хаджи и Шамсудин-Хаджи. Указанный список был представлен В. Ю. Гадаевым в статье «Мюридизм в Чечено-Ингушетии» (С. 13).

Вирды кадырийского тариката: Кунта-Хаджи, Батал-Хаджи, Баматгирей-Хаджи, Али Митаев, Юсуп-Хаджи, Хусейн-Хаджи, Мани-Шейх, Магомед-Али-Хаджи.

Каждый из этих тарикатов имеет свои вирдовые ответвления (дочерние образования), число которых превышает тридцать. Последователей кадырийа значительно больше, чем накшбандийа. Слово *накшбанди* арабское и означает «тайный», *кадырийа* означает «открытый». Все свои обряды и моления мюриды сект толка накшбанди совершают тайно, изолированно от других членов сект.

Накшбандийа – суфийский орден, сложившийся среди ханафитов Средней Азии. Его основателем был Бахаадин Накшбанди Бухараи (1314–1389). Среди последователей были великие поэты Джалил и Алишер Навои.

В накшбандийском тарикате при совершении зикра не должна двигаться ни одна часть тела человека. Категорически запрещаются все движения, кроме движения пальцев, которые перебирают бусинки на четках. В других тарикатах мюриду лучше поступать так, как ему указывает его духовный наставник (Устаз).

Современные братства зикристов различаются между собой лишь способом радения: мюриды кунтахаджинского братства совершают зикр темпераментными круговыми движениями; мюриды Баматгирей-Хаджи из Автуров исполняют зикр, исступленно подпрыгивая на месте; последователи Чим-Мирзы из Майртупа совершают зикр круговыми движениями, ударяя при этом в барабан. Зикристы-баталхаджинцы при ритуальном

радении образуют круг и, раскачиваясь на месте, хором исполняют религиозные гимны.

В переводе с арабского *зикр* означает «воспоминание, упоминание, память» – основу обряда составляет повторение имени Аллаха в разных количествах и сочетаниях, в разной последовательности, в движении или в неподвижности, как предписано членам того или иного суфийского братства. Сколько бы ни рассказывали о зикре, словами невозможно передать то состояние, которого достигают те, кто выполняет этот обряд.

Цель зикра – вызвать забвение, уводящее молящегося от «грешного» мира в мир чистых чувств, любви к Аллаху. Ритуальный обряд «громкий зикр» способствовал подъему упавшего духа молящихся.

Совместный громкий зикр кунтахаджинцев служил мощным морально-психологическим стимулом, и к тому же оживляющим. В начале 80-х годов XIX века оформляются дочерние образования кунтахаджинцев – вирдовые братства. Многие отмечают, что причины их возникновения – отсутствие единого религиозного руководства, запрет власти, наложенный на их деятельность. Близкие сподвижники Киши-Хаджи отошли от первоначальных его идей, образовали вирдовые братства. Раскол кунтахаджинцев, образование вирдовых братств Баматгирей-Хаджи, Батал-Хаджи, Чим-Мирзы произошел не столько на почве религиозных трений внутри кадырийского тариката, сколько на почве стремления самосохранения от царских репрессий.

Все вирдовые братства в свое время были приближенные Кунта-Хаджи, а в некоторых документах считаются его векилами. Как отмечает В. Х. Акаев (Шейх Кунта-Хаджи... Грозный, 1994. С. 91), «эти зикристские братства превращаются в замкнутые группы, скрыто от власти проповедовавшие зикристское учение и выполнявшие свои религиозные обряды, вместе с тем они имеют свои отличительные особенности вследствие введения в их обрядовую практику некоторых новшеств».

Таким образом, четыре шейха: Баматгирей-Хаджи (с. Автуры), Батал-Хаджи (с. Сурхахи), Чим-Мирза (с. Майртуп) и Ягулбий-Хаджи (с. Гельдиген) – отделились от секты Кунта-Хаджи и основали свои секты, внося от себя в обряды еще кое-что новое.

Вирд – формула вспоминания Аллаха. В суфизме – молитва мюридов, в которой наряду с именем Аллаха упоминаются известные суфийские шейхи, а также зачинатели нового тариката или же его ответвления. В Ингушетии и Чечне под вирдом понимают последователей того или иного суфийского братства.

Мы должны знать, что все вирды – это равнозначные пути, ведущие к Аллаху, к нашему единому Богу, к единому Священному Корану и Пророку Мухаммаду (а.с.с.) (Да благословит его Аллах и приветствует!). В Священном Коране сказано: «Не разъединяйтесь!» Мы должны думать о будущем поколении, о народе и нашей государственности. Каждому в отдельности, в

целом народу, должно признать необходимость единства, осуждать неприязненные отношения друг к другу из-за вирда.

Имеющий титул шейха считался продолжателем золотой цепи сил-сила тариката кадырийа, что обязывало его привлекать верующих в свой вирд.

В книге Пророка (а.с.с.) сказано: «Кто не почитит своего учителя, тот подвергается от Бога трем гибельным несчастьям: первое – язык его не повернется при смерти на свидетельство единства Божия; второе – обеднеет в течение своей жизни; третье – забудет все, что знал». Поэтому истинному мюриду не следует ограничиваться только знанием деятельности своего шейха, но и необходимо знать значение и смысл этих деяний.

Говоря о ценности зикра, М. З. Канدهлеви пишет, «что «зикр – это дерево, дающее плоды познания Аллаха. Чем больше зикра, тем крепче корень этого дерева, а чем крепче корень, тем больше плодов» (Канدهлеви М. З. Ценность зикра. Нальчик, 2004. С. 48, 49).

Необходимо часто вспоминать Аллаха. О значимости этого написано в Коране: «Вспоминайте же Меня, Я вспомню вас». Исключительная и глубоко личная сосредоточенность на Боге называется «зикр». Аллах часто говорит об этой высшей форме поклонения:

И поминай твоего Господа много и восхваляй по вечерам и утрам.

Коран, 3:41

Один великий шейх заметил: «Экстаз, рождающийся в сердцах дервишей во время зикра, подобен бурлению пенных волн, бьющихся о берег» (Шейх Чишти Х. М. Суфийское целительство. М., 2002. С. 166).

О величии зикра в хадисах сказано, что Судный день (инг.: Къематди) не может произойти до тех пор, пока на земле есть кто-либо, говорящий «Ла иллаху илла-ллаху». Или до тех пор, пока есть кто-нибудь в земном мире, кто говорит: «Аллах, Аллах!», Судного дня не будет (Канدهлеви М. З. Ценности зикра. Нальчик, 2004. С. 71).

Таким образом, зикр – основа тариката, его содержание. Верующий мусульманин должен постоянно и самоотреченно вспоминать Аллаха.

ЗИКР

Путь к постижению Божественной истины, путь озарений, откровений, ощущений, длится всю жизнь суфия, и ведет его по этому пути сложный обряд, получивший название «зикр». В переводе с арабского это слово означает «упоминание», «вспоминание», «память»: основу обряда составляет повторение имен Аллаха – в разных количествах и сочетаниях, в разной последовательности, в движении или в неподвижности, как предписано членам того или иного суфийского братства, или ордена, как их еще называют.

Аль-Газали (1059–1111), знаменитый суфий и теолог, пришел к заключению, что все, представляющее наибольшую ценность для суфиев, «не поддается изучению, а постигается непосредственным опытом, через экстаз и внутреннюю трансформацию. Пьяному не обязательно знать, как определяется опьянение, каковы его причины и условия, – говорил аль-Газали, – однако он пьян, в то время как человек, знающий теорию, остается трезвым». Потому считаем необходимым предупредить: сколько бы мы ни рассказывали о зикре, словами невозможно передать то состояние, которого достигают те, кто выполняет этот обряд. И все-таки некоторые объективные знания о зикре существуют. Поделимся ими в той степени, в какой они нам открылись.

Итак, зикр – основа тариката, его содержание. Суфий должен постоянно и самоотреченно вспоминать Бога, при этом все чувства повторяющего Божественные имена должны быть сосредоточены на смысле этих имен и словесных формул, включающих имена. Многократное их произнесение – при полном осознании их смысла и любви к ним – освобождает человека от своего «я», и тогда Божественная энергия пронизывает существо произносящего, изменяя его. Собственно, каждый раз, совершая обряд зикра, суфий как бы проходит весь свой мистический путь до состояния ощущения Божественной истины. Требование зикра содержится в Коране, повторяясь в нескольких сурах – во 2-й (аят 153), 7-й (аят 205), 13-й (аят 28) и других. «Поминайте Аллаха частым поминанием...» Но как именно это делать? С возникновением (в конце XII – нач. XIV века) суфийских братств разрабатывался ритуал зикра. Шейх предписывал ученикам его правила: особые ритмизированные движения, точные позы, определенное качество дыхания при произнесении имен и формул.

Главная формула зикра – «Ла-иллаха-илла-ллах!» – «Нет Бога, кроме Аллаха». Все суфии во всем мире произносят ее многократно, ежедневно. Вот как это делают члены братства Ниматуллахи. Суфий сидит либо скрестив ноги, либо на пятках, положив правую руку на левое бедро, а левой рукой обхватив правое запястье. Эта поза не случайна: в ней руки и ноги образуют «ла» – это отрицательная частица в арабском языке; так суфий

обозначает несуществование своего «я» на пути к Всевышнему. Его руки в этой позе означают ножницы, что символизирует отсечение своего «я», отказ от привязанности к своему ограниченному земному существованию. При слове «иллах» суфий описывает головой и шеей полукруг в правую сторону. Этим движением он выражает отрицание всего «того, что не Бог». Со словами «илла-ллах» суфий совершает аналогичное движение влево, и это означает существование вечной, всеобъемлющей, необходимой и абсолютной реальности Бога. Многократные ритмичные повторения этих движений с произнесением слов, несущих мистический смысл, вводят суфия в необходимое ему состояние...

По-иному это происходит у суфиев кадырийского тариката (имеющего истоком орден Кадырийа) в братстве Шейха Кунта-Хаджи. Его многочисленные общины находятся на Северном Кавказе. У кунтахаджийских суфиев обряд зикра – это громкое радение, славословие Аллаху, сопровождающееся коллективными экстатическими движениями, приводящими людей в состояние религиозного экстаза. Группы суфиев этого направления обычно собираются в чьем-то доме или во дворе. Они становятся вплотную друг к другу сплошным кругом. Считается, что пространство внутри круга сразу становится святым местом, куда спускается барака – Божественная мудрость. Звонким голосом по знаку руководителя обряда один из суфиев протяжно и медленно произносит «Ла-иллах!ла-илла-лллах!», остальные повторяют эту формулу за ним. От запевалы зависит многое – он задает тон, его голос должен вызвать у участников обряда самозабвение, что ведет к духовному блаженству. Раскачиваясь на месте, в такт пению, участники зикра хлопают в ладоши. Медленным шагом начинается плавное движение по кругу, сопровождающееся ритмичным хлопанием в ладоши. Движение постепенно переходит в бег, а бег все ускоряется. При этом все дружно, в едином ритме, повторяют словосочетание «уллох-уллолох». Шейх Кунта-Хаджи говорил, что это словосочетание переводится примерно как «Аллах един». Считается, что оно многократно весомее, чем формула «Ла-иллах!ла-илла-лллах!», хотя смысл их один и тот же.

В процессе все ускоряющегося бега кроме этой формулы произносятся и другие, восхваляющие благие деяния Шейха-Устаза, его святость и связь с Божественным духом. Выполняя этот зикр, его участники, по их свидетельству, совершенно отрешаются от своего «я», от забот и реальностей земного мира; их души наполняются мистическим предчувствием невидимых состояний, и сердца словно размягчаются лучами Божественного света. Завершается обряд длинной молитвой-обращением к Аллаху, в которой все просят Бога о даровании шейху Кунта-Хаджи права спасения и заступничества в день Страшного суда, о прощении грехов умершим родным и близким, о том, чтобы предостерег молящихся от несправедного пути...

Считается, что этот ритуал Шейх в отличие от Ниматуллахи не изобрел сам, а скопировал с того, который совершают ангелы у трона Аллаха.

Часть последователей кадырийского тариката выделились и видоизменили стиль зикра, дополнив его музыкой: у них в зикре участвуют барабан, скрипка и другие инструменты.

Сторонники и громкого, и тихого радения опираются на Коран, где в суре 17 (аят 110) сказано: «...Не произноси громко своей молитвы, но и не шепчи ее, а следуй по пути между этим». Как говорится, оба правы, так как и в том, и в другом варианте достигается цель зикра: вызвать в суфии экстатический транс. «Громкий» зикр вошел в практику орденов Рифайя, Маулавия, Бадавия, Чиштия, Кубравия, Сухравардия, Садия, Кадырия...

«Тихий» зикр проводят братства Бекташья, Халватия, Накшбандия. Он строится на ритмичном дыхании: вдох-выдох. С закрытыми глазами, сомкнув крепко уста, суфий произносит формулу: «Ла-иллах-а-илла-ллах!». На «ла-иллах» делается вдох – в этот момент зикрист отрешается от земной жизни, а затем, на «илла-ллах», – выдох, удостоверяя единственность Бога. Весь процесс и приемы зикра детально разработаны в наставлениях Шейха.

НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЕ УЧЕНИЕ СУФИЯ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВА

БАХИТ АКАЕВ – кандидат философских наук, доцент, член-корреспондент Академии наук ЧР. Круг его научных интересов разнообразен. Он успешно ведет исследования как в области теории познания, методологии науки, так и по актуальным проблемам истории и культуры чеченского народа. Его перу принадлежат многочисленные научные и научно-просветительские статьи. Он публикуется в московских, ростовских, дагестанских научных и общественно-политических журналах. В последнее время успешно ведет исследования в религиозной философии, в частности суфизма. В 1994 году в г. Грозном вышла его монография «Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение». Следующая работа ученого – исследование по теме «Суфизм на Северном Кавказе: история и современность». Читателям мы предлагаем статью В. Х. Акаева, которая была опубликована в журнале «Известия высшей школы. Северо-Кавказский регион».

КУНТА-ХАДЖИ Кишиев родился в середине XIX века в ауле Илсхан-Юрт, расположенном в восточной части Чечни. В детстве он получил духовное образование, в юности стал последователем известного в Чечне суфия (религиозного проповедника) Гези-шейха Зандакского. В возрасте примерно 19 лет он совершил паломничество в Мекку. По-видимому, здесь он и познакомился с кадырийским тарикатом, который стал распространять среди горцев, вернувшись на родину. В своих проповедях Кунта-Хаджи призывал их к прекращению кровопролития, непротивлению злу, смирению.

Учение Кунта-Хаджи призывало к отказу от военных действий, к переходу на мирный путь жизни. Идеи его получали поддержку у народа, доведенного Кавказской войной до грани физического истребления, число сторонников Кунта-Хаджи стало значительно увеличиваться. Это обстоятельство вынудило имама Шамиля принять решительные меры по запрещению кадырийского тариката. Преследуемый Шамилем Кунта-Хаджи совершает повторное паломничество в Мекку и возвращается через три года со дня пленения Шамиля. В начале 60-х годов XIX века число мюридов Кунта-Хаджи достигает пяти тысяч человек. Царские власти, обеспокоенные ростом влияния Кунта-Хаджи в народе и усилением нового учения на Северном Кавказе, подвергают аресту его и ближайших его сподвижников и отправляют в ссылку. Это произошло в начале января 1864 года. Арест и ссылка устаза зикристов привели к возмущению его многочисленных сторонников. 18 февраля 1864 года три тысячи зикристов, прибывшие из разных аулов Чечни, обратились к властям с просьбой освободить Устаза Кунта-Хаджи

из-под ареста, но власти просьбу мирных сторонников кадырийского тариката проигнорировали. Против зикристов были выставлены отборные войска, имевшие большой опыт ведения боевых действий против горцев. Это противостояние завершилось тем, что спровоцированные зикристы, побросав огнестрельное оружие, имея только кинжалы и исполняя зикр, двинулись на войска. Они были встречены артиллерийским и ружейным огнем. В этой бойне погибло около четырехсот человек, в числе которых оказалось несколько женщин, переодевшихся в мужские одежды. Зикристы были рассеяны, они разошлись по аулам, их стали преследовать, учение это решительно пресекалось, исполнителей зикра арестовывали и ссылали в отдаленные российские губернии. Кунта-Хаджи был сослан в г. Устюжно Новгородской губернии. В ссылке он провел более двух лет. Его последователи считают, что он скрылся и явится вновь. Эта мессианская идея до сих пор существует среди последователей Кунта-Хаджи. Суфизм в Чечне представлен в двух видах: накшбандийского и кадырийского тарикатов. Существенное отличие этих тарикатов состоит в форме исполнения религиозного ритуала – зикра (упоминание имени Аллаха, которое приводит суфия к мистическому приближению к Богу и растворению в нем). Последователи первого вида зикр исполняют тихим голосом, а второго – громко, совершая круговые движения. Каждый из этих тарикатов имеет свои вирдовые ответвления (дочерние образования), число которых превышает тридцать. Последователей кадырийа значительно больше, чем накшбандийа. В современной Чечне лидеры кадырийа занимают заметное положение в духовной и политической жизни общества. Надо отметить, что после ареста Кунта-Хаджи зикризм приобрел ярко выраженный антицаристский характер, что было прямо противоположно идеям самого шейха зикристов. В исламоведении советского периода отсутствовал объективный анализ нравственно-религиозных воззрений шейха Кунта-Хаджи Кишиева – зачинателя зикризма – кавказского варианта кадырийского тариката в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Это связано с незнанием и игнорированием суфийских текстов, принадлежавших ему и написанных на арабском языке. Имеются в виду такие его трактаты, как «Тарджамат макалати. Кунта-Шейх», «Тарджамат макалат аш-шейх Кунта аль-Мичигиш» (это речи и высказывания Кунта-Хаджи, изданные в Дагестане в типографиях М. Мавраева и А. М. Михайлова). Зато в многочисленной атеистической литературе, интенсивно появлявшейся в период господства коммунистического мировоззрения, не обходилось без ложных, извращенных оценок религиозной деятельности и учения Кунта-Хаджи. А между тем еще в изданиях царского периода наряду с негативной оценкой учения тариката встречались и позитивные. Так, в книге «Покоренный Кавказ» можно прочесть следующее высказывание: «Основы тариката (суфизма) – гуманность в самом широком смысле слова». Тут же сообщается, что «нравственные догматы тариката состояли в том, что мюрид (ученик, вступивший на путь тариката) должен был уничтожить в себе порочные наклонности и сде-

латься незлобным, равнодушным к земным почестям и вообще ко всему земному, должен воздерживаться от излишеств, поститься и, главное, постоянно устремлять свои помыслы к Аллаху». Более подробно эти идеи были изложены в суфийском трактате накшбандийского шейха, второго мюршида (учитель тариката) Дагестана Джамал-Эддина Казику-Мухского, который называется «Ада-буль-Марзия». Сочинения Джамал-Эддина содержат в себе требования, предписывающие постоянно вспоминать Бога, повиноваться Ему, строго исполнять шариат, избегать порочных поступков, придерживаться хороших и похвальных нравов, отказаться от лишней еды, лишнего сна, постоянно нуждаться в Боге, освобождаться от страстей ко всему обманчивому, довольствоваться судьбой. Совершив паломничество в Мекку, Кунта-Хаджи, по утверждению его мюридов, произнес такую проповедь: «Братья! Нас из-за восстаний становится все меньше и меньше. Царская власть уже твердо укрепились в нашем крае. Я не верю «в разговоры», что из Турции придут войска для нашего освобождения, что турецкий султан (хункар) желает нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является угнетателем своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все видел своими глазами». Эта глубоко осмысленная речь Кунта-Хаджи выражала моральное, духовное состояние и социальное положение чеченцев, потерпевших поражение в Кавказской войне в 1859 году. В проповеди шейха просматривается обеспокоенность судьбой народа, тотальное сопротивление которого могло привести к полной его гибели. Поэтому Кунта-Хаджи и предлагает смириться с поражением, выполнять требования царской власти. Но он в то же время ставит предел смирению: «Дальнейшее сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви – идите, ибо они только строения, – а мы в душе мусульмане. Если вас заставляют носить кресты – носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но если ваших женщин будут использовать и насиловать, вас заставляют забыть язык, культуру и обычаи – подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска чурека (сискал)».

В проповедях, воззрениях учителя зикризма заметное место занимали антивоенные настроения. Осуждая войны, призывая к прекращению кровопролития как богопротивного дела, Кунта-Хаджи невольно вступал в прямое противоречие с известной на Кавказе шамилевской идеологией мюридизма, призывающей горцев к газавату с захватнической политикой русского царизма. Выразитель идеологии самодержавия историк Н. Дубровин отмечал, что предводители горцев «смотрели недоброжелательно на проповедников тариката, как на личных своих врагов, людей, отвлекающих от их воинственных знамен целые сотни способных людей». Если проанализировать арабские тексты, принадлежащие Кунта-Хаджи, то четко просматривается

интеллектуально-мистический элемент, появившийся после возвращения его из повторного паломничества в Мекку примерно в 1862 году. В итоге он становится опытным знатоком суфийского тариката кадырийа, и его учение приобретает логическую завершенность. Сохранилось предание о том, что он, еще до ареста царскими властями, продиктовал основные положения своего учения (зикризма) своему сподвижнику и личному секретарю Абдусаламу Тутгирееву из чеченского аула Алхан-Юрт, сопровождавшего его в ссылке. О существовании такого текста писал А. Д. Яндаров.

В высказываниях Кунта-Хаджи важное место занимали идеи братства всех мусульман и недопустимость вражды между ними. Вопреки противодействию со стороны официального духовенства, нравственно-религиозные поучения шейха возымели благотворное воздействие на уставший от войны и жестокости народ. Идеи братского единения в период социальной апатии находили понимание и поддержку у беднейших слоев народа. Призыв вручить свою судьбу Аллаху в этой бременной жизни, а не стремиться ее преобразовать, отвечали умонастроению народа, страдавшего от неисчислимых бедствий, нанесенных колониальной политикой царизма.

Появление Кунта-Хаджи, произносившего благочестивые речи, чеченцы восприняли как чудо. Люди с жадностью ловили его слова, ибо они оживляли измученные, исстрадавшиеся сердца, залечивали душевные раны, очищали их души. Проповеди шейха-чудотворца передавались из аула в аул, слушать его приходили из самых отдаленных горских селений. Но находились и те, кто мысли шейха интерпретировали в целях разжигания очередных антицаристских выступлений. Свои наставления Кунта-Хаджи вел не только устно, но и в рукописных религиозных воззваниях, называемых «святыми письменами». По утверждению Х. Мамлеева, в одном из воззваний говорилось: «Скажи, кто не примет и теперь слова моего, тот в день Страшного суда будет наказан. Настоящая жизнь и все, что в настоящей жизни – все это тленное и скоропреходящее: одна жизнь будущая есть вечная! Так пусть же с усердием молятся они Богу, так как день суда близок». В данном воззвании отмечены некоторые принципы эсхатологического мировоззрения шейха: покаяние, молитва, зикр, наличие страха перед Богом. Более подробно учение Кунта-Хаджи изложено в его трактате «Тарджамат макалати. Шейх Кунта» (на арабском языке).

В нем большое значение отводится связи мюрида с устазом (учитель тариката). Большое значение связи мюрида с шейхом отводится и в накшбендийском трактате «Адабуль-Марзия». В нем констатируется, что мюрид, чтобы достигнуть духовного совершенства, состояния богосозерцательности, должен «ввести шейха в свое сердце, водворить его и не выводить его оттуда, пока он не сделается богознателем посредством шейха, потому что шейхи – суть источники Большого вдохновения, а кто вводит в свое сердце этот источник, тот достигнет и степени вдохновения». Далее в трактате Кунта-Хаджи речь идет о духовной силе, которой должен обладать истинный Устаз: «Если у Устаза в разных местах умирают две тысячи мюридов

одновременно, то он успевает помочь каждому из них при отделении его души от тела и держит ответ перед ангелами-мучителями за деяния мюрида. Пока у умирающего не побывает его устаз, ангел смерти не приступит к его умерщвлению. Устаз оберегает своих мюридов от страха перед смертью и страшных мест на том свете».

После ареста Кунта-Хаджи и в последующем в зикризме появляются новые мотивы, связанные с признанием его богоизбранности. Надо сказать, что сам Кунта-Хаджи не допускал такой вольности и очень скромно оценивал свои способности и заслуги перед Господом. В трактате сказано, что избравшие кадырийский тарикат – Божьи люди превосходят всех, кто избрал земные блага. Они – пастыри людей на земле и ими остаются в загробной жизни. Кунтахаджинец усерден, он являет собой образец набожности, всегда правдив, так как не смешивает правду с ложью. Суть учения Кунта-Хаджи опирается на основные принципы: мюрид со своим шейхом должен иметь непрерывную связь; сердце мюрида должно быть свободно от зависти; в своем присутствии мюрид не допускает осуждения людей, поскольку это страшный грех; мюрид обязан относиться к людям уважительно; мюрид не должен допускать злословия в отношении братьев мусульман. Если же это происходит при нем, то он должен немедленно вступить за единоверца. В обязанности мюрида-кунтахаджинца входит почитание любого другого устаза как своего, если даже тот находится во вражде с его устазом. Устаз является посредником между мюридом и Богом! Условие приближения к Богу – строгое соблюдение всех установлений зикризма, следование за своим устазом.

На перечисленных принципах зиждется нравственно-религиозное учение Кунта-Хаджи. Кунтахаджинец, следуя зикристскому учению, строго соблюдает нормы Корана и шариата. Устаз является ответчиком перед Аллахом за образцовое поведение своего мюрида.

Перечисленные положения учения зикризма идентичны основным идеям многих суфийских течений в исламе. Зикристы наряду с другими представителями суфийских направлений признают в качестве своей теоретической основы каноны Корана и шариата.

Религиозно-нравственные высказывания Кунта-Хаджи заслуживают самого пристального изучения, ибо в них содержится много ценных идей, мыслей. Так, согласно учению зикризма, порицанию подлежит тот, кто избрал своим ремеслом ложь, а также тот, кто слушает ее; высоко оценивается предостерегающий от сомнительных (безнравственных) поступков. При этом Кунта-Хаджи говорил: «Если человек безразличен ко всему и довольствуется тем, что ест и пьет, то он далек от нравственного совершенства».

По его мнению, к душевным высотам человек может прийти через сердечную любовь к Севышнему, к людям. «Если мюрид хочет знать, насколько он близок к Богу, Пророку и устазу, то пусть послушает свое сердце, если же оно поражено идеями вождизма и мюрид добивается власти, то пусть знает, что он далек от Бога, Пророка и устаза», – поучал Кунта-Хаджи. И дальше:

«Если сердце мюрида ноет, наполнено жалостью, состраданием к людям и оно лишено неприязни к тем, кто выше его, то пусть знает, что он близок к Богу, Пророку и устазу».

Кунта-Хаджи говорил, что «остановивший в своем сердце гнев, протививший зло, стократ упоминающий имя Аллаха, молящийся за тех, кто злословит – раб Божий». Он осуждал пренебрежительное отношение к бедным, нищим. Однажды в Цоцан-Юрте верующий спросил у Кунта-Хаджи: «Я хочу надеть на свою голову чалму. Правильно ли это?» Кунта-Хаджи ответил: «Сначала обвяжи свое сердце чалмой, очищаясь от греха и пороков, а затем голову. Если ты хочешь носить чалму не ради Бога, а ради славы, оставляя при этом «грязным» свое сердце, то это обернется против тебя». В приведенных мыслях Кунта-Хаджи большое место отводится чистоте сердца. Почему же необходимо очищение сердца от всего безнравственного? На этот вопрос ответ дает один из самых известных теологов-мыслителей мусульманского средневековья Абу Хамид ал-Газали. Он пишет: «Если сердце станет чистым, то может быть, ему предстанет Истина (Бог. – *Авт.*)».

Проповедуя свои нравственные воззрения, шейх исходил из духовной культуры, обычаев, традиций, веками сложившихся адатов чеченцев, подвергая при этом осуждению те, которые несли с собой зло. О высоком моральном облике Кунта-Хаджи говорит и то, что он решительно отказывался принимать элементарную помощь от своих мюридов. На этот счет бытует такое предание. Однажды мюриды решили оказать помощь своему устазу. Незаметно пристроившись на кукурузном поле, где Кунта-Хаджи собственноручно совершал прополку, его мюриды начали полоть кукурузу. Обнаружив на своем поле мюридов, он подходит к ним, благодарит за помощь, отделяет линией часть поля, прополотую мюридами, и заявляет, что урожай с части, где не приложен его труд, ему не принадлежит и он отдаст его бедным. Осуждая высокомерие, гордыню, корыстолюбие, неуважительное отношение к людям, шейх изрекал, что если они присутствуют в сердце его мюрида, то он лишится своего Устаза.

Кунта-Хаджи учил, что его мюрид обязан признать превосходство над ним всякого, кто старше его по возрасту, мюрид также должен знать, что его превосходит и тот, кто младше него, ибо, возможно, что он сумел согрешить меньше, чем он сам. Шейх высказывается и против бытовавшего среди чеченцев обычая деления жителей аула на местных и пришлых, обосновывая это тем, что все мусульмане перед шариатом Мухаммада равны. Большим грехом считается в учении Кунта-Хаджи изгнание скотины, забредшей в чужой огород, подвергая ее ругани и избиению. Однажды у Кунта-Хаджи спросили: «Алимы говорят, нельзя быть святым, если не знать четырех мазхабов. Верно ли это?» Кунта-Хаджи ответил: «Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует!) познакомил нас с шариатом и определил тарикат. Шариат и тарикат – корни мазхабов. Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует!) не умел ни читать, ни писать. Ссылаться на мазхабы, считая, что они от Пророка, неверно. Аллах дает интеллект тому, кому пожелает,

а также кладет его в сердце по своему усмотрению. Поэтому чтение книг, посвященных мазхабам, не обязательно». Поясняя свои мысли, он приводит следующий пример: «Охотник в поисках дичи идет по следу, но когда он видит саму дичь, то необходимость в следе отпадает». Кунта-Хаджи считает, что «для того, кто видит Мухаммада и говорит с ним, нет надобности в книгах, разъясняющих мазхабы». Для него важен не сам по себе путь (следы), посредством которого постигается истина (Бог), а способ непосредственного усмотрения истины. Он признает, что «муллы шариата» обязаны знать мазхабы, а «устазы тариката» через знание шариата идут по пути, ведущему к Богу. «Первые познают Бога после изучения мазхабов, а вторые – «глазами сердца» и «любовью к Пророку», – разъясняет устаз Кунта-Хаджи.

В приведенных суфийских религиозно-философских рассуждениях Кунта-Хаджи зафиксирован многовековой спор, который велся алимами, последователями шариата, и суфиями, последователями тариката. Среди зикристов существует предание, изображающее спор, имевший место между суфием Кунта-Хаджи и муллой шариата, алимом. Этот спор в поэтической форме изложен в назме (религиозной песне) о Кунта-Хаджи. В ней сообщается, что однажды в ауле Автуры местный мулла в присутствии верующих поклялся, что разрушит учение Кунта-Хаджи из аула Илсхан-Юрт. Через своего мюрида об этом узнает шейх зикристов. Когда взволнованный мюрид рассказал услышанное в Автурах, то Кунта-Хаджи успокоил его, сказав, что автуринский мулла знает то, что написано в священных книгах, и с ним он собирается спорить по законам той науки, которую усвоил. Но он не знает божественные тайны, не обладает скрытыми (эзотерическими. – *Авт.*) знаниями. И когда он, Кунта-Хаджи, сообщит мулле тайные знания, то мулла пожалеет о своем поведении. Он не сможет поколебать его знания, ибо они от Бога, и только в Его силах это сделать. После таких слов своего устаза мюрид успокоился.

Совершив вечерний намаз, заявив, что мулле автуринскому приснятся странные сны, Кунта-Хаджи лег спать. В середине ночи Кунта-Хаджи встает, совершает намаз, одевает свой изношенный тулуп, шапку, обувь, опираясь на посох и перебирая деревянные четки, отправляется к мулле. Прибыв в дом муллы, он застаёт его склонившимся над религиозными текстами. Поздоровавшись с ним, Кунта-Хаджи спрашивает, почему он не спит. Тот отвечает, что проснулся от странных сновидений, которых он со дня своего рождения не видел, и в священных текстах ищет им объяснение. Кунта-Хаджи объясняет, что, сколько бы мулла не перебирал священные тексты, он не найдет в них толкование снов. Мулла взмолился и попросил шейха растолковать увиденные им сновидения. Кунта-Хаджи спрашивает, видел ли он гигантский столб белого сияния, простиравшийся из глубин неба до земли. Пораженный мулла подтверждает это и просит продолжить. Кунта-Хаджи в очередной раз спрашивает, видел ли он, что от столба исходили золотые лучи, озарявшие все четыре стороны Вселенной, и видел ли он в Илсхан-Юрте огромную чинару, прекраснее всех деревьев на земле, на

нижних ветвях которой сидел смиренный мальчик, зорко лицезревший мир. После того, как Кунта-Хаджи рассказал сон, увиденный муллой, тот настойчиво попросил растолковать его.

Кунта-Хаджи дает такое толкование: «Гигантский сияющий столб, увиденный муллой, – тарикат, опущенный Богом с неба; золотые лучи, расходившиеся от столба, – суть тариката, распространившаяся по всей земле; чинара в Илсхан-Юрте – тарикат, вложенный Аллахом в сердце Кунта-Хаджи, а бедным мальчиком является Кунта-Хаджи, повсюду проповедующий светлый тарикат». После таких слов мулла разрыдался и попросил прощения у шейха Кунта-Хаджи.

Как известно, алимы опираются на разум, интеллект, необходимые для изучения священного писания, хадисов, религиозной литературы. Для них в познавательном процессе преобладающими являются логические средства, рациональные формы познания Бога. Иной подход к познанию Бога у суфиев-мистиков. Для них именно сердце является органом, осуществляющим познание. А самопознание, с их точки зрения, осуществляется опорой на чувства, сердечную любовь, интуитивно-мистическое состояние души. Мистическое познание имеет тайный, эзотерический характер. Вместе с тем Кунта-Хаджи сообщает, что нельзя быть святым (овлия), если отсутствует понимание (кхетам), посредством которого узревается Аллах, а также не опираясь на Сунну пророка. Здесь Кунта-Хаджи предпринимает попытку связать две различные формы познания Бога.

Примечательна и следующая мысль, принадлежащая Кунта-Хаджи: «Если кто-то заявляет, что он видит души тех, кто в аду, тот бесспорно невежда, но если кто-то скажет, что скрытое познание возможно «глазами сердца», прошел семь ступеней испытания, имеет устаза, то он прав и настоящий мусульманин». Не прошедший семи ступеней испытания, по мнению Кунта-Хаджи, не достигает нравственной чистоты. «Осмелившийся взяться за тарикат опасен, если его не наставляет устаз; тот, кто гоняется за материальным благополучием, тот не может следовать тарикату», – полагает Кунта-Хаджи. Следование канонам ислама и поиски земного рая для него несовместимые вещи. О равнодушном отношении устаза зикристов к земным благам говорит следующая его мысль о том, что золото и кочки земли на дороге равноценны. Имея золото, не следует радоваться больше, чем имея ком земли, и при потере золота не следует огорчаться больше, чем при потере кома земли. Здесь, на наш взгляд, напрашивается аналогия с мыслями Абу Хамида ал-Газали об аскетизме. Определяя признаки аскетизма, ал-Газали писал, что «аскет не должен радоваться имеющемуся и огорчаться утерянному и должен быть равнодушен как к порицающему его, так и к восхваляющему. Первый признак – отречение от имущества, второй – отречение от престижа. Третий признак аскетизма – любовь к Аллаху, привязанность к Нему. В сердце аскета несовместимы привязанность к миру и привязанность к Аллаху».

Ал-Газали, излагая свои соображения, исходил из соответствующего положения Корана, которое гласит: «Чтобы вы не печалились о том, что вас

миновало, и не радовались тому, что к вам пришло. Аллах не любит всякого гордеца хвастливого».

Значительное место в учении Кунта-Хаджи занимает практическая его часть – исполнение громкого зикра. Это ритуал воспоминания имени Аллаха, совершаемый громко и сопровождаемый сначала медленными телодвижениями, а затем перемещением, переходящим в быстрый бег по кругу против часовой стрелки. Интенсивное отправление зикра приводит его исполнителя в экстатическое состояние. Считается, что достигающий состояния экстаза отмечен Божьей печатью и как бы приближается к Богу. В громком зикре, ставшем новым для горцев ритуалом, забывались все земные невзгоды, жестокость времени. Зикр временно избавлял от душевного дискомфорта, страданий. Исполняя зикр, вращаясь по общему кругу, кунта-хаджинцы демонстрировали свою организованность, единство. В ранних религиозных проповедях Кунта-Хаджи присутствовали эсхатологические идеи о конце мира, они были созвучны пораженческо-пессимистическому настроению, охватившему многих горцев в период затухания Кавказской войны.

В кратком словаре «Ислам» даются следующие тенденциозные сведения о Кунта-Хаджи: «Пытаясь привлечь к себе бедняков, Кунта-Хаджи постоянно подчеркивал свою приверженность к нищенскому образу жизни: ходил в рваной одежде, отказывался от подношений со стороны мюридов». Данное суждение построено на основе известных идеологических штампов, согласно которым деятельность всякого религиозного деятеля, а тем более из числа чеченцев, никак не могла быть искренней, нравственно-возвышенной. Аскетизм Кунта-Хаджи – не тщеславная демонстрация, рассчитанная на популярность, а норма его жизни, реальное, осознанное поведение, продиктованное внутренним убеждением. Предание сообщает, что он отказывался от подарков, которые преподносили ему верующие, а то, что вынуждали его брать, он отдавал нищим и бедным. Кунта-Хаджи меньше всего стремился к афишированию своей святости. Это та личность, о которой с уверенностью можно сказать, что образ его мыслей и поведения не расходился, а находились в гармонии. Кунта-Хаджи придерживался норм и принципов общечеловеческой духовности и нравственности, осуждал зло, творил и утверждал добро. В час тяжелых испытаний для своего народа он добивался установления духовного братства людей, их нравственного очищения и возвышения. Начинатель нового тариката в конце и после Кавказской войны стремился указать народу, уставшему от насилия, зла, страданий, путь социального, религиозно-нравственного воскрешения. И не его вина в том, что его нравственно-гуманистические воззрения, жизнеутверждающие общечеловеческие ценности, проповедуемые им, не получили должного развития на Северном Кавказе. Не подлежит сомнению тот факт, что влияние суфизма на политическую и духовную жизнь народов Дагестана, Чечни и Ингушетии оказалось значительным и сам он превратился в источник, подпитывающий религиозно-политическое мировосприятие народов. А кавказский мюридизм

(газават) все-таки не был прямым продолжением накшбандийского тариката. И суфизм не был его духовным источником, ибо газават вытекает прямо из шариата. Истинный суфизм не призывал к насилию, войнам, наоборот, всегда их осуждал. Идеи смирения, непротivления злу, всепрощения, любви и помощи ближнему, эсхатологические мотивы, проповедуемые шейхом Кунта-Хаджи, оказались созвучны общему душевному состоянию горцев. Вместе с тем ритуальный обряд зикр-джахрийа (громкий зикр) способствовал подъему упавшего духа чеченцев. Совместный громкий круговой зикр кунтахаджинцев служил мощным морально-психологическим стимулом, оживляющим находившихся в физическом и духовном унижении горцев. Раскол в зикризме, его политизация привели к тому, что его последователи из первоначально нейтральных к власти превратились в ее противников. Близкие сподвижники Кунта-Хаджи отошли от первоначальных его мистико-философских идей, а точнее не сумели в должной мере их усвоить и образовали вирдовые братства. Раскол кунтахаджинцев, образование вирдовых братств Баматгири-Хаджи, Батал-Хаджи, Чим-Мирзы произошли не столько на почве религиозных трений внутри кадырийского тариката, сколько на почве стремления самосохраниться от царских репрессий.

Совершенно мало сведений о Кунта-Хаджи за период нахождения его в ссылке в Новгородской губернии, где он находился под надзором полиции более двух лет. Из государственного архива Новгородской области получена выписка из «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции Новгородской губернии в городе Устюжно и уезде за 1865 год». Под номером 18 данных ведомостей проходит «Чеченец Ших Кунты. Возраст 35 лет. Сослан за распространение фантастического учения «зикра». Проживает в Устюжне, постоянных занятий не имеет. Получает в месяц 1 руб. 80 коп. Женат, жена живет на их родине».

Дореволюционный историк И. Попов в 1866–1867 годах имел личную встречу с Кунта-Хаджи. И вот что он сообщает о впечатлении, произведенном на него устазом зикристов: «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением вести беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства. Это был обаятельный человек и опасен в смысле политическом, к чему он и стремился».

Жизнь устаза зикристов в ссылке, судя по тому, что ему выделялось в сутки 6 копеек, не была легкой и не шла ни в какое сравнение с арестантской жизнью Шамиля, главного врага царизма. Шамиль ссылается в Калугу, туда же прибывает его многочисленная семья, ему назначается ежегодная пенсия в размере 15 тысяч рублей, семье выделяется большой трехэтажный дом. Любую прихоть Шамиля и его чад власти исполняют незамедлительно. Местные вельможи наносят ему визиты и сами принимают визиты имама и его семьи. Конечно же, Кунта-Хаджи несравним с Шамилем как с выдающимся военно-политическим деятелем. Вне всякого сомнения, Шамиль был достойным противником русских императоров. В отличие от него Кун-

та-Хаджи – не воин и он не совершал военных подвигов. Он миротворец, святой. Его подвиги лежат в сфере духовной. Он признает одну единственную власть – власть Бога. Поэтому к Кунта-Хаджи и не могло быть снисхождения со стороны сильных мира сего. За его нравственную чистоту, поиски общего блага, высокую духовность в Индии Кунта-Хаджи непременно нарекли бы именем Махатма, что означает Учитель, а в Чечне и в Ингушетии народ его называет Овлия, что означает Святой. И он не просто Святой, а святой, пострадавший за новую философию, за новое мировоззрение. Он святой-великомученик!

Подлинными шейхами и устазами чеченцев и ингушей стояли на позиции единения народа, осуждали вирдовую и тайповую вражду, позитивно влияли на духовную жизнь народа, ориентировали его на нравственные вершины. Таковыми были Элах-мулла, Ташу-Хаджи, Кунта-Хаджи, Дени-шейх, Баматгири-Хаджи, Чим-Мирза, Батал-Хаджи, Солса-Хаджи, Сугаип-мулла, Исхак-мулла, Ильяс-мулла, Али Митаев и другие. Как видно, историческое прошлое суфийского учения на Северном Кавказе является предметом не только научного анализа, но и художественной интерпретации, причем далеко не в безобидной форме. Только преодолев мировоззренческую узость, серьезно задавшись целью понять и принять иные культурные ценности, можно разобраться как в учении Кунта-Хаджи, так и в роли суфизма для прошлого и настоящего чеченского, ингушского и других кавказских народов.

Газ. «Сердало», 27.11.2008

УЧЕНИЕ КУНТА-ХАДЖИ В ЗАПИСИ ЕГО МЮРИДА

(Этнографическое обозрение. 2006. № 2. (Лондон. Великобритания))

Братство (араб. *тарика*) Кадырийя традиционно играет огромную роль как в религиозной, так и в социальной жизни Северо-Восточного Кавказа, в особенности в Чечне и Ингушетии. Наряду с тарикатом Накшбандийя сеть кадырийских отделений (араб. *вирд*) пронизывает систему общественных отношений во всем регионе. Мусульмане Чечни и Ингушетии по-прежнему связаны с вирдами обоих тарикатов. Немалую роль в их жизни играют культы многочисленных местных святых (аулийа, от араб. ед. ч. *зали* [Аллах], букв. «приближенный к Богу»).

Несмотря на огромную значимость суфийского наследия на Северном Кавказе, научное исследование суфийской кадырийской традиции в этом регионе только начинается. Большинство авторов, писавших о суфизме в регионе, по существу занимались лишь связанными с ним социально-политическими сюжетами, оставляя в стороне собственно исламоведческие темы (см.: Смирнов 1963; Покровский 2000). Пока еще перед учеными стоит простейшая задача сбора материала о жизни и деятельности местных суфиев XIX–XX вв. Несмотря на удивительную популярность первого кадырийского шейха на Кавказе Кунта-Хаджи (Кишиева) среди чеченцев и ингушей, даже его последователи черпают сведения о его учении исключительно из устной традиции. В них отразилась более чем вековая история братства в регионе. За это время Кадырийя раскололось на множество мелких отделений – вирдов, отличающихся друг от друга суфийским учением и техниками, а также отношением к обществу и политической власти.

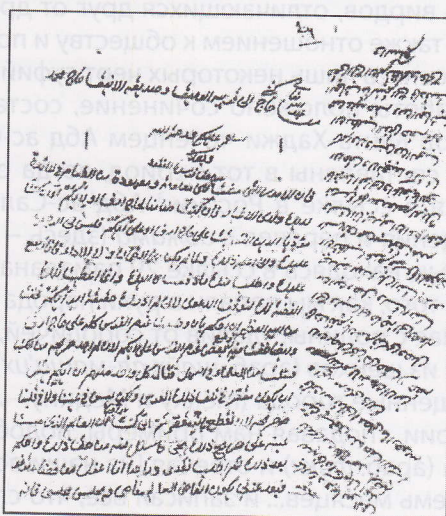
В этой статье я коснусь лишь некоторых черт суфийского учения Кунта-Хаджи.¹ В основу работы положено сочинение, составленное одним из ближайших учеников Кунта-Хаджи чеченцем Абд ас-Саламом из Алхан-Юрта.² Эти записки составлены в тот период, когда он вместе со своим учителем находился в ссылке в России.³ Абд ас-Салам пишет об этом: «...Я собрал эти сведения и перевел с *аджама* (здесь – чеченского языка. – А. З.) на арабский язык, находясь в ссылке 29 рамадана 1281 г. (25 февраля 1865 г. – А. З.)... после того, как мы попали в руки народа неверных и сатаны. Когда они изгнали нас с родины, удалив от сородичей, наш учитель (араб. *устаз*), величайший из шейхов (араб. *шайх ал-маша'их*), когда-либо совершивших хадж в священные города (Мекку и Медину. – А. З.), рассказал нам удивительные истории... подавая нам примеры, подобающие знатоку мусульманского права (араб. *фикх*) и отвечая [на наши вопросы]. Я сопровождал его в ссылке семь месяцев... и записал все, что слышал от него, пока был с ним, чтобы все это послужило ясным свидетельством того, что он был совершенный шейх, и дало его ученикам (араб. *мурид*) верное доказательство его святости (араб. *аулийа'*). Я назвал эти свои записки "Ответы

всеведущего учителя на вопросы пытливого ученика (араб. *Адживбат ал-устиз ал-муфид ли-маса' ил ал-мурид ал-мустафид*)», изложив все, что я слышал от него, полностью, без каких бы то ни было сокращений» (*Абд ас-Салам* 1865: II, 35–38)⁴.

Рукопись состоит из трех разных частей. Та, которую сам Абд ас-Салам назвал «Ответами всеведущего учителя...», представляет ее вторую часть, написанную в характерном для мусульманских сочинений дореволюционного Северного Кавказа жанре вопросов и ответов⁵. Она выстроена вокруг 14 вопросов, на которые Кунта-Хаджи дает ответы, приводимые Абд ас-Саламом от первого лица. Первая часть, по-видимому, содержит запись устных проповедей Кунта-Хаджи (*Абд ас-Салам* 1865: I, 1–35), большая часть из которых появилась в ответ на критику его учения современными Кунта-Хаджи накшбандийскими шейхами и книжниками-улемами. Третья часть включает в себе запись преданий о поступках и изречениях Кунта-Хаджи, а также других учителей братств Кадырийя и Накшбандийя. Весь трактат написан на литературном арабском языке [*ал-луга ал-'арабийя ал-фухса*).

Кто такой Кунта-Хаджи?

Сведения о жизни и личности Кунта-Хаджи очень скудные. Местная кадырийская традиция утверждает, что он с раннего детства изучал религию под руководством выдающихся шейхов и улемов, обнаруживая при этом выдающиеся способности к учебе. В возрасте 12 лет он уже знал наизусть весь Коран как *хафиз*.

Собственноручное письмо Кунта-Хаджи Гаджи-Магомеду.
(Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, ф. 16, оп. 3, № 1024)

Народный ислам с его обостренным интересом к чудесам и ясновидению превращает практически всех суфиев в святых-овлия. Из этой серии взяты рассказы о чудесах (араб. *карамат*) Кунта-Хаджи, которые Абд ас-Салам приводит в третьей части своего сочинения. Как две капли воды они напоминают рассказы о чудотворстве и проницательности суфийских шейхов, встречающиеся по всему мусульманскому миру. Согласно этим преданиям, Кунта еще в утробе матери сдерживал ее язык от злословия. Младенцем он никогда не плакал по ночам, а когда его родители заглянули в колыбель, то увидели, как малыш поворачивает головку слева направо как в кадырийском зикре⁶ (*Там же*: 15). В других записанных Абд ас-Саламом легендах Кунта-Хаджи выступает Божиим избранником, чье рождение было предопределено Аллахом и возведено другими суфийскими шейхами. Говорят, что «отец Кунта-Хаджи, Киши, любил молиться на вершине скалы. Однажды, когда в сумерках он подошел к скале совершить свой вечерний намаз, то услышал приветствующий его голос, молвивший: "Ас-саламу 'алай-кум!". Киши спросил незнакомца, как того зовут, кто его родители и откуда он родом, но прохожий не пожелал отвечать... Это был Хидр⁷», – заключает Абд ас-Салам (*Он же* 1865: III, 15).

«Твой сын, – сказал Ташо-Хаджи Киши, – будет совершенным святым (араб. *вали*), которого Аллах ниспошлет людям, бессловесным тварям и всему земному миру. Он вместит кадырийский тарикат от начала до конца и возглавит братство по велению самого Всевышнего... Господь сам обучит его на четвертом из небес» (*Там же*: 16, 17).

Это предание проливает некоторый свет на связь, якобы существовавшую между двумя великими суфиями дореволюционной Чечни. Вполне возможно, что отец Кунта-Хаджи был мюридом самого популярного накшбандийского наставника в крае. Вместе с тем не следует полностью принимать эту историю на веру, хотя сообщение других источников о том, что позднее Ташо-Хаджи отправился в хадж вместе с сыном Киши, пожалуй, можно интерпретировать как свидетельство существования тесных личных связей между семейством Кунта-Хаджи и местными накшбандийскими общинами. Еще важнее, что приведенное выше предание свидетельствует о духовных связях между братствами Накшбандийя и Кадырийя на Кавказе во второй трети XIX в.

Отношения между шейхами Кадырийя и Накшбандийя

Утверждение, что величайшие накшбандийские шейхи и их сторонники признали Кунта-Хаджи истинным шейхом тариката, составляет стержень множества рассказов, которые приводит Абд ас-Салам.

Несмотря на расхождения между братствами Накшбандийя и Кадырийя, Кунта-Хаджи, похоже, никогда не осуждал прямо своих накшбандийских соперников, признавая их тарикат вторым по суфийской утонченности

после своего собственного. Он не отрицает их причастности к божественной Истине.

Горцы называют период, когда они находились под властью Шамиля (1834–1859), «временем шариата» в противоположность «эпохе адата» – обычного права, царившего в горах до имама. Одной из главных задач имамата было очистить веру горцев-мусульман и искоренить привычные для них, но противоречащие нормам ислама обычаи.

Кунта-Хаджи, похоже, был более озабочен моральным очищением и самосовершенствованием каждого отдельно взятого мусульманина, а не исправлением устройства всего мусульманского общества.

Взгляды Кунта-Хаджи на политику

В противоположность накшбандийцам Кунта-Хаджи отвергал идею активного вовлечения суфия в мирские дела. Святой Кунта-Хаджи говорил: «Поистине, Аллах сначала сотворил души своих творений – демонов и людей, а затем – земной (араб. *ад-дунья*) и дольний (араб. *ал-ахира*) мир во всей их красе. Затем Аллах поставил свои создания перед выбором, говоря им: “Выбирайте любой из миров по желанию, и в будущем будете обладать тем, что выберете сейчас”. Некоторые избрали блага этого мира, другие – иной мир, а некоторые ничего из предложенного им, сказав [Творцу]: “Мы ничего не выбираем, но предпочитаем и любим только Тебя”. Тогда Всемогущий Аллах им: “Вы не возжелали ничего, кроме Меня и в этом, и в дольном мире, и не испрашивали ничего, кроме Меня. И потому я разделию вас на две группы: одна будет водителями в земном мире, другие станут наставниками в мире дольном. А теперь изберите [свою] группу”. Первая из этих групп – мюриды. Те, кто избрал блага земного мира, не обретут счастья в мире ином. Те же, кто избрал блага дольного мира, не будут счастливы в этом”» (Он же 1865: I, 12).

Кунта не просто воздерживался от участия в мирских делах, но отвергал политическую борьбу, в которой принимали активное участие накшбандийцы и их сторонники. Он видел в ней лишь грех против божественного промысла Аллаха. Шейх считал, что мусульмане не должны вставать под власть русской колониальной администрации, но и не отвечать на нее насилием. (Он же 1865: III, 21)⁸.

Кунта-Хаджи решительно осуждал не только связи мусульман с неверными, но и стремление к мирской власти и любые формы борьбы за нее. Он предупреждал своих последователей: «Если мюрид хочет узнать, близок ли он к Аллаху, его пророку и устазу, пусть посмотрит на себя. Если он [обнаружит] в своем сердце хоть искру любви к власти и [стремление] возвыситься над другими, да знает, что он не близок к Аллаху, его пророку и устазу» (Он же 1865: I, 16).

Отказ от мирских дел и влечений ничем существенно не отличался от общих установок суфиев, но сыграл на Северном Кавказе того времени

революционную роль. Почти полвека накшбандийцы учили, что путь спасения мусульман неотделим от вооруженной борьбы (араб. *газават*) за веру, уничтожая всех уклоняющихся от нее. И вот новый кадырийский шейх предложил вместо этого путь внутреннего очищения от грехов и самосовершенствования. Он оставлял надежду на спасение как тем, кто попал под власть «неверных», так и тем, кто оказался в ссылке и лишился возможности свободного исповедания веры. Если накшбандийцы, например, шейх Абд ар-Рахман Согратлинский, считали, что под властью немусульманских правителей горцы перестают быть правоверными мусульманами, то, по учению Кунта-Хаджи, можно остаться мусульманином под властью тиранов и неверных. Шейх утверждал, что люди, попавшие под власть русских, не только не теряют веры и уважения единоверцев, но и возвышаются над ними в силу перенесенных страданий. Тем самым он предлагал горцам достаточное религиозное оправдание, позволяющее им без ущерба для своей гордости сложить оружие и с достоинством выйти из вооруженной борьбы с русскими.

Здесь можно привести сообщаемую Абд ас-Саламом легенду о том, как во время хаджа Кунта-Хаджи превозносил силу веры кавказцев перед мусульманами и учеными Хиджаза: «В Мекке у Кунта-Хаджи спросили, где вера лучше (араб. *ахсан*) – в Мекке или в Дагестане. Кунта отвечал на то: «Что может быть лучше веры [мусульман] Дагестана». Мекканцы не согласились с этим: «Нет, наша вера сильнее, – говорили они, – в Мекке стоит дом Аллаха (араб. *байт Аллаха*, здесь – святыня Ка'бы. – А. 3.), здесь родился наш пророк Мухаммад!» На это Кунта отвечал: «Вера в Дагестане сильнее, чем здесь, поскольку у вас тут только один враг (араб. *шайтан*), а у нас – трое: шайтан, неверные и лицемеры (араб. *мунафикун*, здесь – коллаборационисты, предавшие интересы ислама. – А. 3.). После этого люди Мекки согласились, что он прав» (Он же 1865: III, 9).

Не удивительно, что имам Шамиль и его накшбандийские советники были крайне обеспокоены популярностью нового шейха, чьи учение и растущая известность подрывали основы государства газавата. Поэтому не только русские, но и власти имамата преследовали кадыритов.

Кунта-Хаджи о зикре и Устазе тариката

Особенностью кадырийского вирда Кунта-Хаджи был громкий зикр. Истории, записанные Абд ас-Саламом, похоже, свидетельствуют о жестоких напаках на зикр кадыритов.

«Среди Моих последователей [– говорит Господь, –] много тех, кто предпочитает Меня и не признает никого, кроме Меня, являясь истинными святыми (араб. *аулийа'*)». Они возвышают свои голоса в зикре, начиная кричать, потому что Всемогущий Аллах пьянит их опьянением своего величия. Он повелел им громко прославлять веру, указывая рабам Божиим правильный путь. Вот почему никто не может слышать голоса опьяненных

величием Аллаха... Шайтаны разбегаются при звуках зикра, не имея силы слушать голос произносящего зикр и следовать ему... Вот почему последователи кадырийского братства спешат достичь Всемогущего Аллаха. При звуке зикра их сердца тают и очищаются от всяческих нечистот... Молящиеся зикром вслух, смеются и радуются тому, что даровано им милостью Аллаха. Они падают ниц, подобно тому, как будут вести себя, когда придет Судный День» (Там же: 6–9).

Несколькими страницами ниже Абд ас-Салам приводит еще более резкую критику шейхом противников громкого кадырийского зикра: «Существует два [сорта] людей: одни легко ведомы в рай, другие с легкостью достигают ада. Первые – это те, кто возлюбил собирающихся для зикра... Ко второму относятся улемы, всю жизнь обучающие других. Они красноречивы, но пытаются оскорбить смиренных (араб. *мискин*, здесь – преданных кадырийских мюридов. – А. З.), собирающихся для проведения зикра Аллаху днем и по вечерам» (Там же: 17).

В заключении рукописи осуждение противников кадыритов заходит еще дальше. Тут Абд ас-Салам (на этот раз уже без ссылок на Кунта-Хаджи) утверждает, что тот, кто не одобряет кадырийского зикра и сопровождающего его кругового танца, не получит заступничества пророка в Судный день, потеряв право считаться правоверным мусульманином (Он же 1865: III, 23)⁹.

Как и в других мусульманских регионах, горцы Северо-Восточного Кавказа полагают, что любому правоверному мусульманину, будь он суфий или нет, необходимо духовное руководство и заступничество суфийского шейха. В передаче Абд ас-Салама Кунта-Хаджи, соглашаясь с этим мнением, сравнивал мюридов с больными, а их устаза – с врачом (Он же 1865: I, 22). Инициация суфия, согласно учению Кунта-Хаджи, проходила следующим образом: «Верующий обретает наставника-устаза, принеся покаяние (араб. *тауба*) совершенному шейху (араб. *вали камил*), его поверенному или поверенному (араб. *вакил*) его поверенного. Он берет устаза руководителем на пути к Аллаху и Его пророку, поверяя ему все свои мирские и духовные дела... Избрать наставника-устаза, обратившись либо к нему самому, либо к его представителю или к представителю его представителя дозволяется, пока устаз жив. После смерти устаза не дозволяется избирать его своим наставником через его поверенного или поверенного его поверенного. Ведь если бы дозволялось брать своим наставником усопшего святого, тогда всякий бы принял устазом Посланника Аллаха...

Чтобы войти в число учеников шейха, следует обратиться [к Аллаху] по-арабски или на другом языке: «Поистине, я не могу приблизиться к Тебе и Твоему пророку, не могу прильнуть к Тебе (араб. *илтасака би-к*) глазами (здесь – духовным взором. – А. З.) сердца и не могу очистить себя от скверны. Этот мир подобен тучному полю для мира иного (араб. *ал-ахира*), чего я не достигну здесь, того достигну в нем. Я верю, что раб твой, [шейх такой-то] свяжет меня с Вами обоими (т.е. Аллахом и Пророком Мухаммадом

(а.с.с.) – А. 3.) и приведет меня к Тебе. Пусть люди будут свидетелями, что я, о Аллах, избрал его наставником на пути к Тебе и сделал его лестницей для моих свершений» (Он же 1865:II, 53, 54).

По мнению Кунта-Хаджи, у опытного наставника две главные обязанности. Он должен, во-первых, направлять своих мюридов на их мистическом пути к Богу, а, во-вторых, даровать им вечное спасение (Там же: 30). Последняя обязанность важнее. Шейх учил своих последователей: «Если вы хотите знать, что делает устаз, когда умирает один из его мюридов, знайте, что даже если у него тысяча мюридов и все они умрут в один миг... Всемогущий Аллах заберет их души из тел, только если голова каждого мюрида покоится на коленях его устаза. В противном случае тот – не совершенный устаз. Верно и то, что устаз отвечает [в могиле] на вопросы двух ангелов [Мункара и Накира] вместо своего мюрида...» (Он же 1865:I, 14). Шейх Кунта считал, что наставник-устаз жизненно необходим не только каждому мусульманину, но и всему мусульманскому миру (араб. *умма*). Он – врата спасения для всех правоверных: «[Когда устаз достигнет Бога], то испросит у него счастья себе и всей умме. Всемогущий Аллах удовлетворит его просьбу... Если верующий достиг присутствия Бога, он спасет умму своими молитвами от козней сатаны. Есть множество прорицателей, фокусников и врачей, но достигшие пределов истинного совершенства (араб. *камал*) и представшие перед ликом Божиим редки как чистое золото. Если найдется хоть один такой [шейх], многие спасутся его молитвами, даже те, кто лишь раз в жизни пожал ему руку, видел его однажды и даже только пожелал увидеть» (Он же 1865:II, 47).

Худшее, что, по мнению шейха Кунта, может сделать мюрид, это покинуть своего суфийского наставника. Для него это смертный грех – более серьезный, чем пренебрежение всеми прочими религиозными обязанностями мусульманина (Он же 1865:I, 16). Силу веры мусульманина он определял по тому, насколько крепкой была его духовная связь с устазом. По словам Абд ас-Салама, шейх следующим образом учил своих последователей: «Люди не должны забывать шести установлений. Три из них касаются отношений мюрида с его устазом. Первое, нужно отказаться от злословия. Второе, нужно очистить сердце от зависти. Помимо исполнения законов Божиих и совершения дополнительных молитв, назначенных устазом, в-третьих, от мюрида требуется доверие своему устазу» (Там же: 13).

Как уже говорилось, Кунта не осуждал свободное общение мужчин и женщин в тарикате. Этим он сознательно противопоставлял поведение в кадырийском братстве тем нормам общественного порядка, которые устанавливали блюстители чистоты шариата в государстве Шамиля. В мусульманских источниках Северного Кавказа XIX в. сохранилось немало свидетельств того, как сурово наказывал Шамиль своих подданных за нарушение половой сегрегации, даже простую болтовню мужчины на улице с незнакомой женщиной (Хроника 1946)¹⁰. В передаче близкого друга и поверенного (араб. *вакил*) шейха по имени Гази-Хаджи, Абд ас-Салам приводит

кадырийские инструкции, прямо противоположные шариатским и накшбандийским установлениям: «Если на своем пути ты встретишь женщину, на которую [по шариату тебе] запрещено смотреть и говорить с ней, не проходи мимо, не обратив на нее внимания и не поговорив с ней. Если ты пройдешь мимо, не обратив на нее внимания и не поговорив с ней, ты причинишь ей боль и печаль. Даже если она считается среди тех, с кем тебе нельзя говорить и на кого смотреть грешно, грех огорчить ее будет больше греха посмотреть на нее» ('Абд ас-Салом 1865: I, 21).

Особое место в сочинении Абд ас-Салама занимает мистическая связь Кунта-Хаджи с Пророком Мухаммадом (а.с.с.). Обожание пророка свойственно исламской и в особенности суфийской традиции с первых веков существования ислама. В учении Кунта служение мусульманина Аллаху в значительной степени предстает служением Мухаммаду (а.с.с.). Об этом шейх прямо говорил своим последователям: «Когда верующий обретает пророка, ему не нужно идти дальше, поскольку расстояние между Аллахом и его пророком не длиннее вытянутой руки, а может, и короче... Когда Всемогуший Аллах снимает завесу между собой и его рабом, и правоверный встает перед Аллахом, все его грехи прощаются» (Он же 1865: II, 45–48).

На высшей, завершающей стадии своего мистического пути к Аллаху «божественное знание снизойдет в сердце [шейха] через божественное озарение (араб. *илхам*), он услышит голоса ангелов, их *зикры* и *айаты* восхваления и мольбы (араб. *ду`а*), но никому кроме Пророка (а.с.с.) не дано лицезреть Бога» (Там же: 48).

В сочинении Абд ас-Салама фигура пророка предстает как в суфийском, так и в более понятном для непосвященных общемусульманском облике. Если для суфиев Мухаммад олицетворяет последнее прибежище на их мистическом пути к Богу, для остальных правоверных он – первый и последний хранитель всей мусульманской уммы (Там же: 57). Придавая особое значение посредничеству (араб. *таваccул*) пророка и шейхов тариката между Всевышним и мусульманином, все равно мистик он, или нет, Кунта строил задание (араб. *вирд*) своих учеников вокруг Пророка Мухаммада (а.с.с.), почивших и живых суфиев. Значение вирда и способ его исполнения кадыритами подробно описаны Абд ас-Саламом.

«Лучшим служением [Господу] будет стократное исполнение громкого зикра, подкрепленное пятнадцатикратным произнесением *Астахфируллах!* (араб. «Господи помилуй!» – А. З.) перед началом зикра и четырехкратным *салават* Аллаху '*алай-хи ва-с-салам!* (араб. «Да благословит его (здесь – Пророка Мухаммада. – А. З.) Аллах и приветствует!»¹¹) после него, посвящая зикр Пророку, своему Устазу, а также шейхам и устазам, бывшим прежде него. В завершение зикра следует вознести молитву Пророку (а.с.с.)...

Некоторые из наставников-устазов позволяют своим мюридам совершать непрерывные вирды днем и ночью, один за другим. [На самом деле]

их следует исполнять раздельно и пятикратно¹². Здесь я не допускаю выбора и требую от моих мюридов совершать [дополнительные] вирды после каждой [обязательной] молитвы. Когда мюрид молится во имя своего устаза и пророка, оба они смотрят на него и радуются» (Он же 1865: I, 18; II, 50).

Наряду с культом пророка большое место в учении Кунта-Хаджи занимает посещение (араб. *зийара*) могил почивших святых и простых мусульман. Устаз считал, что они идут на пользу как живым паломникам, так и покойным.

«Говоря о ценности молитвы живых за почивших Кунта-Хаджи замечал: «Уже за месяц или более до совершения паломничества-зиярата ангелы принесут почившим благовест, что правовеерный пришел помянуть их к их могиле. И души почивших возрадуются [этой вести]. Когда же правовеерный приходит и возносит к Богу молитву за умершего, Всемогуший Аллах прощает покойного, увеличивая свои милости к нему, ведь эта молитва совершается не ради денег и не ради благодарности, но от чистого сердца и благочестия перед Господом»» (Он же 1865: III).

Абд ас-Салам приводит красочное видение, объясняющее, как молитвы по умершим побуждают Аллаха к милосердию и прощению покойных, даже если те были грешниками: «Когда мюриды садятся для [совершения] зикра возле почившего, они движутся в исступлении (араб. *шаук*), сотрясая небесное древо, на котором сидят ангелы. Встревоженные те взлетают с него, а Аллах спрашивает у них, почему они не сидят на дереве. Они же объясняют Ему, говоря: «Такой-то и такой-то умер, а Твои друзья (здесь – мюриды. – А. З.) охвачены любовью к Тебе и просят Тебя простить грехи этому грешнику. И делают это они не ради вознаграждения и не за деньги¹³. Вот почему мы поднялись [с дерева]». Аллах же отвечает им, – «О мои ангелы, свидетельствуйте, что я уже простил его и он ляжет в могилу достойным»» (Там же: 21).

С течением времени по всему Северо-Восточному Кавказу появилось множество почитаемых святых могил кадырийских и накшбандийских шейхов. Паломничество к ним стало одной из характерных черт местной мусульманской религиозности. В Чечне и Ингушетии зикр, сопровождающийся исполнением песен в честь Пророка Мухаммада (а.с.с.) и его рождения (араб. *назм*, *мавлид*), проводят, как правило, после, а не до посещения зиярата. Эта традиция дожила до настоящего времени и не прервалась даже после большевистской революции. Более того, можно утверждать, что именно коллективные практики исполнения зикров, назмов и мавлидов на святых местах региона помогли сохранению местной мусульманской традиции и передаче ее от поколения к поколению в советскую эпоху.

Заключение

Записки Абд ас-Салама следует оценивать в историческом контексте русского завоевания Северного Кавказа и изменившейся в силу этого религиозной и политической обстановки. В отличие от своих накшбандийских современников, Кунта-Хаджи не оставил после себя развитого учения о характере и стоянках мистического пути суфия. Уже после его ссылки и смерти кадырийские шейхи региона познакомились с принятыми в братстве методами обучения мюридов и с иными суфийскими техниками по кадырийским трактатам, переписанным на Арабском Востоке и попавшим на Северный Кавказ к XX в.

Характерно, что основное внимание в своем учении Кунта-Хаджи обращал на мусульманскую этику (араб. *адаб. сулук*) и кадырийскую обрядность. Шейх учил своих соотечественников, как можно сохранить веру и достичь спасения под немусульманским правлением, что было особенно важно для истощенных войной и попавших во власть неприятеля людей.

В этих условиях последователи Кунта-Хаджи вскоре стали смотреть на него как на врата спасения. Интересно, что в своем сочинении Абд ас-Салам обращается к нему не как к шейху тариката, а только как к наставнику (араб. *устаз*) мусульман и святому (араб. *вали Аллаха*), чье посредничество способно спасти людей от ужасов Судного дня. Такой исключительный статус Учителя немало усилен утверждением автора, что Кунта-Хаджи был посвящен в братство Кадырийя «самим Аллахом на четвертом из небес»¹⁴. Автор относится к своему герою почти как к самому Пророку Мухаммаду (а.с.с.). В работе Абд ас-Салама часты указания на то, что наставниками, у которых учился Кунта-Хаджи, были связанные с ним мистической связью Пророк и Аллах¹⁵. Такие претензии не были новы на Северном Кавказе середины XIX в. Можно вспомнить, что и имам Шамиль перед принятием наиболее важных своих политических решений прибегал к суфийской практике многодневного затворничества (араб. *халват*), во время которого, по утверждению его сторонников, Аллах являл ему свою волю.

Кунта-Хаджи был хорошо осведомлен о различиях между духовным прозрением пророка и суфийских наставников в исламской традиции. Поэтому наставления, которые шейх получал от Аллаха, называются в рукописи Абд ас-Салама арабским понятием *илхам*, что означает просветление, в отличие от божественного откровения (араб. *вахй*), которое получают от Бога лишь пророки. Эти теософские тонкости не всегда осознавались последователями Кунта-Хаджи, смотревшими на своего Учителя как на особо приближенного к Пророку Мухаммаду (а.с.с.) мусульманского святого.

Не следует, конечно, делать слишком далеко идущих обобщений на основе одного-единственного кадырийского трактата. Хотя сочинение Абд ас-Салама и проливает некоторый свет на личность Кунта-Хаджи и характер его учения, для создания полной картины нам потребуются и другие

сочинения кадырийского братства на Северном Кавказе. При этом хочется надеяться, что проделанный в данной статье анализ сочинения Абд ас-Салама поможет нам лучше понять природу кадырийского братства в этом регионе и исторические условия, сделавшие его важным институтом религиозной и общественно-политической жизни чеченцев и ингушей.

Примечания

¹ Настоящая статья представляет собой сокращенный русский вариант подробной работы, опубликованной мной на английском в 2000 г.: *Zelkina A. Some Aspects of the Teaching of Kunta Hajji. On the basis of the Manuscript by `Abd al-Salam written in 1862 A. D. // Jour. of the History of Sufism. Special Issue: the Qadiriyya. Istanbul. 2000. I. 1/2. P. 483–507. О жизни и деятельности Кунта-Хаджи см. также работу: Месхидзе 1998.*

² Фотокопия рукописи была любезна передана для публикации ныне покойным проф. Саламовым, в чьем личном собрании она хранилась.

³ Список сочинения Абд ас-Салама из библиотеки Саламова, вероятно, был сделан довольно поздно, уже в советское время. По этой причине он утратил некоторые характерные особенности мусульманских рукописей дореволюционного Северного Кавказа: обязательный рифмованный заголовок и зачин (араб. *унван*), восточную пагинацию (*Примеч. редактора темы*).

⁴ Пагинация рукописи сделана римскими цифрами. Для удобства читателя при ссылках я отмечала римской цифрой часть сочинения и арабской страницу текста.

⁵ Вторая часть рукописи начинается со с. 35 и заканчивается на с. 72.

⁶ *Зикр* (буквально означающий по-арабски «богопоминание») представляет один из ключевых обрядов и техник продвижения по суфийскому пути. Он состоит в повторении определенного числа раз имени Аллаха и сопровождается определенными телодвижениями. В суфийских братствах практикуют как индивидуальный, так и коллективный зикр. На Северном Кавказе времен Кунта-Хаджи различали также зикр «громкий» (араб. *джахр*), голосом, и зикр «тихий» (араб. *хафи*), сердцем. Первый был принят в кадырийском вирде Кунта-Хаджи.

⁷ В мусульманской мифологии один из четырех бессмертных пророков, которому Аллах даровал вечную жизнь, чтобы он поддерживал в людях веру в Бога. В суфийской традиции он превратился в одного из первых суфиев и святых.

⁸ В XX в. принцип неприятия власти неверных был доведен до крайности в кадырийском вирде Вис-Хаджи (Загиев. ум. в 1973 г.). Мюриды этого вирда и члены их семей отказывались от работы в любом советском учреждении или на предприятии, сами шили себе одежду, чтобы не носить ничего изготовленного фабричным способом, вели уединенную жизнь и даже разговаривали только с членами своего вирда.

⁹ Это представление, по-видимому, сыграло свою роль в более позднем противостоянии сторонников Накшбандийя и Кадырийя. Проводя полевую работу в Чечне, я не раз слышала утверждение, что мусульманин, похороненный без совершения кадырийского зикра, не сподобится рая. Другое распространенное среди чеченских последователей Кадырийя поверье гласит, что если мюрид не встанет и не начнет танцевать, то не сможет сбросить со своей спины шайтана, освободившись тем самым от докучных мирских мыслей и забот.

¹⁰ Подробнее об атом см.: Гемер 1993: 41; Бобровников 2003б: 62.

¹¹ Здесь – арабская формула славословия пророку (*таслийа*), обязательная для благочестивого мусульманина после произнесения имени Мухаммада.

¹² Речь идет о соотношении зикра как дополнительного задания мюриду с пятикратной ежедневной молитвой (*сунат, намаз*), обязательной для каждого мусульманина.

¹³ Здесь можно видеть выпад против обыкновения родственников покойного платить за проведение зикра в память усопшего.

¹⁴ Трудно поверить, чтобы Абд ас-Салам не знал цепи духовной преемственности (араб. *сил-сила*), связывавшей Кунта-Хаджи с предшествовавшими ему кадырийскими шейхами, а через них и создателя братства Абдул Кадыра Гилани с праведными халифами и Пророком Мухаммадом (а.с.с.). В пользу нашего предположения говорит упоминание в одном из рассказов его сочинения про кадырийского шейха Джаллала ал-Лейл из Мекки, по словам Абд ас-Салама, принявшего Кунта-Хаджи в тарикат.

¹⁵ Способ, при помощи которого Аллах наставлял Кунта-Хаджи на чеченском языке, удивительно напоминает тот, с помощью которого он возвещал Пророку Мухаммаду (а.с.с.) основы ислама по-арабски (ср.: Абд ас-Салам 1865: II, 35).

Источники и литература

'Абд ас-Салам 1865 – 'Абд ас-Салам. Адживбат ал-устаз ал-муфид ли-маса'ил ал-мурид ал-мустафид (араб. «Ответы всеведущего учителя на вопросы пытливого ученика»). Б.м.. 1865? // Личный архив А. Зелькиной. Лондон.

Кемпер 2003 – Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Под ред. С. Н. Абашина и В. О. Бобровникова. М., 2003. С. 278–305.

Месхидзе 1998 – М[есхидзе Дж. [И.] Кунта-хаджи // Ислам на территории... М., 1998. Вып. I. С. 61, 62.

Покровский 2000 – Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Смирнов 1963 – Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Перевод с английского С. В. Соколовского

ШЕЙХ КУНТА-ХАДЖИ. ЕГО ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Повяжите чалмой свое сердце,
прежде чем повязать ею голову.
Хотите любить Всевышнего Аллаха –
любите справедливость.*

Киши-Хаджи

Политика царизма и его наместников на Северном Кавказе создала невыносимые условия для жизни коренных народов, в том числе чеченского и ингушского. Необходимо было найти какой-то выход. И таким выходом стало духовное учение «тарикат-зикризм». Его основатель – чеченец Киши-Хаджи. Число сторонников нового учения стало быстро увеличиваться.

Основную массу зикристского движения составляли малоимущие слои чеченцев и ингушей. Они оказались духовно подготовленными к восприятию кунтахаджинского тариката, религиозных, в их числе и нравственных, проповедей шейха. Каждое его слово попадало в нужную точку, находя в истерзанных сердцах отклик. Число сторонников Шейха Киши-Хаджи росло. В этом представители царской власти заподозрили серьезную опасность. Они одним ударом – арестовав Шейха Киши-Хаджи – обезглавили зикристов. Таким образом, с помощью репрессий удалось временно заглушить народное движение. Но к концу XIX века оно вновь возрождается с новой силой, а число сторонников увеличивается.

Киши-Хаджи был выходцем из бедной семьи, старался создать духовное братство, равенство и добивался этого высоконравственными поступками, силой духа и слова. Он отвергал применение силы для борьбы с социальным злом и противопоставлял этому взаимоподдержку горцев, постоянный поиск и защиту Бога. Для этого народного лидера были характерны глубокая набожность, искреннее желание облегчить страдания людей, он вел аскетический образ жизни, активно привлекал на свою сторону соплеменников, выступал миротворцем. Единственной властью, признанной им, была власть Всевышнего Аллаха. Люди с подобным мировоззрением для царской власти были опаснее, чем Шамиль. Его записали в политические преступники.

Популярность Киши-Хаджи стала раздражать царскую администрацию и вызывать беспокойство, но принимать для его уничтожения крайние меры она не решалась, т. к. в Ингушетии и Чечне обстановка была неспокойной и в любую минуту могло вспыхнуть восстание.

Как свидетельствует царский циркуляр, власти ставили задачу искоренить зикр в народе, изъять из его среды наиболее беспокойных и возмущающих народ. Под ними подразумевались верные последователи зикристского

движения. Царские власти вели настойчивую пропаганду по отправке в Турцию зикристов, видя в них серьезную опасность.

Генерал, командующий войсками Терской области, граф М. Т. Лорис-Меликов в своем докладе, направленном в Тифлис, где тогда находился наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, писал: «Что касается до ареста Кунта и его векилей (последователей), то я не могу ручаться, принесет ли эта мера пользу и будет ли она сообразна с теми обстоятельствами, о которых я могу судить только на месте. Зикризм есть уже совершившийся факт, и невоинственный Киши вреднее того, как был до сих пор, быть не может. Между тем удаление его, без сомнения, произведет возбуждение умов в народе, и для нас будет очень невыгодно, если взамен главы религиозной секты у чеченцев явится вождь восстания... Учение зикра служит теперь лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил».

В заключение генерал граф М. Т. Лорис-Меликов писал: «Долгом своим считаю прибавить, что до тех пор, пока мы не отодвинем население с равнины в горы и не окружим его казачьими землями, твердо укрепляясь, до тех пор нельзя надеяться на окончательное покорение горцев; все другие меры могут только поддержать временное спокойствие, но не подвинуть главного вопроса, окончательное решение которого только одно».

В 1859 году Шамиль был пленен генералом Барятинским и официально Кавказская война была закончена. Вскоре после этого из Саудовской Аравии вернулся Киши-Хаджи и застал братство сильно разросшимся. По своей организованности и численности вирдовое братство Киши-Хаджи стало силой, с которой всем приходилось считаться.

В начале 60-х годов XIX века число сторонников (мюридов) Хаджи из Илсхан-Юрта достигает более пяти тысяч человек. Царские власти, обеспокоенные ростом влияния Киши-Хаджи в народе, арестовывают его, ближайших его сподвижников и отправляют в ссылку. Это произошло в начале 1864 года. Многие сподвижники Шейха ушли в подполье, но продолжали дело своего Устаза вирда кадырийа, при этом вовлекая новых мюридов. Известно, что Устаз Киши-Хаджи во время ареста сказал, что не стоит столь сильно переживать за него и он скоро вернется, поэтому мюриды до сих пор не теряют надежду на его возвращение.

О том, как были схвачены Киши-Хаджи и его брат Мовсар и каковы были последствия для тех, кто обратился с просьбой освободить Устаза, подробно пишет С.-Х. Нунуев в книге «Нахи и священная история»: «3 января 1864 года Киши-Хаджи вместе со своим братом Мовсаром были схвачены в районе Шали и сразу же отправлены в Новочеркасск через Владикавказ. Весть об аресте Киши-Хаджи молнией пролетела по Чечне и Ингушетии. Тысячные толпы горцев бросились в Шали, полагая, что арестованные еще здесь. Царские колонизаторы предчувствовали такую реакцию и подтянули к Шалинскому укреплению сильный военный отряд во главе с князем Тумановым. Думая, что Киши-Хаджи с братом еще здесь, мюриды шейха

трижды посылали к князю депутацию с просьбой выдать им своего Устаза, но, естественно, получили отказ. Среди мюридов не было единодушия в том, как им поступить после полученного отказа. Одни предлагали освободить шейха силой оружия. Другие говорили, что судьбу Киши-Хаджи решит сам Аллах и не надо проявлять усердие. Третьи настаивали еще раз попытаться выпросить его, безвинно арестованного. В конце концов горцы побросали огнестрельное оружие, совершили омовение в ледяной воде Баса и пошли на верную гибель на выстроенные в боевом порядке царские войска. Солдаты встретили безоружную толпу картечью из артиллерийских орудий и ружейными залпами. Тысячи людей были ранены и искалечены. Только убитыми оказались, по заниженным сведениям царских служб, 164 мюрида». Вот такая печальная участь постигла мюридов только за то, что они просили освобождения своего шейха. В последующем, после ареста Киши-Хаджи, в зикризме появляются новые мотивы, связанные с признанием его богоизбранности.

Сам Киши-Хаджи не допускал такой вольности и очень скромно оценивал свои способности и заслуги перед Господом. В трактате сказано, что избравшие кадырийский тарикат – Божьи люди и они превосходят всех, кто избрал земные блага. Они – пастыри людей на земле и ими остаются и в загробной жизни. Сторонник Киши-Хаджи усерден, является образцом набожности, должен иметь неразрывную связь со своим шейхом, быть свободным от зависти и не осуждать людей (Акаев В. Х. Учение Кунта-Хаджи Кишиева // Сердало. 1994. 29 июня).

У царской власти зикризм был под запретом. Уличенные в нем ссылались в Сибирь. Идеология мюридизма ориентировала горцев на борьбу (особенно имамом Шамилем) с царизмом до победного конца, что могло бы привести к полному уничтожению чеченцев, принявших на себя всю тяжесть Кавказской войны.

Учение же Киши-Хаджи призывало к отказу от военных действий, к переходу на мирный путь жизни. Идеи его получали поддержку у значительной части народа, доведенного войной до грани физического исчезновения.

Значительное место в учении Киши-Хаджи занимает практическая его часть – исполнение громкого зикра. Это ритуал вспоминания имени Аллаха, совершаемый громко и сопровождаемый сначала медленными телодвижениями, а затем – перемещением, переходящим в быстрый бег по кругу против часовой стрелки. Интенсивное отправление зикра приводит его исполнителя в экстатическое состояние. Считается, что достигающий состояния экстаза отмечен Божьей печатью и как бы приближается к Богу. В громком зикре, ставшем новым для горцев ритуалом, забывались все земные невзгоды и жестокость того времени. Исполняя зикр, мюриды временно избавлялись от душевного дискомфорта, страданий и самоорганизовывались.

Группа суфиев этого направления обычно собирается в чьем-то доме. Они становятся вплотную друг к другу сплошным кругом. Звонким голосом по знаку руководителя обряда один из мюридов протяжно и медленно

произносит «Ла иллахla илла-ллахly», остальные повторяют эту формулу за ним. Раскачиваясь на месте, в такт пению, участники зикра хлопают в ладони. Медленным шагом начинается плавное движение по кругу. Движение постепенно переходит в бег, а бег все ускоряется.

Устаз является посредником между мюридом и Богом. Путь приближения ко Всевышнему – строгое соблюдение всех установлений зикризма и следование за своим устазом. Необходимо строго соблюдать нормы Корана и шариата. Ответчиком перед Аллахом за образцовое поведение своего мюрида является устаз. Нехарактерно для истинного мусульманина пренебрежительное отношение к бедным и низшим, гнев и злословие. Сердце необходимо очищать от греха и пороков. Известный всему мусульманскому миру теолог, мыслитель мусульманского средневековья Абу Халид аль-Газали пишет: «Если сердце станет чистым, то, может быть, ему предстанет Истина».

Многочисленные поиски подтверждают сообщения о том, что Хаджи из Илсхан-Юрта жив. Эти сообщения имеют свое фактическое место. Так, ученый-арабист Махмуд Мадамоллаевич Гаркаев в статье «Шейхи не умирают...» пишет, что дома у него «находится письмо, где Юсуп-молла Баширов пишет моему отцу, что в 1934 году был жив Киши-Хаджи, а известный в Чечне Каци-молла утверждал, что в 1942 году лично видел Киши-Хаджи. В 1955 году приехавшие из Китая уйгуры Нурмухаммад Мурзабеков, Джолбу Джууматаев и другие зикристы рассказывали, что Кунта-Хаджи до 1943 года жил среди них в Китае. В 1971 году в Мекку из Иордании поехал шейх Сайд-Ахмад из Беноя Ножай-Юртовского района. Вернувшись, он рассказывал, что видел в святом городе Хизира-пророка, Ильяса-пророка и Киши-Хаджи. Сайд-Ахмад смог после этой встречи держать уразу двадцать суток кряду, да и после в еде особо не нуждался – зикр был его пищей!»

Далее М. Гаркаев пишет, что Киши-Хаджи, воспитанный по указанию Всемогущего Аллаха ангелами, – идеальный человек, проповедник добра и справедливости, противник эксплуатации человека человеком и тунеядства. И совершенно справедливо, что Аллах дал ему срок жизни трех долго живших на свете людей и что его тарикат (обряд) должен дойти до конца существования жизни на земле. Каждому верующему человеку известно, что наш общий прародитель Адам-пророк (Алайхи салам) жил 1000 лет, Нух-пророк – 1020 лет, Идрис-пророк – 450 лет, Салманул-Парисей, сподвижник Мухаммада (а.с.с.) – 250 лет. В 1968 году в газете «Правда» писалось, что азербайджанцу Махмуду Айвазову исполнилось 250 лет, а он еще бодр, разъезжает верхом на коне. Так почему бы Киши-Хаджи не быть еще живым?

Мы не должны забывать: Киши-Хаджи, равно как и представители других вирдов, сегодня должен взывать к любви и милосердию. В самые трагические для народа годы он призывал к нравственному очищению, любви к ближнему, прощению всех обид и оказанию помощи обездоленным.

Более 80 лет назад в Сирии вышла книга «Советы святейшего шейха Кунта-Хаджи» под редакцией известного наследника Мухаммада-Пророка

(а.с.с.) Муссы Альказим. Вот несколько выдержек из нее: «Мюрид должен быть таким: уважать всех мусульман, как своих братьев, желать им добра, как себе лично, укреплять дружбу со всеми народами, прощать даже тому, кто тебе навредит, быть честным, добросовестным и справедливым ко всем людям и животным. Устаз должен быть таким: если в четырех концах света умирают четыре его мюрида, он должен успеть ко всем четверем и с помощью Аллаха сделать их смерть смертью счастливых. Без этого качества он не Устаз».

В те непростые для чеченцев и ингушей годы находились муллы, ставшие под сомнение учение Киши-Хаджи и его учеников-сподвижников. Так, в ауле Автуры местный мулла в присутствии верующих поклялся, что разрушит учение Киши-Хаджи из аула Илсхан-Юрт. Один из его мюридов рассказал Киши-Хаджи услышанное в Автурах. Киши-Хаджи сказал мюриду: «Мулла знает, что написано в священных книгах, и со мной он собирается спорить по законам той науки, но он не знает божественные тайны, не обладает скрытыми знаниями. И когда он, Киши-Хаджи, сообщит мулле тайные знания, то мулла пожалеет о своем поведении. Мулла не сможет поколебать мои знания, ибо они от Бога и только в Его силах это сделать».

Совершив вечерний намаз, заявив, что мулле автуринскому приснятся странные сны, Киши-Хаджи лег спать. В середине ночи Киши-Хаджи встает, совершает намаз, надевает свой изношенный тулуп, шапку, обувь и, опираясь на посох и перебирая деревянные четки, отправляется к мулле. Прибыв в дом муллы, он застаёт его склонившимся над религиозными текстами. Поздоровавшись, Киши-Хаджи спрашивает, почему мулла не спит? Тот отвечает, что проснулся от странных сновидений, которых со дня своего рождения не видел, в священных текстах ищет им объяснение. Киши-Хаджи объясняет, что, сколько бы мулла не перебирал священные тексты, он не найдет в них толкование снов. Мулла взмолился и попросил шейха объяснить увиденные им сновидения. Киши-Хаджи спрашивает, видел ли он гигантский столб белого сияния, простиравшийся из глубин неба до земли? Пораженный мулла подтверждает это и просит продолжить. Киши-Хаджи в очередной раз спрашивает, видел ли он, что от столба исходили золотые лучи, озарившие все четыре стороны Вселенной, и видел ли он в Илсхан-Юрте огромный чинар, прекраснее всех деревьев на земле, на нижних ветвях которого сидел смирный мальчик, зорко лицезревший мир. После того как Киши-Хаджи рассказал сон, увиденный муллой, тот настойчиво попросил растолковать его. Киши-Хаджи дает такое объяснение: «Гигантский сияющий столб, увиденный муллой, – тарикат, опущенный Богом с неба; золотые лучи, расходившиеся от столба, – суть тариката, распространившаяся по всей земле; чинар в Илсхан-Юрте – тарикат, вложенный Аллахом в сердце Киши-Хаджи, а бедным мальчиком является Киши-Хаджи, везде проповедующий светлый тарикат». После таких слов мулла разрыдался и попросил прощения у Шейха Киши-Хаджи (Барахоев. М. Нравственно-религиозное учение суфия Кунта-Хаджи Кишиева // Сердало. 2006. 19 янв.).

Киши-Хаджи известен прежде всего как проповедник зикра, начатого им в 1838 году, в самый разгар Кавказской войны. У имама Шамиля был шариатский суд, состоявший из девяти самых ученых мулл Чечни и Дагестана. Члены суда стали жаловаться Шамилю на то, что зикр, проповедуемый Киши-Хаджи, противоречит исламу.

В 1841 году Шамиль потребовал, чтобы Киши-Хаджи с мюридами явился на шариатский суд. На площади установили десять заостренных кверху столбов. Девять (по количеству членов суда) вместе, а один отдельно. Было объявлено: «Если Киши-Хаджи докажет свою правоту, девять отрубленных голов членов суда будут торчать на столбах, в противном случае там будет его голова». Киши-Хаджи согласился. Потребовал принести на площадь несколько люлек с детьми, еще не начавшими говорить. Принесли два десятка, установив их в два ряда. Хаджи дважды прошелся между ними, громко произнес слова зикра: «Уля, уля, уля». Все дети повторили за ним эти слова.

Шамиль, как и все собравшиеся здесь, потрясенный увиденным и услышанным, заявил: «С Аллахом ступай на все четыре стороны, проповедуя свой зикр. Пока я имам, никто тебе мешать не будет».

Киши-Хаджи, поблагодарив Шамиля, отказался уйти прежде, чем имам удовлетворит его просьбу: «У меня одна просьба, прости членов суда. Они вынесли приговор одному человеку. Когда тому отрубили голову, то кровь, разлившись по земле, начертала слово «Аллах». Значит, тот человек не был виноват. Я хотел казнить членов суда, но прощаю их и отдаю тебе...»

Мы должны себе четко представлять, что настоящая жизнь и все, что в настоящей жизни, — преходящее, загробная жизнь — вечная.

ЗАПОВЕДИ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВА

Призывайте любить Всевышнего Аллаха – любите справедливость. Желайте своему брату того же, что желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с людьми тем, чем одарит вас Всевышний. Остерегайтесь, что кто-то вам будет завидовать в богатстве. Пусть вам завидуют в учености, справедливости и щедрости. Молитесь Аллаху, чтобы не пристало ничего добытое чужим трудом, чужим потом. Такое – непреодолимая преграда на пути к тарикату.

Ваше оружие – четки. Не ружье, не кинжал. Против этого оружия бесильны тираны, ибо никто из тиранов не сильнее Всевышнего Творца. Погибать в схватке с врагом намного сильнее себя, подобно самоубийству. Самоубийство – самый тяжкий грех из всех земных грехов. Подобная смерть – неверие в силу и милость Всевышнего Аллаха, сотворяющего тиранов не во вред, но во имя очищения нравственности людей. Для тех, кто в тарикате, тираны – пустые истуканы, которые будут падать и разбиваться, словно глиняные горшки.

Злого победи добротой и любовью. Жадного победи щедростью. Вероломного победи искренностью. Неверного победи верой. Будь милосердным, скромным, готовым жертвовать собой. Ты в ответе за многих, если дух твой укреплен исламом, если вся твоя жизнь – это путь ко Всевышнему – тарикат.

Война – дикость. Удаляйтесь от всего, что напоминает войну, если враг не пришел отнять у вас веру и честь. Ваша сила – ум, терпение, справедливость. Враг не устоит перед этой силой и рано или поздно признает свое поражение. Никто не в состоянии осилить вас и вашу правду, если вы не свернете с пути своей веры – тариката.

Не оставляйте никого из братьев своих в голоде, холоде, нищете и в униженном состоянии. Пророк Мухаммад (Да благословит Его Аллах и приветствует) говорил, что самый ценный подарок Всевышнему – это часть небольшого, что у вас есть, отданная нуждающемуся. Наш брат в тарикате не может быть спокойным, видя, что его брата что-то беспокоит. Вы должны твердо знать, что не останетесь один со своей бедой. Только свободные, спокойные, уверенные души способны воспринимать все величие тариката и жить в нем до конца земной жизни.

Мусульмане! Любите друг друга, поддерживайте друг друга, будьте настоящим братьями друг другу. Только любя веру в душах каждого из нас, вы любите веру подлинную, а не мифическую. Никто и ничто: ни холодное звездное небо, ни животные, не наделенные разумом, не способны воспринять и осмыслить святое чувство веры, кроме людей, таких, как и вы. Ищите Всевышнего в себе. Лишь когда вы найдете Его в своих душах, Он отзовется в вас и благословит ваш тарикат.

Всевышнему угодно, чтобы мюрид проводил свое время в добрых делах, таких, как ремонт дорог и мостов, очищение и обустройство родников, выращивание деревьев вдоль дорог, строительство мечетей. Мюрид обязан навещать больных, прикованных к постели. Должен интересоваться, в чем нуждаются старики, сироты, все хилые и немощные, оказывать им посильную помощь; мирить поссорившихся супругов; возвращать мать к своим детям; восстанавливать семьи – это тоже весьма богоугодные дела, которые обязан делать мюрид.

Не отвечайте злом на зло, ибо это порождает еще большее зло. Любое зло противно Всевышнему Аллаху. Карать злодеев, миловать добродетелей – воля Всевышнего. Вы победите злодеев и насильников отторжением их от себя, совершенствуя свои души и свой тарикат. Чем яснее, крепче и справедливее ваш путь, тем труднее станет злодеям и насильникам. Они не смогут выдержать силы вашей правды, чувствуя, что Всевышний на вашей стороне. Они не выдержат противостояния Всевышнему и вашему тарикату. Время работает на вас, ибо оно работает на справедливость.

Мюриды не из тех, кто ищет для себя рая на земле. Но для мюридов было бы счастьем сделать на земле рай для других. Поэтому мюриды, идущие по тарикату, должны беречь, украшать, лелеять эту землю и все, что вокруг них. Мюрид должен оставить после себя добрый, яркий след как пример для всех людей. Сгорая любовью ко Всевышнему Аллаху и ко всем людям, мюрид тариката должен показать истинное предназначение человека на земле.

Проводите больше времени в молитвах. Всевышний не оставляет молящихся без внимания. Молитвы очищают наши души, взращивают в них добрые всходы, подобно летним дождям, оживляющим степи. Молитвы – мост, соединяющий наши души с нашим Всевышним Создателем. Чем чаще мы с Ним соприкасаемся, тем тверже наши надежды, тем верней наш тарикат.

Будьте милосердны к сиротам, больным, бедным, немощным. Всевышний Аллах сделал вас более здоровыми, богатыми, сильными. Проявите и вы великодушие. Аллах оценит это выше поста или намаза. Помните сунну Пророка Мухаммада (Да благословит Его Аллах и приветствует!), где сказано, что пост и намаз приводят к дверям рая, но открывает эти двери перед вами ваша щедрость и милосердие. Щедрость и милосердие даже незрячего и заблудшего за руки поведут по пути тариката.

Не носите с собой оружия. Держитесь подальше от него. Оружие напоминает вам о насилии и уводит в сторону от тариката. Сила оружия – ничто по сравнению с силой души человека, верно идущего по тарикату. Всякое оружие – признак неуверенности в том, что Всевышний Аллах придет на помощь в нужный час. Кроме того, Иблис постоянно вытягивает вашу руку к рукоятке кинжала или ружья. Вы становитесь жертвой Иблиса.

Будьте трудолюбивы. Не бойтесь самой тяжелой работы. Тот, кто не живет своим трудом, живет трудом других. Это грешно, ибо это то же самое, что кража. Умейте ценить, относиться с великим уважением к каждой крошке хлеба. Ведь эта крошка может насытить и птицу, и муравья. Вы спасете душу, созданную Всевышним, и никто кроме Него не в состоянии создать даже самое маленькое живое существо. Любите мир, созданный Великим Творцом, и всемерно берегите, украшайте его.

Воздерживайтесь от излишеств, ибо излишества, в отличие от необходимого, не знают границ. Стыдно и грешно хотеть того, чего нет у других, желать выделяться от других роскошью, яркостью нарядов или размерами жилища. Стыдно и грешно иметь много скота и не делиться с теми, кто голодает. Стыдно и грешно менять каждый день одежды и проходить с высокомерием мимо тех, кто уже давно ходит в рваных одеждах. Стыдно и грешно стоять рядом с босоногим в дорогой и красивой обуви. Стыдно и грешно пытаться выделяться от других высокой, дорогой шапкой. Лишняя еда, лишний сон, лишние одежды, лишние жилища не приближают, а отдаляют нас от Всевышнего Аллаха. Каждый мусульманин красив умеренностью и скромностью. Умеренность и скромность – ключи, открывающие калитку к тарикату.

Не стремитесь к земным почестям. Земные почести – иллюзии. Радуйтесь и гордитесь тем, что вы равные среди равных. Если обнаружите, что больше знаете или больше имеете – спешите отдать, ибо то, что вы не отдали – пропало. А то, что вы отдали, станет свидетелем в Судный день.

Помните всегда, всюду, где бы вы ни были и что бы не делали об Аллахе. Все делайте во имя Аллаха и ради Аллаха. В этом главное предназначение человека. Смело и упорно идите дорогой тариката.

Ибо все, что не Всевышний Аллах – сон, мираж, миг, испытывающий человека: стал он ближе к Всевышнему или остался на уровне животного.

Не злитесь. Не держите зла в срок от молитвы к молитве. Простите обидчика, и ему станет стыдно. Если даже не станет, то Всевышний оценит ваше терпение и очистит вас от грехов. Всякая незаслуженная обида, нанесенная вам, всякая клевета или иная несправедливость возвеличивает вас, если будете переносить это терпеливо, во имя Всевышнего Аллаха. Ничто, совершенное во имя Аллаха, не исчезает бесследно. Все это – добрые плоды, которые укрепляют силу человека, идущего по тарикату.

Наш земной закон – шариат. Шариат – тарикат – хакикът – вот путеводные звезды для истинного суфия, истинного мусульманина. Они не дадут сбиться с пути, не дадут свернуть на путь заблудших и сомневающих. Это испытанный путь. По этому пути наш дух укрепит зикр, частое упоминание имени Аллаха, тесное братство в добре и постижении знаний. Просвещение, изучение науки, законов развития земных процессов должно быть обязательным для тех, кто избрал шариат, тарикат, хакикът.

Наши обычаи и нравы возникали и совершенствовались тысячелетиями. Поэтому они оказались настолько близкими исламу. Мы должны их

свято беречь и не позволять опошлять никому и ни при каких условиях. Отношение к женщине как к святой, почитание старших, уважение в семье, особое отношение к гостю, коллективная взаимопомощь и общественные работы, единство в горе и в праздники, умение быть милосердными и уступчивыми – все эти качества объединяют нас и берегут нашу честь. С теми, кто попытается посягнуть на это, нужно воевать до последнего чеченца и ингуша.

Не спорьте с властью, не старайтесь заменять ее собой. Всякая власть от Всевышнего, Аллаху виднее, какую власть, где и с какой целью устанавливать. У власти перед Всевышним отдельный отчет. Не соблазняйтесь кажущейся престижностью власти, тарикат несравнимо выше, ибо земная власть призвана решать главным образом земные дела. Земными соблазнами еще никто не насытился. Земная жизнь, как соленая вода: чем больше пьешь ее, тем жажда усиливается. Успокойте свои души в тарикате. Спокойная душа, устремленная ко Всевышнему – это вечная радость и счастье.

Земная жизнь тленна, недолговечна, обманчива. Устаз выводит своего мюрида по тропе тариката к вечной, истинной жизни. В земной жизни кусок золота и ком земли имеют одинаковую цену. Нельзя жалеть о земных потерях, нельзя возрадоваться мнимым земным обретениям. Единственное богатство, которым нужно дорожить – это души людей – избравших верную, угодную Всевышнему Аллаху дорогу.

Очистите свои сердца, чтобы в них свободно вошли пророк, устаз, а через них – Всевышний Аллах. Ученость, образованность мало что дают, если не очищены сердца, если сердца не горят любовью ко Всевышнему Творцу. Всевышний непостижим разумом. Его можно чувствовать лишь сердцем.

Если мюрид хочет знать, насколько он близок к Аллаху, Пророку и устазу, то пусть послушает свое сердце. Если сердце поражено идеями вождизма и мюрид добивается власти, то пусть знает, что он далек от Аллаха, Пророка и Устаза. Если сердце ноет, наполнено состраданием к людям и мюрид лишен неприязни и зависти к тем, кто выше него, то пусть знает, что он близок к Аллаху, Пророку и Устазу.

Остановивший в своем сердце гнев, простивший зло, живущий с именем Аллаха на устах, молящийся за заблудших – на пути тариката.

Носите чалму не ради славы и видимости, а как знак любви ко Всевышнему и исламу. Не торопитесь обвязать чалмой голову. Обвяжите ею сперва свои сердца. Святой человек стыдится своей святости. Ничтожные напяливают на себя одежды, отпускают длинные бороды, пытаются предстать теми, кем они не являются. Это лицемеры, названные в Коране самыми большими грешниками.

Ложь безобразна, безобразны слушающие ложь. Нельзя одобрять не только ложь, но и любые сомнительные дела, если нет уверенности, что они угодны Всевышнему. В душе мусульманина – мюрида, идущего по та-

рикату, должен гореть свет правды и справедливости, милости и сострадания, стойкости и отваги от осознания собственной значимости, от величия пути, по которому он следует.

Поистине богат и счастлив тот мюрид, который умеет довольствоваться малым, самым необходимым в земной жизни, но не знает предела совершенствования души. Будьте рядом с Устазом, который будет учить, наставлять, делиться тем, чего постиг. Устаз будет рядом с вами всегда в трудную минуту. Он – посредник между мюридом и Всевышним, чтобы мюриды правильно следовали тарикату.

Мюрид должен уважать старшего по возрасту, ибо он многое видел, многое пережил, многое знает. Мюрид должен уважать младшего по возрасту, ибо он, возможно, не успел еще много согрешить. Мюрид должен уважать каждого человека, быть учтивым со всеми, ибо только таким образом его душа будет оставаться спокойной и не позволит мюриду отвлекаться от тариката.

Не делите людей на князей и рабов, на местных и пришлых, ибо сказано в Коране, что все мусульмане равны. Не делил мусульман на достойных и недостойных Пророк Мухаммад (Да благословит его Аллах и приветствует!), он сказал: «Все мусульмане – братья». Уважайте всех устазов, все учения в исламе, не враждуя и не пренебрегая мнением каждого. К истине ведут много дорог, лишь бы в главном эти дороги сходились. Идущий по тарикату идет с миром, с примирением, с поиском правды и согласия в земной жизни.

Любите животных, которые рядом с нами и вокруг нас, горячей любовью. Заботьтесь о них правильно и своевременно. Ведь у коровы, овцы, лошади, собаки или кошки нет языка, чтобы общаться с нами, говорить с нами о своих потребностях. Мы сами должны о них знать и помнить. Не спешите стать на намаз, оставив ненапоенную или ненакормленную скотину. Наши души должны быть совершенно чистыми и спокойными, когда мы в намазе предстаем перед Всевышним Творцом.

Отношение к животным должно быть более внимательным, чем к человеку, ибо оно не ведает того, что творит. Забравшуюся в огород скотину нельзя бить, проклинать. Ее нужно осторожно выгнать, ибо зашла она туда по халатности человека. Мучить, издеваться над животными – тяжкий грех. Грешно убивать безвинных птиц, насекомых, все живое. Все живое, не причиняющее вреда человеку, должно быть защищено мюридами.

Вся растительность тоже живая и тоже имеет душу. Надо прятать топор, когдаходишь в лес, и рубить только то дерево, за которым пришел. Надо бережно относиться к каждому дереву, к каждому кусту, к каждой травинке. Надо любить их и относиться к ним, как к хорошим друзьям. Страшный грех – рубить плодородное дерево, дерево у реки, дерево у дороги, дающее путнику тень в жаркий день. Мюридам надо сажать повсюду деревья, ухаживать за ними, пока они не вырастут.

Вода – самое святое из всего, что создано Всевышним, ибо вода, сказано в Коране, не перестает прославлять Всевышнего Творца даже тогда, когда все живое и неживое перестает это делать. Страшный грех – пачкать воду. В родниковой и речной воде нельзя стирать, мыть грязные вещи; нельзя купаться, смывая с себя грязь. Для этого нужно набирать воду и уходить подальше от родника или речки, нельзя бросать в воду мусор, нельзя без надобности менять русло рек, убивая все живое в осушившемся русле. Да поможет нам всем Всевышний идти по прямому пути!

КУНТА-ХАДЖИ В ИСЛАМЕ

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Жаркий день в горах Палглаче (Ингушетии)...

Солнце освещает всю долину и приятно ласкает уже обветренное лицо. Где-то там вдаль, кажется, умирает лазурь неба, растворяясь в темной, изумрудной зелени вековых лесов. Удивительно, но в горах все как-то по-другому. И солнце, и воздух, и вода, даже запахи другие. И это чувство не передать. Только волнующее трепетное чувство чего-то великого охватывает и сжимает грудь.

Ты словно обретаешь крылья... Ты как будто паришь над Вселенной. Весь мир уже тебе не нужен и не интересен, так как у тебя есть горы... Так как ты в горах...

...Горы делают человека свободным. По милости Аллаха.

Мы шли по узким тропинкам, поднимаясь то вверх, то опускаясь вниз. Густая сильная трава, казалось, пробивала одежду и щекотала, колола ноги через нее. Но мы продолжали идти. Труднее всего было на крутых подъемах, когда уже становилось тяжело дышать. Дыхание сбивалось, становилось тяжелым от быстрого шага. Но мы шли все дальше. Дальше и выше, как будто нашей целью было стремление скрыться от всей цивилизации, спастись в труднодоступных ущельях.

Мы шли. Мой спутник то и дело повторял: «Иди за мной, иди по моим следам».

На одном из таких подъемов он обернулся ко мне и сказал: «Устаз Киши-Хаджи, когда со своим братом Мовсаром шли горными путями, обращался к нему и говорил: "Брат мой, иди за мной, иди по моей тропе, ходи по одной проверенной дороге"».

И когда мой рассказчик это говорил, его лицо становилось мягким. Удивительно, но истинный мюрид всегда, когда говорит что-то об исламе – аят Корана, хадис ли, или что-то благородное из деяния какого-либо праведного предшественника, его лицо наполняется смирением, неизмеримой любовью к Аллаху, к Единобожию...

Его движения сдержанны во всем, в каждом шаге его видна скромность и уважение ко всему окружающему. Такое ощущение, что он боится нанести вред, как-то обидеть даже травинку, муравья, который может пробежать под ногами.

Вера, иман, мудрость, скромность и любовь к ближнему – вот черты искреннего муслима.

Слова моего брата-мюрида: «Устаз Киши-Хаджи, когда со своим братом Мовсаром шли горными путями, обращался к нему и говорил: "Брат мой,

иди за мной, иди по моей тропе, ходи по одной проверенной дороге”», – еще долго словно звоном отдавались в моей голове. Меня они поразили! СубханАллах! Ведь шейх Кунта вложил большой смысл в эти, казалось бы, простые слова, обращенные к своему младшему брату.

«Не ходи иными путями» – да ведь это же он говорил о ИСЛАМЕ! Что в вере Всевышнего есть только один путь – данный через пример Пророка Мухаммада (а.с.с.)! Не надо ничего придумывать, Аллах уже и так все дал нам в Коране и сунне.

Аллах Всевышний также сказал: «И, поистине, это – Моя прямая дорога, следуйте же ею и следуйте (иными) путями, которые уведут вас от Его пути» (Скот, 153).

Биография

Кунта родился в селении Илсхан-Юрт, в бедной семье. Отца его звали Киши, мать Хеди. В горном ауле Илсхан-юрт прошло детство Кунты. По преданию, он рос тихим ребенком, любил уединение.

С самого раннего детства Шейх Кунта смог приблизиться к простому бедному народу, так как сам жил также. Удивительно, что, не смотря на трудное положение своей семьи, на то, что он должен был все время трудиться, чтобы помогать родителям, Кунта выучил арабский язык.

В 18 лет Кунта ушел в хадж, во время которого вступил в суфийский орден кадырия, находясь в Турции.

Пару лет спустя, вернувшись в Чечню, Кунта начал проповедовать совершенно неожиданные идеи. Так вместо джихада и военного сопротивления агрессии кафиров, шейх постарался дать мусульманам духовное сопротивление. По преданиям, его намерение было таковым по причине того, что в джихаде погибла половина населения горцев. Россия нещадно уничтожала мусульман, исчезли целые аулы, опустели земли и силы Кавказского эмирата имама Шамиля уже были подорваны.

Мягкое сердце Кунты не выдерживало суровых испытаний войны, безмерное сострадание ко всему окружающему в конце концов привело его к идее «непротivления злу», которая оказалась ошибочной и его же сгубила.

По преданию, Киши-Хаджи отрицал не только эту, а любую войну, говорил, что нельзя отвечать злом на зло, просил прощать своих врагов – в этом пункте идя против шариата, глубоких установок горского и исламского сознания.

При этом он обращался к отдельному, одинокому человеку – а не к семье, роду или тайпу. Принять несправедливую реальность и остаться собой может только сам человек. Он говорил, что спасение человека только в духовном росте. Для мира, где царили коллективная ответственность и уважение к силе, это было ценностной революцией.

«Война – дикость. Удаляйтесь от всего, что напоминает войну, если враг не пришел отнять у вас веру и честь. Ваша сила – ум, терпение, справедливость. Враг не устоит перед этой силой и рано или поздно признает свое поражение».

Вскоре молодой аскет стал очень известен. Его глубокая набожность, искренность, желание облегчить людские страдания и способность отдаваться этому всем существом привлекали к Кунте много людей. Со временем у него появились мюриды – секта верных последователей.

Народ к шейху привлекало его доброе мягкое сердце, абсолютная справедливость и скромность. Несмотря на свое положение, он вопреки обычаям, но согласно исламу ничего для себя не требовал. В этом Киши-Хаджи проявлял истинное шариатское поведение: будучи предводителем людей, он жил только на средства, заработанные своим трудом.

Имам Шамиль продолжал вести джихад, всеми силами стараясь спасти ислам и мусульман на Кавказе. Все силы государства были направлены на справедливую борьбу против российских захватчиков. Поэтому идея Кунта-Хаджи прямо противоречила стремлениям мюридов-моджахедов: сохранить свободу и законы Аллаха на земле.

В итоге имам Шамиль запретил учение (тарикат) Шейха Киши, а сам Кунта был вынужден снова отправиться в паломничество. Вернувшись из него около 1861 года, Кунта-Хаджи снова становится очень популярным, численность его вирда достигает уже 6 тысяч человек. Сам правитель имамата Шамиль в бою попадает в плен, где царские оккупанты, дабы сломить дух мусульман, придумывают легенду о его якобы мирной добровольной сдаче.

Во многом эта идея принесла успех, люди постепенно начали более массово принимать учение Кунта-Хаджи, отворачиваясь от защиты ислама.

Также сильным фактором распространения вирда стали высокая нравственность и благородство шейха.

Все деяния его происходили из любви, которую он исповедовал, – ко всякому человеку, его душе, ко всем живым существам. Кунта говорил, что мюрид должен жить простой жизнью, стараться делать маленькие добрые дела, любить и уважать все живое – а также землю и воду, весь мир, созданный Всевышним.

Он призывал не обижать животных и растения, не загрязнять реки, уважать детей. По его словам, Бог пожалел изгнанных из рая Адама и Еву и дал им в утешение детей. Он говорил, что надо чтить беременных женщин, всегда уступать им дорогу. Сам Кунта-Хаджи, видя беременную женщину, всегда кланялся ей.

«Мусульмане! Любите друг друга, поддерживайте друг друга, будьте по-настоящему братьями друг другу. Только любя веру в душах каждого из нас, вы любите веру подлинную, а не мифическую. Никто и ничто: ни холодное звездное небо, ни животные, не наделенные разумом, не способны

воспринять и осмыслить святое чувство веры, кроме людей, таких, как и вы...»

Однако его проповедь продолжалась недолго. Российская власть испугалась растущего влияния шейха, усмотрев в объединении суфиев зерна сопротивления. Начальник Терской области Лорис-Меликов писал: «Учение "зикр" служит лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил».

3 января 1864 года по личному распоряжению великого князя Михаила Романова Кунта-Хаджи вместе с ближайшими мюридами был арестован. После пленения Устаз Киши-Хаджи был разлучен со своими мюридами (среди которых был его брат Мовсар) и один направлен на вечную ссылку в город Устюжно Новгородской губернии. Оттуда Кунта-Хаджи писал своей семье письма, которые не дошли до адресатов, но сохранились в новгородских архивах. Из них известно, что шейх сильно болел и голодал, так как не знал русского языка и не мог заработать себе на жизнь.

Кунта-Хаджи – герой ислама

На долю Кунта-Хаджи выпало трудное время, и вся жизнь его проходила в преодолении всевозможных испытаний. Аль-хамду ли-Лаллах, этому великому человеку все тяжести земной жизни помогала пройти его сильная и крепкая вера в Аллаха.

Эта же сила веры, твердая убежденность в Единобожии дала шейху прекрасные плоды – нравственность, благородство, иман.

Сам Пророк Мухаммад (а.с.с) сказал: «Я послан только для того, чтобы усовершенствовать благородство нравственности» (Малик).

И Кунта-Хаджи воплощал эту нравственность ислама в течение своей жизни.

Главная причина успеха проповедей Шейха заключалась именно в его благородном поведении, в том, что слова и поступки в отношениях с людьми соответствовали Корану и сунне.

Кунта-Хаджи является героем ислама и устазом (проповедником). Его самая большая заслуга заключается в том, что благодаря ему ислам приняли многие ингуши. И эта история удивительна...

Известно, что часть ингушей приняла ислам еще во времена первого амира Кавказа – Шейха Мансура-Ушурмы. Так орстой и часть среди общества назрановцев были давно мусульманами. В народе есть предание, что и имам Шамиль пытался установить шариат и распространить свет веры в Ингушетии, но у него не получилось. И только высокая мораль и мягкость Киши-Хаджи привлекла гIалгIай в ислам.

Горцы поражались смиренному поведению и мудрости шейха и на его примере находили истину и прямой путь к Богу.

Шейх Кунта-Хаджи спас от огня ада и дал Единобожие большей части ингушей.

В самой Чечне горцы уже в исламе были давно, но и здесь проповеди Киши находили отклик в сердцах людей. Простые чеченцы, которые не могли обладать большими знаниями веры, находили пример и отражение самой веры в поведении Кунты. Проповеди, поступки, вся его жизнь показывали народу, как нужно поступать, чтобы в этом мире обрести справедливость, а в следующей рай.

Да воздаст Милостивый Аллах благом в раю благородному Устазу!

Шариат и Кунта-Хаджи

Кавказ – земля, где люди всегда тщательно оберегали свои традиции (адаты). С приходом ислама горцы стали перед трудным выбором – или следовать шариату – законам Аллаха, или следовать языческим законам – адатам.

Аллах сказал: «Те же, которые не принимают решений в соответствии с тем, что ниспослал Аллах, являются неверующими» (Сура «Маида», аят 44).

И сейчас на Кавказе идет великая борьба ислама – шариата – с пережитками язычества – адатами. Главное, что ислам не запрещает все адаты, он только стирает те традиции, которые противоречат Корану и сунне. Ведь ничто не может сравниться с законами Аллаха. Что касается кавказских традиций, то они по большей части в себе содержат нравственные ценности ислама.

Яхь, сий, эздел, барт, цхьоагло (совесть, честь, воспитанность, согласие, единство) – это все основы Единобожия, без которых веры Аллаха и не может быть. Это все и есть составляющие имана и нравственности мусульмана.

Искоренить плохие адаты, сохранить хорошие адаты и установить шариат пытались многие. Например, первый амир всего Кавказа Шейх Мансур-Ушурма. В его эпоху свет законов Аллаха сильно распространился, горцы начали жить по шариату. Но после поражения общество вернулось снова во тьму джахилии (невежества). Пытался и имам Шамиль, и даже достиг немалого успеха, но все равно результат оказался очень шатким. Многие люди продолжали судить по адатам. Главная причина неудачи Шамиля заключалась в том, что он сразу же вводил законы Аллаха, не разъясняя людям подробно. Законы Аллаха насаждались грубо и резко, что и вызвало их отторжение у основной массы горцев.

Другим путем пошел Кунта-Хаджи. Также имея знание от Аллаха, шейх понимал, что шариат необходимо дать и установить вместо адатов, но силой этого трудно добиться. Поэтому он старался через милость и постепенность распространить среди чеченцев и ингушей законы Всевышнего.

На первых порах Киши-Хаджи старался найти общее между шариатом и адатами, найти те связующие нити, которые привлекут людей к законам Аллаха.

«Наши обычаи и нравы возникали и совершенствовались тысячами. Поэтому они оказались настолько близкими исламу. Мы должны их свято беречь и не позволять опошлять никому. Отношение к женщине, как к святой, почитание старших, уважение в семье, особое отношение к гостю, коллективная взаимопомощь и общественные работы, единство в горе и в праздники, умение быть милосердными и уступчивыми – все эти качества объединяют нас и берегут нашу честь. С теми, кто попытается посягнуть на это, нужно воевать до последнего чеченца».

Субхана-Ллах! Обратите внимание – Кунта-Хаджи призывает сохранить именно те адаты, которые не противоречат исламу! Уважение к старшим, женщине, единство, братство. Устаз отказался от плохих адатов, которые шли вразрез с шариатом.

И именно в этом заключается великая мудрость Кунта-Хаджи: устанавливать шариат постепенно, подготавливая к нему людей.

Ведь именно так и поступил Пророк Мухаммад (а.с.с): первые 13 лет мусульмане только учились Единобожию, а шариат был введен только после этого долгого срока, когда люди уже понимали его и знали смысл послушания Аллаху – жизни и суждения по шариату.

Когда же чеченцы и ингуши, воодушевленные проповедями Киши-Хаджи, набрались имана, то шейх стал устанавливать среди них шариат. Так он ясно и четко сказал: «Наш земной закон – шариат».

Интересно еще одно высказывание Устаза: «...чтобы вы не говорили друг другу, если у вас будут споры, какие-то проблемы, то их решайте только шариатским судом. Если это по шариату является правильным – тогда берите, если нет – то запрещено».

Процесс введения в жизнь вайнахов законов Аллаха уже был начат. Но, к сожалению, Устаз не успел ввести шариат своими проповедями по всей Чечне и Ингушетии. Причиной этого стало то, что кафиры захватили его в плен и собирались выслать в глубинку России под арест.

Много идет толков о причине того, почему неверующие устранили шейха. Основной версией было то, что он мог представлять какую-то угрозу царскому режиму кафиров на Кавказе. Дело в том, что неверующие российские оккупанты стремились покорить полностью и навсегда горцев, но единственным препятствием на этом пути был шариат. Законы Аллаха запрещают мусульманам подчиняться иноверцам и жить по их конституциям. А сам шейх Кунта-Хаджи как раз вводил шариат, и поэтому был опасным элементом для политики России – политики завоевания и покорения исламского Кавказа.

Интересны даже последние слова Устаза Киши-Хаджи. Когда его увозили с самыми приближенными людьми в ссылку, то при прощании с про-

стыми мюридами Кунта-Хаджи сказал: «Следуйте шариату: то, что не из Корана и сунны – не берите».

Это и есть завещание и последние слова великого проповедника Кунта-Хаджи.

МашАллах! Аллаху Акбар! Вся жизнь Устаза была посвящена распространению ислама и установлению шариата на Кавказе.

Аллах сказал: 1. «Но нет – клянусь твоим Господом! – они не уверуют, пока они не изберут тебя (Пророка Мухаммада (а.с.с.). – Ред.) судьей во всем том, что запутано между ними, не перестанут испытывать в душе стеснение от твоего решения и не подчинятся полностью» (4:65).

2. «Твой Господь создает, что пожелает, и избирает, но у них нет выбора. Аллах пречист и выше тех, кого они приобщают в сотоварищи!» (28:68).

3. Передают со слов Ибн 'Аббаса, что Пророк (а.с.с) сказал:

«Самыми ненавистными для Аллаха людьми являются трое: отклонившийся от веры, который находится в святилище (харам); человек, стремящийся к сохранению обычаев джахилии в исламе; и тот, кто ищет (способа) пролить чью-либо кровь, не имея на это права» (Бухари).

Высказывания Кунта-Хаджи

1. Призывайте любить Всевышнего Аллаха – любите справедливость. Желайте своему брату того же, что желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с людьми тем, чем одарит вас Всевышний.

2. Не оставляйте никого из братьев своих в голоде, холоде, нищете и в униженном состоянии. Пророк Мухаммад (а.с.с) говорил, что самый ценный подарок Всевышнему – это часть немногого, что у вас есть, отданная нуждающемуся. Наш брат в тарикате не может быть спокойным, видя, что его брата что-то беспокоит.

3. Мусульмане! Любите друг друга, поддерживайте друг друга, будьте по-настоящему братьями друг другу.

4. Всевышнему угодно, чтобы мюрид проводил свое время в добрых делах, таких, как ремонт дорог и мостов, очищение и обустройство родников, выращивание деревьев вдоль дорог, строительство мечетей. Мюрид обязан навещать больных, прикованных к постели. Должен интересоваться, в чем нуждаются старики, сироты, все хилые и немощные, оказывать им посильную помощь; мирить поссорившихся супругов; возвращать мать к своим детям; восстанавливать семьи – это тоже весьма богоугодные дела, которые обязан делать мюрид.

5. Мюриды не из тех, кто ищет для себя рая на земле. Но для мюридов было бы счастьем сделать на земле рай для других. Поэтому мюриды, идущие по тарикату, должны беречь, украшать, лелеять эту землю и все, что

вокруг них. Мюрид должен оставить после себя добрый, яркий след как пример для всех людей. Сгорая любовью ко Всевышнему Аллаху и ко всем людям, мюрид тариката должен показать истинное предназначение человека на земле.

6. Воздерживайтесь от излишеств, ибо излишества, в отличие от необходимого, не знают границ. Стыдно и грешно хотеть того, чего нет у других, желать выделяться от других роскошью, яркостью нарядов или размерами жилища. Стыдно и грешно иметь много скота и не делиться с теми, кто голодает. Стыдно и грешно менять каждый день одежды и проходить с высокомерием мимо тех, кто уже давно ходит в рваных одеждах. Стыдно и грешно стоять рядом с босоногим в дорогой и красивой обуви. Стыдно и грешно пытаться выделяться от других высокой дорогой шапкой. Лишняя еда, лишний сон, лишние одежды, лишние жилища не приближают, а отдаляют нас от Всевышнего Аллаха. Каждый мусульманин красив умеренностью и скромностью.

7. Не стремитесь к земным почестям. Земные почести – иллюзии. Радуйтесь и гордитесь тем, что вы равные среди равных. Если обнаружите, что больше зияете или больше имеете – спешите отдать, ибо то, что вы не отдали – пропало. А то, что вы отдали, станет свидетелем в Судный день.

8. Наш земной закон – шарият.

9. Носите чалму не ради славы и видимости, а как знак любви ко Всевышнему и исламу. Не торопитесь обвязать чалмой голову. Обвяжите ее сперва свои сердца. Святой человек стыдится своей святости. Ничтожные напяливают на себя одежды, отпускают длинные бороды, пытаются предстать теми, кем они не являются. Это лицемеры, названные в Коране самыми большими грешниками.

10. Не делите людей на князей и рабов, на местных и пришлых, ибо сказано в Коране, что все мусульмане равны. Не делил мусульман на достойных и недостойных Пророк Мухаммад (Да благословит Его Аллах и приветствует). Все мусульмане – братья. Уважайте всех устазов, все учения в исламе, не враждуя и не пренебрегая мнением каждого.

Мы – все мусульмане Аль-хамдули Лаллахи и должны друг друга любить и уважать. Может между нами есть какие-то противоречия, то это не страшно: мы просто должны посмотреть все через Коран и сунну. Что есть в Книге Аллаха и достоверных сахих хадисах, то и взять себе. То, что делал Пророк Мухаммад (а.с.с.) – то использовать, а что не делал – то оставить.

Ведь только посланник Аллаха – Мухаммад (а.с.с.) может быть примером для подражания. Сам Господь о нем сказал: «И поистине ты (о Мухаммад) великого нрава» (Калям: 4).

И дошло до нас в достоверных хадисах:

Сказал Посланник (а.с.с.): «Я оставляю после себя Коран и мою сунну. Если вы крепко будете за них держаться, то никогда не заблудитесь» (Малик).

«Кто отверг мою сунну, тот не из моей [общины]». Затем он прочел следующий аят: «Скажи [им о Мухаммаде]: Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, и Аллах полюбит вас...» (3:31).

Мюрид (MÜRİD, араб. مريد, означающее – ученик, желающий, соискатель, поставивший себе целью исполнить определенное дело.

Устаз Кунта-Хаджи был великим человеком нравственности, имана и вокруг него постепенно сплотились мюриды – его ученики. Люди поражались огромному и чистому чувству веры и ее воплощению в поступках. Постепенно все больше и больше горцев понимало истинность пути ислама через проповеди Устаза Кунта-Хаджи. И лучшие из них становились мюридами.

Образ мюрида охарактеризовал сам Шейх Кунта-Хаджи в своих высказываниях-наставлениях (смотрите их выше). Таким образом, искренний последователь устаза был настоящим муслимом, олицетворяющим высокую мораль Единобожия.

Понять, кто есть кто, очень легко. Так, способ выявления настоящих мусульман из толпы лицемеров и невежд дал великий ученый имам Ахмад ибн Ханбаль:

«Если ты желаешь знать положение ислама у людей твоего времени, то не смотри на их столпотворение у дверей мечети, а также на шум, создаваемый ими во время хаджа при произнесении слов "ляббайк". Однако посмотри на их отношение к врагам Шариата!» (См. аль-Адабу-шария 1/268).

То есть узнать, кто настоящий муслим можно по тому, как человек соблюдает шариат и относится к нему.

Тем более, что сам Шейх Кунта-Хаджи приказал мюридам жить только по шариату! А ведь Устаз Киши-Хаджи приказал во всем следовать только шариату.

1) «Наш земной закон – шариат»; 2) «...чтобы вы не говорили друг другу, если у вас будут споры, какие-то проблемы, то их решайте только шариатским судом. Если это по шариату является правильным – тогда берите, если нет – то запрещено».

А ведь Устаз Кунта-Хаджи запретил национализм:

«Не делите людей на князей и рабов, на местных и пришлых, ибо сказано в Коране, что все мусульмане равны. Не делил мусульман на достойных и недостойных Пророк Мухаммад (а.с.с.). Все мусульмане – братья».

Устаз Кунта-Хаджи говорил:

1) «Хотите любить Всевышнего Аллаха – любите справедливость. Желайте своему брату того же, что желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с людьми тем, чем одарит вас Всевышний». 2) «Не злитесь. Не держите зла в срок от молитвы к молитве. Простите обидчика, и ему станет стыдно». 3) «Ваше оружие – четки, не ружье, не кинжал». 4) «Злого победи добротой и любовью. Жадного по-

беди щедростью. Вероломного победи искренностью. Неверного победи верой. Будь милосердным, скромным, готовым жертвовать собой».

Великого проповедника Шейха Кунта-Хаджи можно смело назвать сердцем полным искренности перед Богом. Когда человек достигает момента полного исполнения «Ла иллах!а илла-ллах!» в поведении с людьми, то от него начинается исходить невидимый свет. Свет, который призывает к исламу. Свет, на который, как мотыльки, летят добрые искренние сердца.

Так к свету имана пророков и сподвижников приходили люди, которые очищали свою душу верой перед Аллахом. Так и к устазу Киши-Хаджи присоединялись горцы, ищущие Бога и зачарованные нравственностью скромного проповедника.

И эти люди, сердца которых стремились к Истине, становились в свое время мюридами. Потому что благодаря образу Устаза Кунта-Хаджи, мюрид – означало преданность Аллаху, искреннюю веру и благородство.

В своем трактате «Тарджамат макалати. Кунта-Шейх» пишет: «Если сердце мюрида ноет, наполнено состраданием к людям, лишено неприязни и зависти, он близок к Богу, Пророку и учителю... Убравший из своего сердца гнев, простивший обиду, стократ упоминающий Аллаха, молящийся за тех, кто злословит, – раб Божий» (Мустафа Эдильбиев).

То есть, по заветам Устаза, настоящий мюрид – это человек, который все свои силы направляет на очищение души от всего плохого.

Кто такие искренние последователи Шейха Кунта-Хаджи можно узнать только по самим высказываниям шейха (смотрите выше). Аль-хамдули Лаллахи! Я благодарю Аллаха за то, что ОН мне даровал возможность познакомиться с настоящими мюридами.

Когда я видел этих людей, их светлые лица и чистоту слов, поступков, я хотел плакать. Мое сердце сжималось, и хотелось как можно дольше побыть с этими мусульманами.

Удивительно, но все их разговоры были чисты и наивны. Но наивность эта была не от глупости, которую можно встретить среди далеких от веры, а от чистоты сердца, от чистоты имана...

Жизнь настоящего мюрида протекает в поклонении и полном подчинении Аллаху. Со временем его мировоззрение полностью становится очищенным, душа чистой, а поступки в поведении с людьми справедливыми. Достаточно немного побыть с этими людьми, и тебе не хочется их покидать. Ибо свет веры, исходящий из их сердец, привлекает к себе мусульман.

Необходимо уделить внимание еще одному высказыванию Шейха Кунта-Хаджи: «Мюриды не из тех, кто ищет для себя рая на земле. Но для мюридов было бы счастьем сделать на земле рай для других».

То есть, настоящий мюрид в первую очередь делает все, чтобы сделать счастливым другого мусульмана. Сначала помочь другим и только потом вспомнить о самом себе. Субхана-Ллах – это и есть путь ислама, путь сподвижников.

Последнее слово о Шейхе Кунта-Хаджи

О благородном Шейхе можно говорить много. Но напоследок хотелось бы привести слова ингушского публициста М. Барахоева, которые очень четко характеризуют Устаза: «О высоком моральном облике Кунта-Хаджи говорит и то, что он решительно отказывался принимать элементарную помощь от своих мюридов. На этот счет бытует такое предание.

Однажды мюриды решили оказать помощь своему Устазу. Незаметно пристроившись на кукурузном поле, где Кунта-Хаджи собственноручно совершал прополку, его мюриды начали полоть кукурузу. Обнаружив на своем поле мюридов, он подходит к ним, благодарит за помощь, отделяет линейей часть поля, прополотую мюридами, и заявляет, что урожай с части, где не приложен его труд, ему не принадлежит, и он отдаст его бедным.

Осуждая высокомерие, гордыню, корыстолюбие, неуважительное отношение к людям, Шейх изрекал, что если они присутствуют в сердце его мюрида, то он лишится своего Устаза.

Аскетизм Кунта-Хаджи – не тщеславная демонстрация, рассчитанная на популярность, а норма его жизни, реальное, осознанное поведение, продиктованное внутренним убеждением. Предание сообщает, что он отказывался от подарков, которые преподносили ему верующие, а то, что вынуждали его брать, он отдавал нищим и бедным. Кунта-Хаджи меньше всего стремился к афишированию своей святости.

Дореволюционный историк И. Попов в 1866–1867 годах имел личную встречу с Кунта-Хаджи. И вот что он сообщает о впечатлении, произведенном на него Устазом зикристов: «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением вести беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства. Это был обаятельный человек и опасен в смысле политическом, к чему он и стремился» (М. Барахоев // Сердало).

Вывод

Шейх Кунта-Хаджи – величайший человек и проповедник (Устаз), который принес много пользы исламу. Он – образ настоящего муслима и нравственности Единобожия. Своими благородными делами Киши-Хаджи навеки внес неоценимый вклад в ислам и судьбу вайнахов.

Сейчас мы – люди, уважающие Устаза, должны сравнить все данные, что у нас есть с единственным правильным источником – Кораном и сунной. И оставить только то, что делал сам Пророк Мухаммад (а.с.с.). Ибо только посланник Аллаха (а.с.с.) пейхмар является примером для подражания.

И сказал Аллах:

1. «И, поистине, ты (о, Мухаммад) великого нрава» (Калям: 4).

2. «Для верующего мужчины и верующей женщины нет выбора при принятии ими решения, если Аллах и Его Посланник уже приняли решение. А кто ослушается Аллаха и Его Посланника, тот впал в очевидное заблуждение».

И сказал Пророк Мухаммад (а.с.с.):

«Я оставляю после себя Коран и мою сунну. Если вы крепко будете за них держаться, то никогда не заблудитесь» (Малик).

«Кто отверг мою сунну, тот не из моей [общины]». Затем он прочел следующий аят: «Скажи [им о Мухаммаде]: Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, и Аллах полюбит вас...» (3:31).

И сказал шейх Кунта-Хаджи: «Следуйте шариату: то, что не из Корана и сунны – не берите».

Это есть завещание и последние слова великого проповедника Кунта-Хаджи.

Вся хвала принадлежит Аллаху – Господу миров!

21.10.2008

[illegible]

Мѣсяцъ и число.	№ № исходящ. журнала.	Кому адресованъ пакетъ.	Число паке- товъ.	Росписка полу- чателя.
<p> الانكار عليهم خافي كذبح الخول كما وعلى الناس في الجوز القدر من ولا يبع هذه العبد من اذن بها والى اهل لا يجوز ان يكون من كذا على الناس خالان علمت انه علم علما لدنيا لان اراى كل الدنيا معلومة بلما جميعه يذكروا لم اراى مكانا بيسمى الا محل ذكر لهم فاذا دخلت بينهم طابا غلوص فغلبت حرم الماء وخوت حرم الغرض بالماء ولم اعلم كوني معهم ذكرا وراخصا وصافعا فغلبت لك واسم علمت كوني من الاولياء الكمل باظهار الكرامة في ذلك الجلس وكل العلماء خالوا استمعنا بأمره المستبين بالاستماع حرم اسل الطريق وصل هذا الشيخ كذبح حرم الدرجاج والكرامات عند استفعال وبذلك رجعت حرم الانكار عليهم ونفذت حرم الطعن عليهم الى الآن وبعد الآن لا يكون يعتبر ان كان من حرم غفرى الى يوم الغيبة فجزا عند اراى ارباب الدخول حرم الانكار عليهم حرم انكار عليهم ان ثبوت بلا ايمان وظهر طفا كرم حرم الاولياء الكمل بل من خواص الخواص وعلمت كوني حرم الخواص عدم اخذ الغيبة عنهم سلم سمو بل الى يوم من نحو كغيره انما لم يعقبى هو حرم يوم وفارست ان لا للفضة وخرمك ارباب الامام هو لاء العلماء المخلصين عند ان خانهم يطعمون اخفقت واحسناتك مجد الى اسم خير او اما المستبينون بالانكار اقول ان الارباع كمل بطلون الدنيا بعمل الاخرة وبأقوالهم الموهبة على الناس وعلى هذا امر الباعث مستعمل على الناس في ذلك المجلس بعد الانكار وعليه بعد الآن فلا يكون من انكار عليهم بعد الانكار فكان هذا امر المحسن الى ان لم يسم هذا الطعن بل وانطعوه وكان في ذلك المجلس حرم العبد انكار العالم المحرم انكار في العالم هذا في العالم اعلم والعالم عبد الكريم والعالم في نفي على وغيرهم آه لست انا انكار في العالم هذا في العالم اعلم والعالم عبد الكريم والعالم في نفي على وغيرهم آه بالانكار في العالم هذا في العالم اعلم والعالم عبد الكريم والعالم في نفي على وغيرهم آه بالانكار في العالم هذا في العالم اعلم والعالم عبد الكريم والعالم في نفي على وغيرهم آه </p>				

ПЕРЕВОД ПРОТОКОЛА ВЕДЕНСКОГО СУДА

Копию протокола так называемого Веденского суда на арабском языке мне предоставил имам Межиев Салах, который он обнаружил в архиве Чеченской Республики.

Данные из протокола говорят о том, что устаз Кунта-Хаджи был вызван Шамилем, пытавшимся разобраться в убеждениях Устаза и в том, что он несет людям.

Этот документ является записью события о встрече имама Шамиля и Шейха Кунта-Хаджи, сына Киши, в селе Ведено. *Смысловой перевод текста:* «Шамиль позвал его с муридами на собрание. Шейх пришел вместе с муридами. Пришли они громко восхваляя Всевышнего в зикре. Также они кричали имена Аллаха, кружились, били ногами о землю. Имам и алимы смотрели на их зикр. Главным среди алимов на этом собрании был алим Эфенди (так он назван в документе), который был особенно ярым противником учения шейха. Он советовал имаму, что он обязан остановить их зикр. Он уверял всех, что нельзя брать вирд у этого Шейха, нельзя следовать за ним, нельзя его слушать. Имам попросил Шейха начать Чехка зикр – быстрый зикр (из рассказов наших уважаемых стариков мы знаем, что этот алим расстерялся и не смог задать вопросы Шейху, так как не мог найти строки в книгах, которые он приготовил против него. – (Межиев Салах). По просьбе имама, Шейх сказал муридам, чтобы те начинали Чехка зикр. Они встали в круг и начали зикр. Закружились они, как мельница. Имам и все алимы смотрели на них. И этот алим Эфенди, который больше всех был противником Шейха, заскочил в круг. Он (Эфенди) бегал с ними наравне.

Его поступок очень удивил имама Шамиля, так как он (Эфенди) был ярим противником этого зикра, а сейчас поступал совсем наоборот. На зикр имам смотрел со слезами на глазах. Когда Шейх остановил зикр, имам спросил у Эфенди, что же он делал, и как надо понимать его действия, ведь он был ярим противником этого зикра? Эфенди ответил Шамилю: «Йа амирул муьминин, о имам Шамиль, я прошу простить меня. До сих пор я был против этих людей и их зикра, и мне казалось, что они делают рийаъ (показуху). Теперь я узнал, что этот Шейх из числа Камил овлия Всевышнего (совершенных овлия). Ни в коем случае нельзя переходить ему дорогу, ни в коем случае нельзя порицать его учение. Никогда я не видел и не слышал где-либо, чтобы хоть один Шейх достиг той степени, что достиг он! Я свидетельствую, что нашел у него знания «захир» и знания «батин» (знания внешнего и сокрытого). Больше не противник я ему и его учению. Этот шейх действительно Валийуллах – приближенный Аллаха! Он Валийуллах, достигший вершины (макам), которой не достигал кто-либо из шейхов!

Братья мои, если вы спросите меня, почему я поменял свое мнение, являясь таким противником этого человека, то я вам отвечу. Я говорил людям, что нельзя слушать, советоваться, следовать его учению, потому

что считал, что он невежда. Я говорил, что невежда не может наставить людей на путь истинный! (этот алим назвал Шейха «уммиййун» за то, что он не учился ни у кого. Наш Пророк (а.с.с.) тоже был «уммиййун – он также не читал и не написал ничего за всю жизнь». – *Межиев Салах*). Теперь я узнал, что у этого Шейха «ладуниййун» знания (знание, которое Аллах Сам внушает Своим рабам), потому что во время зикра он мне показал всю вселенную, заполненную водой. Не видел я суши, куда можно было ступить, кроме как то место, где был Чехка зикр. Прыгнул я в круг, чтобы не утонуть, и в этот момент я не сознавал, что делаю зикр. И по этой причине, увидев карамат (чудо) этого Шейха, клянусь Аллахом, я узнал, что этот Шейх – Камил овлия Всевышнего. Я покаялся за то, что плохо думал и говорил о нем до сих пор. Упаси нас Всевышний, братья, оттого что мы плохо подумаем или что-либо плохое скажем о нем. Тот кто будет порицать этого Шейха и его тарикат, тот умрет не будучи праведным. Подтверждаю что Шейх Хаджи бин Киши это избранный из избранных Аллахом овлия».

Имам Шамиль предлагает Шейху 70 рублей серебром. Но Шейх отказывается от денег, сказав, что не имеет права брать садака (милостыню). (Пророк (а.с.с.) и его род Хашими не позволяли себе брать милостыню, а принимали только подарки.– *Межиев Салах*)

На этом мажлисе имам Шамиль доводит до сведения всех, что этот Шейх действительно Валиуллах – приближенный раб Аллаха и, что отныне, если кто придет с доносом на Шейха из Илсхан-Юрта, тот пусть не винит его, имама, за последствия, так как пришедший сам будет виноват в том что он, имам, сделает с доносчиком».

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД СЯТОГО УСТАЗА КИШИ-ХАДЖИ В ИНГУШЕТИЮ

...Имам Шамиль трижды отправлялся в поход в Ингушетию, чтобы заставить непокорный народ принять ислам, но трижды предпринятые попытки заканчивались поражением. В схватках с могучим воителем пали смертью храбрых лучшие сыны Ингушетии.

Народ залечивал раны, в семьях женщины оплакивали погибших. Но минуло время, и однажды в районе с. Ведено на вершину горы Артан-Корт поднялся Устаз Киши-Хаджи и обратился к Аллаху с молитвой:

«Во имя Тебя, Всемогущий Аллах, прошу разрешить мне отправиться к доблестным воинам-ингушам, трижды поразившим воинов Шамиля, но не позволившим покорить себя и свою землю и этим трижды выразив сопротивление принятию ислама. Я обращаюсь к Тебе, Всемогущий Аллах, с просьбой разрешить мне от Твоего имени подарить этим воинам, достойным сынам ингушского народа, ислам, подарить тарикат от Абдул Кадыра и сделать их своими верными мюридами. Ты послал меня устазом на грешную землю творить добро, укреплять мир, распространять ислам. За всю свою жизнь я ни разу не осмелился просить Тебя, о Всемогущий Аллах, о чем-либо для себя. Обращаюсь с единственной просьбой: благослови мое желание поехать в Ингушетию».

Через ангела Джабраила Святой Устаз Киши-Хаджи получил разрешение от Всемогущего Аллаха поехать в Ингушетию с тем, чтобы подарить ее народу ислам и все связанное с тарикатом от Абдул Кадыра.

Сборы были недолгими. После утреннего намаза, надев папаху, сапоги (иччигаш), плащ, положив в карман четки (силхаш), опираясь на дорожный посох, Устаз в сопровождении нескольких мюридов из селения Артан-Корт, не мешкая, отправился в сторону Назрани, чтобы совершить благое дело.

Узнав о том, что Устаз Киши-Хаджи собрался идти в Ингушетию, родные и близкие, односельчане, жители близлежащих горных селений собрались на окраине Ца-Ведено, преградив дорогу путникам. Женщины плакали, мужчины недоумевали: зачем направляется Устаз к ингушам?!

К нему-то и обратился от имени всех его же старший брат Мовсар:

– Имам Шамиль со своим войском трижды пытался покорить Ингушетию и трижды отступал после неудачных походов. Чем же ты, наш Святой Устаз, собираешься сломить ингушей? У тебя, как и у твоих спутников, нет коня, в твоих руках – лишь посох, а в кармане – четки, на тебе – дорожный халат и разбитые сапоги. И ты хочешь совершить то, что не под силу было даже Шамилю с войском? Ингуши непокорны и воинственны, они убьют тебя и твоих мюридов. Я, твой старший брат, умоляю отменить поход в Ингушетию,

об этом просят все твои односельчане, родные, близкие. И с этими словами Мовсар, как и вся толпа, пал на колени.

Святой Устаз Киши-Хаджи тут же подхватил брата:

– Не надо, брат, я недостоин коленопреклонения. Я – один из вас, а духовная близость к Аллаху не дает мне привилегий и незаслуженных почестей. Моя обязанность – воздавать Аллаху должное. Мой дорогой, мой любимый Мовсар! Всемогущий Аллах дал мне разрешение поехать в Ингушетию и подарить ингушам ислам. Все ингуши ждут не дождутся меня, их души наполнены любовью к исламу, их лица покрыты ослепительным сиянием, ниспосланным Всемогущим Аллахом. Они готовы принять ислам и на веки веков связать свои судьбы с именами Всемогущего Аллаха.

«Дорогой мой брат Мовсар, дорогие мои односельчане, родные и близкие! Как после того, что я вам поведал, мне не поехать в Ингушетию?!» – такую речь держал Святой Устаз Киши-Хаджи.

Народ, пораженный горячими, искренними словами и твердым намерением Устаза, с извинениями расступился, односельчане, пропустив Святого Устаза и его мюридов вперед, сопровождали их до селения Ачхой-Мартан. Переночевав здесь, рано утром Святой Устаз Киши-Хаджи в окружении нескольких мюридов и со старшим братом Мовсаром продолжил путь.

Ингуши, ведомые волей Аллаха, уже покинули свои жилища, оставили все дела и заботы, вышли навстречу Святому Устазу. Это произошло в том месте, где в настоящее время расположена станица Ассиновская, а тогда там стояли хутора ингушей: Мержоевых, Цечоевых, Галаевых, Белхороевых, Булгучевых. Все прилегающие земли были поделены между этими же родами (*тайнами*).

Встречали путников лучшие представители от каждого рода (*по пять человек*) со всей Ингушетии. Тамадой по этому случаю был выбран Сараали Опиевич Цечоев. Хотя и не был по возрасту старшим, но в Ингушетии Сараали пользовался почетом и уважением. С его мнением считались и представители царской администрации. Среди русских военных был известен как «горский князь». По сей день ингуши с уважением и любовью говорят об Опи Цечоеве.

По закону, первым среди ингушей принять ислам и вирд должен был тамада. Но настолько велико было его родственное уважение к Гайрбеку Гайтиевичу Мальсагову, что Сараали настоял, чтобы первым был Гайрбек:

«Если бы сегодня был жив мой кровный брат Овлур Сурхоевич Мальсагов, он первым должен был принять ислам и вирд от Святого Устаза Киши-Хаджи. В память о брате, который был настоящим мужчиной, я уступаю первенство его племяннику Гайрбеку, не менее достойному этой чести, чем его великий предок».

Вслед за Гайрбеком все представители тайпов по старшинству и в порядке очередности приняли ислам и вирд от Устаза Киши-Хаджи.

Опи Цечоев сказал:

«Первое торжество в честь приезда Устаза Киши-Хаджи в Ингушетию должно состояться непременно в Назрани, и первая молитва во главе с Устазом Киши-Хаджи должна быть здесь же.

Устаз Киши-Хаджи принял приглашение, и все собрались в дорогу, чтобы к обеду успеть в селении Альтиево. По пути следования принявших ислам непрерывной чередой стояли люди, жаждущие этого же блага от Устаза. Был солнечный день, воздух переполняли ароматы цветов, зелени, прогретой жаркими лучами светила. Вместе с обновленной красотой природы на Ингушетию Всемогущий Аллах ниспослал свое милосердие, подарив, наконец, ингушам ислам и этим благословив ингушскую землю. Гармония ее природных даров с божественной красотой и силой, исходившей от Святого Устаза Киши-Хаджи, по-особому укрепляла дух и поднимала настроение людей. Они от счастья плакали, обнимали друг друга, возносили руки к небу и благодарили Всемогущего Аллаха за то, что послал им Святого Устаза и вместе с ним благословил весь ингушский народ.

Передать всю торжественность происходившего таинства, наверное, не под силу ни писателю, ни поэту. А это был день нового рождения ингушей как нации, день единения вайнахского народа, день осознания главного – что нет Бога, кроме Всемогущего Аллаха, а Мухаммад (Да благословит его Аллах и приветствует!) – Его Пророк.

С пониманием этой истины люди принимали ислам и вирд от Святого Устаза.

В селении Яндари скопление людей было настолько многочисленным, что продвигаться колонне шествующих было невозможно. Святой Устаз Киши-Хаджи взошел на небольшой холм и обратился к собравшимся:

«Я вижу, как вы радуетесь тому, что Всемогущий Аллах подарил вам ислам, я знаю, как вы жаждете быстрее очиститься от грехов, я чувствую, как вам хочется быстрее принять истинную веру мусульман. Я вместе с вами радуюсь, я вместе с вами тороплюсь, я с этого дня навсегда связан с вами судьбой. Не плачьте, мои родные мюриды, не тревожьте свои души. Я впервые здесь, в Ингушетии, и обещаю, что до осени обойду всю Ингушетию: каждое село, каждый хутор. Ни один дом не останется незамеченным мною. Каждый ингуш до осени примет от меня ислам и вирд, что идет от Абдул-Кадыра. Сегодня этот вирд находится у меня, у вашего Устаза. Я прошу вас не сопровождать меня и моих спутников далее, иначе мы не успеем к обеденной молитве в Назрань».

Люди вняли словам и просьбам Устаза Киши-Хаджи. Здесь же люди попросили Устаза произнести дуа о прощении благословить селение Яндари и всех его жителей.

После этого Святой Устаз Киши-Хаджи и сопровождающие его представители ингушских тайпов двинулись в Альтиево. В то время в селении Крепость находилась царская администрация, где необходимо было зарегистрировать пребывание Святого Устаза в Назрановском округе.

При администрации служили офицерами Арапхан и его брат Йота. Они и помогли быстро оформить надлежащие документы. Арапхан и Йота здесь же приняли ислам и вирд от Святого Устаза Киши-Хаджи и вместе с делегацией последовали в Альтиево на торжество.

Святой Устаз Киши-Хаджи остановился у реки Назрановки на зеленой полянке и обратился к делегации: «Здесь мы совершим первый на земле Ингушетии намаз».

Сопровождающие растерялись: Как же можно молиться здесь, на траве? Но Святой Устаз настаивал на своем. Кто-то из толпы крикнул, что здесь нет чистой воды для намазов. Святой Устаз, улыбнувшись, сказал: «Вода будет». Не спеша прошел к каменистому берегу речушки, руками разгреб гальку – и оттуда ударил фонтан прозрачной родниковой воды.

Уж как тут было не подчиниться воле Великого Святого Устаза провести в этом благословенном месте первый на земле Ингушетии намаз. Во главе джамаат-намаза стоял Устаз Киши-Хаджи.

После молитвы он и сопровождающие направились в селение в дом к Элти. Здесь состоялось большое торжество, провели Мовлид, молитвы. Переночевав в доме Элти, Святой устаз Киши-Хаджи после утренней молитвы обратился ко всем представителям тайпов:

«Сегодня я поеду во Владикавказ, чтобы отметить у коменданта. Я знаю, что моя безопасность, свободное передвижение по всей Ингушетии достойно обеспечивается. Но я не хочу, чтобы после моего отъезда у кого-либо из вас были неприятности. Сейчас идет война, враг силен, коварен и беспощаден, поэтому я решил отправиться в путь один. Если арестуют и отправят в ссылку – на то воля Всемогущего Аллаха, нет – поеду домой в Чечню. На обратном пути остановлюсь здесь, в Назрани, чтобы попрощаться с вами». И Святой Устаз Киши-Хаджи, сделав дуа, в сопровождении большой толпы провожающих направился из Альтиево в сторону Владикавказа.

На окраине селения (*Назрань*) Насыр-Корт Святой Устаз попросил всех вернуться домой, а брату Мовсару и мюридам велел дожидаться своего возвращения в Крепость, у братьев Арапхана и Йоты. Поблагодарив всех за заботу и внимание, обнял провожающих и, взяв ездового, на конной упряжке отправился в крепость Владикавказ.

Тем временем Мочкха Бейсарович Базоркин (*основатель селения Базоркино – Чермен*), знатный и уважаемый представитель ингушского народа, офицер царской армии, узнав, что через его селение едет во Владикавказ Святой Устаз Киши-Хаджи, собрал односельчан и дал наказ: «Через наше селение будет проезжать Святой Устаз Киши-Хаджи. Необходимо устроить ему большой прием. Мы пригласим Святого Устаза ко мне в дом. Но если он откажется, все вы должны лечь поперек дороги, чтобы не дать ему проехать мимо, не погостив у нас в селении».

На фотографиях, сохранившихся в музее и в архивах М. Б. Базоркина, запечатлен Мочкхо с православным крестом. Однако в 1847 г., когда впервые Святой Устаз Киши-Хаджи приехал в Ингушетию, некоторые ингуши не исповедовали ни христианство, ни мусульманство. В большинстве своем они были язычниками. Находились отдельные семьи, жители небольших хуторов, которые придерживались мусульманской веры.

Известный ингушский писатель Идрис Базоркин поведал одну интересную историю времен молодости своего деда Мочкхо Базоркина и Хаджи Сурхахинского. Батал-Хаджи был молодым парнем, лет 22. Мочкхо находился на государственной службе, закончил духовную семинарию в Тифлисе, надевал рясу (одежду священника) и носил крест. Баталу не нравилась деятельность Мочкхо, его деяние. Будущий Хаджи узнал, что Мочкхо по пятницам посещает сельское кладбище в с. Базоркино (с. Чермен), где хоронили не только мусульман. На этом кладбище было небольшое возвышение типа кургана, где обычно молился Мочкхо. Батал, взяв ружье, заранее отправился на это кладбище, спрятался недалеко от кургана, ожидая появления Мочкхо. Базоркин появился там, как он это делал все последние годы, в определенное время. На нем была одежда для церковного обряда и крест. Подойдя к кургану (сохранился до наших дней), он внимательно посмотрел во все стороны и, убедившись, что рядом никого нет, поднял руки и стал молиться, как мусульманин, произнося дуа (молитву) ко Всевышнему. Сидевший в засаде Батал поднялся и подошел к нему. С этого дня они поддерживали дружественные отношения. (с. 172–173. Р. Албагачиев, шейх-овлия Б. – Х. Б.) Нальчик, 2010 г.

Базоркинцы собрались в центре селения. Когда на колеснице подъехал Святой Устаз Киши-Хаджи, Мочкха поприветствовал, пожелал ему здоровья, передал сердечные слова от всех односельчан и пригласил к себе в гости. Святой Устаз поблагодарил за встречу, добрые пожелания, но сказал, что очень торопится во Владикавказ. Базоркинцы как по команде легли поперек дороги, полностью закрыв проезд. Святой Устаз улыбнулся: «Так и быть, Мочкха, иди вперед, а я за тобой – в твой дом».

Мочкха, зная заботы Святого Устаза, долго не задерживал его. А прощаясь, сказал: «Все дни пребывания в Ингушетии, Святой Устаз, ты был гостем у назрановцев, а сегодня ты был гостем базоркинцев, и я даю тебе упряжку с двумя волами, карету и ездового, своего племянника Тухана Базоркина. Он будет сопровождать тебя во Владикавказ, затем отвезет в Крепость и доставит с мюридами в Чечню».

Святой Устаз Киши-Хаджи поблагодарил Мочкху Базоркина за оказанное уважение. Поблагодарил и сопровождавшего его ездового из Назрани (*Нана-Наьсаре*) и попросил вернуться назад. Попрощался с хозяевами дома, жителями селения и, сев в карету, отправился в сопровождении базоркинского ездового во Владикавказ.

На всем пути следования Святого Устаза стояли толпы людей, которых он благословлял во время коротких остановок и которым обещал непре-

менно вернуться в каждое селение погостить. Эти обещания впоследствии были выполнены.

...Во Владикавказе у комендатуры Святой Устаз Киши-Хаджи вышел из кареты и, готовясь к встрече с представителями царской администрации, осмотрел на себе небогатое одеяние. Оправив халат, попросил ездового узнать, примет ли комендант его, Устаза Киши-Хаджи. Через короткое время Тухан Базоркин вышел из здания с ротмистром, как выяснилось, ингушом. Он служил при администрации и назвал себя Бердом Ахриевым. Крепко обняв Святого Устаза, ротмистр расспросил его о здоровье, о трудностях проделанного пути, как это и положено по горскому этикету.

Святой Устаз объяснил цель своего приезда к коменданту: «Я приехал, чтобы, как положено по закону, зарегистрировать свое пребывание в Ингушетии. Там я нахожусь впервые и не хочу, чтобы после моего отъезда наказывали невинных ингушей, сжигали селения, выселяли семьи. Идет война, и я знаю, что попал в немилость к царским генералам. Они считают, что я призываю горцев к войне, хотя всегда просил и прошу их остановить кровопролитие. Вайнахов мало, аварцев, кумыков, лакцев, даргинцев, лезгинцев и других дагестанских народов тоже мало. Если война будет длиться десятилетия, наши народы исчезнут с лица земли. Горцы дорожат моими советами, да только российские генералы не желают слышать ни меня, ни своего Бога, ни своих Святых. Они понимают только язык насилия и вражды. Если считается, что остановить этот кошмар можно, убив или отправив меня в ссылку, то я пришел сюда, к коменданту Владикавказа. Я готов пожертвовать собой ради блага кавказских народов, ради всеобщего мира и справедливости. Но прошу одного: не наказывать невинных, давших мне кров и пищу в Ингушетии».

Вот о чем говорил Святой Устаз офицеру-ингушу. Ротмистр Ахриев выполнил просьбу Устаза передать его слова коменданту. А когда начальник Владикавказского военного округа генерал Николай Петрович Нестеров поинтересовался, где же сам Киши-Хаджи, офицер от себя добавил: «Святой Устаз, ваше превосходительство, человек небольшого роста, бедно одетый. Чувствуется, что он терпит нужду. Мне кажется, что он болен. Если желаете, можете взглянуть на него, и указал на окно. Вряд ли такой человек смог бы сеять смуту среди горцев, быть их идеологом». Генерал Нестеров некоторое время изучающе разглядывал фигурку Устаза, пытаясь понять, какие же мысли и намерения могут быть присущи этому невзрачному на вид горцу, а затем уверенно и эмоционально произнес: «Так это он и есть, ваш Святой? Хороши же наши военные служаки, коль приписали ему такую удаль да славу! Позор, да и только! Передай этому бедолаге, чтобы ехал в свою Чечню с Аллахом. Больше его не потревожат. Сегодня же издать приказ, чтобы впредь не чинили ему препятствий во время его поездок по Кавказу!» Святой Устаз Киши-Хаджи все это время терпеливо, спокойно и с достоинством ждал у подъезда возвращения ротмистра. Тот же с радостью передал разговор с комендантом. Все так же спокойно выслушав речь

офицера, Святой Устаз поблагодарил своего ходатая за услугу и уважение, попрощался, и его карета тронулась в обратный путь, в Крепость. Уже по дороге Святой Устаз Киши-Хаджи, обращаясь к ездовому, сказал: «Как легко заслужил себе рай этот молодой офицер-ингуш».

Вечером путники добрались до Овлур-Юрта (Крепость). Погостив до утра у Арапхана и Йоты, после утренней молитвы Святой Устаз поднялся на гору, которая возвышается над башней Овлура. Вокруг собралось очень много людей, пришедших проводить его. Здесь, на этой горе, Святой Устаз Киши-Хаджи и сопровождавшие его мюриды устроили первый на земле Ингушетии зикр. Люди, впервые присутствовавшие на этом таинстве, не могли сдерживать рыданий, бросались в круг, чтобы исполнить главный обряд мюридов Святого Устаза Киши-Хаджи. С того дня гору, где происходило все это, называют Горой Молитвы (Дулан Гув). Этот ритуал жив и по сей день: жители близлежащих селений собираются на горе для жертвоприношения, молитвы, чтобы во время засухи просить дождя у Всемогущего Аллаха, просить мира на земле вайнахов и т. п.

Обряд был завершен, Святой Устаз Киши-Хаджи, со всеми попрощавшись, просил не провожать его и со своими мюридами, со старшим братом Мовсаром отправился домой, в Чечню, в упряжи, предложенной Базоркиным.

В первом же, на территории Чечни, селении Ачхой-Мартане Святого Устаза встречало множество народу: все ждали возвращения отправившихся в Ингушетию, беспокоясь за их жизни. Святой Устаз Киши-Хаджи приветствовал всех собравшихся. Люди плакали от радости, что их любимый Устаз вновь с ними. Затем путники долго и подробно рассказывали о поездке к ингушам. Всю ночь, а потом и день мюриды Святого Устаза Киши-Хаджи исполняли зикр, назам. На следующий день ездовой Тухан Базоркин распряг одного из двух волов, что были в упряжи, и с помощью нескольких мюридов принес его в жертву. Мясом угостили всех присутствовавших на торжестве. Ездовой так объяснил свой поступок: «Я ваш гость, а этого быка зарезал в честь Святого Устаза Киши-Хаджи».

На третий день Устаз сказал ездовому: «Меня не скоро отпустят домой, в Илсхан-Юрт, в каждом селении мне придется погостить, поэтому ты не жди меня и моих мюридов. Мы доберемся сами. Большое спасибо, что сопровождал меня, уважил, зарезав быка, хотя он был не твой. Но за то, что ты принес его в жертву и мясом угостил мюридов, тебя Мочкха Базоркин не накажет. Вот только в дороге тебе будет трудно: ведь упряжка рассчитана на двух быков, а у тебя остался один». Святой Устаз обнял ездowego и пожелал счастливого пути.

Тухан Базоркин, вернувшись домой, подробно изложил Мочкхе Базоркину детали поездки со Святым Устазом. В заключение ездовой попросил прощения за то, что зарезал быка в честь Святого Устаза Киши-Хаджи.

Мочкха, внимательно выслушав рассказ, сказал: «Ты зарезал быка в Чечне. Это свидетельствует о том, что ты настоящий мужчина, этим ты поднял честь ингушей, честь базоркинцев. Поэтому ты не должен винить себя. Я же дарю тебе быка: на ферме из стада выбери самого лучшего – он твой».

Таким образом, Тухан Базоркин прославился и заслужил уважение односельчан. Он долго отвечал на вопросы, во всех подробностях поведал о поездке со Святым Устазом. Но в конце сказал: «Видел я в своей жизни многое, слышал многих, но такого человека, как Святой Устаз Киши-Хаджи, я не встречал и о таком ничего не слышал. Он знал, что будет, как будет и когда будет».

А провожая меня домой, сказал: «Ты не прогадал, что зарезал быка в мою честь». И это подтвердилось: мне Мочкха подарил самого лучшего быка из стада!»

Позже были другие устазы: Батал-Хаджи из селения Сурхахи, Баматгирей-Хаджи из селения Автуры, Дени-Шейх из селения Галне-Юрт, после этого Хусейн-Хаджи из селения Плиево, Гойсум-мулла и его сын Саюп-мулла из селения Эгашта, Торко-Хаджи из селения Галне-Юрт, после этого Хусейн-Хаджи из селения Плиево, Гойсум-мулла и его сын Саюп-мулла из селения Эгашта, Торко-Хаджи из селения Сагопши, Илез-Кадий из селения Гамурзиево, Тешал-Хаджи из селения Барсуки, Гайер-бек-Хаджи из селения Насыр-Корт и другие, но все они почитали главного Святого всех вайнахов – Устаза Киши-Хаджи.

В честь первого приезда Святого Устаза Киши-Хаджи в Ингушетию и принятия ингушами ислама в 1847 году его мюридами написан назам, названный «Наьсархо» («Назрановцы»). Он сохранился до наших дней. Семьдесят лет этот назам исполняет Юнус-Хаджи из Шали, а впервые он исполнил его в восемь лет. В настоящее время главному тхамеде всех мюридов Святого Устаза Киши-Хаджи Юнус-Хаджи из Шали 78 лет. Он не покинул Грозный в самый трудный период. Во время военных действий российских войск в Чечне был тяжело ранен. Благодаря молитвам мюридов Святого Устаза Киши-Хаджи и длительному лечению сейчас здоров.

Несмотря на немалый возраст, Юнус-Хаджи из Шали продолжает поездки по всему Северному Кавказу, и, наверное, не найдется в нашем крае уголка, где бы мусульмане не слышали о его богоугодных делах. Его чтение назам, зикр укрепляют тело и дух верующих, побуждают к добрым делам. Дай, Аллах, этому уважаемому человеку долгой жизни, громкого и крепкого голоса! Пусть его назам и восхваления Всемогущего Аллаха, Пророка Мухаммада (Дяллагара солот моршал хилда цун) и Святого Устаза Киши-Хаджи коснутся сердец всех мусульман.

Вот так завершилась первая поездка в Ингушетию Святого Устаза Киши-Хаджи.

2000 г.

КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВ, ЕГО ПРОПОВЕДЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

*Мне завещаны Аллахом только четки,
я не буду брать в руки ни кинжал, ни ружье.*

Кунта-Хаджи

В отделе Национальных литератур Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) хранится «Перевод высказываний шейха Кунта ал-Мичигаши о догматах Ислама», изданный в типографии А. М. Михайлова в Порт-Петровске (Махачкала. – М. Л.) 1911 г. (РНБ, Л.-кум./ 4-22).

Данное литографическое издание представляет собой книгу размером 13,4 x 20,5 см и объемом в 31 страницу. Текст помещен в рамку (10,8 x 18 см), состоящую из двойных прямых линий по верхнему, нижнему и наружному краям, и одинарной линии по внутреннему краю. На каждой странице по 18 строк. Некоторые строки на страницах 1–10, 12, 15–28 выходят за пределы рамки, наложенной, очевидно, на уже готовый текст. Первая страница с выходными данными помещена в широкую богато орнаментированную рамку в стиле *ислими*. Внизу рамки с правой стороны имеется надпись «Типо-литогр. А. М. Михайлова Петровскъ А/О».

Книга отпечатана черными чернилами на белой с желтоватым отливом фабричной бумаге. Текст располагается на обеих сторонах листа (кроме последней страницы). Пагинация арабскими цифрами в круглых скобках размещена по центру страницы над рамкой. Книга в отличном состоянии. Она попала в РНБ по рассылке в качестве обязательного экземпляра, и число возможных ее читателей по определению было невелико.

Текст был переведен с рукописи, записанной в 1865 г. личным секретарем и юридом Кунта-Хаджи, чеченцем из Алхан-Юрта Абдуссаламом Тутгиреевым. Предположительно, высказывания шейха были записаны в период ссылки, когда они в течение семи месяцев находились вместе. Абдуссалам писал: «Я назвал эти свои записи “Ответы всеведущего учителя на вопросы пытливого ученика”, изложив все, что я слышал от него, полностью, без каких бы то ни было сокращений»¹.

Вся книга написана в характерном для мусульманских сочинений дореволюционного Северного Кавказа жанре вопросов и ответов. Формулировка вопроса отсутствует, ответы начинаются со слов: «Святой Аллаха Кунта-Хаджи сказал также...» Наставления посвящены важнейшим аспектам мусульманского богословия, религиозной практики, этики и различным аспектам материальной культуры².

Завершают книгу два песнопения (*назм*) на арабском языке, посвященные Пророку Мухаммаду (а.с.с.). Первое состоит из 9 строк, второе – из 20.

Далее следует традиционное молитвенное славословие в адрес Аллаха Всевышнего и Его пророков.

В ходе работы над статьей обнаружилось, что интересующая нас рукопись с чеченского языка была переведена на русский язык в 2001 г. А. М. Гарасаевым и опубликована в Вестнике московского университета ³.

Описанная литография – интересный документ, связанный с распространением на Северном Кавказе религиозного течения, объединившего последователей Шейха Кунта-Хаджи. Последние играли и продолжают играть сегодня важную роль в религиозной, общественной и социально-политической жизни региона. Это связано с огромной популярностью Шейха Кунта-Хаджи на Северном Кавказе. Благодаря ему в начале 60-х гг. XIX в. в Чечне, Ингушетии и частично в Дагестане и Осетии утвердилось суфийское учение, связанное с именем 'Абдул Кадыра Гилани (1077–1166). Проповеди Кунта-Хаджи о мире, братстве, поддержке обездоленных, сирот соответствовали общему настроению, душевному состоянию народов Кавказа, уставших от бесконечной войны. Главными в его проповедях были идеи непротивления злу насилием. Он призывал горцев к прекращению кровопролития и переходу к мирному укладу жизни. Зикризм противоречил идеологии *газавата*, требующего продолжения борьбы с противником до победного конца. Кунта-Хаджи говорил: «Мне завещаны Аллахом только четки, я не буду брать в руки ни кинжал, ни ружье»⁴.

Несмотря на огромную популярность в крае, о жизнедеятельности Кунта-Хаджи мало что известно. Большую часть информации о нем черпают из устных преданий и многочисленных религиозных песнопений (назм), сочиненных о нем как до его ссылки, так и позднее.

Кунта-Хаджи родился в 1800 г. в с. Илсхан-Юрт в бедной чеченской семье. Отца его звали Киши, мать – Хеди. В горном ауле Илсхан-Юрт он прожил до ссылки. Предание гласит, что в детстве Кунта любил уединение, он был задумчив и сообразителен. Он выучился арабской грамматике, умел читать Коран, был очень религиозен. В возрасте 18–19 лет вместе с отцом совершил хадж; в Мекку, где он познакомился с последователями братства кадырия ⁵.

Некоторые исследователи склонны считать, что знакомство Кунта-Хаджи с новым *тарикатом* произошло еще задолго до совершения им хаджа и было связано с чтением исламской литературы. Другие считают, что знакомство с этим учением началось в период первого хаджа (1818–1819), а более глубокое – его усвоение во время паломничества к святым местам в 1859–1861 гг. Точных сведений об этом нет. Известно только лишь то, что активная проповедническая деятельность началась после второго хаджа. Об этом периоде помощник начальника Аргунского округа Терской области А. П. Ипполитов писал, что число его последователей резко возросло, в «назрановских аулах у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами. В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным

учением, как крепкую сеть»⁶. Любой желающий мог стать адептом нового учения. Посвящение в *мюриды* было простым: Кунта-Хаджи или его поверенный (*викал*), брали вступающего в братство за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника, после каждого намаза стократно произносить формулу «*Ла илаха илла-ллаху*» и участвовать в ритуале кругового *зикра* ⁷.

Число последователей нового учения постоянно и значительно увеличивалось. Пополняли ряды мюридов и женщины. Им было позволено принимать участие в религиозной деятельности, выражавшейся в публичном чтении *айатов*, различных молитв и в совершении *зикра*. По всей Ингушетии и Чечне появилась разветвленная подпольная (по причине негативного отношения властей) религиозно-политическая организация. Возглавляли старшина *мюридов тхамада* и его помощник-исполнитель *турк*, которые передавали эти распоряжения *мюридам* ⁸. Обеспокоенные набиравшей силу религиозной организацией власти начали преследовать «зикристов». С целью вывести своих последователей из-под удара, Кунта-Хаджи позволил себя арестовать. По официальным источникам, арест был произведен 3 января 1864 г. в с. Сержен-Юрт. Унав, что в с. Шали находится арестованный Кунта-Хаджи, «три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, с кинжалами и шашками, шли, как иступленные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их» ⁹. По разным источникам, число погибших составило от 100 до 400 человек, среди них были и женщины.

Трагическая развязка события привела к переселению в Турцию значительного числа приверженцев шейха, а сам шейх был сослан «без срока» в г. Устюжно Новгородской губернии. Сведений о дальнейшей судьбе Кунта-Хаджи нет. Его последователи считают, что он лишь скрылся и явится вновь накануне Судного дня. Бытует убеждение, что Кунта-Хаджи один из 356 святых, на которых держится вселенная ¹⁰. Об этом в народе сложено множество религиозных гимнов (*назм*).

После ареста Кунта-Хаджи, возникли новые ответвления братства, во главе которых стали его последователи: Батал-Хаджи Белхороев, Хусайн-Хаджи Гарданов, Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-Хаджи Загиев. В числе тех, кого благословил Кунта-Хаджи был и Гайрбек-Хаджи Евлоев. Последний не оставил после себя учеников и последователей, но в сел. Насыр-Корт его почитают до сих пор. Братства существовали как замкнутые группы, скрытно от власти проповедовавшие свое учение, выполнявшие религиозные обряды, имевшие некоторые отличительные особенности в обрядовой практике.

Кунта-Хаджи не оставил никаких указаний по правилам исполнения своего *зикра*. Но его последователи исполняют *зикр* так же, как и их предки. Для этого *мюриды* встают вплотную друг к другу, образуя круг. Считается, что пространство внутри круга становится святым местом, куда спускается божественная милость. По знаку руководителя обряда, один из мюридов

звонким голосом протяжно и медленно произносит: «Ла илаха илла-ллаху», все повторяют за ним, и, раскачиваясь на месте в такт пения, хлопают в ладоши. Затем начинается медленное движение по кругу, также сопровождающееся ритмичным хлопанием в ладоши. Движение по кругу постепенно ускоряется, при этом постоянно и ритмично повторяется словосочетание «уллох-уллолох» («Аллах един»). Через несколько кругов по знаку *тхамады*, направление движения меняется в противоположную сторону и так может продолжаться от одного часа до пяти и более. Завершается *зикр* молитвой-обращением к Аллаху, в котором все просят Его о даровании Шейху Кунта-Хаджи права спасения и заступничества в день Страшного суда, о прощении грехов родным и близким¹¹. Женщины исполняют *зикр* отдельно от мужчин.

География распространения учения Кунта-Хаджи на Кавказе такова: наибольшее число последователей в Чечне и в Ингушетии, незначительное число его приверженцев проживает Хасавюртском и Наволакском районах Дагестана, в Ахметском р-не Грузии, в Пригородном районе Осетии¹².

На территории Чечни и Ингушетии имеется более 20 *зияратов*, связанных с именем Кунта-Хаджи. Наиболее почитаемый и посещаемый и это *зиярат* матери Кунта-Хаджи Хеды в Эртана (с. Первомайское Веденского р-на Чечни). С почетом относятся к местам захоронения его отца, сестер, жены и др.¹³

Вкратце рассмотрим особенности всех кадырийских братств бытующих на Северо-Западном Кавказе.

Последователи Батал-Хаджи Белхороева совершают *зикр* более медленно и переминаются с ноги на ногу, *зикр* менее продолжительный чем у последователей Кунта-Хаджи, женщины не допускаются к исполнению кругового *зикра*. Их местом поклонения является *зиярат*, который находится в с. Сурхахи. Новое сооружение, заново отстроенное в начале XXI в., в буквальном смысле утопает в гранитном обрамлении и блистает золотом. Своей монументальностью и оригинальным архитектурным исполнением оно вряд ли имеет аналог на всем Северном Кавказе¹⁴. География распространения вирда: Сурхахи, Экажево, Барсуки, Яндырка, Назрань, Ачалуки, в других регионах края нет последователей. Точная численность его приверженцев неизвестна, но оценивается (*муфтиятом* Республики Ингушетия) приблизительно в 4,5% от общей численности ингушей.

Последователи Хусайна-Хаджи Гарданова совершают громкий *зикр* и подобно последователям Бамат-Гирей-Хаджи Митаева мотают головой вперед и назад при этом подпрыгивают на месте, попеременно с одной ноги на другую. *Зиярат* Хусайна-Хаджи находится в с. Плиево. Ареал их распространения очень невелик, с. Плиево, Ачалуки и частично Барсуки. В других районах встречаются единичные семьи.

Последователи Бамат-Гирей-хаджи Митаева во время исполнения *зикра* мотают головой вперед и назад при этом подпрыгивают на месте, попеременно с одной ноги на другую, повторяя при этом формулу *таухида*¹⁵.

Женщины исполняют зикр отдельно от мужчин. Зиярат Баматгирея-хаджи находится в с. Автуры¹⁶. Ареал распространения данного вирда охватывает примерно Шалинский, Курчалойский, Грозненский, Гудермесский, Веденский, Урус-Мартановский районы Чеченской Республики¹⁷ и Назрановский район Республики Ингушетия¹⁸.

У последователей Мани-шейха ритуал исполнения *зикра* схож с тем, что практикуют последователи Бамат-Гирей-Хаджи Митаева. Присутствует практика покачивания головой во время *зикра*. Женщины могут участвовать в круговом зикре, отдельно от мужчин. *Зиярат* находится в с. Баммат-Юрт (с. Виноградное Чеченской республики), последователи братства живут Надтеречным и Грозенским районами Чечни.

Последователи Чим-Мирзы Таумерзаева сопровождают свой *зикр* игрой на ударных инструментах (*жирх*), распределяясь в несколько кругов. В первом круге те, кто исполняет *зикр* с *жирхом*, второй круг, который движется в обратную сторону по сравнению с первым, третий круг идет в том же направлении, что и первый, и наконец, четвертый движется, как и второй, в обратном направлении. Приблизительно каждые десять минут все останавливаются и после краткого перерыва меняют свое движение в обратном направлении. Еще одна отличительная особенность этого братства – белая каракулевая папаха, обязательный атрибут ритуала. В народе их за это называют «белошапочниками». Женщины и мужчины могут совместно участвовать в зикре, но чаще всего женщины держатся вместе¹⁹. *Зиярат* находится в с. Майртуп Шалинского района Чечни. Основной ареал их распространения в Чечне – это Курчалойский и Шалинский районы, хотя последователей этого братства можно встретить по всей Республике, но основная масса сконцентрирована именно в этих районах Чечни.

Последователи Вис-Хаджи Загиева, исполняют *зикр* напоминающий практику последователей Кунта-Хаджи и Чим-Мирзы, но с использованием музыкальных инструментов: ударного инструмента *жирх* и традиционной чеченской скрипки. Подобно последователям Чим-мирзы они носят белые каракулевые папахи, за что их тоже называют «белошапочниками». *Зиярат* находится в с. Арбузинка (Красная Поляна) Сандыктауского района Акмолинской области Казахстана. Там похоронен Вис-Хаджи. Ареалом распространения группы являются с. Автуры и Алхан-Юрт Чеченской Республики и Целиноградская область Казахстана.

Примечания

¹ Зелькина. Раскрыть ссылку. С. 35.

² Гарсаев А. М. Поучения достойного шейха и совершенного Устаза Кунта-Хаджи чеченского // Вестник московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2001. № 4. С. 101.

³ Там же.

⁴ Вертепов Г. А. Сектантство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2.

⁵ Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 17.

⁶ Ипполитов А. П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. В. 2. С. 28.

⁷ Албогачиева М. С.-Г. Материалы полевой экспедиции. Республика Ингушетия. 2004–2005 гг. // АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 1769, л. 22.

⁸ Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984. С. 130

⁹ Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 325.

¹⁰ Ляушева С., Яхиев С.-У. Шейх Кунта-Хаджи и его школа // НГ-Религии. 1997. 29 мая. С. 4.

¹¹ Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 17.

¹² Сулейманов А. Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. С. 38.

¹³ Латыров К. Во имя духовности // Сердало. 2005. 30 окт. С. 3.

¹⁴ Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 91, 92.

¹⁵ Хасан Гапур. Святые места Чечни. Грозный, 2004. С. 56.

¹⁶ Вачагаев М. Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей. 2009. № 2. С. 1.

¹⁷ Албогачиева М. С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 56.

¹⁸ Вачагаев М. Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей. 2009. № 2. С. 1.

¹⁹ Ермекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009. С. 58.

ИЛСХАН-ЮРТАРА КУНТА-ХЪАЖИЙ «КЪАМАБЛАШ»

(Палглай меттала доаккхаш таржам а даь)

Бисмиллахир-рохьманир-рохьийм

Цул тлехьагла:

Ший болх лакха болаш волча Даьла велий **Кунта-Хьажас** (Дала къайле цленйойла цун) аьннад:

– Ший болх лакха болаш волча Дала эггара хьалха халкъан синош кхеллад адамий а жиний а. Тлаккха дуне а аьхарт а кхеллад шоай шинне хозленашца цхьана. Тлаккха Ший болх лакха болаш волча Дала лолам беннаб царна (синошта).

Дала царга аьннад:

– Оаша харжа цу шиннех шоашта ловр. Хланз оаша хержар шоана хургда!

Царех цхьадолчара дуне хержад, царех цхьадолчара аьхарт (къемата ди) хержад, царех цхьадолчара цу шиннех а цхьаккха хлама хержадац.

Цар аьннад:

– Оаха харжац цу шиннех цхьаккха хлама. Хьо хорж оаха, Хьо веза тхона!

Тлаккха Ший болх лакха болаш волча Дала царга аьннад:

– Оаша харжац дуне а аьхарт а. Бакъда, Со хорж оаша! Согара чоагло я шоана шо хилар, Согара оаша хлама дехаргдоацаш, из оаша дийхар Аз шоана лургдолаш мара. Шо даь Со хилар а дунен чухь хьалхарча шин тоаба тлехь луй долаш, къемата дийнахь керте айтта хургдолаш. Уж кхо тоаба къаьстача хана кхоалагла йолча тоабах хьалхарча шинна тоабах цхьацца бараш хоттабелар.

Муридаш ба уж.

Цул тлехьагла ший сино дуне хержар, аьхарт ден даькъага из нийсвеннавац къахьегарца мел дукха из тлехвоале а. Ший сино аьхарт ди хержар, из нийсвеннавац дунен даькъага.

Даьла велий **Кунта-Хьажас** аьннад:

– Ялх болх ба шоаш лора ца бича, шоай терко ца йича адамашта мегарбоацаш.

Царех кхоъ, мурид ший Устазах хоттавалар шийца бакъ хулаш да.

Царех ца, глийбат дар дитар да. Шоллагла дар, хьаглах дог цлена хилар да. Кхоалагла дар, ший Устаза дош къоабалдар да, цун балха раьза хилар да.

Тлаккха Ший болх лакха болаш волча Дала шийна тIадилла паразаш ший Устаза вирди цо (муридо) кхоачашдича, из мел доацар цун Устаза тIехъа да.

Царех кхоъ, ший Устазах из (мурид) хадар шийгахъ бакъ хулаш да.

Царех цаI, хъагI е дов леладеш, шийнеи ший Устазаи юкъе волча Устазаца хьурмат ца деш мурид хилча, ший Устазах хадар кхерам ба цун тIехъ. Бакъда, цун тIехъ воажиб да из Устаз везвар ший Устаз везварах тарра.

ШоллагIа дар, ший Устаза мурид шийна везарах тарра кхыча Устаза мурид шийна ца везаш из хилча, (ший Устазах) хадар кхерам ба цун тIехъ.

КхоалагIа дар, ший бусалба вошах гIийбат дечар дош мурида хезача, цо царна инкарло (духъале) ца йича, из сецача гIийбата тIехъ ше царна тоам беш хиларах тарра, цун тIехъ кхерам ба ший Устазах хадар, хIана аьлча, бусалба дингахъа ши воша шин кулга тара ва, шин кулгах цхъан кулго шоллагIдар цIендеш хиларах тарра. Иштта цу шиннех хIаранена тIехъ воажиб да шоллагIвар цIенвар, цунца цунна во хIама ца моттар, хIара сага тIехъ воажиб хиларах тарра инкарло (тоам боацаш) йолаш долча хIамаех юхатохар, цунгахъ чуволашвар шийна бIаргавайча.

Иштта, Даьла велий **Кунта-Хъажас** аьннад:

– Шоашта хар ловш шо дале Устазо фу дергда: ший мурид леча хана, цун каша чухъ шин малайко барт хоаттача хана, Устаз хилар ха шоана, эзар мурид эзар моттиге цхъан сахъат чухъ уж берригаш дIакхалхаш цун хилча, Ший болх лакха болаш волча Даьла къахетамца цар хIаране са иймана тIехъ даккхара из низ кхоачаш ца хилча, царех хIаране корта ший шин гон тIехъ болаш, Устаз ва, аьнна, цун цIи яккха никъ бац, е цун вирдаца Iамал яр дац. Иштта, ший муридах каша чухъ шин малайка барт хаттара жоп луш вар Устаз ва. Са эцача хана Мулкал-мовт гучдаргдац мурида, Камил вола цун Устаз шийна хъалхашка отташ мара, къемата дийнахъа хургдолча массадолча кхерамеча хIамаех цо (Устазо) из (мурид) тешаме а веш.

Иштта, Даьла велий **Кунта-Хъажас** аьннад:

– Цхъаннена, ший ийман кхоачаш да е дац шийна ха лайча ший дегIага хьожалва из. Ший дешаца харцо Iувш веце, ладувхарашта из бакъ лувш ва, аьнна, мотте, цун ийман кхоачаш хилара белгало я из.

Харцо ший дешаца Iувш вале, ладувхачар ший дош бакъдарца дог тийша вале, цун ийман кхоачаш ца хилара белгало я из.

Иштта, дегIа безамах: дааргахъ е маларгахъ, дешагахъ е дог тешаргахъ из юхакхеташ вале цун ийман кхоачаш хилара белгало я из.

Нагахъа санна цунца бала боацаш из вале, даарца, маларца ше хъашт долаш вола хIама шийна кордаьчул тIехъа, цун ийман кхоачаш ца хилара белгало я из.

Иштта, Даъла велий **Кунта-Хъажас** аьннад:

– Боккѡнца ший дегаца ший Устазах мурид длавийрзача, цунах хадар цунна лайча, цхъатарра да кхы Устаз лацар духъа дале а е из доацаш кхы хлама бахъан долаш дале а, тлаккха цунна лайча ший дог тлахъовзаде Устазага шозлагла цунах хотта а луш, Устазо кѡабалвергвац из, ший муридех лоархларгвац цо из, ший тоабан мугларе эзар шера из хуле а, ший зикар члуге эзар шера из хуле а.

Ший Устазах цун (*мурида*) длаверзар шайтла котдаларца, цу шайтло тув-лаварца хуле, ийрчача хламашта ше тлахалцца, лаьсача хламашкахъа доазолла ше длатехваллалца, тлаккха из (*мурид*) сомваьлча. Ший болх лакха болаш волча Даьлага цо тоба дича, лотела, хѡоаставенна ший Устазага из вийрзача, цунга из бехказваьлча, цу ханна из кѡабалвергва Устазо.

Иштта, аьннад:

– Даьлах, Даьла Элчах, ший Устазах ше хоттавеннавий хар ловш мурид хилча, ший деглага хѡожалва из. Цун дагахъа лийна дале: аьлал дезар а, ший ханнарча наха тлехъа айвалар а, Даьлах, Даьла Элчах, ший Устазах хоттаваланза ше хилар а длаховлда цунна.

Цу лодийцачох цун дагахъ хлама деце, бакъда цунгахъ хиннад лоталар, клалвисар, ший ханнарча наха керте хилара хьаглах дог даьсса хилар, цунна длаховлда хоттабенначарех-тлехъбазачарех ше хилар.

Иштта, аьннад:

– Цал хилча ши бляь шера Ший болх лакха болаш волча Далла глуглакх даь, тлаккха из ламал еха а ехача, тлаккха цу саго, – **«Субхъаналлахлу вальхъамду лиллахлу ва лаилахлу иллаллоахлу, валлоахлу акбар, ва лахъовла, ва лакъуввата, илла билллахлиль-лалиййиль-лазийм»**, аьнна, ши бляьзза аьлча, Ший болх лакха болаш волча Дала цунгара из ламал кѡобальергъя, Ший камоаршалонца цу либадата маьл лургба цунна.

Иштта, аьннад:

– Шиъ ва: цу шиннех цал атта Ялсамала глоргва клаьдвеш йола ламал йинза, цу шиннех цал Жужаглата глоргва, цун дог тешаргахъа клезигача хламанца, из (*цун дог тийша хлама*), Далла гарга доккха да.

– Хьалхарвар, са зикаре гулалуш бола миска нах бийзар ва из, царех ше ца хилар бахъан долаш ше царех длалуш воацаш.

Из бахъан долаш Ялсамала глоргва из.

– Шоллаглар, из ламал (*дийша*) саг ва, ший еррига ха лилма (*дешар*) ломадаргахъ длаяхийта а волаш, дийнахъа, бийсанна са зикаре гулалуш хиннача мискача наха лоттор ярца мара къамаьлагахъа чуволалуш воацар.

Из бахъан долаш Жожаглата волларгва из.

Иштта, аьннад:

– Веннар Устаз ваь лацар мегаш дац, бакъда цун метте ше эттар лоарцаргва, хлана аьлча, Пайхамар, *соллаллоахлу талала лалайхлу ва саллама*, из

дІакхелхачул тІехьагІа Устаз ваь лаьца вац, бакъда цун метте ше оттаваьр лаьцав.

Иштта, аьннад:

– Кхыбола Устазаш шоай муридашта лоам бенна ба: деннеи бийсаннеи доаккха вирд шоаш гулдар цхьан хана чухьа, е пхе хана чухьа, из хьадар шоашта лоам бенна ба. ХІаьта цунгахь аз лоам беннабац. Бакъда сай муридашка амар даьд аз, пхи ламазах хІара ламаза тІехьа ший вирд кхоачаш-дарца, хІана аьлча, Даьла Элчанна, *соллаллоахІу лалайхІу ва саллама*, Устазашта ший вирда маьл муридо дІабелча, цунга хьож уж.

Цар оал:

– Хьанаьхка вола хьанаьхка (*Ялсамаленца*) кхаь ба! Ший вирда маьл вайна беннаб цо!

Из мурид бІаргагу царна, вай шинна коана юкьера хІама вайна бІаргагорах тарра. Сона лов сай мурид хІара дийнахьеи бийсанеи пхезза царна гучавакхар.

Иштта, аьннад:

– Бусалба кьолах ший бусалба вешийна зерате ваха араваьлча, хІара аьтта ког цо массаза боаккх дуккха маьл язбу цунна, хІара аьрда ког цо массаза боаккх доккха къа цунах дІадоаккх, шийна тІагІолла из дІаваха лаьтта, пхи бІаь шера баххьал болча наькъа сомалца цхьана кьемат дийна-хьа лурах бІоагІа хинна хургда цун. Цунна тешал дергда (*лаьттано*) ший бусалба вешийна зерате ваха из хиларах.

Из волчара зерате вахар араваьлча, ше нанас ваьча дийнахьа санна ший кьиношта гештдаь волаш араваргва.

Иштта, шин Шайхо **Кунта-Хьажаси ГІеьза-Хьажаси**, цу шинне къайле *цІенйойла Дала*, аьннад:

– Боккьонца тхоах шиннех цхьаннеца шийна гаргавар хиннар, цун гаргавар хургда тхоца шиннеца, тхоах шиннех цхьаннеца гаргавар ца хинначун, цун гаргавар хургдац шоллагІчунца.

Иштта, **Кунта-Хьажа-Шайхо** аьннад:

– Ший болх лакха болаш волча Дала изи (*ГІаьза-Хьажа*) сои ши дегІ даь кхелла дале а, цуннеи сони ши са даь дале а, сои изи цхьан дегІах тара ва. Цунни сони юкье юкь еллар, сох а вац е цунах а вац.

Даьла велий **ГІеьза-Хьажас** аьннад:

– Ший болх лакха болаш волча Далла тІабода никъ ший мурида цІенбеш вар Устаз хилар халда шоана, кьематдийнахьа ше из (*мурид*) цу наькъага озавергволаш.

Даъла велий **Гёьза-Хъажас** аьннад:

– Мурид велча, ший каша чухъ из лочувилча ши малайк доагIа цунга барт хатта, ший Устаза сибатах долаш, е Пайхамара, *соллаллоахIу талала йолойхи ва саллама*, сибатах долаш, цунна кхерам ца хилийта. Цун Устаз духъальоттаргва цу шиннена, цу шиннега аргда цо:

– Цунах жоп лургдар со ва!

Таккха цунах жоп лургда цо, тоба дара тIехъ даим ер мурид хиларца тешал дергда. Таккха ши малайк дIагIоргда Устаза тешал тIадола тептар а ийца. Таккха мурида каша лурах дузаргда. Таккха цун са цо (*Устазо*) шийца цхъана хьоргда **«Иллийийин»** (*бусалба наьха синош сакъерда моттиг*), яхача моттиге. Ший болх лакха болаш волча Дала рузкъа лулда вайна цу моттигах. *Амийн!*

Иштта, Даъла велий **Гёьза-Хъажас** аьннад:

– Устазаца мурид хоттавалар чоагIдечох да, из мурид хилар: шийл воккхагIа вола саг бIаргвайча, шийл везах. из ва, аьнна, мотталда цунна, хIана аьлча Ший болх лакха болаш вола Даъла вайза, Цун Элча вайза, Цу шиннеца шийна чухъ Пайхамар ваьча заманна гаргагIа йолча заман чухъа шийл хьалха има дилла, шийна цун (*Пайхамара*) лур гучадаьнна йолча заман чухъ из воландаь.

Из хилар да: шийл зIамагIвар шийна бIаргвайча, иштта из шийл везагIа ва мотталда цунна, хIана аьлча из шийл клезигагIа къинош даь воландаь. Из воландаь шийл тIехъагIа ваь, Пайхамар шийна чухъ сийлахъ хиннача заман чухъ. Совъювлаш цун (*Пайхамар*) сийлаленаш ше ваьча заман чухъ. ХIана аьлча, цун (*Пайхамара*) сийлале совъювлаш я денгара ди массаза доал, хIара дийнахъ селхан ше хинначул тIехъ сийдолашагIа хул из.

Иштта, **Гёьза-Хъажа-Шайхо** аьннад:

– Наькъа долхаш шоаш кхалсага духъалкхийттача цунгахъ товжар, йист хилар доацаш тIехъ ма довлалаш, хIана аьлча, шийга хъажар, шийца къамаьл дар хъаьнал долчох из яле, цунга товжар доацаш, къамаьл дар доацаш шо тIех довле тIаккха цун дог дохаргда, уйла кегалургъя. Шийга хъажар хъаьнал доацачох из яле, шийга товжар, йист хилар ца хиларца цун дог дохара зе дукхагIа да, цунга хъажара зенал.

Иштта, **Гёьза-Хъажа-Шайхо** аьннад:

– Ший болх лакха болаш волча Дала Исроапил-малайк кхеллад дегI доккха долаш. Цхъа мугI баь **Къуръан** дIаяздича цун хъажа тIа дIахувшаргдолаш.

Лавво **«АстагIфируллоахIа, субхъаналлахIу, валь-хъамду лиллахIу, ва лаилахIа иллаллоахIу, валлоахIу акбару»**, аьнна, аьлча, боккхача форда чудоал Исроапил-малайк.

Лавво **«Ва лахъовла, ва лакъуввата илла биллахIуиль-Илийийиль-лазийм»**, аьнна, аьлча, форда чура арадоал Исроапил-малайк, тIаккха де-

гало из. Тлаккха Дала цун тiera lo мел бежача тiадам дагардара боараме Исроапил-малайка сибатах долаш малайк кхолл, из аьнначоа къемат ди далцца шоаш гештдар дехаш.

Иштта, Даьла велий **Кунта-Хьажас** аьннад:

– Муридаш унахой ба. Устазаш лораш ба. Лазарий лораш хиларах тар-ра, цун лазарга хьежжа хIаранена шоаш дарба деш.

Иштта, Устазаша а дарба ду мурида хьалага хьажарца, цун лазара тоам беш йолча молхаца.

Иштта, **Кунта-Хьажашайхо** аьннад:

– Ший болх лакха болаш вола Даьла хьоахаваьр, малх хьалкхетача хана малх айбаллалца, цун лур даржжалца, шийна малх тIа мел кхетача хIамо гештдар дех цунна, къематдийнахьа тешал дергда из аьнначоа, дунен чухьа Ший болх лакха болаш вола Даьла дукха хьехавеш хиннав из, аьнна. Тлаккха Ший болх лакха болаш волча Дала хьалха вутаргва из къемат дийнахьа хургдолча кхерамех.

Кунта-Хьажашайхо аьннад:

– Цхьан дийнахьа Даьла Элчанца, *соллаллоaxly talala lalaxlu va sal-lama*, цхьана Iохайна Iеш вар со.

Пайхамаро аьлар сога:

– Са шарилат дий шугахь?

Аз аьлар:

– ХIа-а! Да тхьогахьа хьа шарилат!

Тлаккха цо аьлар:

– Шоашта тIавенача кьонахчоа фу ду оаша?

Аз аьлар:

– Тхьоайех вар санна гац тхьона из. Бакъда сийза (*klavusa*)» волаш гу тхона из, наха из юхаветт хьарме дехка долча шоай лаьттах ялат дIаде лаьттан дакъах. Из царна хьоасталуш хул, цар лаьттах эггара ийшачох ялат дIадерах ше юха ца тохар царгара дехаш хул. ДукхагIча хьалехь цох кьахетам бу цар, цун никъ баьсса бутт цар шоаш ялат дIадийначул тIехьагIа юхейисача ийшачох (*motting*) ялат дIаде. ХIаьта шоаш ялат дIадийначул тIехьагIа лаьтта ца дисача е сов ца даьлча, цхьаккха хIама хилац цунна. Цун дехарга цхьаккха товжац.

Тлаккха Пайхамаро сога аьлар:

– Ер са шарилат дац. Са шарилат тIавенар а, хьалха юрта ваха хайнар а цхьан бесса хилар да хьармеца (*юрта юкьарча хIамах*) пайда эцарах, моллагIча наькьаца пайда эцар дале а.

Иштта, Даьла Элчано сога аьлар:

– Ший доацаш кхычун хьайба ше ялат дIадийнача корадича, шоах цхьанне фу ду?

Тлаккха аз аьлар:

– Ше ялат дладийначара цо (ялата дас) из (хьайба) дладоаккх ше цунна чарла дахча тохарца е кертлоа тохарца.

Тлаккха Пайхамаро, соллаллоаху лалайху ва саллама, аьлар:

– Ер са шарилат дац, хьаьта нийса никъ: боккъала ше ялат дладийнача шоттиге Ший доаца бежан корадаьр, цигара цо из арадаьккхача тохар доацаш, бежанна а бежан даьна а яппараш яр доацаш, ше цунга оалаш: «Хьо, са ялатага денад, Дала хьайна яздаьчох лайха даа». Из къонах къемат дийнахьа сона коравергва. Гадваха волаш сона духьалкхетаргва из! Со цунна гьаьза хургва! Са байракха кала хургва из! Къемата денна халонех цун хамма а гургдац!

Иштта, **Кунта-Хьажа-Шайхо** аьннад:

– Ший эглазло хьулъяр, къама алагахь сардамаш дахарца а, гийбат дарца а шийна халахетар даьчун гештдаьр, «**Лаулаха иллаллоаху**», аьнна, Ший болх лакха болаш вола Даьла бляьзза хьоахаваьр, тлаккха, къамаьлагахь шийна из халахетар даьчунна цо зикара маьл длабеннар – из Далла цена амбадат (гулакх) деча лаьшха ва!

Иштта, **Кунта-Хьажа-Шайхо** аьннад:

Цэца яхача юрта Гама царла цхьан къонахчо сога аьлар:

– «Хьай, **Кунта-Хьажа** сай кийна тлехьа айса чоалба хьоарчаяр ловра сона, из де мегаргдий аз?» – аьнна.

Тлаккха аз цунга аьлар:

– Даьлах кхерача чоалбаца хьалхагала хьай дега чоалба хьоарчайой, ийманна лурца лайха из (дог) клайд аьчул тлехьагала, бусалба дина хозаленашца из лайха козадаьчул тлехьагала, шайтла дега чу дахарах юхатохача турсах тарла из (чоалба) ийча, тлаккха хьай керта чоалба хьоарчаергья ла, хьай Пайхамара сунната тлехь вазар нигатаца. Тлаккха ер чоалба ше теркальергьйо ла чоалба я, хоастаме хинна, дола гулакх да!

Нигахьа санна из болх иштта ца хуле, миштад из иштта ца хилар малан, аьлча: Даьлах кхерача чоалбах хьай дега корта ла берзан битарца, цунгахьа доагача хьаманца, хоастаме дале а е сийза дале а хьай бала а боацаш хьо хилар да.

Хьай кертла тлехь ла чоалба хьоарчаяр нахах хье цунца белгалваккхийта, е плелгашца хьайгахьа хоам байта, е цунца хье хьалхаваккхийта мажлийсе а, нах гуллуча шоттиге а, – ла нигат дьэр мара дац хьона цунгахь. Хьа нигат нах длахайча, хьа юха а тохаргва.

Иштта (йоал, йоацаш) я Ший болх лакха болаш волча Даьла духьа мел йогца ламала.

Кунта-Хьажийг а хьаттад лалам нъьха дешах:

«Ше шийх кхайк арал де, дий (4) мазхлаба хьукмаш ховш ца хилча, ше Муршийд (нах ний, беш) велий ва, аьнна, ала цхьаннена а мегаргдац» яхача.

Кунта-Хъажас, Даъла раъза хилва цун, жоп деннад:

– Вай Пайхамар **Мухъаммад, Соллаллоахлу лалайхлу ва саллама**, ше дийша воаццаше шарилат гучдаьккха, тарикъат белгалдаь хилар. Из диъ мазхлаба ослу (*бух, хъадалар*) да. Цу дерриганеца диъ мазхлаба хъукмаш довзар сацац дин Юмадеш «дола жайнаш довзарца, хлана аьлча, из хыкмат (*дин кхетам*) да. Ший болх лакха болаш вола Даъла Шийна ловчунна лилма луш ва. Шийна дика де лайначун накха Дала хъабелларгба дерригача лилманна: гучахъа долча лилманна а къайлагла долча лилманна а. Тлаккха цу даржаца даькъала хиннар, (*жайний*) мугларашка хъажарга а жайнаш дешарга а хъашт хилац.

– Шоана гаций шийна акха корадалцца цун лараш лохаш чарахъо хилар. Цунна ше духъалкхийттача цун лараш лахарга хъашт хилац из.

Иштта ва, сомах шийна Пайхамар, *соллаллоахлу лалайхлу ва саллама*, бларгагуш вар, цунца цхъана къамаьл деш вар.

Из хъашт долаш вац лилман жайний лараш' белгалъяха. Иштта лараш я уж?! Пайхамар ше вахачча тайпара а водаш, цун (**Пайхамара, Соллаллоахлу лалайхлу ва саллама**) шарлага шоашца тланийсвеш йола лараш я уж. Уж (*жайнаш*) ше лехачунга кхоачавеш да. Лехачунга ше кхоачашвар, шийга кхоачавеча хламанга хъашт вац!

– Дов даьд, бакъда мазхлабашкахъа «форд» хилар (*мазхлаб жайнаш ховш хилар*) шарла Устаза шартI да, тарикъат Устаза шартI дац.

Устаза цлерца, Ший болх лакха болаш волча Далла гарга оттар, Цуннеи (*Далла*) Цун лаьштей юкъеволлар боккха болх ба, лилма дешарцеи мазхлабаш ховш хиларцеи лай шийга кхоачаргвоацаш: Ший болх лакха болаш вола Даъла вовзаш веце, Цунга кхоачаш веце, Цунга дега (*кхетам*) бларгашца хъожаш веце, Даъла (*Веза-Воккха ва Из*), везаш веце, Цун Элча везаш веце, Цун Пайхамара, *Соллаллоахлу лалайхлу ва саллама*, сунната ше тлехъ вазарца цхъан шен боараме Пайхамар суннатах дла ца воалача куцаца.

Иштта хиннар – Камил Устаз ва. Дукха бале а ший мурдаш кхелъе низ кхоачашвар из ва, цар синош эцача хана царца цхъана хургвар, уж гувла-барах шайтла юхатохаргдар, цар каша чухъ шин малайко барт хаттара царех жоп лургдар, Мийзан тараза а, Сурт-тлийна а гарга царна Шафатат дергдар, къемат ден халонех уж хъалха боахаргбар.

Иштта, **Шайх-Кунта-Хъажийга** хъьттад:

«ЦаI хилча хи тIа гIолла лела низ кхоачаш, е фега гIаьтта' лела, Ший болх лакха болаш волча Даъла велий из хилара тIехъ далийл (*белгало*) хургдац из», яхача лалам наьха дешах.

Даъла раъза хилва цун, Хъажас жоп деннад:

– Лаламнаьха дош бакъ да, боккхонца, чIаьра хи тIа гIолла лел, цу чу баха а бах, мозага (*пхъажбуарг, комар*) кхаччалца дола оалхазар фега гIаьтта лел. Сийлален ахIло долаш цу шиннех хIама дац. Ший болх лакха болаш волча Даъла велий ва, аьнна, цхъанне а цIи йоаккхъ ргъяц цу шиннена тIехъ низ кхачарца, Ший болх лакха болаш вола Даъла вовзара болча форда тIа

из саг лелаш веце, Даъла Элчан, *Соллаллоахлу лаайхлу са саллама*, суннат довзара кема тлахайна веце.

Хин тла глolla лелар, фега глolla глаътта. лелар цхъаккха хлама дац Камил ахлoшта гарга.

Иштта, **Шейх-Кунта-Хъажийга** хаъттад:

«“Къайле” яха хлама шиъ (2) да: бакъ “къайле” а я, харц “къайле” а я, болх иштта бий?» – аьнна.

Кунта-Хъажас жоп деннад:

– Болх иштта ба, цхъан саго дов дича, «Ловхъал-Махъфувз (*лорадаъ улг, массадола хлама тла яздаъ улг*) бларгагу шийна, байнарий синош а бларгагу шийна, шийна ха а хов нилмата чухъ вар а, лозавеш долча лазапа чухъ вар а малав, Ялсамале а Жужаглате а бларгагу шийна сомагла керта бларгашца», аьнна, аьлча, шеко яц из эглаваъ-хъаьрваьнна хиларгахъ. Шайтло эгла а ваъ, из деррига а шийна бларгагуш санна мотта а моттийта.

Ворххе а лакъобатал (*клийле*) шоаш длатех ца баьннараш, дуккхабараш тувлабу шайтло. Из (*къайле*) харц «къайле» я, цу «къайлен» дас ду дов деха дов да.

Нагахъа цхъан саго дов дой: уж хламаш шийна бларгагор набарах да, аьнна, е сомах дега (кхетама) бларгашца да, аьнна, Ший болх лакха болаш волча Далла ше цена гулакх деш а волаш, цу клийленах длатехъваьнна а волаш, Камил волча Устазо ше хъалкхеварца, е Даъла везара морзонца из Даъла мел воацадох длахадарца, бакъ хинна долча «къайлен» да ва из.

Иштта, **Шейх-Кунта-Хъажийга** хаъттад оалача хламах:

«Шоаш кхоачашхинна болча Овлиашха Овлиаъ волга хайча мара цхъаккха саго ца! Устаз ваъ лаца мегаргвац! Даъла велий хилар вовзар а миштад, цун белгалонаш а фуй?» – аьнна, хаъттадох, Даъла раьза хилва цунна, **Кунта-Хъажас** жоп деннад:

– Из дош бакъ да, Даъла велий вовзар да: цунна тлехъа базараш дика а нийса а долча хламашта тлехъа совбувларца, дуненах а дунен къонгех а длахадарца, Ший болх лакха болаш волча Далла тлаберзарца, Ший болх лакха болаш волча Даълага шоаш моашгал хулаш долча хламай уйлаш айярца, Ший болх лакха болаш волча Даъла ахлoшца шоаш сакъердалуш хиларца, Ший болх лакха болаш волча Далла шоаш тланийсбеш волчунца сакъердалуш хиларца.

Хьона длаховлда, из бакъ болча Овлиашха хилар. Хьона тлехъ да: цунна тлехъа вазар, цун дешаца ламал яр, цун аба йист лацар (*хоттавалар*), цун тоабана юкъе хилар.

Из (*Устаз*) иштта ца хилча?!, миштад из иштта ца хилар – аьлча: – цунна тлехъа баьзараш дикача хламашка сов ца баларца, е цунна тлехъ вазарах Далла мутлахъа хилара морзонах, ийрча хламаш ца дезарах аср ца хилар да.

Хьона длаховлда, ше Даьла велий ва яхаш, ше мурдаш кхебер дарже ва яхаш цу Устазо деш дола дов деха хилар. Цунах лорале хьо, цунах къаста а къаста хьо, цунна тла а ма товжа хьо!

Иштта, **Кунта-Хьажийга** хаьттад оалача хламах:

«Даьла велий, топпар гала а, дошо а шийна гарга цхьан бесса дар ва?», аьнна.

Кунта-Хьажас, *Даьла раъза хилва цунна, жоп деннад цунах:*

– Ер дош бакъ да, хлаьта цунах ловш дар дац болх бар а, мал (*рузкъа*) хьахилар лахар а, «Даьла велий хилар дладоаккхаш да», яхар дац. Бакъда цунах ловш дар: – Даьла велий хилар да, ше глэд ца водаш дошо кордарца, топпар гала кораярах глэд ца вахарах тарра мара. Из (*дошо*) длатиларца глайглане ца хилар да, топпар гала длатиларах ше глайглане ца хиларах тарра мара. Бакъда, цунна гарга цхьатарра да: дошо корадар а, из корадар ца хилар а.

**ДИН ДОВЗАР ЛОХАШ ВОЛЧА МУРИЙДА
ХАТТАРАШТА,
ДИН ДОАРЖАДЕШ ВОЛЧА УСТАЗА
ЖОПАШ**

(Палглай меттала доаккхаш таржам а даь)

Бисмиллахир-рохьманир-рохьийм

Има дилла болча Ший лай дегаш гулдаь волча цу Далла хоастам ба. Тешаме волча Цун Элчанна, **Мухьаммада**, Салот-Салам хилда, Цун деза-лашта хилда, шоашта тлехьбазарашта имамаш хинна болча цун асхьабашта хилда, шоаш нийсбенна хинна болча цун цлен ахллошта хилда.

Цул тлехьа. Шайтла а кераста а ахллонна тхо кара дахача хана, мехках а вежарех а тхо гаьна даьннача хана, цу заман Къутлбаца (*Хьажийца*) са цхьанлер длаьхденнача хана, тем бар доацаш (*сихха*) цу цхьанкхетарах пай-да эца волавелар со, дикачун деррига хьукамаш (*бахьанаш*) гулдаргахьа, барх! (8) хинна дола жловхараш (*Ялсамаленаш*) цленна кьоагадаргахьа члоагла кьахьегар дир аз. Ер лоаца никъ даим хилар тхона, Зуль-Хьижжат беттагара денз Жумадаль-Ахийре аьхаре кхаччалца (*чакхбаллалца*). Дала догла делхийташ денош дахкийтар, цу деной сердалонашкахьа со цунца (*Хьажийца*) цхьана лийлар, бийсанна боадоношкахьа со цунца цхьана леш вар, цун ламазашкахьа со цунна (*Хьажийна*) тлехьваьзар клеизигача ханаш-кахьа, клеизига хлама дуаш цунца цхьан шу тла лохайра со. Цу хана цо со вир ший да дукха везаш волча даь дезалхочун когаметте. Цунгара аз гулдаьчох тлехьара дакьа хьона да (*ла длаэца*), иштта цунга аз хаьттахох жопаш хин-на аз хьакьоаастадаьр (*хьабелгалдаьр*). Цун караматаш (*сийлаленаш*) гучая-харгахьа хаттараш деш болчарна кьаьга далийл (*белгало*) хилийта, Камиль Велий из хиларгахьа мурдашта кьаьга белгало хилийта, аз из даяздир. **«Дин довзар лохаш волча мурийда хаттарашта, дин доаржадеш волча Устаза жопаш»** – аьнна, цун (*Жайна*) цли яьккхай аз. Таржам даргахьа эшам бара а, сов валара а согара дежачунна кьахетам бар а, гештдар а Даьла-гара да.

Дийтта (14) масьалатах (*хаттарах*) хаьттар аз цунга. Тлаккха, шийна дага тессача а, хайтача а илманах, Дала шийна тлехьа хьадийллача хламанца цо (*Хьажас*) царех жопаш далар.

Хьалхара хаттар

Ший болх лакха болаш вола Даьла везарах, Цун Камил долча даржах да.

Фу маан да, Ший болх лакха болаш волча Дала, «Боккъала Са лаьш Ше веза ма везара Ше везаш бац, царехла цхъанне Ше везарал дунен пайда хорже. Ший ялатех хъажкий ка аькхо биача ший ялатага хьожаш, масала, дукха бийсаш ха деш лораю ялатий дас. Ший жена юкьера гийлагла йола газа бийг берзо йихъача, ший жа лорадеш масайтта бийса наб ца еш йоакх жа луно. Ше везар лордаргахъа, Ше раьзаваргахъа кхоаччаш цхъа бийса дийнъешвар клеизига ва. Газе бийг маьха а, е хъажкий кана маьха а доаца Даьла везар кхоачаш хилар гарга дий те? Ма гаьна да из *(гарга дац)*!

Цу дерригнел тлехъа нажас долча хламашта тлехъа Са цлераш хьехаярах а, блехача моттигашка Сога кхайкара тлехъа а кхераш боацаш уж гургба хьона. Иштта моттигаш я уж, шоашта чухъа Сога кхайка, Со шоашта чухъа хьоахаве, Са белхаца тоам беш йоаца. Из сачна йолча метте Сога кхайкачун тоам болаш да – эгтара хьалха ший деги зер, ше хъажар: шийна тоам беш хургдарий члоагача нажасах, блехача хламах йизача пхьегла гарга ше сацар, из блеха хъаж еза а ца езаш, ший мерийца хъаж яхара новкъарло йоацаш. Из цун тоам беш децаре, цунна ховргдар наьха хьарамча рузкъах цо ше бузабаьча керара йоагла блеха хъаж Сона ца езалга, ийрчача, блехача хламашца цу блехдаьча дегтлара блеха хъаж Сона ца езалга», яхачунна, *Дала къайле цленйойла цунна*, жоп даларгахъа цо аьннад:

– Эггара хьалха Даьла лаьна тлехъа воажиб декхар дар: дерригача хьарам даьча хламаех ший кер цленбар да, цул тлехъагла ший Аьла *(Даьла)* хьехавара, Цунга кхайкара чу воллар да, тлаккха шеко йоацаш ший дега чухъ Из коравергва цунна, хлана аьлча, Ший болх лакха болаш вола Даьла, Ше кхеллача хламаех Ший лаьшха волча лаь дог мара Шийна шорто *(парглато)* ца хулаш ва. Ер – нагахъа санна цу *(лаьво)* ший дог из Даьла мел воацачох цлендой да. Дегаш цлендара сихо е оаша, хлай вежарий, цунца шо кхача а кхача шоай безам бахача а, оашош лохаш долчуна лаккхенга.

Хъажас, *Дала къайле цленйойла цун*, аьннад:

– Ший болх лакха болаш волча, Беркате волча Дала иштта йоах: «Со аьлий Аьла ва, паччахьий Паччахь ва, хлара низ беш *(кура)* волча сагий клуж Са низий кара ба, ер деррига иштта хиларца цхъана, Са лаьш Сох кхераш бац, уж кхер цхъаболча низ беча нахах. Низ беш вола паччахь, доккхагича зуламца шоашта зулам деш веча, ше царна низ а беш: боалабе хьарам баьча цар кхалнаьха сий доадарца, лаьзм дола воажиб хламаш дитарца, шоаш из *(паччахь)* везваргахъа совбувлаш, цун хьукмашта, амарашта тлехьбазаш бларгагургбар хьона уж. Ше царна бакъдар а, цлена дин а белгалдеш, нийсача новкъа, ше уж нийсбеш, царна юкье Ший овлияашха цаг гучаваьннача хана, цунах кхардаш, цунна инкарло еш болаш, цунна шоаш цатоам беш, цун тлехъа ца базаш болаш уж бларгагу хьона. Сох кхераш, Са низ кхачар лорадеш уж хинна баларе, шоаш Са дикача лаьна даьр *(кхардар а, цатоам бар а)* дергдацар цар. Сай Возаленах, Сай Сийлаленах дув буь Аз, Сайга кхайкаш хинначун наькъаш тийдачун уйлаш хоадаийнне длахоа-

дайинза Iepг ма вац Co! ТIаккха ховргда царна лерхIамаца, тIехъвазарца цу шин тоабах тIех хъакъ яр малагIа я: (низбола паччахъ ва, е Даъла ди кхайка-деш бола Овлиаяш ба)».

Дала тхо а шо а Ший хъехамаца хъехамийла хулачарех, Ший хъехамга ладувгIачарех долда.

Из (Даъла) Шийга кхайкачар дулийна жоп далара гарга ва.

ШоллагIа хаттар

Ший болх лакха болаш волча Даълага кхачарах а, Цун хъазрате (Далла гарга) оттарах а да.

Цун жоп даларгахъа Хъажас, Дала къайле цIенйойла цун, аьннад: «Лай ший Аьлан оаглонгахъа вийрзача хана (Цунна гарга кхача), из Даъла мел воацача хIамах дIахада цун лайнача хана, ший уйла дунен балхах а аьхарт денна хъалехъ а цо дIахоадаяьча хана, Даъла хъоахаве из волавеннача хана, уйла яра из чувелча, шийна налалт а аьнна, Дала Ший къахетамах гаьна даьккхача шайтIо хъагI лоац цунца, ший бозбуачален пхорчаш цунна тIатувс цо, ший бозбуачалца цунна **Ловхъуль-Махъфувз** да мотталца, ший маькарлонца Ялсамален а ЖожагIатен а, тамашийна а гаьна а долча уж шиъ доацаш кхыча хIамай а сурт оттадалца. ТIаккха Даъла лай цу метте тиллара боккхача кхерам тIехъа ва, цу хана цу лаьна тIехъа ше алар да: «Аз лахац Ялсамале а, со кхерац ЖожагIатех а, сона езац сийлале а, са безам бац лурага а, сона ловр а сона везар а. – Из Даъла ва! Из Даъла воацар цхъаккха хIама лацац аз!». Цу хъоахадаьчун тIехъа ший ког соцабе цун низ кхоаче, шийна налалт аьнна дола шайтIа дехке даьнна а ийша а долаш ше хъаденача метте юхадерзаргда цунах. Укх цIена Iамал еча лаьво даьчох чоагIа лар (glaygla) юс цунна тIехъа. Из саг, шайтIа говзалах а маькарлонах а има диллача наьха тоаба хъалха яккхара бахъан хилар, кхерам хул цунна (шайтIийна). Ер санна дола хъалаш гучадувларо тIанийсво цу (вай Iобийцача) новкъа чу воллаш волчо, ший Аьланна (Далла) гарга вахар хъалоацаш хилара тIехъа. Иштта (Далла гарга кхоачаш) вецаре шайтIо из теркал вергвацар, бала а боацаш, хъисаб а ца деш вутаргвар цо из.

Даъла лай ворхI Iакъоабатал (дарж) тIехъ воале шайтIо цох дог дул, цунах дIадерз из: хIама доацаш, даьсса долаш, цул тIехъагIа кхы цунга юха дерзац из, хIана аьлча, цу сага тIехъа вонна а болаш шийна никъ боацилга цу шайтIа хар доландаь, хIана аьлча, из саг Ший болх лакха болаш волча Даъла хъазрате кхоачаш воландъь. Цу ханна цу лаь оагIорахъар дIайоал бIеха уйлаш, цун кхетаман бIарг хъабеллалу, эггара хъалха цун бIаргаго ший Устаза даржаш, цул тIехъагIа ший Устаза Устазий даржаш, Элчарчий Аьланна тIакхаччалца.

Из Даъла Элчанна, **Даълагара Салот-Салам хилда цунна**, гарга кхаьчача хана, цуннеи цун Аьланнеи (Даллеи) **Iазза ва жалла**, юкъе цхъа шу боарам бисац. ТIаккха цун гучадоал, Шийна куц оттадар а доацаш, ШийгIа тара мисал а доацаш, **Къуддувси** а волаш цаI волча Даъла куцаш.

Жалла-Жаллалахлу вола Даъла шийна тлехъа гучаваьннача хана, Пувр-лоам лаларах тарра, цу ханна ше лаъла длавалара гарга хул лай. Церца лоа дашарах тарра, хьалха длабаха дукха бараш цу Даъла хьазрате лаъла длабахаб.

Дала Шийнеи цун деги юкъе пордув оттаю, хлана аьлча, Ший хьазрате цун саца низ кхачийта. Тлаккха Дала цу пордувна тлаглолла цунга Ше оалаш: «Хлай, Са лай, Сога кхачарах хьо юхатехар фу хлама да? Йоккха йолча Са Возалено соцавир хьо, е Са ниларий хаьхочо юхатехар хьо, е Со лахар хьогара клеизига хиларца юхатехар хьо?». Тлаккха лаьна ховргда ший ладарлонца из хинна хилар. Ер хаттар хургда Дала цун дега чу илхлам (дага тоссаи) деш, каша чухь Мункар Накийр яхача шин малайка хаттарах тара доацаш. Тлаккха Дала цунна дега чу тоссаргда, цо Шийга ду хаттар: Даъла лай даькъаза воалачох а даькъала хулачох а. Тлаккха Дала цунга аргда: «Хлай Са лай, ла Согара дунен возалех, сийлалех хотталуча хламаех дехе, хьона длаховлда хьо даькъаза хилар. ла Согара даим юсаргийолча къемата ден доакъарлонах дехе, хьайна а **Мухьаммад, Соллаллоахлу талала лалайхлу ва саллама**, уммата а, цунгахьа (дехаргахьа) даим хургйола докъарло а я, боккха толам а ба».

Тлаккха цо лаьво дех, шийца Дала шийга амар даь хлама. Ший Сийлаленца а Ший Камоаршалонца а Ший болх лакха болаш волча Дала цунна жоп лу. Цул тлехьагла цо диацца **«Лаилахлал иллаллоахлу»** оал, хлара из массаза оал лаьттан оаглонашкахьа ший юхь ерзаеш. Цу **«Лаилахлал иллаллоахлу»** яхачун лур, Ший болх лакха болаш волча Даълага хьалдодаш керта бларгашта бларгагу цунна, бутт юкъе бахача бус, бутт бларгагорах тарра. Цунах баьнна маьл **Мухьаммад, Соллаллоахлу талала лалайхлу ва саллама**, уммата лу цо, царна гештдар дех цо. Тлаккха Ший болх лакха болаш волча Дала царна гештду, хьалха дла мел дахача дерригача кьиноех цленбу уж. Тлаккха из лай даржашкахьа кхоачаш хул, Даълагара иллма а Цунгара илхлам (вахийи) а, ший дег тла доссалца, ше гарга вахара сов вувлаш хул. Малайкий ашараш, цар зикараш, тасбийхь аяташ, цар моллал кхайкар хозаш хул. Ер тлехьара дар – Пайхамарий а Элчарчий а дарж да. Цунга (дарл-жага) кхача никъ бац Пайхамарашта, Элчарчашта махьар толадеш вар веначул тлехьагла, **Даълагара Салот-Салам хилда цунна а**, царна а, массарашта а.

Тлаккха лай Велий хинна Далла, **Веза-Воккха ва из Даъла**, хьалхашка эттача, Дала из Пайхамара, **Соллаллоахлу лалайхлу ва саллама**, тлахьовзаву, Элчан диканен форда чура цу Велийга хьаэцийтар духьа, цо лаьшта юкъе уж дикадараш декъаргдолаш. Тлаккха Пайхамар, **лалайхлус-Солату вас-Салам**, цо наб еча хана а, из сома волча хана а цунга ишар деш хургва. Даъла лаьна тлехъа да – Шайха (Устаза) Индаргле сацар. Укх хьалаша го бу – Ший Аьлан (Даъла) хьазрате эттача хлараненна. Из луйренга воал уж хьалаш ховш волаш, царех ше хабар дувца низ кхоачаш волаш. Иштта ца хилча, Даъла хьазрате кхача цхьаккха хламадолаш вац из. Бакъда, дикадар а, зуламдар а довзара тлехъа, венначун хьал хара тлехъа, Даъла лалам бларгагора тлехъа, из доацаш кхычунна тлехъа, шоаш Камил дарже кхача а

боацаш, Даъла хъазрате айтта а боацаш, шоаш моттиг лаъца хинна бола къайле хара дайи, сийлален ахлойи дукха ба. Уж цѣча сангалал кѣзигагѣла ба. Нагтахъа мара из санна вар корвар гарга а хилац. Царех ше корваъчунца халкъах дуккха бараш даъкъала хул: цун ше цкъа мархѣаийккхар, е шийна из бларгавайнар, е из бларгагорца шокъ енар. Ер ѣохъоахадаъраш – Камил воацачох Камил вола Велий вовзара къаъга далийлаш а, къаъга белгалонаш а я.

Цар беркатах Дала вайна рузкъа лулда, царна духъале ярах вай Дала лорадолда!

Вайна бларгадайначох, вайна ховчох вай дийцача, вайна тѣхъа инкарло ергъяр вай вежарех зламагѣчара. Моттарца хъукам дирах Даълаца лора-лу со. Дерга дезачунна тѣхъдазарах Дала лорадолда вай!

Кхоалагѣа хаттар

Вирдий, зикарий, ше лохаш долча сиглий дозалах, зикар маъл дѣабаларгахъа да.

Хъажас, Дала къайле цѣнейойла цун, жоп деннад, ше оалаш:

– Эггара хъалха вирдах дезагѣа дар дизза блѣъзза (100) **«Лаулахѣа иллаллоахѣу»**, аьнна, алар да, цул (блѣьннел (100)) хъалха пхийттаза (15) **«Астагѣфидуллоахѣу»**, алар да, цул (блѣьннел (100)) тѣхъа дѣазза (4) Пайхамара, **Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама**, **«Салот»** диллар да.

Тѣаккха цун маъл дѣалургба Даъла Элчанна, **Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама**, Устаза, цу шиннена юкъе мел хиннача берригача Овлияашта а, Устазашта а. Тѣаккха Пайхамара, **Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама**, цхъа **«Салот»** дулларгда, пхи **«Салот»** кхоачашдар духъа. Тѣаккха **«Фатѣхъат»** дешаргда. Деза хиларгахъа шоллагѣча дарже дужаш дола вирд – блѣъзза (100) **«Лаулахѣа иллаллоахѣу»**, алар да, шийла хъалха **«Астагѣфидуллоахѣу»**, алар а доацаш, шийла тѣхъа **«Салот»** диллар а доацаш. Бакъда, из кхоачашдергда цо **«Лаулахѣа иллаллоахѣу Мухъаммадур-росулуллахѣу, Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама»**, аларца. Тѣаккха маъл дѣалургба Пайхамара, **Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама**, Устаза, ший даъна-нанна, тѣаккха аргда: «Везан Даъла, Хъай къахетамах а, цу шинне (Элчанеи Устазеи) беркатах а, цу шиннена (даънеи наннеи) рузкъа ле ѣа». Тѣаккха цхъа (1) **«Салот»** дулларгда Пайхамара, **Соллаллоахѣу ѣалайхѣу ва саллама**, тѣаккха **«Фатѣхъат»** дешаргда.

Ер тѣехъара вирд бакъдара Хъажас, Дала къайле цѣнейойла цун, аьннад:

– Цхъа оаз (Даъла оагѣонгахъар) хазар шийна, хѣара параз ламаза тѣхъа **«Лаулахѣа иллаллоахѣу»** блѣъзза (100) даим оалаш хиннар, цунах баьнна маъл ший даънеи наннеи дѣабеннар, хъисаб де а, ѣамалаш оза а соцавергвац из (къемата дийнахъа).

Зикарах а вирдах а дезагѣдар, аьхарт денна ахѣлошта цу шиннех тѣех толажагѣа дар **«Субхъаналлахѣу валь-хъамду лиллахѣу ва лаулахѣа**

иллаллоахly валлоахly акбару, валá хьовла валá кьуввата иллá биллаxлиль-лазийиль-лазийм»-яхар да.

Зикарашкахь а, вирдашкахь а сов вала ловш вар, из шийна лолам бенна ва. Хьалхара вирд даккха низ кхоачаш воацачун – цун кхоачам бергба шоллагIчо. Вирд даккхара сулхьаш ца хиларца, е ха кIезига хиларца (*саца а саца дагар деш le*), зикар дагар дар саера низ кхоачаш воацачун, бIаь (100) кхоачаш хилара ший дега тем хиллалца меттаца зикар даро кхоачам бергба, маьл дIабалара гарга **«БIаь зикар»**-аьнна, белгалдергда цо, ше аларца: **«БIаь зикарах баьнна маьл балар аз»**, аьнна. Шийха дуккха вирдаш дIатинначо, цунна кхоачам бергба **«АстагIфуруллоахI»**, аларои, цхьан вирда кхоачам беш дола **«Салот»** диларои. Цу вирда маьл дIабаларгахьа ше лохаш дола сигI (*дешаш*), зикар аьнначо алар да: «ХIай Даьла, аз беннаб укх зикарах баьннача маьлах тарбар Пайхамара, **Соллаллоахly лалайхly ва саллама**, Устаза, цу шиннена юкье мел болча Устазашта, Овлиашта. ХIай, Даьла, Хьай кьахетамца цар Шафалатах сона рузкьа да Ia, цар беркатах беркат кхоачаде Ia сога, хIай Iаламаш доалахь деш вола Даьла. Цул тIехьагIа цар беркатах сайна хьахиннача маьлах тара бар беннаб аз, сайга дуийца васкет мел даьчунна, сай беркатага дог мел доахачунна». Ше цун маIан кхетадой Iарбий меттала аргда цо из, иштта деце ше кхетадеча меттала аргда.

Кьуръан дешарах, зикар дирах, из доацаш кхычунгахьа вирдий маьл дIабаларгахьа лохаш дола сигI, цо алар да: «ХIай, Даьла, укх са Iамалах тара бола маьл, цунга хьакь волчунна Оаша из бекъара аз Хьога, Хьа Элчанга, Устазага хьовзабу, Шо са Iамалий маьла сол тIех хьакь дараш да, Шо хIама нийсса декъара ахIлой хиннача метте».

Ер – хоза никъ ба, из лорабе Ia, хIай, са кIант, Дала нийсвергва хьо.

ДиълагIа хаттар

Устаз лацарах а, из лоацаш кулг лаьца тоба дирах а лохаш долча сигIагахьа да.

Хьажас, Дала кьайле цIенIойла цун, аьннад: «Устаз лацар – Даьла лаьво тоба дар да, укх жайна хьалхенгахьа ший куц дийцача Камил волча Велий кулг лаьца, е цо викал ваьчунна, е цун викало викал ваьчунна, из мелла лоха воале а, цу (*лаьво*) из (*Устаз*) вар да, ше цо Ший болх лакха болаш волча Даьлага а, Даьла Элчага а, **Соллаллоахly лалайхly ва саллама**, кхоачавергволаш. Дунен а аьхарт ден а деррига ший белхаш Устазага цо дахкар да.

Устаз лацаргахьа мах бар: хьо Устазаца цхьана хиларах а, е цун викалца хиларах а, е цун викало викал ваьчунца хиларах а юкье кьоастам болаш дац. Ер (*викалца мах бар*) лоацаш вола Устаз дийна хилча – мегаш хилар юкьа лоацаш да.

Цхьабакъда, веннар – Устаз ваь лаца мегаргвац, цун викал а, е цун викало викал ваьр а, е цун тIехь базачарех цаI а юкьа лацарца. Веннар Устаз

лаца мегаш хилча, цхъанне а лоацаргвацар Даъла Элча, **Соллаллоахly** **lалайхly ва саллама**, воацар Устаз ваъ.

Ер – Шайхех веннар Устаз ваъ лаца мегаш хилар дладалара тlехъа ше саца далийл да. Из ха хъона, нийсвенначарех хургва хьо!

Устаз лацаргахъа ловш дола сигі – тоба дечо ше цун маан кхетадечча меттала алар да: «Хlай Даъла, аз мукларло ду Хьога а, Хъа Элчанга а се кхачарах, лурий а боадоний а пордонах сай дог цлендарах кlалвисарца. Ер дуне – аьхартден оахам хиларах дог тийша ва со. Хьалхарчунгахъа (*дунен чухъа*) дладийнар мара, шоллагlчунгахъа (*аьхарт ден чухъа*) чуэцаргдац. Ер (*аз Устаз лоацаш вола*) Хъа лай, Хьога кхачарех хиларах дог тийша ва со, цунца наха тешал а ду цунна.

Хlай Даъла, из ваъ ва со, цо се Хьога озавергволаш. Сай lамал Хьога дlакхачийтара юкъе из оттаваъв аз. Хlай са Даъла, цун тlехъа базача ахlлоех велахъ со».

Ер Устаз лоацаш дола сигl да. Из лораде оаша, хlай са вежарий, Дала аьнна дале, нийсдаларгахъа совдаргда шо!

Пхелаgla хаттар

Ший болх лакха болаш волча Далла гарга вугаш болча наькъех да.

Хъажас, *Дала къайле цленийола цун*, аьннад: «Ший болх лакха болаш волча Далла тlакхоачавеш болча берригача наькъашка хъажар со, дешай оаgлогахъара Цун эггара гаргаgla бола никъ корабир сона **«Лаилахlа иллаллоахly»**, яха дош хилар. Сай низ кхачар боарраме Даъла ганзий дlоаgla лахар аз, Даъла мел воацачох дlахадаргахъа корадинзар из мара сона. Из мел воацачох со дlахаьдача хана, Цун ганзий дlоаgla сайна хьалашка корадир сона.

Ший Аьла (*Даъла*) лахаргахъа лай миччахъа кхоаче: **lарша** tla a, е ворххle (7) лаьттана бухе а кхачалца, цунна Из (*Даъла*) коравар тарлургдац (*низ кхоачаргбац*), ший дега чу Из цо ца лахар мел-д. Из (*Даъла*) мел воацачох ший дог цлендаьчул тlехъаgla цо Из лохе – шеко а йоацаш коравергва цунна Из ший дега чу».

Дала тхо а, шо а Шийна мутlахъа болча лаьшха долда.

Ялхлагla хаттар

Дикадараш хьадувлача моттигех да.

Хъажас, *Дала къайле цленийола цунна*, ший сийдола кулг са белаж tla а дилла, хlара деша гарга со лоста а веш, аьлар: «Пастий хьаджах тарра хьадж хъона корайица – Абу-Бакара Сиддийкъагара, *Даъла раьза хилва цунна*, хъона ха а ца ховш, из хъона юхе gлолла дlавахарах, из хьадж хилар халахъ.

Миска хьаджах тарра хъона из хьадж корайоаgle – лусманаз-Заккийи, *Даъла раьза хилва цунна*, ларашха хьадж я из. lажий хьаджах тарра из хьадж

хуле, Турпал-Іаьлагара – Даьла раьза хилва цунна, Дала юхъ клайойла цунна, хьадж я из.

Дог кляьддеш йола хьадж – Пайхамара, **Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама**, дикагла я.

Фусамашкахь а, аренашкахь а хозаш йола ашараш -малайкий оарцах я. Ераш (*ашараш*) хазац ший дегтлара кьорал дладаха воацачунна (*Даьлаца уйла тоаяь, ший дог цлендаь воацачунна*).

Ер – сона кертa бларгашта бларгадайнар да. Из лораде Іа, хІай, са кІант, Дала нийсвергва хьo.

ВорхІагла хаттар

Пайхамара, **Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама**, Салот дилар дозалах да.

Хьажас, Дала кьайле ценейойла цунна, аьннад: «Къемата ди деча, хьисаб де а, Іамалаш оза а халкъ гулдича, цхьанне а низ кхоачаргбац халкъанна Шафалат де, вай Пайхамара – **Мухьаммада, Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама**, мара. Цо, **Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама**, Шафалат дарга сатувсаш цу хьалехь масса болча наха дов дергда (*яхаргда*), шоаш Цун умматах дар, яхаш. Таккха цу дов деш волчунна меттага хьожаргва: цун мотт клай бале цун дов кьoабалдергда, клай беце – цун дов юхатохаргда (*кьoабал дергдац*), хІана аьлча, ший хан чухьа (*ше дийна волаш*) цкъа дилла а Цун тІехьа Салот диллачун мотт лоанал клайгла хургба.

Ер далийл (*белгало*) хиларах кхоачам ба хьона, Цунна, **Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама**, Салот дилар деза хилара тІехьа.

Из хабар чІоагІдар духьа, Хьажас вайна кхы а цхьа дувцар дийцар (*Іабдус-Салама йoах*).

Из дувцар дар: «Хьалха дІабахачарех цхьа кьонах хиннав ше Хьажий-ЦІа водаш, шийца цхьан ший воІ а волаш. Наькъа водаш веннав из, цун воІ воацар кхы саг хиннавац цун гарга.

Таккха цун юхь-сибат хьакхий сибатага хувцаденнад.

Цуагла гІайгІане вахав цун воІ, чІоагла велха волавеннав из набарo ше дІалаццалца. Панахьа цхьа хозача суртехьа кьонах бларгавайнав цун, ший даьна тІа а вена, цун юхьа тІа ший кулг хьокхаш. Таккха цун даь юхь ше хьалха хиннача сурте йийрзай. Шийга кхаьчача гІадвахарах сихвенна цу кьонахчун аба йистах тоссавеннав воІ. Цунга хаьттад цо: «Хьo малав?», аьнна. Таккха жоп деннад цунна: «Со Даьла Элча, **Мухьаммад, (Соллаллоахлу Іалайхлу ва саллама)** ва, аьнна. Ший дегІа зулам деш лийнна волча хьа даьна, ше дийна волаш шийна цо цхьа Салот дилар бахьан долаш, Шафалат де венав ше».

ГІадваха волаш воІ хьасомаваьннав. Ший даь юхьа тІара хІама цо дІаяьккхача, ше хьалха хиннача суртех шийна из коравича, Далла хоастам а баьб цо, Цунна шукар а даьд цо. Таккха из дІа а велла, ший наькъагахьа Хьижазе кхаччалца дІавахав из. Хьажий-ЦІенна гонахьа ТІаваф (*го баха*) де

волавеннав из, хлара метте Пайхамара, *Соллаллоахly лалайхly ва саллама*, салот дехкалга юха керда а доахаш. Таваф дечарех цхъанне аьннад цунга: «*а фу леладу, хлай, зламига саг, Тавафах хлара метте Салот дехкаш. Хлара моттиге ше-ший алар долга хаций хьона?*».

Ший даьна тлехьа хиннар дладийцад цунга зламигача саго. Тлаккха цу саго могадаьд цунна из.

Бархлага хаттар

Гаьнарча мехка а ваха, либадат дар дозалах да. Хьажас, *Дала кьайле цленйойла цун*, аьннад: «*арафат* дийнахьа Ший болх лакха болаш вола Даьла Ший лаьшка хьож, Ший малайкашка оал Цо: «Са лаьшка хьажа шо, Со раьза вар лахар духьа, дунен тайп-тайпарча йистошкара баьхкаб уж, шоай ахлoenix а, фусамех а кьаьста. Са духьа гаьнарча мехка бахкар хержад цар. Хлай Са малайкаш, гаьнарча мехкара уж бахкарах, боккьала а царна гештаь Со хилара а, цар во хламаш царех дладаьха Со хилара а, шо тешал овттаду Аз».

Кьайлага деча либадата дозалах цо (*Хьажас, Дала кьайле цленйойла цун*), аьннад: «Бийса юкье яхача хана, лай ше наб еча блайхача меттара гаттача, ший барзкьа цо тладийхача, ламаза кийчвалча, Ший болх лакха болаш волча Дала Ший малайкашка оал: «Хлай Са малайкаш, Са лаьга а, цун хозача ламалашка а хьажал шо, ер еррига а ламал Со раьзавар духьа мара еш яц цо, хланз из Сонеи Са малайкаштеи мара гуш вац. Оаша тешал де, Со цунна гештаь хилара а, цо Сайгара дийхар деррига а Аз цунна лургдолаш хилара а».

Укх далийлаца кхоачам ба, кьайлага, хьуладаь деш дола либадат деза хилара тлехьа.

Хьаькьал долаш вар хьожийла укх йоккхача совдегарлонга (*пайдага*), клеэзигача хана шийна хьахулача йоккхача ганзага. ламалаш ечар – ер санна йола ламал йойла.

Ийслага хаттар

Аьхарт ден хозаленах а, цун Ялсамален нилматах а да. Хьажас, *Дала кьайле цленйойла цуна*, аьннад: «Сийсаз даьча укх дуненга хьажал шо, Далла гарга моза (*пхьажбуарг*) ткьама маьхе доацача. Ший болх лакха болаш волча Дала цун цли яьккхай «пана» хургдола, аьнна. Из дезарца шо диза хинна дола цун хозаленах уйла е оаша. Ший сийзаленца цхьана дола ер дуне хоза дале, ший хозаленца-нилматаца юхе дусаргдолча аьхарт денга фу бала хургба шун? Из (*аьхарт ди*) дезача Кьурьана чухьа, Ший болх лакха болаш волча Даьла дешаца, ший куц оттадаь да: «Уж ховш баларе, боккьала а, из аьхарт ден ков, даиман дийна хилар да». Из доацар кхы а дагардалар (*дуккха*) аяташ да. Шоана моттий укх аятал тлехьа цхъанне а низ кхоачаргба, аьнна, цу аьхартден хоза куц оттаде а, дунен куцах из (*аьхарт ди*) тарде а?

Ма гаьна да из! (*Низ кхоачаргбац*). Бакъда, вай кхоачам бергба Ший болх лакха болаш волча Даьла дешаца: «Даьлах кхийрача наьха ков (*фусам*) нилмате хургда, даим дусаргдола ков (*фусам*) а нилмате хургда».

Дала тхо а, шо а долда аьхарт дийнахьа даькъала хургболчарех, цун лакхача даржашка кхоачаргболчарех.

Из (*Даьла*) хозаш ва, жоп луш ва.

ИтталагIа дола хаттар

Даькъала а, даькъаза а болча ахIлонашкахьа да.

Хьажас, Дала къайле цIенйойла цуна, аьннад: «Малайкаша лаь Iамалаш тIайола китаб (*таптар*, *жай*) набарца дIадаьннача цун сина гучадоакх: цо из (*китаб*) деша – доакъазалга наха из вуле а из даькъала ва; цун из деша низ ца кхоаче, хъайре хинна вусе – даькъала ва из, аьнна, халкъо цун цIи йоаккхе а, из Далла гарга даькъаза ва.

Набарца дIадода са ше хьежаш да кхалхарца дIадодача сига. Къайлен ахIлонаша, къайлагIа долчох дувц, гучахьа долчунна ахIлоша, гучахьа долчунца мара хьукм деш беце а.

Ший дикаца а, сийлаленца а Дала вай а, шо а долда Iилма ховча ахIлоех а, даькъала хиннача ахIлоех а.

ЦхъайтталагIа хаттар

Кераста е зуламхой бе лийга, лийца чубоахкачар хьалах да. Хьажас, *Веза-Воккха волча Дала къайле цIенйойла цуна*, аьннад: «Ший болх лакха болаш волча Дала Ший Камоаршалонца хьажошта а, Къуръан дешарашта а, Овлиашта а, кагийча берий Iамалашта а луш бола маьл санна, сунната Iамала маьл санна бола маьл лургба лийца боахкарашта а, есарашта а, дегашца Даьла цаI веш, Элча бакъвар мара кхы Iибадат де цар низ ца кхоаче а.

Маьженашца Iибадат дар гучадаккхар кхерама гарга -дегаца а, меттаца а Iибадат дара тIехьа даиман хилар – масса волча има дилла волча мала сага а, кхалсага а тIехьа да.

Из (*маьженашца Iибадат дар*) дитар – дуненах а аьхарт денах а даькъаза ваьннав. Из – белггала даькъаза валар да.

ШийтталагIа хаттар

Дийначара байнарашта дула дирах да.

Хьажас, Дала къайле цIенйойла цун, аьннад: «Малайкаша байнача (*бусалба*) наьха синошка кхаъ боакх, бусалба саг цар кашамашка воагIаргва, аьле, из вале цхьа бутт, е кхы совгIа ха хьалха. ТIаккха цунца (*кхааца*) синош гIаддолх. Из цар кашамашта тIа а вена сацача, цо царна дула дича, Ший болх лакха болаш волча Дала цун дулий беркатаца царех во хIама даьчунна гешт

ду, царех дика хлама даър дикашка соввоакх, хлана аьлча, байнарашта деш дола дула, шийх рияъ (*моттийтар*) ийна а доацаш, е дунен хламанга сатувсар а доацаш, байначаргара дунен пайда хургбоацандаъ, ценна Ший болх лакха болаш волча Даьла духьа да».

Иштта Хьажас, *Дала кьайле ценйойла цун*, аьннад: «Ший дезалхочоа раьза хилалехьа хьалха даьх е наьнах ца! велча, е уж шаккхе а белча, тлаккха цу дезалхочо цу шиннена дула дича, цу шиннена гештдар а дийхача, Ший болх лакха болаш волча Дала, тоба даь волча дезалхочун дуий беркатаца цу шиннена гештдергда. Тлаккха уж шиь цунна раьза хургба, тлаккха цу дезалхочунна Даьла раьза хилар а, да-нана раьза хилар а хул.

Бакьда, лаьса хилара тлехьа даим вола дезалхо – цун во гулакхаш цу шиннега (*даьга-наьнага*) кхоачаргда, уж шиь цунна эглаздахар совдаргда. Тлаккха, Даьла а эглазвахарца, ший да-нана а эглаздахарца из хлалакь-хургва.

Да-нана дийна долча хана уж шиь раьзадар хьахилар шийх длатин-начунна, шийх длатинна хлама тлакхедар воажиб да: тоба дарца а, цу шин-нена гештдар дехаш дула дарца а, йоккхача доакьалонца ше даькьала а хила.

Хлай, са клант, ер лалашде ла, Дала сомавоаккхалва хьо глафил хиларах (*мело ярах*).

Кхойтталагла хаттар

Панахьа гуш долча хламашкахьа да.

Хьажас, *Дала кьайле ценйойла цун*, аьннад: «Наб еш волчунна гланахьа гушдар: цьаьдар, Кьахетаме волчунгара (*Даьлагара*) хьехам ба, цьаьдар шайтло дагатувсарах да».

Цул тлехьагла, из (*Хьажа*) тхона гла дувца волавелар шийна гланахьа ший Даьла, **лаьза ва жалла**, бларгагор. Цо аьлар: «Сона гланахьа сай Даьла, лаьза ва жалла, бларгавайра. Из дар Робийлуль-Ахири бетта тлехьара плаьраска бийса кхаь даькье йийкьача, тлехьарча даькьа чухьа. Дала, **лаьза ва жалла**, сога аьлар: «Даьгластанера дукхагла бола лаам нах, Сох а, Са динах а, Са Пайхамарах а кхардаш ба. Са Кьамаьл сийсаз ду цар, Са ахькамаш (*Кхелаш*) шоай букь тлехьашка длакхайсад цар. Щоашта тлехьа (*malzar de*) Тха низ кхоачаргбац мотт царна. Имам Шамиль эттача хана денза шоаш мел леладаьр, шоашка хоаттаргдолаш ба уж. Са дина тлехьа вон а долаш цар кераста гло даьчча метте лазапаца лоацаргба уж. Цар деррига белхаш а, цар ламалаш а Сона гарга длаязьяь я. Сона гарга (*Кьемата дийнахьа*) бехказа бовла царна яллане а ха лургьяц, дуненах царна из еннаяле а. Даьла глапил а вац цар хьадаьчох».

Тлаккха тхона хабар дийцар гланаш дашхарах. Цо (*Хьажас, Дала кьайле ценйойла цун*), аьлар: «Хоттала вожар, цун таьвийл (*из дашхар*) – зулам даьшта кара вахар да, хотталара хьалвалар – царех хьалха валар (*клархара*)

валар) да. Хотталара хьалвалале сомаваьлча, цун таъвийл - цар зуламца хлаак хилар да. Нувр а дирст а йоацача говра тла хар, цун таъвийл – вирд даккхара глапил (мела) хилар да. Пийлача говра тла хар – дингахьа ийша хилар да. Сирача говра тла хар – дингахьа кхоаччаш хилар да. Цлеча говра тла хар – Даьлагара бехк хьарчар да. лаьржача говра тла хар -Даьлагара лазап хилар да. Сирача кхала тла хар – дика сесаг йоалаяр да. Хи чура чкъаьра лацар – цунга (кхалсагага) зоахалол дувцар да. Цогал дер – маькарча ахлoenix хьалха валар (клалхар валар) да. Зе деш а доацаш из (цогал) бларгагор – хил йолча (говзача) наха новкъостал дар да. Блехал бер – воча глулакхера дика-чунга валар да. Цунах тара да клай блехал бларгагор а. Бакъда, шун (даар) тлехьа е пхьегла чу а блехал бларгагор – цун сесага во глулакх да. Из (блехал) коа-карта бларгагор – лаьсача саго юкъарло дарца, мал (рузкъа) зехьа довр да. лаьржача жлале ка тохар -къинош дукха хилар да. Ер гла дайначунна воажиб да: зикар дара а, дика хламаш дара а сов валар. Клайча жлале ка тохар -къиноех цленвалар да, ший дегла маькарлонах хьалха валар да. Блехало ка тохар – цун тлехьа во глулакхаш толар (дукха хилар) да. Хьакхий дулх дааро – хьарам хлама даара тланийсву. лажагла паста яар – лазар да. Модз даар – хьакхийкъата чуволар да. Шура малар – тларийкъата чуволар да. лаьржа дувхар (барзкъа) тладувхар – глайгланна чувожар да. Цленача хица лувчар – къиноех цленвалар да. Маьждига чувахар – дин чувахар да. лаьхарг а, бийг а бларгагор-лаьсача наха новкъостал дар да. Ялат бларгагор-ахлoenix цаг валар да. Малх хьалкхийтта а болаш, догла делхаш а долаш, баьццарча лаьтта (ара) клай шерч (бузлаш) бларгагор – къемата дийнахьа хургйолча йоккхача мулка да валар да. Йокъаеннача ара лаьржа шерч бларгагор – лаьса саг валар да. Кхесташ хьайра бларгагор -либадаташ къоабал хилар да. Хьалъайвалар (наб еш а волаш).– клеззига хинна а глалата чу вожар да. Малх лаьца а, бутт лаьца а бларгагор – иймана ахлoшта а, дина белха тла айттарашта а кхерам хилар да. Шийна тла лоа делхаш бларгагор – глайгла а сагот-там а ба. Форд бларгагор – кераста нах хилар да.

Иштта: Малх бларгагор – Устаз хилар да. Баьццара гаьнаш – Иймана ахлoй ба. Йокъаенна гаьнаш – лаьса нах ба. Догла – къахетам ба. Клай догла – ларша лакхера бола Даьла къахетам ба. Устагий – Иймана а Тларикъата а ахлoй ба. Кхыдола хьайбаш – Шарилата ахлoй ба. Деррига а Къуръан дешар – доакъало я.

луйра хана, е малх хьалкхетара гарга дайнача глано – ше дожара сихо ергъа, бийсанна юккъе дайна гла – тлехьа тотталургда.

Ховш вар – Даьла ва!

Дийтталагла хаттар

Балаш доссар бахьанашкахьа а, уж юхатохар наькъагахьа ада.

Хьажас, Дала къайле цленийойла цун, аьннад: «Лаьтто ший хозал хьа ийцача, нилматий а сомай а доакъошца из хоааделча, Ший болх лакха болаш

волча Дала оал: «Хлай, Са лай, ер Са шу (даар) да, цунах даа оаша, цу тлехъа Сона шукар де оаша. Цхъаккха а шоана тлехъа ше боссаш бола бала бац: йловхал а, е догла соцадар а, е моастагла тлатассар а, ялат хлалакдеча цлозах, е из доацаш кхычох тара дола -шукар дарах шоашта тлехъа воажиб дола хлама оаша дитарца мара. (Из – наха Ше денна нилмат Даъла хувцаш ца хиларца да, цар шоай дегамашца дар хувццалца)».

Хъажас, Дала къайле цленйойла цун, аьннад, из бала юхатохар никъ белгалбеш: «Даъла оаглонгахъара йиш хозар шийна, оалаш: «Бала боссара хъакъех лашта воажиб декхар да: марха кхабара а, саглаш далара а сихо яр».

Лаш хълх бовргба балех – цар шоай дегламаш лаьсача хламаех цлендой. Марха кхабарца а, саглаш даларца а уж Даълага хьоасталой, сиглара берката доакъош доссаргда царга: сагла – бала юхатохаш а, сигалара догла делхийташ а доландаь, марха – масса долча балашта турс (духъале) хинна духъал отташ доландаь.

Даълага кхайка шо, Цун духъа дин а цлендаь. Дула – мискача наьха тлех чоаглагла дола герз (низ ба) да. Даъла низ кхоачаш ва цар (мискача наьха) моастагла хлалакве а, зуламхой юхатоха а: Шийна лой чоаглача михаца, Шийна лой хица е цлераца хлалакбарца.

Деррига гло Даълагара да, Даъла Веза-Воккха ва, члир эцара Да а ва.

ИЛСХАН-ЮЪРТАРЧУ КИШИН КУНТА-ХЬАЪЖИН ЖАЙНА

(на чеченском языке)

Дала шен кѣинхетамах генадаьккхинчу шайтланах Делаца ларло со. Делан цларца доладо ас, дуьненахь бусалбанех а, керстанех а кѣинхетам беш волчу, эхартахь кѣаьсттина бусалбанех кѣинхетам беш волчу. Хастам Далла бу, шен хьукманчохь тоьлуш волчу, бусалба нахана гечдеш волчу.

И Дела ву иза, Шен лайшна юккѣехь длакхалхабарца а, юха кѣематдийнахь гловттабарца а Ша нийсо йина хилла волу; Ша вайна Шен дегI довзийтина волу. И дегI ду иза, Шех дукхахболчу нехан бляьргаш бляьрзе хилла долу (И Дела хиларан билгалонаш ца гуш); Ша деза хиллачу вахѣюнца (Кѣурѣанца) цлагIвина волу Шен Элча бакъварна тIе вай нисдина волу Дела ву иза.

Делера кѣинхетам, Цуьнгара маршо Цо нийсачу динца вайитина хилла волчу цуьнан Элчанна, сийдолчу Маккара хилла волчу Мухьаммадна а хуьлда, ийманан охланна декъалхиларан некъаш атта дина хиллачу цуьнан охланна а хуьлда, динехь болчу нахана лазапах хьалхабовларан кеманаш доьгIна хилла болчу Цуьнан асхьабашна а хуьлда.

Дела реза хуьлда хIора церан некъашна чувоблаачунна, тIарикъатан марзонаш гучуяхарехь Ибадатийн охланна. Дала ял совйоккхийла церан кеманна тIехиѣначун, Делан омрашна тIаьхьавазарехь, цуьнан нахIѣюнаш (цамагийна хIумнаш) дитарехь.

Цул тIаьхьа: хIокху питанан а, бохаман а заманахь, хIокху заманан бераш хьагI-гамо лелочу нехан гIоьнчий хиларна, бакъонан дайшна а, сийлаллин охланна а некъ ца хилира тIарикъатан некъех а, Ибадатийн бошмех а долу шайна гергахь дерг гучу-даккха.

Амма бакъду, шайн заманан нехан мекарлонах кхерарна, оцу сийлаллин охланан ницкъ ца кхечира Ибадат дарца шайн догIмаш щайна луучу кепара дIасахьовзо, шаьш цхьана бакъонца баьхкина хиларна.

Нагахь санна, церан Iамалийн бахьанаш гучудаха а, белхийн баххаш билгалдан а таро хиллехьара (ницкъ кхаьчнехьара), царна а, царна тIехь инкарло еш болчу нахана а юккѣе цIена хилла болу барт бужур бара, тIаккха царна дуьхьала бевллачу нахе билггал долу реза хилар (овлаяшна реза хилар) кхочур дара.

ХIетте а, хьал муха ду аьлча – заманахь бохамаш хиларна, баккъалла а вайн вежарша цаьрца хьагI лацар ду (церан шайн болх гучубаккха йиш йоцуш, лакхахь мааллара). Баккъалла а, вай Делан ду, оцу Деле доьрзур долуш а ду. Шу хьежа Цуьнга дерзаре, со а ву шуьца цхьаьна, Цуьнга дерзаре хьобжуш болчарех.

Шайх хилла волчу Хьаьжас аьлла (Дала кѣайле тойойла цуьнан):
«Баккъалла а, цхьа а хьакъ вац, ша нах нисбарехь Делан вели ву бохуш, дов дан, нагахь санна иза деа а мазхIаба чохь долчу хIуманна

жоп дала ницкъ кхочуш вацахь», – бохуш долу Iеламнехан дош, Дала кьинхетам бойла царех, бакъ ду».

Цунна, вайна гергахь, шина некъах жоп ду. Цаьршиннах цхьаь: цуьнгара лохур дац оцу балхехь дешар хаар а, йозанан хатI хаар а, оцу Iеламнахана ма-мттара, цу тIехь делил вайн Пайхамар хилар ду (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна).

Ша шарилат а, тIарикъат а гучудаьккхина хилла волу Пайхамар ву иза, дерриг мазхIабаш шегара схьадевлла а волуш. Иза ца хилла доьшуш а, яз деш а, амма бакъду, иза хилла нене виллина (нанас ма-варра, хIумма а Iамоза).

И лакхахь аьлларг кхачаме ду, дешар а, яздар а бехкам бина ца хиларехь, пайха-мараллехь а, элчаналлехь а совдаьккхина вели хиларна а, шайх хиларна а. Иштта болх хилча, вели хьашт вац дешаре а, яздаре а.

И вели ву иза, ша Пайхамарна (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна) дуьхьал кхеташ волу, и Пайхамар юкъахIоттаварца шен Элана (АллахIана) тIекхочуш волу. Цунна довза хьашт дац йозанан хотIан сурт а, йозанан могларш а, шена экха дуьхьал кхеттачул тIаьхьа, гинчул тIаьхьа оцу экханан ларашна тIаьхьавазаре хьашт воцу таллархо санна.

Гучахь долу Iилма (жайнашкара Iилма) – иза Делан Элчанан лар ю (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна). И Iилма доьшуш берш таллархой бу, оцу лоран дена тIе кхачархьама оцу ларашна тIаьхьабозуш болу; шен бIаьргашца гуш верг хьашт вац шен кIажашна тIехь вуха-верза, оцу некъаца лохуш дерг кхочушхилла дела. Кхин некъ боьхна бу (оьшуш бац).

Оцу шиннах шолгIа некъ: фикъхIан Iилманашкахь шаьш буьзна болчу шарилатан Iеламнахах дукхахболчеран ницкъ кхочу деа мазхIабах жоп дала. Цуьнца цхьаьна, тIарикъатан охIланна устазаш хила хьакъ бац уьш. Церан ницкъ кхочур бац халбатан хьелех а, кхечу хьелех а долчу хеттаршна жопаш дала. Цхьа гIо эшначу заманчохь гIо дан ницкъ ца кхочу церан.

Амма бакъду, доккха хили церан шегахь ницкъ кхочуш долу хIума, и хIума тIех ца долу диканца омра дарна а, вонах нахIью дарна а. Гучахь долчу хIуманан хьесап дарна тIехь, царна шайн догIмийн Iамалш стенга йоьлху ца хуу дела: кьобал йина, стигала хьалайовлу, я хIаваэь юьсу, я лаьтта охьаюжу.

Баккъалла а Пайхамарна хьалха а (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна), Делан лайшна хьалха а устазан цIарца дIахIоттар атта болх бац. Иза боккха болх бу! Иза Iилманаш дукха дешарца хуьлуш бац, мазхIабаш довзарца хуьлуш бац, царех кхетарехь иза мел лакхаволуш веллахь а. Далла гергахь а, Цуьнан Элчанна гергахь а (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна) бакъ ког нагахь санна цуьнан бацахь, кхетаман а, деган а бIаьргаца цунна И Шиь гуш вацахь. Иштта ца хилча, цо гIо муха дийр ду шена тIаьхьа возучунна хIора кхерамна гергахь, саэцарна гергахь, коша чохь барт хаттарна гергахь, мийзанан терза дIахIотторна

гергахь, сурт-тйаил дехъаваларна гергахь? Камил волчу устазана тлехь ду шен мурид ларвар, ша цунна ялсамане чохь йолу цуьнан меттиг гайтталц.

«Цхьа а дов дан хьакъ вац, хина тлехула лелар аьлла, я хлаваэхь тломаваьлла лелар аьлла, ша нах нисбеш волу Делан вели ву баха», – бохуш долу леламнехан дош бакъ ду, шен сецна бух болуш.

И бух – члара хилар ду, ша хина тлехула лелаш, оцу хи чохь даим бегахь. Хлетте а иза бац сийлаллин а, шафалатан а охила. Иштта ю чуьрк а: хлаваэхь тлома а йолу иза, цхьа а карамат дац цунна.

Хлара хлумнаш а, кхарех тера хлумнаш а овлаяийн караматех дац. Декъа хлара куьцаш ду аьлла, цхьаьннан а це йоккхур яц, Делан вели ву аьлла, Далла тле иза кхочуш вацахь, Делан Элчанна тле иза кхочуш вацахь (Делера къинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна), Цуьнан ламал Цаьршиннан терзанна там беш яцахь. Тлома ваьлла лелар а, хина тлехула лелар а Камил охланна тамашийна хлума дац, Караматан охлангара иза схьадаьлলেখь а. Оцу хлехь бух хиларехь хьуна кхачаме ду хьуна Рабилатул ладвиййат бохучу зудчо (Дела реза хуьлда цунна, Дала цуьнан беркатех рицкъ лойла вайна) Хьасанул-Басрига аьлларг (Дала къайле тайойла цуьнан). И дийцар гларадаьлла ду. Ахь хлара ларде, нисваларехь сов вер ву хьо, Далла лаахь. Тавпикъ далар Делехь ду.

«Кошфалла (къайле хаар) – иза шина декъехь ду: бакъдерг а, харцдерг а», – бохуш долу леламнехан дош бакъ ду. Цуьнан ду билгалдар, шеца тем хилла совцуш Дела вевзинчу овлаяийн дегнаш.

Ша дов деш верг, шеглахь кошфалла ду бохуш:

а) иза хир ву хьуна ша дов деш, шена гуо бохуш, коьртан блаьргаца Лавхьул-Махьфуз а, беллачийн синош а, ялсамане а, жоьжахате а, кхидолу царех тера хлумнаш а семачу хьолехь.

Шеко яц и хиларехь жинашца тайна, я шайтано тилийна, и шена наьлалт аьлларг (шайтла) вас йоккха йолуш ду, хилла члогла долуш ду, цунна тарло (цуьнан ницкъ кхочу) ша стагана бларлагла хлоттийна вас ярца, моттийтархьама, и бларлагла карамат ю; ша цунна шен бозбуанчаллашца ялсамане а, жоьжаглате а ю моттийтархьама, цигахь ян а йоцуш.

Хлара дерриге а хир ду муридана, иза валале хьалха ворхл экъана (даржана) дехьа (макъамана), и оцу ворххле а макъамана дехьа ваьллачул тлаьхьа цунна герга шайтла доглур дац, оцу шайтланна цунна тле дан цул тлаьхьа некъ боцу дела;

б) я ша дов деш верг, шена гуо бохуш Лавхьул-Махьфуз а, цунах тера хлумнаш а, я гленан кхоьлах, я кхетаман блаьргаца (деган блаьргаца), семачу хьолехь, коьртан блаьргаца а доцуш. Хлара шен къамелехь бакъ велахь, цуьнан кошфалла бакъ ду.

Набаран хьал долу дела, дог дендинчул тлаьхьа Дела цхьаьваран нуьрца а, зикарна тлехь сацарца а, сема долуш санна. Бакъду, дегло наб йича, дагна а, сина а парглато хуьлу, тлаккха иза хьожу шена луучуьнга, и лела а лела дерриге а хлумнаш долчехула.

Оцу мел долчу делилаца кошфалла бакъ хиларна тlехъ оцу кошфаллин ден lамалш хилар ду, шаьш там беш Элча шеца веанчунна (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна). Иштта дацахъ, цуьнан кошфалла лорур дац цхъана а хlуманна, велларг денварх хоттаделла иза делахъ а, лаьттахъ деши далийтарх иза хоттаделла делахъ а. Дала бакъонга нисдар а, нийсонна тlе нисдар а рицкъанна лойла вайна. Воьрзу меттиг Делехъ ю.

«Устаз лаца мегар дац, шена иза Камил болчу овлаяэх вуйла халц», – бохуш долу lеламнехан дош (Дала кьинхетам бойла царех) бакъ ду.

И терза ду иза, Лекха-Сийлахъ волчу Дала Шен лайшна куц хlоттийна долу, Ша цаьрга олучу хенахъ: «Хlай Сан лайш, Ас шуна юккьехъ овлаяш кхоьллина, Ас уьш лийрина Суо вовзийтарца, Ас уьш къастийна Суо гайтарца, шу царна тlаьхьадаза, нислур ду шу».

Оцу халкъо элира: «Хlай тхан Дела, тхуна уьш муха бевзар бу, тхуна муха хуур ду уьш Хьан овлаяшха буй?» Тlаккха Дала элира: «Шуна уьш бевзар бу царна тlаьхьабозучаьрца».

Цуьнан маьlна: цхьамма ша вели ву аьлла дов а дина, цунна тlаьхьа халкъ дазахъ, шу цаьрга хьовса. Шуна уьш гахъ Делах кхерарехъ а, Дела дагахъ латторехъ а совбуьйлуш, овлаяийн беркатах нийсонна тlе дlахlитта важаб деш долу хlума шаьш схъа а оьцуш.

Шуна хоуьйла иза Далла гергарчу дозанашка кхаьчначу овлаяэх хилар а, халкъ нисдаран дарже иза кхаьчна хилар а, Делан кьинхетаман хlорда чуьра, Делан Элчанан беркатах (Делера кьинхетам а, Цуьнгара маршо а хуьлда цунна) схъа а оьцуш (диканаш), ша схъаэцнарг дотта а дуттуш, шена тlаьхьабозучарна а, шен муридашна а тlе. Лайшна тlехъ ду шаьш цунна тlаьхьабазар, къайлах а, гучахъ а цунах дlа ца хадар цкъа а.

Царна и овлаяш бу бохурш гахъ, оцу вай дийцинчунна дуьхьала, тlаккха шуна хоуьйла уьш Деле кхаьчна цахилар, шу царна гена а довлалаш, шу церан питанах а ларлолаш. Хlара терза ду, шеца бакъ волю вели харц волчух къаьтош.

Тlаьхьа бозурш нисбелла хиларо кхачам бийр бу делил хиларехъ устаз Камил хиларна, и зама елахъ зуламийн, бохамийн зама; нагахъ и зама елахъ нийсонан а, вовшийн безаран а зама, тlаккха велина мегар ду шен цхъайолу караматаш халкъана гучуяха, дегнашна тем бархьама, царна и вовза а вовза, уьш цунна тlаьхьа а база; иштта болх хилча, царна Дела карор ву шайн тоба къобальеш а, шайх кьинхетам беш а. Уьш кхочур бу ялсаманин нилматашка.

«Вели шена гергахъ деши а, лаьттан гlорза а цхъатерра хилларг ву», – бохуш долу lеламнехан дош (Дала кьинхетам бойла царех) бакъ ду. Оцу дешан хаза маьlна билгалдар ду. Вайх цхъаболчеран бlаьргаш цунах бlаьрзе хили.

«Цхъатерра хилларг ву» бохучу церан дашехь лууш дерг, рицкъа даккха а, лаха а мегар дац боху маына дац цуьнан, иштта царна (Iеламнахана) моттарх терра.

Цунах лууш дерг воккхавер сов ца далар ду, деши карадеъча, я и дайча балхам ца бар а ду. И карадар а, карара далар а цхъатерра хилар ду. Даъхни гулдар шина тайпана ду: хьалхарниг – иза гулдар ду, тIаьхьалонна дIадуьллуш, къеллех кхийрина, я дуьненахь возалла лехарна, нахана юккъехь сийлалла езарна, даъхни дукха хиларца.

ХIара дакъа дац кхоччуш ийман долчу бусалба стеган белхех, Далла герга винчу велина муххале а.

ШолгIаниг – иза гулдар ду, шарIо магийначу некъаца, цуьнга хьашто йолчунна гIо дан а, мискачу нахана дао а, цунах сагIийна дала а, Делан дуьхьа Далла герга вечу хIуманехь, я шен дегI кхиорехь, оцу дегIана болх баран хало тIейилларца, и дегI шовкъе хилархьама Iибадат дан, ша сийсаз-динчул тIаьхьа хала белхаш байтар бахьана долуш, иза тешарца цхьана Дала шена чIагIо йинчух рицкъа даларна.

ХIара некъ Далла гергахь къобалбеш бу, И реза веш бу. Бакъду, лайн болх ценна Делан дуьхьа долу Iибадат хуьлу, хIокху ниятца хилахь.

«Вели долица шена луург деш ву, зулам а, зен а духатохарх, я пайда а, диканиг а тIеозорах дуьненахь», – бохуш долу Iеламнехан дош (Дала къинхетам бойла царех) бакъ ду. Цхъабакъду, цуьнан билгалдаре диллина кхин жоп ду.

Иза доIа дийриг тергалварца ду. И доIа шина тайпана ду: къаьсттина болчу, Делан гергарчу нехан доIа а ду, кхиболчу бусалба нехан доIа а ду. И шолгIа доIа жоп даларан куьцехь кхаа декъе декъалуш ду.

Хьалхара дакъа Дала цунна жоп луш ду сихха, Шен комаьршаллица а, сийлаллица а.

ШолгIа дакъа жоьпана хан тухуш ду, эхартахь далархьама. Дела цуьнга олуш ву: «ХIай миска стаг, ахь соьга жоп далар доьху хьайна дуьненахь, хIаллакьхиндолчу, хьо цакхеташ хиларна. Аса хьуна жоп лур ду эхартахь, тIаьхьадуьсундолчу, цунах хьуна пайда хир болу дела».

КхоалгIа дакъа – Дала цунна жоп лур дац сихха а, я тIаьхьа а, цхьана бахьанина, и Ша воцчунна хууш доцчу, и Делан болх беза хили. ХIара кхо хьал нехан доIехь ду, хьуна ма-хаъара.

Делан охIланах къаьсттина болчу нехан доIа – и охIла бу уьш, Даллий, шайн дегнашний юккъехь пардо доцуш, церан доIа юхатухур дац цкъа а, и доIа делахь а, стигал, кийсигаш яй, охьайожае, аьлла дина, я цул доккха а. Цхъабакъду, уьш Деле ца кхойкху, Дала шайна доIа дагатасарций бен.

Царех цхьамма Деле дехахь, шен дегIан лаамца, Дала цуьнга олу: **«Хьан доIа, хIай Сан лай, духатухуш дац, Сан кхиэл йохор йолуш яц, дуьхь-дуьхьал ши болх гулбалар бевзаш бац (тарлуш бац). Ахьа муьлханиг хоржу? Хьайн доIа духадер-задар, я Сан кхиэл хийцар?»** Оцу хенахь цунна Делах эхь хета, шегара даьллагунна дохковолу иза, Далла суждане

воьду иза, шен долина гечдар доьху цо, шен дегI духа-дерзадо цо, цул тIаьхьа Деле ца доьху цо, Цуьнан омрица бен, ша вехь а, ирх оллахь а, я меже як-кхяхь а. Далла лаар хоттаделча зен дIадаккхарх, и дикане кхачарх, Дала цуьнан дагчу тосу дола дар, хьаставалар, тIаккха цо дола до. Цуьнан долина жоп ло сихха, хIара билггал бакъдерг ду Дала уьш а, вай а, дерриге а де-кьалдойла.

Іеламнехан дош (Дала кьинхетам бойла царех): **«Мегар дац хийра божарий зударшца цхьаьна зикар дечу хенахь гулбалар»**, – бохуш до-лу, иза бакъ ду, цхьана некъехь. Цуьнан кхин некъ а бу, ша иза магош.

Иза – зударий а, божарий а хилча тIарикъатан охIланах, церан устаз велахь Камил, царна мегар ду гулбалар, шайна луьучу кепара.

Нагахь санна церан устаз Камил вацахь, царна мегар дац гулбалар, уьш тIарикъатан охIланах белахь а, царна юккъехь дацахь а шахIватах (дегIан беамах) дIаэр. ХIунда аьлча, зуда тохаелча шовкъаца, цхьа хIума гучудаьл-ча цуьнан месех, я цуьнан дегIах, маликийн орца дIадоду зикаран чIагарх, цунна гуо бо шайтIанийн эскарша, цара тIаккха дIалоцу оцу нехан саделар (Iаьнарш), ша Дела хьахаварца арадолуш долу церан кийрара, тIаккха и зикар Деле хьала ца долу.

Шайн устаз Камил волчун болх иштта бац, цуьнан ницкъ кхочу ша царех кхиа, шайтIанийн эскарш кхиале, царна зен дийр дац шайтIанийн мекар-лоно, шайтIанаша царна гуо бийр бац. ХIара бакъдерг ду. ХIора хабаран шен соцу меттиг ю, тIаьхьа хуур ду шуна.

«Мегар дац зикар дан, цIенна хьуру-фаш а, хьаракаташ а дахарца бен, саца везаш йолу меттиг а, ца соцуш тIехволу меттиг а тергалъяр-ца бен», – бохуш долу Іеламнехан дош (Дала кьинхетам бойла царех), цуь-нан жоп хIара ду (тавпикъ далар Делехь ду, иза Шена тIе болх биллинчунна кхачам беш ву).

Дала цхьана а кьонахчунна ши дог ца диллина кийрахь. Зикаро шен дог машгIул динарг (дIалаьцнарг), шовкъо и дог Деле озийнарг, иза шена бехказло елла ву хьуруфаш а, хьаракаташ а цIенна цааларх; шина хIуманна ойлаяр цхьана дагчу ца тарло, хьуна ма-хаара. Дела хьехош волчо мохь тоьхча, эшарех тIех ирчаниг гучуйоккхуш, шен дог Деле товжадарца, цуьнан йиш, цхьаболчарна гергахь ирча йолу, Далла гергахь хаза а, хастаме а ю.

Шен маттаца Дела хьехош верг, ша ойла а еш, дешан эхараш а (тIаьхьенаш), аввалаш а (хьалхенаш) ларъеш, Іемилийн иIраб кхочуш а деш, цуьнан куц дац назманчийн куц санна бен.

Пайда бац мотт цIанбарехь, дегнаш цIан ца далар мел ду. ХIара жоп ду кхачам беш, хьекъал долуш а, кхетам болуш а волчунна.

ЖехIил верг, наб кхетта верг шен на-барха сама ца волу, цунна хьалха, даржа а дина, Ловхьул-Махьфуз диллахь а.

«Велларг букъ кошан аьрру аглор болчу пенах длахоьттина длаволла мегар дац», – бохуш долу леламнехан дош (Дала кѣинхетам бойла царех), цуьнан сецна бух бац. Иза схьаэцна ду бухан дакъошкара, леламнехан цхьа-долчу дешнашна тлера.

Сецна дерг Элчано хаьржинарг ду шен деглана: иза длавоьллина оцу хьахийначу куьцехь (аьрру пена тле букъ товжийна). Баккъалла а, вайн заманан охлано ладат лавьцначунна тлехь длаволла а, ца мегаш дац, цхьабакъ-ду, хаза а, хастаме а, тоьлуш а дерг велларг длаволла а ду адамийн а, жинийн а Эла дла ма-воллара. Хлара бакъдерг ду, бакъдолчул тлаьхьа тилар бен дац.

Леламнаха инкарло яр (Дала кѣинхетам бойла царех) члогла дечу зикарна а, и зикар дечу охланна а шен некъашна тлехь ду, шаьш къайлах хилла долу инкарло еш болчарна, вай уьш билгалдийр ду царна, и некъаш ма дуьсийла аьлла къайленан тептаршна чохь. Оцу нахах зикарна инкарло еш верг кхоь ву: царех шиь бакъонна тлехь ву, кхоалагниг тиларна тлехь ву. Оцу шиннах цхьаь – шен деган куьзга къагийнарг, члагидинарг ву Дела цхьаь варца, къайлах дечу зикарна тлехь сацарца шен даг тле доьссина Делера нур, ша Деле а кхаьчнарг Накъшбандин тларикъатца, Дала шена къайлах долу беркат а, нилмат а луш, Цо цуьнга ома ца дина дин члоглачу эшарца гучудаккха а, халкъ нисдан а, матто члогла Дела хьехаварца.

Хлокхо къайлах Дела хьехаво, цунна члогла Дела хьехош волчун йиш виран эшарал ирча хета. Тлаккха цо инкарло йо ч логла зикар дечунна, цо тарво Дела Ша воцург шен дегле, цуьнан деглан ницкъ ца кхочу йиш айба, Делах эхь хетарна. Цунна къайлах ду члогла Дела хьехочун хьал. Хлокхо инкарло яр тлехь бакъдолчу некъашна тлехь ду Цунна къа хир дац и инкарло ярна.

Шолгланиг – ша Деле кхаьчнарг ву Къадырин тларикъатца я члоглачу тларикъатехь кхечуьнца. Иза беркате а, нилмате а кхаьчна оцу тларикъатехь, цуьнга ома а дина дин гучудаккхарца, члоглачу эшарца, Делан лайш (халкъ) нисбарца, маттаца дечу зикарца. Хлокхо гучохь члогла Дела хьехаво, цо мохь а туху самукъадаларехь, лайшка цунах пайда эцийтархьама. Цо къайлах Дела хьехочунна инкарло йо. Цо олу: «Цуьнан даг тле боьссина хилле-хъара Дела вовзаран чам, цуьнан марзо, и меттахвоккхур вара шовкъаш яро, цо мохь тухур бара, я велалур вара иза, самукъадаларехь». Цо иштта олу, иза Деле кхачарна малхбален а, малхбузен а юкъаметтиган барамехь генаваьлла моьттуш, и члогла Дела хьехориг волу дела, ша тле ца кхуьуш, Дала шен ко-маьрсонах вукхунна деллачунна, хлара иштта шена бехказло елла волу, ша инкарло ярехь, иза нийсачу новкъахь ву.

И ший а бакъонна тлехь ву, нийсонна тлехь ву. Хлара болх къайлах бац цунна, ша тлехкиьна волу цаьршиннан тларикъат схьадолучу меттигна, ша гина волчунна цаьршиннан инкарло йолало меттиг.

Кхоалгланиг – иза ву шен дог ца къагийнарг зикарца, ша Деле ца кхаьчнарг Накъшбандин а, Къадырин а, я кхечу тларикъатца, ша ца кхаьчна бакъонан дарже, цуьнца цхьаьна цо инкарло йо члогла а, къайлах а зикар

дечу охланна. Делаца ларло вай цунах, хлара тилла стаг ву, нах тилош ву, бакъонах дакъа дац цуьнан, нийсонах длаэр дац цуьнан.

Бакъалла а йиш айбар зикарца, и зикар дар члоглачу эшарца, и дац шуна гучцохь долчу хлумнашкахь шен илма клезиг дерг шена тлехь соцуш болчу балхах. Бакъду, и болх бу шена тлехуьуш, Дала шен нилматах къайлах болу белхаш хаар шена делларг, Дала иза азаллехь лерина хиларе терра. Дала иза виллинчу хенахь, шаьш (хастош) билгалбинчарех шен дашца: **«Шен бу лаьттан букъ тлехь невцарий, Шех эхь хеташ, Со воцчунна уьш бовза а ца бевза»**. Уьш шен овлаяш бу, шаьш ойбуш шайн эшарш, ша хьехаварца. Дала уьш бахийна Ша везаран маларца, Ша цаьрга омра динчул тлаьхьа, **«члоглачу эшарца дин гучудааккха»**, аьлла, лайш дине кхайкхарца маттаца. Къа дац Делан возаллин кад мелла вехначунна, эшарийн йиш тле ца оьцуш волчунна. Ийманан охланаш цунна тлебоьрзу, тиларан охланаш цунах уьду, шайтла дадарх терра, Къадырин тларикъатан охлано Деле кхачаре чехко йо, дегнаш лаладарца. Дала цуьнан маьлнах аларе терра: «Стигланаш а, латтанаш а Сан цлех цхьана царца севцина ду. Аса дуненчуьра сайн лайшна йоссийна 99 цле Сайн Элчанан маттехула, царца цхьаьна церан дегнаш клад ца ло, тем хилла совца а ца совцу. Аса царна юккъехь цхьа лайш кхоьллина, шайн эшарша бухдохуш ийманах дакъаделла дегнаш, уьш Камил болу овлаяш бу». Дала церан беркатах рицкъа лойла вайна, царна инкарло ярах лар а дойла вай.

Цул тлаьхьа хьуна хоуьйла, Делан салам шайна хиларш, пайхамарш, уьш Деле кхечи, шаьш дог вуон хилла охьа а ца эгаш, церан ницкъ кхочу Делан возалла шайна тлехь длаяхь (Делан возалла къегина хили), Муса воцчунна. Цо мохь хьаькхира шен Делах воккхавевина, куьйгаш туьйхира цо, Делан возалла лийрина, дог вуон хилла охьавуьйжира иза, Далла гергахь латта шен ницкъ цахиларна. Хлара члогла зикар дечу нехан хьал ду, Дала шайна еллачу комаьршонах баккхийбеш, мохь тухуш, шаьш вуон хуьлий охьаэгаш, шайн ницкъ цахиларна Делан возалла длаяхь. Хлара билггал бакъдерг ду. Царна тлаьхьа хуур ду, бекхаман дийнахь, динах кхаьрдина, и сийсаздинчеран хьал хлун ду, оцу динан охланаш билггала тиларе бехкинчеран хьал хлун ду а, нийса а, бакъдерг а дакхоьссинчеран хьал хлун ду а. Хьукма Делехь ду, Иза хьесап чехка долуш ву.

Хлара жайна яздина волчу лабдуссалама боху: «Сан шайхо (Хьаьжас) суна дийцинарг (Хлара жайна), нохчийн маттахь, ладамаш кхобучу Делан велис, Сибрехахь, тхо чудохькинчу меттехь, ас иза гочдина, говзачу лаьрбойн матте даьккхира, и жайна хоьттуш волчунна кхоччуш жоп а, муридашна кхоччуш билгало а хилийтархьама, динан охланах болчу мискачу наха цунах пайдаэцаре дог а дохуш. **«Хоьттуш болчеран жоп, муридан билгало»**, аьлла, цле тилли ас хлокху жайнина. Суна ца оьшу хлара яздарна суо хеставар а, наха лерам бар а. Бакъду, суна лиъна зикарийн а, доланийн а байракх айбар. Суо глорасиз хиларна мукларло деш, Хьаьжас сайга аьлларг (хлокху жайни тлехь дерг) кхоччуш билгалдарх, **«кхачаме хили кхетам берг,**

говзаниг, куйгаца я бяьргаца уьшар дарна» аьллагунна тлаьхьа а возуш, суо бехказа волуш ца сацарна хьаьркаш дахкаран бакъонаш тлехь. Бакъду, сан хьекъал а, кхетам а клезиг хиллачу, 19 шарал сан хан тлех ца яьллагун хенахь, суна тар ца делира (сан ницкъ ца кхечира) хьуна гуш долчул говзаллехь сов вала. Сайн ницкъ кхаьчнехьара, со охьа а ца хууш, цунна тлаьхьа длагур вара, ас дог доху сайн жайни чу хьаьжначуьнгара къобальяр сайн бехказло, сан жайна клезиг хиларехь, со воьжна дела керста нехан кара, ийисар вина а, сийсазвина а волуш, со лавллина вигна шахьаршна генарчу шахьарерчу набахти чу, буржалш а тоьхна.

Ас дийцича сайн динан вежаршка дерриге а тхайга кхаьчнарг а, тхаьш лайнарг а, оха лаьвшинарг а члоглачу лазапах, церан дегнаш лелхар ма дара, уьш кхетамах бевлла охьаоьгур ма бара, церан шина бесне тлехула бяьрхиш хьодур ма дара. Цундела ас кехат длатуху (агло длатосу), доккханиг хьахорах (и ца хьахош). Ас кеззиг хлума хьахадо кхетам ловхуш волчунна (ас олу): «Дела вовзаран малх схьакхеттачу хенахь, Дегластанан стигланан аглонашкахь цуьнан нур даьржинчу хенахь бусалбачу шахьарийн ерриг а аглонашкахь, оцу Дегластана зиярате бахккалц Маккара а, Шемара а бусалба нах, Делан охлано и вовзаран маларш а молуш, цу маларех бехна болуш уьш лелаш, мунафикъ охллане кхочур дац и маларш, уьш хьере хилла буьсур бу. Оцу хьолана гергахь шайтанийн говра береш хьийзар бу мунафикъ нахана тле, бохамийн (зулабийн) нах керста нахах длауьйр бу, церан барт хир бу шаьш тарбала хлара аят шайн хьокъехь доьссинчу нахах: **«Царна (керста нахана) лаьа Делан нур (Къуръан) дладайа»**. Баккъалла а, царна тардели, оцу Делан нуьрана тлаьхьабозучеран тобанаш къастор, оцу муридийн барт бохор. Цара цхьаберш байъи, цхьаберш ирхьоьхки, цхьаберш махках беи, цхьаберш хлорда буха бахийти; цара божарийн маьждигаш а, зударийн либадат до меттигаш а хьовзийра мискачу нехан хьайбанашна (божалшка), сонтачу нехан бераш ловзучу меттигашна (клубашка). Цара тидам ца бира Делан дешан хьукманна шаьн чудоьлхуш хиларна.

«Мила ву те тлех зулам динарг Делан маьждигаш духатоьхначарел а, оцу чохь Делан цле яккхарх, ша лелаш волчул а, уьш дохорехь? (Цхьа а вац цул тлех зулам динарг). Бусалба нахана а, зударшна а питана дина нах, цул тлаьхьа шаьш тоба ца деш, жоьжаглатин лазапах вагош волу лазап хир ду царна». Цхьабакъду, Далла хастам бу, хлара доза тлех ца долу Делан дегле диллинчу барамал (Дала тоьхначу барамал), Цо ларбина ницкъ бели, Ша царна члагло яре терра: «Далла а ца лаьа шен нур (Къуръан) кхочушдар бен, керста нахана мел ца дезахь а». Цул тлаьхьа, тхаьш хиллачу меттехь (лаьцна дигинчуп тлаьхьа) керста нехан буйнахь марханаш даьстира оха, цул тлаьхьа доькхуш кхебира оха, Дала аьлла дела: «Шух цомгуш а, новкъахь воьдуш а хиллачо (мархийн баттахь) кхечу деношкахь кхобур ду и марханаш». Ламазаш шайн хеннахь дан хала хиларна, оха гулдора, дацдора уьш, Дала аьлла дела: «Керстано шайна питана дарна кхерахь, шуна къа дац ламаз

дацдарехъ». Оха тема дора хи ца хилча а, хи лело хала хилча а, Дала аьлла дела: «Шайна хи ца карадахъ, тема де аш цленчу лаытаца». Тхо духатоьхча ламазна меттахъхьерах, ницкъ кхочучу барамехъ ламаз дора оха, Дала аьлла дела: «Дала деглана тле ца диллина цуьнан ницкъ кхоччург бен». «Шу кхерахъ (мостагчух кхерахъ, севцина ламаз дан), глаш доьлхуш, я тлехиъна доьлхуш диэ».

Къилба муьлхачу аглор ду ца хууш тхо хьере хиллачу хенахъ, новкъахъ дукха дласахьийзарна, тхайн ойла тевжачу аглор хлуьттурса тхо, Дала аьлла хиларна: «Аша шайн яххъаш муьлххачу а аглор ерзаярх, цигахъ Дела реза волю агло ю». Тхо дла ца тилира оцу Далла хастам барах, тхайна ийман-ислам даларца дика дина волчу. Ялсмани чохъ Дала тхуна члагло йина, Дала кечдинчунна гергахъ тхайгара баланаш клеизиг хеташ, хастам бора оха.

Дала аларца: «Маккара Мединате кхелхина бахана нах а, шайн хлусамашкара арабаьхнарш а, Сан некъехъ шайна цатам бинарш а (Шен некъехъ), шаьш байинарш а, церан къинош дладахаза Ийр вац Ша, (уьш бахийтаза Ийр вац Ша шайна бухахула татолаш лелачу ялсаманеш чу». Вай оцу Дала члагло йинчарна юккъехъ хиларехъ шеко яц. Воьрзу меттиг Деле ю.

Нохчийн маттера ларбойн матте даккхар хилла Сибрехахъ, 1281 шарахъ, даяздар 1288 шарахъ, гочдинчун куьйгехула, Раьсул-лайн бохучу юьртахъ.

Тлаьхъа доглуш ду устазан жопаш.

Іабдуссалама динчу дейтта хаттарна Устаза делла жопаш

Бисмиллахиррохьманиррохьийми!

Бусалба болчу шен лайн дегнаш гулдинчу Далла хастам бу, тешаме волчу цуьнан Элчанна салават салам хуьлда; шайна тлаьхъабозучеран имамаш хилла болчу цуьнан асхъабашна, цуьнан цийнан охланна хуьлда.

Тхо шайтланан а, керстанийн охланна а карадаханчу хенахъ, тхайн вежарех а, хлусамех а тхо генадевллачу хенахъ, оцу заманан Элаца (Хъаьжица) сан цхъаьна Іер дахделлачу хенахъ, оцу цхъаьнакхетарх пайдаэца вуьйлира со, хьем бар доцуш (сихха), къахъегар дира ас диканийн бахъанаш гулдарехъ а, бархІ долчу жовхарийн (ялсаманийн) кочарш дладехкарехъ а. ХІара боца некъ даиманна хилира тхуна, Зуль-Хьиджат баттера Джумадал-Ахире кхаччалц. Дала къинхетаман догла делхош денош дахкийтира, оцу денойн серлонаш-кахула со Хъаьжица лийлира, со цуьнца цхъаьна Іара буьйсанан боданашкахъ, клеизигчу хенашкахъ.

Со Хъаьжина тлаьхъавезира цуьнан ламазашкахъ. Клеизиг даахлума дууш цуьнца цхъаьна шуьне хиира со. Оцу хенахъ Дала со винера цунна дукхавезаш волчу ден доьзалхочун метта.

Хьуна ду (ахъ длаэца, хІай мурид) цуьнгара ас гулдинчух тлаьххъара дакъа, цуьнга динчу хеттаршна, жопаш дина, ас къастийнарг. Ас иза даяздина хойттуш болчарна къеггина далил хилийта, цуьнан караматех

(сийлаллех) цуьнан мурдашна къеггина билгало хилийта, и Камил вели хиларехъ. Ас хлокху жайнин цѣ яьккхи «Дин даржош волчу Устазан жьопаш, дин довзар льохуш волчу муридан хеттаршна», аьлла. Делехъ ду гечдар а, кѣинтѣравалар а. Гочдарехъ соьгара доьжначунна сов валарна я эшам барна, ас цуьнга 14 хаттар дира, цо царна жьопаш делира, Дала шена, дѣа а диллина, хаийтина долчу лилманца а, цо шена дагатосуш долчу лилманца а.

Хьалхара хаттар

Дела везар а, И везаран дарж кхочуш хиларх а лавьцна ду

Хьаьжас (Дала кѣайле тойойла цуьнан) боху цунна жоп даларехъ: «Хлун маьна ду Дала бохучун: «Шен лайшна ша бакъалла а веза ма-веззара ца веза. Царех цѣамма дуьненан партал (товар) хоржу ша везарал. Ялтийн дас, шен ялтех хьаьжклан кана экхано биьча, масийтта буьйса ха деш ларйо, шен ялта лалашдеш; жаьуьно ше жа юккѣера гийла газанан буьхьиг барзо яьхьча, набарх дѣа а кѣаьстий, масийтта буьйсанна шен жа лардо. Амма клеззиг хили кхоччуш цѣа буьйса денѣеш верг Ша реза варехъ, Ша везар лалашдарехъ». Хьаьжклан кенан меха а, я газанан буьхьиган меха а доцу Дела везар кхочушила герга дуй те?! Дац шуна!

Оцу дерригенал тѣаьхьа хьуна уьш гур бу Сан цѣрш наджасатана тѣехъ хьехаярх лар ца луш, Соьга боьхачу меттигашка кхайкхарна тѣехъ лар ца луш. И меттигаш ю уьш, Сан балхаца там боцуш йолу, шайна чохъ хьехо а, Со цу меттигашка кхайкха а (кхузахъ дуьйцург хьарамчу хлумнех шайн кийранаш буьзна а болуш, Дела хьехавар ду).

Оцу метте Соьга кхойкхучунна там болуш дара шен дегл зер а, ша хьажар а. Цунна шена тамехъ хир дарий-те цлогачу наджасатех а, боьхаллех а юьзначу пхьеглана гергахъ ша сацар, и боьха хьожа еза а ца езаш, шен мераца хьожа яхарна новкѣарло а йоцуш.

И цунна тамехъ ца хилахъ, цунна хуур дара, нехан хьарамчу даьхнех цо шен буьзначу кийрара йоглуш йолу боьха хьожа суна ца езий а, ирчачу хлумнашца а, боьхачу хлумнашца а цо шен бехдинчу даг тѣера боьха хьожа суна ца езий а. Дуьххьара Делан лайна важиб дерг шен кийра цѣанбар ду дерриге а хьарам динчух. Цул тѣаьхьа Дела хьехаварна чуволар ду. Тѣаккха цунна, шеко йоцуш, и шен дагчохъ карор ву. И Лекхахилла волу Дела Ша кхоьллинчу хлумнех Шен саца паргѣато ца хуьлуш ву лайн даг чохъ бен, нагахъ цу лайно шен дог цѣндахъ Дела воцчух. Сихо е аш, хѣай вежарий, дегнаш цѣндарехъ, шу кхачархьама шаьш льохуш долчун лакхене.

Хьаьжас элира: «Лекха волчу, беркате волчу Дала боху: «Со элийн Эла ву, паччахьийн Паччахъ ву, хлора ницкъ беш волчу стеган хьаж Сан ницкъан карахъ ду. Хлара болх иштта хиларца цѣаьна, Сан лайш Сох ца кхоьру, шаьш цѣаьболчу ницкъ болчу нахах кхерарх терра.

Цхьа ницкъ бечу паччахь даккхийчу зуламех царна зулам динчу хенахь, ша толлалц царна ницкъ беш, бало ца магийначу церан гергарчу зударийн сий дайарца а, важаб долу хлумнаш дитийтарца а, хьуна и лайш го шаьш и паччахь вазварехь совбуьйлуш, цуьнан хьукманашна а, омранашша а тлаьхьабозуш. Царна юккъехь Шен овлаяэх цхьаь гучуваьллучу хенахь, Ша царна бакъдерг а, цлена дин а билгалдеш, Ша уьш нисбеш нийсачу новкъа, хьуна уьш го цунах кхаьрдаш, цунна инкарло еш, шаьш цунна цатемаш беш, цунна тлаьхьа ца бозуш а. Уьш Сох кхоьруш а, Сан ницкъ лоруш а хиллехьара, Сан дикачу лайна дийриг (кхардамаш а, цатемаш а) дийр дацара цара. Сайн Возаллех а, Сийлаллех а дуй буу ас, сан некъе (дине) кхойкхуш волчун некъаш хедош волчун ойланаш длахедоза Iийр ма вац Со. Царна хуур ду ларарца, тлаьхьавазарца оцу шина тобанах тлех хьакъ муьлханиг ю (ницкъ болу паччахь ву те, я Делан дине кхойкхуш болу овлаяаш бу те)».

Дала Шен хьехам дIалоцучарех дойла вай! И Дела Шега кхойкхуш волчунна герга а ву, доланна жоп луш а ву.

ШолгIа хаттар

Деле кхачаран а, Далла герга хIоттаран а куьцах лаьцна ду

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) боху, цунна жоп даларца: «Лай шен Элан аглонга вирзинчу хенахь (цунна герга кхача), цунна Дела воцчу массо а хлуманех дIахада лиьначу хенахь, цо шен ойла дуьненан балхех а, эхартан хьелех а дIахадийначу хенахь, иза Дела хьехо волавелча, Делан белхийн ойла ярна чувоблча, Далла муьтлахь хиларх дIадаьлла долчу, Делан къинхетамах гена даьккхина долчу шайтIано цуьнца хьагI лоцу, шен бозбуанчаллин пхерчий цунна тIе а кхуьйсу, шен бозбуанчаллица цунна ша Лавхьул-Махьфуз ду моттийтталц, ша цунна ялсманин а, жоьжагIатин а, тамашийна долчу кхечу хлумнийн а сурт хIоттадаллалц шен мекарлонца.

Делан лай оцу хенахь тиларна боккхачу кхерамехь ву, оцу лайна тIехь ду цу хенахь ша алар: «Ас ца лобху ялсмане а, со ца кхоьру жоьжагIатех а, суна ца еза сийлалла а, ас ца лобху нур а. Сан лаам а, ас лобхург а Дела ву».

Оцу хьахийначунна тIехь ког сацо цуьнан ницкъ кхачахь, шайтIа эшна а долуш духадоьрзур ду ша тIедеанчу меттехула, оцу дикачу лайно динчунна (гIайгIанан) лар юьсу цунна тIехь, кхерам хуьлу цунна, и стаг хиларна шайтIанан мекарлонах тоба хьалхаяккха ша бахьана хIуттуш.

Оцу (вай бийцинчу) новкъа чувулуш волчунна хIара хьелаш гучудийларо нисво цо схьалоцуш хиларна Далла герга кхачар, иштта дацахьара (Далла герга кхочуш вацахьара) шайтIано и тергал вийр вацара, цо иза Iадда вуьтур вара тIалам ца беш, хьесап ца деш.

Делан лай оцу ворхI даржана дехьаваьлча, шайтIано цунах догдуьллу, и цунах духадоьрзу хIумма а доцуш, цул тIаьхьа шен мекарлонца а, бозбу-

анчаллица а и цуьнга ца доьрзу, оцу шайтланна хуу дела Далла герга кхача шен некъ боций (и стаг Далла герга кхаьчна волу дела). Оцу хенахь цу лайн аглонгахьара дайовлу боьха ойланаш, цуьнан кхетаман блаьрг дабеллало, дуьххьара цунна го шен устазан даржаш, цул тлаьхьа шен устазан устазийн даржаш, Элчанна тле кхаччалц.

Иза Делан Элчанна (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) герга кхачарехь цунний, Даллий юккъехь цхьа ша барам ца буюсу. Тлаккха цунна гучудуьйлу Дела цхьаь хиларан нуьраш, цуьнан куц хлоттор а доцуш, цунах тера хлума а доцуш. Оцу хенахь ша лелина давалала герга хуьлу лай, Тура-Сайнаь боху лам лаларах терра Дела шена гучуваьллачу хенахь. Хьалха дабахана дукхахболу овлаяш лелина дабевлла, царца ло дашарх терра.

Дала Шений, цуьнан дагний юккъе пардо хлоттадо, Шена гергахь саца цуьнан ницкъ кхачийта. Тлаккха Дала оцу пардонна тлехьахула цуьнца къамел до: «Хлай сан лай, хьо Со волчу кхачарх сацийнарг хлун хлума дара, Сан возалло сацийнера хьо, я сан неларе хлоьттинчу хехочо вухатоьхнера хьо, я Со лехарехь ахь ледарло ярца хиллера иза?» Лайно мукларло дийр ду шен ледарлонна и хиларна.

Хлара хаттар хир ду Дала цуьнан дагчу дуьллуш, Мункаран, Накиран а маликийн хаттарх тера доцуш. Тлаккха Дала цунна дагчу дуьллур ду Шега хаттар, стаг дакъаза волуш а, декъала хуьлуш а долчух лаьцна. Дала эр ду цуьнга:

«Хлай сан лай, ахь Соьга дуьненан возаллех а, сийлаллех а хотталуш долу хлумнаш дехахь, хьуна хоуьйла, хьо дакъаза волуш хилар. Ткъа ахь Соьга тлаьхьадуьсур долчу декъалаллонах дехахь, хьайна а, Элчанан умматна а (Делера салам-маршалла хуьлда цунна), цуьнгахь (и дехарехь) даима хилла йолу декъалалла ю». Тлаккха оцу лайно доьху Дала шега омра динарг, Шен Сийлаллица а, Комаьршонца а Дала цунна жоп ло. Цул тлаьхьа цо доьаза «Ла илахла иллаллах!» олу, дуьненан еа а аглонгахьа воьрзуш. Оцу дешнийн нур го цунна Деле хьаладоьдуш, бутт юккъе баханчу буйсанна стиглара бутт гарах терра. Цуьнан мел Элчанан умматна ло цо, царна гечдар а доьху цо, баккъалла а, Дала царна гечдо, хьалха динчу къинойх Дала уьш цанбо. Цул тлаьхьа иза даржашкахь кхочуш а хуьлу, Далла герга хиларехь сов а волу, шен даг тле доссалц Делера илма а, цуьнгара вахьью (омар) а. Цунна хеза маликийн эшарш а, церан зикарш а, церан тасбихьаш а, церан молла кхайкхар а (ламазе кхайкхар). Хлара тлаьххьарниг Пайхамарийн а, Элчанийн а дарж ду. Пайхамаршна а, Элчанашна а мухлар тайийначул тлаьхьа (кхин уьш боглур боцуш) оцу дарже кхача некъ бац.

Лай хлоьтича Далла хьалха вели хилла, Дала иза Элчанна тле хьовзава, оцу велис схьаэцархьама Элчанан диканийн хлорда чуьра и диканаш, декъархьама лайшна тлехь. Тлаккха Элча хуьлу цунна уьшар деш, цо наб ечу хенахь а, и сема волчу хенахь а. Делан лайна тлехь ду шен Устазан Индагтлехь сиэцар (цунах хотта сема хилар).

Хлара хьелаш дуьссу (кхочу) хлора Далла герга хлоьтинчунна тле, тлаккха и хуьлу шена и хьелаш хууш а, ша уьш дийца ницкъ кхочуш а.

Иштта ца хилча, и Далла герга кхача хлумманехь а вац.

Вирдех а, зикарех а дезаниг а, зикаран мел кхайкхорах а лъацна ду

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) жоп ло: «Вирдех дезаниг: «Ла илахIа иллаллахI» бIозза олуш, зикар дар ду Оцу бIаьннал хъалха пхийттаз-за «АстагIфируллахI» алар ду, оцу бIаьннал / тIаьхъа доьазза «Салават» дил-лар а ду (АллахIумма солли Iала Мухъаммадин ва Iала али Мухъаммадин ва саллим). Цуьнан мел лур бу Элчанна а (Делан салам-маршалла хуьлда цун-на), шен Устазана а, цаьршинна юккъехъ болчу берриге а овлаяшна а, Устазашна а. ТIаккха «Салават» дуьллур ду, пхи «Салават» дузийтархъама. ТIаккха «Фатихъат» доьшур ду.

Деза хиларехъ шолгIачу дарже дужуш долу вирд: бIозза «Ла илахIа иллаллахI» алар ду, цул хъалха «АстагIфируллахI» а ца олуш, тIаьхъа «Салават» а ца дуьллуш. Бакъду, тIаьхъара дерзор ду цо: «Ла илахIа иллаллахI Мухъаммадар РасулуллахI, саллаллахIу IалайхIи ва салам», – аьлла. ТIаккха цуьнан мел лур бу цо Делан Элчанна а (Делан салам-маршалла хуьлда цунна), шен Устазана а, шен дена а, нанна а. ТIаккха эр ду цо: «Везан Дела, цаьршин-на рицкъа лохъа Хъайн къинхетамах а, Элчанан а, устазан а беркатах а». ТIаккха «Салават» дуьллур ду цо цкъа, тIаккха «Фатихъат» доьшур ду.

ХIара тIаьхъара вирд бакъдина, чIагIдина сацорхъама, Хъаьжас элира: «Цхъа йиш хезира шена (Делан агIонгахъара), хIора парза ламазна тIаьхъа бIозза «Ла илахIа иллаллахI» олуш, цуьнан мел шен дена а, нанна а баларна тIехъ даим хилларг хъесап дан а, Iамалш оза а сацор вац иза (къематан дийнахъ). Зикарх а, вирдах а дезаниг а, эхартан охIланна тIех пайдехъ дерг а: «СубхъаналлахIи, ВалхъамдулиллахIи, ва ла илахIа иллаллахIу, ВаллахIу ак-бар, ва ла хъавла вала, къуввата илла биллахIил Iалийиш Iазийм» бо-хург ду.

Зикаршна тIехъ а, вирдашна тIехъ а соввала лууш верг шена лаам бел-ла ву. Дуьхъарлера вирд даккха ницкъ ца кхочуш волчунна, шолгIачу вир-до кхачам бийр бу. Вирдан зикар дагардан ницкъ ца кхочуш волчунна суьлхъанаш цахиларна, я хан кIезиг хиларна (саца а сецна, дагардеш Iиз), бIе кхочуш хиларца дагна тем хиллалц, маттаца зикар даро кхачам бийр бу. Мел баларна гергахъ бIе зикар аьлла, билгалдийр ду цо. Шен дуккха а и вирдаш дисинчунна, цо и вирдаш доькхуш дахарехъ, цунна кхачам бийр бу цхъана вирдан пхийтта «АстагIфируллахI»-о а, пхеа «Салават» а. Оцу вирдан мел дIабаларехъ лъохуш долу дешнаш (олуш долу) оцу зикар динчо алар ду: «Ас бели хIокху зикар дарах хилла болу мел Делан Элчанна а (Делера салам-маршалла хуьлда цунна), сайн Устазана а (Хъаьжина), цаьр-шинна юккъехъ болчу устазашна а, овлаяшна а. Везан Дела, суна рицкъа лохъа Хъайн къинхетамах а, церан шафалатах а, суна церан беркатах беркат кхачадехъа, хIай Iаламийн Дела! Цул тIаьхъа церан беркатах сайна хиллачу мелах терраниг бели ас сайга долица весет баьхначунна а, сан беркате до-гдохучунна а».

Шена маына хаахь, лаьрбойн маттахь эр ду цо иза, ца хаахь – ша кхета-чу маттахь эр ду.

Къуръан дешаран а, зикар даран а, уьш доцчу вирдийн а мел длабаларехь локхуш долу дешнаш цо алар ду: «Везан Дела, сайн ламалийн мелах терра-ниг ас хьовзабо Хьобга а, Хьан Элчане а, сайн Устазе а, аш и бекъархьама цуьнга хьакъ волчунна, шу долу дела хлума нийса декъаран охла а, сан ламалийн мелана сол тлех хьакъ дерш а». Хлара хаза некъ бу, иза лалашбе ахьа, хлай сан клант, Дала нисвийр ву хьо.

Доьалгла хаттар

Устаз лацарехь, и лоцуш куьг лаьцна тоба дарехь олуш долчу дешнех лаьцна ду

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Устаз лацар – лайно тоба дар ду. Хлокху жайнин юьххьехь шен куц дийцина Камил волчу велин куьг лаьцна, я цуьнан векалан, я цуьнан векалан векалан куьг лаьцна, иштта и мел лаха валахь а, лайно и Устаз вар ду (виллар ду), ша цо Далла а, Делан Элчанна а (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) тле вуьгуш. Дуьненан а, эхартан а берриге а белхаш оцу Устазе бахкар ду. Устаз лацарехь мах бар – Устазца цхьаьна хиларна а, я цуьнан векалца цхьаьна хиларна а юккьехь къастам бац. И лоцуш волу Устаз дийна хилча, векалца мах бар мегаш хилар юкьалоцу. Велларг Устаз лаца мегар дац, векал а, векалан векал а, я цуьнан тлаьхьабозучарех цхьаь юкьалацарца. Велларг Устаз лаца мегаш хиллехьара, Делан Элча бен лоцур вацара цхьаммо а. Хлара сецна делил ду, шайхех велларг Устаз лаца мегаш цахиларна, хлара хоуьйла хьуна, нислур ву хьо.

Устаз лацарехь олуш долу дешнаш тоба динчо ша кхетацу маттахь алар ду: «Везан Дела, ас мукларло до Хьобга а, хьан Элчане а кхача со глорасиз хиларна а, бодане а, нуьре а пардонех сайн дог цландан со глорасиз хиларна а. Сайна билггал хууш ву со, хлара дуьне эхартана ялта дладен меттиг хилар. Дуьненахь дладийнарг бен эхартахь хьокхур дац. Со тешна ву, хлара ас Устаз лоцуш волу Хьан лай Хьобга кхачна хиларх, наха иштта тоьшалла а до цунна. Везан Дела, ас и ви суо Хьуна тевалош, сайний, Хьуний юккье хлоттош, сан ламал хьуна тлеххачорхьама. Ахь со цунна тлаьхьабозучу эхланах вехьа».

Хлорш Устаз лоцу дешнаш ду. Аш уьш лалашде, нисдаларехь сов девр ду шу, Дала мукъ лахь.

Пхобалгла хаттар

Далла тлех герга кхачош болчу некъех лаьцна ду

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Далла тлеххачош долчу дерриге а некъашка хьаьжира со, дешнийн аглонгахьара тлех герга болу

некъ карийра суна «Ла ИлахIа ИллаллахI» боху дош. Сайн ницкъ кхачаран барамехъ, Делан хазнийн догла лехира ас. Цуьнан догла ца карийра суна, Дела воцчух, дерригенах а дIахадарехъ бен. Со и воцчух дIахаьддачу хенахъ, цуьнан хазнийн догла сайна хьалххяхъ карийра суна.

Шен Эла (Дела) лахарехъ лай муьлххачу меттехъ велахъ а, Iаьршанна тIехула а, ворхIе а лаьттана буха а кхаччалц, цунна Дела каравар тарлур дац (ницкъ кхочур бац), шен даг чохъ цо Иза ца лахахъ. Цо и Дела шен даг чохъ лахахъ, и дог цIандинчул тIаьхъа цунна И карор ву, шеко йоцуш.

Дала тхо а, шу а Шена муьтIахъ болчу лайх дойла».

ЯлхолгIа хаттар

Диканаш схьадовлучу меттигах лаьцна ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) элира, шен сий долчу куьйгаца сан белш схьа а лаьцна, хIора дашна гергахъ со ласта а веш: «Хьуна пастан хьожа карийча (еъча, и хьожа яран бахъана а доцуш), и хьожа Абубакар-Сиддикъера (Дела реза хуьлда цунна) хилар хаалахъ, иза хьайна юххехула тIехваларан куьцехъ, хьайна хаа а ца луш.

Хьуна миска-IатIаран хьожа карийча (еача), Iусман-асхьабан ларех хьожа ю иза (Дела реза хуьлда цунна).

Iожан хьожанах тера хьожа хилахъ, Турпал-Iелера (Дала юьхъ сий йойла цуьнан) ю иза.

Дог кIаддеш йолу хьожа Делан Элчанан (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) диканах ю.

ХIусамашкахъ а, аренашкахъ а хезаш йолу эшарш маликийн орцанах ю. Уьш ца хеза, шен даг тIера кьоралла дIаяханчунний бен (Делаца ойла тайина, шен дог цIандинчунний бен).

ХIара суна гинарг ду, Iалашде иза, хIай сан кIант, Дала нисвийр ву хьо!»

ВархIолгIа хаттар

Элчанна салават дилларан дозаллех лаьцна ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) боху: «Къематде деъча, хьесап дан а, Iамалш оза а халкъ гулдича, халкъана шафалат дан ницкъ кхочур бац Делан Элчанан бен (Делера салам-маршалла хуьлда цунна), оцу хьолехъ массо а наха дов дийр ду (бохур ду), шайш Элчанан умматах дара, бохуш, цо шафалат даре сатесна. ТIаккха оцу дов деш волчун матте хьожур ву; цуьнан мотт кIайн белахъ, цуьнан дов кьобалдийр ду, кIайн бацахъ, цуьнан дов духатухур ду (кьобалдийр дац), хIунда аьлча, шен заманчохъ цкъа мукъана а цунна «Салават» диллинчун мотт лайл кIайн хир бу».

Хлара делил хиларехъ кхачам беш ду хьуна, Элчанна (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) «Салават» диллар деза хиларна тлехъ. И хабар члагдархьама, Хьаьжас вайна кхин а цхьа дийцар дийцира (боху лабдуссалама): «Хьалха длабаханчарех цхьа кьонах хиллера Хьаьжин-цла вьодуш, шеца цхьаьна шен клант а волуш. Новкьахъ веллера иза, шен клант бен, цхьа а шена гергахъ а воцуш. Тлакха цуьнан юьхъ-сибат хьакхин суьрте дирзинера. Пайглане вахана, цуьнан клант члогла вилхира, набаро лаццалц. Пенах цхьа хазчу суьртехъ кьонах вайра цунна. Кхуьнан дена тле а веана, цуьнан юьхъ тле куьг хьаькхира цо. Тлаккха ден юьхъ хьалхалерчу суьрте йирзира. Члогла хазахетарца, цу кьонахчун обанан юях тасавелира клант: «Хьо мила ву, дийцахьа», – аьлла. «Ша Делан Элча Мухьаммад ву. Шен деглана зулам деш лелла волчу хьан дена шафалат дан веана ша, цо шена цкъа «Салават» диллар бахьана долуш, шен заманчохъ», – аьлла, жоп делира цо. Хазахетта, клант самавелира. Ден юьхъ тлера хлума длаяьккхича, хьалхалерчу суьртехъ шена иза карийча, Далла хастам а, шукур а дира цо. И дла а вьоллина, Макка-Мединате кхаччалц длавахара иза. Хьаьжин-цленна тлавап дан вуйлира иза, хлора меттехъ Элчанна «Салаваташ» а докхуш. Тлавап деш болчарех цхьамма элира цуьнга: «Ахъ хлун леладо, хлай жима кьонах, «Салаваташ» докхуш, хлора меттигна шен-шен доланаш дуй ца хаьа хьуна?» Шен дена тлехъ хлоьтина хьал дийцира цунна кланта. Тлаккха вукхо магийра иза».

Бархлогла хаттар

Гена махка а вахана, Ибадат даран дозаллах лаьцна ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) боху: «Ларафат дийнахъ Дала, Шен лайшка а хьожий, Шен маликашка олу: «Хлай Сан маликаш, Сан лайшка хьовсийша, Со резавархьама, дуьненан бес-бесара аглонашкара баьхкина уьш, шайн охлланах а, хлусамех а дла а кьаьстина, Сан дуьхьа гена махка бахкар хаьржина цара. Аса шу теш хлиттадо, хлай Сан маликаш, баккьалла а царна гечди Ас, церан кьинош дла а дехи Ас, генарчу махка уьш бахкарна».

Кьайлах Далла Ибадат даран дозаллах аьлла Хьаьжас: «Лай шен бовхачу меттара глаьттича, буьйсанан луьйкьенан хенахъ, бедарш тле а юьйхина, ламазна кечвелча, Дала олу шен маликашка: «Хлай Сан маликаш, шу хьовсийша Сан лайга а, цуьнан хазчу ламалшка а, хлара ерриге а ламал Со резавархьама бен еш ма яц цо, хлинца и Суний, Сан маликашний бен гуш ма вац. Аш тоьшалла де, Со цунна гечдина хиларна а, цо дехнарг деригге а цунна делла хиларна а».

Хлара кьайлах Ибадат дар деза ду бохучун делил хиларан кхачам бу. Хьекьал дерг хьожийла кху йоккхачу сане а, клезиг йолчу заманчохъ шена хуьлуш йолчу йоккхачу хазне а. ламалш ечара хлара санна йолу ламал йойла.

УьссалгIа хаттар

Эхартан хазаллех а, цуьнан ялсаманин нилматех а лаьцна ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) боху: «Ша сийсаза динчу хIокху дуьнене хьовсийша, Далла гергахь чуьркан тIоман меха а доцчу. Дала цуьнан цIе яьккхи, пана хир долуш ду, аьлла; цуьнан хазаллех ойла е аш, и дезарца шу дуьзна хилла долу. ХIара дуьне, шен сийсазаллица, хаза делахь а, тIаьхьадуьсур долчу эхартахь хIун хьал хир ду? И эхарт Кьурьан чохь шен куц хIоттийна ду: «Баккьалла а, эхарт кхоччуш а, даима а дийна хилар ду. Царна хаахьара иза».

И доцург а, кхин а аяташ ду. Шуна моьттий, хIокху аятал тIаьхьа цхьаьннан а ницкь кхочур бу оцу эхартан хаза куц. хIотто а, дуьненан куьцех ша эхарт тардан а? Ницкь кхочур бац шуна. Бакьду, вай кхачам бийр бу Делан дашах: «Делах кхийринчу нехан хIусам нилмате хир ю, тIаьхьаюьсур йолу хIусам а нилмате хир ю».

Дала тхо а, шу а дойла эхартахь декьала хир болчарех а, Цуьнан лекхачу даржашка кхочур болчарех а! И Дела хезаш а ву, жоп луш а ву.

УьтталгIа хаттар

Декьала хилла а, дакьаза бевлла а охIланаш муьлш бу, аьлла ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) боху: «Маликаша лайн тептар гучудоккху, наб кхетта, дегIах дIакьаьстинчу цуьнан сина, цо иза дешахь, иза декьала хиллачарех ву, наха иза дакьаза бевллачаьрга виллахь а; цуьнан и деша ницкь а ца кхачахь, и деша ца луш хьере хилла а висахь, иза Далла гергахь дакьаза ваьлла ву, халкьо иза декьала хилла алахь а. Наб кхетарца дIадобьдучу сино Iалашдо кхалхарца дIадобьду са. Кьайленан охIланаша кьайлах дерг дуьйцу, гучухь дерг хууш болчара гучухь долчуьнца бен хьукма ца леладахь а.

Дала вай дойла кьайле хааран охIлاناх а, декьала хиллачийн охIланах а шен дикаллица а, сийлаллица а!

ЦхьайтталгIа хаттар

Керстанан а, зуламхойн а карахь болу, лецна чубоьхкинчеран хьолах лаьцна ду

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) боху: «Дала Шен комаьршонца хьаьжошна луш болу а, овлаяшна луш болу а, кегийчу берашна луш болу а, суннатийн Iамалех хуьлуш болчу мелах терра болу мел лур бу чубоьхкинчарна а, йийсар бинчарна а, дегнашца Дела цхьаь веш, Элча бакьвар бен, кхин Iибадат дан церан ницкь ца кхачахь а.

Массо а бусалба стагана а, зудчунна а тлехъ ду дагца а, маттаца а Ибадат дарна тлехъ даим хилар, меженашца Ибадат гучудааккха шайш кхерахъ. И Ибадат дар дитинарг дуьненахъ а, эхартахъ а дакъаза-ваьлла ву. Билггала дакъазавалар ду иза».

ШийтталгIа хаттар

Дийна болчара беллачарна дола дарх лаьцна ду

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) боху: «Маликаша бусалба нехан синошка кхаъ боккху цхьа бутт, я кхин сов хан хьалха, бусалба стаг оцу кешнашна тIе воьгIур ву, олий. Оцу кхаъца и синош даккхийдедо. И, церан кешнашна тIе а веана, сецча, цо дола дича, Дала царех къа динчунна гечдо, диканиг динчунна диканаш совдоху, цуьнан долин беркатна, и дола цIенна Делан дуьхьа долу дела, шех моттаргIа ийна а доцуш, дуьненан хIумане сатийсар а доцуш, беллачаьргара дуьненан хIуманна пайда хир боцу дела».

Кхин а иштта элира Хьаьжас: «Дех я ненах цхьаъ делча, я и ший а делча, шайн доьзалхочунна резахилале хьалха, тIаккха оцу доьзалхочо цаьршинна дола а дича, гечдар а дехча, Дала цаьршинна гечдийр ду, тоба динчу доьзалхочун долин беркатна. ТIаккха и ший цунна реза хир ду, тIаккха оцу доьзалхочунна Дела а, шен да-нана а резахилар хуьлу. Даим Iеса хиларна тIехъ лаьтташ волчу доьзалхочун беркат дацар дега а, нене а кхочур ду, и ший цунна оьгIаздахарехъ совдер ду ТIаккха и хIаллакьхир ву, Дела а, да-нана а оьгIаздахарца. Да-нана дийна долчу хенахъ, и ший резадар шех дIатиллачунна важаб ду шех дIатилла хIума тIекхиадар, тоба дарца а, цаьршинна гечдар доьхуш дола дарца а, цаьрца иза йоккхачу декъалаллоне кхачархьама.

ХIара Iалашде, хIай сан кIант, Дала самавоккхур ву хьо гIопаллах (мало ярх)!»

КхойтталгIа хаттар

ГIенах гуш долчу хIумнах лаьцна ду

Хьажас (Дала къайле тойойла цуьнан) боху: «Наб еш волчунна гIенах гуш дерг цхьадерг Делера хьехам бу, цхьадерг шайтIанера вас ю».

Цул тIаьхьа Хьаьжа тхуна дийца вуьйлира шена гIенах Дела гар: «Суна гIенах Дела гира. И дара Рабий Iул-ахира баттахъ тIаьхьара пIерасканан буьйса кхаа декъе екъча, тIаьхьарчу декъа чохъ. Дала соьга элира: «ДегIастанара дукхахболу Iелам-нах Сох а, Сан динах а, Сан пайхамарх а кхаьрдаш бу Сан къамел сийсаздо цара, Сан хьукманаш шайн букъ тIехьа дIакхуьйсу цара, Тхан шайна тIехъ (таIзар дан) ницкъ кхочур бац моьтту царна. Имам Шамиль хIоьттичхьана цара мел лелийнарг цаьрга хоттур ду,

уьш лазапча лоцур бу, цара керстанна гло дар бахъана долуш Сан дин тлехъ (дохорна тлехъ). Церан белхаш а, ламалш а Суна гергахъ длаязийна ю. Царна бехказбовла хан яллане а лур яц, дуьненахъ царна и елলেখъ а. Цара лелош долчух Дела, глопала (глорасиз) хилла, вицлуш вац».

Цул тлаьхъа Хъаьжас тхуна дийцира гленаш тидар: «Хоттала вожар – зуламан дайшна каравахар ду, хотталара хъалавалар – церан карара хъалавалар ду. Хотталара хъалавалале самаваьлча, церан зуламца хлаллакхилар ду. Нуьйр а, дуьрста а йоцуш, говра тле хаар – вирд даккхарна глорасиз (малоне) хилар ду. Гийлачу говра тле хаар – динехъ эшам хилар ду. Сирачу говра тле хаар – динехъ кхоччуш хилар ду. Цлечу говра тле хаар – Делера бехк хъарчар ду лаьржачу говра тле хаар – Делера лазап хилар ду Сирачу кхелана тле хаар – дика зуда ялор ду. Хи чуьра члара лацар – оцу зудчуьнга захало дийцар ду. Цхьогал дер – мекарлонан охлланыхъ хъалхавалар ду. Зен дар а доцуш, цхьогал гар – хлилланаш долчу нахана накъосталла дар ду. Текхарг бер – волчу гиллакхера дикачуьнга валар ду... иштта ду клайн текхарг гар а. Юучу хлуманан шуьна тлехъ я пхьегли чохъ текхарг гар – цуьнан зудчун вуон гиллакх ду иза. Текхарг кертахъ гар – даьхнина зен хилар ду, лесачу стага юкъярло дарца. лаьржачу жлаьло катохар – кьинош дукха хилар ду. Хлара глан гинчунна важаб ду зикарш а, диканиг а дарехъ соввалар. Клайчу жлаьло катохар – кьинойх а, шен деглан мекарлонах а хъалхавалар ду. Текхарго катохар – цуьнгахъ вон гиллакхаш дукха хилар ду, дикачарел а. Хъакхин жижиг дааро хъарам хлума даарна тленисво. Паста яар-цамгар ю, моз даар – хъакъикъатна чуволар ду, шура малар – тларикъатна чуволар ду. лаьржа бедар юхар – глайгланна чувожар ду. Цленчу хица лийчар – кьинойх цланвалар ду. Маьждиг чу вахар – динна чувахар ду. лахар а, буьхьиг а гар – лесачу нахаца накъосталла дар ду. Охуна гар – ахархойх цхъаь валар ду. Малх схъакхетта а болуш, догла доьлхуш а долуш, баьццарчу арахъ клайн стерчий гар – эхартахъ хир йолчу йоккхачу муьлкан да валар ду. Якъаеллачу арахъ лаьржа стерчий гар – лесе стаг валар ду. Хьийзаш хьергахъ – либадаташ кьобалхилар ду.

Наб еш, хъалаайбавалар – клеизиг хилла а, глалатлонна чувожар ду. Малх лаьцна а, бутт лаьцна а гар – ийманан охлланан белхашна тлехлиттинчарна кхерам хилар ду. Шена тле ло дуьллуш гар – глайгла а, сингаттам а бу. Хлорд гар – керстанах хилар ду. Малх гар – устаз хилар ду. Баьццара дитташ – ийманан охлланаш ду. Дакъаделла дитташ – лесе нах бу. Догла – кьинхетам бу. Клайн догла – ларшана тлехула болу кьинхетам бу. Уьстагий – ийманан а, тларикъатан а охлланаш бу. Кхидолу хъайбанаш – шарилатан охлланаш бу. Дерриге а Къуръан дешар – декъалалла ю. Луьйренан хенахъ я малх схъакхетаран гергахъ гинчу глено тидадаларна чехко йийр ю, буьйсанна юккъехъ гина глан тлаьхъатталур ду. Дела дика хууш ву!»

Дейтталгіа хаттар

Баланаш биссаран бахъанех а, уьш бухатохаран некъех а лаьцна ду

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) боху: «Лаьтто шен хазалла длаэцча, бес-бесарчу ни́маташца, стоьмашца и хазделча, Дала олу: «Хла́й сан лайш, х́лара Сан дуург чохъ долу шун ду, аш цунах даа а даа, Суна шукур а де. Цхъа а стиглан аѓлонгахъара болу бала бац шуна, ша буссуш болу, йов-хо а, доѓла сацадар а, мостаѓл тлетасар а, ялта х́лаллакдечу ц́лозах тера волу, аш шукар дар дитарна бен шуна тлетосуш (Дела вац ша нахана делла ни́мат хуьйцуш, цара шайн доѓлмашца дерг хийццалц)».

Хъаьжас боху, и бала бухатохаран некъ билгалбеш: «Делан аѓлонгахъара йиш хезира суна, бала боссаран хъокъехъ лайшна важаб дерг – марханаш кхабаре а, саѓланаш даларе а сихо яр ду. Лайш хъалхабевр бу баланех, цара шайн доѓлмаш лесачу х́лумнех ц́ландахъ. Стиглара бес-бесара беркаташ дуьс-сур ду цаьрга, марханаш кхабарца а, саѓланаш даларца а уьш Далла хъаста-лахъ, саѓла долу дела бала бухатухуш а, доѓла доссош а, марха долу дела массо а баланашна дуьхъало хилла х́луттуш. Деле кхайкха шу, Цуьнан дуьхъа дин а ц́ландай. Дола мискачу нехан ч́лоѓла хилла долу герз ду. Дела ницкъ кхочуш ву мискачу нехан мостаѓла х́лаллакван а, зуламхой бухатоха а, шена лаахъ ч́лоѓлачу мехашца, я хи буха бахийтарца, я ц́ларца. Дерриг ѓло Делера ду, Дела шен хъукманчохъ тоьлаш ву, ч́иръэцаран да а ву».

Х́лара жайна гочдина волчу Iабдуссалама (Дала кьинхетам бойла цунах) боху:

«Деша а, яздан а ца хууш волчу Делан велигара схъабуьйлуш болу къе-гина хъехамаш чекхбевли. Далла гергара къайленан илма хууш волчу Хъаьжин хъехамаш д́аязбар кхочушили 1288-чу шеран Рамадан (мархийн) беттан 27-чу дийнахъ, Раъсул-йаин бохучу Iаьрбойн махкарчу шахъарехъ».

Iабдуссалам бохучу мисканан куьйгехула, эхартахъ Дала ша цъханато-харе сатуьйсусуш волчу, Элчанийн а, Устазан а Эла волчу Делан Элчанан байракхна ќелахъ Дала ша совваккхаре сатуьйсусуш волчу, и Элча а, Устаз а везарехъ а, цаьршинна т́аьхъавазарехъ а. Делаца ларлуш ву иза цаьршин-на дуьхъало ярах; шен т́аьхъхъара дош Дала ша цхъаь веш даре («Ла иллах́ла илла-ллах́!» бохург хиларе) сатуьйсусуш ву иза.

Х́лара мурдан лааман чаккхе ю. Дала кьинхетам бойла нахалахъ дикачу а, ша хаьржинчу а, хастаме меттиг шена ч́аѓйина елла волчу Мухъаммадах а, цуьнан ц́ийнан ох́ланах а, сийдолуш болчу цуьнан асхъабех а, шайн къамелех т́аьхъхъара дерг, Iаламаш кхобуш волчу Далла хастам бу, бохуш хиллачу.

Рабилатул Іадвиййат бохучу зудчух лаьцна дийцар

Рабилат бохучу зудчун хлусамда кхелхинчу хенахь, цуьнан хлусаме бахка пурба дийхира Хьасанул-Басри бохучу овлая а, цуьнан накьосташа а.

Кирхьа охьа а хецна, цунна тлехьа охьа-хиира Рабилат.

Цара цуьнга элира: «Хьан хлусамда кхелхина. Хлусамда ца хилча йиш яц хьуна». «Бакъ ду иза, – элира Рабилата. – Делахь, шух тлех дика хууш волчун хлусамнана хила реза хир ю со».

Шайл тлехдика хууш верг Хьасан ву, элира баьхкинчара.

«Ахь суна деа хаттарна жоп лахь, хьан хлусамнана хир ю со», – элира зудчо. «Схьахаттал. Дала сайн ницкъ кхачийтахь, ас жоп лур ду», – элира Хьасана. «Со лечу хенахь иманцохь ялар хир ду сан, я дац?» – хаьттира Рабилата. «Хлара кьайле ю. Кьайле Далла бен ца хаьа», – элира Хьасана. «Со коша чу а йиллина, Мункиро, Некиро соьга барт хаьттича, бакьонца цаьр-шинна жоп далалур ду соьга, я дац?» – юха а хаьттира, оцу зудчо. «Иза а кьайле ю, Дела воцчунна хаа йиш йоцуш», – элира Хьасана. «Нах кьемат-дийнахь длагулбича, тептарш тле а даьхкича, сан тептар аьтту аглора лур ду, я аьрру аглора лур ду?» – хаьттира Рабилата. «Иза а Делан кьайле ю», – элира Хьасана. «Нахе кхайккича, цхьа тоба ялсамани чу глуо, важа тоба жоьжахати чу глуо, аьлла, со муьлхачу тобанах хир ю?» «Иза а ю Делан кьайле», – элира Хьасана.

«Хлокху беа балхехь глайгла йолу стаг зуда яло муха глерта те? – элира Рабилата. – Хлай, Хьасан, Дала хьекьалх маса дакьа дина дийцахьа?»

«Итт дакьа дина. Исс дакьа божаршна делла, цхьа дакьа зударшна делл».

«Хлай Хьасан, Дала деглан безам маса дакьа дина кхоьллина?» – хаьттира зудчо. «Итт дакьа дина. Исс зударшна, цхьаь божаршна делла».

«Хлай Хьасан, хьекьалан цхьана декьаца деглан безаман исс дакьа лардан ницкъ кхочу сан, ткьа хьекьалан исс декьаца деглан безаман цхьа дакьа лардан ницкъ ца кхочу хьан?» – бехк баьккхира Рабилата.

Воьлхуш ара а ваьлла, длавахара Хьасан.

Делан вели муха хила веза дуьйцуш, Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) жайни тлера билгалдина дийцар ду хлара.

Маккарчу Джамаллайлин клентан Сайд-Селиман (Дала кьайле тойойла цуьнан) кехат. (Дегластанарчу Јеламнахе а, кхиболчу Хьаьжин муридашка а ду хлара).

Делера маршо хуьлда шуна! Заманан вуонах Дала лардойла шу!

Цул тлаьхьа шуна хоуьйла, хлай динан вежарий, аш ладугийла хлокху кехата тлехь ас шайна дуьйцучуьнга.

Сан деда Элча вайра суна плераскан буса гленах, цуьнца цхьаьна Илсхан-Юьртара Хьаьжа а вара, цуьнан аглонах агло а хоьттина, цхьа ша барам бен юккьехь юкь а йоцуш. Элчано элира соьга: «Хлай сан клант (Сайд-Селим), хлара шайх хлокху заманан баьчча ву Къадырийн Тларикъатехь. Хлокху заманчохь цунах тера шайх вац, и кхаьчначу дарже кхаьчна овляяь цхьа а вац».

Хьаьжина аьтту аглора Хьаьжин дика мурид а, муршид а волу лаьндара лумар-Хьаьжа вара.

Тлаккха а элира соьга Элчано: «Хьуна тлехь ду, хлай сан клант, нахе длаалар, хлара шайх нехан баьчча хилар. Хлай сан клант, хьуна хоуьйла, Дегластанара леламнах хлокху шайхан хьокьехь шеконехь бу, хлара дийна хиларехь. Хлара дийна а ву, тлаьхьа цхьана нахана гуча а вер ву. Хлай сан клант, хьуна тлехь ду хлокху балхаца нахе кхаь баккхар».

Хлара дешнаш яздо ас шуьга, Веза а, Сийлахь а хилла волчу Делах дуй а буу ас, сан багара харц дош даьл्लехь, дуьненахь, эхартахь Дала Элчанна хьалха юьхьаьржа хлоттавойла со.

Шу бусалба а, Дела цхьаь веш а делахь, хлокху шайхана а, цуьнан тларикъатна а инкарло ма е аш.

Элчано элира соьга, цара цуьнан тларикъатна инкарло яхь, уьш зикар деш хьийзарехь, цара куьйгаш деттарехь соьгара шапалат а хир дац царна, шен умматах а бац уьш, аьлла.

Хлара дешнаш Элчанан багара схьадевлла ду. Ас весет до шуьга долица. Со шун ваша Сайд-Селим ву.

Тлаккха а элира соьга Элчано: «Оцу шайхан нана длайоьल्लीна Эртана боху меттиг – дика меттиг ю. Божарех а, зударех а цхьаь цига зиярате вахча, кошан лазап хир дац цунна, шина маликан барт хаттар а хир дац цунна, бархл ялсаманин неларш дла а йоьллур ю цунна, ворхл жоьжахатин неларш дла а кьовлур ю цунна. Маккара шайхаш хлора шарахь цунна зиярате боьлхуш бу, зама чекхъяллалц, Дала мукъ лахь». Лаламаш кхобуш хилла волчу Далла хастам бу. Делера салават-салам вайн Элчанна Мухьаммадна а, цуьнан цийнан охланна а, цуьнан асхьабашна а хуьлда.

Цул тлаьхьа, Делан Велис, Кишин Хьаьжас аьлла (Дала кьайле тойойла цуьнан): «Лекха волчу Дала дуьххьара адамийн а, жинийн а синош, тлаккха дуьне а, эхарт а кхоьллира шайн хазаллица. Тлаккха синошна (адамийн а, жинийн а) харжам белира Дала, дуьненах а, эхартах а шайна луург харжа, аьлла. Цхьадолчу синоша дуьне, цхьадолчара эхарт хаьржира, цхьаболчара дуьне а, эхарт а ца хоржуш, Аллах!-Дела хаьржира. Цара элира: «Веза Дела, оха Хьо хоржу-кх! Тхуна Хьо веза-кх!»

Лекха волчу Дала цаьрга элира: «Аш дуьне а, эхарт а ца хоржуш, Со хаьржи. Соьгара члагло ю шуна. Соьга цхьа хлума доьхур ма дац аш, иза Ас шуна луш бен. Оцу хьалхарчу шина тобанна шу ди ас дуьненахь луй а, эхартахь баьччанаш а».

И синош вовших кьаьстачу хенахь, царех тасабелира хьалхарчу шина тобанах болу цхьаберш, уьш церан муридаш бу.

Шен сино дуьне хаьржинарг, цо мел дукха къахьегахь а, эхартан декъе нислур вац.

Шен сино эхарт хаьржинарг дуьненан декъе а нислур вац.

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Наха лалашбаза йиш йоцуш ялх болх бу. Царах кхоь мурид шен Устазах хоттавелла хилар бакъ-деш бу:

1. Гийбат дар дитар ду (бусалба стеган сакхат ца дийцар ду).

2. ХьагI лелорах дог цIандар ду.

3. Шен Устазан дош къобалдар ду, цуьнан балхана реза хиларца.

Цуьнца цо (муридо) кхочушдан деза Дала тIедиллина массо а парз дерг а, шен Устаза тIедиллина вирд а. Дисинчу кхидолчарна Устаз юкъара хир ву.

Царах важа кхо болх мурид шен Устазах дIахаьдда хилар бакъдеш бу:

1. Мурид кхечу Устазан лерам беш вацахь, цуьнца хьагI-гамо лелаяхь, оцу муридана кхерам бу шен Устазах дIахада, цунна важиб долу дела, шен Устазан санна, кхечу Устазан а лерам бан.

2. Мурид вацахь кхечу Устазан мурид везаш, шен Устазан мурид санна, цунна кхерам бу шен Устазах дIахада.

3. Нагахь муридана хазахь шен бусалбачу вешина гийбат деш (цуьнан сакхаш дуьйцуш) цхьа нах, цо цара дийцинчунна инкарло ца яхь, иза хIумма а ца олуш ладдалахь, и волчух тера ду оцу нехан накъост. Оцу муридана кхерам бу шен Устазах дIахада.

Бусалба динехь волу ши ваша шина куьйгах тера ву (шина куьйго во-вшийн цIандо). ХIора бусалба стагана тIехь ду шен бусалбачу вешин хьокъехь вуон хIума шен дагчу цадаийтар, царах хIоранна а тIехь ду (важиб ду) бусалба ваша вуочу хIуманах вухатохар.

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Шу хаа лууш делахь, Устазо хIун до шен мурид лечу хенахь а, коша чохь шина малико цуьнга барт хоттучу хенахь а, шуна хоуьйла, эзар мурид эзар меттигехь цхьана хеначохь кхелхаш хилча, эзар муридан са, Делан кьннхетамца, иманчохь далийта а, оцу муридийн хIораннан а корта шен голана тIехь хилийта а Дала ницкъ белла Устаз хилар. И ницкъ кхочуш воцург, Устаз ву аьлла, цIе яккха а, цуьнан вирдаца Iамал ян а некъ бац».

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) кхин а аьлла: «Бакъалла а, Устаз ву-кх, шина малико кошачохь барт хоттуш, шен муридах жоп луш верг. Саоьцу малик муридана гучу ца долу, Устаз цунна гергавеана, дIахIотталц, къематан дийнан массо а кхерамех Устазо иза тешаме вийр ву».

Иштта Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Цхьанна хаа ли-ча, шен ийман кхоччуш ду я дац, иза хьожийла шен дегIе. Шен къамелах харц дерг ца иэдеш иза велахь, ладобгучарна иза бакъ ду моттахь а – иза иман кхочуш хиларан билгало ю.

Нагахь цо шен къамелах харцдерг издахь, ладугучарна шен къамел бакъдарца там беш – иза цуьнан ийман кхочуш цахиларан билгало ю. Иштта, иза хъарамах ийначу хлумнех: юучух а, молучух а, къамел дарах а, дог те-шорах а вуха ца кхеташ велахь – иза цуьнан ийман кхочуш цахилар ду. Нагахь иза оцу белхан тIалам беш вацахь, шена даа а, мала а карийначул тIаьхьа, иза а ду цуьнан ийман кхочуш ца хиларан билгалонех».

Иштта Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Бакъалла а мурид шен Устазах дIахаьдча, кхин устаз лаца дагахь я кхечу бахъаница, цул тIаьхьа шен Устазана тIеверза а, цунах хоттавала а цунна лиьча, оцу Устазо къобалвийр вац иза, цуьнан муридех лорур вац иза, церан жамалатан моглана юккъехь и эзар шарахь латтахь а, церан зикаран чIагарехь эзар шарахь латтахь а. Нагахь иза шен Устазах дIахьовзар шайтIано Iехийна, шайтIа толарца хиллехь, Iеса хлумнаш а лелош, оцу Iесачу балхехь иза до-занал тIехваллалц, юха иза самаваьлча, дохко а ваьлла, Деле цо тоба дича, хъаставелла а, сийсаз хилла а волуш, Устазе а вирзина, бехказваьлча, Устазо иза къобалвина, тIеобцур ву».

Хъаьжас аьлла (Дала къайле тойойла цуьнан): «Шина бIе шарахь Далла Iибадат дина цхьаь хилча, цул тIаьхьа цуьнан Iибадат доьхча, цо ши бIозза «СубхьаналлахIи, валхьамдулillahIи, ва ла илахIа иллаллахIу валлахIу акбар, вала хъавла вала къуввата илла биллахIил Iалийил Iазийм» аьлча, Дала цуьнан и Iибадат къобалдийр ду, Шен комаьршонца, цунна и мел а лур бу».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Шина стагах цхьаь атта ялсмани чу а гIур ву, важа атта жоьжагIати чу а гIур ву, шаьшиннан дагна тешамехь долчу кIеззигчу хIуманца, Далла гергахь и хIума доккха хиларна. Хьалхарниг – зикар дан гуллуш болу миска нах дукхабезаш верг ву, ша царах ийна а воцуш. И бахъана долуш, иза ялсмани чу гIур ву.

ШолгIаниг – илма Iаморехь зама дIаяхийтина Iелам стаг ву, дийнахь-бусий шен зикар дан гуллуш болчу мискачу нахана Iиттарш ярна ша чувулуш хилла волу. И бахъана долуш, иза жоьжахати чу гIур ву».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Кхиболчу Устазаша шайн муридашна лаам белира дийнахь а, буьйсанан хенахь а долу вирдаш цхьа-на хена чу гулдан а, пхеа хена чохь дан а. Бакъду, ас и лаам ца белира, ас омар до сайн муриде, и вирд хIора парз-ламазна тIаьхьа кхочушдарца. ХIунда аьлча, оцу муридо шен вирдан мел белча Элчанна а, Устазашна а, уьш, цуьнга а хьовсий, бистхуьлу: «Кхаь бу-кх хьенехан кIантана, минехана. Цо вайна бели шен вирдан мел», – олий. Царна иза го, вайна вешан куьйган кераюккъера хIума санна. Суна лаьа, сайн мурид хIора дийнахь царна пхо-ьазза ган».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Бусалба стаг шен бусал-бачу вешина зиярате ваха араваьлча, цо боккхучу аьтто когана дуккха а

мел язбо Дала, цо аьрру ког мосазза боккху, даккхий кьинош дIадоху Дала цуьнан. Иза шена тIехь воьдуш долу латта, шен стоммаллица пхи бIе шеран некъан барамехь долу, шех нуьре бIогIам а хилла, иза шен бусалбачу вешина зиярате вахара, аьлла, тоьшалла дан хIуттур ду.

Иза шен вешина зиярат дина, араваьлча, нанас дена винчу дийнахь санна, массо а кьиношна Дала шена гечдина хир ву».

Шина шайхо, Хьаьжас а, Зандакъарчу Хьаьжас а (Дала къайле тойойла цаьр-шиннан) аьлла: «Вайшиннах цхьаьнца гергарло хилларг, вай шинцца а гергарло долуш хир ву. Вайшиннах цхьаьнца дацахь цуьнан гергарло, вукхуьнца а дац цуьнан гергарло».

Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Дала со а, иза а (Зандакъара Хьаьжа, Дала къайле тойойла цуьнан), ши дегI дина кхоьллинехь а, суна а, цунна а ши са деллехь а, со а, иза а цхьа дегI санна ву, со а, иза а къастийнарг сох а вац, цунах а вац».

Зандакъарчу Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Шуна хоуьйла, Устаз хилар, къематдийнахь Далла тIебоьду некъ цIанбеш хилар шен муридана».

Зандакъарчу Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Мурид вала а велла, коша чу виллича, ши малик догIу цуьнга барт хатта, цуьнан Устазан суьртехь, я Делан Элчанан (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) суьртехь. И мурид ма кхоьрийла – цаьршинна жоп дала цуьнан Устаз хIутту.

Цо олу: «Аса жоп лур ду цунах», цо тоьшалла а до иза тобанчохь кхел-хина хиларна.

Таккха и ши малик духадоьрзур ду, оцу Устазан тоьшаллин тептар схьа а эцна. Цул тIаьхьа муридан каш нуьрах дузур ду, тIаккха цуьнан са дIахьур ду малико Iиллийина бохучу меттиге (декъалдина синош гулдечу метте). Дала вайна цунах рицкъа лойла!»

«Иштта Зандакъарчу Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла мурид шен Устазах хоттавалар чIагIдеш долчух лаьцна: «Муридана шел воккха стаг гича, иза шел веза хоьтийла цунна, и воккханиг волу дела, шена вевзина Дела а, Делан Элча а шеначул хьалха (дуьненчу валарца), Элча дуьненчу ваьллачу заманна герга хиларца а, цуьнан нур шена хьалха гучудаьлла хиларца а.

Хенаца шел жиманиг цунна гахь, иза а шел веза хоьтийла цунна, хIунда аьлча, и жиманиг шена тIехь кьинош клезиг долуш а, Элча веза хилар со-вдолучу заманчохь иза вина а хиларна. Ткъа Элчанан возалла дийно-дийно совдуьйлуш ду – хIора дийнахь Элча веза хуьлу селханчул».

Иштта Зандакъарчу Хьаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Шу некъахь догIуш, зудчунна дуьхьал кхетча, хьал-де ца хоттуш, цунах дIахьовзий, тIех ма довлалаш, хIунда аьлча, и елахь шега хьажа а, къамел дан а мегар долуш йолчу (гергарчу) зударех, шу тIехдовлахь, цуьнан дог духур ду.

Нагахь и елахь шега хьажа мегар доцчарех, цуьнга хьал-де ца хоттуш тлехваларца цуьнан дог дохарна хуьлуш долу зен докха ду, и йовзархьама цуьнга хьаьжча хуьлуш долчу зенал».

Иштта Зандакьарчу Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) аьлла:

«Деригге а Кьуръан, цхьа мога бина, цуьнан хьаьжа тле д'аяздалур долуш, доккхачу деглехь кхоьллира Дала Исрапил-малик. Лайно аьлча: «АстагIфируллахIи, субхьаналлахIи, валхьамдулиллахIи ва ла илахIа иллаллахIу валлахIу акбар», – и малик боккхачу хIорда чу таьла. Юха оцу лайно аьлча: «Ва ла хьавла ва ла кьуввата илла биллахIил IалийиI Iазийм», – оцу хIорда чурьа хьала а долиий, дегало и малик. Дала цунна тIера охьа мел оьгучу тIадамийн дагардаларан барамехь маликаш кхуллу оцу Исрапил-маликан суьртехь. Оцу маликаша, кьематде тIекхаччалц, Деле гечдар доьху оцу лайна».

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) аьлла: «Малх схьакхетачу хенахь дуьйна, и гIушлакхе а баьлла, де даржжалц, Дела хьехош верг, милла велахь а, малх шена тIекхеташ мел долчу хIумано Деле цунна гечдар доьху, оцу малхо тоьшалла а до кьематдийнахь оцу стагана, и стаг Дела дукха хьехош хиларехь, тIаккха Дала иза кьематдийнан халонех хьалха а воккху».

Иштта Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) аьлла: «Со вара цхьана дийнахь Элчанца (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) цхьаьна хиъна Iаш. Соьга элира Элчано (Делан салам-маршалла хуьлда цунна): «Шуна юккьехь дуй сан шарилат?»

«Ду», – аьлла, жоп делира ас.

«Шайна тIевеанчу кьонахчунна хIун до аш?»

«Тхуна иза ца хета тхайх волу стаг санна, тхайна юккьехь сийсаза го тхуна иза. Наха и вухаветта шайн лаьттан оханна юкьаварах. Иза нахана хьесталуш а хуьлу, цаьрга доьхуш а хуьлу, ша кIеззиг долчу лаьтта мукьна а вуха ма веттахьара, бохуш. Цкьацкьа цара цунах кьинхетам а бо, цара цуьнан некь маьрша а буьту, шаьш ялташ дийначул тIаьхьа, кIеззиг долчу лаьтта тIе ялта ден, нагахь латта сов ца далахь, шаьш дийначул тIаьхьа латта ца дисахь, цуьнан дехаре дIа а ца хьовсу».

Элчано (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) элира соьга: «Иза сан шарилат дац. Сан шарилат – тIаьхьа тIевеънарг а, бухахь верг а цхьатерра хилар ду лаьтта пайда эцарехь, муьлххачу некьаца хуьлийла и пайдаэ-цар».

Иштта, Элчано (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) хаьттира соьга: «Шух цхьаммо хIун до, кхечуьнан хьайба шен ялтанна тIехь карийча?» Аса элира: «Цо иза арадокккху, дечиг я тIулгаш детташ». Элчано (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) элира: «Иза сан шарилат дац. Бакьду, нийса дерг и хьайба ялтин дас арадаккхар ду, етта а ца етташ, хьайбанан дена сардамаш а ца доьхуш, ша ала а олуш: «Дала хьайна яздинчух хьайн рицкьа даа деанакх хьо, сан ялти тIе». Оцу стагана со карор ву кьематдийнахь, воккхавевеш, суна дуьхьал кхетар ву иза, со шена реза а волуш. Кьематдийнан халонаш а ца гуш, сан байракха кIел хир ву иза».

Иштта Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Сояга элира цхьана стага, Цоцин-эвлахь, Гома бохучун хIусамехь: «ХIай Хъаьжа, суна лаьа сайн куйна тIе чалба хьарчо. Мегар дуй иза?» Ас элира: «Ахь хьалха хьарчае хьайн деган коьрта тIе Делах кхераран чалба, айхьа иза кIайинчул тIаьхьа ийманан нуьрца, хазийнчул тIаьхьа бусалба динан хазнашца, ахь иза ян а еш, хьайн деган гонаха саьнгарх терра, оцу саьнгари и дог духа а тухуш шайтIанан весаш чу ярах. Цул тIаьхьа ахь чалба хьарчийча, Пайхамарна тIаьхьа вазаран нийятца – хIара ду тергам болуш долу чалба хьарчор, лераме хилла долу сибат а.

Нагахь болх иштта бацахь, ахь деган корта берзина а буьтуш, Делах кхераран чалба хьарчарх а, ахьа тIалам ца беш оцу белхан хьокъехь догIучун (хастаме хилла иза, я сийсаза хилла иза), ахь чалба хьарчайо хьайн коьрта тIе, цуьнца хьо нахах къастархьама, цунна тIе пIелгаш хьежадайтархьама, хьо цуьнца маьждигашкахь, цхьаьнакхетаршкахь хьалхавахьтархьама. Оцу балхана хьарчийначу чалбина хьуна лиьнарг бен дац хьуна (Делера). Хьо цунах вухакхетар ву, нахана и хьал довзахь. Иштта ю ерриге Iамал а, Делан дуьхьа йоцуш йолу.

(Чалба а хьарчийна, дог цIан а ца деш, хьарам дерг а лелош, хила мегар дац. Хьалха даг тIе хьарчо еза бохуш, хьарамах ца ларлуш, дог цIан а ца деш хила а мегар дац)».

Иштта Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Шена халахетар деш йина огIазло саца а йина, шена халахетар динчунна къинтIера а ваьлла, бIозза зикар а дина, цуьнан мел шена халахетар динчунна дIабелларг – иза ву Делан цIеначу лайх».

Хъаьжега (Дала къайле тойойла цуьнан) хаьттира, Iеламнехан дашах лаьцна: «Цхьанна а мегар дац, ша нах нисбеш волу Делан вели ву бохуш, дов дан, и хууш вацахь деа мазхIабан хьукманаш», – бохуш долчу.

Хъаьжас (Дела реза хуьлда цунна) жоп ло: «Вайн Пайхамар (Делан салам-маршалла хуьлда цунна), Шарилат гучу-даьккхина волу, ТIарикъат билгалдина волу, деа мазхIабан бух бу, ша хиларца дешаза. Оцу дерригенца а бух хилла ца совцу деа мазхIабан хьукманаш довзар, яздина долу жайнаш довзарехь, уьш дешарца. ХIунда аьлча, иза Iилма ду, Дела шена луучунна Iилма луш ву. Шена дика болх бан лиинчун накха Дала шорбийр бу дерригечу Iилманашна, гучохь долчарна а, къайлах долчарна а. Оцу даржаца декъал хилларг жайнаш дешаре а, моIланашка хьежаре а хьашт ца хуьлу. Шуна ца го таллархочо экханан лараш лобхуш? Иза экханна тIекхиьча, цуьнан ларашка хьашт ца хуьлу иза. Иштта ву-кха самах шена Делан Элча (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) гуш верг а, цуьнца цхьаьна дуьхь-дуьхьал къамел деш верг а. Иза хьашт ца хуьлу Iеламнехан жайнаш, Элча (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) ваханчу метте нисвеш йолу лараш балгалъяхарехь хилла долчу. И жайнаш лобхучу хIумане кхачош ду. Ша цига кхочуш верг хьашт ца хуьлу ша цига (Элчанна тIе) кхачош волчу хIумане. Бакъду, мазхIабаш Iаморехь кIорге вахар бехкам бу Шарилатан Устазана, ТIарикъатан Устазана и бехкам бац.

Даллий, Делан лайшний юккье Устазан царца хлоттар боккха болх бу. Илманаш дешарца а, мазхлабашкахь клорге эхарца а кхочур вац оцу дарже, нагахь и вацахь Дела вовзаран (малрифат) дарже кхаьчна, Далла герга кхаьчна а, кхетаман блаьргаца Дела гуш а, Дела везаш а, Делан Элча везаш а, цхьа ша барамехь а цуьнан суннат чуьра дла ца валаран куьцехь цуьнан суннатана тлаьхьавозуш а.

Иштта хилларг – иза Камил волу Устаз ву, ша ницкъ кхочуш волу шен муридаш кхиабан, уьш мел дукха белыхь а. Церан синош оьцуш, цаьрца цхьаьна хир ву иза, уьш тилорах шайтла духатухур ду цо, царах жопаш лур ду цо шина маликан бартхаттамна, Суьртан тлай тлехь а, мизан-терзан тлехь а царна шапат а дийр ду цо, кьематдийнан халонех уьш хьалха а бохур бу цо (Делан пурбанца)».

Иштта Хьаьжега (Дала кьайле тойойла цуьнан) хьаттина леламнехан дашах лаьцна: «Цхьаь хилча шен ницкъ кхочуш хина тлехула ваха а, хлаваэхула тлома вала а, иза яц Делан вели хиларан билгало?» – бохуш долчу.

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) жоп ло: «Леламнехан дош бакъ ду, члара хина тлехула а лела, хина бухахь баха а беа иза. Олхазар чуьрке кхаччалц хлаваэхь тлома долу. Оцу шина хлуманехь ницкъ кхачарца, цхьаьннан а Делан вели ву аьлла цле йоккхур яц, цаьршиннах хлумма а Дац сийлаллин охланна, нагахь иза вацахь Дела вовзаран хлорда тлехула лелаш, Элчанан (Делан салам-маршалла хуьлда цунна) суннат-кеманна тлехиьна а и вацахь.

Хина тлехула вахар, хлаваэхь тлома валар – и шиь Камил болчу овлаяшна гергахь хлумма а дац».

Хьаьжега (Дала кьайле тойойла цуьнан) хьаттира, олуш долчух лаьцна: «Кошфалла (кьайле хаар) шина декьехь ду: бакъдерг ду, харцдерг ду. Иштта дуй иза?»

Хьаьжас (Дала кьайле тойойла цуьнан) жоп делира: «Иштта ду иза. Цхьаммо дов дахь, шена го бохуш, беллачеран синош а, Ловхьул-Махьфуз а шена хаьа бохуш, нилматехь мила ву, лазапехь мила ву, шена го ялсамане а, жожжаглате а самах коьртан блаьргаца, – шеко яц иза жинашца тайна хиларехь. Баккъалла а иза шайтлано тилийна, цунна моттийтина шайтлано, шена иза дерриге а гуш ду. Шайтлано тилаво 7 даржана дехьа ца ваьлларг, Иза харц долу кошфалла ду, цуьнан дов – доьхна, харц дов ду. Бакъду, шена уьш го набарх, я кхетаман блаьргаца, бохуш дов деш верг, иза Далла либадат деш велахь, шен ламал Делан дуьхьа цланьиная велахь, 7 даржана дехьаваьлла а велахь Камил волчу Устазо кхиаварца, я озийна дехьавакхарца, иза бакъ кошфаллин да ву».

Иштта Хьаьжега (Дала кьайле тойойла цуьнан) хьаттира: «Цхьанна а мегар дац ша цхьаь Устаз лаца, шена иза Камил болчу овлаяэх хилар хаьалц. И вели муха вевзар ву, цуьнан билгало хлун ю?» – аьлла.

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) жоп ло: «И дош бакъ ду. Делан вели вовзаран некъ бу. Цунна тӀаьхъабозурш совбовлахъ нийсачу а, дикачу а хӀуманехъ, дуьненах а, дуьненан берех а (дуьне лъыхучех) дӀахадарехъ, Далла тӀеберзарехъ а, Делах дӀахъовзочу хӀуманех шайн ойла дӀаайбарехъ, Делан охӀланах, бусалбанех самукъадаларехъ, хъуна хоуьйла, иза бакъ-волчу овлаяэх хилар.

Хъуна тӀехъ ду цунна тӀаьхъавазар, цуьнан дашца Ӏамал яр, цуьнан обанах тасавалар, цуьнан тобанах хилар.

Иза иштта вацахъ, цунна тӀаьхъабозурш сов ца бийлахъ диканехъ, цунна тӀаьхъабазарца цаьрца хилахъ вуон хӀумнаш дитар, уьш ца дезар, Далла муьтӀахъ хиларан марзонан лар а (цаьрца ца хилахъ), хъуна хоуьйла цуьнан дов, ша вели ву бохуш а, нах нисбеш даржехъ ву ша бохуш а долу, и дов доьхна хилар. Цунна гена вала хьо, цунах дӀа а къаста хьо, цунах ма теша хьо».

Иштта Хъаьжега (Дала къайле тойойла цуьнан) хаьттира, вели шена гергахъ деши а, гӀорзолг а цхъатерра хилларг ву, бохучух лаьцна.

Цо жоп ло: «ХӀара дош бакъ ду. Цунах лууш дерг дац шуна болх баро, даьхни лахаро вели хилар дӀадоккху, боху маьӀна. Бакъду, цунах лууш дерг вели хилар ду ша воккха ца веш, шена деши а, дети а карадарх, гӀорзолг караеьча воккха цаверах терра. Балхам ца бар ду и деши дарца, гӀорзолг яйча балхам ца барах терра. Бакъду, цунна гергахъ цхъатерра хилар – деши карадар а, ца карадар а».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Ши бусалба стаг дуьхьал кхетча, «БисмиллахӀиррохъманиррохъийм» аьлла, салам а делла, и шиь ма-раиккхича, юха, цаьршинна вовших къаста лиьча, цаьршиммо Элчанна «Салават» диллича, цу шинна тӀехъ жимачу зингатан барамехъ а къа дуьсур дац».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «Вай къобалдеш волчу муридо лахьти чу, «Фатихьат» а доьшуш, куьг хъаькхча (Делах дуй буу ас), Делан возаллора, оцу веллачуьнга и кхоьруш долу хӀума а дуьсур ма дац, я цунна питана хир долу хӀума а дуьсур ма дац цуьнан коша чу».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) аьлла: «ХӀай Гуьнара Керим, ас хъуна Ӏамадай цхъа хӀума?»

Керима элира: «Ӏамаде».

Хъаьжас (Дала къайле тойойла цуьнан) элира: «Хъуна лаахъ, веллачунна коша чохъ питана ца хилийта, пхуьйттазза «астагӀфируллахӀ» алий, бӀе зикар а дай, цуьнан мел ло ахъ къаьсттина оцу веллачун синна, Элчанна а, Устазана а ца луш, Делан возаллора, и велларг кошан питанех а, къемат-дийнан халонех а хьалха вер ма ву».

О ШЕЙХЕ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВЕ ИЗ ИЛСХАН-ЮРТА

Перевод

Именем Аллаха остерегаюсь я шайтана, которого Аллах отдалил от своей милости. Я начинаю с имени Аллаха, который оказывает милость в этом мире и верующим и неверующим, а в загробном мире особенно мусульманам. Хвала Ему, правому в своем предначертании и прощающему мусульман.

Он Аллах, который справедлив в предопределении смертного часа своих рабов и воскрешении их в Судный день; который показал нам Себя. Это Он, зреть которого не всем дано (не видя признаков Его присутствия); направивший нас на путь истины, через признание Его Пророка (Да благословит его Аллах и приветствует!), которого Он возвеличил Священным словом (Кораном).

Да благословит и приветствует Аллах Мухаммада (а.с.с.) из Священной Мекки, которого Он ниспослал с праведной религией, и не обделит Он милостью его умму и верных сподвижников – асхабов.

Да будет доволен Аллах теми, кто следует путями тех, кто раскрыл красоту тариката через поклонение Аллаху. Пусть приумножит Аллах деяния тех, кто за ними последовал, выполняя предписания Аллаха, отрекаясь от всего запретного.

После этого в эту смутную и беспокойную пору, когда дети этого времени превратились в сообщников тех, кто руководствуется завистью и лицемерием, носителям истины не стало под силу донести до уммы ту сущность поклонения на пути тариката, которую они сами познали.

Правда, остерегаясь хитрости людей того времени, у этих святых не хватило сил для поклонения так, как им хотелось бы, ибо пришли они с одной лишь истиной.

Если бы была возможность выявить причины их поклонения и отметить основы их деяний (или если бы хватило сил) у них, то даже среди тех людей, которые пренебрегали ими, воцарился бы мир, и тогда к тем, кто был против них, пришло бы правдивое согласие (согласие со святыми).

И все же ситуация такова, что среди бедствий этого времени воистину наши братья относятся к ним с завистью (как было сказано выше, у них не было возможности проявить свои деяния). Воистину, Мы созданы Аллахом и к Аллаху же и возвратимся. Вы ждите своего возвращения к Нему, и я вместе с вами, один из тех, кто ждет возвращения к Нему.

Шейх Кунта-Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Правдиво слово почтенных улемов (Да смилостивится над ними Аллах!), в котором говорится: «Воистину, никто не достоин называться Вели Аллаха, если он не может ответить на вопросы всех четырех мазхабов».

Эта основа – рыба, которая умеет плыть над водой, но не обладает сверхъестественными дарованиями. Также и насекомое: оно летает в воздухе, но нет у него чудодейственных способностей.

Эти вещи и схожие с ними другие вещи не являются признаками деяний овлияов. И не будут они отмечены определенными признаками, и не будут названы их имена, подтверждающие, что они Вели Аллаха, если не будут они ближе к Аллаху и Его Пророку (а.с.с.), и если не перевесят его деяния в сторону Аллаха и Его Пророка (Да благословит его Аллах и приветствует!). Летать в воздухе или ходить над водой – не чудо для **уммы Камила**. Подтверждением этой основы является сказанное Хасану-Басри (Да освятит Аллах его таинство!) женщиной Рабиатул Адвиййатой (Да будет доволен ею Аллах!). Этот рассказ является весьма распространенным. Ты береги это, и приумножатся твои старания на пути истины, если на то воля Аллаха. Ведь в Его власти дать тебе **тавпикъ**.

«Кошфалла (знание таинства) – делится на две части: правда и неправда» – это слово ученых-богословов правдиво. У слова этого есть определение – это сердца овлияов, познавшие Аллаха.

Тот, кто спорит, говоря при этом, что у него есть кошфалла:

а) Он будет говорить, что видит своими глазами Лавхуль-Махъфуз, души умерших, рай и ад, и другие подобные вещи, находясь при этом в полном сознании.

Нет сомнения в том, что этот человек связан с джиннами, или же его ввел в заблуждение шайтан, и этот шайтан, который был проклят, носит в себе большую злобу и владеет большой хитростью. И может он себе позволить (и это в его силах) показать человеку призрак, в то время когда человек этот будет думать, что перед ним чудо; и своей магией он может заставить человека поверить в то, что своими глазами видит рай и ад, в то время, когда перед ним ничего нет.

Все это произойдет с мюридом, пока он не переступит через семь ступеней (макъамана), и когда он переступит все эти семь ступеней, не подойдет к нему близко шайтан, потому что не будет для шайтана пути, ведущего к этому человеку;

б) или же он будет говорить, что видит Лавхуль-Махъфуз или подобные вещи через сновидения или же глазами разума (глазами сердца), в полном сознании, но только не своими глазами. Если он говорит правду, то его кошфалла истинна. Потому что состояние сна считается явным, после того, как просыпается сердце озарением Единого Аллаха и совершением зикра.

Правда, когда тело находится в состоянии сна, душа и сердце его бывают свободными, и он (человек) может смотреть, куда хочет, и находится везде, где ему хочется.

Подтверждением далила, указывающему правдивость кошфалла, есть деяния того, кто владеет этим кошфаллом, деяния, которыми был доволен Пророк Мухаммед (а.с.с.). Если это не так, не будет признан его кошфалла ни на одном деле, даже если воскресит он мертвого или же он достанет

золото из-под земли. Пусть Аллах направит нас на истину! Все мы возвратимся к Нему!

«Нельзя принять Устаза, пока не убедишься, что он из овляюв Камила» – это слово ученых-богословов (Да смилостивится над ними Аллах!) правдиво.

Это и есть весы, установленные Им для рабов своих, когда Он сказал им: «О рабы мои, Я создал среди вас овляюв, Я наделил их познанием Себя и выделив их, Я показал им Себя. Так следуйте за ними, и будете вы на правильном пути».

Тогда спросили Его рабы: «О наш Аллах! Как мы узнаем их? Как мы узнаем, что они из Твоих овляюв?» Он сказал: «Вы узнаете их по следующим за ними».

Его значение: Если один из вас назовет себя Вели Аллаха, и последуют за ним люди, то смотрите на этих людей. И если вы увидите, что боятся они Аллаха и приумножается в их сердцах поминание Его, то встаньте на правильный путь благодати овляюв, следуя предписаниям Аллаха.

Знайте же, он из тех овляюв, которые наиболее приблизились к Аллаху, что он достиг той вершины, чтобы направить народ на путь истинный. Он из тех, кто может из щедрой милости Аллаха и благодати Пророка (а.с.с.) взять добрые деяния и одарить этим своих последователей, своих мюридов. Народ обязан следовать за ним, явно иль скрыто, не отставая от него.

Если же увидят они овляюв, ведущих себя в противоположность тому, что сказано выше, то знайте же, они не из приблизившихся к Аллаху, вы держитесь от них подальше, вы берегитесь их интриг. Это и есть весы, определяющие истинного Вели от лживого.

Если последователи придерживаются предписаний Аллаха, то это достаточное подтверждение далилу, утверждающего Камила Устазом, не смотря на то, что это время бед и разрушений.

Если же это время справедливости и взаимопонимания, то Вели дозволено показать народу некоторые свои чудодейственные способности, чтобы дать успокоение их сердцам, пусть они узнают его и следуют они за ним. Если они так поведут себя, то познают они милость Аллаха, обретут они благодать рая.

«Тот из вас Вели, для которого равнозначно и золото, и ком глины» – это слово ученых-богословов правдиво (Да смилостивится над ними Аллах!). Значению этих слов дано хорошее определение. Правда, некоторые из них стали незрячими к этому.

«Тот из вас Вели, для которого равнозначно и золото, и ком глины» – в значении этих слов не говорится, что нельзя искать и приобретать земные блага. Здесь сказано, что нельзя чересчур восхищаться, приобретая золото, и отчаиваться, потеряв его. Приобретение золота и его потеря – должно

восприниматься одинаково. Накопление богатства имеет две стороны: первая – приобретение богатства на завтрашний день во избежание бедности, или же для того, чтобы возвеличиться среди людей своим богатством, дабы завоевать почет. Эта сторона не является частью деяний богобоязненного мусульманина, тем более приблизившемуся к Аллаху Вели.

Вторая сторона – накопление богатства путем, дозволенным шариатом, для оказания помощи нуждающимся, бедным, для раздачи милостыни, для благих деяний, которые приблизят его к Аллаху, или же для развития своего тела, чтобы оно познало тяжесть труда, чтобы тело его было готово к совершению благих дел. И после тяжелого труда надеяться, что Аллах наградит его земным благом.

Это и есть путь, одобренный Аллахом. Путь, которым доволен Аллах. Правда, деяние раба – это искренне совершать благодеяния ради Аллаха с чистыми намерениями.

«Вели способен своей молитвой предотвратить зло и несчастье, а также приобрести выгоду и благо в этом мире» – это слово ученых-богословов правдиво (Да смилостивится над ними Аллах!). Но правда, в его определении заложен и другой ответ. Это выражается в том, что необходимо обратить внимание на то, кто произносит эту молитву. Эта молитва имеет два вида: молитва определенных людей, приближенных к Аллаху, и молитва других мусульман. Последняя молитва, в получении на нее ответа свыше, делится на три части.

Первая часть: Аллах дает на эту молитву незамедлительный ответ Своей милостью и величием.

Вторая часть: Он ограничивает время ответа на эту молитву, дабы дать его в Вечной жизни. Аллах говорит ему: «О раб мой, ты просишь меня ответа на свои молитвы в этом мире, не понимая, что мир этот не вечен. А я тебе воздам в том мире, где будет Вечная жизнь, ибо там это будет для тебя важнее».

Третья часть: Аллах не ответит на его молитву ни сейчас ни потом по той причине, которую знает только Он Сам. Как мы знаем, все эти три части относятся:

к молитве определенных людей, наиболее приближенных к Аллаху, – между их сердцами и Аллахом нет никакой преграды, их молитвы никогда не будут отвергнуты, даже если они попросят разорвать небеса на куски, и даже больше. Но они не взывают к Аллаху, пока Он Сам не вселит в их сердца молитву.

Если кто-то из них взмолится Аллаху телесным желанием, то Аллах скажет ему: «Твоя молитва, о мой раб, не будет отвергнута, но и Мое предопределение не изменится. А поставить друг против друга твою молитву и Мое предопределение будет неуместным. Так что же ты выбираешь? Хочешь, чтобы Я отверг твою молитву или же Я изменил Свое предопределение?» В это время ему станет стыдно перед Аллахом, он расскается в том,

что совершил, и преклонится перед Ним, он попросит прощения за свою молитву, которую он совершил, поддавшись телесному желанию. После этого он не взмолится Аллаху, пока Он сам не вселит в него молитву, даже если его убьют, повесят или искалечат. По воле Аллаха в его сердце вселивается потребность к молитве, вызывающая к Аллаху с просьбой предотвращения беды или же приобретения блага, и только тогда он молится Ему. И тогда Аллах незамедлительно отвечает на его молитву. Это истинная правда. Пусть Аллах осчастливит нас всех Своей милостью!

«Недопустимо, чтобы мужчины и женщины вместе собрались во время совершения зикра» – это слово ученых-богословов правдиво, с одной стороны. Есть и другая дозволенная сторона.

Это дозволяется тогда, когда и мужчины и женщины следуют пути тариката, если у них есть Устаз Камил. Только тогда им дозволено собираться вместе, как им заблагорассудится.

Если же их Устаз не является Камилом, им нельзя собираться вместе, несмотря на то, что они на пути тариката и среди них нет шахивата (плотской любви). Потому что, когда женщина в азарте исполняет зикр, возможно, что случайно у неё может показаться прядь волос или часть тела. В таком случае ангелы покинут круг зикра, и окружают его войска шайтанов. Перехватят они дыхание людей, исполняющих зикр, и не дойдут их деяния до Аллаха.

Тем, у кого есть Устаз Камил, это не грозит. Он успевает к ним до того, как к ним подоспеют войска шайтанов, не причинят им вреда хитрости шайтанов и не окружают они их. Это истинная правда. У этого рассказа есть свой конец, в последующем вы о нем узнаете.

«Нельзя исполнять зикр, не совершая **хьуруфаш** и **хьаракаташ**, т.е. не забывая правила, предполагающие соблюдение и несоблюдение паузы во время зикра» – у этого высказывания ученых-богословов есть свое определение, (Аллах волен дать нам **тавпикъ**, и Он помогает тому, кто на Него надеется).

Аллах не сотворил в груди человека два сердца. Тот, у кого сердце заполнено зикром, и тот, кто находится в азартном состоянии при поминании Аллаха, волен не совершать хьуруфаш и хьаракаташ; мысли о двух вещах одновременно не могут вселиться в одном сердце, как мы знаем. Когда поминающий Аллаха громким голосом взывает к Нему, некоторым его голос может не понравиться. А для Аллаха он звучит прекрасно.

Тот, кто поминает Аллаха языком, при этом думая об окончаниях слов, соблюдая изначальные правила слов, то он подобен всего лишь певцу и не больше.

Нет пользы в том, что очищен язык, если при этом не очищено твое сердце. Это и есть утвердительный ответ для человека разумного и сознательного.

Неверующий, спящий, не просыпается от своего сна, даже если перед ним положат Ловхьул-Махьфуз.

«Нельзя класть умершего спиной к стене левой стороны могилы» – это высказывание ученых-богословов (Да смилостивится над ними Аллах!) не имеет определенного основания. Оно взято из частей основы, из некоторых слов ученых-богословов.

Пророк Мухаммад (а.с.с.) выбрал для себя вышеупомянутое: он похоронен таким образом. Правда, нет ничего недопустимого в том, если умершего похоронят согласно новоявленным традициям нашего времени. Но будет гораздо лучше, если мы будем придерживаться тех норм, которые завещал нам Посланник Аллаха (Да благословит его Аллах и приветствует!).

Пренебрежение богословами громкогласного зикра и теми, кто его исполняет, имеет свои пути, скрытые от тех, к кому относятся с пренебрежением. Для них мы сейчас и определим эти пути, ибо сказано, что нельзя оставлять эти пути в скрытом виде.

Среди тех людей, относящихся к зикру с пренебрежением, есть трое: из них два человека – на правильном пути, а третий – на пути заблуждения. Из этих двух один – осветивший и укрепивший зеркало своего сердца путем признания Единого Аллаха и исполнением скрытого зикра; сердце которого озарено Аллахом, познавший Аллаха посредством накшбандийского тариката, одаренный Аллахом Своей благодатью. Но Он не повелевал ему проявлять религию громкопением в целях направления народа на верный путь, поминая Аллаха языком. Этот человек скрыто упоминает Аллаха, и громкое пение при упоминании Аллаха ему кажется противным, даже больше чем рев осла. И тогда он пренебрегает громким исполнением зикра. Он уподобляет всех, кроме Аллаха, своему телу, и у его тела не хватает сил поднять голос, стыдясь при этом Аллаха. Для него скрыто состояние того, кто громко упоминает Аллаха. И поэтому его пренебрежение основано на верном пути. И не будет это пренебрежение грехом для него.

Второй из двух – это тот, кто познал Аллаха посредством кадырийского тариката. И пришел он к благодати через этот тарикат. И было ему велено проявить религию громким упоминанием Аллаха, дабы направить Его рабов на верный путь, исполняя зикр языком. Он упоминает Аллаха явно, он с азартом исполняет громкое пение зикра, чтобы взяли от него пользу рабы Аллаха. И он пренебрегает теми, кто скрыто упоминает Аллаха. Он говорит: «В его сердце не вселилась сладость познания Аллаха, иначе он бы зажегся азартом при Его упоминании, он бы стал взывать к Нему громким голосом, радуясь». Он говорит так, потому что ему кажется, что тот далек от Аллаха, словно как на расстоянии от запада до востока. Потому что он громко упоминает Аллаха, он не может понять того, что дал Аллах Своей щедростью другому. И это его пренебрежение основано на верном пути, поэтому оно его и оправдывает.

Они оба правы в своих направлениях. Это не скрыто для того, кому известен источник их тариката, и для того, кто знает, откуда появилось у них пренебрежение друг к другу.

Третий из них – тот, кто озарил свое сердце зикром, но не познал Аллаха посредством накшбандийского, кадырийского или же другого тариката, не достигший ступени истины, и вместе с этим он пренебрегает теми, кто скрыто или явно исполняет зикр. С помощью Аллаха мы остерегаемся его, это заблудший человек и вводит он людей в заблуждение, нет в нем и доли истины и справедливости.

Воистину, повышение голоса при исполнении зикра или же его громкое пение – это не те видимые признаки, которые доступны только для тех, кто слаб в познании. Правда, они доступны для того, кому Аллах дал познать благодать Своих таинств, ибо были они с начала Сотворения мира отмечены Аллахом. Он выделил их, восхваляя Своим словом: «Есть на земле Моей люди (зятья), которые смущаются Меня, но не знает их никто, кроме Меня». Они – Мои овлия, упоминающие Меня в своих громких пениях». Аллах опьянил их Своей любовью, после того, как Он повелевал им: «Проявите религию громким восхвалением», – дабы призвали они Его рабов к религии. Нет греха тому, кто испил чашу Его величия, и тому, кто не принимает громкое воспевание. Приверженцы имана принимают его, приверженцы заблуждения избегают его, как избегает шайтан, приверженцы кадырийского тариката спешат постичь Аллаха. Как было сказано Аллахом о значении этих слов: «И небеса, и земли связаны с Моим именем. Я ниспослал на землю 99 имен для Своих рабов через Пророка Мухаммада (а.с.с.), вместе с ними не устают их сердца, не успокаиваются они, обретая покой. Я создал среди них одних рабов, которые своим воспеванием будут орошать сердца, опустошенные от имана. Они будут овлиями Камила». Пусть Аллах дарует нам благо от их благодати, и пусть он оберегает нас от пренебрежения ими.

Знайте же, что после этого пророки Аллаха постигли Аллаха, и не потеряли самообладания, и у них у всех хватило сил вынести на себе Его величие (Величие Аллаха было озаренным), кроме Мусы. Он испустил крик от чрезмерного восхищения Аллахом, похлопал руками, уважив Его величие, и упал он, потеряв самообладание, не хватив сил стоять перед Аллахом. Это состояние людей, которые совершают громкий зикр, восхищаясь щедростью, подаренной им Аллахом, они громко взывают к Нему, пока, потеряв самообладание, не упадут они, не в силах вынести Его величия.

Это истинная правда. Они потом узнают, в День расплаты, каково будет состояние тех, кто пренебрегал религией и осквернял ее. Узнают, каково будет состояние тех, кто ввел приверженцев этой религии в заблуждение, и тех, кто отрекся от справедливости и истины. Все в руках Аллаха, и скор Он в Своих выводах.

Абдуссалам, который написал эту книгу, говорит: « Эта книга рассказа на мне моим Шейхом (Хаджи) на чеченском языке. Он, Вели Аллах, рассказал мне все это в тюрьме Сибири, где мы с ним находились вместе. Я перевел его на арабский язык, чтобы дать ответы на интересующие нас вопросы, дать полное определение мюридам, чтобы была от этой книги польза приверженцам религии. «Ответы для спрашивающих, признаки

мюрида» – такое название я и дал этой книге. Мне не нужно, чтобы меня восхваляли и уважали за то, что я написал эту книгу. Признавая свою немощность, я делаю то, что велел мне Хаджи (то, что написано в этой книге) – дать этому полное определение. «Доступно только сознательное, искусное, глазами или руками объясненное» – следуя этому, я написал ее, хотя считаю, что ошибся в проставлении знаков препинания. Правда, в свои неполные 19 лет, из-за отсутствия опыта, у меня не хватило сил изложить эту книгу в более грамотной форме. Если бы у меня хватило сил, я бы это сделал по-иному. Я надеюсь, что читатель отнесется к недостаткам этой книги, учитывая, что я в период написания книги находился в плену у христиан.

Если бы я рассказал своим братьям по вере, что нам пришлось испытать, что мы пережили, то их сердца не выдержали бы, из глаз их не переставали бы литься слезы. Поэтому я привожу здесь малость тому, кто ищет истину.

«Во время, когда озарится солнце познания Аллаха, когда распространится его озарение над небом вайнахов, над всеми мусульманскими городами, пока мусульмане из Мекки и Сирии не придут на зиярат в Вайнахии, когда рабы Аллаха будут опьянены познанием Аллаха, не коснется это опьянение мунафиков, и будут они в безумной панике. И будут вокруг них кружиться всадники шайтанов, а заблудшие люди примкнут к неверующим, и будет между ними согласие, как сказано в аяте: «Им (неверующим) хочется погасить Свет Аллаха (Коран). Воистину, им угодно разделить группы, следующие за этим Светом, посеять между мюридами вражду. Некоторых они убили, некоторых повесили, некоторых изгнали из своей родины, некоторых утопили; они превратили мечети для мужчин и места поклонения для женщин в сараи для содержания скота бедных людей, в клубы для игр детям из надменных семей. Они не обратили внимания, что заходят они в обитель Аллаха».

«Кто же совершил большее зло, чем тот, кто разрушил мечети Аллаха, не только не произнося имя Аллаха, когда он находится в них, но и при этом разрушая их? (нет того, кто совершил бы большего зла). Те, кто сеял интриги между мусульманскими людьми и женщинами, и после этого если они не раскаются, то будут они гореть в аду». Правда, Хвала Аллашу, эта граница не переходит ту черту, которую установил Аллах. Он дал силы, ибо Он сказал: «Аллах хочет, чтобы Его свет (Коран) был, как бы не противились ему неверующие». После этого в тех местах, где нас держали (в местах заключения) мы разговлялись среди неверующих, потом дополнительно держали уразу, ибо Аллах сказал: «Те, кто из вас болен, или находится в пути в месяц Рамадан, держите уразу в последующих днях». Не было возможности своевременно совершать намаз, и поэтому мы делали его сокращенно, ибо Аллах сказал: «Если вы боитесь, что неверующие вам причинят вред, то не грех вам, если сократите намаз». Мы даже обходились без воды, когда не имели возможности его достать, ибо Аллах сказал: «Если не найдете вы воды, то совершите омовение с чистой землей». Когда нам

запретили совершать намаз, мы его делали по мере возможности, ибо Аллах сказал: «Аллах не поручил делать того, что не под силу человеку». «Если вы боитесь (боитесь врага остановиться на намаз), совершайте его, когда будете идти пешком или верхом». Когда мы не знали, как повернуться в сторону Каабы, мы становились так, как нам подсказывало сердце, ибо Аллах сказал: «Куда бы вы не повернули ваши лица, это будет место, которым доволен Аллах». Мы не свернули с пути Аллаха, который дал нам ислам и иман. Мы воздавали хвалу Аллаху, тому, что Он уготовил нам за все наши испытания. Ибо Аллах сказал: «Те из вас, кто был изгнан из Мекки в Медину, кого заставили покинуть свои дома, те, кто были измучены на Моем пути, убитые из вас, все грехи ваши будут искуплены Мной, и приготовил Я для вас райскую обитель». Будем надеяться, что мы окажемся в числе тех, кого Аллах одарит Своей милостью. Все мы возвратимся к Нему.

Перевод с чеченского на арабский язык сделан в Сибири в 1281 году, записан в 1288 году от рук переводчика в селении Раъсул-айн.

За этим следуют ответы Устаза.

Устаз (Да освятит Аллах его таинство!) ответил на четырнадцать вопросов Абдуссалама

Бисмиллах!ир-рахъманир-рохийм!

Перевод: Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Хвала Аллаху, что создал своих рабов мусульманами, мир и приветствие Его верному Пророку и асхабам!

Когда мы были вдаль от своих домов и родных и мне посчастливилось провести время рядом с Хаджи, я начал извлекать из этого пользу, начал спрашивать и записывать его проповеди и учения. И в непогоду, и в темные ночи я держался рядом с Хаджи, становился за ним на молитву, делил с ним трапезу. Аллах поставил меня на место его брата. Это тебе (а ты бери, мюрид) последняя часть его учений, которые я записал от него. Это вопросы, которые я задавал ему и его ответы на них. Я записал это, чтоб его мюриды знали, что он был Камил-Устазом, Вели Аллаха. Я назвал эту главу «Ответы Устаза, который распространяет ислам на вопросы мюридов, которые хотят познать ислам». Если в переводе я допустил ошибку, пусть простит меня Аллах! Я задал Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) четырнадцать вопросов, и он мне на них ответил, как его вразумил и направил Аллах.

Первый вопрос

О любви к Всевышнему Аллаху

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Всевышний Аллах в своем слове говорит о любви к Себе так: «Мои рабы не любят меня так, как надо. Некоторые из них выбирают земные блага, нежели меня. Когда в

пшеницу забредает скотина или зверь и хоть немного съедают его, хлебороб проводит много бессонных ночей, охраняя свои угодья. А когда из отары волк уносит хилого козленка, пастух тоже отходит ото сна и стережет свое добро. Но очень мало тех, кто ради Меня проводит бессонные ночи и поклоняется Мне, стараясь угодить Мне». А искренна ли наша любовь к Аллаху, если нам он не дороже горсти зерна или козленка?! Нет, не искренна! «И после всего этого ты увидишь, как они не берегут мое имя, как зовут Меня в грязные места. А грязные места – это те места, куда нельзя меня звать, упоминать (здесь говорится о том, что нельзя взывать к Аллаху, наполнив чрево запретной пищей). И тот, кто зовет меня в такие места, пусть сначала поставит себя на мое место. Понравилось бы ему стоять рядом с нечистотами и вдыхать их вонь? И тогда он поймет, что та же самая вонь исходит из его чрева, наполненного запретной пищей, добытой обманным путем. И что Мне не нравится вонь от сердца, загубленного низкими, мерзкими деяниями. Первый долг раба Аллаха – это очищение своего сердца, своего нутра от всего запретного, а потом углубиться в упоминание Аллаха. И тогда он, без сомнения, найдет его в своем сердце, ибо Всевышний Аллах находит покой только в сердце своего раба». Спешите, братья мои, очистить свои сердца, чтобы достичь желаемого». Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Всевышний Аллах говорит: «Я – Князь князей, Царь царей, и жизнь каждого тирана в моих руках. А мои рабы боятся не меня, а этих тиранов. Когда деспот издевается над ними, надругается над их женщинами, склоняет к запретному, отторгает от обязательного, они радеют в подчинении ему, восхваляют его. А когда среди них появляется мой овлия, чтоб направить их на путь истины, они глумятся над ним, отрицают его, не следуют за ним. Если бы они боялись меня и чтили мое могущество, они не поступали бы так с моим рабом. Клянусь своим Величием, что тот, кто издевался над моим овлия, будет заблудшим и в неведении. И они узнают, кто из них силен – мой овлия или тиран». Пусть Аллах причислит нас к тем, кто внимает его слову! Аллах близок тому, кто взывает к нему и отвечает на наши молитвы.

Второй вопрос

О близости к Аллаху

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Когда раб Аллаха поворачивается к нему, отвернувшись от всего мирского, когда он упоминает Аллаха, то шайтан, которого Аллах отдалил от себя, берется за него, он строит свои козни, своей хитростью и изворотливостью вводит в заблуждение. И в это время раб Аллаха в большой опасности, и он должен говорить: «Я выбираю не рай и не ад, я не ищу величия и сияния, я выбираю Всевышнего Аллаха».

И если он сумеет стоять на этом, он победит шайтана. И шайтан будет в печали, потому что этот человек сумел не только уйти от него сам, но и

в силах уберечь своих братьев. А шайтан больше всего старается развратить именно верующих, поклоняющихся. Но когда раб Аллаха преодолевает эти испытания, шайтан отходит от него, отворачивается, потому что знает, что здесь уже бессилен, что через этого раба он не может приблизиться к Аллаху. И в это же время раб Аллаха очищается от всего плохого, пагубного, душа прозревает, и он видит степени своего Устаза, степени устазов своего Устаза, и так до степеней Пророка. И насколько он приближается к Пророку (Да благословит его Аллах и приветствует!) настолько же приближается и к Аллаху. И тогда ему открываются сияния Аллаха, которые невозможно сравнить ни с чем. И Аллах спрашивает своего раба: «О Мой раб, что мешало тебе приблизиться ко мне, ты ступал перед Моим величием, или тебя не подпускали мои стражи, или дело было в тебе?» И раб признается, что причина была в его недостаточном радении. И тогда Аллах надоумит его спросить, в чем причина благоденствия и несчастья раба Аллаха. Аллах ему скажет: «О мой раб, если ты просишь у меня довольствия и величия в этой жизни, знай, что ты уже несчастлив. А если ты просишь благоденствия в ахирате для себя и всей уммы Пророка (Да благословит его Аллах и приветствует!), то это постоянное благоденствие». И тогда этот раб просит, как ему велит Аллах, и Аллах своим Величием и Щедростью отвечает ему. И после он четыре раза говорит: «Ла иллаха иллаллах», поворачиваясь на все четыре стороны света. И видит, как сияние этих слов восходит к Аллаху, подобно тому, как видим месяц в полнолуние. И воздаяние за это он посвящает всей умме Мухаммада, просит прощения их грехов, и, воистину, Аллах их прощает. А после он слышит голоса ангелов, их зикры, тасбиhi, азаны, это степень пророчества, но после Пророка Мухаммада (а.с.с.) этой степени никто не достигнет. И если раб предстанет перед Аллахом как Вели, Аллах направляет его в море благоденствий Пророка (а.с.с.), и он находится под опекой Пророка (а.с.с.). Этой степени достигает тот, кто приблизился к Аллаху. И тогда он может распознать свое состояние и рассказать о нем».

Третий вопрос

О величии вирда и зикра и о воздаянии за зикр

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Самый лучший из вирдов – это тот вирд, в котором исполняется зикр, сто раз произнося «Ла иллаха илла-ллах». А до этого надо пятнадцать раз произнести «Астафируллах», а после четыре раза произнести слова салавата (Аллахума соли ала Мухаммадин ва ала али Мухаммадин ва саллим). И воздаяние за это надо посвятить Пророку Мухаммаду (а.с.с.), своему Устазу, и всем устазам и овлиям, которые между ними. Потом опять произносят салават, чтобы его количество достигло пяти, а затем читают суру «Фатиха». На втором месте вирд, в котором сто раз произносишь «Ла иллаха илла-ллах», а «Астафируллах» и салават не произносишь, но завершить надо этими

словами: «Ла иллаха илла-ллах Мухаммадар Расулуллах, саллаллаху алайхи ва саллам». И воздаяние за это посвятишь Пророку Мухаммаду (а.с.с.), своему Устазу и своим родителям. И после этого скажешь: «Всевышний Аллах, награди их добром Твоей милости, баракатом Пророка (а.с.с.) и Устаза». А после надо произнести слова салавата и прочесть суру «Фатиха». Про этот вирд Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал так: «Я слышал от Аллаха, что если после каждой обязательной молитвы сто раз произнести «Ла иллаха илла-ллах» и воздаяние за это посвятить своим родителям, то будет освобожден от трудностей Судного дня». Лучшим из вирда и зикра и следующее: «Субханаллахи, Валхамдулиллахи, ва ла иллаха иллаллаху, Валлаху акбар, ва ла хавла вала, куввата илла биллахил алиййил азийм». Совершение зикра и вирда не ограничено, мюрид может их совершить, сколько он может. И если он не может полноценно совершить первый вирд, то его дополнит второй. И если он не может считать сколько раз произнес «Ла иллаха илла-ллах», не имея под рукой четок, или из-за нехватки времени, то он может про себя считать и когда ему покажется, что дошел до ста, то можно завершить зикр, А если у мюрида остались несовершенные вирды, то их можно восполнить, если пятнадцать раз произнести «Астагфируллах» и пять раз произнести слова салавата. И посвятить воздаяние за это он может так: «Воздаяние за это я посвящаю Пророку Мухаммаду (а.с.с.), своему Устазу, и всем устазам и овлия, которые между ними. Всевышний Аллах, награди меня добром Твоей милости, баракатом Пророка (а.с.с.) и Устаза. А воздаянием, которое я получил баракатом Пророка (а.с.с.) и Устаза, я поделюсь с теми, кто нуждается в моем барака-те». Это можно сказать на арабском языке, если кто владеет им, а если нет, то можно на доступном ему языке. Воздаяние от чтения Корана, совершен- ния зикра надо посвятить так: «Всевышний Аллах, воздаяние за свое по- клонение я посвящаю Тебе, Твоему Пророку (а.с.с.), своему Устазу, отдаю на ваш беспристрастный суд, ибо Вы справедливые из справедливых». Придерживайся этого пути, сын мой, и Аллах направит тебя!»

Четвертый вопрос

Об избрании Устаза и произношении тоба

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Избрание Устаза – это произношение тоба. Взяв за руку Камил-Устаза, о котором мы говорили в начале нашего рассказа, или его векила, или же векила его векила, мюрид избирает себе Устаза, чтоб облегчить себе путь к Аллаху и его Пророку (а.с.с.). И доверят свои земные и вечные дела ему. Нельзя избрать давно умершего человека Устазом, если между вами нет его последователей-мюридов, его векила. Когда избираешь Устаза, надо на доступном тебе языке сказать: «Всевышний Аллах! Я признаюсь в своем бессилии дойти до уровня Твоего и Твоего Пророка (а.с.с.). Я точно знаю, что этот мир – нива

для ахирата, и что там мы будем пожинаать то, что посеяли в этом мире. Я верю, что Устаз, которого я выбираю, близок Тебе, и люди свидетельствуют об этом. Всевышний Аллах, я выбираю его посредником между Тобой и мной. Ты укрепи меня в этой вере».

Пятый вопрос

О наиболее близком пути к Аллаху

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Я постиг все пути приближения к Аллаху, и наиболее близким из них оказался – произнесения «Ла илаха иллаллах». И в силу своей возможности я искал ключ к благоденствию Аллаха и нашел его в том, чтоб отречься от всего, кроме Аллаха. И когда я пошел по этому пути, я нашел этот ключ перед собой. И как бы не искал раб своего Повелителя (Аллаха), он не найдет его, если не посмотрит в свое сердце. И если он Его поищет там, очистив свое сердце, он Его найдет, без сомнения. Да причислит нас Аллах к тем, кто покорны ему!»

Шестой вопрос

Об источниках добра

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!), взяв меня за плечи своей святой рукой, сказал: «Если ты почувешь аромат дыни (без видимой причины), знай, что это от Абу-Бакра Сиддика. Если ты почувешь аромат миска – это от асхаба Умара (Да будет доволен им Аллах!). Запах яблок – от Турпал-Али. А дурманящий аромат – от Посланника Аллаха (Да благословит и приветствует его Аллах!). Голоса, которые нам чудятся в доме и на просторах, – голоса ангелов. Их слышит только тот, чья душа свободна от глухоты невежества.

Это истина, которую я узрел. Сохрани ее, сын мой, и Аллах направит тебя на путь истинный».

Седьмой вопрос

О ценности салавата (восхваления Пророка) (Да благословит его Аллах и приветствует!)

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Когда настанет Судный день и всех нас поднимут на суд Аллаха, только Посланник Аллаха (Да благословит и приветствует его Аллах!) может за нас заступиться, и все, в надежде на заступничество, будут свидетельствовать, что принадлежат умме Посланника Аллаха (Да благословит и приветствует его Аллах!). Тогда будут проверять языки свидетельствующих, и если язык белый – примут его свидетельство, а если нет – не примут, потому что язык того, кто хоть

раз произнес слова «салавата», будет белее снега». Этот рассказ убеждает нас в том, насколько ценно произношение «салавата». И в подтверждение тому приведем еще один рассказ Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!): «В давние времена один человек со своим сыном направлялся в Мекку совершить хадж. В пути он умер, не имея рядом никого, кроме сына. Лицо покойника превратилось в рожу свиньи. Сын в глубокой печали плакал, пока его не сморил сон. Во сне он увидел прекрасного человека, который подошел к его отцу и провел рукой по его лицу. Лицо покойника обрело прежний вид. Обрадованный сын вцепился в полу незнакомца и попросил: «Скажи мне, кто ты?» «Я Посланник Аллаха Мухаммад. Пришел на помощь твоему отцу, который вредил себе, из-за того, что раз произнес слова «салавата», – ответил ему незнакомец. Сын проснулся и увидел, что лицо отца приняло прежний вид. Он начал восславлять Аллаха и Его Посланника (Да благословит и приветствует его Аллах!). Похоронив отца, он продолжил свой путь в Мекку и Медину. Когда он делал «таваф» (обход вокруг Каабы), на каждом шагу произносил слова салавата. Один из паломников спросил его: «Молодой человек, ты почему на каждом шагу произносишь слова салавата, или ты не знаешь, что у каждого места тут произносят соответствующую дуа?» Мальчик рассказал про случай с отцом, и тот одобрил его действия».

Восьмой вопрос

О поклонении Аллаху вдали от дома (в Мекке)

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «В день Арафа Аллах, смотря на своих рабов, говорит своим ангелам: «О, мои ангелы, посмотрите на Моих рабов, которые собрались со всех сторон мира, оставив свои дома и своих родных, чтобы угодить мне. Я беру вас в свидетели, о мои ангелы, и, воистину, Я прощаю им их грехи, за то, что они проделали этот долгий путь».

О тайном поклонении Аллаху Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал так: «Когда в ночное время раб Аллаха, оставив теплую постель, натягивает на себя одежду и готовится к намазу, Аллах говорит своим ангелам: «О мои ангелы, вы посмотрите на моего раба, на его красивое поклонение, все это он делает только для того, чтоб угодить мне, его сейчас не видит никто, кроме Меня и Моих ангелов. Вы свидетельствуйте, что Я простил все его грехи и ответил на его молитвы».

Это свидетельствует о ценности тайного поклонения Аллаху. Разумный пусть зрит ценность этого, и поклоняющийся пусть поклоняется так.

Девятый вопрос

О красоте ахирата и прелестях рая

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Вы посмотрите на этот мир, который Аллах поставил на вес комариного крыла. Он сказал, что земля наша будет дикой, необитаемой, а вы задумываетесь о его красоте, вы любите этот мир. А о красоте ахирата вы и не задумываетесь. В Священном Коране об ахирате сказано так: «Воистину, ахират – это значит быть живым всегда. Пусть они знают об этом». Есть и другие аяты. Вы думаете, что после этого аята есть слова, чтобы передать красоту ахирата? Нет, и мы ограничимся следующим аятом: «Обитель богобоязненных рабов будет благодатной». Пусть Аллах причислит нас к тем, кем Он доволен. Аллах все слышит и отвечает на молитвы!»

Десятый вопрос

О тех, кто будет в благоденствии в той жизни и кто будет несчастлив

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Когда душа раба Аллаха покидает его тело, ангелы показывают ему книгу его деяний, и если он сможет прочесть, то он причисляется к тем, кто в той жизни будет в благоденствии, а если не сможет прочесть, если он путается, то он с теми, кто несчастлив в той жизни. Пусть Аллах своим величием и добротой ответит на наши молитвы и присоединит нас к тем, кто в той жизни будет в благоденствии!»

Одиннадцатый вопрос

О заложниках, которые в руках неверных и злоумышленников

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Аллах своей щедростью наградит заложников и пленников той же милостью, что и овлия, малых детей, паломников, и той же милостью, что и за суннат-поклонение, если они умом и сердцем признают Аллаха Единым, а Мухамадда – Его Пророком, но не в силах поклоняться Ему. Умом и сердцем признавать Аллаха Единым, а Мухамадда Его Пророком – обязанность каждого мусульманина, даже если они не могут или боятся показать свое поклонение. А тот, кто отвернулся от этого, будет несчастлив и в этой и в той жизни».

Двенадцатый вопрос

О произношении дуа живыми в пользу умерших

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Ангелы душам умерших мусульман за месяц вперед приносят весть о том, что к их могилам придет брат-мусульманин. Эта весть приносит им большую радость. Когда брат-мусульманин подходит к их могилам и читает за них дуа, Аллах прощает им их грехи, умножает их добрые деяния, потому что дуа была искренней и чистой, не ради земных благ – не могут же души умерших воздать за земные труды».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если оба или один из родителей умирает, не простивши своего ребенка или будучи им недовольным, а ребенок помолится за них, попросит у Аллаха прощения их грехов, то Всевышний простит их грехи ради молитвы ребенка, и родители простят своего ребенка и будут им довольны. Таким образом он добивается довольствия Аллаха и своих родителей. А если чадо далеко от веры, им будет недоволен и Аллах, и родители. Если ребенок при жизни огорчал своих родителей, не слушался их, то его долг – раскаяться, просить прощения за свои грехи, молиться за своих родителей. Ты придерживайся этой заповеди, сын мой, и Аллах направит тебя на путь истины!»

Тринадцатый вопрос

О сновидениях

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Некоторые сны – от Аллаха, а некоторые – козни шайтана».

И после этого Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) нам рассказал, как видел во сне Аллаха: «Я видел во сне Аллаха. Это было в месяц рабиуль-ахира, в пятничную ночь, когда две третьих ночи уже прошли. Аллах мне сказал: «Многие алимы Дагестана насмеваются надо Мной, над Моей религией, над Моим Пророком. Они оскверняют Мое слово. Им кажется, что Мы над ними бессильны. С них будет спрос за все, что они сделали с тех пор, как Шамиль стал имамом, их ждет неминуемая кара за то, что они помогли неверным в разрушении религии. Все их деяния учтены, у них не будет времени на оправдания, хотя в этом мире у них это время есть. Аллах не забывает об их деяниях».

И Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) рассказал нам о толковании сновидений: «Упасть в грязь – значит попасть в руки злоумышленников, а выбираться из грязи – высвободиться из их рук. Если проснуться, не успев выбраться из грязи, означает погибнуть из-за них. Сесть на неоседланного коня – значит быть ленивым в исполнении вирда. Сесть на хилого коня – значит быть слабым в религии. Сесть на серого коня – значит быть сильным в религии. Сесть на красного коня – значит провиниться перед Аллахом.

Сесть на черного коня – кара Аллаха. Сесть на серую лошадь – жениться на хорошей женщине. Ловить рыбу – свататься к хорошей женщине. Убить лису – освободиться от чьей-то хитрости. Просто видеть лису – помочь хитрым людям. Убить змею – от плохих привычек перейти к хорошим... то же самое, что видеть и белую змею. Видеть змею на столе или в посуде – плохие привычки жены. Видеть змею во дворе – вред скоту при содействии безбожника. Укус черной собаки – много грехов человек, которому приснился такой сон, должен увеличить поклонение Аллаху и добрые дела. Укус белой собаки – очиститься от грехов и хитрости. Укус змеи – плохие привычки перевешивают хорошие. Есть свинину – есть запретное. Есть дыню – к болезни. Есть мед – углубиться в хакикат. Пить молоко – углубиться в тарикат. Носить черную одежду – углубиться в печаль. Купаться в чистой воде – очищение от грехов. Заходить в мечеть – углубиться в религию. Видеть ягненка или козленка – водиться с безбожниками. Видеть пахоту – крестьянин умрет. Белые быки на зеленой траве в солнечный дождь – смерть человека, которого в ахирате ждет большое добро. Черные быки на сухой траве – смерть безбожника. Вращающаяся мельница – твои молитвы приняты. Приподниматься во сне – ошибка, хоть и незначительная. Затмение солнца или луны – опасность для праведных. Видеть, как на тебя снег ложится – печаль, тоска. Море – христианство. Солнце – устяз. Зеленые деревья – праведные люди. Высохшие деревья – безбожники. Дождь – милость. Овцы – приверженцы тариката. Другая живность – приверженцы шариата. Читать весь Коран – благоденствие в том мире. Если сон приснился утром или ближе к рассвету, то он сбывается скоро, а если ночью – то нескоро. Все хорошо знает Аллах!»

Четырнадцатый вопрос

О неиспослании беды и об избавлении от нее

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) говорит: «Когда земля расцветает в своей красе, зреют плоды, Аллах говорит своим рабам: «О, мои рабы, эта чаша моих яств, вы ешьте из него и благодарите Аллаха. Вас не постигнет ни одна из бед, будь то засуха, враг, похожий на саранчу, или потоп, пока вы не перестанете благодарить меня (Аллах не отбирает у нас ничего, пока мы сами не навредим себе)».

Хаджи говорит об избавлении от беды так: «Я услышал от Аллаха, что ради избавления от беды раб должен держать уразу, раздавать садаку. Они избавятся от беды, если очистят свои тела и души от греховного. На них низойдет благодать Аллаха, если они поспешат обрадовать Аллаха милостыней и уразой, милостыня предотвращает беду, засуху, а ураза встает завесой между тобой и бедой. Взывайте к Аллаху, очистите ради Него религию Дуа – наше оружие. Во власти Аллаха победить врага своих рабов ураганами, наводнениями, пожарами. Вся помощь – от Аллаха, Он всемогущ».

Абдуссалам (Да смилостивится над ним Аллах!), который перевел эту книгу, говорит: «Закончились яркие проповеди от Вели Аллаха. Проповеди Хаджи, который постиг тайну науки сближения с Аллахом, записаны в 27 дня месяца Рамадан 1288 года в арабском городе Раъсул-айн рукой бедного раба Аллаха, который надеется на милость Аллаха через своего Устаза и Пророка Мухаммада и на исполнение своей мечты – что его последнее слово в этом мире будет «Ла Илаха Иллаллах». Да смилостивится Аллах над Пророком Мухаммадом, его родными, асхабами и всей уммой Пророка».

Рассказ про Рабиатул Адвиййат

Когда муж Рабиат умер, овлия Хасанул-Басри и его товарищи попросили разрешения посетить ее. Она села за занавеской и приготовилась их выслушать. Они ей сказали: «Твой муж умер, и ты не можешь так жить». «Это правда, – ответила Рабиат. – Тогда я согласна быть женой того из вас, который лучше знает». Посетители сказали, что лучше всех знает Хасан. «Если ты ответишь на мои четыре вопроса, я соглашусь выйти за тебя», – сказала женщина. «Спрашивай. Если Аллах даст разум, я отвечу», – сказал Хасан. «Я умру праведной или нет?» – спросила Рабиат. «Это тайна. Это может знать только Аллах», – сказал Хасан. «Когда меня положат в могилу и Мункир с Некиром станут допрашивать, я смогу им ответить или нет?» – опять спросила женщина. «Это тоже тайна, которую может знать только Аллах», – сказал Хасан. «Когда в Судный день нас поднимут на суд, книгу моих деяний мне передадут с правой стороны или левой?» – спросила Рабиат. «Это тоже тайна Аллаха», – ответил Хасан. «Когда нам скажут, вы идите в рай, вы – в ад, я с какой группой буду?» – спросила Рабиат. «И это тоже тайна Аллаха», – ответил Хасан. «Как может человек, который опечален этими четырьмя вопросами, пытаться жениться? – сказала Рабиат. – Хасан, расскажи мне, на сколько частей разделил Аллах разум?» «На десять частей. Из них девять частей досталось мужчинам, а одна часть – женщинам». «Хасан, на сколько частей Аллах разделил желание тела?» «На десять. Девять частей – женщинам и одна часть – мужчинам». «Хасан, если одной частью разума я смогла подавить девять частей желания, у тебя не хватает сил, чтоб девятью частями разума подавить одно желание?» Хасан в слезах ушел от нее.

(Этот рассказ Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) отметил, когда рассказывал каким должен быть Вели Аллаха)

Письмо сына Джамаллайлы Сайд-Селима из Мекки всем алимам Дагестана и мюридам Хаджи

Да будет вам свобода от Аллаха! Да сбережет вас Аллах от невзгод времени! Мои братья по вере, внимательно слушайте, о чем я говорю вам в этом письме. В пятничную ночь я видел во сне Пророка (а.с.с.), а с ним

рядом был Хаджи из Илсхан-Юрта. Пророк (а.с.с.) мне сказал: «О мой сын (Сайд-Селим), этот Шейх – предводитель этой эпохи в кадырийском тарикате. В это время нет похожего на него шейха, а овлия его уровня». По правую сторону Хаджи сидел его мюрид и муршид из Андов Умар-Хаджи. И еще говорит мне Пророк: «Твой долг, сын мой, передать народу, что этот шейх их предводитель. Ты знай, сын мой, что алимы Дагестана в сомнениях, что он жив. Но Шейх жив, позже он им и явится. Сын мой, твой долг передать им эту радостную весть». Я пишу вам эти слова и клянусь Аллахом, что ни в одном моем слове нет лжи. Если вы мусульмане и верите, что Аллах един, не отрицайте этого шейха и его тарикат. Пророк мне сказал, что если они, отрицая его, будут кружиться в зикре, то не будет от этого прока, не из его они уммы. Эти слова из уст Пророка. Я молитвенно завещаю вам это, я ваш брат Сайд-Селим.

И еще сказал мне Пророк: «Эртана, место захоронения матери этого шейха, – священное место. Тот, кто хоть раз посетил ее зиярат, не испытает мучений в могиле, его не будут допрашивать два ангела, перед ним откроются двери восьми рая, закроются двери семи ада. Шейхи Мекки каждый год посещают ее зиярат». Хвала Аллаху, и салам-салават его Пророку, дому пророка и его асхабам.

А после Вели Аллаха Киши-Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Всевышний Аллах сначала создал души людей и джиннов, землю и ахират со своей красотой. Затем был предоставлен выбор душам (и людям, и джиннам), некоторые души выбрали этот мир, некоторые ахират, а некоторые, оставив и этот мир, и ахират, выбрали Аллаха. Они сказали: «Всевышний Аллах, мы выбираем тебя! Мы любим Тебя!» Всевышний Аллах им сказал: «Вы выбрали Меня, оставив ахират и этот мир. И мое вам слово, вы не попросите у меня ничего, что я вам не дал бы. И вы будете предводителями для остальных в этом мире и ахирате». И когда эти души расставались, к ним потянулись некоторые из первых двух групп, это их мюриды. Человек, чья душа выбрала этот мир, сколько бы он ни старался, не будет в ахирате благоденствовать, а тот, чья душа выбрала ахират, не будет в этом мире в довольствии».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Есть **шесть** вещей, которых не может не придерживаться человек. Три из них указывают на то, что мюрид единоклубен со своим Устазом:

1. Оберегать язык от сплетен (не говорить о пороках мусульманина).
2. Очистить душу от зависти.
3. Принять до глубины души слово своего Устаза, быть им довольным.

И вместе с этим он (мюрид) должен выполнять все парзы (обязательства) Аллаха, следовать вирду Устаза, а об остальном позаботится Устаз.

А три вещи указывают на то, что мюрид отвернулся от своего Устаза:

1. Если мюрид не уважает и другого Устаза, если он отрицает его наличие, то есть опасность для мюрида отойти от своего Устаза, потому что долг мюрида – чтить всех устазов, так же как своего.

2. Если мюрид не любит мюрида другого Устаза, есть опасность отойти от своего Устаза.

3. Если мюрид слышит, как другие плохо говорят о его брате-мусульманине, но при этом не останавливает их, если молча будет их слушать, он тоже является их товарищем. И для этого мюрида есть опасность отойти от своего Устаза.

Два брата по вере похожи на две руки (рука руку моет). Обязанность каждого мусульманина – не думать о брате по вере плохо, долг каждого мусульманина – отвести своего брата по вере от плохого».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если вы хотите знать, что делает Устаз, когда умирает его мюрид, и когда его допрашивают ангелы, то знайте, если даже одновременно умирает тысяча его мюридов, то в силах Устаза с помощью Аллаха держать головы своих мюридов на коленях, чтобы они отдали душу, будучи в вере. А если это не в силах Устаза, то он не достоин им называться».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) еще сказал: «Воистину, Устаз тот, который отвечает за своего мюрида, когда его допрашивают ангелы. Ангел, уносящий души, не приблизится к мюриду, пока Устаз не встанет рядом со своим мюридом. И Устаз будет оберегать своего мюрида до самого Судного дня».

И еще Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если кто-то хочет знать, полна ли его вера или нет, пусть он посмотрит на себя. Если он не смешивает свою чистую речь с лживыми речами, и если слушатели ему верят, то его вера полна, ибо это признак его полной веры. А если он свою речь разбавляет лживыми словами, чтобы выставить себя в глазах слушателя правдоподобным, это признак неполноценной веры. И если он не отрекается от запретного: еды, питья, разговоров, это тоже признак неполной веры. И если он не доволен тем, что имеет, это тоже признак неполной веры».

И еще сказал Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!): «Воистину, если мюрид отрекся от своего Устаза с целью перейти к другому Устазу, но потом вернулся к нему, то Устаз не примет его, он не будет считать его своим мюридом, даже если он будет с ними тысячу лет. А если он отвернулся от своего Устаза, обманутый шайтаном, но проснулся и раскаялся, то Устаз примет его тоба (раскаяние)».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если кто-то двести лет поклонялся Аллаху, но потом провинился, и если он двести раз произнесет «Субханаллахи, валхамдулиллахи, ва ла илаха иллаллаху валаху акбар, вала хавла вала куввата илла биллахил алийил азийм», то Аллах зачтет его поклонение и воздаст ему со своей щедростью».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Один из двух людей с легкостью войдет в рай и один в ад из-за приятных им самим незначительных вещей. Первый – из-за любви к мюридам, совершающим зикр, хотя сам он не из них. По этой причине он войдет в рай. Второй – алим, который

большую часть жизни отдал науке, но издевающийся над мюридами, совершающими зикр. По этой причине он попадет в ад».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Другие устазы разрешили своим мюридам совершить вирд раз в сутки, а я своим мюридам не разрешил это. Я наказал своим мюридам совершить вирд пять раз в сутки, после каждого обязательного намаза, потому что когда мюрид воздаяние за свой вирд посвящает Пророку и устазам, они говорят: «Счастье тому-то, сыну того-то, он посвятил нам воздаяние от вирда». И они видят нас так, как мы видим ладони своих рук. И я хочу, чтобы они видели моих мюридов пять раз в сутки».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Когда мусульманин выходит, чтоб навестить своего брата-мусульманина, Аллах приписывает воздаяние за каждый шаг его правой ноги, а с каждым шагом левой ноги прощает его большие грехи. И земля, по которой он пошел к своему брату, толщина которой путь протяженностью в пятьсот лет, сияющим столбом встанет на свидетельство. И когда он выйдет от своего брата-мусульманина, будет чист от грехов, как младенец».

Два шейха, Хаджи и Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах их таинство!), сказали: «Тот, который имеет родство с одним из нас, будет иметь родство с обоими. А если он не имеет родство с одним, то не будет иметь и с другим».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если Аллах и создал меня и его (Зандакского Хаджи, Да освятит Аллах его таинство!) в двух телах и дал нам по одной душе, но он и я как одна плоть, и тот, кто разделил нас, не со мной и не с ним».

Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Знайте, Устаз очищает для своего мюрита дорогу к Аллаху в Судный день».

Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах его таинство) сказал: «Когда мюрид умирает и его кладут в могилу, к нему приходят два ангела в обличье его Устаза или Пророка Мухаммада (а.с.с.). И пусть мюрид не боится, за него отвечает его Устаз. Он говорит: «Я отвечу за него», – и свидетельствует, что он умер в вере. Тогда ангелы возвратятся назад с книгой свидетельства его Устаза. А после могила мюрита озарится светом и ангелы унесут его душу в место под названием иллийина (место, куда собирают души благоденствующих). Да причислит Аллах нас к этой группе!»

И еще Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) в подтверждение связи мюрита со своим Устазом сказал: «Если мюрид увидит старшего, пусть он посчитает его выше себя, потому что он старше него и познал Аллаха и его Пророка (а.с.с.) раньше него, и из-за того, что он ближе к эпохе Пророка (а.с.с.). Если мюрид увидит младшего, пусть он посчитает и его выше себя, потому что он младше него и грехов у него меньше, и ему посчастливилось родиться в эпоху, когда величество Пророка (а.с.с.) возросло. А величество Пророка (а.с.с.) возрастает с каждым днем».

Также Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если в пути вам встретится женщина, вы не отворачивайтесь от нее, не здоровавшись, ибо вы обидите ее, если она доводится родственницей. И даже если она вам не родственница, не отворачивайтесь, не здороваясь, ибо вред от этого больше, чем от того, что вы причините, посмотрев на нее».

И еще Зандакский Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Аллах создал ангела Исрапила таким большим, что если бы записать весь Коран на его лбу, то он поместился бы в одну строчку. И когда раб Аллаха говорит «Астагфируллахи, субханаллахи, валхамдулиллахи ва ла илаха иллаллаху валаху акбар», – этот ангел окунается в море. А когда он скажет: «Ва ла ховла вала кувата илла биллахил алиййил азийм», – ангел выходит из моря и встряхивается. И равно каждой капле воды, спадающей с него, Аллах создает ангелов, которые до наступления Судного дня просят прощения грехов раба Аллаха.

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «За того, кто от рассвета и до зенита упоминает Аллаха, кто бы он ни был, просит прощения все, что освещает солнце, и само солнце свидетельствует, что этот раб Аллаха много упоминал Аллаха, и тогда Аллах освобождает его от тягот Судного дня».

Также Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «В один день сидел я с Пророком (а.с.с.). И Пророк (а.с.с.) спросил меня: «Есть ли среди вас мой шариат?» «Есть», – ответил я. «Как вы относитесь прошлому?» «Мы не принимаем его за своего, не даем ему надела, считаем его не своим. А он просит, чтоб ему дали хоть немного земли. Иногда ему оказывают милость, дают немного земли, если остается после сева, а если не остается, то на его просьбу и внимания не обращают».

Пророк (а.с.с.) сказал мне: «Это не мой шариат. Мой шариат – и коренной, и пришлый – одинаково пользуется землей».

Пророк (а.с.с.) спросил меня: «Что вы делаете, когда на ваш надел забредает скотина?» Я ответил: «Мы изгоняем ее, избивая палкой или закидывая камнями». Пророк (а.с.с.) сказал: «Это не мой шариат. Правильно будет, если хозяин надела изгонит ее, не избивая, не проклиная ее хозяина. Этот человек в Судный день найдет меня, встретит меня довольным им, и не видя трудностей Судного дня, он будет под моим знаменем».

Также Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «В селении Цоцан-Юрт в доме Гомы ко мне подошел один человек и спросил: «Хаджи, я хочу повязать на свою папаху чалму. Можно ли это?» Я сказал: «Ты сначала повяжи на свое сердце чалму богобоязненности, и когда ты убелишь ее светом веры, украсишь красотой ислама, защитишь свое сердце от козней шайтана, вот тогда и можешь повязать голову чалмой. А если дело обстоит не так, если голова твоей души обнажена, а папаху обвязана чалмой, если ты сделал это, чтобы выделиться в толпе, то Аллах отвернется от тебя, и тебе воздастся по твоим намерениям».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Тот, кто сменил свой гнев на милость, простил своего обидчика, произнеся сто раз «Ла иллаха илла-ллах», и воздаяние за это посвятил своему обидчику – это и есть искренний раб Аллаха».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) спросили о слове улемов, в котором говорится: «Воистину, никто не достоин называться Вели Аллаха, если он не может ответить на вопросы всех четырех мазхабов».

Хаджи ответил: «Яркий пример тому – наш Пророк (Да благословит и приветствует его Аллах!).»

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если два брата-мусульманина при встрече обнимутся и поздороваются со словами «Бисмиллахиррохманиррахийм», а расстанутся со словами салавата, то на них не останется греха размером даже с маленького муравья».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если мюрид, которым мы довольны, проведет рукой по могиле и прочитает суру «Фатиха», то, клянусь Аллахом, покойника не постигнет то, чего он боится, и не будет для него вреда».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Керим из Гуннов, дай я научу тебя одной вещи». Карим ответил: «Научи».

Хаджи (Да освятит Аллах его таинство!) сказал: «Если ты хочешь огрaдить покойника от тяжелой участи, скажи 15 раз «астагфирулла», сто раз «ла иллаха иллаллах» и посвяти воздаяние за это покойнику, клянусь Аллахом, покойник избавится от трудности Судного дня».

ИЛСХАН-ЮРТАРА ХЪАЖИЙ КЪАМАБЛАШ

(на ингушском языке)

БисмиллахІир-рохъманир-рохъийм

Илсхан-юртара Хъажа (КъоддасаллоахІу асрарахІу), Дала къайле цІеніойла цун ваьв 1800-ча шера, Нохчий мехка. Хъажа Илсхан-юртара ва. Цун Да Киши ва, наьна цІи Хаьди я. Киший зерат Илсхан-юрта да. Цун наьна хъади Эртан тІа дІаелла йоал. Цунзерат Эртан Корте да.

Илсхан-юртарча Хъажий (Къ. а.) къамаьлаш хъагулдаь да. Цун къамаьлаш вай мехка хъаденараш, Даьла (Іазза ва жалла) кхеле дъабийрзаб. Даьла (Іазза ва жалла) гешт долда царна. Уж ба Пхъилекъонгий – юртара КІане лумма, Онгаштарра Зархмат, Эке Іумар, Сосаркъий Ама, Элбазара Іабдурахъман, Наьсар-Кертера Пудберд, Эде Шайх, ишта кхъебараш, цар массарий цераш яькха, варгвац. Веза – Сийлахъ волча Дала (Іазза ва жалла), бийрза моттиг Ялсамале иойла цар. Устаза къамаьл дора цар, Устаза дІатІакхаччалца вувцар волаш.

Илсхан-юртарча Хъажий (Къ. а.) къамаьл деррига гулдаь варгвац АллахІ (Іазза ва жалла) воацар. ХІаьта а цун бух боацача Іилман фордах цхъа кІеззига дакъа гулде аьттув баьлар тха. ХІанз вай тІехъа Іодувцаш дола Устаза, къамаьл вайна дийцараш ба: – Салгхой Зайнал-Іабид, ЦІечой Ювсап, Захе Ілез, Хъулхой Ідрис, Карабулакера Хамхой Хъамид, Паше Мухъаммад, иштта кхыбараш.

Къамаьл хъагулдаьр – Мухъаммад ва, Іабдурахъмана воІ.

Дала (Іазза ва жалла) лорадолда вай ший дош лакхадаккхар духъа Устаза (Къ. а) деша хІама тІатохарах, тІерадаккхарах.

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Кхоана къемата дийнахъа къу хинна а, довхо хинна а воагІаргва ший мурид.

– Дала (Іазза ва жалла) лорадолда тхо, Хъажа, хъа довхо хиларах, къу хиларах, – аьннад муридаша.

– Фу дича довхо хул, къу хул?

– Шийна Устазагара хъахеза къамаьл дІа ца дувцаш шийна чухъ из соцадаь, доахкадаь вена къонах – къу хинна воагІаргва. Вай ца аьннар «Устаза аьннад» яхаш, шийгара вай къамаьла хІама тІатеха тІерадаьккхар – довхо хинна воагІаргва.

ДІа ца дийцача къу хилар кхер, дІадийцача довхо хилар кхер.

-1-

– Ше шоана юкѣ воацаш зама йоагларгѣя. Цу хана «Шун Устаз дийна вац», – яхараш хургба, хлана аьлча, веннар Устаз лаца ца могавендаь. Дала (лазза ва жалла) ха йлаьхийр вай, рузкѣа доаржадир вай, диъ (4) малайк доацар вайл тѣхѣа диса ха йолаш хлама дац, царех фу хургда ховш дац. Аз пурам лу ше кѣоабалвечао, ховчо ца ховчоа ший вирд: – бляь (100) зикари, пхи (5) солоти, пхийтта (15) «Астагфируллоахи» малхбоалехѣа, малхбузехѣа длахѣхѣа.

-2-

Хъажас (Кѣ. а) аьннад: – Дакѣал хѣалха даккха сагла! Дакѣал хѣалха сагла даккхар могаду аз, хлана аьлча, хѣалха даьккха сагла лахѣта чу корадоагла. Хъажал шо, бераш, дунен белхага, кийчѣяѣча метте водаш хѣакхашта еций? Сона лов тохачо тохалехѣа, лоттачо лотгалехѣа сагла корадайттар.

– Іалам наха яхачох ма герталаш, хлана аьлча, Пайхамара (ІалайхІис-Солату вас-Салам) асхѣабаша (РозиеллоахІу ІанхІум, Даьла раьза хилва царна) леладаьр да цар яхар. Саг веннача хлама даа баьлча: – «Са венна саг дага ца воаглаш шоашта хлама даа баькха хиннаб ераш», – аьнна, венначун вариса дега тІа уйла йоагле – цига хлама даар кархѣат да йоах цар цу хѣакѣхѣа.

– Вай хѣажар венначун сино фу йоах-те, аьнна. Венначун са корадир вайна: – «Тахан са таьзета вена саг сагла ца дуаш ма гІо валар», аьнна.

– ТІаккха хѣажар вай вариса уйла фуй-те, аьнна:

– «Тахан са венначоа таьзета вена саг саглах ца кхеташ дІа ма гІо валар», аьнна коравир вайна.

– ТІаккха хѣажар вай Далла (лазза ва жалла) гарга дезагла дар фуд-те, аьнна, – вариса тоам бар деза корадир вайна. Цудухѣа ях аз сагла хѣалха-даккха, кхаь деннеи кхаь буссеи даа а, цунца васкет леладе а.

-3-

Хъажас (Кѣ. а) аьннад:

– Сино сагІийга са тосс, дакѣо лахѣтага са тосс, варисо дисача хІаманга са тосс.

-4-

– Каша гонахѣа бляь (100) зикар даьккхача, ну бляь (100) зикара маьл нур хинна цу венначун кач хѣарч. ТІаккха Далла (лазза ва жалла) эхѣ хет цунна Іазап дала. Каша гонахѣа чехкача зикарца кхо (3) го баьккхача, царна тѣхѣа малайкий чІуг отт, цу венначоа а царна а Даьлагара (лазза ва жалла) гештдар дехаш. Кѣемата денга долх уж малайкаш. Иштта деза да шоана каша гонахѣа доаккха бляь (100) зикар а чехкача зикара боаккха кхо (3) го а, – аьннад Хъажас (Кѣ. а).

-5-

– Далла (лаzza ва жалла) дукха безаш кхо (3) тадам ба: Чехкача зикарца баьккха хьацара тадам; Даьлах (лаzza ва жалла) кхеравенна бларгех баьккха хи тадам; Дала (лаzza ва жалла) могадаьча глоазота ваха баьккха ций тадам; – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-6-

– Дерригача наькъашка хьажар вай. Даьлах (лаzza ва жалла) лай хотталуш долча хламанга эггара гаргара никъ корабир шийна – «Ла иллахla илла-Ллахl», яха дош хилар, – аьннад цо (Къ. а).

-7-

– Диъ совглат делар шийна Лакха-Сийлахъ волча Дала (лаzza ва жалла):
– «**Ла иллахla илла-Ллахl**» делар шийна нажарг яь.
– «**Аль-хамду ли-Лаллахl**» делар шийна моарзагl баь.
– «**Астагlфируллоахl**» Делар шийна жлов яь.
– Тlаккха уж кхохкаде, вlашагla лотаде «Чехка зикар» делар вайна, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-8-

– Ше цаl волаш шовзткъа (40) шера Далла (лаzza ва жалла) гулакх дарал дезагla да шоана Даьла (лаzza ва жалла) везар дег тla а кхаьча, цхьан (1) сахьата тоабанца Даьла (лаzza ва жалла) хьехавар, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-9-

– Далла (лаzza ва жалла) гарга лакхваьннар лакхваьннавац де дезачунна сий-хьурмат дарца марa. Далла (лаzza ва жалла) гарга лохваьннар лохваьннавац де дезачунна сий ца дарца марa, – оалаш хиннав Хьажа (Къ. а).

-10-

– Дала (лаzza ва жалла) лорадолда вай денна хлама дииндарах. Дала (лаzza ва жалла) лорадолда вай дийна хлама дерах, – Хьажас (Къ. а) аьлча, цун муридаша хаьттад:
– Мишта дийндергда деннар?
– Денна хлама дийндар деций харцдар бакъ да алар. Дийна хлама дер деций бакьдар харц да алар, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-11-

– Бала бац дунен бар, дунен чухъ мел бар цхъаннена ги беллача а, велча длабаргбар. Бала ба шоана велча ги бусаргбар. Парглато яц дунен чухъ мел волча паччахъагара яр, цхъаннега яле-а, велча даяргъяр. Парглато я шоана Ялсамала хургъяр, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-12-

Цхъан дийнахъа хъуна йисте уй доаккхаш хиннаб Хъажеи (Къ. а), Мовсари, шоашца Байлаъла волаш. Хъажас (Къ. а) аьннад Мовсарга:

– Хъай Устазах теший хьо?

– Теш со!, – аьннад Мовсара.

Цу хана йоагаш йоккха цѝ хиннай.

– Дѝачуэккхал цу цѝралла, – аьннад Хъажас (Къ. а) Мовсарга.

– Ва Хъажа, воагавергвещий со цу цѝро? – аьннад Мовсарас. Тѝаккха Байлаълийга аьннад Хъажас (Къ. а):

– Дѝачуэккхал хьо цу цѝралла.

Ший чокхе ши (2) ткъам хъахъоарча а баъ, цѝера юкъе чу тоссавеннав Байлаъла. Мовсар ураиккхав:

– Хъажа, ва Хъажа... воагавир ѝа из наъха саг!

Хъажа (Къ. а) борд-бордах вела а велаш, цѝи тоаеш ваьгѝав. Цхъа юкъ яьннача хана Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Байлаъла хъааравала.

Тѝаккха Байлаъла хъаараваьннав, шийна тѝадийхача чокхе чо ца морцаш.

– Ший Устазах тийша мурид дунен цѝро во гаваьвац, иштта Жожагѝатен цѝро а в агавергвац, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-13-

– Хъарамчох кхераш, хъаьналдар дуташ боагѝаргба ший мурѝдаш, – «аьннад цо (Къ. а).

-14-

– Мовсар, нах цѝенош лакха де баьлча а, ковнаш шера лувца баьлча а, да-нана чувхаде бераш даьлча а, маьра пурам доацаш кхалнах ба-зара аха баьлча а, ѝалам нах цѝе цогалаш санна маькара баьлча а, ѝаьдала дай бертий санна къѝиза баьлча а, дын леладеча сагах денна уллача вирий дакъах санна хъадж ухаш зама еча а – лелаш хургда хъона ший тѝарикъат, Мовсар.

Ше діакъайлавоалаш вай Устазо (Къ. а) аьннад:

– Диъ (4) дош дутт аз шоана. Шиъ (2) леладе, шиъ (2) дита. Оашош наха даъ дика ма дувцалаш – маъл боацаш довргда шун. Шоашта наха даъ халахетар диталаш – гаьнадоал шоана из. Даъла (лазза ва жалла) хъехавари каши – уж шиъ диц ма делаш.

Дала (лазза ва жалла) къайле цленийола цун.

– Овлияал лакхбоалаш моттиг я ший муридий, Іалам нахал лакхбоалаш моттиг я ший мурадий, Хъажас (Къ. а) аьлча, муридаша хаьттад:

– Хъажа, тхо мишта даргда Овлияал лакха, уж Даъла (лазза ва жалла) гаргара нах хилча, Іалам нах – Элчан (Іалайхліс-Солату вас-Салам) варисаш хилча?

– Бераш, – аьннад Хъажас (Къ. а), – цхьа Іаьса саг веннача, цун Іоасалла Овлияашта эхъ хетт из Даълагара (лазза ва жалла) веха. Ший муридаш цига гулбале Даъла (лазза ва жалла) хьоахаву, чехка зикар ду, цунах баьнна маъл цу венначоа а беле, из венна саг Даълера (лазза ва жалла) вех цар. Дала (лазза ва жалла) царна из лу. Овлияал ший муридаш лакхбоала моттиг из я.

– «Дала (лазза ва жалла) йоах», яхаш Къуръан маан деш, Пайхамара (Іалайхліс-Солату вас-Салам) хъадийсах къамаъл деш вагІа Іалам саг. Цу мажлийсе цхъаннена асар хилац, Ёларгех хи тІадам балац. Цигга ший муридех цхъан саго гІийлача уйланца Даъла (лазза ва жалла), Пайхамар (Іалайхліс-Солату вас-Салам) хьоахаву. Цунах асар хул царна, Ёларгах хи тІадам боал царна. Іалам нахал ший муридаш лакхбоала моттиг из я, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

Цхъан дийнахъа Нохчашкахъа гулбенна дукха нах хиннаб. Цига хиннав: Саясанера Тоцо-Хъажа (Къ. а) ший муридашца, Абу ший муридашца, Пеьза-Хъажа (Къ. а) ший муридашца, Ілсхан-юртара Хъажа (Къ. а) ший муридашца.

Хъаькъал долча наха хаьтта хиннад царга:

– Шо виъ (4) цхъана волаш шуга хатга хІама дар тха, оаша пурам лой.

Пурам делча хаьттад цар:

– Іалам наха йоах: – «Сафар бетта тІеххъарча кхаьрача дийнахъа кховзткъе итт эзар (70 000) бала ба лаьтта боссаш». Из бала бусалба наха тІа ца боссаш фу дича бусаргбар?

Саясанерча Хъажас (Къ. а) аьннад Абуга:

– Іа ле цунна жоп.

Абус Паьза-Хъажийга (Къ. а) аьннад:

– Іа ле цунна жоп.

Пєьза-Хъажас (Дала къайле цленийола цун) аьннад:

– Илсхан-юртарвар, Іа ле цунна жоп.

Іайи-Іайи ле цунна жоп яхаш влшкатеттад цар.

Тєххъара жоп Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) дала дезаш сецад къа-
мьл.

– Из бала бусалба наха тіа ца боссаш бусаргбар, Даьла (Іазза ва жалла)
духъа цхъан къонахчо диъ (4) даар дитача, – аьннад Хъажас (Къ. а).

Цхъаккха саг йист хиннавац. Налара тєхъашка лаьттав вай Хъажий (Къ. а)
мурид – Ката.

– Фуйи-фуйи ба уж биъ (4) кхача?, – хаьттад Катас.

– Дулх да, даьтта да, шура я, маькх я – уж биъ (4) кхача ба!, – жоп деннад
Хъажас (Къ. а).

Таккха Катас аьннад:

– Даьла (Іазза ва жалла) духъа аз сай дегІа хъарам бир уж биъ (4) кхача,
оаша сайна пурам даллалца.

Хъажас (Къ. а) аьннад Катийга:

– Яхъ-м Овлиий хул хъона. Дала (Іазза ва жалла) товфикъ лулда хъона.
Наха хабараш дувцаргда хъона: – «Бларгашта бларза хургва, лєргашта къора
хургва, меттана меттаза хургва», яхаргда хъога. Варий, воха ма вохалахъ, –
аьннад Хъажас (Къ. а).

–18–

Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а) Макка водаш цунца цхъана Макка вахав
«Пилта» яхаш ціи йола Хъажий (Къ. а) мурид.

Мочкхий-юртара арабаьлча Хъажа (Къ. а) юхатлєхъашкахъа хъєжав – аьт-
тєхъа, аьрдєхъа хъєжа, борд озалуш бохам баьнна хиннаб Хъажийна (Къ. а).
Цунга хлама хатта карах ца доалаш дІабахаб уж Макка.

Маккара шоай Хъажол гулакх чакхдаьнна уж юхацІабоагІаш, тхъовра
санна Мочкхий-юрта йистге ІотІакхаьчача хана, борд-бордатІара айлуш, царг
гучайоалаш, велавалар даьннад Хъажийга (Къ. а). Пилтас аьннад Хъажийга
(Къ. а):

– Хъога цхъа хлама хоаттаргдар Іа пурам лоре.

– Пурам да хъона, хатга Іа, – жоп деннад Хъажас (Къ. а).

– Вай Макка дІадолхаш укх метте вай кхаьчача, борд озалуш бохам баьлар
хъона, тхона а цунах бохам хилар. Маккара Хъажол гулакх чакхдаьнна,
юха укх метте вай кхаьчача, борд-бордатІара айлуш велавелар хъо. Вай
дІадолхача хана хъона бохам баьннар фу дар, хІанз хъона тоам хиннар фу дар,
дувца далар Іа?

– Дала (Іазза ва жалла) воахавє хъо, Пилта, вай дІадолхача хана дага-
дєхар шийна: – Камаьрша болаш, денал долаш хъаьша лєрхІам дика болаш
нах бар ераш – ГІалгІай. Вєзан Даьла (Іазза ва жалла), Хъє вовзар, Хъа Элча
(ІалайхІис-Солату вас-Салам) вовзар Іа акхарна делча, аьнна, дагадєха, акхарєх

кхом хийтта бохам баьннабар шийна. Вай Макка длакхаьчача Дала (лазза ва жалла) дуийна жоп луча метте этта вай Даьлагара (лазза ва жалла) бийхар яраш, Палгай, Дала (лазза ва жалла) вайна белар ераш. Пилта, кьемата ди даллалца бовргбоацаш вай Дала (лазза ва жалла) тларикъата хи лотабир укх Наьсар чухьа, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-19-

Илсхан-юртара Хьажа (Къ. а) хиннав ше параз ламаз даьчча, дехьа-сехьа ца воалаш суннат ламаз деш. Цунца лийннача боккхача муридаша хаьттад Хьажийга (Къ. а):

– Параз ламаз даьчча метте дехьа-сехьа ца воалаш, ла суннат ламаз деш гу тхона. Илам наха «Суннат ламаза дехьа-сехьа ваьнна моттиг хувцар деза да», йоах. Тхона из белгал дар дех оаха.

Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Даьла (лазза ва жалла) дош да, аьнна латташ, хувцалургдоацаш:

– **«Кьоабалдаь длаийца цхьа (1) ламаз даьча Сай. лаьна ворхI (7) ЖожагIатен наIараш длакъайлай Аз, бархI (8) Ялсамален наIараш хьай-ийллай Аз».**

Параз ламаз даьчча дехьа-сехьа ца воалаш суннат ламаз дича, цо параз ламаза ийша маьженаш кхоачашъю, кхоачаш хинна ламаз Дала (лазза ва жалла) кьоабалду. Ше цудухьа ду из иштта, бераш, оаша а де мегаргда шоана из иштта. Вай дакъа дац шоана ламаза рукуне водаш кулгаш урагIа тувсар, параз ламаз даьччара суннат ламаза дехьа-сехьа вувлар, саг веннача Искьат дар, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-20-

Цхьан дийнахьа юртал ара хьуна йисте хиннаб, Хьажа (Къ. а) шоашца а волаш, цун муридаш. Йокьаенна овлаш дIайоахаш, хьуна йистера лаьтта цIендеш баьхкаб уж. Гаьна йоаццаш йоагаш цIи хиннай. Хьажийна (Къ. а) тIадена цхьан оалхазаро ашараш яьй. Хьажа (Къ. а) хьал а гIаьтта цIи йолча оагIорахьа дIаваха, кIура юкье дIакъайлаваьннаб. Цхьа юкь яьннача хана, бе йоахкаш оалхазара кIоригаш а йолаш, юха хьа араваьннаб Хьажа (Къ. а).

Цун муридаша хаьттад:

– Хьажа, тхо кхерадаьдар ла, фу дар из ла даьр?, – аьнна.

– Укх кIоригий нана кхайкаяр шийга, «Хьажа, хьо оарцагIа ца воале кIоригаш йоагаш латт ший», аьнна. Акхарна оарцагIа вахавар ше, – аьннад Хьажас (Къ. а).

Цу дийнахьа гучадаьннад Илсхан-юртара Хьажа (Къ. а) оалхазарий а Устаз хилар.

Саясанера Тошо-Хъажеи (Къ. а), Зандакъера Гьеза-Хъажеи (Къ. а), Илсхан-юртара Хъажеи (Къ. а), шоашца цхъа клеззига муридий тоаба а йоташ, наькъа болхаш хиннаб. Ламаза ха эттай. Ламаз эца а, мала а, хий даьча метте нийсбеннаб уж.

– Укхсаза хий хьалтадоаккхаргда вай, аьнна, Саясанерча Хъажас (Къ. а) гадж летта хий даьккхад. Хий хьатладаьнна, клоагалг хьалбиза, клеззига тлех а даь, сецад:

Тлакхха Гьеза-Хъажас (Къ. а.) даьккхад хий. Хий хьатладаьнна клоагалг хьалбузашшехь сецад.

Тлакхха Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) даьккхад хий. Царна массанена мала а ламаз эца а хинна хиларал совга, ца соццаш, харш даьккхха lo аха доладеннад.

Саясанерча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Хланз укх белха маан дергда вай. Аз хий даьккхача, клоагалг хьалбиза, клеззига тлехдахача хий сецар, цун маан – шийна тлехъа ший муридаш клезиглуш, ший болх лаьглуш длахадаргба. Гьеза-Хъажа, хьол тлехъа хъа болх соцаргба. Илсхан-юртара Хъажа, la хий даьккхача вайна массанена кхоачам хилча а ца соцаш, харш даьккхха lo аха даьлар, – хъа болх къемата денга глоргба ца хаддаш.

Цхъан дийнахъа Саясанерча Хъажийна (Къ. а) вирд доаккхаш вола цхъа зламига саг веннав. Дакъа лувчадаьчул тлехъага цу мурида дакъа дийстад, наларах-корах арадоаккхалургдоацаш. Цу белхо унзаръяьккха, кхераенна венначун нана Саясанера Хъажа (Къ. а) волча а яха, из ший бала цунга длабийцаб цо. Саясанерча Хъажас (Къ. а) кхайка Зандакъера Гьеза-Хъажа (Къ. а) хъавийхав. Мухъаммад-Ярагий (Къ. а) а волаш, цу таьзета баьхкаб уж. Дакъа уллача цлага длачуваха уж кхоъ Даьлага (лазза ва жалла) дуланца кхайкав, аяташ, тасбийхъаш иййшай, хлама хувцаденнадац...

Тлакхха, «Пен бохабаь дакъа арадоаккхаргда вай», – аьнна, барт баьб цар.

– Саясанерча Хъажас (Къ. а) аьннад:

«Клеззига сабар дергда вай, Илсхан-юрта жег воаллача зламигаца клантага уйла кховдаяь вай. Вайна ма хеттара из вале, из кхоачаргва вайна». (Цу хана Илсхан-юртара вар шийтта (12) шу даьнна хиннав).

Саясанерча Хъажас (Къ. а) из аьнна дукха ха ялалехъа, «Ас-саламу лаалайкум, Саясанера Хъажа, кхайкар ма сиха дар хъа, шийгара фу хьашт долаш вар хьо», – аьнна, вена чуваьннав Илсхан-юртара вар (Къ. а).

«Валаалайкум-салам, маьрша вогалва хьо», – аьнна, Саясанерча Хъажас (Къ. а) дладийцад ше цунга кхайкара бахъан.

Дакъа уллача цIагIа дIачу а ваха, Даъла (Iазза ва жалла) цIераца дIаволавленна «IулуллоахI, IулуллоахI...» яхаш, дакъа го баккха волавленнав Хъажа (Къ. а).

Хьалхара го баьккхача – дакъан бос хувцабеннаб. ШоллагIа го баьккхача – дестам телад. КхоаллагIа го чекхбаьлча – дестам цIенденна дIадаьннад.

– ХIанз шоай дакъан кхоачо е оаша, аьнна, Хъажа (Къ. а) дIаволавленнав.

Саясанерча Хъажас (Къ. а) дехар даьд:

– Хъайна из дика даьча Даъла (Iазза ва жалла) духъа, цу Даъла (Iазза ва жалла) оагIонгахъара хъайна бехк хургбеце фу дош да из «IулуллоахI», яхар оаладалар Iа, аьнна.

– Саясанера вар, ер дакъа дестам цIендарах; тарра, шийна тIехъа дазача берий синош къинрех: цIендеш, Дала (Iазза ва жалла) шийна денна совгIат да из, аьнна, жоп деннад вай Устазо (Къ. а).

– Тахан дунен чухъ, кхоана къемата денна оаха тхоашта Устаз ваь къоабалвир хьо!, – аьнна, Саясанерча Хъажас (Къ. а), Зандакъерча ГIеьза-Хъажас (Къ. а), шоашта Устаз лаьцав Хъажа (Къ. а).

-23-

– Дала (Iазза ва жалла) дог хьоасталда туркхий дог хъаьстачун. Дала (Iазза ва жалла) дог дохадолда туркхий дог дохадаьчун, – аьннад вай Устаза (Къ. а).

-24-

– МажлийсагIа пхьегIа еш хургбац ший муридаш, пхьегIах мажлийс еш хургба ший муридаш, – аьннад Хъажас (Къ. а).

ТIаккха цун муридаша хаьттад Хъажийга (Къ. а):

– Миштад из, тхо кхетаде цунах?

– ПхьегIа тIа гулбенна дуне дувцаш латташ хул цхъа тоаба, цига нийслу ший мурид, цу ший муридо цар дувцаш дола дунен къамаьл хувц, дын къамаьлага а даьккхе. – «Дала (Iазза ва жалла) йоах, Пайхамара (IалайхIис-Солату вас-Салам) йоах», аьле. ТIаккха пхьегIах мажлийс хул.

– Даъла (Iазза ва жалла) хъехавеча мажлийсе гулалу нах, цига дунен къамаьл совдаьлча мажлийсагIа пхьегIа хул. – Варий, бераш, мажлийсах пхьегIа ераш ма хилалаш, – аьннад вайга Хъажас (Къ. а).

-25-

Хъажа (Къ. а) Макка водача хана из накъаваккха арабаьнна дукха нах хиннав. Юртал арабаьнна уж дIаболхаш, Хъажа (Къ. а) юхахъежаш хиннав. Наха дагадехад: «Хъажа (Къ. а) юха ца ва вода, цун юхахъежар – вайга Iадика ювцар да».

Плаккха цхъан муридо, уллув а ваьнна, Хъажийга (Къ. а) хъаттад:

– Хъажа, хьо нахаца ладика ювцаш ва, юха ца ва водаш ва, ма йоахий наха. Хъажас (Къ. а), аьннад:

– Бераш, ше юхахъежар шуца ладика ювцар дац шоана. Пайракха керте дессача малайкашка хъежар ше. Маккара, Мадинатера малайкаш даьхкадар вайцигарча пхийттара даланза долча бераша даьча зикара маьл бахъа.

– Хъажа тхо раьза дац из маьл длабахийта, цу маьлаца хъашт долаш тха массарий дай, ноаной, дукха аьхарта ахлой ба, – аьлар цар.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Бераш, бахъийта из маьл. Тахан санна воккхагla вар воккхагla волаш, зламагla вар зламагla волаш шо мел долча хана шун веннача малачунга, кхалчунга каша лазап хургдац!

-26-

Хъажа (Къ. а) Маккара цавенача хана цунна духьалбахача наха. Дала (лазза ва жалла) Хъажол къоабал долда хъа, шийга аьлча, – Шун а долда Хъажол къоабал, – оалаш хиннав из (Къ. а).

Плаккха наха аьннад, тхона Хъаж-Цла бларгадайнадац, Макка, Мадинат бларгайнаца, тха мишта хургда хъажол?

– Бераш, юрта саг веннача таьзета а ваха из дакъа дладолла кашамашка вахача къонахчоа – Хъажол даьчоа хула маьл хул. Унахочунга хъажа вахача къонахчоа – Хъажол даьчоа хула маьл хул, Юрта ийгача шин (2) сага юкъе маслахъат даьча сага – Хъажол даьчоа хула маьл хул. Цудухъа ях аз, шун а долда Хъажол къоабал! Бераш, цхьадолча дийнахъа уж кхоъ (3) де тарлуш ди доагларгда шуга, кхозза Хъажол даьчоа бола маьл хулаш!, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-27-

Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а) Маккара цавенача хана дукха нах гулбенна хиннаб цунна зерате баьхка, цун къамаьлага ладувгla чам болаш. Хъажийга (Къ. а) дийхад цар:

– Къамаьл де la тхона.

Хъажа (Къоддйсаллоахly асрарахly) хлама ца оалаш, лаьтта loхъежаш ваьглав. Наха шозлагla къамаьл де аьлча, наха tlaгlолла dla а хъежа, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Галглай бий укхаза?

Хъаттача, цу тоабана юкъе галгла хиннавац.

Плаккха цу наха аьннад, Хъажийга (Къ. а):

– Оаха хьога тхоашта Маккара, Мадинатера къамаьлдар дех, la галглай бий укхаза ях. Укх тоабана юкъе la бувчача галглаех саг вац.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Бераш, хъажал шо, корабергба шоана.

Дехъа-сехъа байдда ши (2) глалга кораваъв, базара говраш эца баъхка.
Уж шиъ (2) хъавоалаваъв цар цига.

Хъажийга (Къ. а) аьннад гулбеннача наха:

– Ма члоага белгалбаъхар ла тахан ераш, глалгай. ла ераш белгалбахар
фу бахъан долаш дар?

Таккха Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Дала (лазза ва жалла) азалехъ синошкахъ белгалбаъхар уж! Азалехъ,
Дала (лазза ва жалла) синош кхоллача дийнахъа, синошка кхайкав Даъла
(лазза ва жалла): – «Майра синош Шийна духъала дувла», аьнна. Эггара хъалха
Далла (лазза ва жалла) духъала айтта синош – глалгай дараш да.

– Шозлагла Даъла (лазза ва жалла) кхайкав синошка: – «Хоза гулакх
дола синош Шийна духъала дувла», аьнна. Эггара хъалха Далла (лазза
ва жалла) духъала даха синош – глалгай дараш да.

– Кхозлагла Даъла (лазза ва жалла) кхайкав:

– «Камаърша дола синош Шийна духъала дувла», аьнна. Эггара хъалха
Далла (лазза ва жалла) духъала, айттараш – глалгай синош да. Далла (лазза ва
жалла) гарга кхозза белгалдаълар цар синош, ше а тахан цудухъа, белгал-
баъхар ераш – глалгай.

-28-

Хъажа (Къ. а) длакъайлавоала зама гаргаенача хана, цунна уллув лийннача
муридаша хаъттад Хъажийга (Къ. а).

– Хьо тхона юкъера длакъайлаваълча, хъайна тхогара дукхагла дезар фуд
ла оаларе, из леладергдар оаха.

– Муридаш, оаша шийга эзарзза хаъттача а, шо влаши дукха дезарал
шийна дукхагла дезаш хлама дац шоана. Шун барт ийгла бийса – ше пхъераца
виса бийса я шоана, – аьннад Илсхан-юртарчо (Къ. а).

-29-

Цхъан дийнахъа Хъажас (Къ. а) хаъттар ший муридашка:

– Муридаш, Даъла (лазза ва жалла) дукхавеза яхий оаша?

– Ях оаха, – аьннад муридаша.

– Даъла (лазза ва жалла) ма веззара, цу Даъла Элча (лалайхлис-Солату
вас-Салам) веза яхий оаша?

– Ях оаха, – аьннад цар.

– Даъла (лазза ва жалла) а, цу Даъла Элча (лалайхлис-Солату вас-Салам) а,
везарах тарра шоай Устаз веза яхий оаша?

– Даъра ях, Хъажа.

– Даъла (лазза ва жалла) Сийлалора уж кхоъ (3) бакъ-м дац, бераш, шо
влаши дезаш деце, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

Илсхан-юртарча Хъажий (Къ. а) мурид хиннав Гама ціи йолаш. Хъажеи (Къ. а) Мовсари цхъана волаш, Гама вахача юрта нийсбеннаб уж цхъан дийнахъа. Цхъа ди белгалдаь Хъажас (Къ. а), аьннад Гамийга: «Цу дийнахъа Илсхан-юрта длавеллахъ, Гама».

Шоаш юртарча арабоалаш цу юртарча туркхага, тхъамадага:

«Цу дийнахъа Гама пурам деха воагларгва шоана, цунна пурам ма лелаш», аьннад Хъажас (Къ. а).

Шийна белгалдаь ди хъатлакхъача, лурра Гама туркха налартла вахав.

– Хъажас (Къ. а) тахан Илсхан-юрта длавола аьннад сога, пурам дий сона ваха?

– Тахан сона везаш ва хьо, пурам дац, аьннад, туркхо.

Тлаккха Гама тхъамада налартла вахав.

– Хъажас (Къ. а) тахан Илсхан-юрта длавеллахъ, аьннад сога, туркхо пурам лац сона, ла да сона пурам, аьннад Гамас.

– Туркхо хьона пурам ца делча, хьона пурам дала йиш яц са, аьннад тхъамада.

Тлаккха Іохайна уйла яьй цо: – «Сога хъавола аьннар Хъажа (Къ. а) ва, туркха а, тхъамада а, сона а бехкевар Хъажа (Къ. а) ва. Устаза амар чоагларга ма дий, аьнна, Гама Илсхан-юрта длавахав.

Илсхан-юрта Гама гарга кхаьчачча хана, тоабанца цхъан мажлийсе вагlačа Хъажас (Къ. а), аьннад:

– Ва-м, Гама а воагла вайна, пурамийца вий те из?

– Ас-саламу Іалайкум, аьнна, Хъажа (Къ. а) волча цлагла чуваьннав Гама.

– Валалайкумус-салам, аьнна, цун салам юхадерзадаьд цар.

– Гама пурамийца вий хьо? – хьатгад Хъажас (Къ. а).

– Даьра Хъажа пурамийца ма вац со, аьнна, долчча бесса дладийцад Гамас, шийна пурам ца даларах.

– Гама, Іоха пурам дац хьона, цлаводаш наькъа дунен къамаьла йистхила пурам дац хьона, ткъаь итт (30) дийнахъа марха кхабалахъ. Хьо укхаз хъавоаглас наькъа хьона цхъа хатар нийсденадаларе, шийгара гІо доацаш висавар хьо, аьнна, Гамийна гІод техад Хъажас (Къ. а).

Гама араваьлча Мовсарас аьннад Хъажийга (Къ. а):

– Даьллахъи ма бехк боацаш хьувзаву ла из Гама, Іайха цунга хъавола а аьнна, цар туркхага цунна пурам ма ле а аьнна, ла аьннар даь из хъавеча цунна гІод техар ла, хІана дир ла из иштта?

– Мовсар, тІехъа тІадоагlačа ший берашта туркхий пурам чоагла долга дІахайтар духъа дир вай из, – аьннад Хъажас (Къ. а).

Хъажий (Къ. а) воша Муца веннача дийнахъа, Хъажа (Къ. а) ший муридашца кхыча юрта хиннав. Шийцарча новкъосташка аьннад Хъажас (Къ. а):

- Илсхан-юрта цѣдаха деза вай, таъзет да вай коа.
- Хѣжа (Кѣ. а) воддаше дакъа уллѣа цѣагѣ чувахав.
- Ас-саламу Іалайкум, Даѣла (Іазза ва жалла) пурамийца хѣлѣурахал Муца, – аьннад Хѣжас (Кѣ. а).
- ВаІалайкумус-салам, аьнна, Муца хѣлѣурахайнав.
- Муца, хѣй вошас Даѣлаца (Іазза ва жалла) баъ мах мишта корабир хѣона? – хаъттад Хѣжас (Кѣ. а).
- Нийса болаш корабир шийна, аьнна, Муца юха дѣавижав.

-32-

- Муца кхалхача дийнахѣ Хѣжас (Кѣ. а) аьннад:
- Ер, Муца, дика воша вар шоана. Муца дукхагѣ везачо дукхагѣ даалаш цунна тѣра даѣккхѣ сагѣ. Бераш, ер, Муца, санна вола воша венна а вай вѣшагѣкхетар доккхѣ да шоана. Даѣра яхац шоана вай из, Муца, ледара воша хеташ. Дала (Іазза ва жалла) вай Пайхамарга (Іалайхѣис-Солату вас-Салам) аьлар: – «Хѣй асхѣабѣх цхѣа саг ва Жожагѣлатен наІараш лорае».
 - Вай Пайхамаро (Іалайхѣис-Солату вас-Салам) Турпал-Іаѣла (Каррамаллоахѣлѣ важхѣахѣлѣ, Дала юхѣ кѣайойла иун) вахийтар цига.
 - Пайхамара (Іалайхѣис-Солату вас-Салам) вайга аьлар. – «Іаѣлийна (Каррамаллоахѣлѣ важхѣахѣлѣ) новкъост ва», аьнна.

-33-

Хѣжа (Кѣ. а), Мовсар, Зайпал: уж кхоѣ Іохайна вагѣлаш, царна зѣмагѣл деш, наІара юхѣ уралатташ Хѣжий (Кѣ. а) воІ – Махѣам хиннав.

Хѣжас (Кѣ. а) аьннад:

- Мовсар, даѣра бакѣ ма дац хѣона хетар.
- Тѣаккхѣ, Махѣмийна бѣара а хѣѣжа, аьннад:
- Даѣра Махѣмийна хетар а дац бакѣ-м. Зайпал, даѣра хѣона хетар а дац хѣона бакѣ-м. Мовсарас йоах: «Со Хѣжа илѣаца наѣна кера иллав, цхѣан даѣ букѣах ваьнна ши воша ва. Кхоана доагѣаца кѣематадийнахѣа гаргагѣа ше хургва». Даѣра Мовсар из бакѣ ма дац хѣона. Махѣмас йоах: «Даѣла (Іазза ва жалла) Велий волаш, Элчанна (Іалайхѣис-Солату вас-Салам) Варас, Іалама Устаз волча даѣ воІ ва ше, кхоана кѣемата дийнахѣа ший даѣна гаргагѣа хинна, сийлале хургѣа шийга». Даѣра из а бакѣ ма дац хѣона.

Тѣаккхѣ Зайпала бѣлаж тѣа кулг дилла Хѣжас (Кѣ. а), аьннад – Зайпал, хѣо а ма вий цѣІ яхаш. «Укх тхоай Устазаца цхѣана дѣнош-бийсаш доахаш, цѣо ког лайзаца ког ловза гѣрташ, цѣо де аьннар деш, дѣта аьннар дуташ, укханна уллув лийннавар со, кхоана кѣемата дийнахѣа ше Хѣжийна гаргга хургва». Даѣра хѣона хетар а бакѣ ма дац. Тахан наѣна керахѣ доацаш, даѣ букѣахѣа а боацаш, тѣехѣа тѣайоагѣаца хана вувцарах-хазарах, ва яхарах ше кѣѣоабалваѣ

доарларгдолаш бераш да ший, чура коч санна ший дегла хьерчаргбараш уж ба. Цар ггулакх чакхдаьлча мара, шоана тлаверзаргвац ше, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-34-

– Киши, Хьажий да ва, аьнна, Кишас яхар деш венар – Кишийх тийша хургва шоана. Мовсар, Хьажий воша ва аьнна, Мовсарас яхар деш венар – Мовсарах тийша хургва шоана. Киша – Киша ва шоана, Мовсар – Мовсар ва шоана. Махьам – Махьам ва шоана. Вайнеи шийнеи юкье цхьаькха дегл деллача кьонахчоа ший накха гургбац, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-35-

– Кхоана кьемата дийнахьа шийна духьал кьуй хинна боарларгба, довхой хинна боарларгба ший муридаш. Шийна ховш дола Устазагара доарла кьамаьл кагийча наха дла ца дувцаш соцадаь, ший кера чухь из доахкадаь вена кьонах – кьуй хинна воарларгва. Вай ца аьннар, Устаза аьннад, яхаш, шийгара вай кьамаьла хлама тлатеха-тлерадаьккха кьонах – довхо хинна воарларгва.

«Дла ца дийцача – кьуй хилар кхер, дладийцача – довхо хилар кхер», – аьле, кьамаьл деш хиннаб боккий муридаш.

-36-

– Зайпал, ше хьунагла хьалвода хьона, шийна тлехьа длавеллахь, – аьннад Хьажас (Къ. а).

– Сона мишта ховргда хьо мичахьа ва?, Зайпалас аьлча, Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Саьргах шолхаш доахаш лар йоаккхаргья хьона аз, цу ларагла хьавоарларгва хьо.

Цхьа юкь яьннача хана Зайпал тлехьа вахав. Хьуна йисте длакхаьчача, Хьажас (Къ. а) шолхаш йотувсаш яьккхача ларах длаволавеннав из. Шийна из моттиг йовзаш хиларах, гадоахарг духьалвахав Зайпал. Хьажийна (Къ. а), длатла кхоачаш хиннавац.

– Ва Хьажа, – аьнна, кхайкав из.

– Фу ях ла, аьнна, цунна гаьна воацаш йист хиннав Хьажа (Къ. а).

Цун оаз щийна хьахезача оаглорахьа длавахав Зайпал. Клаьд валлалца лийннав, Хьажа (Къ. а) кораваьвац.

– Ва Хьажа, – аьнна, шозлагла кхайкав Зайпал.

Тхьовра санна гаьна воацаш, фу ях, аьнна, йистхиннав Хьажа (Къ. а).

– Хьажа, хьа оаз юххера хоз шийна, со хьона длатла-м кхачац, аьннад Зайпала.

– Ларагла воаглий хьо, Зайпал?, аьннад Хьажас (Къ. а).

– Даъра ваглац Хъажа, лар аз йита тоъал ха я, аьннад Зайпала.
– Къемата ди даллалца хьо шийна тлехъа леле а, хьо ларагла ца воагле, шийна тлакхоачаргвац хьо, Зайпал, аьннад Хъажас (Къ. а).

Вай Устазо (Къ. а) вайна оттадаъ куц да из. Цу вай Устазо (Къ. а) де аьннар, низ ма кхоачча, хъа а деш, цо дита аьннар дуташ вай дладолхе, цу Устаза (Къ. а) длатлакхоачаргда вай.

-37-

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Бераш, дакъала хиннараш бувцалаш – доакъало кхоачаргъя шуга. Даъкъаза баьннараш ма бувцалаш – доакъазло кхачар кхерам ба шоана. Даъкъала хиннараш ба шоана: Даъла Элчан (ІалайхІис-Солату вас-Салам) дезал, цун асхъабаш (РозиеллоахІу ІанхІум, Даъла раъза хилва царна).

-38-

Зайпала цхъан дийнахъа Хъажийга (Къ. а), аьннад:

– Іа тхона даъ къамаьл хьо тхоашца воацача хана юхакердадоахаш дувц оаха. Цхъабарашта бларгех хий доал, цхъабарашта асар хул, цхъабарашта лерга юххе гІолла тлехдаьле дладода. Къамаьл цаІ да, цу массарий Устаз хьо ва, из хъа къамаьл массарна дегах кхетар цхъатарра дац, фуд из?

– Бераш, аьннад Хъажас (Къ. а), вай къамаьл оаша мел дукха кердадарах, ший мурида дегах кхетаргдац шоана, цун вайца яолча гаргалонга хъежжа мара.

-39-

Хъажас (Къ. а) цхъан дийнахъа ший наьнага аьннад:

– Хеьда, хъайна хІама тІаювха Эртан-корте зерате гІоргда вай шиъ.

Хъажа (Къ. а) хъалха а волаш, Эртан-корте хъалтІабаьннаб уж. Хъажа (Къ. а) клеззига Хеьдена дІагаьнаваьнна, малхбоалехъа верзаш, малхбузехъа верзаш, къулбехъа верзаш, къулбаседкъагахъа верзаш, ший белхаш бола ши (2) бларг наьнах лечкъабеш, гІийла Даьлага (Іазза ва жалла) кхайкаш хиннав.

– Даьла (Іазза еа жалла) раъза хилва са кІаьнк хьона, фу бала ба хъа керахъ бар, фу гІайгІа я хъа кер чухъа къувлаш яр? Зерате доагІа, аьнна, укх Артан-корте даьхкадар вай, иштта хьо гІийла велхавеш вай шинне деначох фу зерат хургда? Са зерат дехад хьона, хъачунах фу хиннад сона хац, аьннад Хеьдас Хъажийга (Къ. а).

– Даьла (Іазза ва жалла) раъза хилва са нана, Хеьда, хьона, вай Дала (Іазза ва жалла) сога яхар хьога дІадувца венавар ше укхаза, из хьога дІа ца дувцалуш сагота хъувзар ше.

– Хьадувцал Іа са кІант Дала (Іазза ва жалла) хьайга яхаш дар, цу вай Дала (Іазза ва жалла) яхачоа со раьза йолаш кораергья хьона.

– Дала (Іазза ва жалла) йоах шийга хьа лахьта укхаза хила деза. Укх Эртан-корте хьо дІа а елла, ше мехках вала везаш ва.

– Даьла (Іазза ва жалла) раьза хилва са кІаьнк хьона, укх лакхача метте сакхарий, оалхазар мара тІада адам доацача укхаза хьунагІа хьай нана дІайолла воал хьо. Илсхан-юрта хьай даьна Кишина гаргга дІайолла мегар-пъецарий со, сай вола, Муцена гаргга хила мегацарий со. Цу шиннахьа ца меге Веданхой кашамашка, адам долчча дІайолла Іа со, ва Хьажа, аьннад Хаьдас.

– Илсхан-юрта вай даьна гаргга, Муцена гаргга хьо дІайолла Дала (Іазза ва жалла) пурам даланзар шийна. Веданхой кашамашка хьо дІайолла пурам даланзар шийна. Даьлаца (Іазза ва жалла) чоагІо ю хьона, ший нана, хьо цхьаь хургьяц хьона. Малайкий оарц укх Эртан-кортера дІахадаргдац хьона. Маккара саІдаташ зерате ухаргба хьона. Ший кагий, боккхий муридаш укх Эртан-кортера дІахадаргбац хьона. Хьо лаьрхІа хьона зерате венар, ЖоагІатен цІеро воагавергвац хьона. ВоагІаш вар вай шиь (2) кІалдолаш мара воагІаргвац хьона, вай Дала (Іазза ва жалла) яхачоа раьза хила еза хьо, Хаьда.

– АлхьамдулиллахІ, со раьза я вай Дала (Іазза ва жалла) яхачунна. Далла (Іазза ва жалла) хоастам ба: хьо са воІ хилар, со хьа нана хилар, аьнна, уж шиь (2) юхабийрзаб Эртан-кортера.

-40-

– Бераш, гамажа оасаш теа оаша хьачуозаварах, вайца мах баь воацар хьачуозалургвац шоана. Оаша батах кІарцхалаш детташ юхачувхаварах вайца синошкахьа мах баьр дІачовхалургвац шоана, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-41-

Маккара Жамал-лайли воІ ва Сайт-Саьлам, цун воІ ва Сайт-Іалви – Из ва Эртан-корте Хьажий (Къ. а) нанна, Хеьдена, гонахьа зерата цІа даьр. Маккара нохчий мехка вена, цигара нах влашагІа теа Сайт-Іалве аьннад:

– Со венав Хеьдена гонахьа зерат де. Вай Пайхамаро (ІалайхІис-Солату вас-Салам) гІанахьа духьалвена аьлар сога:

– Даькъастане вахе, вай Даьла (Іазза ва жалла) цхьа воккхача Велий (Къ. а) нана йоал цига дІаелла, ший зерат дІадаьлча, цул дезагІа зерат дац хьона. Цунна тІехьа зерата цІа де!

Шийца нохчий а болаш хьавенав из Эртан-корте. Хеьдена гонахьа зерат де моттиг хиннаяц. Хьажа (Къ. а) кьоабалвеча наха шоай байнараш Хеьдена гарга хилар ловш дІабехка, цунна гонахьара моттиг готтаяьй.

Сайт-Іалве аьннад:

– Укх Хаьдена гонахьа цла лодогла моттиг яц. Нагахь санна со Даьла Элчан (лалайхлис-Солату вас-Салам) пурамийца вена вале, кхоана вай юхадаьхкача белгало хургья вайна. Шоллагла дийнахьа лурра ужаш юха баьхкача, Хаьде каша гонахьара лаьтта лотакха, гонахьара боарзаш длагдаьнадаьнна, зерата кьуб лойогла моттиг хиннай.

Хеьдена гонахьа зерат даь дала гаргга долча хана кьамаьлаш арадаьннад наха юкье:

– Сайт-лалви шийна нохчашкара хлама яхьа венав, аьнна.

Нохчаша дувцаш дола хабараш хайнад цунна. Дукха нах гулбаь, царга аьннад цо:

– Со укх Хеьдена гонахьа зерат даь, нохчашкара хлама яхьа венав, яхаш, сох хабараш дувцараш ба. Аз Даьлаца (лазза ва жалла) чоагло ю шоана, Даьла Элчано (лалайхлис-Солату вас-Салам) гланыхьа сайна духьалвена сайга гло аьлча мара со укхазе вена ца хиларах. Со шун ахчанга сатувсаш венавац. лочу а кхайда ший кисара дошув чудоалла тлормиг длахьекхаб цо царга.

– Ер тлормиг бизза дошув дар сога укхазе хьавоаглача хана. Ер санна дола цле дошув ши (2) гали дизза цлагла диса долаш да сога. Дала (лазза ва жалла) Ший Велий (Къ. а) ваь, Даьла Элчано (лалайхлис-Солату вас-Салам) ший Варис ваь, дерригача лалама лу ваь вайтачун нанна Хеьдена зерат де венав со. Сайга аьннар кхоачашдаь а ваьннав. Шо маьрша лалда, со кьинтлера ваьннав шоана, аьнна, Сайт-лалви цлавахав.

-42-

Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Аьхартен синошка хьаже дахар вай. Даь-наьна хьакь бахьан уж лазапе долаш корадир вайна. Цу лазапах ше кьоабалваь бераш хьалхадаргдолаш фу хургдар-те, аьнна, Даьлага (лазза ва жалла) уйла кховдайир вай. Дала (лазза ва жалла) ер блаь (100) зикар делар вайна.

– Дийнахьа пхе (5) ламаза тлехьа блаь (100) зикар доаккхаш даьна-нанна маьл кхайкабеш хиннача сага, да-нана кьинтлера даргда шоана бераш.

-43-

– Саг веннача оаша беш бола мух хьал долаш асаре боале – из веннар даькъала хилара белгало я шоана. Кхо (3) бийса лораеш, цхьан бийсана шун Даьла (лазза ва жалла) хьехавар (зикар) хьале, асаре доале – массайолча халонех шун веннар хьалхаваьнна хилар белгало я шоана!

– Мух хьале ца баьлча, кхо (3) бийса лораеш Даьла (лазза ва жалла) хьехавар хьале, асаре ца доале, шоай венначунна сагийца, дулаца, Кьурьан дешарца сомал елаш.

-44-

– Веннача саго каша йоаккхаш йола хьалхара бийса – зламагIа дола кьемата ди да, шоана. Варий бераш хьалхарча бийсанна шоай венначунна ледарло ма елаш, аьннад Хьажас (Къ. а).

-45-

– Цхьан деннеи бийсаннеи каша чухь барт-хоаттам чакхбоалар ва шоана, кхаь (3) деннеи кхаь (3) буссеи барт-хоаттам чакхбоалар ва шоана, ворхI (7) деннеи ворхI (7) буссеи чакхбоалар ва шоана, шовзткъалагIча (40) дийнахьа барт-хоаттам чакхбоалар ва шоана. Хьажал шо, бераш дунен белхага. Шун, набахта лаьца воаллача сага кхоана суд еш хилча, тахан оаша судхочоа бенна кхаь хургба пайдане, е кхоана суд кхайкаяьчул тIехьагIа лургба, аьнна, кхаь хургба пайданехьа? Суд хьакхайкаяле хьалхагIа беннар пайдане хургба. Цудухьа ях аз, барт-хоаттам чакхбоалача бусса шоай венначунна сагIаца, дулаца, маьлаца сомал елаш. Кераста наха шовзткъалагIа (40) бийса белгалйоах. Царех хьакъаьсте ткъаь ткъестлагIа (39) бийса лораелаш шоай венначуна, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-46-

Хьажа (Къ. а) волча заманна, цун белхах чIоагIа гIерташ хиннав Чопа-молла. Цу хана беррига Хьажах (Къ. а) гIийрта моллаш лаьрхIаца, Чопа-молла гIертар цар массарел дукхагIа хиннад.

Хьажас (Къ. а) цхьан дийнахьа, аьннад цунга:

– Хьога цхьа хIама хоаттаргдар аз, Iа пурам лоре.

– Хьайна ловр хатта пурам да хьона, – аьннад цо.

– Чопа-молла, масса Iалам саг шийх гIерташ веце, Устаз меттара вац йоах хьа жайно?, аьнна, хаьттад Хьажас (Къ. а).

– Кховзткъе кхоь (63) Iалам саг шийх гIерташ веце Устаз меттара вац йоах са жайно, аьннад, Чопа-моллас.

– Цу меттарча Устазах гIерташ бараш мишта Iалам нах хила беза йоах хьа жайно?, аьнна, Хьажас (Къ. а) хаьттача, ший накха тIа кулг а дилла, со санна бола Iалам нах хила беза, аьннад Чопа-моллас.

– Чопа-молла, Iа бувцача Iалам нахах, Iалам саг хьо воацилга ховра шийна. Меттарча Устазах I гIерташ вола кховзткъе кхоь (63) Iалам саг мишта хила веза, ше дувцаргда хьона, аьннад, Хьажас (Къ. а).

– Дала (Iазза ва жалла) укх дунен чухь арадаьккха Iилма цIендаь дIадаьккхача, ер ден сердал дIаььккхха Iаьржа бийса хьатIайоалаяь, ер дуне Iаьрждаь дIаоттадича, ший аьрдига кулга пIелгаца нур деш, аьтига кулгаца йоазув деш, из деррига Iилма цхьа хьарп эшаш доацаш, юхаметтаоттаде низ кхоачаш хила беза.

Чопа-моллас аьннад:

– Хъажа, ла фуннагла дувце а, са дего къоабалвиц хьо.

– Чопа-молла, даъра хов шийна ла ше къоабалве йиш йоацилга. Ер дуне кхоллале диъ эзар (4 000) шу хьалха ше мел кхелла синош гулдаъ, цу синошка амар даъд Дала (лаzza ва жалла): «Овлиий синош хьакъаста!», аьнна. Даъла (лаzza ва жалла) амар кхоачашдеш, Дала (лаzza ва жалла) мел кхеллача Овлиий синош хьакъаьстар хьона. Тлаккха Дала (лаzza ва жалла) аьлар юхедисача синошка, «Овлиий синош шоашта Устазаш бий хьалувца!», аьнна. Даъла (лаzza ва жалла) амар кхоачашдеш цу синоша шоашта Устазаш лаьцар хьона. Цу дийнахьа из вай Даъла (лаzza ва жалла) цу синошка йистхулаш хьахезар ва хьона ше. Цъхан Овлиаю шийна гарга ца дуташ, ший яьне тла ца эцаш, юстардаьнна, эгадеш даглаш хьа са бларгадайнар ва ше, аьннад Хъажас (Къ. а).

-47-

Цъхан дийнахьа дуккха нах гулбеннача Хъажа (Къ. а) хиннав къамаьл деш. Цун къамаьлах дог глерташ юстара ваглаш Чопа-молла хиннав. Из деррига ховш волча Хъажас (Къ. а) Чопа-моллийна, араваха везаш дола хьашт гучадаьккхад. Сихха аравахав Чопа-молла, цъха юкъ яьннача глolla юха чувера из. Хъажийна (Къ. а) тлера бларг ца боаккхаш, клир санна клайвенна, тлера длабаха бос болаш, бlaraхъежжача ваглаш хиннав Чопа-молла.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Чопа-молла, тхьовра араводаш хиннача хьал тлехъ гац шийна хьо, бос баха ма вий хьо, фу хиннад хьона?

– Хъажа, хьайнеи Даллеи (лаzza ва жалла) юкъе йоаллача гаргалон духьа хланз сога долча хьал тла ма виталахъ со, – аьннад, Чопа-моллас.

– Чопа-молла, вай Далла (лаzza ва жалла) дезац хьона ший гаргарча нахах ший лай глертар. Даъла (лаzza ва жалла) гаргарча нахах глерта мегаргдац. Меттарча Устазах глийртача наха тлакхоачаргдолча хламаех ца! да хланз хьога кхаьчар. Чопа-молла юха ара а вахе чувола хьо, хье хиннар волаш юхавоагларгва хьо, – аьннад Хъажас (Къ. а).

Ламаза араваха юха чу а вена, мухъ бетгаш велхаш чувахав Чопа-молла.

-48-

Эггара хьалха Хъажа (Къ. а) Устаз лаьцар Палаби ва. Хъажеи (Къ. а) Палабеи шиъ цъхана жегa воаллаш хиннав. Цъхан дийнахьа Хъажа (Къ. а) жена юххе вита, Палаби юрта лочувахав, шоашта кхача ба дагахъ. Из юхавеча Хъажас (Къ. а), хаьттад цунга:

– Керда хлама дарий вай юрта?

– Даъра Хъажа цъха керда хлама дар вайцига, наха члоагла тамаш еш.

– Фу дар цига? – хаьттад Хъажас (Къ. а).

– Иманах веа а веа, Имам Шамала хьукам кIалхара дIа а ваьнна, Галийчу ючу а ваа, полковникашца, инаралашца доккхача гулакхе а ваа, «Мустап-къаьда иманах веав», яхаш, – из керда хIама дар вайцига.

Лаьтта юхьежаш цхьа юкъ а яьккха: Палаби, тахан денз дIа кхо (3) бутти ялх (6) дийи даьлча, дIакхалхаргва хьона из, Мустап-къаьда. Кхалхар имана тIехь воацаш хургда хьона, цун, – аьннад Хьажас (Къ. а).

ХIара дийнахьа ший гIаджа тIехь жIака доаккхаш хиннад Палабе.

Кхо (3) бутти пхи (5) дийи даьлча, Хьажа (Къ. а) жена юххе а вита, юрта ючувахав Палаби. Из юхавеча, тхьовра санна хаьттад Хьажас (Къ. а):

– Палаби, керда хIама дарий вай юрта?

– Даьра Хьажа вай юрта керда хIама дар. Таханчул кхо (3) бутти ялх (6) дийи хьалха Iа аьнна баьк хинна хьаьттад.

-49-

Галий тIара инаралаша Имам Шамалийга нах бахкийтаб, Мустап-къаьда дIакхалхав, шоай дакъа цахьо, аьнна.

– Тха Элчан (IалайхIис-Солату вас-Салам) шарилат дакъашца яхь еш дац, дакъа хьаьцаргда, дIа а долларгда, аьнна, Имам Шамило бахийта, дакъа цIакхачарга хьежаш нах бар гулбенна, аьннад Палабе.

– Хьажа, кхо (3) бутти ялх (6) дийи хьалха цунах хургдар Дала (Iазза ва жалла) хьайна хайта вар хьо, хIанз фу хиннад цу Мустап-къаьдах?

– Палаби, иманах веа из Галий чу гулакхе вахале хьалха, цо шийна Устаз лерхIаш Яраги-Шайх (Къ. а) вар хьона. Ший дегIацара са озадаь лакшакха кхьача, цу Яраги-Шайхага (Къ. а) оарц дехаш кхайкар из, тIоа сагарах тарра цунна оарцагIа вера Яраги-Шайх (Къ. а). Из хьакхьача, дегIацара дIадаха са дар, шелденна уллаш дакъа дар. Малхбоалехьа, малхбузехьа, укх дунен ийьэ (4) миьэ дадар Яраги-Шайха (Къ. а) са Мустап-къаьдий са лохаш. Даьра, Палаби, кораданзар цунна Мустап-къаьдий са. Шийна цун са кора ца дича, бIаь эзар (100 000), тько эзар (20 000), виь эзар (4 000) Овлиа-ашкара оарц дехаш кхайкар Яраги-Шайх (Къ. а). Цу, бIаь эзар (100 000), тько эзар (20 000), виь эзар (4 000) Овлиа укх дунен ийьэ (4) миьэ, ворхI (7) сигален, лаьттан юкъе лехар цар Мустап-къаьдий са. Даьла (Iазза ва жалла) Сийлалора кора-м динзар царна цун са. ТIаккха цу массаволча Овлиашка шийна тIехьа «Амийн!» оалийташ Даьлага (Iазза ва жалла) дулийца вийлхар из, Яраги-Шайх (Къ. а). – «Везан Даьла, тхона Мустап-къаьдий са корадагIац, Хьай воккха Велий оарцагIа ваккха Iа шийна», – аьнна, кхайкар Яраги-Шайх (Къ. а). – Иштта Даьлага из кхайкача, – «Ер да хьона, Яраги-Шайх, Мустап-къаьдий са!», – аьнна, цхьан мискача саго дIакховдадир хьона, шийна тIехь чакхьанна Даьла (Iазза ва жалла) кхел йолаш.

– Даьллахьа Хьажа, фу яр цун тIехь чакхьанна кхел?

– Цу мискача саго шийга цун са дIаделча, бIаь эзар (100 000), тько эзар (20 000), виь эзар (4 000) Овлиаша «Амийн!» оалаш Яраги-Шайхо (Къ. а)

Даьлагара (лаzza ва жалла) дийхар Мустап-къаьдий са. Дала (лаzza ва жалла) амар дир Ярагли-Шайхага (Къ. а): «Бусалба наьха синош цхьан оаг'лорахьа оттадий, кераста наьха синош вокх оаг'лорахьа оттадий, цу синошта юкье д'лахеца Мустап-къаьдий са. Бусалба наьха синошта юкье из са чудеде, Аз велар хьона из!» – Дала (лаzza ва жалла) хоам б'йр Ярагли-Шайхага (Къ. а). Дала (лаzza ва жалла) ма аллара бусалба, кераста наьха синош д'ла а оттадаь, цу синошта юкье юхь бусалба нахагахь йолаш д'лахийцар Мустап-къаьдий са. Бусалба нахагахьа фоарт ерзаяь, хрю..., хрю..., – аьнна, хьакхий Имадаш яь, кераста наьха синошта юкье чудахар цун са, – аьннад Хьажас (Къ. а).

Галабе хаьттад:

– Хьажа, х'ланз аз хьайга хаьттадох бакъдар алалахь. Ярагли-Шайхана (Къ. а) кора ца доаг'лаш, б'лаь эзар (100 000), ткьо эзар (20 000), виь эзар (4 000) Овлиашта кора ца доаг'лаш, дисача, Мустап-къаьдий са Ярагли-Шайхага (Къ. а) д'ладеннар, хьо вариь Хьажа? – аьнна.

– Галаби, цунах хиннар хайна ваьлча, шоллаг'дар сенна деза хьона?, – аьннад Хьажас (Къ. а).

– Хьай Даьла (лаzza ва жалла) духьа, Даьла Элчан (лалайх'лис-Солату вас-Салам) духьа ала шийга Хьажа, хьо вариь из?

– Галаби, хила мег, – аьлар Хьажас (Къ. а).

– Даьла (лаzza ва жалла) тешалца, Даьла Элчан (лалайх'лис-Солату вас-Салам) тешалца тахан дуненна, кхоана кьемата денна сайна доал де, лунал де, хьо Киши во! Устаз лаьцар аз! – аьнна, Хьажа (Къ. а) марх'лавелла Устаз лаьцав Галабе.

-50-

Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Адама (лалайх'лис-Салам) т'лехьенах шийл дукхаг'ла Ла иллах'ла илла-Ллах'л, аьнна, цхьа дег'л хилча, бийсана наб ерг'яцар, дийнахьа сатем хургбацар вай. Даьла Элчанна (лалайх'лис-Солату вас-Салам) вайл гаргаг'ла цхьаькха дег'л даха даларе, бийсана наб ерг'яцар, дийнахьа сатем хургбацар вай. Лулуллоах'л, яхача чехкача зикарал дезаг'дар, цхьаькханена денна даларе, кхычунна дала, аьнна, Дала (лаzza ва жалла) юхедита даларе – бийсанна наб ерг'яцар, дийнахьа сатем хургбацар вай.

-51-

Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Жожаг'лата яха хьакъ долаш йола кховзткье итт эзар (70 000) фоарт цхьанне хьалха йоаккхарг'йолаш кховзткье итт (70) мурид кийчвир вай Даь-къастен чухь.

Шаламий-юртара хиннав «Ахьмад-Дукъ-Хъажа», яхаш цхъа Шайх, шийна тлехъа муридий тоаба а йолаш. Цун мурид кхелхача таъзета нийсвеннав Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) кхебаъча муридех цаI, «Ката» цIи йолаш.

Дакъа каша Iочудилла, йост Iочухъекха боарз хъалбизача, цу боарза юххе Iохайнав Ахьмад-Дукъ-Хъажа, шин кулгаца ший корта хъаллаъца. Из иштта вагIаш цхъа юкъ яълча, эхI-эхI, аьннад Катас, Ахьмад-Дукъ-Хъажа, жоп галдаьнна додаш да, де гIо дий хъа?

Цхъа юкъ яьннача гIолла шозлагIа аьннад, Катас:

– Жоп галдаьнна додаш да ях аз, де гIо дий хъа?

Йистхиннавац из. КхозлагIа Катас шийга аьлча:

– Даьллахъи дац, Ката, – аьннад цо.

– Маьржа яI, аьннад Катас, укх дийнахъа шоай де гIо ца хилча, укх-л чIоагIагIа долча дийнахъа де гIо долча даь кара бута балар оаша нах, тувла ца беш.

Мартан-тIара Темарсолта хиннав леча лазарах метта уллаш. Цунга хъажа венав Ката.

– Ас-саламу IалайкумI, Темарсолта, хъал миштад хъа?, – хаьттад Катас.

– ВаIалайкумус-салам, Ката, марша воагIийла хъо. Хъал Дала (Iазза ва жалла) деннар да вайга, дIауллаш ва-кх со, – аьннад Темарсолтас.

Юххе а ваха Iохайнав Ката. Корта Iочуэлла дукха ваьгIав из.

– Темарсолта, со дIаваха воал, кхоана делкъа ламаз даьчул тлехъагIа, малхбуза ламаза ха хилалехъа, аьхарта ахIлонца гулвалар хургда хъа. Вай-гара салам-моаршал аргда Iа. Дуне кIордадаь лелаш цхъа миска вар цига, вай дIадехаш дуIа де алалахъ царга, – аьннад Катас.

Из бийса дIаяьнна, шоллагIча дийнахъа Темарсолта кхелхав. Из кхелха ялхлагIча дийнахъа дегIах лазар кхийтта, Ката метта вижав. Багара мотт сецар, бIарга нур дIадаьлар, гонахъа йистебагIаш нах бар, «Ясийн» дешаш цхъабараш бар. Цу хъалчухъ волча хана ше уллача метта хъалъурахайнав Ката.

Цунна йистебагIача наха аьннад:

– Ката ма чIоагIа кхерадаьдар Iа тхо. Лазаро готтаваь гIаьттав хъо, е паргIатваьнна гIаьттав хъо, малагIча хъале волаш гIаьттав хъо?

– Даьра лазаро паргIатваьккха гIаьттавац, корзагIваьккха гIаьттавац со. ДегIацара мерза са эца тIакхийнна доагIаш Мулкал-мовт дар, из тIакхачалехъа, «Сай вар мурид, сай кара вутаргва аз!», яхаш, цул хъалхаваьнна воагIар Устаз (Къ. а). Уж санна дола ши (2) дегI тIадоагIаш вижа уллаш царна бIаргавайта эхъ хеташ гIаьттав со, – аьннад Катас. УравагIаш са дIадахад цун.

Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а) цхъан дийнахъа тоабана юкъе къамаъл деш латташ, дын тIа вагIаш хъатIавена, Хъажийга (Къ. а), цхъан Iалам саго аьннад:

– Кхоана къемат дийнахъа мицкъала-зирратал хъай де дика доаццаше, халкъанга из къамаъл деш латт хьо.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– «АстагIфируллоахI» оала далар Iа.

– Аз во хIама даьдац. Во хIама даьчо мара доаладеш дац из, аьннад вокхо.

– Даьллахъ, «АстагIфируллоахI» доаладудалар Iа, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Аз во хIама даьдац, во хIама дича мара доаладеш дац из.

– Даьллахъ, цун цIи а яьккха, кхоэлагIа аьлар Хъажас (Къ. а), «АстагIфируллоахI» доаладудалар Iа, аьнна.

– Аз во хIама даьдац, во хIама дича, дехке ваьнначо мара доаладеш дац из дош, со дехке ваьннавац, аьлар цо.

– ХIанз Iа доаладича пайдане дац хьона из. Ладувхалахъ, аьлар Хъажас (Къ. а), хIанз укхазара цIаверзаргва хьо, цхъан берда чу кхоачаргва хьо, ахан-гахъа кхаьчача говра, тIера ловосса везаргва хъа, говра юха тIаховргвац хьо, хачий барч дIаехка а ца ехка а мег Iа.

– Из санна дола къамаьлаш-м сога дукха дийцадар, аьнна, ший говра шод техха дIа меттахъа иккхав из Iалам саг.

Хъажас (Къ. а) бийчача берда чу кхаьчача, говра тIера ловосса везаш хиннав, Iоховш-хьалгIетте волалуш, кхы говра тIа ца ховш цIакхаьчав.

– ЦIакхоачаргва хьо, цу хьал тIехъ волаш ворхI (7) шу доаккхаргда Iа, дIакхалхача хана кхалхар иманаца воацаш хургда хъа, аьннад Хъажас (Къ. а).

ЦIакхаьчача зIар даь, цу зIара тIа уллаш ха яьккхай цо. ВоI хиннав цун кхыча паччахъа кара Iилма Iомаде ваха. Да хала ва, аьнна, цIавийхав воI.

ЦIавенача воIо аьннад: – «Цхъа аят да, яхаш ма варий хьо, из дийшача кхалхар иманаца хургда, аьнна, из аят деша далар Iа».

– КIант, Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а), аьннар хинна даьннад хьона. Аят дац, Iилма дац. Шийгара Iилма дIаййцад.

Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а) ший бе йоаллача гIаджа тIа корта IотIабаха ваьгIай.

– Эшшахъ, аьннад Хъажас (Къ. а), аьпа (Iазза ва жалла) хоастам ба хьона.

Можа тIа гIолла хий Iодахар цун.

– Вай бахъан долаш Хъайх дIахеттар ма цIоагIа хеттар Iа, вай бахъан долаш дIахоадаваьр ма цIоагIа хоадавир Iа, аьннад Хъажас (Къ. а).

-56-

«Повда», – яхаш хиннав Хъажий (Къ. а) цхъа мурид. Шоашта хатта караг
ца доалаш, Повдийга хаттийтад цар Хъажийга (Къ. а).

– Хьогара оарц-гю эшаш кхайкаш хилча, тхона хьогара бехк хургбоацаш,
футла кхаъчача кхайка мегаргда тхо хьога.

– Муридаш, шоай ворда соана загал лобежача кхайка мегаргда, шоана.
Муридаш, шоана ма хеталаш гаьннарча дунен тлара ведда Устаз ва веза,
аьнна. Меттар волча Устаза, Даьла (лазза ва жалла) тлахьожаш мел йола моттиг
укх юкъе еллар шоана, аьнна, ший ши (2) кулг хьалхашка халлаьцар Хъажас
(Къ. а).

-57-

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Дийша, лалам саг сайранга воагларгвац, ший Устазах шеко йоацаш. Ший
Устазах шеко йоацаш вола лалам саг, цле сангал санна мара коравоагларгвац,
коравича шовзткъа (40) лалам сагагах дола лилма долаш хургва шоана.

-58-

Цхъан плаьраска дийнахъа ламазе болхаш хиннаб Хъажеи (Къ. а) Ябаж-
моллеи. Ахкан замангахъа, ха йоацача хана дилла лоа дар.

– Зулам да-кх хьо лоа, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Эшшахъ, Хъажа, Дала (лазза ва жалла) даьча хламах, зулам да, ала мегарг
ма дац, аьннад Ябаж-моллас.

– Зуламах зулам да ала мегаргда, аьннад Хъажас (Къ. а).

Из къовсам баь длабахар уж.

Шоллагла плаьраска дийнахъа юхавеча Ябаж-моллас аьннад:

– Хъажа, хьо бакълийна хиннавар. Ший хана чухъ доацаш дилла лоа,
зулам да, йоах жайно.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Ябаж-молла, жайна маан де хьона ховре, эггара кхоачарагла вай шиъ
хургвар хьона.

-59-

Хъажийга (Къ. а) хаьтта хиннад:

– Укх дунен чухъ мел долча хламано хьо Устаз ца лацар тамаш я, аьнна.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Бийса ши (2) дакъа дладаьнна кхоалагча даькъе еннача хана, Пайракха-
керте ваьнна ше кхайкар хьона «lo-o-o, лулulloахl, лулulloахl, аьнна. Наьна
керахъ долаш, даь бовкъамашкахъ долаш, вайца махбаь вай къоабалдеш
мел долча синошта из длахезар хьона. Укх Илсхан-юрта из дла ца хезараш
а хилар хьона.

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Дала (лаzza ва жалла) кхо (3) низ белар вайна:

1. Эзар метте цхъан сахъат чухъа эзар мурид кхалхаш хилча, цу эзар мурида корта ший карабилла, цу массарий са иманаца эцийта.

2. Эзар муридага, эзар метте цхъан сахъат чухъа лахътий чухъ барт хоатташ хилча, ший мурида барт хоатта малайкаш бларга ца дайташ, барт хоаттача малайкашта ший мурид бларга ца вайташ, ший мурида хьалхара жоп денна уж малайкаш дладахийта.

3. Кхоалагла бола низ белар вайна, адамий тептараш Далла (лаzza ва жалла) тлакхухъаш, Даъла (лаzza ва жалла) цлена малайкаш да. Цу малайкашта ца хайташ, из тептар царгара хъа а ийца, Далла (лаzza ва жалла) тлаяхъа тоам боацаш йола ламал длайоаеш, Далла (лаzza ва жалла) тлаяхъа тоам болаш йола ламал мара ца юташ, из тептар цлендеш, царга из юха дладала.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Адам-Пайхамара (алайхлис-Сапам) тлехъенах цхъаннена ца даъ дика даъд шийна, Везача вай Дала (лаzza ва жалла). Вай цкъа «Ла иллахla илла-Ллахl», аьлча, адамо, жино аьннар боараме длаязду шийна. Адамах (алайхлис-Салам) хъадаьннача халкъах, сагагара цхъа хлама юмадаьдац вай, Даъла Элча (алайхлис-Солату вас-Салам) воацачунгара. Ше къоабалвеш, шийна тлехъаязача тоабах шийна лайнар лакхве, шийна лайнар лохве, Дала (лаzza ва жалла) из сай кара дитар сона.

лаьлах-молла лаьца набахта воаллача хана, цунца лаьца ваьллава цунна вирд доаккхаш, из Устаз волаш Баладал цли йола цхъа мурид. Цхъан дийнахъа лаьлах-моллас аьннад:

– Баладал, хъа рузкъа укх чура кхоачаделар, хъо кхоана длахецаргва, са рузкъа гаьна даьлар, со гаьна ваха везаш ва хъона.

Баладалас аьннад:

– Укх дунен чухъ кхы влаши бларгагургдий вай?

– Баладал, укх дунен чухъ кхы влаши гургдац вай.

– Даьллахъ молла, къемата дийнахъа гургвий вай шиъ?

лаьлах-моллас аьннад:

– Баладал, Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а) ва хъона, цунна тлехъязаш тоаба я хъона, цу Илсхан-юртарча Хъажех (Къ. а), цунна тлехъязача тоабанах хъо глерте, кхоана къемата дийнахъа гургвац вай шиъ. Къунал дергда Дала (лаzza ва жалла) вай шиннена юкъе. Цхъабакъда, хъо царех ца глерташ длавоагле,

иона къемата дийнахъа иштга духъалкхетаргва вай шиъ, аьнна, ши (2) плелг ашагтехар цо.

Тлакха Баладалас аьлар:

– Ма чоагIа хIама да из, Iа яхар, иштта чоагIа Овлияъ ва из Иласха-юртара Хъажа (Къ. а).

– Баладал, Дала (Iазза ва жалла) дунен чухъ мел кхеллача Овлияшта метр Iиста, муш биста делар хъона дакъа. Цу Иласха-юртарча Хъажийна. (Къ. а) дразув доацаш делар хъона.

-63-

Илсхан-юртарча Хъажийга (Къ. а) Iалам наха дукха хIамаш хетташ, царна ше жоп денна ваьлча, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Iалам нах шуга цхъа хIама хатта мегаргдарий?

– «Кун», яхар фу дош да?

– «Кун» яхар чоагIа дош да. Дала (Iазза ва жалла) «Кун» аьлча, «Фа екувну» – хъахинна даьлар из. «Кун» Дала (Iазза ва жалла) аьлар, «Фа екувну» – ер дуне хъахилар, иштта чоагIа дош да из.

– Тлакха «Кунта», аьнна, «та» IотIатеха, Дала (Iазза ва жалла), «Хъо хила!», аьнна, наьна керахъ волаш, Дала (Iазза ва жалла) шийна цIи тилла дунен чу вайтар ва ше, витал ше, – аьннад Хъажас (Къ. а).

-64-

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Бераш, хъаьша воагIа шоана, хъаьший лерхIам белаш. Хъаьший ЛерхIам оаша мел беча хана, малайкаш магIа даьле дагIа шоана, цу хъаьший лерхIам беш. Варий, хъаьша эгIа ма ваккхалаш. Хъаьша оаша эгIа ваьккхача, хъаьший лерхIам бов, малайкаш арадаьле дIадолх. Варий, Даьла (Iазза ва жалла) цIена малайкаш лораделаш. Хъаьший лерхIам боа ма белаш.

-65-

Цхъан дийнахъа, ЦIа-Веданарча ИбрахIимарга вахав Хъажа (Къ. а).

– ИбрахIим, цIагIа вий?, аьнна, хаьттад цо.

– ЦIагIа вац, аьннад цун сесаго. Чувала Хъажа, чувоагIаргва из.

– Чувалац ше, ИбрахIимага дIавола алалахъ, аьнна, Хъажа (Къ. а) дIавола-веннав.

Юха тIа а вийрза, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– ИбрахIим хъаьшашта магIа воалий?

– Аз воал аьлча а вувлац аьлча а, хъона дика ма хой из, аьннад ИбрахIима сесаго. Цхъаволчоа магIвоалаш хул, цхъаволчоа эгIвоалаш хул.

– Мел зIамига вале а, хъаьшана магIа ма вала аргда Iа ИбрахIимага, аьнна, дIавахав Хъажа (Къ. а).

– Бераш, аьлар Хьажас (Къ. а), вай Далла (лаzza ва жалла) деш долча гьулакхакх укх Баьталгире хьайра тоатольгах даргдацар вай.

Га баьккха саг тлехваргволаш хиннад из.

– Далла (лаzza ва жалла) деш дола гьулакх берхлалла тосса тух боараме хилча тоьаргдар шоана. Iан Iахьар миссел цунах дIатоха хоза гьулакх хила деза.

Хьажий (Къ. а) мурид хиннав Эсангири. Цхьан дийнахьа хьунагIа ваха волаш, нийсса дола бекъильгаш дахьаш чувенав из. Царех шийна поднар е дагахьа уж нийсдеш, шаьрдеш ваьллав Эсангири. Вена хьакхавчав Хьажа (Къ. а).

Эсангири, фу де воал хьо?, хаьттад Хьажас (Къ. а).

– ХьунагIа вахача ер бекъильгаш хозденна денадар аз, хIанз ераш овхийташ, нийсдеш, акхарех маьнги бе воаллар со, аьннад Эсангире.

– Маьнги бе мегаргда, цхьабакъда Эсангири, дIара а дар эшадеш мара, укхазара дар хургдац, аьнна, да хьона.

– ЭхI! Даьра Хьажа аз-м бергбац укхох маьнги, аьнна, кхайсса уж бекъильгаш арадахийта, топпар тархе яь, дIавахар Эсангири.

Цхьан дийнахьа дакъа дIадоллаш кашамашка хиннаб, Хьажа (Къ. а) шоашца а волаш, цун муридаш. Дакъа Iочудилла, йост Iочухьекха яьлча Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Го бе, укх каша гонахьа бIаь (100) зикар доаккхаргда вай.

Го баь дIаэтга бIаь (100) зикар даьккхар цар, цу бIаь (100) зикара маьл венначоа дIакхайкабешше, из каша даьттIа, цу кашара араяьнна тайша жIалена тара а йолаш, во когаш а долаш, цхьа ийрча хIама дIайодаш бIаргаяйра Эсангирена. Шоаш цигара гьулакх даьнна арабаьлча Хьажийга (Къ. а) авннад цо:

– Ма тамашийна хIама дар сона тахан бIаргадаянар! – Фу дайра хьона?, хаьттад Хьажас (Къ. а).

– Вай гонахьа дIаэтта бIаь (100) зикар даьккха маьл цу венначоа дIабелча, цу кашара араяьнна, тайша жIалена тара йолаш, во когаш долаш, цхьа ийрча хIама дIайодаш бIаргаяйра сона.

– Фу дар хайрий хьона из, Эсангири? Дунен чухь волча хана цу венначо леладаь бIеха, во гьулакхаш дар хьона из. Дунен чухь долча хана Iа ледадаьд тхо, кхы даха моттиг йолаш дац тхо, къемата ди даллалца хьоца хила деза тхо, аьнна, цунца каша денадар из. Вай гонахьа этта бIаь (100) зикар даьккхар, из маьл цу венначоа дIабелар. Из маьл нур хинна цу венначоа кач хьаьрчар. Цу

шинне кьовсамбир хьона, «вай шиннех ца! мара укх чухьа Iергдац», аьнна. Даьла (Iазза ва жалла) нур котдаьлар хьона, цу чухьа Iе моттиг йоаца цо леладаь во гIулакхаш дар уж, – аьннад Хьажас (Къ. а).

-69-

– Варий, бераш, оаша керта тIа туллаш йола хIама дика яр тиллалаш, кога тIа ювхар дика яр ювхалаш. Хьо везар кертага хьежаргва, цунна хоза хетаргда. Хьо ца везар когашка хьежаргва, цунна хала хетаргда, аьннад Хьажас (Къ. а).

-70-

Хьажийга (Къ. а) цун муридаша аьннад:

– Хьажа, наьха Устазаш ба яха нах, хоза дувхар дувхаш ба. Тхона чоагIа эхь хул, юхь Iаьржъялар хул. Хьо нахъара маьчеш ювхаш, уж еха а еха, когашта цIеш хьатIадаьнна ма вий. Хьона тIадувха барзкъа дала тха низ кхоачаргбецарий?

– Даьра, бераш, шун низ кхоачаргбар, оаша наьхачул дикагIа лелавергвар. Бераш, цхьа хIама да цйга, дунен чухь бо ча хана дувхар дувхаш хиннача Устаза муридаш, къемата дийнахьа дувхар доацаш хургба. Дунен чухь болча хана дувхар дитача Устаза муридаш, дувхар долаш хургба. Оаша дувха бераш, шо укхаза дувхар долаш хургда, шо дIа метте а дувхар долаш хургда шоана, аьннад Устазо (Къ. а).

-71-

Хьажий (Къ. а) мурид хиннав Керам цIи йолаш. Гунара Керами Илсхан-юртара Хьажеи (Къ. а) цхьана хьунагIа баха хиннаб. Сомма яр яьккхача цунна тIера коаст а яьккхе из маьлхе тоссаш, йиткъа хIама яьккхача йокъа ца ялийта Iийне тоссаш, иштта уж боакхача хана, гаьннара текхаш, чIегIаш цIувзаеш, йоагIаш цхьа дийна хIама яр. Хьо фуннагIа яле а Хьажийна (Къ. а) тIайоагIаш хIама я-кх хьо, яхаш, латташ хиннав Керам. Текхаш хьатIаена, Хьажий (Къ. а) ши (2) ког хьамархIабелла, лаьтта корта дIа а билла борз дIайижар.

Хьажас (Къ. а) аьлар:

– Енна ма яла хьо, хьайна дегIача рузкъан тIаяха хьаькъал доацаш лел-кх хьо.

Из Хьажас (Къ. а) аьлча, ше маьрша йолга хайна, хьальурахайна, Хьажий (Къ. а) юкъ мархIаелла, чоажашка корта Iочубелла дIаэттар борз. ТIагIолла кулг хьекха, Хьажас (Къ. а) цунга аьлар:

– Тховсара, Куршалара Iабдур-Раззакъ-Хьажий бераша жа карт дIакъовларгъяц хьона, цига яхе хьайна цхьа берста устагIа баьалахь.

Борз тella тIехъашкахьа яьнна, едда хьунагIа дIакъайлаяьлар. Хьажийга (Къ. а) хIама ца оалаш, Хьажеи (Къ. а) Керами цIабахар. Iурра говра

нур тилла, Гунараара Куршала вахар Керам, из борз Куршала яхайий хъажа. Ара картах говр дла а тесса, коа длачувахав Керам. Коа глolla дла-хъа ухаш лабдур-Раззакъ-Хъажа хиннав.

– Ас-саламу лалайкум, фуд укхаза, керда хлама дий?, аьнна хатгар дир Керамас.

– Валалайкумус-салам, маьрша воагийла Керам, керда хлама дац. Сий-сара бераша жа карт дла ца кьовлаш, берзо цхъа берста устагла биаб, аьлар лабдур-Раззакъ-Хъажас.

– Из ха венавар со, аьнна, ший говра тлахайна цавахар Керам.

Цхъа клира ха яьннача хана, Гуна таьзета нийсвеннав Хъажа (Къ. а), цига хиннав лабдур-Раззакъ-Хъажа. Хъажас (Къ. а) хьатгад цунга:

– Борз ерий цига?

– Даьра ера, Хъажа, ла во ма яйтаяр из. Даьра вар со, ер Хъажа, вай мара Устаз вац мотташ. Ер-м хьунагла лелача оакхарий Устаз а хиннав, аьннад лабдур-Раззакъ-Хъажас.

-72-

Саясанера Тошо-Хъажа (Къ. а), Зандакьера Пьеза-Хъажа (Къ. а), Илсхан-юртара Хъажа (Къ. а.) кхоь цхъана юхайша баьглаб. Ши (2) теш волаш, хларане цхъацца хлама ала деза вай, аьнна, барт баьб цар.

Саясанерча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Саясанерча Хъажий амар да, аьнна, зерат дийхка, цкъа шийна каша тла зерате вена саг, шун шинне тешалца хьалхаваккха тлаийцар аз.

Зандакьерча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Пьеза-Хъажий амар да, аьнна, кхоь е ворхI (3–7) эрш никъ цленбаь саг, шун шинне тешалца хьалхаваккха тлаийцар аз.

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Ший амар да, аьнна, чехкача зикара кхо (3) го баьккха саг, шун шинне тешалца хьалхаваккха тлаийцар ше.

-73-

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Дала (лазза ва жалла) цхъан дегла чухь ши (2) са кхолларгдолаш хилча, Пьеза-Хъажий (Къ. а) са, ший са – цхъан дегла чухьа кхолларгдар.

-74-

– Лаьтта тарра хила веза ший мурид, аьннад Хъажас (Къ. а). Лаьтта – шийна ютадилла хлама лов цо, блеха хлама дале а, цлена хлама дале а. Цунах тарра хлама ловш хила везар-кх ший мурид. Дала (лазза ва жалла) мел кхел-лача хламанна пайда луш да лаьтта. Шийгара зе ца дувлаш, пайда бувлаш хила везар-кх ший мурид.

Цхъан дийнахъа Шаъла вода Хъажеи (Къ. а) Шаълара Илсхан-юрта хъавоагIа Мадари новкъа вIашагIа кхийттаб.

Хъажас (Къ. а) Илсхан-юрта дIагIоргда вай, аьннад, Мадарас Шаъла дIагIоргда вай, аьннад.

Мадар кот а ваьнна, Шаъла дIабахаб уж. Шаъла дIакхачалехъа мал-хбуза ламаз даьд цар. Ламаз даь, тасбихъ йийша шоаш баьлча, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Мадар, Дала (Iазза ва жалла) «Аяталь-Курс» кхоллаш бIаргаяйнар ва хьона ше. Из кхеллача; Дала (Iазза ва жалла): «Лаятта йосса», аьнна, амар дир цунга «Йоссаргъяц ше», аьлар цо. ШозлагIа амар дир цунга, «ГIоргъяц», аьнна, духъале йир цо. КхозлагIа Дала (Iазза ва жалла): «Лаятта гIо», аьнна, амар дича, «ГIоргъя ше, шийх боалаш бола пайда Iа лаяттарча халкъанга дIахайте», аьлар цо.

– «Аз Сай Возаленах дув буь хьона, пхе (5) ламаза тIехъа хьо ешаш, лелаеш Шийна духъалвенача лаь бIаргашта ЖожагIате ца яйта», аьнна, Дала (Iазза ва жалла) лаятта яйта я хьона «Аяталь-Курс».

Лоха Темарбот цIи йолаш цхъа мурид хиннав Хъажий (Къ. а). Цхъан дийнахъа Хъажа тоабанца латташ, хьийдда тIавена Хъажийга (Къ. а) аьлар цо:

– Тахан аз хъайгара дийхача хIаманна жоп далахъ сона.

– Темарбот, ма дехалахъ, Iа дийхача а хьона из дала йиш яц ший, аьннад Хъажас (Къ. а).

Темарбот велхаш юхавийрза чувахав. Хъажийна (Къ. а) гонахъа латтача наха хаяттад:

– Фу деха воаллар из?

– Кхоана доагIаргдолча къемата дийнахъа, вайна гарга ший дегIал гаргагIа кхы цхъаькха дегI ма хилийта, аьнна, деха воаллар из, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Даьллахъи Хъажа, деха тоам болаш дар из. ХIана аьлар Iа цунга, ма деха, дала йиш яц, аьнна.

– Даьра, бераш, из деха мегаргдар, цо дийхача. дала а мегаргдар. Цхъабакъда, вай Даьлаца (Iазза ва жалла) баьча маьха духъал а дар из. ТIехъа у тIайоагIача замана, хIанз наьна керахъ боацаш, даь бовкъамашкахъ боацаш, вувцарах-хазарах ше къоабалваь доагIаргдолаш бераш да ший. Чура коч санна, къемата дийнахъа шийна гаргга хургбараш уж ба. Цар гIулакх чак-хдаьлча мара, шунгахъа тIаверзаргвац ше, – аьннад Хъажас (Къ. а).

Хъажас (Къ. а) ше оттаваь туркх хиннав, БайIаьла. Шийга Устазо ма аллара саг веннача, дика-во хинна, тоба эшаш йолча метте, хIаранена наIартIа водаш хиннав БайIаьла. наIартIа ваха цо хъабийха муридаш хъабоагIаш хиннаб, цIа

воацар. Кхозза-диазза кхайкача, из ца! массаза хъавоаглаш хиннавац. Цхъан дийнахъа цун налартла ваха Байлаьлас аьннад:

– Захир, сайга Устазо (Къ. а) ма аллара, дика-во хиннача хана хъона налартла венавийсо?

– Венав, – аьннад Захира.

– Кхычарна санна, со хъона налартла ца воаглаш виса мотгиг хъаювца еза ла, аьннад Байлаьлас.

– Даьра, Байлаьла, хъо сона налартла ма ихав. Бакъда, са длавар тараден-надац, ледарло яьй аз, аьннад цо.

– Захир, таханарчул тлехъагла туркх налартла вена, кхы ва везаргвац хъа. Туркхий балхах мукъа ва хъо. Гой хъона ер список, аьнна, ший кисара хъа-даьккхъа, муридаш тлязбаь каьхат длахъекхар цунга Байлаьлас. Лохе воацаш, лакхе воацаш, юккье язваь латтий хъо, аьнна, цунна бларгагуш къоалам хъекхъа, цу тлера длавоавир цо Захир.

– Со кхы налартла воарларгвац хъона, аьнна, Байлаьла длавахав.

Паккхъа ведда Хъажа (Къ. а) волча вахав Злахир. Долчча бessa дладийцад цо Байлаьлас списка тлара ше длавоавар.

– Хъажа, хланз хъо оарцагла ца воале, хлалак хиннав со, юха длязвайта со, аьнна, Хъажийга (Къ. а) дехар даьд цо.

Кхайка Байлаьла хъавийхав Хъажас (Къ. а). Байлаьлийга хаьттад:

– Бакъдий ла Захир списка тлара длавоаваьлга?

– Бакъ да, аьннад Байлаьлас.

«Бехке ва ше, дехкеваьннав ше, кхы дергдацар ше», йоах укхо, гештде деза укханна, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Захир, кхоана къемата дийнахъа туркхо шийга хъавеннар мара, шийга хъакхача йиш яц хъона.

– Байлаьла, къинтлера вала веза хъо Захира, тлаэца веза ер, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Хъажа, укх берригача белха да хъо ва, ла аьлча длязванза валац со. Хъалха ер хиннача язве мотгиг яц. Укхъаза тлехъашка длязвергва аз ер, аьнна, Захир тлехъашка длязвир цо.

Хъажас (Къ. а) аьлар:

– Захир, тахан укх туркхо хъо юстара язвабах тарраг кхоана къемата дийнахъа а юстара хила веза хъа.

-78-

Хъажийга (Къ. а) хаьттад цун муридаша:

– Хъоцара гаргало чоагла хилар, мела хилар, дика хилар, во хилар сенах ховргдар тхона?

Хъажас (Къ. а) жоп деннад:

– Хъай туркхъацара гаргало мишта я хъажа. Туркхъацара гаргало хъа дика яле, чоагла яле – шийцара хъа гаргало дика хилара, чоагла хилара белгало я хъона. Туркхъацара хъа гаргало тиша яле, во яле – шийцара хъа гаргало тиша хилара шеко яц хъона.

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Шоана хъавеча хъавенавий ца ховш, длавахача длавахавий ца ховш, налар тлехъашка lotela вагла миска саг, из хьона хъайл эсалах хеташ ният чдоагларгдац, цун даржал хъа дарж Дала (лаzza ва жалла) лохадоаккхаш мара.

Хъажа (Къ. а), Мовсар, Илдар – кхоъ цхъана хъавоаглаш, цхъан гаьн кIалха салала loхайшаб уж. Блaьсти, гаьнашта зиза теха ха хиннай из. Мовсаро аьннад:

– Хъажа, ма йоккха тоаба я хьона тлехъаяьннар, уж лалашбе, уж длаберзабе низ кхоачаргбий-те хъа?

– Мовсар, аьннад Хъажас (Къ. а), дукха зиза деций укх кхора тIа техар.

– Даьра да.

– Мовсар, бурилг хилале, цхъа дакъа лодожаргда хьона укх зизах. Бурилг яьчул тлехъагла, догла дийлха, мух хъекха дукха бурилг йожаргъя хьона. Сом лата болабеннача хана, нIана баха бежа, мух хъекха бежа дукха кхор бо-жаргба хьона. Укх хено ловргболчча боараме мара кхор бусаргбац хьона укх гаьн тIа. Мовсар, лоалахочунца гIай нийса де эттача дийнахъа, лоала-хочунгахъа хьокха дIачуувзаш, шийгахъа лаьтта совдаккха гIерташ, шийха дIахадар хургва хьона. Мовсар, Дала (лаzza ва жалла) шийна хъаьнал яьча метте, шийна рузкъа яздаьча метте, ший йол, йиша маьре яха эттача, Дала (лаzza ва жалла) ца могадаь урдув даккха эттар, шийх дIахадар хургва хьона. Шийга бежга ваха аргIа кхаьчача, из аргIа йохаяьр, шийх дIахадар хургва хьона, аьннад Хъажас, (Къ. а).

Дийнахъ-бийсан дукхагла йола ха Хъажий (Къ. а) дезалца цхъана йоаккхаш, «Илдар» цIи йолаш цхъа зIамига саг хиннав. Ший дегIаца хоза гIулакх долаш саг хиннав из. Саьдас цхъан дийнахъа Хъажийга (Къ. а) аьннад:

– Хоза гIулакх долаш саг веций из Илдар?

– Бакъда из, аьннад Хъажас (Къ. а).

Цхъа-ши ди даьннача хана шозлагIа аьннад Саьдас Хъажийга (Къ. а);

– Дика кIант хетт сона из, Илдар.

КхозлагIа Саьдас шийга аьлча:

– Илдар дика кIант ва, аьлар Хъажас (Къ. а).

– Илдар, иштга дика кIант хилча, вай Субар ма ярий маьрегIорг хинна. Воашта гаргара» саг ве мегаргдецарий вай цунах, Субар цунга дIа а яхийта, аьннад Саьдас.

– Вай даьхача Илсхан-юрта ди-бийса даккха яхийта ше, яхаш я вай Субар.

– Гаргара нах болча яхе цхьа клира даккха хьайна, аьле Илсхан-юрта яхийта la вай Субар. Ше цхьаь ца яха, Илдар вига ала la цунга.

Пад яхача Саьдас Субари Илдари цхьана Илсхан-юрта цхьа клира даьккхе дувла, аьнна, бахийта хиннабар. Ловзаш, белаш, хьуна юкье гIолла Илсхан-юрта а баха, цига цхьа клира ха якккха цабаьхкар уж.

Хьажа (Къ. а) Саьдага йист ца хулаш, Саьдас Хьажийга (Къ. а) хIама ца хоатташ, цхьа клира даьннад.

Цхьан дийнахьа Саьдас Хьажийга (Къ. а) аьннад:

– Цу хана аз хьайга аьнначоа, уж Илсхан-юртара цабаьхкача жоп лургда, аьннадар la. Хьо хIама оалаш вац, со сахьувзаш я. Цу хана аз хьайга аьнначох фу ях la?

– Саьда, из Илдар дика клинт воландаь, хьона из дукха везарах, сайна а из дукха везарах, хьона дага денар, шийна а дага денадар хьона. Вай шин-нена из дегла тIа деча, Субареи Илдареи дегашка хьежар ше. Нанас–даьна даьча веший-йиший санна мара, цу шинне дог влаши эргадаьнна корадинзар шийна. Уж Илсхан-юрта дяболхаш, цига клира ха цар йоаккхаш, цигара уж хьуна юкье гIолла цабоаглаш, бIарга ноглар тохар боараме цу шинне дегтIара ший ши бIарг баьккханзар ше. Цу шинне дегаш влаши эргадаьнна корадинзар шийна. Саьда, Илдар вай дика воша ва, хьона. Воша волчча Илдар вита la. Субарий рузкьа кхычахьа да, хьона, аьннад Хьажас (Къ. а).

– Саьда, мурид ший Устазах хоттавалар, хаьда хилар сенца гу даргда хой хьона, аьннад Хьажас (Къ. а). Ше санна йола кьона кхалсаг ийца, бIаьстий хьуна гIа тохача хана, шийна уллувяьккха цу хьуна чуваха, гурахьа гIа до-жжалца цунца цу юкье а хинна, цигара ще аравоагIача хана, ший Устазаца йолаш а йоацаш а йола гаргало ший мурида цигга гучаяргъя, аьннад Хьажас (Къ. а).

-82-

– Муридаш, воча хIаман тIа ца нийсвалар мурида болх ба щоана. Дерго, шайтIо Iехаваь тIанийсвенна ваьлча – цигга цун ка ца ялийтар Устаза болх ба шоана, аьннад Хьажас (Къ. а).

-83-

– ЗIамига волаш тобадаь, цу тобах ца вохаш веннача сага даржи, Пай-хамарий (IалайхIимус-Салам) даржи Далла (Iазза ва жалла) гарга цхьатарра долаш корадир шийна, аьнна, ший ши (2) пIелг влашкаоттабир Хьажас (Къ. а).

-84-

– Муридаш, ламаз дича ешаш йола тасбихь, цхьаь волча хана малхбоа-лехьа вийрза яккхалаш. Адам-Пайхамара (IалайхIис-Салам) хана денз хьа

Дата (лазза ва жалла) дунен чухъ байташ бола кьахетам малхбоалехъара боарла шоана. Цкъадале Даъла (лазза ва жалла) кьахетамгахъа юхъ йолаш дагла шо, шорзларла аьттехъа кьулбехъе хул шоана. Даъла Элча (лалайхлис-Солату вас-Сагам) аьттехъа волаш даглар хул шун. Шиъ волча хана, влаши духъалдийрзе ховешалаш. Бусалба сагий юхъ, Хъажий-Ценал езагла я шоана. Кхоъ волча хана – члуг елаш, аьннад Хъажас (Къ. а).

-85-

Хъажий (Къ. а) мурид хиннав «Якъуб» цли йолаш. Цхъан дийнахъа ши (2) уст вордагла бежа, ший сесагаца цхъана беша оасар де бахаб уж. Якъуба сесаг тенна берах хиннай. Малх айбаллалца оасар даъ, ди длоахделча салала лаьрхла Якъуб ворда йолча хьатла веча, ворда клала ийине ши (2) пхъарс длабахийта, баге айяъ йолаш, тхъайса уллача ший сесага тлакхъачав из. Ше хьатлакхоаччаше бларгадайра цунна ший сесага бага чу локъайла доадаш блехала цог. Цунах кхеравенна, ший сесаг сомаяьккхар цо. Ший ши (2) бларг хъабеллаше аьлар сесаго:

– Эшшахъ, кьонах, хланз ла со сомайоаккхача хана, гланакла шийла хий молаш яр со. Тлаккха хьалтура хайра из.

Шийна бларгадайнадох сесагага хлама ца оалаш:

– Сесаг, цладаха деза вай, аьннад Якъуба, сихха цлаваха везаш гьулакх нийсденнад са.

Сихха шоай ворда ши (2) уст длабежа цленгахъа бийрзаб уж. Цу хана сесага кера баха текхарг хъайнаб. Ше берах хъайзай мотгаш сесаго аьннад:

– Дика болх ба вай цладолхаш, со дика могащ яц.

– Йоха ма йохалахъ сесаг, аьнна, ший ворда сихаяьй Якъуба. Ше цлакхоаччаше ведца лоалахочун коа вахав Якъуб. Лоалахочунгара говр ийийхай цо:

– Сагота Илсхан-юрта ваха везаш ва со, аьнна, шийна нийсденна гьулакх лоалахочунга дладийцад цо.

Лоалахочо говр енна, из говр ма йодда, Илсхан-юрта Хъажа (Къ. а) волча вахав Якъуб.

– Хъажа чухъ вий?, аьнна, чукхайкав из.

Саьдас араьнна, моаршал а хаьтга, чувала аьлар цунга.

– Хъажа чухъ вац, маьждиге ва из, чувехаргва вай, – аьннад Саьдас.

– Маьждиге хьалвода со, аьнна, Хъажа (Къ. а) волча маьждиге длавахав Якъуб. Из бларгавайча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Якъуб, хьо ла вий-те, ла фулеладу?

– Хлама дац Хъажа, шоана зерате венавар со, – аьннад Якъуба.

Бусалба саг ший бусалба вешийна зерате вахар боккха маьл болаш да. Хъавола йоха, аьннад Хъажас (Къ. а).

Шоаш тасбихъ ийийша баьлча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Керахъ йоагаш цли йолаш кьонах тоабанца парглата хилац, хъай хлама дале хьадувца ла, Якъуб.

Хъажийга (Къ. а) длаала эхъ хеташ, хлама дац Хъажа, шуца цхъана гулвалар духъа венавар со, аьннад Якъуба.

Цхъа юкъ яьннача глolla Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Якъуб, тахан хъа сесага кера чу бодаш хъона байна текхарг, укх дунен чура рузкъа кхоачаденна бар хъона, цун ха чакхъяннаяр хъона. Хъа сесага керахъ волча клаьнка карах са дала дезаш бар из. Клаьнк дунен чухъ вала ха хъакхачанза яр. Къамаргашка глolla лаьца бенна из блехал бе боаллаш, клаьнк ваь уллаш хургъа хъона хъа сесаг. Вале цлагло Якъуб, аьннад Хъажас (Къ. а).

Велхаш-велаш Якъуб цлакхаьчача, цунна духъал баьхкараша аьннад:

– Кхаь ба хъога Якъуб, къамаргашка глolla лаьца блехал бе боаллаш, клаьнк ваьв хъона, Якъуб!

-86-

Ши (2) дакъа дладаьнна, кхоалагIча даькъе бийса енача хана, Гайракха-керте ваьнна, Даьлага (лазза ва жалла) дуланца кхайкаш:

– Везан Даьла, Хъа духъа, Хъа Элчан (лалайхIис-Солату вас-Салам) духъа, дех ще Хъогара. Денал долаш, майра болаш, хъаьша лерхIам дика болаш, ка-маьрша нах бар – гIалгIай. Царна Хъо вовзийта, Хъай Элча (лалайхIис-Солату вас-Салам) вовзийта, Ислам довзийта ваха пурам да Iа шийна, аьнна, Даьлага (лазза ва жалла) хъоаставеннав Хъажа (Къ. а).

Дала (лазза ва жалла) шийна пурам денна, шийца клеизига муридий тоаба йолаш, Наьсар чухъа ваха кийчвеннав Хъажа (Къ. а).

Цун воша, Мовсар, духъалваьннав цунна:

– Хъажа, вай ца дезача наха ловр де воал хъо. Дала (лазза ва жалла) шийга Имамал деннача Шамала, топаца, молхаца, эскарца има дилийта ца могаш биса, кхозза Имам Шамалийна духъале яь бола гIалгIай Iа мишта юхатохаргба? Цу гIалгIашка хъайна тIехъара миска нах лозабайта воал хъо. Аз дехар ду хъога, юхаверза валар хъо.

– Дала (лазза ва жалла) воахаве хъо Мовсар, Даьла (лазза ва жалла) пурамийца вода хъона ше гIалгIай болча. Даьла (лазза ва жалла) салам хиларг, Даьла Элча (лалайхIис-Солату вас-Салам) ший асхъабашца (РозиеллоахIу IанхIум) вайна оарцагIа баьхка ба, хъона. Даьла (лазза ва жалла) цIена Жабрайл-малайк (лалайхIис-Салам), малайкий эскарца лаьтта десса Наьсар чухъ вайна оарцагIа даьхка да, хъона. Даьла (лазза ва жалла) цIена. Овлиаш (Къ. а) вайна оарцагIа баьхка ба, хъона. Хъо воха ма воха Мовсар. Вай даханза далац хъона, аьнна, Хъажа (Къ. а) Наьсар чу бодача новкъа ваьннав.

ГIалгIай доазон тIа уж кхаьчача хана, шоай цIеношкара, юрташкара арабаьнна, шоай дунен болх бита, духъалбаьхка лаьттаб гIалгIай. Хъажех (Къ. а) бIаргкхийттача, шоай дегах иман детталуш, шоай бе доалла герз дIатувсаш:

«Маьрша воагIалва хъо, беркате хъаша», яхаш, Хъажийна (Къ. а) гонахъа хьерча баьннаб гIалгIай.

Палглашка Даъла (лаzza ва жалла) ца! вайта, Даъла Элча Мухъаммад-Пайхамар (лалайхлис-Солату вас-Салам) бакъ вайта, ше къоабалваъча наха аьрд денна, Дала (лаzza ва жалла) шийна пурам денна ха глалглай болча яьккха, цлавахав Хъажа (Къ. а).

-87-

Илсхан-Юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Муридаш Жовхъараш кхалаш тла дла ма тувсалаш. Цун маан наха ца дезаца метте дувцаш, Даъла (лаzza ва жалла) къамаьл, Элчан (лалайхлис-Салату вас-Салам) хъадийс, шоай Устаза (Къ. а) дош дай ма делаш.

-88-

Цхъан дийнахъа Хъажас (Къ. а) ший наьнага Хеьдега хавтта хиннад:

– Вай шиннех воккхагла мала хетт хьона?

– Дала (лаzza ва жалла) воахаве са клаьнк хьо, хьо ваь хъа нана еций со?, аьннад Хеьдас, со хъа нана хилча, хьол йоккхагла хилаций со?

– Вай дадега, Кишийга, хьо ялехъа хьалха цхъан дийнахъа хьунагла яха ярий хьо, йоагае хлама я? Хьо цлайоаглача хана, ворда хаьрца хьунагла йиса ярий хьо? Пайоаглаш бийса а йолаш, йоачан а йолаш хье цхъаь йисача хана, Овлиашкара хъайна оарц дехаш кхайкарий хьо? Циггача хьона оарцагла вена, хъа хаьрца ворда метта оттаяь, хьо цленгахъа ерзаяь, глоса доагадолда ла ер дахча, аьнна, длаваха зламига саг дагавоаглий хьона, аьннад Хъажас (Къ. а). Из зламига саг ше хилча, мала воккхагла хул вайх!?

-89-

– Бераш, глосаца хъакхашта ма хилалаш, юкьера морзонаш, безамаш тедаш клосда шоана из. Туркхо тохаш дола глос, мурид вовзаш тоха деза, яьхад Хъажас (Къ. а).

-90-

– Азалехъ Даълаца (лаzza ва жалла) баь мах бар ший маьхках вала везаш. Ше къоабалвеш дола ловдал бераш бахъан долаш, Дала (лаzza ва жалла) рузкъа хьалхадаьккхар вай, аьннад Хъажас (Къ. а).

-91-

Гумсе таьзета баха хиннаб, Хъажа (Къ. а) шоашца а волаш, цун муридаш. Коа латташ чехка зикар хиннад. Хъажа (Къ. а) лоаллахарча коа ламаз эцаш ваьглав. Члоагла тоаденна зикар латташ хиннад.

– Ер санна йола цѐна ламал шайтлан кара ца йохиташ йолчча бесса Далла (лазза ва жалла) тайохийтаргъя вай, аьнна, царна гонахъа малайкий члуг эттай. Малайкий члугарал арахъа шайтлан члуг эттай. Циггача, зикара юстара латтача кхалсага керта чо гучабаьннаб. Малайкаш цига ле йиш йоацаш, дладахад. Тлаккха шайтла члугара чухийддад. Мангало хоадаяь буц санна, зикара лаьттара ш юлийгаб, зикар сецад.

– Ер чоагла болх ба, влалла вайна бларга ца дайна хлама да ер, аьнна, Хъажийга (Къ. а) хаьттад цар из.

– Бераш, оаша яххача бесса тоаенна зикара члуг яр из. Шун члугара гонахъа шо лорадеш малайкий члуг латтар. Цул арахъа Шайтлан члуг яр. Зикара тохаеннача цхъан кхалсага керта чо гучабаьлар, цу меттера малайкаш дладахар. Шун члугара зе тоха шайтла чухьедар. Шайтлан кара шун члуг ца яхийта, шо легадаьр ше вар, аьннад Хъажас (Къ. а).

Муридаша чоагла тамаш йир цох.

– Тлаккха а, бераш, кхалнахал чоаглагла члугара зе детташ мала нах а ба ший. Цу юкъе кхалсага керта чо гучабаьнна гаьнадаьнна малайкаш, цу кхалсага керта чо къайла баьлча, юхадоагла. Шийгахъа Даьла (лазза ва жалла) везар марзо дегла йоацаш, члугаре латтача муридо моттийта цогла техача малайкаш цу мажлийсера дладолх, кхы юхадаглац, аьннад Хъажас (Къ. а).

-92-

Мовсарга хьалхе а йолаш латташ зикар хиннад. Коа леш Хъажа (Къ. а) хиннав. Цхъа ха яьннача глалла зикар хьалхе Махьмига дла а енна, Мовсар юстарваьннав. Махьмига зикар хьалхле кхаьчача зикара члуг тоаеннай. Коа ваьгла, Хъажа (Къ. а) зикара юкъеваьннав. Юстара латтача Мовсара дагаденад:

– Тхьовра сога хьалхейолча хана хьачуваланзар хьо, хьай волага хьалхе кхаьчача, члугаре ваьлар хьо, хьай волагах оза-безам беш хиннав-кх хьо, аьнна.

Зикар сеца, шоаш юхайшача, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Мовсар, хьога е Махьмига хьалхле хилар дацар хьона ше члугаре валар. Махьмига члуг кхаьчача, цунна оарцагла баьхкабар Хизар-Пайхамари Илез-Пайхамари (лалайхлимас-Салам). Уж санна дола ши (2) дегл члугаре долаш, коа вагла хоза ца хеташ, царца глукх лаьца дар хьона ше члугаре валар.

-93-

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) шийтта (12) шера халбате лаьца, Далла (лазза ва жалла) либадат даьд. Даьла Элча (лалайхлис-Солату вас-Салам) ший виь (4) асхьабаца (Розиеллоахлу ланхлум) Хъажа (Къ. а) волча халбате венав.

– Киши во!, ший Варас ва хьо, ший уммата лунал де деза ла, халбатера аравала, аьннад цунга Даьла Элчано (лалайхлис-Солату вас-Салам). Ший

асъабашка (Розиеллоахly ланхlyм), цхъацца совглат дала деза оаша, аьннад
Эчане (Алайхис-Солату вас-Салам):

– Абу-Бакаро (Розиеллоахly ланхly): Лаилахla иллаллоахl деннад совглата.
Иъа вирд даъ тlадиллад.

– Iумаро (Розиеллоахly ланхly): ког бетта зикар деннад.

– Iаьло (Каррамалпоахly важlахly): мухъ бетта зикар деннад.

– Iусмано (Розиеллоахly ланхly): къалба зикар деннад. Абу-Бакар-Сиддикъ
(Розиеллоахly ланхly).

– Накхашбандий тlарикъата да ва, цунца гyлакх лаьца Накхашбанде
дерзадаъ шорттига лергашта хазалла мара ца оалаш даккха, аьннад вайга
вирд.

-94-

– Цхъан сесагаца ваьха, аьхаре вахача къонахчох хьог ше, гаьна доацаш,
хьокерча рузкъах хьог ше, – аьннад вай Устазо (Къ. а).

-95-

– Муридаш, вlаши чу-каре лелаелаш. Гамажа кlоригаш санна вlашагla
хьерчалаш, сискала чlоргаш Iувшалаш, берий цlераш ма хетталаш, яьхад
Хъажас (Къ. а).

-96-

– Палат доацаш воша лаха ма хъажалаш, воша воацаш дусаргда шо.
Вlаши гlалаташ, сакхаташ хьулдеш хилалаш. Йизткъеи ткъеста (99) бехказло
йоалаелаш шоай воша бехка кlалхарвалийтара, – аьннад Хъажас (Къ. а).

-97-

– Нанас даьна ваьча вешийл чlоагlaгla да шоана вирда вошал. Дулх-
цийцара вошал, дулх дохкаделча дlадоал. Вирда вошал къемата ди даллалца
дохкалац шоана муридаш, аьннад Хъажас (Къ. а).

-98-

– Варий бераш, вlаши гyлакх, йоракх долаш хилалаш. Йоракх, Далла
(Iазза ва жалла) гарга гyлакхал дезагla да шоана, аьннад Хъажас (Къ. а).

-99-

Берах йолча хана, цхъан дийнахъа ший лоаллаха яхача ший доттагla
йолча сесагага аьннад Хъажий (Къ. а) нанас Хедас:

– Со тахан сайх дика тешаш яц, со йолча хъачуйоаглаш, ладувглаш хила-
лахь.

Маьрклажа боад къовлалуш дагадехад лоалахочоа Хедас шийга аь-
ннар.

Ший маьрага аьннад цо:

– Хеда дика могаш йоацаш я, ладувглаш хилалахь аьннадар цо сога. Киши
ва коа глolla сагота дла-хьахаш, цига фуд хьежа йоагларгяр со, la сона пурам
лоре.

Мара пурам а денна, Хеда йолча яхар из. Коа лелача Кишийга, сайре
дика хийла!, аьнна, цлагла длачухай из. Ламаза цлока тla латташ Хеда хиннай,
хьоарчадаь поднара тla уллаш бер хиннад.

– Хеда, la фу леладу, хьо ламаза цлока тla мишта эттай, ер бер хьа деций?,
аьннад лоалахочо.

– Из клант вай ва!, аьннад Хедас. Из веча хана вай ламаз дехацац хьона.
Жабраил-малайко (лалайхлис-Салам) ткьам теа, аьтта оаглорахьа чоаж доаттla
а даь Асиятои Маремаси шинне хьаййца, цар хьоарчаваь ловиллав хьона
из.

– Киши члоагла сагота вар, из глaдвугаргва аз, аьнна лоалахо арая-
ннай.

Тхьовра из длачуйодача хана санна сагот воацаш, коа гударга тla лохайна
ваглаш, парглата волаш коравир цунна Киши.

– Кхаь ба хьога, Хедас клаьнк ваьв хьона!, аьннад цу кхалсаго.

– Хов шийна, аьннад Кишис.

Тхьовра со длачуйодача хана члоагла сагота вар хьо, хланз хьо парглата
волаш гу сона, хьога хьан аьннад из?

– Цхьан дийнахьа Пайракха-корте волаш, Хизар-Пайхамаро, Илез-
Пайхамаро (лалайхлимас-Салам) аьннадар шийга, хьа букъагла вала везаш
даькъала дезалхо ва, из ваьча бусса кхаь баккха тхо доагларгда хьона. Цар
вийца дезалхо вац-хьогl ер, тховсара ваьр, яхаш, сагота вар ше Хизар-
Пайхамари Илез-Пайхамари (лалайхлимас-Салам) хланзза вайга из кхаь а
баьккха длабахаб, аьннад Кишис.

-100-

Ше къайлавала ха гарга енача хана, Овтара ший йиша Мата йолча венав
Хьажа (Къ. а). Матийца дагара дар дувцаш из бийса царцига яьккхай цо. Ши
(2) дакъа даьнна, кхоалагlча даькъе бийса яхача хана, Хьажа (Къ. а) lийкъа
ламаза глaттaв. Атабена бларгдайнад Хьажа (Къ. а) волча цлаглара нур лепаш.
Атабе хаьттад:

– Хьажа доккха хлама да из, хьа дегla го лувцаш нур лепаш гу сона.
Даьллахьи Хьажа, дувцал сона, Дала (лазза ва жалла) мала ваь вайтар хьо,
маццалца вахаргволаш ва хьо, фу да la леладер?

– Атаби, Дала (лазза ва жалла) сигаленаш длахьерчаергья хьона, уж лакха
лоамаш члоагlаца михаца вlашагla детташ, лаьтта шаьрдергда хьона. Цу хана

пъятак араяънна Адама (Іалайхліс-Салам) берий тлехкий голаш длахьулае езаш
Даълаца (Іазза ва жалла) мах баъ венар ва ше. Ше длакъайла ваъннача хана,
шийх хабараш дувцараш дукха хургба хьона. Шийх жоп дала йиш йолаш саг
вад хьона, из Веза-Сийлахь вола Даъла – Аллах! (Іазза ва жалла) ца! воацар.
Дала (Іазза ва жалла) Ше мел кхелла халкъ длакхолхоргда хьона. Вай Даълеи
(Іазза ва жалла) шеи мара кхы хлама дусаргдац хьона. Тлаккха Дала (Іазза ва
жалла) аргда вайга: «Са Велий, хланз хъайна каша даккха Іа». Даъла (Іазза ва
жалла) амар кхоачашдеш вай воашта каша-лахьта доаккхаргда хьона. Дала
(Іазза ва жалла) шийна пурам денна, цигга вай из Веза-Сийлахь вола Даъла
(Іазза ва жалла) хьоахавергва, дерригача Адамах (Іалайхліс-Салам) хьадаъ-
ннача халкъо хьоахаваъчул дукхагІа, аьннад Хъажас (Къ. а).

-101-

– Муридаш, дын доацача цІагІа дІачу ма ахалаш. Дын доацача цІагІа шо
дІачудахача, шо арадоагІаш шоашкарча дынах эшаденна мара доагІаргдац
шо. Дын доацача новкъостех шо дІакхете, шоашкарча дынах эшаденна мара
юкадерзаргдац шо, аьннад вай Устазо (Къ. а).

-102-

– Кхалнах, мала нах Даъла (Іазза ва жалла) хьехавеча зикара чІугаре цхьана
хила могадац ше, ер санна пен хила беза малача нахаи кхалнахаи юкъе, аьнна,
пенах бий дІатІа техаб Хъажас (Къ. а).

-103-

БайІаълийга хаьттад:

– Хъа сесага байна бІарг малагІа ба?

– Чуваха хъежа воагІаргва со, – аьннад Бай Іаьлас.

– БайІаъла санна мала нах хилча, ХІадият санна кхалнах хилча, мегаргбар
маланах-кхалнах цхьан чІугаре хила, аьннад Хъажас (Къ. а).

-104-

Хъажа (Къ. а) тІарикъат кхайкаде волавенна ха хиннай из. Саг веннача
моттиге ийс-цхъайтта (9–11) саг мара воацаш, веннача сага мух бе безаш ха
хиннай цар. ЛаилахІа иллаллоахІ чІоагІа оолаш мух беш хиннаб цар.

Хъажийга (Къ. а) хатта шоашта эхъ хеташ, Мовсарга аьннад цар:

– Мовсар, мух чІоагІа беча хана хало хул вайна. Вай клезига долча хана,
ЛаилахІа иллаллоахІ, шорттига оолаш бе мегаргбецарий вай, из мух?, оола
далар ІаХъажийга (Къ. а).

Цар яххача бessa дІа аьннад Мовсаро Хъажийга (Къ. а).

– Мовсар, иззал хало хъай дегла тла ца эцаш, хъай вирда воца хъалхавалар дезар хъона?, аьнна, Мовсарга бехк баьккхаб Хъажас (Къ. а).

-105-

Хъажа (Къ. а) юкье а волаш, веннача сага мух беча баьглаб уж. Шийна кхаьча дакъа кхоачашдаь яьлча, со яьннай, аьнна, йистхиннай Хъада.

Хъажас (Къ. а) мух юха байтаб. (Цунах хъахов вайна мух чакхабалаллаца цу юкье багладох саг йист хила мегаргвоацилга).

-106-

Хъажеи (Къ. а) Мовсари лаьца набахта камера чу болча хана, царца цхъана лаьца ваьллаб «Таьлап» цли йола Хъажий (Къ. а) мурид. Хъажийна (Къ. а) а Мовсара а когех-кулгех глабаш теа хиннай. Таьлап глабаш тоханза хиннав. Хъажийнеи (Къ. а) Мовсарай блага а хъежаш, Таьлап даиман велхаш хиннав. Цхъан дийнахьа налартла латтача салтечо Таьлапа когех-кулгех глабаш теах. Шийвелхар соцадаь, Таьлапас глийла, Алхъамду лиллах!!, – аьннад. Цун Алхъамду лиллах! алар чакхдаллалца ладувлаш а ваьгла, Хъажас (Къ. а).

– Таьлап, шийнеи Мовсарай теа глабаш хъайна ца тохарах, хъай Устазацара гаргало ледарахилар да мотташ велхаш вар хьо. Хланз хъайна, тхона санна, глабаш теаха, цунах тоам хинна, Алхъамду лиллах!, аьлар ла. Даьра Таьлап, тара дац хъа, Алхъамду лиллах!, сесаго шийна клаьнк ваьча къонахчо оалача Алхъамда. Iурра жа карта вахача, устагло ши (2) лаьхар баь байча къонахчо оалача Алхъамда, Iурра кхийча вахача, ший кхало дын бакъылг яь яйча къонахчо оалача Алхъамда, аьннад Хъажас (Къ. а).

-107-

Илсхан-юртарча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Кхыча Овлиий, Устазий муридаш, шоай Устазал тлехъа, цу Устазаца лийннараш дабаьлча, цун тлехъабаьзарий иман лаьглуш, цар болх длахадаш байра шийна. Ше къоабалвеча муридаш иман даиман метта латтаргдолаш, фу хургдар-те, аьнна, Даьлага (Iазза ва жалла) уйла кховдайир вай: «Киши во!, ер чехка зикар деш болча наьха иман даиман метга латтаргда хъона!», аьнна, Дала (Iазза ва жалла) чехка зикар делар вайна.

-108-

– Са даьннача цлагла кхаь (3) деннеи буссеи хлама дуаш хургвац ший мурид. Кашамашка картал чухьнахъа длачудаьнна хлама дуаш хургвац, хасп деш хургвац ший мурид, аьннад Хъажас (Къ. а).

-109-

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Муридаш, дийнахъа делкъалца шахъар чухъ цхъа (1) тхъамада воацаш ма хилалаш, сарралца шиъ (2) волаш ма хилалаш.

-110-

– Хъалла лакхача лоам тла хъалтлавааккха, дехъагIа дIачукерчача – бедарий, боамбе кIаьдача метта улларгва хьо, сехъа Давкъастан чухъ хъачу-керчача – кIарцхалий метта улларгва хьо, аьлча, Давкъастан чухъ хъачу а керча къарцхалий метта улларгвар ше!, аьннад Хъажас (Къ. а).

-111-

– Дерригача дунен чухъ Даьла (Iазза ва жалла) цкъа (1) бIарахъежав шоана. Давкъастан чухъ кхозза (3) хъежав, аьннад Хъажас (Къ. а).

-112-

– Бийса ши (2) дакъа дIадаьнна, кхоалагIчадакъе чуеннача хана, ший муридаш малагIча хъал тIа ба хъажа вода ше, шийца Илез-Пайхамар, Хизир-Пайхамар (IалайхIимас-Салам) волаш. Шийна бIаргаго тоам боацача хъал тIа ший мурид вайча, уж санна болча новкъосташта хъалхашка эхъ хетар хул шийна. Ше къоабалвеш вола мурид бийсан Iовужашкхо (3) барзкъадувхаш хулвалар, аьннад Хъажас (Къ. а).

-113-

– Ший мурида фост – модж я. Модж йоацаш хургвац ший мурид. Хаче чу коч елла лелаш хургвац ший мурид, аьннад Хъажас (Къ. а).

-114-

Хъажеи (Къ. а) Зайпали цхъана жега боахкаш хиннаб. Зайпал Хъажийл (Къ. а) гаьнна воккхагIа хиннав. Хъажас (Къ. а) цхъан дийнахъа аьннад:

– Зайпал, вай хьо Давлагара (Iазза ва жалла) вийхар хьона. Дала (Iазза ва жалла) хьо шийна велар хьона. Вай Далла (Iазза ва жалла) гаргара ший дарж лакха да хьона, шийца хъакхашта ма хиллалахъ.

-115-

– Дунен чу вай даьлча денз, цкъа харц йистхилар нийсденнад вай. Дунен куралгахъ озаш, цхъа дош мара аьннадац вай, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Даьллахь Хъажа, хьо цкъа харц йистхила везаш фу нийсделар хъа?, аьнна, хаьттад Хъажийга (Къ. а).

Нокхарий леладеш хиннав Хъажа (Къ. а).

– Нокхарашкара модз даккха тлавахар ше, нокхараш го бир шийна:

«Даьла (лазза ва жалла) лай, Элчан (лалайхлис-Солату вас-Салам) Варас, из Даьла Элча (лалайхлис-Солату вас-Салам) волаш ва из, воацаш ва из?», аьнна, хаттар шийга дича, воацашехъа, «Дийна ва из!», аьлар ше царга. Цу дийнахъа вай царга из дийна воацалга длааьннадаларе, кхы мезагла цхъа (1) тладам бергбацар нокхараша. Дала (лазза ва жалла) ший халкъанна дарбане дайта хиларах, Элчано (лалайхлис-Солату вас-Салам) дарбана дийца доландаь, из модз цар соцадар кхераш, цигга дийна воацаше а дийна ва, аьлар ше. Харц йистхилар цига хилар вай, аьннад Хъажас (Къ. а).

-116-

– Дунен куралгахъ эза дош алар нийсделар вай, аьннад Хъажас (Къ. а). Дала (лазза ва жалла) хоам бир вайга: «Жамсарех хъайна цлен-нана е», аьнна. Жамсарий йолча дахар вай, цунах бларгтоха.

Тлаувхаш нахъара маьчеш а йолаш, тладувхаш длаьха-лоаца ши (2) чокхий а долаш, керта тла туллаш кхакхан кий а йолаш, Жамсарий йолча вахав Хъажа (Къ. а). Цу заман хьалудолаш, таро йолаш болча къонахаша йола яхаш, царга яха ца яшаш кура саг хиннай Жамсарий.

– Жамсарий, ший цлен-нана хила еза хьо, шийга йоагла ялар хьо, аьннад Хъажас (Къ. а).

Ер санна къе-биркъа дувхар долаш вола воккха саг, шийца зоах лол дувца веналга наха длахайча ший хлама лохдалар кхераш, эглазъяха, корзагъаьнна хиннай Жамсарий.

– Воккха саг, хъе укхазара араваьлча, нахага хъе укх гулакха венавар, аьнна, ла ца алар дех аз хьогара. Ер никъ бахъаш хьо укхаза кхы ца вар а дех аз хьогара, аьннад Жамсаре.

– Дика да, Жамсарий, длавода ше, аьнна, Хъажа (Къ. а) длавахав.

Дала (лазза ва жалла) шозлагла хоам баьб Хъажийга (Къ. а), Жамсарий йолча юхавахе, длаала цунга, аьнна.

Жамсарий йолча юхавахав Хъажа (Къ. а). Жамсарена лоалаха дагладла цлагла юхайнав Хъажа (Къ. а).

– Воккхача саго хъайола йоах хьога, аьнна, Жамсарий йолча саг вахийтав Хъажас (Къ. а).

Жамсарий хъачуенай, шийца кулгладца бер а долаш, эглазъяха хилара кеп а йолаш.

– Воккха саг аз укх гулакха юха ма веллахъ аьннадецарий хьога?, аьннад Жамсаре,

– Жамсарий, хьога йола ала вена ма вац ше, хъай ши (2) бларг длабувшабел ла, аьннад Хъажас (Къ. а).

Жамсарена дагадехар:

– Сога ши (2) бларг дла а бувшабайта, сона тлакхета воал-кх ер, аьнна.

Тлакха Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Жамсарий, хланз хьона дагаденар. бакъдац хьона, из хьайна чура дадаькххе, хьай ши (2) бларг длабувшабе ла, хьалакха аьлча хьалакхалахь.

Шийна дагаденар Хъажийна (Къ. а) хайналга гучадаьлча, члоагла эхь шийтар Жамсарена. Ши (2) бларг длабувшабир цо. ВорхI (7) Жожаглатен клалха, Жожаглатен чухь боагаш болча наха тIера Ioухаш йола сел lotлаухаш, ший да-нана бларгадайтар цунна.

– Жамсарий, хьабелла ши (2) бларг, аьннад Хъажас (Къ. а).

Слоха ши (2) бларг хьабийллар Жамсаре.

– Цаькххаза длабувшабел ла хьай ши (2) бларг, аьннад Хъажас (Къ. а).

Жамсаре ши (2) бларг длабувшабир, Ялсамала чухь лакхагла йолча моттиге, шовашта гIулакх деш «Хьурал-ийн» мехкарий а болаш, цун да-нана бларга дайтар Хъажас (Къ. а), Жамсарена.

– Бларгаш хьалакха, аьлар Хъажас (Къ. а). Лакханзар Жамсаре. Шозлагла аьлар, хьалакха бларгаш. Лакханзар цо.

– Жамсарий, хьа ца лакхача пурам дац, аьлар Хъажас (Къ. а).

– Бларгаш хьалекхар, ше бларгаш хьалоккхаше аьлар цо:

– Хъажа, со укххаза йита длаваха пурам дац хьона;

– Даьра Жамсарий, ше мишта клант ва, хьайна бларгадайча мара яглац хьо шийга, аьннад Хъажас (Къ. а). Дунен куралгахь эза дош алар цигга нийс-делар вай.

– Жамсарий, ше хьо длайига венавац. Замеш хьабоагларгба хьона, царца длайоагларгъя хьо, аьнна, Хъажа (Къ. а) длавахав.

– Мовсар, Жамсарий цайоалае ваха веза хьо, аьннад Хъажас (Къ. а). Замеш бигалахь хьайца.

– Мала вугаргва аз?, – хаьттад Мовсарас.

– Вай цискаш дугаргда ла.

Ши уст длабежа, цискаш Iочуховшадаь, вахав Мовсар. Жамсарий яхача юрта йистте Мовсар длакхаьчача, ший хIамаш хьоарчаяь, юртал араьяьнна латташ Жамсарий а хиннай. Из йоалаеш цIавенав Мовсар.

-117-

Хъажа (Къ. а) дIакъайла вала ха гарга яхача хана, Жамсаре аьннад Хъажийга (Къ. а):

– Хьай даьна Кишийна совглат даьд ла, нанна Хаьдена а совглат даьд ла, хьай вежарашта, йижарашта, дезала цхьацца совглат даьд ла. Сона фу совглат ду ла.

– Жамсарий, хьо Куршала дIаяха еза, цига кхалхар хургда хьа. Жамсарий, хьо дагаеха, сай Устаза цен-нанна зерате гIоргва со, аьнна, зерат дийхка, хьа каша тIа вена: «Жамсарий, сона, са Устаза юкьера талха, еха мотгиг юхамет-таоттае алар – аманат да хьога», аьнна, цу саго аьлча, из саг сайх хаьда вале а, юха шийха из хьахотта тIаййцар ше, аьннад Хъажас (Къ. а). Жамсарий из да ше хьона луш дола совглат.

Хъажа (Къ. а) Маккара цлавена ха хиннай из. Дукха нах гулбенна хиннаб Хъажийна зерате баьхка, цун къамаьлага ладувхар духъа. Зайпал а хиннав цига цу дийнахъа. Ший бе йоаллача лаьса тла корта lotлабахийта, ший бларгех хи тладамаш легадеш, гийла елхаш лаьтгай Гамий сесаг, Гуза. Наха юкъе тlaгlолла дла а кхайка, Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Гуза, елха ца елхаш хъайола шийна гарга.

Хъажас (Къ. а) щий цли яьккхача боча а яьнна, кхы а чloаglaгla елха а елхаш, Хъажийна (Къ. а) длагарга яхай из. Tlaгlолла пхьарс дла а бахийта, ший ткъама клал лаьцай из Хъажас (Къ. а).

– Елха ма елха хьо, юха цхъана влашагkхетарах глaddаха а хила ма дезий вай.

Наха тlaгlолла дла а хъежа, Хъажас (Къ. а) аьлар:

– Шоана хета хургда, ма чloаgla езийр укхо ер, аьнна. Ше ер гарга озар, боча яккхар бахъан ше дувцаргда шоана. Ше ваханзар Макка ший дерга тлера Хъажол дийхка. Ше къоабалвеш, шийна вирд доаккхаш мел волча сага тлера Хъажол дийхка Макка ваха кийчвелар ше, аьлар Хъажас (Къ. а). Даьла (лаzza ва жалла) цаьвеш дола синош дийлхар шийга:

«Киши воl, хье къоабалвеча муриди синошта тлера Хъажол дийхка вода хьо. Тхо хъанга дита, хъано лалашде дезаш да, оаха фу дергда?», аьнна. Даьла (лаzza ва жалла) цаьвеш мел дола синош дийлхар вайга. Даьла (лаzza ва жалла) цаьвеш мелдолча синошта тлера Хъажол дийхка, Макка вахар ше. аьннад Хъажас (Къ. а). Муридаш, ший Хъажол къоабал хиннадале, шун а Хъажол къоабал хи над шоана. Амма, бакъда, ше укх Даькъастан чура длакъайла ваьлча шийна Тlехъа дог дийлха, бларг бийлха Везан Даьла (лаzza ва жалла) тха Устаза Хъажол къоабал делахъ, тхо дийна долаш тхона Устаз юхадухъала волавелахъ, аьнна, вайна тlехъа сагийна мажарг бенна зуда (кхалсаг), укх Даькъастан чухъ ер Гуза мара хиланзар, аьннад Хъажас (Къ. а).

Цига гулденна латта адам лаьтта loхъежа, матара дахад, эхъ хетар кхаьчад царга. Ший елхар сацийта Гузас аьннад:

– Хъажа, хланз аз хъайгара дийхача хlаман жоп далахъ сона.

– Деха la Гуза, хъона дала мегар долаш я хьо, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Хъай Даьла (лаzza ва жалла) духъа Хъажа, со еннача дийнахъа laйха со лахътий чу loчу а йилле, la се loнийсаяр дех аз хъогара, аьннад Гузас,

– Дала (лаzza ва жалла) мукъалехъ из кхоачашдергда вай, аьннад Хъажас (Къ. а).

Хъажас (Къ. а) иштта белгалтъяккхарах наха дукха езаш хиннай Гуза. Дукха ха ялалехъа Гуза Даьла (лаzza ва жалла) кхеле дlайийрзай. Цун таьзете Хъажа (Къ. а) хиннав. Шийга даь васкет кхоачашде Хъажа (Къ. а) кашамашка дlавахав. Ший кулгашца лахътий чу нийсъяь loйиллар из Хъажас

(Къ. а). Тѣхъара ийпха дѣоттаде, аьнна, Хъажа (Къ. а) ѡверзашше, цун киса даьла дахчан сулхъаш ѡлийгад. Хъажас (Къ. а) хъайца сулхъаш киса дехкад. Хъажа (Къ. а) ѡверзашше, юха а сулхъаш ѡлийгад.:

– Яла ма яла хъо, Гуза, согара хъайца цхъа белгало ца хилча, цу барт лѣтѣча малайкех укх чу ѡе яхъац хъо, ше хъона укх чу хургвар хъона, аьнна, шозлагла киса ѡчудехкар сулхъаш. Уж киса ѡчудехка, ийпха оттаде, аьнна ѡверзашше, юха а кисара ѡлийгар сулхъаш.

– Дита хъайга, аьнна, сулхъаш каша чухъ а дита, ийпха дѣтла а оттадаь, Хъажа (Къ. а) хъаараваьннав.

«Даьла (ѡazza ва жалла) Возалора, сулхъаш цу каша чухъ дита Хъажа (Къ. а) хъаьтла ма ваьлар, уж цу чухъ долаш оаха ѡост ѡтлахъекхар», аьле, дув буаш хиннаб цун муридаш.

«Цун гулакх чакхдаьнна, тхо ламаз де этѣача, уж сулхъаш вирд доаккхача хана Хъажий (Къ. а) бе доаккаш а ма дар».

-120-

Цхъан дийнахъа хоадаяьча гудар тла ѡхайна ваглаш хиннав Хъажа (Къ. а). Пайглане волаш ваьглав из.

– Тахан санна хъо Пайглане волаш клезига гу тхона, Хъажа, хлана вагла хъо селлара Пайглане?, аьннад Хъаким-Хъажас.

– Мотт ца ховш дола хъайбаш дагадеха, цар ше бехке ваь, Далла (ѡazza ва жалла) гарга лоткъавар кхераш, пайглане ва ше, – жоп деннад Хъажас (Къ. а).

– Даьллахъ Хъажа, хъайбай бала хъога хлана кхоач, цар хлана лоткъаву хъо?, аьлар Хъаким-Хъажас.

– Цхъан дас говр эц, хъунагла вахий, говра бохъалургбоаца мухъ тла а билла, боарамал тѣх билла мухъ дѣа ца бохъалуш говр йисача, гора аха яьлча, цу говра етта волалу цун да. Хъе къоабалвеча нахага, мотт ца ховш долча хъайбашта бохъалургбоаца мухъ тла ма бехка, хъайбаш чувха ма де, ѡа аьнна даларе, тхо етташ чувхадергдацар, аьнна, ше цар лоткъавар кхер ше, аьннад Хъажас (Къ. а).

-121-

Саьсанерча Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Дала (ѡazza ва жалла) шиина пурам денна, форда керахъ вахар ше, ялх эзар (6 000) халкъ да форда керахъ, лаьттан тѣхъа диъ эзар (4 000) мара дац. Цу ялх (6 000) эзар халкъан юкъе со чакхвоалаш сона духъал ца кхеташ цу форда чухъ халкъ дисанзар. Царех цхъа халкъ тѣх даланзар сона, Илсхан-юртарча Хъажийга (Къ. а), тхогара Салам-моаршал алалахъ!, оалаш мара.

– Шоана сенах вовз из?, – хъаьттад Саьсанерчо (Къ. а).

– Тхона мишта вовзац из! Даьла (ѡazza ва жалла) Сийлалора, тхога хъакхоачаш мел дола рузкъа, цун кулга кара гѡлла мара хъакхачац тхога. Из тха Устаз хилча, мишта вовзац тхона из!

– Низ ца кхачар кхера мара, воажиб даь, параз даь, чай тладуларгдар ше, ший муридашта. Адамий ций леладеча пхаьнашка глolla лела низ болаш да шайтla, чай мелча, цо цийцара арадоакх из, аьннад Хьажас (Къ. а).

– Иштта пайдане дола из чай ше молаш вац шоана, муридаш, оаша мела деза из, – яьхад Хьажас (Къ. а).

– Иштта пайда луш бола кхача, la хлана малац из чай?, аьнна, хаьттад Хьажийга (Къ. а) цун муридаша.

– Кхоана доагларгдолча къемата дийнахьa, Ялсамала водар Ялсамала вахийта, Жожаглата водар Жожаглата вахийта, махьшаре парглата яьннача хана, Даьлера (лазза ва жалла) Салам хиларг – Даьла Элча (lалайхлис-Солату вас-Салам) Хьурал-ийна маьхкараша (Разакъаналлоахлу минхлунна, Дала рузкъa лулда ваина царех) Ялсамалара малар кад хьатla а бена, – ший умматах парглата ваьлар ше, аьнна, Элча (lалайхлис-Солату вас-Салам) из малар кад мала дагахь ваглача хана, Жабраил-Малайка (lалайхлис-Салам) Жожаглата доагаш долча Элчан (lалайхлис-Солату вас-Салам) уммата ашараш хозаргья. Пайхамара тlагlоргда из, делха а делхаш.

– Я Мухьаммад, Жожаглата доагача хьай уммата ашараш ца хозаш вагla хьo?, Жабраил-Малайко (lалайхлис-Салам) шийга аьлча, из кад бера дlабодаш ураэккхаргва Элча (lалайхлис-Солату вас-Салам). Цигга цун бера дlабодаш бола кад лаьтта ца кхоачийташ, из хьалацар духьa, дунен чухь вай дегlах чай дlакъоастадир вай, аьннад Хьажас (Къ. а).

Цхьан дийнахьa, Хьажа (Къ. а) хиннавар тоаба гулъеннача метте къамаьл деш. Цига юхатlавийрза, аьлар Хьажас (Къ. а):

– Илдар, Устаза ший мурид мел дукха веза хой хьона?

– Даьра хац Хьажа (Къ. а), аьлар Илдара.

Илдар, цхьан хlамах итт (10) дакъa дича, ийс (9) дакъa дlадаьккхача, юхедисача цхьан (1) даькъa боараме ший Устаз веза низ кхачац хьона мурида. Юхедисача ийс (9) даькъa боараме, Устаза ший мурид веза хьона, аьннад Хьажас (Къ. а).

Мовсаро хаьттад Хьажийга (Къ. а):

– Хьo Устаз волаш ба беррига хьa муридаш? Массавар цхьатарра везар, массаргахьa цхьатарра хlана дац? Хьo къoабалвеча наха юкьера хьакъесташ, шоайла дукхабезаш, влашагla хьерчаш тоабаш ма хулий хьa, аьнна.

– Мовсар, вай къoабалдеча наха юкьера хьакъесташ шоайла дукхабезаш, даиман шоайла хьерчаш йола тоабаш – Ялсамала чухь боахамаш, мулкаш гаргга хургьяраш ба уж, аьннад Хьажас (Къ. а).

Хъажеи (Къ. а) Мовсари гаьн кIалха loхайша баглаш хиннаб. Сом кхаьча ха хиннай из. Хоза лата кхора га хиннай уж кIалха баьглап.

– Мовсар, хъа а ший а сагла хулаш буаргба вай ер сом, аьннад Хъажас (Къ. а).

– Вай къахьийга боацаш, Дала (лазза ва жалла) хъатIабалийта сом ба ер, вай мишта хургда укханах сагла?, аьннад Мовсаро.

– Мовсар, хъайна хозагла, дикагла хетар Ia шийна лургба, шийна дикагла хеташ, ший бIарг тIаэттар, ше хъона лургба. ТIаккха вай шинне сагла хулаш сом баар хул хъона. Шун тIа даькъала хулаш хургба хъона ший муридаш, аьннад Хъажас (Къ. а).

Хъажеи (Къ. а) Зайпали барайтта (18) шера цхъана жега ваьллап. Цхъан дийнахъа Хъажеи (Къ. а) Зайпали жа доажадеш хъуна йисте бар. Лакхе айен-нача метте дажаш доахкаш жа дар. Хоадабаь уллаш боккха попа хи бар. Цу хена тIа хьалтIаваьнна, «lo-o-o лулulloахI, лулulloахI», аьлар Хъажас (Къ. а).

Шоаш юаш йола буц йита Хъажийна (Къ. а) гонахъа дIаэттар жа. Ше яхаш дола «лулulloахI соца а даь, аьлар Хъажас (Къ. а):

– Дале, дажа дIагло.

Жа дажа дIадахар. ТIаккха юа а, «лулulloахI», аьлар Хъажас (Къ. а). Шоаш юаш йола хIама а йита, Хъажийна (Къ. а) тIадийрза дIаэттар жа.

– ДIадовла, дале дажа дIагло, – аьлар Хъажас (Къ. а).

Жа юа а дажа дIаэттар. Хъажас (Къ. а) «лулulloахI», яхаш, жа цунна бIарахъежаш, сайранга бахар уж. Сайре баьдъелар, цIенгахъа болабелар уж. Бийс баьде яр, цхъабакъда Хъажийна (Къ. а) ший дараш малаглаш да ховргдолаш, Зайпала ший дараш довзаргдолаш, жена мулашта юкъера нур лепа доладелар, беррига никъ сийрдабаьккха. Цу сердалонца Хъажаси (Къ. а) Зайпаласи шоай жа а къоастадаь, гайна цIакхаьчар уж. Цу сайрийна Зайпаларга, цун да волча, вена ваглаш Саясанера Хъажа (Къ. а) хиннав. Зайпаларга каст-каста воаглаш хиннав из, Зайпал Хъажийца (Къ. а) цхъана жега воалландаь, Хъажийгара (Къ. а) доккха Iаламат гучдала дезаш хилар шийна ховш доландаь. Из хатта ухаш хиннавар из, Зайпала цунах хIама гучдаьннадий ха.

Гаьнна духъал а ваха, фу леладу оаша, ди сийрда долаш цIа хIана даглац шо. Вайцига вена ваглаш бехке хъаьша ва, цунна бе устагла боацаш со сагота ма хъувзий?!, аьлар Зайпалга цун дас.

Зайпало дIадийцар ше долчча бесса шийна мел дайнар, шоаш леладаьр.

– Хъажийгара (Къ. а) из санна йолча белгалонех хIама гучадала дезаш долга ховш, из гучдаьннадий хъажа ухаш ва Саясанера (Къ. а) вар вайцига. Тахан хъайна бIарга мел дайнар дIадувцалахъ цунга, аьлар Зайпалга цун дас?

Зайпал длачуваха, моаршал хьатта ваьлча, шийна бларгдайнар дладийцар Саясанерчунга (Къ. а).

– Хланз ла дувцар бакъ дале, вай цунга кхайкаш да, вай долча хьава Веза цун.

Йз цун багара даьлча: «Ас-саламу лалайкум, Саясанера Тошо-Хьажа, маьрша воагийла хьо!», аьнна, хьачуваьлар Хьажа (Къ. а).

– Валалайкумус-салам!, аьнна, салам юхадерзадир.

Тлаккха Хьажас (Къ. а) аьннад:

– лайха хатта лаьрхла хлама шийга хатталахь. Хьаьший гулакха ваханза варгвоацаш саггота ваха везаш ва, хьона, ше.

– Цхьа хлама хоаттаргдар аз хьога, аьннад Саясанерчо (Къ. а). Далла (лаzza ва жалла) гарга Даьла Элча (лалайхлис-Солату вас-Салам) миштав? Элчанна (лалайхлис-Солату вас-Салам) гарга Устаз миштав? Устаза гарга мурид миштав?

Тлаккха Хьажас (Къ. а) аьлар:

– Цласта пхьаро аьшк цийдий ший безам бар хьадой цох? Цеенначул тлехьагла, лала гаргадаха клайденна аьшка дайнадий, хьона? Далла (лаzza ва жалла) гарга Даьла Элча (лалайхлис-Солату вас-Салам) лала гаргадаха аьшкана тара ва хьона. Цу аьшка тла туг lotla тессача фу хургда? Элчанна (лалайхлис-Солату вас-Салам) гарга Устаз иштта ва хьона. Устаза гарга мурид мишта хила веза, яхий ла? Цхьан гаьннача аренашкахь ше цхьан хламанна тлаоттавелча шийна уллув ший Устаз шийца волга ховш, керда ена нус ший маьрдаьх, маьрнаьнах санна, ший Устазах эхь хеташ, бехк хеташ, воагаш хургва хьона из. Устаза гарга мурид иштта хила везар-кх, аьннад, Хьажас (Къ. а).

-127-

Илсхан-юртара Хьажа (Къ. а) Наьсар чу вена, Дала (лаzza ва жалла) шийна пурам денна ха яьккха юха цла водача хана, из накъа ваккха дуккха нах гулбенна хиннаб.

Цига гулбеннараша аьннад Хьажийга (Къ. а):

– Хье длавахале укх хьай белха тхона юкьера цхьа саг воккхагла ваь белгал ве веза ла.

Тлаккха Хьажас (Къ. а) аьннад:

– Аз яхар деш вар, lo-o латтача кетара блара хьежаргва шоах, аьнна, тлелг, Буроклалхарча Ужахь-наькъан Тлешала, тлахьекхаб Хьажас (Къ. а).

Тишьенна кетар тла а ювахш, мискача нахах саг хиннав Тлешал.

Гулбеннача наха аьннад Хьажийга (Къ. а):

– Из таро йоацаш миска саг ва. Уцага Малсаг белгал ве тхона. Из санна дунен хьал долча къонахий цлешаш яьхай цар.

Хьажас (Къ. а) шийна юхе хьатла вийха, Тлешала белаж тла кулг lotla а теха аьннад:

– Ше кьоабал веча наха укх Наьсар чухьа воккхагла ваь вутар ер Тлешал ва шоана.

– Ахкан длайхача дийнахъа БурокIалха додача хина йистте хи чу ши ког Iочу а элла ваьглав Пешал. ЦIаьхха дага дехад цунна, хIанза иштта паргIатваьнна ваглаш сай Устаза бIаргавайтар эздел доацаш да-кх, аьнна, хи чура ши ког хьалъара а баьккха, чоал когаш а теа Iохайнав Пешал.

Илсхан-юрта тоабанца ваглаш вола Хъажа (Къ. а) борд-бордагIа вела-веннав. Цунца баьгIараш хаьттад Хъажийга (Къ. а):

– Фу хозденна велавелар хьо, аьнна?

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Наьсархой Пешал вар додача хина йистте ваглаш, хи чу ши ког Iочу элла. «Иштта паргIатваьнна ваглаш сай Устаза бIаргавайтар эхь да», аьнна, хи чура когаш хьалъара а баьхха Iохайра из, цунах тоам хинна велавелар даьлар щийга, аьннад Хъажас (Къ. а).

Такха цунца баьгIараш хаьттад Хъажийга (Къ. а).

– Дуккхаза, из Наьсархой Пешал вувц Iа, иштта чIоагIа саг ва из?

Хъажас (Къ. а) аьннад:

– Органо (р. Аргун) дIакъоастадаь халкъ хьалхдаккха, из Наьсархой Пешал тоьаргвар, аьнна.

«ИЗРЕЧЕНИЯ» ХАДЖИ ИЗ ИЛСХАН-ЮРТА

Перевод

- 1 -

Наступит время, когда я не буду среди вас. Найдутся те, которые будут утверждать: «Ваш Устаз не живой», и некоторые считают, что умершего нельзя считать Устазом.

Всевышний (азза ва жалла) удлинит наше время, расширил и увеличил наше состояние, кроме четырех (4) ангелов после нас остаться никто не сможет, что из них будет – никто не знает. Я разрешаю тем, кто меня почитает, тому кто не знает передавать мой вирд – сто (100) зикр, пять (5) соловат, пятнадцать (15) «Астогфируллахи» на востоке и на западе.

- 2 -

Хаджи (Къ. а) сказал:

«Впереди умершего (до его похорон) раздавайте сагла – милостыню! Я разрешаю опередить сагла потому, что сагла полезен в могиле (т.е. его маъл поможет умершему). Посмотрите, муриды, и как удобно же и прийти, когда уже место подготовлено? Я хочу, пока не начались могильные муки, было сагла роздано.

Не отрицайте того, что говорят алимы. Они делают то, что делали асхабы Пророка (а.с.с.).

Когда на похоронах начинали трапезу: «Не обращая внимания на моего умершего, они пришли поесть, – подумают некоторые мусульмане, в таком месте поесть нежелательно», – говорят они по этому случаю.

Мы посмотрели, что говорит душа умершего. Душа умершего говорит: «Сегодня пришедший на мои похороны пусть не уйдет, не поев сагла».

Тогда мы посмотрели какие мысли у некоторых мусульман.

«Сегодня пришедший на похороны человек пусть не уйдет, не вкусив сагла», – нашли мы в мыслях.

Потому и говорю: «Опережайте раздачу милостыни перед захоронением, трое суток ешьте и выполняйте с этим завещание».

-3-

Хаджи (Къ. а) сказал:

«Душа жаждет сагла, труп – лечь в могилу».

- 4 -

«Если вокруг могилы произнести сто (100) зикр, маъл от этого сто (100) зикр светом обвивает шею умершего. Если вокруг могилы провести три (3) круга быстрым зикром, над ними становится круг ангелов, прося прощения умершему у Всевышнего. До Судного дня идут эти ангелы. Вот так велики и священи произнесенные вокруг могилы сто (100) зикр и три (3) круга быстрого зикра», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 5 -

«Аллах Всевышний любит три (3) капли: капля пота от быстрого исполнения зикра; капля слезы, появившейся от боязни перед Всевышним (лаzza ва жалла); капля крови, упавшая при газавате, который поощряется Всевышним (лаzza ва жалла)», – сказал Устаз (Къ. а).

- 6 -

«Мы осмотрели все дороги. Самой короткой дорогой, связующей раба с Всевышним (лаzza ва жалла), я нашел в слове «Ла иллахla илла-Ллахla», – сказал Устаз (Къ. а).

- 7 -

«Четыре подарка мне сделал Аллах Всевышний (лаzza ва жалла) :

- «Ла иллахla илла-Ллахla» мне дано как наковальня;
- «Аль-хамду ли-Ллахla» мне дано как щипцы;
- «Астогlфируллахъ» мне дано как молот.

Чтобы их закалить, воссоединить, нам дан быстрый зикр (Чехка зикр)», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 8 -

«Очень высоко читится, когда человек в группе поминает Аллаха (лаzza ва жалла) в течение одного (лаzza ва жалла) часа, чем сорок (40) лет один будет молиться Аллаху (лаzza ва жалла)», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 9 -

«Возвысившийся перед Богом (лаzza ва жалла) не возвысился, пока он не стал чтить (почитать) достойных перед Богом (лаzza ва жалла), не унижился никто, пока не стал не почитать того, кто достоин почитания», – говорил Хаджи (Къ. а).

Хаджи сказал: «Упаси нас Бог (лазза ва жалла) от оживления мертвого, упаси нас Бог (лазза ва жалла) от убиения живого».

Мюриды спросили:

- Как можно оживлять мертвое?
- Не есть ли оживление мертвого утверждение неправды (лжи) за правду (истину). Не есть убийство живого утверждение правды (истины) как неправду (ложь), – сказал Хаджи (Къ. а).

Устаз сказал: «В этом мире нет горя по сравнению с иным миром, если даже все собрать и отдать одному, он скончается, и вместе с ним уйдет горе. Горе есть то, которое остается после смерти. Нет свободы даже у царей в этом мире, он скончается, и уйдет она. Свобода (и радость) будет в раю», – сказал Устаз (Къ. а).

В один из дней Хаджи (Къ. а), Мовсар и с ними Байали заготавливали доски.

Хаджи (Къ. а) спросил Мовсара:

- Веришь своему Устазу?

- Верю! – ответил Мовсар.

Там горел большой костер.

- Прыгни в этот костер, – сказал Хаджи (Къ. а) Мовсару.

- Не обожжет ли меня, Хаджи, огонь этот? – сказал Мовсар.

Тогда Хаджи (Къ. а) сказал Байали:

- Прыгни в этот костер.

Подобрав полы черкески, Байали прыгнул в костер.

Мовсар вскочил:

- Хаджи, эй Хаджи... ты спалил чужого человека!

Хаджи сидел улыбаясь и поправлял головешки в костре.

Через некоторое время Хаджи (Къ. а) сказал:

- Байали, выходи.

Тогда Байали вышел и ни один волосок на его черкеске не был опален огнем.

- Мюрида, доверившегося своему Устазу, огонь не опалит в этом мире, равно он не будет опален огнем ада, – сказал наш Устаз (Къ. а).

Хаджи сказал: «Мои мюриды будут приходить, опасаясь недозволенного (грешного), оставляя дозволенное».

Хаджи сказал: «Мовсар, когда люди начнут строить дома повыше, за-
мечать двory пошире, когда дети начнут кричать на родителей, без
согласия мужей женщины начнут ездить торговать, когда алимы будут, как
красные лисицы, жадными (хитрыми), когда служители власти станут же-
стокими, как волки, когда от приверженцев религии будет идти запах, как
от трупa осла, тогда спасется тот, кто будет следовать тарикату.

Когда уходил, наш Устаз (Къ. а) сказал:

«Четыре (4) наставления оставляю вам. Два (2), чтобы вы придержи-
вались, два (2), чтобы вы оставили. Не говорите о хороших поступках и делах
ваших сделанных для других, т. к. это остается без воздаяния, не принесет
пользы в обоих мирах. Неприятности, сделанные вам другими, простите –
последствия бывают долгими. Упоминание Аллаха (лаzza ва жалла) и моги-
лу не забывайте.

Пусть Аллах (лаzza ва жалла) сохранит его тайну.

Когда Хаджи (Къ. а) сказал, что есть место, когда его мюриды возвы-
шаются над овлиями, когда его мюриды возвышаются над алимами, мюри-
ды спросили:

– Хаджи, как мы можем возвыситься на овлиями, когда они являются
приближенными Аллаху (лаzza ва жалла), когда алимы есть варисы Пророка
(а.с.с.)?»

– Мюриды, – сказал Хаджи (Къ. а), – когда умирает несправедник, из-за
его грехов, овлияи стесняются просить его у Бога (лаzza ва жалла). Мои
мюриды там собираются, поминают Бога (лаzza ва жалла), быстрый зикр
делают, маъл от этого дают ему, просят у Бога (лаzza ва жалла) его грехи,
т.е. прощения его грехов. Это есть место, когда мои мюриды возвышаются
над овлиями.

Алимы читают и переводят Коран и Хадисы Пророка (а.с.с.), но от это-
го никто не получает аср, из глаз не идет слеза. Там мой один мюрид тихим
голосом поминает Бога (лаzza ва жалла), Пророка (а.с.с.). От этого они по-
лучают асар, из глаз идут слезы. Это есть место, когда мои мюриды возвы-
шаются над алимами, – сказал наш Устаз (Къ. а).

В один день в Чечне собралось много людей. Там были: Ташу-Хаджи из
Саясана со своими мюридами, Абу со своими мюридами, Геза-Хаджи со
своими мюридами, Хаджи из Илсхан-Юрта со своими мюридами.

Умные люди, говорят, спросили:

– Когда вы вчетвером (4) вместе, у нас есть, что спросить, если вы позволите.

Когда было дозволено, они спросили:

– Алимьы говорят: «В последнюю среду месяца Сафар на землю нисходят семьдесят тысяч (70 000) бед (испытаний)». При каких условиях эти беды могут не прийти к людям?

Хаджи из Саясана сказал Абу:

– Ты дай ответ.

Абу сказал Геза-Хаджи:

– Ты дай ответ.

Геза-Хаджи сказал:

– Илсхан-Юртовский, ты дай ответ.

Каждый хотел, чтобы другой ответил.

Наконец отвечать пришлось Хаджи из Илсхан-Юрта.

– Эти беды на мусульман не взошли бы, если один из мужчин во имя Бога (лазза ва жалла) оставил бы четыре вида пищи, – сказал Хаджи (Къ. а).

Никто слова не молвил. У дверей стоял мюрид Хаджи по имени Ката.

– Какие это четыре вида пищи? – спросил Ката.

– Мясо, масло, молоко, хлеб – эти четыре (4) вида пищи! – ответил Хаджи.

Тогда Ката сказал:

– Во имя Всевышнего (лазза ва жалла) я сделал запретными эти четыре (4) вида пищи своей плоти (телу), пока вы мне не дадите разрешение (дозволение).

Хаджи сказал Кате:

– И овлияи благородно соревнуются. Пусть Бог (лазза ва жалла) даст тебе товфикъ. Люди будут говорить тебе: «Глазами ты будешь слепой, ушами будешь глухой, языком будешь немой, будут тебе говорить. Ну-ка, не теряйся, – сказал Хаджи.

- 18 -

Когда Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта шел в Мекку, с ним в Мекку шел один из его мюридов по имени Пилта. Когда они вышли из Мочкхий-Юрта, Хаджи (Къ. а) оглянулся назад, посмотрел вправо и влево, ему стало обидно. Посчитав неудобным спросить, ушли они в Мекку. Когда они завершив паломничество, как и в тот раз оказались рядом с Мочки-Юртом, Хаджи улыбнулся, обнажив зубы.

Пилта сказал Хаджи (Къ. а):

– Если бы ты разрешил, я задал бы тебе один вопрос.

– Разрешаю, спрашивай, – ответил Хаджи (Къ. а).

– Когда мы уходили в Мекку на этом месте у тебя проявилась обида и нам это передалось, когда мы возвращаемся из Мекки, завершив дела, на этом месте ты заметно улыбнулся.

Когда мы уходили, от чего ты получил обиду, а сегодня почему проявилась радость, рассказал бы ты?

– Всевышний (Iazza ва жалла) да продлит твои дни, Пилта. Когда мы уходили мне пришло на ум: щедрые, сильные духом, гостеприимные эти люди ингуши. О Всевышний (Iazza ва жалла), если бы ты им дал познать Тебя, Твоего Посланника (а.с.с.), подумал я, и пожелав их, меня взяла обида. Когда мы прибыли в Мекку и встали на место, где Аллах (Iazza ва жалла) дает ответ на мольбу, мы у Бога просили их, ингушей. Аллах (Iazza ва жалла) дал нам их. Пилта, до светопреставления Бог (Iazza ва жалла) зажег дерево тариката в этом Нясаре, – сказал Хаджи (Къ. а).

- 19 -

Хаджи из Илсхан-Юрта делал обязательный намаз и, не переходя никуда, делал дополнительный Суннат намаз. Большие мюриды, которые были с Хаджи (Къ. а), спросили: «Мы видели, как ты выполняешь Суннат намаз там же, где ты делал обязательный намаз. Алимь говорят Суннат намаз надо делать, сменив место. Дай нам определение, просим».

Хаджи сказал: «Аллах (Iazza ва жалла) сказал слово, которое не изменится: “Рабу своему, исполнившему один принятый намаз, я закрыл двери семи (7) адов, открыв двери восьми (8) раев”.

Выполнивший Суннат намаз там же, где выполнил обязательный намаз, восполнит недостающее для полноценного намаза, и Бог (Iazza ва жалла) воспринимает полноценный намаз. Я поэтому делаю так, мюриды, и вы можете сделать это так. Не наша это доля при поклонении скидывать руки, при исполнении Суннат намаза менять место и делать Искъат по умершему», – сказал наш Устаз (Къ. а).

- 20 -

В один день за селом, возле леса, Хаджи (Къ. а) и его мюриды убрали засохшие корни и деревья, очищая землю. Недалеко горел костер. К Хаджи приблизилась одна птица и заговорила, Хаджи встал и, подойдя к костру, спрятался в дыму, через некоторое время Хаджи (Къ. а) вышел с птенцами в руках.

Его мюриды спросили:

– Хаджи, ты нас напугал, что это ты сделал?

– Мать этих птенцов обратилась ко мне: «Хаджи, если ты не поможешь, мои птенцы могут сгореть». Я ходил вызволить их.

В этот день стало ясно, что Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта является Устазом и для птиц.

Ташу-Хаджи из Саясана, Гези-Хаджи из Зандака, Хаджи из Илсхан-Юрта были в пути с небольшой группой мюридов. Когда наступило время намаза, они оказались в таком месте, где не было воды для омовения и питья.

– Здесь мы добудем воду, – сказал Хаджи из Саясана и добыл воду. Вода, чуть наполнив ямочку, перелилась и закончилась.

Тогда Гези-Хаджи добыл воду. Вода наполнила ямочку и закончилась.

Тогда Хаджи из Илсхан-Юрта добыл воду, ее хватило и на омовение и, более того, начала течь по протоке.

Хаджи из Саясана сказал:

– Теперь мы будем искать суть этого явления. Когда я добыл воду – ямочка наполнилась, чуть-чуть перелилась и закончилась. Его смысл – после меня моих мюридов станет меньше, их деятельность уменьшится и закончится.

Гези-Хаджи, после тебя твоя деятельность закончится.

Хаджи из Илсхан-Юрта, когда ты добыл воду, не только хватило всем, но и начала течь по протоке – твоя деятельность беспрестанно дойдет до дня преставления.

В один день умер молодой человек, который исполнял вирд Хаджи из Саясана. После омовения тела труп опух, так что нельзя было вынести его ни через дверь, ни через окно. Опечаленная и испугавшаяся этого мать погибшего нашла Хаджи из Саясана и рассказала ему об этом. Хаджи из Саясана позвал Гези-Хаджи из Зандака. Вместе с Мухаммедом-Яраги они пошли на эти похороны. Зашли они в комнату, где лежал труп и обратились к Всевышнему (лазза ва жалла) с мольбой, прочитали аяты, тасби – ничего не изменилось.

Тогда они решили вынести труп, разломав стену.

Хаджи из Саясана сказал: «Чуть подождем. Мы мысленно обратились к маленькому мальчику, пасущему овец в Илсхан-Юрте. Если он действительно такой, каким мы его хотим видеть, он появится (в то время мальчику из Илсхан-Юрта было 12 лет)».

Прошло не так много времени после того, как Хаджи из Саясана (Къ. а) это сказал, и пришел тот, кто из Илсхан-Юрта (Къ. а) и крикнул: «Ассалламу Алайкум, Хаджи из Саясана. Просьба была быстрая, что от меня требуется?»

«Ваалайкум-салам, приходи свободным», – сказал Хаджи из Саясана и рассказал причину его призыва.

Зайдя в комнату, где лежит труп, именем Бога (лазза ва жалла) начав «Улулох!-Улулох!», Хаджи начал ходить вокруг. Когда прошел первый круг –

цвет трупа изменился. Когда сделал второй круг – опухлость спала. Когда закончился третий круг – опухоль полностью сошла.

– Теперь делайте, что требуется для трупа, – сказав это, Хаджи начал уходить.

Хаджи из Саясана попросил:

– Во имя Бога (лаzza ва жалла), одарившего тебя таким добром, если со стороны Бога (лаzza ва жалла) не будет неприятностей, сказал бы нам, что это за слово «Улулохь».

– Тот, который из Саясана, как очистился этот труп от опухлости, так это слово очищает души тех детей, которые почитают меня. Это подарок от Бога (лаzza ва жалла), который дан мне, – ответил Устаз.

– Сегодня в этом мире, завтра на том свете мы тебя признаем своим Устазом, – сказали Хаджи из Саясана, Геза-Хаджи из Зандака и почитали своим Устазом Хаджи.

- 23 -

«Пусть Всевышний (лаzza ва жалла) обрадует сердце того, кто обрадовал сердце туркха, пусть Бог (лаzza ва жалла) нанесет обиду сердцу того, кто обидел туркха», – сказал наш Устаз.

- 24 -

– Мои мюриды не будут превращать молитвенный дом меджлис в собрание, а собрание будут превращать в меджлис, – сказал Хаджи.

Тогда мюриды спросили у Хаджи:

– Как это, ты объясни нам?

– Когда на собрании одна группа людей говорит о жизни праведника, а там окажется мой мюрид, он меняет разговор, направляет этот разговор и превращает его в молитву, говоря, что Аллах (лаzza ва жалла) нам говорит, Пророк (а.с.с.) нам говорит молиться. Тогда собрание превращается в мечеть.

В мечети люди собираются, чтобы говорить о Боге (лаzza ва жалла), если там говорить о суете жизни, то мечеть превращается в собрание. Давайте, мюриды, не превращать мечеть в собрание, – сказал Хаджи.

- 25 -

Когда Хаджи уходил в Мекку, провожать его вышли много народа. Когда они выходили из села, то Хаджи часто оглядывался назад. Тогда люди подумали, что Хаджи (Къ. а.) уезжает навсегда, поэтому так часто и оглядывается назад. Тогда один мюрид, поравнявшись с ним, спросил у Хаджи (Къ. а.): «Хаджи, люди говорят, что ты уезжаешь навсегда и поэтому оглядываешься, прощаясь с ними?»

– Мюриды, это не прощание с вами. Я смотрю на ангелов, которые спустились с неба на гору Гайрака. Они прилетели к нам из Мекки и Медины, забрать благословение за зикр мальчишек, которым еще не исполнилось пятнадцати лет.

– Хаджи (Къ. а), мы не хотим, чтобы это благословение ушло от нас, в этом благословении заинтересованы наши отцы и матери, те, которые ушли в мир иной.

Хаджи (Къ. а) сказал:

– Мюриды, пусть забирают. Если вы, как сегодня, будете почитать старших, поучать младших, ваши умершие, ни мужчина, ни женщина, не будут знать страданий в могиле.

- 26 -

Когда Хаджи (Къ. а) приехал, совершив паломничество в Мекку, люди, вышедшие его встречать, говорили: «Да благословит Аллах твое паломничество».

Хаджи отвечал им: «Да благословит Аллах и ваше паломничество».

– Нам за что благословение, мы не видели, ни могилы Пророка (а.с.с.), ни Мекки, ни Медины?

– Мюриды, если вы пойдете на похороны односельчанина, если вы отнесете его тело на кладбище, чтобы опустить его в могилу – то вам будет благословение как будто вы совершили паломничество в Мекку и Медину. Вы посетите больного – и это зачтется вам как паломничество. Если вы помирите в селе двух человек – это зачтется как паломничество. В иной день вы сможете совершить эти три благостных деяния – и это зачтется вам как трижды совершенное паломничество.

- 27 -

Когда Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта приехал из Мекки, то много народа собралось встретиться с ним, они хотели послушать его рассказ и попросили Хаджи (Къ. а) поговорить с ними. Хаджи (Къ. а) ничего не говорил, он молча смотрел на землю. Когда собравшиеся вторично попросили его рассказать о доме Аллаха, Хаджи (Къ. а) спросил:

– Ингуши есть здесь?

Оказалось, что в этой группе людей ингушей нет.

– Мы просим, сказали собравшиеся, чтобы ты рассказал нам о Медине, о Мекке, а ты спрашиваешь о ингушах. Среди нашей группы ингушей нет.

Тогда Хаджи (Къ. а) сказал:

– Дети, ищите, вы найдете их!

Поискав, нашли на базаре двух ингушей и привели к Устазу.

Люди сказали:

– Хаджи (Къ. а), почему ты так особенно выделяешь ингушей?

Тогда Хаджи (Къ. а) сказал:

– Когда Аллах создавал души, Он выделил их! В тот день когда Аллах (лаzza ва жалла) создавал души, он крикнул душам: «Смелые души, идите сюда!» Самыми первыми предстали перед Аллахом (лаzza ва жалла) души ингушей! Второй раз, крикнул Аллах (лаzza ва жалла): «Души с красивыми делами, подойдите ко мне!» Самыми первыми перед Аллахом предстали души ингушей. Третий раз крикнул Аллах (лаzza ва жалла): «Самые щедрые души, подойдите ко мне!» Самыми первыми перед Аллахом (лаzza ва жалла) предстали души ингушей. Аллах (лаzza ва жалла) трижды приблизил души ингушей к себе и выделил этих ингушей.

- 28 -

Когда пришло время скрыться Хаджи (Къ. а), мюриды, окружавшие его, спросили:

– Когда скроешься от нас, что тебе надо больше всего от нас, чтобы мы сделали это?

– Мюриды, самая большая радость для меня, чтобы вы любили друг друга. Ваша ночь разлада – для меня ночь без ужина, – сказал Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта.

- 29 -

Однажды Хаджи (Къ. а) спросил у своих мюридов:

– Мюриды, вы говорите, что любите Бога?

– Да, мы говорим, – ответили мюриды.

– Как Аллаха (лаzza ва жалла) и Пророка (а.с.с.) мы любим, вы говорите. Как Аллаха (лаzza ва жалла) и Пророка (а.с.с.) мы любим, вы говорите, также мы любим Устаза, вы говорите.

– Да говорим, Хаджи (Къ. а).

– Я клянусь Аллахом (лаzza ва жалла), что это три неправды, если вы не любите друг друга, – сказал Хаджи (Къ. а).

- 30 -

Одного из мюридов Хаджи из Илсхан-Юрта звали Гама. Однажды Хаджи и Мовсар очутились в селе, где жил Гама. Обозначив день, Хаджи сказал Гаме, чтобы он приехал к нему в Илсхан-Юрт. Когда они покидали село он сказал тамаде и туркху:

– В такой-то день Гама приедет к вам отпроситься у вас уехать куда-то, не разрешайте ему отлучаться.

В обозначенный Хаджи день, утром, Гама пришел к туркху во двор отпрашиваться:

– Хаджи (Къ. а) сказал мне, чтобы я сегодня приехал к нему, разрешаешь мне ехать?

– Нет, не разрешаю, ты здесь мне нужен сегодня!

Тогда Гама пошел отпрашиваться к тамаде.

– Хаджи (Къ. а) мне сказал, чтобы я сегодня приехал к нему, разрешаешь мне поехать? – спросил Гама.

– Если туркх не разрешил, то я не могу тебе разрешить, – сказал тамада.

Тогда Гама сел и подумал: «Кто меня просил приехать – это Хаджи (Къ. а). Для туркхо, для тамады и для меня он уважаемый человек. Приказ Устаза сильнее, поеду-ка я в Илсхан-Юрт».

И поехал.

Когда Гама подъезжал к селу Илсхан-Юрт, Хаджи (Къ. а), сидевший в мечети, сказал:

– Да, Гама едет к нам, но с разрешения ли он едет?

– Ас-саламу алайкум, – сказал Гама, заходя в комнату, где сидел Хаджи.

– Ваалейкум-салам, – ответили ему.

– Гама, тебе туркх разрешил приехать? – спросил Хаджи (Къ. а).

– Да нет, Хаджи, без разрешения приехал, и рассказал, как все было.

– Гама я не разрешаю тебе садиться по дороге домой, не разрешаю тебе разговаривать о жизни, 30 дней держи уразу. Если по дороге сюда с тобой что-нибудь случилось бы, ты не дождался бы от меня помощи.

Так оштрафовал Хаджи Гама.

Когда Гама вышел, Мовсар сказал Хаджи (Къ. а):

– Зря ты человека обижаешь, сам сказал ему приезжай, а туркху и тамаде сам же сказал ему отказать, а когда он исполнил твой приказ, зачем ты его обижаешь?

– Мовсар, я сделал это для того, чтобы впредь мои мюриды знали, что приказ туркха для них закон, – сказал Хаджи (Къ. а).

- 31 -

Когда умер Муца, брат Хаджи (Къ. а), он с мюридами был в другом селе.

Хаджи (Къ. а) сказал своим мюридам:

– Нам надо ехать в Илсхан-Юрт, у нас во дворе похороны.

Приехав, Хаджи (Къ. а) сразу вошел в комнату, где лежал покойник.

– Ас-саламу алейкум, с разрешения Аллаха (азза ва жалла) садись Муца, – сказал Хаджи (Къ. а).

– Ваалейкум-салам, – с этими словами Муца сел.

– Муца, как ты увидел мах, заключенный твоим братом с Аллахом (азза ва жалла)?

– Увидел, что он правдив, – сказал Муца и опять лег.

В тот день, когда Муца умер, Хаджи (Къ. а) сказал:

– Этот Муца был хорошим братом. Кто больше любил Муца, тот больше кушайте сагла. На похоронах моего хорошего брата встреча с вами для меня большое дело. Я не говорю оттого, что мне кажется, что мой брат был слабым человеком. Аллах (лаzza ва жалла) сказал нашему Пророку (а.с.с.): «Из своих асхабов дай одного человека охранять ворота ада». Наш Пророк (а.с.с.) послал туда Турпал-Али (Карамаллоахлы ватхлахлы), да очистится его лицо перед Аллахом (лаzza ва жалла). Пророк (а.с.с.) нам сказал: «Друг для Али (Ка. в) у нас есть.

Хаджи (Къ. а) Мовсар, Зайпал сидели однажды вместе. Как младший их обслуживал сын Хаджи (Къ. а) Махьма. Хаджи (Къ. а) сказал: «Мовсар, это не правда, то, что тебе кажется».

После этого посмотрел на Махьма и сказал: «И то неправда, о чем думаешь ты. То, что думает Зайпал тоже неправда. Мовсар думает: “Я лежал в одной утробе с Хаджи, и мы с ним одного отцовского горба (спины). Завтра, в Судный день, я буду рядом с ним”. Это неправда, Мовсар. Махьма думает: “Мой отец Аллаха уважаемый слуга, Пророку уважаемый всеми варис, для мусульман – Устаз, и поэтому он в Судный день будет ближе к отцу, и ему будет слава”. Это неправда».

Положив руку на плечо Зайпала, Хаджи сказал: «Ты тоже говоришь одно. Я с нашим Устазом дни и ночи провожу, я ногой наступаю на его след, то, что он говорит, делаю, то что запрещает, не делаю. В Судный день я буду ближе к Хадже (Къ. а). Это тоже не так. Однако есть те, которые не лежали в утробе моей матери, не с отцовского горба, в последующее время понаслышке, по разговору узнавшие о моем учении и принявшие его с душой, есть мюриды у меня, которые должны прийти и будут лнуть к моему телу, так прижимается нательная рубашка. Когда закончатся их дела, только тогда я сделаю ваши дела», – сказал Хаджи (Къ. а).

«Если кто придет к Киши как к отцу Хаджи (Къ. а), тот будет надеяться на Киши. Если придет кто-нибудь к Мовсару как к брату Хаджи (Къ. а), тот будет надеяться на Мовсара. Киши есть Киши, Мовсар есть Мовсар, Махьма есть Махьма. Между нашими же телами никто не поместится», – сказал Хаджи (Къ. а).

Завтра, в Судный день, передо мной появятся мои мюриды в образе воров, став моими врагами. Тот, кто учение Устаза не передает молодому поколению, явится ко мне в образе вора. То, что мы не говорили, выдавая за мое учение, кто будет говорить, тот явится ко мне в образе кровника. «Если не скажу – боюсь, вором посчитают. Если скажу – боюсь, кровником посчитают», – говорили при разговоре большие мюриды.

- Зайпал, я иду в лес, ты тоже приходи туда, – сказал Хаджи (Къ. а).
- Как я узнаю, где ты находишься, – спросил Зайпал.
- Я по своему следу буду бросать щепки, ты по ним найдешь меня.

Через некоторое время Зайпал пошел за ним. Он дошел до окраины леса, нашел след, который оставил Хаджи (Къ. а), бросая щепки, и по нему двинулся в глубь леса. Так как он знал эту местность, он пошел напрямик. Но до Хаджи (Къ. а) он не доходил.

- Хаджи (Къ. а), где ты? – крикнул он.
- Что тебе, – ответил Хаджи (Къ. а) недалеко от него.

Зайпал пошел в ту сторону, откуда доносился голос. Шел, шел пока не устал, но Хаджи (Къ. а) не нашел.

- Где ты Хаджи (Къ. а)? – второй раз крикнул Зайпал.

Как и в тот раз: «Что тебе?» – откликнулся Хаджи (Къ. а).

- Хаджи, я твой голос слышу близко, но дойти до тебя не могу.

- А ты по следу идешь? – спросил Хаджи (Къ. а).

- Да нет, след то я давно оставил, – сказал Зайпал.

- Если не по следу идешь, ты меня до Судного дня не найдешь, – сказал Хаджи (Къ. а).

Наш Учитель нам указал дорогу. Если по мере сил мы будем исполнять то, что он нам сказал, и не делать того, что он нам запретил, то мы дойдем до нашего Устаза, – сказал Хаджи (Къ. а).

Хаджи (Къ. а) сказал: «Мюриды, говорите о счастливых, и к вам придет счастье. О несчастных не говорите, остерегайтесь, несчастье может к вам прийти. Счастливые – это члены семьи Пророка Мухаммада (а.с.с), его асхабы».

Зайпал однажды спросил у Хаджи (Къ. а): «Твой разговор мы повторяем, когда тебя нет среди нас. Одни плачут, его слушая, другие не слушают,

третьи мимо ушей пропускают. Учение одно для всех, Учитель один, но воспринимают все по-разному. Почему это так?» – «Зайпал, – сказал Хаджи (Къ. а), – сколько бы вы не повторяли, мюрид примет мое учение, только смотря какое он имеет родство с нами».

- 39 -

Однажды своей матери Хаджи (Къ. а) сказал: «Хеди, одевайся, мы пойдем с тобой на паломничество в Эртан-Корте». Хаджи (Къ. а) немного отошел от Хеди и поворачивался на восток, на запад, юг, север, пряча свои слезы от матери, он тихо молился Аллаху (Къ. а).

«Пусть Аллах (аazza ва жалла) будет тобой доволен, мой сын, какое горе у тебя на сердце, какая печаль тебя гложет? Ты сказал, что мы идем на паломничество в Эртан-Корте. Мы пришли. Если ты так плачешь, какое у нас получится паломничество?» – «Мое паломничество пропало, что случилось с твоим, я не знаю», – сказал Хаджи (Къ. а). – Пусть Аллах (аazza ва жалла) тобой будет доволен, моя мать, я приехал сюда, чтобы тебе сказать то, что мне сказал Аллах. Я беспокоился, что не могу тебе это сказать». – «Рассказывай, мой сын, что тебе Аллах говорит, и ты найдешь, что я согласна с Аллахом». – «Аллах говорит, что твоя могила должна быть здесь. Похоронив тебя здесь, я должен покинуть родину». – «Пусть Аллах будет тобой доволен, мой сын. Здесь, на высоте, в лесу, где живут одни звери, где летают одни птицы, куда не придет ни один человек на мою могилу, ты хочешь похоронить свою мать. Неужели меня нельзя похоронить рядом с твоим отцом Киши, с моим сыном Муци? Если там нельзя похоронить, то похорони меня на кладбище в Ведено, Хаджи», – сказала Хеди. «Аллах не разрешил мне тебя хоронить рядом с отцом в Илсхан-Юрте, а также не разрешил тебя похоронить рядом с Муци. Также он не разрешил мне тебя хоронить в Ведено. Я клянусь Аллахом, что ты не будешь одна. Никогда не иссякнет поток ангелов в Эртан-Корте. Мои молодые и взрослые мюриды будут постоянно приходить сюда. Кто приедет к тебе на паломничество, тот в адском огне гореть не будет. Кто бы не приходил, мы всегда вдвоем будем здесь. С предложением Аллаха ты должна согласиться». – «Алхьамдулиллах!», я согласна с волей Аллаха (аazza ва жалла). Я благодарю Аллаха, что ты мой сын, что я твоя мать».

После этого они возвратились в Эртан-Корт.

- 40 -

Устаз сказал: «Мюриды, кто к нам не присоединился, того мы не затянем ремнями, сделанными из буйволочной кожи. Даже если будем бить по лицу колючками от акации, не сможем прогнать тех, кто уже к нам присоединился».

Сайт-Саьлам, сын Жамал-Лайла, а его сын – Сайт-Алви из Мекки, приехал, чтобы построить дом поклонения вокруг могилы Хеди. Он приехал из Мекки в Чечню, собрал людей и сказал: «Я приехал на паломничество к Хеди, чтобы сделать зиярат. Наш Пророк пришел ко мне во сне и сказал: "Там, в Чечне, похоронена мать нашего Велия, посети ее могилу, после моей вторая по значению эта могила. И построй над этой могилой дом"».

Он приехал в Эртан-Корте с чеченцами, но рядом с могилой не было места для зиярата, люди своих умерших хоронили поближе к могиле Хеди. Поэтому сузили это место. Сайт-Алви сказал: «Здесь нет места, чтобы построить дом. Если я приехал с благословения Пророка (а.с.с.), завтра, когда мы приедем сюда вновь, здесь будут изменения».

На второй день, когда они пришли, то увидели, что вокруг могилы Хеди земля сползла, и поэтому другие могилы отделились от нее, образовав вокруг пустое пространство, тем самым освободив место для постройки мавзолея. Когда работа над мавзолеем близилась к завершению, среди людей пошли слухи, что Сайт-Алви приехал, чтобы что-то забрать у чеченцев, чтобы обогатиться. Узнав об этих слухах, он собрал людей и сказал: «Есть слухи, что построив возле могилы Хеди мавзолей, я что-то хочу забрать у чеченцев. Я клянусь Аллахом и Пророком, что приехал только после того, как явившись ко мне во сне, Пророк (а.с.с.) приказал ехать сюда. Я приехал не за вашими деньгами, – вытащив из-за пазухи сумку с золотом, он показал им: – Когда я сюда выезжал, эта сумка была полна золотом. У меня такие же два полных мешка с золотом есть дома. Пророк доверил эту почетную миссию мне, сделав варисом, и сказал сделать мавзолей над могилой матери того, кто ниспослан Аллахом слугой всего живого и неживого. Я сделал то, что мне сказали. Оставайтесь с миром, я прощаю вам все».

Сказав это, Сайт-Алви уехал.

Хаджи (Къ. а) сказал: «Мы ходили смотреть души усопших. За долги перед родителями мы нашли их в муках». – «Что же сделать, чтобы освободить их от этих мук?» – спросили мы у Аллаха. «Аллах дал нам сто зикр. Тех, кто после пяти обязательных намазов, произнесет сто зикр, и добро воздаст за это своим родителям, то родители простят за все».

Если обряд на поминках выполняется легко, то это признак того, что ваш умерший находится в благоденствии. Вы охраняете три ночи, если в одну из ночей вам удастся легко исполнять (зикр), то знайте ваш умерший

не испытывает на том свете трудностей. Если ваш обряд выполняется трудно, то охраняйте три ночи, давайте милостыню, молитесь, читайте Коран.

- 44 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Первая ночь в могиле для умершего – маленький Судный день. Давайте, мюриды мои, в первую ночь не оставляйте своего умершего без внимания».

- 45 -

«Бывает, что умерший за одну ночь отчитывается перед ангелами, бывает – за три ночи, бывает – за семь ночей, бывает – за сорок ночей. Видите, мюриды, какая работа на свете. Если вашего осужденного судят завтра, и вы передадите передачу сегодня, дав взятку судье, или же вы дадите взятку завтра, когда человека уже осудят, какая из них будет полезнее. Христиане выделяют сороковую ночь. В отличие от них, вы охраняйте тридцать девятую ночь», – сказал Устаз (Къ. а).

- 46 -

В то время, когда жил Хаджи (Къ. а), с ним тягался Чопа-мулла. Если взять всех, кто тягался с ним, то больше всех его критиковал Чопа-мулла. Однажды Хаджи (Къ. а) сказал ему : «Если ты разрешишь, я хотел бы тебе задать один вопрос?» – «Спрашивай все, что ты хочешь», – сказал мулла. «Если с алимом не конкурируют несколько человек, то он не алим, и не учитель, – говорит Жай, – сколько их должно быть всего?» – «Шестьдесят три, – ответил мулла. – И какими алимами они должны быть? – говорит твой Жай». – «Они должны быть такими алимами, – сказал мулла, положив руку на сердце. «Чопа-мулла, то, что ты не из этих, я знаю, – сказал Хаджи. – Я расскажу тебе какие шестьдесят три алима должны быть. Если убрать все учения, которые ниспослал Аллах, если бы день потемнел, как ночь, если бы вдруг белый свет помутнел, с помощью левой руки сделав свет, правой рукой записывая, должен знать и восстановить все учения мира». Чопа-мулла сказал: «Чтобы ты не говорил, мое сердце не принимает тебя». – «Чопа-мулла, я знаю, что ты не одобряешь меня. 4000 лет до создания Вселенной, собрав все души, Аллах приказал им: "Души Овлиия, отделяйтесь". Исполняя приказ Аллаха (лаzza ва жалла), все души овлийов отделились. Тогда Аллах (лаzza ва жалла) сказал остальным душам: "Ловите души овлийов, чтобы сделать для себя учителями". Исполняя волю Аллаха (лаzza ва жалла) души поймали для себя учителей. Когда Аллах (лаzza ва жалла) это сказал, я был там. Не один овлийя не принял, не взял в свое лоно одну душу, она дрожа сидела в одиночестве. Это была твоя душа, мулла», – сказал Хаджи.

Однажды, где собралось много народа, Хаджи говорил с людьми. Не признавая его разговор, Чопа-мулла сидел в стороне. Зная это, Хаджи (Къ.а.) сделал так, что Чопа-мулле пришлось выйти во двор. Чопа-мулла быстро вышел во двор. Через некоторое время вернулся обратно, побледнев, как мел. Не сводя глаз с лица Хаджи (Къ.а.), пристально смотрел Чопа-муллы. Хаджи (Къ. а) сказал: «Я вижу после того как ты вернулся со двора ты изменился, что с тобой?» – «Зная отношения между тобой и Аллахом, я тебя прошу не оставляй меня в таком положении, в котором я нахожусь сейчас. Чопа-мулла Аллах (лаzza ва жалла), когда своих приближенных обижают. Приближенных Аллаха (лаzza ва жалла) нельзя обижать. Если кто будет бороться с местным устазом, будет в таком положении как ты сейчас. Чопа-мулла, еще раз сходи во двор и ты вернешься в прежнем виде». Мулла, возвращаясь со двора, громко плакал.

Первым, признавшим Устаза, был Галаби. Однажды Галаби и Хаджи (Къ. а) пасли скот. Оставив с отарой Хаджи (Къ. а), Галаби ушел в село за едой. Когда он вернулся, Хаджи (Къ. а) спросил: «Что там нового?» – «Да есть одна новость, и люди удивляются этой новости. Говорят, что забыв приличия, изменив имаму Шамилю, уехав в город и подружившись с генералами и полковниками, Мустапа-Кади устроился на работу – об этом говорили у нас». Хаджи некоторое время смотрел на землю, потом сказал: «Через три месяца и шесть дней Мустапа-Кади умрет. Смерть его будет неприличной». После этого Галаби на своей палке делал отметки. Через три месяца и шесть дней, оставив Хаджи (Къ.а.) с отарой, Галаби ушел в село. Когда он вернулся, Хаджи (Къ. а) спросил: «Галаби, что нового в нашем селе?» – «Да, в нашем селе есть новость. Оправдалось то, что ты сказал три месяца и шесть дней раньше – Мустапа-Кади скончался».

«Генералы из города прислали человека к имаму Шамилю сказать, что Мустапа-Кади умер, пусть его тело заберут, чтобы похоронить. "Шариат Пророка (а.с.с.) не держит зла на покойников, тело заберем и похороним", – ответил имам Шамиль послал за ним людей, и во дворе люди ждали, пока они вернутся с ним», – рассказал Галаби. «Хаджи, за три месяца и шесть дней ты предсказал его смерть. Перед тем, как поехать в город, он считал своим Устазом Яраги-Шейха. Когда душа дошла до горла, он обратился к нему за помощью, и, как молния, быстро примчался Яраги-Шейх к нему. Когда он пришел, душа покинула тело, труп уже остыл. Восток, запад, все четыре стороны света обошла душа Яраги-Шейха, но душу Мустапы-Кади

не нашла. После того, как он не нашел его душу, он обратился к ста тысячам, к двадцати тысячам, к четырем тысячам овлиям за помощью. Эти сто тысяч, и двадцать тысяч, и четыре тысячи овлия, обойдя все четыре стороны света, между семью небесами и землями искали душу Мустапы-Кади. Клянусь Аллахом (лазза ва жалла), не нашли они душу. После этого вместе с этими овлиями, он стал молиться, произнося «Аминь», и молясь, он начал плакать: «О Великий Аллах (лазза ва жалла), мы не можем найти душу Мустапы-Кадия, о Аллах, дай нам на помощь своего старшего Велія», – с этими словами обратился Яраги-Шейх. После этого обращения к Богу: «Вот тебе, Яраги-Шейх, душа Мустапы-Кадия, но его срок окончился», – с этими словами один бедный человек протянул ему душу Мустапы-Кадия. Скажи, Хаджи (Къ. а), как окончился его жизненный срок?» – «Когда бедняк передал ему душу, вместе со ста тысячами, с двадцатью тысячами, с четырьмя тысячами овлиями, повторяя «Аминь», Яраги-Шейх начал просить прощения для души Мустапы-Кадия. Аллах (лазза ва жалла) приказал Яраги-Шейху: «Поставь душу мусульман по одну сторону, на другую сторону – души христиан, и отпусти душу Мустапы-Кадия. Если она пойдет в сторону мусульман, я отдам его тебе», – сказал Аллах Яраги-Шейху. Как сказал Аллах (лазза ва жалла), поставив по одну сторону мусульман, а на другую сторону души христиан, повернув лицо в сторону мусульман, он отпустил душу Мустапы-Кадия. Повернув шею в сторону мусульман», захрюкав, как свинья «хрю-хрю», он пошел в сторону христиан», – сказал Хаджи (Къ. а).

Галаби спросил: «Хаджи, скажи мне правду, после того, как Яраги-Шейх со ста тысячами и двадцатью тысячами, и четырьмя тысячами овлиями отыскать душу Мустапы-Кадия, это ты отдал его душу ему?» – «Галаби, первое ты знаешь, зачем тебе знать второе, – сказал Хаджи (Къ. а), – может быть и я». – «Заклинаю тебя Аллахом (лазза ва жалла) и его Пророком, скажи мне правду. Именем Аллаха (лазза ва жалла) заверяю и именем Пророка, сегодняшним днем заверяю, завтрашним Судным днем заверяю, что завтра в загробном мире я подчиняюсь тебе, я буду твоим слугой, ты, сын Киши, мой Устаз», – сказав это, Галаби обнял Хаджи (Къ. а).

- 50 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Если кто из потомков Адама скажет больше “Ла иллахъ илла-Ллах!” я ночью не спал и днем не знал бы покоя. Если к Пророку (а.с.с.) кто будет ближе меня, я ночью не спал бы и днем не знал бы покоя. Если бы величие быстрого зикра “луллоаху” дали другим, кроме нас, я ночью не спал бы и днем не знал бы покоя».

- 51 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Семьдесят тысяч шей, которым положено было пойти в ад, спасла одна шея, с такой шеей мы подготовили 70 мюридов на нашей Родине».

В Шаами-Юрте жил один Шейх по имени Ахмед-дукъ-Хаджи со своей группой мюридов. Там, на похоронах одного из его мюридов, очутился один мюрид, воспитанник Хаджи из Илсхан-Юрта, по имени Ката. Когда труп покойника положили в могилу и засыпали землей, Ахмед-дукъ-Хаджи сел возле его могилы, держа голову обеими руками. Когда он сидел так, Ката сказал: «Ахмед-дукъ-Хаджи, ответ неправильный, чем ты можешь помочь». Через некоторое время, Ката еще раз спросил: «Ответ неправильный, чем ты можешь помочь?» Ахмед-дукъ-Хаджи промолчал и в этот раз. Когда Ката в третий раз обратился к нему с этим же вопросом, Ахмед-дукъ-Хаджи ответил, что увы, нет, Ката. «Если вы не можете в такой день помочь, то оставьте руководство тому, кто может больше вас помочь в более трудный и тяжелый день», – сказал Ката.

Темарсолта из Мартана заболел неизлечимой болезнью. Его проводить пришел Ката. «Ас-саламу Алейкум», – сказал Ката. – Как ты себя чувствуешь?» «Ва-алейкум салам, Ката, да будет твой приход мирным. Самочувствие у меня – что Аллах (азза ва жалла) дал», – сказал Темарсолта. Ката сел рядом и долго сидел опустив голову. – «Темарсолта, я ухажу, завтра после полудневного намаза до предвечернего намаза, ты увидишься с рядовыми загробного мира, от нас передай им салам. Скажи, что одному несчастному надоела жизнь, пусть они попросят Аллаха (азза ва жалла), чтобы он призвал нас к себе». После этой ночи Темарсолта скончался.

После него на шестой день заболел Ката, лег на кровать. У него отнялся язык, в глазах свет померк. Люди сидели вокруг него, другие читали «Ясин». Находясь в таком состоянии, Ката сел в своей постели. «Ката, как ты нас напугал. Тебя что, болезнь отпустила, или боль замучила? В каком состоянии ты встал?» – «Да нет, не отпустила болезнь и мучает боль. Сладкую душу из моего тела хочет забрать ангел Мулкал-мовт, пока он не дошел. Впереди ангела шел наш Устаз, говоря, что я своего мюрида оставлю с собой. Когда два таких тела идут ко мне, мне стыдно стало лежать», – сказал Ката. Сидя, ушла из его тела душа.

Однажды Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта вел разговор со своими мюридами, в это время к ним подъехал всадник и сказал: «В Судный день ты ничего хорошего для людей сделать не сможешь и все равно ведешь свои пустые разговоры». Хаджи (Къ. а) ответил: «Лучше бы ты сказал "Астагфируллоах!"». – «Я ничего плохого не сделал: тот, кто сделал плохое, пусть тот и говорит "Астагфируллоах!"», – ответил всадник. «Лучше бы ты

начал говорить "Астагфируллоах!", – еще раз сказал Хаджи (Къ. а). «Я не сделал ничего плохого, чтобы говорить "Астагфируллоах!". В третий раз попросил его Хаджи. «Кто сделал плохое, тот должен раскаиваясь говорить "Астагфируллоах!". Даже, если ты сейчас скажешь, для тебя это бесполезно. Теперь послушай меня, – сказал Хаджи (Къ. а). – Сейчас ты отсюда возвратишься обратно, доедешь до одного оврага, пройдя полпути к дому, ты должен будешь сойти с коня, но обратно на коня ты не сядешь, может успеешь застегнуть брючной ремень, может не успеешь». – «Такие разговоры со мной вели многие люди», – сказав это, человек уехал.

Когда он доехал до того оврага, о котором говорил Хаджи (Къ. а), ему пришлось сойти с коня, он садился и вставал, так и дошел до дома, не садясь больше на коня. «Дойдешь до дома, в таком положении ты проведешь 7 лет, смерть твоя будет неприличной», – сказал Хаджи (Къ. а). Приехав домой, он сделал топчан из плетеных прутьев, и, лежа на нем, провел некоторое время. Сын его учился в другом государстве. Ему сообщили, что отец находится в тяжелом положении, и велели ехать домой. Приехав, сын сказал: «Ты же говорил, что есть один аят, если его прочтешь, то смерть будет легкой, прочитай бы ты этот аят». – «Парень, то, что говорил Хаджи (Къ. а) из Илсхан-юрта, исполнилось. Аята нет, науки нет. У меня науку забрали».

- 55 -

Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта сидел, облокотившись на палку. «Хвала Аллаху», – внезапно сказал Хаджи (Къ. а). По его бороде потекла вода. «Того, кто к нам присоединился, как крепко ты привязал к нам, но, кого отрезал, ты крепко отрезал от нас», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 56 -

Одного мюрида Хаджи звали Говда. Люди стеснялись сами спрашивать у Хаджи (Къ. а) и попросили Говда спросить у него: «Если нам нужна будет помощь от тебя, в каком случае мы можем обратиться к тебе?» – «Когда упадет штырь, державший колесо вашей брички, можете позвать меня. И вы не думайте, что мне надо будет бежать издалека. У местного Устаза все места во владении Аллаха (лаzza ва жалла) находятся вот на этих ладо-нях». И он показал свои руки.

- 57 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Ученый алим каждый день будет сомневаться в своем устазе. Тот алим, который не сомневается в своем устазе, – редкое явление, как красный алмаз, и если найдете, то он будет умный, как сорок ученых».

Однажды Хаджи (Къ. а) с Ябаже-муллой шли на пятничную молитву. Летом выпавший снег лежал на дворе.

– Во вред этот снег, – сказал Хаджи (Къ. а).

– Нельзя говорить о том, что сделал Аллах (лаzza ва жалла), может быть, это навредит нам, – сказал Ябаж-мулла.

– Если это вредно, надо говорить, что это вредно.

После этого спора они разошлись.

Во вторую пятницу, когда они встретились вновь, Ябаж-мулла сказал:

– Хаджи (Къ. а), ты оказался прав. Не вовремя выпавший снег – это вред, написано в религиозном писании.

Хаджи (Къ. а) сказал:

– Ябаж-мулла, если бы ты знал смысл религиозного писания, мы были бы с тобой намного ближе.

У Хаджи (Къ. а) спросили: «Почему все на свете не выбирают тебя своим Устазом?» Хаджи (Къ. а) сказал: «Когда прошли две половины ночи, взойдя на гору Гайрака, я крикнул "Юлиллоах!". Дети, находясь в утробе матери, люди, заключившие с нами тоба, присоединившиеся к нам, – все эти души услышали нас, но в нашем Илсхан-Юрте оказались те, которые нас не услышали».

Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта сказал: «Аллах (лаzza ва жалла) дал нам три силы:

Если бы в тысяче местах в один час скончались тысяча мюридов, мы можем голову каждого положить на колени, чтобы они скончались спокойно.

Если тысячу мюридов, в тысяче местах, в один час, в могиле будут допрашивать, допрашиваемый мюрид не увидит ангелов, ангелы тоже не увидят мюридов, ответив за мюридов, устаз отпустит ангелов.

Третью силу дали: Записи наших грехов ангелы носят к Аллаху (лаzza ва жалла). Без ведома ангелов, мы можем забрать эти записи; наши нехорошие деяния оттуда стереть, оставляя такие деяния, которые не стыдно показать Аллаху (лаzza ва жалла), очистив эти записи, отдать обратно ангелам».

Хаджи (Къ. а) сказал: «Потомкам Адама не сделал Аллах (лаzza ва жалла) такое хорошее дело, как нам. Если мы скажем один раз "Ла иллаха илла-

«Аллах!», то нам записывает Аллах (лаzza ва жалла) то, что сказал человек и джинны. Мы у потомков Адама ничего не позаимствовали, кроме как у Пророка Мухаммада (а.с.с.). Бог мне дал власть, кого я хочу, могу возвысить, а кого я не хочу, могу унижить».

- 62 -

Когда Элах-мулла сидел в тюрьме, то с ним сидел мюрид из его течения по имени Баадал. Однажды Элах-мулла сказал: «Твое время в тюрьме окончилось, тебя завтра отпустят, но мое время не кончилось, мне надо ехать далеко отсюда». Баадал сказал: «В этой жизни мы больше не увидимся. Ради Бога, скажи, на том свете мы встретимся с тобой?»

Элах-мулла сказал: «Баадал, в Илсхан-Юрте есть Хаджи (Къ. а), ты будь с его мюридами, не враждуй с ними, если не будешь враждовать с ним, то мы с тобой встретимся на том свете. Тогда Аллах (лаzza ва жалла) будет нам помогать. Если ты с ними не будешь враждовать, мы будем стремиться на встречу друг другу как эти пальцы», – скрестил два пальца.

Тогда Баадал сказал: «Удивительное дело ты говоришь! Неужели он такой сильный, этот Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта. Бог дал остальным овлиям, блага отмеренно, а ему Он дал без границы».

- 63 -

Алимы задавали Хаджи (Къ. а) вопросы на разные темы, когда он закончил на них отвечать, то сказал:

«Алимы, могу я у вас спросить кое-что? Что за слово “Кун”? «Кун» – сильное слово. Скажут: “Кун Аллах Фа екувну”, – исполняется. “Кун”, – Аллах (лаzza ва жалла) сказал, и образовалась Вселенная. Вот такое сильное это слово. Тогда к “Кун” добавили “та” и получилось “Кунта”. – «Ты будь», – сказали. Когда я еще находился в утробе матери, меня называли этим именем, – сказал он. – Оставьте меня в покое».

- 64 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Мюриды, гость придет, почитайте его. Сколько бы не почитали гостя, ангелы сидят на почетном месте, почитая с вами гостя. Никогда не забирайте почетное место у гостя. Если вы уберете гостя с почетного места, то его почет теряется, тогда ангелы уходят из вашего дома. Охраняйте чистых ангелов. Почет гостю и уважение не теряйте».

- 65 -

Однажды Хаджи (Къ. а) пошел в Ца-Ведено к Ибрагиму. Он спросил: «Ибрагим дома?»

Жена сказала, что его нет дома. «Заходи, Хаджи (Къ. а), он придет», – сказала жена. «Нет, не зайду я, пусть он придет ко мне», – сказал он. Повернувшись, Хаджи спросил: «Ибрагим впереди гостей садится?» – «Ты же лучше меня знаешь, куда он садится, – ответила жена Ибрагима Хадже (Къ. а). – «Бывает, что впереди садится, бывает и сзади садится». – «Хоть гость будет моложе его, пусть и тогда впереди не садится», – сказал Хаджи (Къ. а) и ушел.

- 66 -

«За те дела, которые мы совершаем ради Аллаха (лазза ва жалла), мы не перешли бы этот мельничный арык» (Арык был такой узкий, что его можно было перешагнуть). «Дела, которое мы делаем ради Аллаха (лазза ва жалла), как щепотка соли для приправы, к ней надо добавить красивые дела, как заготовленное на зиму молотое зерно».

- 67 -

Эсангири был мюридом Хаджи (Къ. а). Однажды, когда он был в лесу, то срубал только прямые хворостины. Он их подготавливал себе для топчана. Хаджи (Къ. а) подошел к нему и спросил: «Что ты делаешь?» – «В лесу мне понравились эти хворостины, поэтому я их готовлю для топчана». – «Топчан можно сделать, но есть одно «но», создавая удобства для себя здесь, ты лишаешь себя удобства в загробном мире». – «Тогда я не буду делать из них топчан», – сказал Эсангири, выбросив хворост, сделал топчан из глины.

- 68 -

Однажды Хаджи (Къ. а) со своими мюридами хоронили человека на кладбище. Когда землю засыпали в могилу, Хаджи (Къ. а) сказал: «Окружив эту могилу, мы произнесем 100 зикр». Встав вокруг могилы, они произнесли 100 зикр, пользу от этого они отдали покойнику. Когда они это делали, из могилы вышло и побежало что-то живое похожее на собаку. Это увидел Эсангири. Он сказал Хаджи (Къ. а), когда они, закончив свое дело, вышли оттуда: «О, какое чудо я сегодня увидел! Когда мы стояли вокруг могилы и молились, из могилы выскочило и побежало какое-то страшное животное, и я увидел его». – «Ты знаешь, что это было, Эсангири? Это были плохие дела, которые покойный совершал при жизни». – «При жизни ты совершал нас, нам деваться некуда, поэтому мы пришли к тебе, – сказали они, – пока не придет Судный день мы с тобой». – «Когда мы, окружив могилу, сделали 100 зикр и пользу от этого зикра передали покойнику, то это благословение, превратившись в свет, обвилось вокруг его шеи. Благословение и грехи поссорились между собой, и сказали, что только одно из них останется в могиле с покойником. Свет победил, а плохие дела покинули эту могилу», – сказал Хаджи (Къ. а).

Хаджи (Къ. а) сказал: «Мюриды, на голову одевайте лучшее и на ноги одевайте лучшее. Кто тебя любит – смотрит на голову, ему это будет приятно. Кто тебя не любит – будет смотреть на ноги, и это ему будет неприятно».

Мюриды сказали Хаджи (Къ. а): «Устазы других мюридов одеваются красиво. Нам стыдно перед другими людьми. Чувяки твои прохудились, ноги в крови. Разве мы не сможем тебе найти красивую одежду?» – «Я знаю, мюриды, вы сможете, и одевали бы меня лучше других. Мюриды, есть там одно дело, при жизни те мюриды, чьи устазы одевались в красивую одежду, в загробном мире будут без одежды. Мюриды, чьи устазы при жизни пренебрегали красивой одеждой, будут одеты. Вы одевайтесь, мюриды, вы будете одеты здесь, на этом свете, и там, в другом мире», – сказал Хаджи (Къ. а).

У Хаджи (Къ. а) был мюрид, звали его Керам. Керам и Хаджи (Къ. а) пошли в лес. Когда срубали толстое дерево ошкуривали и клали его на солнце, а тонкое срубали – клали в тень. В то время, когда они там работали, издалека ползком, скрипя ветками, надвигалось что-то живое. «Это что-то двигается на Хаджи», – подумал Керам. Ползком подойдя к Хаджи (къ.а), обняв его ноги и положив голову на землю, улегся волк. Хаджи (Къ. а) сказал: «Пусть продлятся твои дни, у тебя не хватает ума дойти до своего богатства». После этих слов волк понял, что ему ничего не сделают, поднялся и обнял Хаджи за талию. Хаджи (Къ. а) погладил волка и сказал: «Сегодня ночью дети лабдур-Раззак-Хаджи не запрут дверь загона, в котором находятся овцы, сходи туда и возьми себе жирного барана». Волк попятился назад и убежал в лес. Ничего не сказал Керам Хаджи (Къ. а), и они пошли домой. На утро оседлав коня, Керам поехал в Куршалой узнать, пошел ли волк туда. Привязав коня к забору, он вошел во двор. Он увидел лабдур-Раззака-Хаджи, бегающего по двору. «Ассаламу алейкум, что нового, что случилось?» – спросил он. «Ваалейкум-салам, пусть твой приход будет мирным, – ответил на приветствие лабдур-Раззак-Хаджи. – Вчера ночью дверь в загоне не закрыли, и волк сожрал жирного барана», – сказал лабдур-Раззак-Хаджи. «Это я и хотел узнать», – сказал Керам и сел на своего коня.

Через неделю в селе Гуне Хаджи (Къ. а) оказался на похоронах, там был и лабдур-Раззак-Хаджи. Хаджи спросил у него: «Волк приходил к вам?» – «Да, приходил, и ты плохо сделал, что прислал его к нам. Я думал, что ты Хаджи только нам Устаз, но оказывается ты и у животных Устаз», – сказал лабдур-Раззак-Хаджи.

- 72 -

Тошо-Хаджи из Саясана, Геза-Хаджи из Зандака и Хаджи из Илсхан-Юрта сидели вместе. При двух свидетелях мы должны сказать по одному слову, договорились они. Хаджи (Къ. а) из Саясана сказал: «Если кто-нибудь по моему приказу придет на мое благословление, то я даю слово, что я очищу его от грехов». Хаджи из Зандака сказал: «Если кто-либо по моему приказу очистит дорогу, то я обещаю очистить его от грехов». Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта сказал: «Если кто-то по моему приказу сделает три круга зикр, то я обещаю очистить его от всех грехов».

- 73 -

Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта сказал: «Если в одном теле Аллах создавал бы две души, то мою и душу Гази-Хаджи Аллах создал бы в одном теле».

- 74 -

«Мой мюрид должен быть похож на землю, – сказал Хаджи. – Потому что земля выдерживает (терпит) все, что на нее положат, несмотря на то, чистое это или грязное. Мой мюрид должен быть, как земля, терпеливым. Земля всему существу дает пользу и мой мюрид должен приносить пользу, а не вред».

- 75 -

Когда Хаджи (Къ. а) шел в Шали, по дороге ему встретился Мадари, который шел в Илсхан-Юрт. Хаджи сказал: «Пойдем в Илсхан-Юрт». – «Нет, – сказал Мадари, – мы пойдем в Шали». Мадари победил, и они пошли в Шали.

Когда они пришли в Шали, они помолились. Когда они закончили молиться, Хаджи (Къ. а) сказал: «Мадари, я видел, как Аллах создавал Аятуль-Курси. После создания он приказал Аятул-Курсу спуститься на землю, но тот сказал: "Не спущусь". Аллах (лаzza ва жалла) и во второй раз сказал: "Спустись на землю!"» Но тот во второй раз отказался спускаться на землю. Когда Аллах (лаzza ва жалла) в третий раз сказал Аятуль-Курси спуститься на землю, был ответ: "Я спущусь на землю, если Ты людям объяснишь, какая польза от меня. – "Я клянусь" – сказал Аллах (лаzza ва жалла). – Кто после пяти намазов будет произносить тебя, глаза того не увидят ада".

С этими словами Аллах (лаzza ва жалла) спустил на землю Аятуль-Курси».

Одного мюрида Хаджи звали Низкий Темарбот. Когда однажды Хаджи стоял среди людей, быстро подойдя к нему, Низкий Темарбот спросил его: «Дай мне ответ на мой вопрос». – «Темарбот, не надо спрашивать, я не смогу ответить на твой вопрос». Темарбот заплакал, повернулся и пошел назад домой. Люди, которые стояли с Хаджи, спросили: «Что это с ним?» – «Он хотел попросить, чтобы в завтрашний Судный день ближе его ко мне не было человека», – сказал Хаджи (Къ. а). – «Хаджи, да разве удобно это просить? И почему ты ответил ему, что не можешь ему дать то, что он просит?» – «Да, мюриды, можно было бы просить и можно было бы и ему дать, что он просит, но это противоречит нашим принципам. Но в последующем, пока еще находясь в утробе матери, не находясь в спинном мозге отца, понаслышке меня одоблив, придут дети. Как нательная рубашка они будут обвивать мое тело. После того, как их дела закончатся, то обращаюсь к вам».

Был туркх, которого назначил сам Хаджи (Къ. а), его звали Бейали. Как ему и сказал устаз, он ходил на похороны, на свадьбы, туда, где нужны были его мюриды, он ходил к каждому во двор. Все приходили туда, куда он просил, кроме одного. Попросишь его три-четыре раза, а он не приходит. Однажды Бейали пошел к нему во двор.

– Захир, как мне и велел Устаз (Къ. а), когда были похороны и свадьбы, я приходил к тебе?

– Да, – ответил Захир.

– Был ли случай, чтобы как к другим я к тебе не приходил, скажи.

– Да, Бейали, ты ко мне приходил.

– Но я не приходил, ты извини меня, – сказал Захир.

– Захир, с сегодняшнего дня, я не приду просить, чтобы ты приходил. Я тебя освобождаю от обязанностей перед туркхом. Видишь этот список, – вытащив из кармана список, где записаны мюриды, показал Бейали: – Видишь, ты был записан в середине списка. Показав ему, он вычеркнул его.

Тогда Захир побежал жаловаться к Хадже (Къ. а):

– Хаджи (Къ. а), прикажи ему, чтобы он записал меня обратно в список, а то на меня ляжет проклятие.

Хаджи (Къ. а) позвал Бейали и спросил у него:

– Правда, что ты вычеркнул из списка Захира. Он кается, признает свои ошибки, надо его простить. В Судный день до меня дойдет лишь тот человек, которого отдаст туркх. Бейали, надо его простить и принять.

– Хаджи (Къ. а), это все твоя работа, за все отвечаешь ты, тебе отказать я не могу. Здесь, сзади, запишу его, – сказал он и записал.

Хаджи (Къ. а) сказал:

– Захир, как он сегодня записал сзади, так и там, в загробном мире, ты будешь последним.

- 78 -

У Хаджи (Къ. а) спросили его мюриды: «Как нам узнать, какое родство между нами, далекое, близкое, холодное оно, плохое?» – «Ты посмотри, какое родство у тебя с туркхом. Родство с туркхом у тебя хорошее, крепкое, со мной у тебя такое же. Если у тебя отношение с туркхом плохое холодное, то знай, что и отношение со мной такое же», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 79 -

Хаджи (Къ. а) сказал: «Если ты не будешь замечать приход и уход бедняка, если его считаешь хуже себя, эта мысль придет в твою голову лишь после того, когда ты унизишь себя ниже него».

- 80 -

Когда Хаджи (Къ. а), Мовсар и Илдар возвращались домой, они сели отдохнуть в тени дерева. Это было время, когда деревья цвели. Мовсар сказал: «Хаджи (Къ. а), как много людей пошло за тобой, сможешь ли ты их обеспечить и направить на нужный путь?» Хаджи (Къ. а) сказал: «Ты видишь, как много цветочков распустилось на этой груше?» – «Да, – сказал Мовсар, – их много». – «Мовсар, пока образуются плоды некоторые упадут. Когда образуются плоды, от дождя, от ветра многие плоды падают. Когда плоды будут созревать, от червей загниют, от ветра упадут. На этом дереве останутся лишь только те плоды, что дерево способно выдержать».

Мовсар, когда человек начнет делать забор между собой и другим человеком, и если он будет стараться захватить пядь земли соседа, то это знак, что этот человек, потерял родство со мной. Когда по воле Аллаха (iazza va жалла) дочь выходит замуж, если потребует калым не по закону шариата и потребуют больше чем положено, и этот человек потеряет со мной родство. Когда подошла его очередь пасти скот, кто нарушает эту очередь, и тот потеряет со мной родство», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 81 -

Большую часть своего времени этот молодой человек проводил с семьей Хаджи, и звали его Илдар. И он был очень хороший человек. Однажды Саьда сказала Хаджи (Къ. а): «Какой хороший человек этот Илдар». – «Это правда», – сказал Хаджи (Къ. а). Спустя пару дней Саьда опять сказала: «Мне кажется Илдар хороший парень?» Когда она в третий раз сказала: «Илдар хороший парень». Хаджи (Къ. а) сказал: «Раз он такой хороший парень, то

наша Субар заневестилась. Отдав за него нашу Субар, мы смогли бы сделать его нашим родственником. Она просит разрешения сходить на день-два в Илсхан-Юрт. Чтобы не ходить одной, пусть она возьмет Илдара».

Саьда обрадовалась и сказала Субар и Илдару: «Сходите в Илсхан-Юрт на неделю в гости».

Побыв там неделю, они вернулись. Не вспоминая об этом они провели неделю. Однажды Саьда сказала Хаджи (Къ. а): «Тогда ты мне сказал, что ты дашь ответ, когда они вернутся. Ты ничего не говоришь, я переживаю. Что ты думаешь об этом?» – «Я тоже был согласен с тобой, хотел отдать за него Субар. Но в их душах я заметил лишь любовь брата и сестры и не заметил никаких изменений. Когда они шли туда, когда они жили там неделю, когда они шли через лес домой, я не сводил с них глаз. Но изменений в их сердцах я не заметил. Илдар для Субари хороший брат. Оставь его как есть, хорошим братом. Судьба Субар с другим. Саьда, родство со мной так познается. Такая же молодая женщина как и он сам, когда весной лес одевается в зеленую листву, имея рядом с собой эту женщину, побыв с ней до осени, пока не опадет листва, когда он будет выходить оттуда, тогда будет видно родство мюрида со своим устазом», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 82 -

«Мюриды, не натекаться на плохое – это работа мюрида, если черт путает, то не поддаваться – обязанность мюрида», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 83 -

«Когда маленьким взял обет, не нарушай обет; умершего человека обет приравнивается к величию Пророка Мухамада (а.с.с.), вот это я нашел», – сказал Хаджи (Къ. а), скрестив свои два пальца.

- 84 -

«Мюриды, после намаза “тасбих” читайте, когда вы одни, повернувшись в сторону востока. Со времен Адама Аллах (азза ва жалла) свое благословение посылает с востока. С одной стороны вы поворачиваетесь в сторону благословения, во-вторых вы поворачиваетесь на юг. У вас получается, что вы сидите слева от Пророка (а.с.с.). Если вдвоем садитесь, то друг напротив друга. Лицо мусульманина – это святее дома Хаджи. Если три человека, делайте круг», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 85 -

Мюрида Хаджи (Къ. а) звали Якуб. Однажды, запрягши двух волов в бричку, он поехал на прополку огорода. Жена Якуба была беременна. Прополов

до восхода солнца и решив отдохнуть, подошел к месту, где стояла бричка, то он увидел, как его жена спала с открытым ртом. И он увидел хвост змеи, исчезающей во рту своей жены. Он испугавшись, разбудил жену. Как только открыла глаза, жена сказала: «Зачем ты меня разбудил, я во сне пила холодную воду». С этими словами она села. То, что он увидел, он не сказал жене. «Жена, нам надо домой, мне надо сделать срочно одно дело». Быстро собравшись, они поехали домой. В это время змея в желудке зашевелилась. Подумав, что пришло время рожать жена сказала: «Хорошо, что мы едем домой, что-то мне нездоровится». – «Потерпи», – сказал он и поехал быстрее. Доехав он быстро вбежал во двор к соседу. То, что он увидел, он рассказал соседу и сказал, что ему быстро надо ехать. Сосед дал ему лошадь, и он галопом помчался к Хаджи в Илсхан-Юрт. Доехав, он спросил дома ли Хаджи (Къ. а). Саьда сказала, что его нет, он в мечете. «Тогда я пойду в мечеть к Хаджи (Къ. а)», – сказал он. Увидев его, Хаджи (Къ. а) сказал: «Что с тобой, зачем приехал?» – «Да ничего, я пришел повидаться с тобой». – «Посещение мусульманином мусульманина это благо. Иди садись рядом со мной». Когда закончили читать “тасбих”, Хаджи сказал: «Когда в душе горит очень, то человек бывает беспокойным, если есть, что рассказать, то говори, Якуб». Но стеснясь Хаджи (Къ. а), сказал: «Да ничего, я приехал увидиться с вами». Спустя некоторое время Хаджи (Къ. а) сказал: «Якуб, змея которая ушла в рот твоей жены, закончила свое существование в жизни, она должна была умереть от руки мальчика, который находится в утробе твоей жены. Но время появиться мальчику на свет не подошло. Ты увидишь эту змею в руке своего мальчика. Ты увидишь свою жену, родившую мальчика. Иди домой». Когда, плача и смеясь, он дошел домой, встречающие его люди сказали Якубу: «Радуйся, у тебя родился сын со змеей в руке».

- 86 -

Когда ночь перевалила за третью часть, взойдя на гору Гейрека, он усиленно молился прося у Аллаха (лаzza ва жалла): «Помоги, Великий Аллах, ради себя, ради своего Пророка Мухаммада (а.с.с.) я обращаюсь к тебе с мольбой. Ингуши благородный, гостеприимный, щедрый народ. Пусть они узнают тебя, Аллах (лаzza ва жалла), и твоего Пророка Мухаммада (а.с.с.), пусть они узнают ислам», – просил Хаджи у Аллаха (лаzza ва жалла). С разрешения Аллаха, имея при себе небольшую группу мюридов, он приготовился отправиться в Наьсаре к ингушам. Его брат Мовсар был против этого решения: «Ты, что хочешь обрадовать наших врагов Хаджи (Къ. а). Даже имам Шамиль, которому сам Аллах дал имана, не смог их заставить принять ислам. Они трижды оказывали вооруженное сопротивление, а ты, как сможешь их усмирить. Пожалей тех людей, которые идут за тобой. Лучше бы ты повернул назад». – «Да продлит твои дни Аллах (лаzza ва жалла), мой брат Мовсар, иду с разрешения Аллаха (лаzza ва жалла). Пророк Мухаммад (а.с.с.) со своими асхабами пришел к нам на помощь. И Ангел Джабраил со

своими ангелами пришел к нам на помощь, Аллаха (лазза ва жалла) чистые овлийи пришли на помощь, ты не пугайся, Мовсар. Мы не можем не ехать», – сказал Хаджи (Къ. а) и выехал на дорогу.

Когда они доехали до границы ингушей. Оставив свою работу, выйдя им навстречу, увидев Хаджи (Къ. а), проявляя покорность, ингуши бросили оружие. «Да будет счастливым твой приход, дорогой гость», – говорили они. – Ингушам Аллах послал тебя одного, справедливым Пророком (а.с.с.) посланный, людьми одобренный с разрешения Аллаха (лазза ва жалла)».

Так говорили пришедшие ингуши. Через некоторое время Хаджи уехал домой, а ингуши приняли его вирд.

- 87 -

Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта сказал: «Мюриды, жемчуг не бросайте в мусор. Учение Аллаха (лазза ва жалла), хьадисы Пророка (а.с.с.), слово своего Устаза (Къ. а) не говорите тем людям, которые не желают их услышать».

- 88 -

Однажды Хаджи (Къ. а) спросил у своей матери: «Как тебе кажется, кто из нас старше?» – «Пусть Аллах тебе даст долгих лет жизни, мой сын, если я твоя мать, естественно, я старше тебя». – «До того, как ты вышла за нашего Киши, ты пошла в лес за дровами. Когда ты ехала домой, бричка опрокинулась, ты осталась в лесу. Наступила ночь, было темно, надвигалась гроза. Помнишь, ты просила помощь у овлийев, когда ты осталась одна? Тот, который пришел к тебе на помощь и поставил твою бричку на место и отправил тебя домой, и пожелал тебе благополучия, помнишь того молодого человека? – спросил Хаджи (Къ. а). – Это был я. Тогда кто из нас старше?»

- 89 -

«Мюриды, не спешите наказывать: наказание – ножницы, которые режут любовь между вами, – сказал Хаджи (Къ. а), – Туркх должен наказывать мюрида соизмеримо его характеру».

- 90 -

Хаджи сказал: «По воле Аллаха я должен покинуть Родину. За тех мюридов, которые обожают меня, Аллах дал нам предопределение раньше, чем положено».

Однажды Хаджи поехал со своими мюридами на похороны в Гумси. Когда они пришли, во дворе стоял быстрый зикр. Хаджи в соседнем дворе совершал обряд омовения. Зикр был в полном разгаре. Такое чистое радение, не давая властвовать шайтану, будет оберегать, чтобы оно дошло до Аллаха. Охраняя его от шайтана, окружили ангелы. И вокруг ангелов встало кольцо шайтанов. В это время с головы женщины, которая стояла вне кольца, выглянула волосинка. После этого, не имея возможности там оставаться, ангелы ушли. И тогда шайтаны кинулись на мюридов. И всех мюридов скосили, как коса траву. «Что это за чудо, мы такое чудо никогда не видели?» – спросили они Хаджи (Къ. а). – «Как вы говорите ребята, зикр был в полном разгаре, вас охраняли ангелы. Ангелов охраняли шайтаны, но в это время показалось волосинка на голове у женщины, и ангелы от туда ушли, и в ваше кольцо ринулись шайтаны, чтобы навредить вам. Чтобы вы не очутились во власти шайтанов, я вас всех положил», – сказал Хаджи (Къ. а). Мюриды этому удивились. «Да, мюриды мои, есть мужчины вреднее женщин. Ангелы, которые ушли увидев, волосинки женщины, возвращаются, когда она спрячет волосы», – сказал Хаджи. – Не имея любви к Аллаху на сердце, когда мюрид для приличия кричит, услышав этот голос, ангелы уходят и не возвращаются больше в Меджлис».

Зикр стоял под руководством Мовсара. Хаджи (Къ. а) был во дворе. Через некоторое время передав руководство Махьме, Мовсар отошел в сторону. Когда руководство перешло к Махьме, зикр улучшился. Хаджи (Къ. а), который сидел во дворе вошел в круг зикра. Мовсар, стоя в стороне, подумал: «Когда я руководил, ты не вошел в круг, а когда возглавил твой сын, ты вошел в круг, предпочтение отдаешь своему сыну, а я не знал». Когда зикр остановился, и они сели отдохнуть, Хаджи (Къ. а) сказал: «Мовсар, я вошел в круг не из-за того, что ты или Махьми возглавил. Когда возглавил Махьми ему на помощь пришли Хизир Пайхамар, Илез Пайхамар. Когда эти люди находились в круге, мне неудобно было сидеть во дворе, и из уважения к ним я вошел в круг».

В течение 12 лет Устаз Кунта-Хаджи находился в состоянии отрешения от мирского во имя Всевышнего. Аллаха Пророк (а.с.с.) с четырьмя асхабами пришел к Хаджи (Къ. а). «Сын Киши, ты мой Варас, ты должен выйти из халбата, уммат ты должен возглавить», – сказал Аллаха Пророк (а.с.с.). Он сказал своим асхабам: «Вы должны дать по одному подарку». Абу-Бакар (Р. а) подарил «Ла иллах!ла илла-Ллах!» и сделал вирд обязанностью.

Умар (Р. а) дал зикр для ног.
Али (К. в.) дал зикр для горла.
лусман (Р. а) дал къолба зикр.
Абу-Бакар Сиддикъ (Р. а).
Он, отец Накхашбанди тариката, сказал чуть слышно: «Для уха произносите вирд».

- 94 -

«Завидую тому человеку, кто прожил с одной женой до самой смерти, и богатству, которое находится близко», – сказал наш Устаз (Къ. а).

- 95 -

«Мюриды, ничего не жалейте друг другу. Живите дружно, как детишки буйволицы, ешьте корочки чурека и не спрашивайте друг у друга имена, мюриды», – говорил Хаджи (Къ. а).

- 96 -

«Не старайтесь искать брата без изъяна, а то останетесь без брата. Не замечайте, скрывайте, изъяны друг друга. 99 причин ищите, чтобы не обвинить своего брата», – говорил Хаджи (Къ. а).

- 97 -

«Братство вирда сильнее братства родного. Родное братство гниет; исчезает после смерти. Но братство вирда не гниет до самого Судного дня, мюриды», – говорил Хаджи (Къ. а).

- 98 -

«Уважайте, почитайте друг друга. Аллах учтет ваше почитание друг к другу и оценит ваше рвение», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 99 -

Когда мать Хаджи (Къ. а) была беременна им, она сказала своей соседке: «Я сегодня не уверена в себе, ты иногда навещай меня». Когда стемнело, соседка сказала об этом своему мужу: «Хеди очень больна. Она просила меня навещать ее почаще, если ты разрешишь мне, схожу и посмотрю, что с ней». Муж разрешил и она пошла к Хеди. Увидев Киши, который беспокоило ходил по двору, она поздоровалась с ним и вошла

в дом. Хеди стояла и молилась, а ребенок завернутый лежал на нарах. «Ты, что делаешь, как ты молишься, этот ребенок твой?» – спросила она у Хеди. «Да, этот мальчик наш, – сказала Хеди. – Когда я рожала, намаз не прервала, Джабраил Малейк махнул крылом, с правой стороны поставив заслон. Асия и Мариям приняли, и завернув, положили его. – «Киши очень переживал», – сказала соседка и вышла сообщить ему радостную весть о рождении сына. Не переживая, как раньше он спокойно сидел на пеньке. «Радуйся, – сказала женщина, – у тебя родился сын». – «Знаю», – сказал Киши. «Когда я заходила ты был беспокоен, а сейчас сидишь спокойно, что случилось?» – спросила женщина. – Кто тебе сказал об этом?» – «Когда однажды я находился в Гайрек-Керте, Хизир-Пайхамар, Илез-Пайхамар сказали мне: «От твоей спины должен произойти счастливый ребенок, в ночь, когда он родится мы придем к тебе сообщить об этом. Я беспокоился не этот ли этот ребенок и поэтому беспокоился. Хизир-Пайхамар, Илез-Пайхамар были только что у меня, они сообщили мне об этом», – сказал Киши.

- 100 -

Когда пришло время скрыться, Хаджи (Къ. а) пришел к сестре Мата, в село Овтар. Разговаривая по душам, эту ночь он провел с сестрой. Когда две третьи ночи прошло, он стоял для Иийкъа намаза. Атаби увидел в комнате, где находился Хаджи (Къ. а) лучезарный свет. Атаби спросил: «Хаджи (Къ. а), что за чудо вокруг твоего тела, я вижу свет. Расскажи мне Хаджи (Къ. а), кем тебя прислали на землю, и сколько ты будешь, и зачем ты находишься на земле?» – «Атаби, Аллах (аizza ва жалла) свернет небо, и эти высокие горы сильным ветром друг о друга будут биться, и землю сравняет. И после этого показавшиеся кости потомков Адама я должен схоронить. Когда я скроюсь, обо мне будут по-разному говорить. Обо мне никто не сможет ответить кроме Всмогущего Аллаха (аizza ва жалла). Все люди земли умрут. Кроме Аллаха (аizza ва жалла) и меня никого не остается на земле. Тогда Аллах скажет нам: «Мой Великий, копай себе могилу». Мы, исполняя приказ Аллаха, выкопаем могилу. И с разрешения Аллаха (аizza ва жалла) мы будем молиться больше всех людей, которые произошли от Адама».

- 101 -

«Не заходите в тот дом, где живут неверные. Если вы зайдете в этот дом, то выйдете из этого дома ущемленными в вере. Если вы будете общаться с неверующими друзьями, то вернетесь ущемленными в вере», – сказал нам Устаз (Къ. а).

«Я не одобряю, когда мужчины и женщины молятся вместе, между ними должна быть такая стена», – сказал, ударив кулаком в стену, Хаджи (Къ. а).

У Бейали спросили:

– На какой глаз твоя жена слепая?

– Пойду домой и посмотрю, – сказал Бейали.

Если мужчины были бы, как Бейали и женщины, как Хадишат, можно было бы мужчине и женщине молиться вместе.

Это было тогда, когда Хаджи (Къ. а) начал объявлять тарикат. На похоронах было всего 10–11 человек, и они должны были исполнять мух. Громко говоря «Ла иллах!а илла-Ллах!», надо было исполнить мух. Стесняясь сами спросить, они попросили Мовсара спросить у Хаджи: «Мовсар, нам трудно исполнить громко мух, когда нас мало, нельзя ли его исполнить немного тише? Спроси у Хаджи (Къ. а)». Как они просили, так он и сказал Хаджи. «Не прилагая никаких усилий, ты хочешь спасти от грехов своего брата по вирду?» – ответил Хаджи недовольный таким вопросом.

Мюриды вместе с Хаджи (Къ. а) исполняли мух на похоронах. Когда закончилась та часть, которая ей досталось, Хеди сказала: «Я закончила». Хаджи (Къ. а) заставил ее вновь исполнить мух. Это говорит нам о том, что пока не закончится мух, разговаривать нельзя.

Хаджи (Къ. а) и Мовсар, когда сидели в тюрьме, с ними сидел мюрид по имени Таълап. У Хаджи (Къ. а) и у Мовсара руки и ноги были закованы в цепи. Таълап был свободен от цепей. Хаджи (Къ. а) и Мовсар смотрели на него, а Таълап всегда плакал. Однажды Тоълапа тоже заковали в цепи. Тогда он перестал плакать и сказал: «Алхъамдуиллах!». Его «Алхъамдуиллах!», дослушав до конца, Хаджи (Къ. а) спросил: «Таълап, ты думал, если тебя не заковали, как твоего Устаза, то ты отдалился от меня, и поэтому ты плакал, когда тебя заковали в цепи, как твоего Устаза, ты произнес «Алхъамдуиллах!», обрадовавшись. Но твое «Алхъамдуиллах!» не похоже на то, которое произносят, когда узнают, что жена ему родила сына, не на то, когда он заходит в сарай, видит, что его овечка родила двух ягнят или на то,

когда заходит утром в сарай и видит, что кобыла родила жеребенка», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 107 -

Хаджи из Илсхан-Юрта сказал:

– Я видел, когда уходят те мюриды, которые жили с Устазом, то у последующих иман уменьшается. И поэтому я спросил у Аллаха, что мне сделать, чтобы после меня иман не уменьшился?

– У тех мюридов, которые будут исполнять быстрый зикр, иман будет на месте, – сказал Аллах (лаzza ва жалла).

- 108 -

«Мои мюриды три дня и три ночи не будут кушать в той комнате, где умер человек», – сказал Хаджи (Къ. а). – И также они не будут кушать за кладбищенской оградой, и не будут делать хасп».

- 109 -

Хаджи сказал: «Мюриды, до обеда в шахаре не оставайтесь без одного тамады и после обеда не имейте двоих».

- 110 -

«Если бы меня подняли на ту высокую гору и сказали бы, там за горой ты будешь на пуховой перине, а на этой, на родной стороне, ты будешь лежать на матрасе из колючек, я остался бы лежать на матрасе из колючек на родной стороне», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 111 -

«На всем белом свете Аллах (лаzza ва жалла) один раз посмотрел на вас, а на Родине трижды посмотрел на вас», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 112 -

«Когда две трети ночи проходят, я иду посмотреть в каком положении находятся мои мюриды, и со мной идут Илез-Пайхамар и Хазир-Пайхамар. Если я увижу своего мюрида в непристойном виде, перед такими друзьями мне становится стыдно. Тот мюрид, который меня уважает должен ложиться в трех одеждах», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 113 -

«Примета моих мюридов – борода. Мои мюриды не будут без бороды, и они не будут ходить, заправив рубашку в штаны», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 114 -

Однажды Хаджи (Къ. а) и Зейпал пасли овец. Зейпал намного старше Хаджи (Къ. а). Хаджи сказал: «Зейпал, я попросил тебя у Аллаха (лаzza ва жалла), и Аллах отдал тебя мне. Перед Аллахом у меня дар высокий. Ты не будь со мной слишком прямой».

- 115 -

«После того как я появился на свет, пришлось осознанно соврать один раз», – сказал Хаджи (Къ. а). – «Как получилось, что соврал один раз?» – спросили у Хаджи (Къ. а). – «Хаджи был пчеловодом, я подошел забрать у пчел мед, но пчелы окружили меня. Они спросили у меня, Аллаха Пророк (а.с.с.) живой или нет, а я ответил: живой. Если бы я сказал, что его нет, то не принесли бы мне ни капельки меда. Боясь, что они перестанут нести Аллахом (лаzza ва жалла) назначенное лекарство, я сказал им, что он живой (Къ. а)».

- 116 -

«У нас получилось, что мы сказали слово, восхваляя жизнь. Аллах извещил меня: “Сделай Жимсари хозяйкой своего дома”. И я поехал на смотрины. Одетый в чувяки, одетый в две черкески – одна короткая, другая длинная, на голове шапка из овечьей кожи, Жимсари поехал к Хаджи (Къ. а.). Она была гордая девушка, она отказывала многим богачам. Жимсари, ты должна стать моей женой, – сказал Хаджи (Къ. а). – Вышла бы ты за меня замуж?» – «Если люди узнают, что такой бедняк сватался ко мне, что скажут люди обо мне. И вообще унижится мое достоинство», – думала она и поэтому сильно разозлилась. «Старик, когда ты выйдешь отсюда, не говори людям зачем сюда приходил. И за этим еще раз сюда не приходи», – сказала Жимсари. «Хорошо, я ухожу», – сказал Хаджи (Къ. а) и ушел. Аллах (лаzza ва жалла) второй раз сказал ему, чтобы второй раз пошел к ней, и сказал ей. Он во второй раз отправился к Жимсари и сел в соседнем доме от Жимсари, послав человека, сказать ей, что старик зовет ее. Жимсари пришла с ребенком, с обидой на лице. «Старик, я же говорила, чтобы ты больше не приходил по этому делу», – «Я не пришел просить, чтобы ты вышла за меня, ты закрой свои глаза», – сказал Хаджи (Къ. а). Жимсари подумала: «После того, как я закрою глаза, он захочет на меня кинуться». Тогда Хаджи сказал: «Жимсари, то, что ты сейчас подумала, это неправда. Ты закрой глаза, а

когда скажу, откроешь». Жимсари стало стыдно, что он узнал ее сокровенные мысли. Она закрыла глаза и увидела внизу, в седьмом аду, что нечистоты от людей, горящих в этом аду, проливались на ее отца и мать. «Жимсари, открой глаза», – сказал Хаджи (Къ. а). Она быстро открыла глаза. «Еще раз закрой свои глаза», – сказал Хаджи (Къ. а). Она закрыла глаза. Теперь она увидела в раю, на высоком месте, своих отца и мать, и их обслуживают Хьурел-ийн, девушки. «Открой, глаза», – сказал Хаджи. Но она не открыла глаза. Второй раз сказал – она не открыла глаза. «Жимсари, я настаиваю, открой глаза», – сказал Хаджи. Она открыла глаза и сразу сказала Хаджи (Къ. а): «Не оставляй меня здесь». – «Жимсари, ты выходишь за меня лишь после того, как ты узнала, что я за человек. Вот и получилось у нас слово восхваляющее жизнь. Жимсари, я не приехал тебя забирать. Приедут за тобой, и с ними поедешь», – сказал Хаджи и уехал. «Мовсар, езжай, заведи Жимсари, – сказал Хаджи, – свадебный кортеж возьми с собой». На бричке с волами Мовсар отправился за невестой, когда он доехал до селения, где живет Жимсари, она, собрав свои вещи, стояла на окраине села. Посадив Жимсари на бричку, Мовсар вернулся домой.

- 117 -

Когда наступило время Хаджи скрыться, Жимсари спросила его: «Ты сделал подарок отцу, ты сделал подарок матери, ты сделал подарки братьям и сестрам, но какой подарок ты сделал для меня?» «Жимсари, ты должна уехать в Куршала, ты должна там умереть. Жимсари, вспомнив о тебе, я буду посещать дом своего Устаза, и посещая тебя, я буду просить тебя, чтобы ты испорченные наши отношения с Устазом, вернула в прежнее русло и, если любой человек попросит меня об этом, Жимсари, я все сделаю ради тебя. Вот такой подарок я сделаю для тебя, Жимсари», – сказал Хаджи.

-118-

Это было время, когда Хаджи (Къ. а) приехал из паломничества в Мекку. Послушать его собрались много людей. Среди них была Зейпал. Опираясь на трость, стояла и горько плакала жена Гама – Гуза.. Крикнул ей Хаджи (Къ. а), сказав: «Гуза, не надо плакать, иди ко мне». Когда она услышала это, то начала еще сильнее плакать и подошла к Хаджи. Обняв ее, он сказал: «Не надо плакать, мы должны радоваться нашей встрече».

Вам, наверное, кажется, что он так возвеличил ее. «Почему я это сделал, я вам расскажу. Я поехал в Мекку не за себя одного, я поехал за всех тех, кто исполняет мой вирд», – сказал Хаджи. – Души тех, кто почитает Аллаха плакали со мной».

«Души тех, которые почитали мой вирд, причитая плакали, ты на кого оставляешь нас, кто за ними будет смотреть, те которые верили в единого Бога тоже плакали со мной. Вот за эти души я поехал на паломничество в Мекку. Мюриды, если мое паломничество принял и благословил Аллах, то и ваше паломничество он благословил. Но, когда я уехал, здесь, в нашем краю, лишь одна Гузи дала сагла, прося у Аллаха моего благополучного возвращения домой», – сказал Хаджи (Къ. а). И народ, который там собрался, стоял, потупив взгляд, устыдившись. Прекратив плакать, Гузи сказала: «Хаджи, ты на то, что я спрошу дай мне ответ». – «Спроси, – сказал Хаджи (Къ. а), – я отвечу на любой твой вопрос». – «Хаджи (Къ. а), я приму тебя, когда я приму, ты сам положи меня в могилу и похорони меня, как положено». – «По воле Аллаха, мы исполним это», – сказал Хаджи. Люди любили Гузу, за то, что Хаджи так выделил ее. Погодя немного времени, она умерла, и на похоронах присутствовал Хаджи. Исполнив ее завещание, Хаджи (Къ. а) посетил кладбище и своими руками положил ее в могилу. Когда он нагнулся поставить ийпха, из его кармана упали деревянные четки. «Гузи боится ангелов, которые придут к ней в могилу, и поэтому ждет моего знака, что я останусь с ней. Не бойся, Гузи, – сказал он. – Я буду с тобой». Во второй раз засунул он четки в карман, но четки упали в третий раз. После этого он сказал: «Оставь себе». И, поставив ийпха, вышел из могилы. «Так вместе с четками мы похоронили Гузи. После того, когда мы закончили намаз, когда мы произносили вирд, то мы видели эти четки в руках у Хаджи (Къ. а)», – клялись мюриды.

Однажды Хаджи (Къ. а) сидел на пне. Он сидел грустный. «Таким грустным мы редко видим тебя», – сказал Хаким-Хаджи. «Боюсь, что бессловесные животные обвинят меня перед Аллахом (лазза ва жалла), поэтому грустный», – ответил Хаджи. «Почему ты должен за них отвечать, и почему они должны жаловаться?» – спросили его. «Один человек покупает лошадь, кладет на нее такой груз, что та не потянет, если она отказывается этот груз тянуть, то ее начинают бить. Если бы ты сказал своим мюридам, не класть на них непосильную ношу, то они не сделали бы этого, боюсь, что они пожалуются на меня Аллаху».

Хаджи из Саясана сказал: «С разрешения Всевышнего я опустил на дно моря, в утробе моря находится около 6000 живых существ, а на земле – только 4000 вместе с людьми. С многими народами я повстречался, но все они передавали привет Хаджи из Илсхан-Юрта». «А вы откуда знае-

те его?» – спросил Хаджи из Саясана. «Как же мы его не знаем, то, что мы получаем, мы получаем через его руки. Он наш Устаз, как мы можем его не знать», – сказали они.

- 122 -

«Я приказал бы своим мюридам одно дело, но боюсь не осият они его. Постоянно пить чай. Джины могут двигаться по крови человека. Когда человек выпьет чаю, то чай выгоняет их из крови человека, – сказал Хаджи (Къ. а). – Такой темный чай я не пью, мюриды, вы должны пить его». – «Если он такой полезный, почему ты не пьешь?» – спросили мюриды. «Завтра в Судный день, кто идет в рай – направлять в рай, кто идет в ад – направлять в ад. Когда в Махьшаре пришла свобода, да благословит его наш Аллах, когда наш Пророк (а.с.с.) будет пить чашу, принесенную из рая девушками Хьурол Ийна, сказав я освободился от забот своего уммата и готов был выпить эту чашу. Джабраил-ангел скажет: "Неужели ты не слышишь стоны своего уммата из ада?" Джабраил-ангел подойдет плача. Когда Джабраил-ангел скажет: "Неужели ты не слышишь стоны своего уммата?" Он соскочит так быстро, что чашку с питьем выронит из рук. Вот тогда я должен поймать эту чашку, не дав ей долететь до земли, поэтому я не пью чай», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 123 -

Однажды, где мюриды собрались, Хаджи (Къ. а) вел разговор. Там он обернулся к Илдару и сказал: «Ты знаешь как сильно устаз любит своего мюрида?» – «Нет, не знаю», – сказал Илдар. «Если из чего-нибудь сделать 10 частей и убрать 9 частей, остальную одну часть мюрид любит своего Устаза. Аллах (лазза ва жалла), все остальные 9 частей устаз любит своих мюридов», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 124 -

Мовсар спросил у Хаджи (Къ. а): «Твои мюриды имеют Устаза. Почему тебя не любят все одинаково? От людей, которые любят тебя, отделяются некоторые группы людей и кучкуются между собой». – «Мовсар, это люди, которые в раю будут ближе других, и тесно обниматься», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 125 -

Хаджи (Къ. а) и Мовсар сидели под грушевым деревом. Груши на ней уже поспели. «Мовсар, мы будем кушать эти груши с жертвой в нашу пользу», – сказал Хаджи (Къ. а). «А чем мы жертвуем, мы же сами вырастили эту грушу?» – «Эту грушу вырастил сам Аллах (лазза ва жалла)». – «И какая нам

польза от этого?» – спросил Мовсар. «Мовсар, ту грушу, которая нравится тебе, отдай мне, а которая понравится мне, я отдам тебе, тогда нам обоим будет польза. Мои мюриды за столом будут счастливы», – сказал Хаджи (Къ. а).

- 126 -

Хаджи (Къ. а) и Зейпал 18 лет пасли скот вместе. Однажды они пасли овец на окраине леса. Овцы паслись на высоком месте. Внизу лежало большое дубовое бревно. Поднявшись на бревно, Хаджи (Къ. а) сказал: !улуллоах!, !улуллоах!, !улуллоах!. Овцы, перестав пастись, окружили их. Перестав говорить «!улуллоах!», Хаджи (Къ. а) сказал овцам: «Идите паситесь». Овцы ушли пастись. Тогда Хаджи (Къ. а) еще раз сказал: «!улуллоах!». Перестав пастись, овцы повернулись. Хаджи (Къ. а) еще раз сказал: «Идите паситесь». Овцы стали кушать траву. Хаджи (Къ. а) целый день говорил: «!улуллоах!». Овцы смотрели на него целый день. Наступил вечер, и они двинулись домой, вечер был темный. Чтобы Зейпал узнал своих овец, между рогами овец горел луч света, освещающий всю дорогу. Они отделили своих овец и поздно пришли домой. В этот вечер в гости к отцу Зейпала пришел Хаджи (Къ. а) из Саясана. Хаджи (Къ. а) часто приходил к ним в гости. Потому Зейпал пас овец с Хаджи (Къ. а), он знал, что должно произойти чудо. Ему было интересно, что же произошло. Отец Зейпала, встречая их, ругал сына: «Почему вы задержались, у нас сидит гость, ему надо зарезать овцу». Зейпал рассказал как все было, гость из Саясана знал, что-то должно произойти. «То, что ты сегодня видел, расскажи ему». Тогда Зейпал зашел в дом и после приветствия рассказал гостю, что он видел. «Если это правда, то мы зовем его, пусть он приходит к нам», – сказал гость. Как только он это сказал, тут же вошел Хаджи (Къ. а) и сказал: «Да будет счастливым твой приезд к нам, Саясана Ташо-Хаджи».- «Ва алейкум-салам», – ответил гость. После этого Хаджи (Къ. а) сказал: «То, что ты задумал, спроси у меня, но быстрее. А то мне надо срочно идти для дела гостей».- «Я хотел у тебя спросить одно дело. В каком родстве находится Пророк с Аллахом (!азза ва жалла), в каком родстве находится Устаз с Пророком, в каком родстве находится мюрид с Устазом?» Тогда Хаджи (Къ. а) сказал: «Кузнец нагревает железо и делает из него то, что захочет. Ты видел, когда железу осталось до расплавки немного времени, оно белеет. Вот так близко находится Пророк от Аллаха (!азза ва жалла). Когда в это железо плюнешь, что получится? Вот так находится близко к Пророку Устаз. Как должен находиться мюрид с Устазом спрашиваешь ты? Если он будет находиться в пустыне один, то должен знать, что его Устаз с ним. И должен, как сноха стесняется отца своего мужа, так он должен стесняться своего Устаза. Вот так должен находиться мюрид по отношению к своему Устазу».

Хаджи (Къ. а) из Илсхан-Юрта приехал в Назрань и пробыл там столько, сколько разрешил ему Аллах (лаzza ва жалла), когда он возвращался домой, провожать его вышло много народа: «До того, как ты уедешь от нас, ты должен назначить старшего над нами». Хаджи (Къ. а) сказал: «Вот кто будет выполнять мою волю». И он показал на Ужахова Тешола из Барсуков. Тот был в потрепанной шубе, был бедный человек. Тогда люди сказали Хадже (Къ. а): «Он бедный человек. Ты определи нам Уцига Мальсага». Хаджи (Къ. а) подозвал Тешола к себе поближе, и положив руку на его плечо, сказал: «Для тех, кто почитает меня, старшим будет считать его».

Жарким летним днем Тешал сидел, поставив ноги в речку, протекающую через Барсуки. Вспомнив, что неудобно так сидеть перед Устазом, он вытащил ноги из воды и сел, скрестив ноги. Хаджи (Къ. а), сидевший среди мюридов, улыбнулся. Люди, которые с ним сидели спросили: «Что смешного ты увидел? Почему улыбаешься?» Хаджи (Къ. а) ответил: «Тешал сидел, опустив ноги в воду. И, вспомнив о своем Устазе, он вытащил ноги из воды, обрадовавшись этому, я улыбнулся». Сидевшие вокруг спросили у него: «Ты все время говоришь о Тешале из Барсуков, неужели он такой сильный человек?» Тогда Хаджи (Къ. а) сказал: «Тех людей, которые находятся за Аргуном, он сможет спасти».

Кунта-хъажа. По де цунна, Ковранакъа.

Говрара вуссий, Ковранакъас, клантера дечган мор схъа а оьций, нуьй-
ра тлехъа дланисбо, клант шена хъалха хааво. Клант члогла самукъадавлла
ву.

Ильяс. Несаре нийса доьлхий вай?

Кланта корта талабо. Цлехъана коьллаш тлехъара аьзнаш, гловгла хеза.
Ши довхо ву чуччавахана воллуш. Цхъаммо шаьлта йоккху тоха дагахь. Говра
тлера охъа а оьккхий, Ильяс тлеводу, шаьлта карахь йолу куьг схъалоцу,
тлебаьхкинчу накъосташа дласакъаставо шиъ.

Кунта-хъажа (цхъана довхочуьнга). Цхъана млаьргонехь пхъа хъарча-
бора ахь хъайх, шайтла хъалха а иккхина. Дуйнен чохь айхъа йоккху йолчу
ханна дакъазволура хьо, эхартахь вуон бух кечбора хъайна. Хъайн доьзал-
на тле, гергарчарна тле бала бохъура... Бехк боцу нана елхайора, бераш буо
дуьтура, зуда тлехь цлийнда воцуш юьтура... И шадерг оьглазло бахъана до-
луш... Иблисна луур доккхуш... Цу Делан мостаглна той хлоттош, нахана тезет
хлоттош...

Ши довхо лерина ладуглуш лаьтта, ойлане хуьлий, дласаволу.

Ковранакъа. Хъажи, вай хъелой техъа?..

Кунта-хъажа. Са ма гатде, Ковранакъа. Вайх долу хабар вайл хъалха
длакхочур ду оцу нана-Несаре...

2010 г.

Шелахь хилла «шаьлтанан тлом» – зуламан дайша тесна питана

я Къонах мила ву къастаде

Зикархойн боламан корта а баьккхина, парглатбевлла лен дагахь бацара
паччахъан ледалан меттигера хъаькамаш. Цара юьхъарлаьцначу гуллакхан
кхаа декъах шиъ кхиамца кхочушдинера. Нохчашна шайна юккъехь дегаз-
лонаш кхоьллинера, цхъана вирдера нах кхечу вирдерчу нахаца эглийнера,
Кунта-хъажин (Дала къайле цланйойла цуьнан!) цле йожорхъама мотт-эладита
лелийнера, тлаьххъар а ша устаз а, цуьнан угар тешаме бартахой а, лиэца а
лецна, Сибреха бахийтинера. Илсхана-юьртарчу хъажин гуллакх кхоччуш
дохийна дладаккхархъама диснарг деккъа цхъаь дара: цунна тлаьхъахлиттинчу
могларерчу бусалбанийн тоба лахъяр, я яржийна, длаяккхар. Цу тлехь пач-
чахъан ледалан уггар жигара накъостий хилла длахиттира ламанхойх схъа-
бевлла эпсарш Довлет-мирза Мустафин (капитан), Орца Чермоев, Вагап

Эртана зерате деана

Дала къайле тояро Нана-Хедига элира бах:

– Ва Нана-Хеда,

Хъайна тле бедар юхий кечам белах,

Лекхачу Эртана глор вайша аьлла,

Хьо яллалц вайн кертахь

Дезарш деш хьийзар ву хьуна.

Во-о, зерат дихкина,

Шена тле бедар юьйхина:

– Хьалхавала хъайна хинца,

Ва Хъаьжи, – аьлла,–

Ша ма кечъелла ели хьуна,– аьлла,

Хъаьжи хьалха волуш,

Нана-Хеда шена тлаьхьа хлоьттина,

Кху Эртана боглучу новкъа делира бах,

Ва Хъаьжий, Хедий.

Во-о, деана кхечира бах,

Кху лекхачу Эртана.

Кху гу тле ваьлла,

Ша дласахьежа ма велира:

Малхбале воьрзуш, вайн Деле воьлхуш,

Къилбехьа воьрзуш, вайн Деле воьлхуш,

Къематдийне воьрзуш,

Шен боьлхуш болу гийла ши блаьрг

Нана-Хедеха ша лечкъабеш,

Дласахьежа ма велира Дала къайле тояриг.

– Дела реза хуьлда хьуна,

Шен дика ва Хъаьжи,

Хлун бала хилла те Хъаьжина гулбелларг,

Хлун ойла хилла те ахь дагчоь

къуьйлуш ерг,

Таханлерчу кху дийнахь зерате доглу аьлла,

Кху Эртана деанерий вайши-ма,

Малхбале воьрзуш, малхбузе воьрзуш,

Къилбехьа воьрзуш, къилбаседехьа

воьрзуш,

Хъайн гийла боьлхуш болу ши блаьрг

БУСАЛБА ДИНАН ХАЗАЛЛА, АХНАЛЛА, ИСБААХЪАЛЛА

Галгаша има диллар

Нохчийчоьхь бусалба дин сиха а, шуьйра а дажар шен цхьа бух болуш ду. Уггар хьалха, нохчийн цунна тлеберзар доьзна дара ислам шен чулацамца а, хьалха хитточу лалашонашца а нохчийн ладаташца цхьаьнадоглуш хилар, иза нийсонан а, бакъонан а бух тлехь лаьтташ хилар, цуьнца адамалла, оьздангалла, кьинхетам хилар. Бусалба дино дуьззина жоп лора ламанхойн дахаран вастана а, лехамашна а, хьежамашна а.

Амма билгалбаьлла кхин цхьа некъ а бара оцу декъехь – туьрца-тоьпаца, нуьцкъала дин нахе тлеэцийтар. И агло длакхоьхьуш берш – Геза-Махьма, Хьамзат-Бек, кьаьсттина Шемал вара. Кунта-хьажас (Дала кьайле цланьойла цуьнан!) юьхьанца дуьйна арабаьккхина некъ кхечу мехаллашна а, хьашт-дезаршна а тлехь хлоттийнера. Цо коьрта тидам тлебохуьйтура Исламан хазаллина, аьхналлина, комаьршаллина, цуьнан адам дезаран а, лараран а амална. И бахьана долуш бусалба дин тлеттла члаглуш схьадеара Нохчийчоьхь.

Кунта-хьажас (Дала кьайле цланьойла цуьнан!) шен тидам галгашна тлебахийтар ларамза дацара. Цкъа-делахь, цуьнан ледал дацара кьаьмнаш кьестош, цхьа дин айдеш, важа охьа а талаш. Халкъ декъарна, нахана юккье дозанаш деттарна дуьхьал а вара иза. Илсхана-юьрттарчу устазан и башхаллаш тайнера Кавказан дуккха а кьаьмнашна, кьаьсттина чергазашна, цхьана декъана – галгашна.

Схьадовларан бух цхьаь болу нохчий а, галглай а историн йохаллехь тайп-тайпана киртигаш а, бохамаш а тлехиттар бахьана долуш, цхьана хен тлера ши га санна, дласабевлира. Амма мел члогла вайн цабезарш хьийзарх, юккье зайл беттарх, питанаш тийсарх нохчашна а, галгашна а хаьа шайн орам цхьаь буйла.

Ислам-наха нийса билгалдоккхуш ма-хиллара, Кунта-хьажа (Дала кьайле цланьойла цуьнан!), масех накъост улло а ваьккхина, галглайн махка вахар а, цигахь вайн вежарша дика тлеэцар а шен клорггера бахьанаш долуш дара. Уггар хьалха, бусалба дино ша боккхура шена некъ – оьздачу амалшца, тоьллачу гиллакхашца, нийсонан чулацамца, иштта дла кхин а. Шолгла-делахь, Исламан и аглонаш йовзуьйтуш, нахана уьш марзъеш хьалхаваьлла лелаш вара шен дерриге дахар оцу баххашна тлехь нисдина волу Илсхана-юьртара устаз. Имам Шемале эскарца дан ца делларг Кунта-хьажас (Дала кьайле цланьойла цуьнан!) жимчу тобанца дира.

Иштта и дуьйцуш вай лардала деза галглай бусалба динна еххачу хенахь букъ берзийна лаьттина бохучух. Ца лаьттина. И глуплакх мелла а хьеделла кхуза кхачаран бахьана стенца доьзна дара аьлча, кху кепара бакъдерш карадо вайна. Галглайн дахаран-леран кеп а, кхиаран некъаш а герггара зле йолуш хлоттаделла дара уьш бехачу меттиган дозанашца а, лулахь дехачу халкъашца а. Россин латкъам боккха бара цу аглорхьа. Вуьшта Шемала

дIаххoъхьуш хилла политика а яцара вайнехан доьналлах а, дозаллах а паргIато езаран амал йолчу нахана. Делахь а Илсхана-юьртара устаз хьалха ма-веллинехь, гIуллакх духхера хийцадала доладелира. Ч. Ахриевс далoш долу цхьа тоьшалла довзуйтур ду вай шуна. Цо дуьллуш долчу суьртаца вай реза ду бохург а дац иза, я цо хадош болу мах нийса бу бохург а дац. Цуьнан дешнаша, цхьайолчу меттехь беламе уьш делахь а, мелла а хIетахь хиллачунна-леллачунна гергадалош гайтина и хьал. **ПалгIайн Iулманчас яздо:**

«В 1863 г. большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам из одного аула в другой или составляли отдельные кучки около порогов кунацких (сакли для гостей). Вместо обычной болтовни раздавались громкие напевы: «Ла-иллаха илла-Ллах!», сопровождавшиеся различными кривлениями, давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые перебирал с благочестивыми вздохами и набожными возгласами. Перебирание четок, как известно, считается между правоверными богоугодным занятием».

И. Поповс аьллачунна тIелуху:

«Распространяя в Терской области тарикатизм, он (Кунта-Хаджи.– Авт.) остановился на Батал-Хаджи, человеке разумном. Батал-Хаджи причастился к новому учению и стал мюридом Кунта-Хаджи».

А. П. Ипполитовс, жамI деш, билгал-доккху:

«В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью».

Мичара схьадаьлла зикар

Дела дукхавезачу дагчуьра схьадолуш долу аз

Яккхий ю Делан къайленаш. Церан дуьхе кхиа, церан йист йоцу шоралла, бух боцу кIоргалла чулаца сайн хьекъал тоьур доцийла а хаа суна. Иштта яц ас сайна хьалха хIоттош йолу Iалашо. Ас дуьххьалдIа дозалла до, воккхавево со Хастам хиларо суо бусалба кхолларна, оцу исбаьхьчу динан нуьро хIара дуьне сайна серладаккхарна.

Динан илмане йолчу хьогалло лелош бу сан карара къолам. Муьлххачу а кхечу вирдашкахь болу нах санна, сайн устазе – Илсхана-Юьртарчу Хьажига боккха ларам, синан хьашт долуш ву со. Къадарийн тIарикъатехь утгар къегина, доккха жовхIар хета суна зикар. «Хета» бохург кхузахь доглуш а дац. Долуш ду-кх и иштта, суна я кхечунна хетарца доьзна а доцуш. Муха, мичара схьадаьлла зикар бохучу хаттаро дукха ойланаш йитина соьга. Тхан нана кхечу вирдехь яра. Стаг валарх а, дIаверзорах а лаьцна долу къамел юкъадаьлча, хIоразза а соьга дехар дора цо: «КIант, со елча, зикарш дайталахь, чIогIа сан даго тIеоьцуш, сан ойла тееш ду чIуг хьовзор», – олий. Зикаран ницкъ боккха бу. Зикаран сурт шатайпана тIелаткъам беш ду. Бокъалла а стаг Делана гергавалаво зикаро.

Хуучара дийцарехь, Хастам хиларо адам а кхоллале юкъадаьлла ду зикар. Адам кхолла оьшуш хиларх шеко йолчу маликаша цу хьокъехь хIума къадийна хилла вайн Деле. Цунах Цунна вас хиллий техьа, аьлла, гIайгIане эгначу маликаша, гуо беш дIа а хIиттина, Дела хастош, вазвеш чIуг хьовзийна, боху.

Гуо, гуоне ховшар, мовлад ешар. Цхьаьна дIа а хIиттина, чIуг хьовзор, Деле кхайкхар, Далла хьастадалар, сих-сиха Делан цIе яккхар – и шадерг Iаламат доккха маьIна долуш гIуллакх ду. Гуонан юьхьиг яц, чаккхе яц, гуонех массо а цхьабосса ву. ЧIуг хьовзорехь динан чIагIо, ницкъ, дуккха а нехан цхьабарт, цхьа лаам го вайна. Дин хьалха хIутту шен боларехь, ца хедаш йолчу зIенехь, чIагаран йист яцарехь, охьадоглуш долу хи санна.

Илсхана-Юьртара Хьажа Маккахь волчу хенахь Цуьнан дуккха а цхьаьнакхетарш, къамелаш, дагавийларш хилла цигарчу баккхийчу шай-хашца, Iелам-нахаца, динан дайшца. Цаьргара дуккха а хIумнаш схьа а эцна Цо. (Царна юккъехь хьалхарчу рогIехь-зикарх дерг).

Хууш ма-хиллара, дуьххьара Хьажин-цIа вахар Кунта-хьажин (Дала къайле цIанийола цуьнан!) нисделла 1848 (1849)-чу шарахь. Я кхечу деш-нашца аьлча, 18–19 шо кхаьчна волуш. ДIавахар а, вухаверзар а Туркойн махкахула а хилла церан (деца цхьаьна). Дервиши олуш вирд а, кхин цхьамогIа къайлах вирдаш а шайна юккъехь хиларца билгалбевлла бу торкой. Уьш теллича, нохчашна юккъехь лелачу зикаршца цхьаьнадоглуш дуккха а хIумнаш карадо вайна.

ШозлагIа Хьажин-цIа вахана волуш цо цигара цIа кхехьийтинчу кехаташ тIехь сих-сиха нисло зикарш дар пайдехь хиларан хьокъехь долу могланаш.

Ши-кхо шо Гергарчу Малхбалехь ша доккхучу хенахь устаз цIагIвеллачух тера ду зикар дар нийса хиларан ойланехь.

Лакхахь вай аьллачунна тIе а доьгIна, юкъяра маьIна даьккхича, хетарехь, вайн ала йиш ю: зикар дар вирдан коьрта къастам санна Нохчийчоьхь юкъядаьккхинарг Кунта-хъажа а ву (Дала къайле цIанийойла цуьнан!), зикарх дерг цунна довзар Хъажин-цIа боьдучу новкъахь, масала, Турцехь, я Салудин Iаравехь нисделлачух тера а ду. Нохчаша иза тIеэцар, уггар хьалха, доьзна хила тарло, цуьнан чулацамца а, тIехъажийна хиларца а – адам дезар, вовшашца уьйр-марзо, ларам хилар, цхьаьна а долуш Далла Iамал яр. Зикар – вирдан вошаллин дог ду. Амма и дог массо а бусалба нахана, дерриге а адамашна схьадилина ду. Кунта-хъажас (Дала къайле цIанийойла цуьнан!) гуттар а коьрта тидам тIебохуйтура нахана юкьерчу гергарлонна, вовшашка болчу ларамна, массо а цхьа вежарий санна хила дезарна. Шена тIаьхьа мел хIиттинчарна хьалха устаза хIара декхарш дохкура:

1. Шен шайхаца хедар йоцуш зIе хила еза, юкъяметтиг хила еза мурдан.
2. Мурдан дог цIена хила деза, паргIат хила деза хьагI-гамонах.
3. Ша волчу меттехь мурда магийта ца деза нахана лер, хIунда аьлча, и доккха къа долу дела.
4. Мурд нахаца кIеда-мерза, лараме хила веза.
5. Мурдан бакъо яц ша санна волчу бусалба вешина тIехь доцург кхоллийта. Нагахь санна ша волчохь цхьаь и дан гIерташ велахь, цо бохург духатоха деза.
6. Кунта-хъажин (Дала къайле цIанийойла цуьнан!) мурдаш декхарийлахь бу муьлхха а кхин устаз, шайниг санна, лара, ур-атталла иза шайн устазца юкъяметтиг телхина велахь а. Устаз Даллий, мурданий юккъехь уьйр латтош верг ву. Далла гергавахар хила тарло зикаран массо а лехамаш хьо ларбеш велахь, хьайн устазна тIаьхьахIоттина хьо велахь. АллахиIна хьалха шен мурда лелош долчунна жоп дала дезаш ву устаз.

...Сибрера ша даийтинчу цхьана кехат тIехь Кунта-хъажас (Дала къайле цIанийойла цуьнан!) яздина:

«Зикар делааш!»

Зикар – Дела везар совдаьлча, дагчуьра схьадолуш долу аз ду.

Хъаьжи Макка вахара

Хъаьжи Макка ваха араволучу дийнахь

Хъаьжис аьллера:

– Пурба лохъа, Хеда, цу Дала язйинчу
Макка ваха.

Хъаьжига Хедас элира ма боху:

– Ша-ма пурба ло хъуна, хъайн кегий
доьзалаш

Боьлхуш битина ваха воллу те хьо,

Хлара Нана-Дегласта дола

дан да воцуш

Йитина ваха воллу те хьо? –

Хедас Хъаьже элира бохура.

– Хеда, ва Хеда, шен кегий доьзалаш

Боьлхуш битина ваха-ма ца

воллу ша,

Вуха ца ван ма ца воьду ша-ма,

Хлокху Дегластанан дола дан

Дала дуьненна эла вина ваийтина

Пеза-Хъаьжа витина воьду ша-ма.

Тлаккха Хедас пурба делла,

Хъаьжи Макка ваха аравели бохура.

Хъаьжи цу лаьрбойн лам тле

кхаьчначу хенахь,

Дласара овлаяш, шайхаш

Цу лаьрбойн лам тле гулбелла,

Стиглара маликаш

Цу лаьрбойн лам тле гулделла,

Маккара, Мединара и Делан Элча,

Шен асхъабаш балош, цу лаьрбойн лам

тле веана,

Хъаьжина гонах цхъа йоккха члуг

хлоттийра ма боху.

Тлаккха Дегластанахь воьлхуш лелачу

Мовсарна

Хъаьжис и шена гонах хлоьтина

йоккха члуг

Гайтира ма бохура,
«Алхьамдуллиллах! – алхьамдуллиллах!»
боху

Зуькаран мукъам балийна,
Цхьа гийла белхар дохьуш,
Мовсар Хеда йолчу вахара ма бохура.

– Хьаьжи Маккахь валарна ойла йина
воьлху те хьо,
Хьаьжи лекхачу Эртанах валарна
кхьору те хьо,

Пайракха-коьртах, шен доьзалах
Валарна ойла йина воьлху те хьо? – аьлла,
Хедас Мовсаре эли бохура.

– Хьаьжи Дегластанах, Пайракха-коьртах,
Шен доьзалах валарна ойла йина
Гелвелла ма ца воьлху ша-ма,
Дласара овлаяш, шайхаш лаьрбойн лам
те гулбелла,
Стиглара маликаш цу лаьрбойн лам те
диссина,
Маккара, Мединара и Делан Элча,
Шен асхьабаш балош, цу лаьрбойн
лам те веана,
Хьаьжина гонаха хьоьттина цхьа
йоккха члуг яйна,
И блаьргана ла ца елла воьлхурий ша-ма.

Хьаьжи лаьрбойн лам тѳера вухавѳѳча:
«Мовсар, ва Мовсар,
Хедин дагна бохам хлунда
бора ахь?» – аьлла,

Хьаьжис Мовсаре эли бохура.

– Хьаьжи, ва Хьаьжи,
Хедина бохам бан аьлла ма ца
вилхира ша-ма,

Дласара овлаяш, шайхаш
Цу лаьрбойн лам те гулбелла,
Стиглара маликаш,
Цу Маккара, Мединара и Делан Элча
Шен асхьабаш балабеш цу лаьрбойн
лам те веана,

Хьуна гондла хлоьттина и йоккха члуг
Блаьргана лан ца елла вилхирий ша-ма.
Хьаьжи, ва Хьаьжи, хьо лаьрбойн лам тлера,
Делан Элча волчу ца воьдуш, ца хлунда
воглура хьо?

Вайшинца инкарло йолчу наха:
«Хьаьжи лаьрбойн лам тлера Медината
Делан Элчанна дуьхьал ваха йиш ца хилла,
Вухавеана», – бохур дуйла ца хиира
хьуна? –

Мовсара Хьаьже элира бохура.

– Мовсар, ва Мовсар,
Дласара овлаяш, шайхаш цу лаьрбойн
лам тлехь

Шена юххе хлиттина ца байра хьуна?

Стиглара маликаш цу лаьрбойн
лам тлехь

Вайшинна юххехь ца дайра хьуна?

Маккара и Делан Элча шен асхьабаш
балабеш

Цу лаьрбойн лам тле веана,
Шена юххе хлоьттина ца вайра хьуна,
лаьрбойн лам тлера Медината
Ша мила ган глур вара? – аьлла,
Хьаьжис Мовсаре эли бохура.

Хаставе вай, хаставе вай Дала шен
вели винарг,

Шен Элчанан верас винарг,

Муридийн устаз вина, овлаяйин эла вина,

Бле эзар, ткьа эзар, виь эзар

Овлаяйин коьрте шен цле даязйина,

Дала ненан кийрахь шена цле тиллина,

Кху дуьнненан лу вина,

Эхартан баьчча вина ваийтина волу

Кишин Хьаьжи хаставе вай.

– Хъаьжи, ва Хъаьжи,
Хьо-ма цу Делан шерелатца нийса
Хьо-ма цу Делан тлерекъатца нийса
воьдурий,
воьдурий,

И хъан «ІолалахІ-ІуылилахІ» боху зыукар
Шена-ма кху жайнаш тІехъ кара ца до-кха,
Ва Эртанахъ веха Хъаъжа,
Ва Эртанахъ веха Хъаъжа,
Ва Эртанахъ веха Хъаъжа?
И «ІолалахІ-ІуылилахІ» боху зыукар
Схьадаълла меттиг йийцахъа шена,
Нагахъ санна иза хъан шена йийца яцахъ,
Делан а, Пайхамаран а дуьхъа,
ХІара мехкан боцу Іеламнах шеца болуш,
Хъоьга иза дита аълла, дехаре
вeаний ша-ма.

– Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла,
Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла,
Ша оцу шерелатца, цу Делан тIерекъятца
Нийса вьодуш вуйла хъайна хууш хилча,
Оцу «ЮлалахI-ЮьлилахI» бохучу зуйкаро
ХIун дохадо-те хъан, цо хIун эшадо те хъан,
Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла,
Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла,
Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла?
И «ЮлалахI-ЮьлилахI» боху зуйкар

Схъадаылла меттиг
Ша-ма хъуна юйцур йолуш вацарнй,
Хьо-ма ша хъайна иза дийцича а,
И бакъ дина, къобал дина дӀаэца

воллуш а вацарий,
 Хлокху Јеламнахана ша дуьйцуз ду хьуна,
 Ва Илсхана-юьртара молла.
 Ва бле эзар, ткъа эзар, виь эзар овляяь
 кхоьллира Дала,
 Ва бле эзар, ткъа эзар, виь эзар овляяь
 гулвира Дала,

282

Оцу овлаяшна юккѣ
Шен ворхѣ лаьттан кийра йоьдуш,
Цхьа кхераме гӀу хӀоттийра-кха вайн Дала,
Оцу кхерамечу гӀу чуьра
Дуьненчу даккха дезаш цхьа жовхӀар ду
шен аьлла,

И жовхӀар дуьненчу даккха дезаш,
И жовхӀар дуьненчу даккха ваханчу
шен лайна

Ша-ма цхьа боккха дика болх
Дуьхьал боккхур болуш бу аьлла,
Дала шен геланча Жабраил-малик
Оцу овлаяшна тӀе дайитира шуна.

Оцу Делан бӀе эзар, ткѣ эзар,
Виѣ эзар овлаяшна юккѣхь дала
жоп ца хилла,

И Делан геланча Жабраил-малик,
Делаха, Пайхамарха бехк хета шена,
Даллий, Пайхамарний дуьхьал
Хьо жоп доцуш дахийта аьлла,
ХӀокху баккхийчу тхьамданашна хьалха
Хьуна жоп дала кхарах бехк хетта
Ийрий ша-ма,

Оцу кхерамечу гӀу чу ваха
Делера шена пурба дохьуш духа долахьа
аьлла,

И Делан геланча Жабраил-малик
Вайн Далла тӀехьажийра ша-ма.

– Ва везан Дела, сийлахь Эла,
Ахьа къадырин тӀерекъатан да вина
вахийтинчу

Оцу Кишин вола боху хьоьга,
Оцу хьан ворхѣ а, лаьтта буха йоьдучу
Оцу кхерамечу гӀу чуьра
Дуьненчу даккха дезаш долу и жовхӀар –
И жовхӀар дуьненчу даккха ша гӀуриг ву
боху хьоьга,

Хьоьгара пурба дохьуш духа дола аьлла,
Дайитина ша-ма, хӀай везан Дела.

– Ша къадырин тӀерекъатан да вина
вахийтинчу

Оцу Кишин волана пурба делла ву хуна
 аьлла,
 Дала шегара цхьа хаза пурба делла,
 И Делан Жабраил-малик духа вайна
 тледеара шуна.
 Тлаккха ша цу Делан кхерамечу глу чу
 ваха кечвелира,
 Цу дийнахь оцу Делан бле эзар, ткъа эзар,
 Виъ эзар овлаяшна юккъехь
 Шеца цу Делан кхерамечу глу чу воглуш
 Цхьа а накъост ца хилира хуна.
 Оцу дийнахь шеца цу глу чу воглуш
 Цхьа накъост хиллехъара,
 И «лолалахI-луълилахI» боху зуькар
 Схьадаьлла меттиг хуна хуур яр-кха,
 Ва Илсхана-юьртарчу нехан молла.
 Тлаккха ша Делан кхерамечу
 глу чу воьссина,
 Оцу Делан кхерамечу глу чухула
 волавелира ша-ма,
 Новкъахь луьллуш цхьа хаза жовхлар
 карийра шена,
 Хазделла и жовхлар схьаийцира ша-ма:
 «ХIара жовхлар дуьненчу даьккхинчух
 Дуьненан паччахь хир ву-кха», – аьлла,
 Цунах дуьне тоьхна карийча и жовхлар
 охьакхоьссина,
 ШолгIа новкъа велира ша-ма.
 Ша цу Делан кхерамечу глу чухула
 дIавоьдучу хенахь
 Новкъахь цхьа хаза Зильбукъар карийра
 шена-ма,
 Хазделла и Зильбукъар схьаэцна,
 Цу тIе хьаьжира ша-ма:
 «ХIара дуьненчу даьккхинчух эхартахь
 паччахь хир ву,
 ТIаьххьарчу нехан имам хир ву», – аьлла,
 Зильбукъар тIехь яздина карийра шена.
 Тлаккха и Зилбукъар шен буйнахь
 ловзадеш,
 Цу Делан кхерамечу глу чухула
 дIавоьдурий ша-ма,
 Цхьа боккха саьрмик дуьхьал баьлла,

Ша ваха веза некъ дјалецира шен-ма.

«Дјабалахъа шена хъалхара, хлай

Делан кхерам,

Ша-ма Делан гјуллакхе вахана вогуш,

Делан гийла-миска хъаша вара»,

-Оцу саърмике элира ша-ма.

Тіаккха и саърмик шена хъалхара

дјабала ца тигна,

Оцу саърмикан легашка гюьртинера ша-ма,

Шена ницкъ хилар тіехдала доьлча,

Ше карахъ долчу Зилбукъар тіе

хъаьжира ша-ма:

«ІолалахІ-ІуьлилахІ», – аьлла,

Цу тіехъ яздина карийра шена-ма.

Тіаккха «ІолалахІ-ІуьлилахІ» аьлла,

Іза шен багах арадаьлча,

Цунах шовкъе хилла, цу шовкъан

марзоно багийна,

Іза шена хъалхара дјакхоссабелла,

Некъ маьрша а баьлла,

Ша буйсанаш йохучу тоьли чу

вухавирзира ша-ма.

Оцу «ІолалахІ-ІуьлилахІ»

Бохучу зуькаро Іен ца витина,

Малхбале вирзина, малхбузе вирзина,

Хіокху дуьненан массо а маьlle хъаьвзина,

«ІолалахІ-ІуьлилахІ» аьлла, цкъа мохъ

туьйхира ша-ма,

Ша «ІолалахІ-ІуьлилахІ» аьлла,

цкъа тоьхна мохъ

Де баккъашка дахказчу синоша

дјайицира хъуна,

Нанойн кийра дахказчу синоша

дјайицира хъуна,

Авалера Эхире кхаччалц,

Де дийне мел дели совдуьйлуш

Діахъур долуш ду хъуна,

Хъайн Делан а, Пайхамаран а дуьхъа,

Ма вийлахъа дакъаза,

Ва Ілсхана-юьртарчу нехан молла.

1987 г.

Кишин глан

Ва Киши ма вахара шен клант

Хъаъжи ва волчу:

– Ва шен жима ва Хъаъжи,
Сийсарлерчу ва буса цхъа хаза
Глан-набарш ма яйра шена,
Уьш йийца стаг воцуш, ша глийла ву хъуна.

– Ва шен дада Киши,
Ахь шега йийцалахь хъайна

яйна глан-набарш,

Ша тида хъожур ву хъуна

яйна глан-набарш.

– Ва шен жима ва Хъаъжи,
Сийсарлерчу цу буса
Цхъа хаза сийна барз ма байра шена,
Цу барза тлера дладоблхуш
Цхъа хаза олхазарш ма дайра шена,
Ва шен жима Хъаъжи,
И хаза олхазарш барза тле доглучу
заманчоь,
Царна хъалхадаьлла хилла и хаза
къаьстина олхазар
Цаьрца юха барза тле доглуш ма ца
дайра шена.

– Ва шен дада Киши,
Хъуна байна хаза сийна барз
Шен Эртина корта бара хъуна,
Цу барза тлера хъуна дладоблхуш
гина олхазарш

Шена баьхкина шен муридаш бара хъуна,
Ва шен дада Киши,
Цу олхазаршна хъалхадаьлла
Хъуна дайна и къаьстина олхазар
Шен муридашна хъалхаваьлла
Хьийзаш волу ша вара хъуна,
Ва шен дада Киши,
И хаза олхазарш юха барза тле
доглучу заманахь,

Цаърца хьуна юхадоглуш ца дайна
И къаьстина доккха олхазар
Шен муридех къаьстина,
Махках воккху волу ша вара хьуна.

– Ва шен жима Хьаьжи,
Хьо махках воккху бохург бакъ хила
доллу техьа?

– Ва ша махкаха ца ваьлча ца волу хьуна,
Дегластанара шен рицкъа кхачийна хьуна.

– Ва шен жима Хьаьжи,
Кхана доглу долчу къематдийнахь,
Адам маъхьшаре гулдина,
Цхьамзанан барамехь малх тебалийна,
Цу маьлхан лакхара агло лахахьа ерзийна,
Йовхонна коьртан хье кхехкаш,
Адам хьере хилла, гатделла хьийзачу
дийнахь,

Хьайн баккхийра, кегийра
муридаш тлаьхьахиттийна,

Вайн Далла хьалха хьо долина
хлуттучу дийнахь
Везачу, воккхачу вайн Дала долина
жоп лойла хьуна.

Амин, я Аллах!, амин, я Аллах!
Ва Дела, жоп лолахь,
Хьаьжин долина жоп лолахь!
Амин, я Аллах!, амин, я Аллах!

1988 г.

О. Тазаев

Муцин глан

Деглах члогла лазар кхетта,
цамгаро вожийна,
Меттахь висина хиллера Хьаьжин
ваша Муцу.
– Хьаьжи, ва Хьаьжи, хьан ваша Муцу
Члоглачу цамгаро лаьцна, меттахь
висина ву,
Цуьнга хьажа ваханий хьо? – аьлла бахара.

– Цига ваха йиш йолуш ма вацара ша
Делерчу пурбанца бен,
Вайн Делан пурбане хыйжирий ша-ма,
Вайн Делан кхелана реза ца хилча,
Дан амал дац-кха вайн, ва Мовсар.

Стиглара аглонгахъара
Цхъа кхайкхар ма деара Кишин во! волчу:

– Кишин Мубарик,
Хъайн веше Муце хъажа г!о бах

хъоьга, – аьлла,

Хъаьже аьлла бахара.

Волавелла, шен вешина т!ех!отта ваха бах
Дала къайле ц!анъяриг:

– Ассалам-!алайкум, шен ваша ва Муцу,
Хъо ма ч!ог!а цамгаро лаьцна хилла,
Мича хъолехъ воллу хъо?

– Ша-ма вочу хъолехъ ца воллу,
Дала шег!а деллачу хъолехъ воллу ша-ма,
Ва шен ваша Хъаьжи,
Хъо шег!а хъажа х!унда ца вог!ура;
Таханлерчу дийнахъ
Хъо шег!а хъажа ца веанехъара,
Делор вацара ша-ма
Кхана дог!у долчу къематдийнахъ,
Даллий, Пайхамарний хъалха

х!оьттинчу дийнахъ,

Хъан вазлора, сийлаллора вацара ша-ма
Даллий, Пайхамарний хъалха
Хъо бехке ваза !ийриг волуш.

– Бехк ма биллахъа, ва Муцу,
Бехке ма вехъа ша, ва Муцу,
Делерчу пурбанца бен
Хъуна т!е ван йиш йолуш ма вацара ша,
Вайн Делан кхелана реза ца хилча,
Дан амал дац-кха вайн, ва шен ваша Муцу.

– Хъаьжи, ва шен ваша Хъаьжи,
Сийсарлерчу буса цхъа клеизиг г!ан-набарш
Дуьхъал оьхънера шена-ма,
И г!ан-набарш ахъ т!дахъа шена,

ва Хъаьжи.

– Муцу, вайн Дала бакъахъа туьдийла
Хъуна яйна глан-набарш,
Ша туьдур ю хъуна. Хъуна яйна глан-набарш.
– Хъаьжи, ва Хъаьжи,
Сийсарлерчу буса стиглара схъабеана
Цхъа накхармоза шена тлехиина,
Шена ю тоьхна,
Юха стигала хъалабоьдуш бай-кха шена.

– Муцу, ва Муцу,
Стиглара хъуна схъабоглуш гина
и накхармоза

Тховса хъан са эца доглуьр долу
Мулкалмот дара хъуна;
Ша Маккара цла вогуь бохуш,
СагIаш дохуш хъийзаш яйна
Вайшиннан глийла нана,
Кханалерчу дийнахъ
Хъан дакъа дладахъале хъалха
СагIаш дохуш хъийза йолу
Вайшиннан глийла нана Хеда ю хъуна;
Ва Муцу, вайн декъа гондIа
Хъуна яйна Iаьржа хъаргIанаш
Далий, Пайхамарий
Ца магийна долу белхарш деш
Хъийза болу зударий бу хъуна;
Царна хъалха Iаса туьйсуш,
Уьш бухачехош хъийза волу
Хъан глийла ваша ша ву хъуна, ва Муцу,
Делора ца воеду хьо кху дуьнен чохъ
Хъайл везаш ваша
Шена тIаьхъа а витина-ма, ва Муцу.

1982 з.

М. Мусаев

ДегIаста хазйи ахъ, Мовсаран ваша

Баттаца, маьлхаца левзина Элча,
Ахъ устаз лацарца хьо вийзира тхуна,
Сингаттам совбуьйлуш тхо кхойкху хьоьга,
Орцанца волахъа, Мовсаран ваша.

Заманан йохалла хиндериг хууш,
Хъайн барта дин кхайкхош,
динан глэд стамдеш,
Муридийн дегнаш тле хъайн цле язъеш,
Дегласта хазйи ахь, Мовсаран ваша.

Шу диццеш вон-дика доглур дац тхоьга,
Тешна тхан дегнаш хьо воглург хиларх,
Элчане хьо воьхуш, тхо кхойкху хьоьга,
Орцанца волахьа, Мовсаран ваша.

Стигланан корашкахь хьо хестош вуьйцу,
Лаьттарчу халкъаша хьо устаз лотьцуц,
Тлерекъатан муридийн тобанаш цлагъеш,
Дегласта хазйи ахь, Мовсаран ваша.

«ЮлалахI-ЮьлилахI» бохучу
дешнийн дозалла,
Сийлалла йийцина, хестийна вер вац,
Шаьш дезар, шаьш довзар тхо динехь
нисдеш,
Дегласта хазйи ахь, Мовсаран ваша.

Хьо шеца хьирчина Эрта ю ехаш,
Цигара хъаьжча го Гайракха-корта,
Хьо ваьхна меттигаш езаш ю тхуна,
Орцанца волахьа, Мовсаран ваша.

Ирс ду тхан, сий ду тхан хьо устаз лацарна,
Шаьш дезаран синкхетам аш тхуна баларна,
Бакъо ю дегнаш чохь Дела цхъаь хиларца,
Орцанца волахьа, Мовсаран ваша.

Ахь безаш битина хъайн гийла муридаш,
Ва байлахь бу хьуна, ва Кишин Хъаьжи,
Хъайн гийла муридаш вайн Деле боьхуш,
Орцанца волахьа, Мовсаран ваша.

1985 г.

Хъаьжин весеташ

Азаллехъ везчу Дала «кун» бохучу дашца
Сий долчу Элчанан нуьрах деза нур дожийна,
Нуьран са кхоьллира хъан,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа,
Хъан къайленаш тойойла
Вай кхоьллинчу Дала.

Дала ша халкъ кхоллале
Хъалхарчу ва хенахъ,
Цул тлаьхъа Элчанца хьо цхъаьна волуш,
Дала ша хъан йоккху цле
Тлаьххъара верас йолуш,
Юршу тлехъ сецира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

Цул тлаьхъа везчу Дала
Элчанан нуьрах нур тоьхна,
Иштта пардо хъарчийна,
Элчанца къуддусехъ сецира хьо,
Везчу Дала цу шийтта пардонца
Элчанца машхиде кхачийра хьо,
Мубарик тхан Хъаьжа,
Хъан къайленаш тойойла
Вай кхоьллинчу вайн Дала.

Цул тлаьхъа везчу Дала
Массо а шайхаш, овлаяш
Хъан нуьрах кхоьллина,
Халкъашлахъ хаьржира хьо,
Делан Элча длакхелхинчул тлаьхъа
Шийтта бле шеран коьртехъ
Гучувалар хилира хъан,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

Хьо шайн муьма вели вуй ца хаарна
Махках ваьккхира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа,
Устазаш лелачу хъалхарчу цу муьрехъ
Мел къайлах хилира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

Хъайн дайшха хъалхара да
И Делан Лом-Іела хъан волуш,
Хъан цийнан хъалхара нах
И цена къурайшийн нах болуш,
И Киши хъан дада волуш,
Хеда нана йолуш
Дуьненчу велира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

И Делан Іилманаш
Дешна ваьлладу цу хенахь,
И Делан геланча
Жабраил-малик хъайна тІеэха доьлча,
Дала ша герга Іорша тІе
Хъоьга кхайкха ва ваьлча,
Хъехамаш бан велира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

Мискачу дех-ненах хьо ваьлла ву бохуш,
Заманан молланашца хьо дешна вац бохуш,
Дешна воцуш Іеламстаг хилла вац бохуш,
Хъан заманан Іеламнах хъан
довхой ма хилла.

Цу хъан нуьрах кхоьллинчу шайхаша
Жайнаш шаьш доьшуш,
Цу шайхийн жайнашна
Хьо тІехвуьйлуш ву бохуш,
И «ІолалахІ-ІуьлилахІ» боху дешнаш
Жайнаш тІехь дац бохуш,
Хъан заманан Іеламнах
Хъан довхой ма хилла.
И Іилманан лакхенаш
Хъан юйла шайна хиъча,
Іилманца сов вийларехь
Хьо тІехвийла воьлча,
Хъекъал, Іилма хъайнчул тІех
Кхин доцийла шайна хиъча,
Делан къайле йоцуцу кортоша
Хъоьца хъагІ ма лецира.

Іехабелладу кортоша
Хъоьца хъагІ лавцча,
Хьо Элчанан верас
Вуйла шайна ца хаарна

Хьобга дов хьедича,
Дегластанах хьо длакъаста аьлла,
Дала хьайга омра дича,
Деза хлижар дихкира ахь,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа.

Цу вайн Делан омранца
Деза хлижар дихкина,
Цу вайн Делан омранца
Махкаха хьо волуш,
И хьайн ваша Мовсар
Хьайна накъост вигира ахь,
Хьан къайленаш тойойла
Вай кхоьллинчу вайн Дала.
Илсхана ва юьртахь
Дада Киши воьллина,
Лекхачу Эртанахь
Нана Хеда йоьллина,
Іаьрбойн пана цу махка
Доьзалаш хьовсийна,
Махках велира хьо,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа,
Хьан къайленаш тойойла,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа.

И хьан ваша ва Висха,
И хьан кегий доьзалаш
Іаьрбойн пана ва махка
Хлижратана хьовсийна,
Цу хьайн вешех Мовсарах
Казан-гӀалахь къаьстира хьо,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа,
Хьайн махках велира хьо,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа.

Цу вайн Делан омранца
Еза юкъ йихкина,
И длабуза боьду дашо малх санна,
Дегластанах букъ тоьхна,
ХӀордан кийра вуьйлира хьо,
Ва Мубарик тхан Хьаьжа,
Хьан къайленаш тойойла
Вай кхоьллинчу Дала.

И хъайн мурдийн тобанаш
Чагаре хыйзаеш,
Цу чехкачу зуькарца
Хъайн муридаш ловзабеш,
Хъайн нуьран тлемашца хьо араваьлча,
Махках ваьккхира хьо,
Ва Мубарик тхан Хъаьжа.

Дала шегарчу илманах совглат дина,
Шайхаллин дакъа шеге делла,
Дала шен къайленаш йовзийтина,
Халкъан хъелаш довзийтина верг,
ХIара хабарш дийцинарг
Зандакъара Геза-Хъаьжа ву шуна,
Цуьнан къайле цланйойла
Вай кхоьллинчу вайн Дала.

Вовшийн дезаш хилалаш,
Вовших марзо эцалаш,
ХъагI-бода дIаяккхалаш, –
Воккха-жима ларалаш,
ХIара весет дитинарг
Кишин Хъаьжа ву шуна,
Цуьнан къайленаш тойойла
Вай кхоьллинчу вайн Дала.
Ша къайла волу зама герга яхча
Ярташка ва хIуьттущ,
Хъаьжас шен мурдашна
Хъехамаш бин бахара:
Шега хатта ва дезарг аш шега хатталаш,
Шен весеташ аш ларделаш,
Варийлаш, шен муридаш.
Варийлаш, хIай шен муридаш,
Ша весет до шуьга:
Дуьненахь тевжина
ДегIан хъесапаш дан пурба дац шуна,
Делан динца дуьненан базар лелаяр
Далла гергахь тарлур дац шуна.
Варийлаш, хIай шен муридаш,
Варийлаш, хIай шен муридаш,
Ша весет до шуьга,
Шен весет аш ларделаш,
Делан парзаш аш ларделаш,
Церан хенаш ларъелаш,

Хенан вирдаш ларделаш,
Цуьнан хенаш ларъелаш,
Еара, оршот ларделаш.
Делан деза и Къуръан дукха дешалаш,
Цо бохуриг аш дарца
Цунна тлаьхъа дазалаш,
Чехка зуькар дукха делаш,
Чагарехъ шаьш ларлолаш,
Коган болар ларделаш,
Вовших догIмаш ларделаш.

Шен мурид дIакхалхарца,
Тлаккха весет до шуьга:
Кхаа буса ясин ду шуна,
Кхаа буса зуькру а ду шуна,
Техьарчу цу пенах
Каш-лаьхъта аш таделаш,
Цу кошан гонаха
Цхъа бIе зуькар аш делаш.
Техьарчу цу пенах каш-лаьхъта тодар,
Цу кошан гонаха цхъа бIе зуькар дар а,
Ша дуьхъала воцуш шеца чIагIо лацар а,
И «IолалахI-луьлилаxI» боху дош а –
Уьш диъ хIума ду шуна,
Жайне хетта ца оьшуш.
И диъ хIума аш Iеламнахе хаьттича а,
Уьш жайнахъ карор дац шуна,
И диъ хIума доцург,
Къуръан чохъ, жайнахъ боцу хъехамаш
Адаман берашна ша бина бац шуна.

Ша устаз лаьцна волу устазан мурид,
Вижарца шу ларлолаш,
ЮргIа духар дац шуна.
Варийлаш, шен муридаш,
И томкин кIур лелабар,
Цу юьхъа тIе урс хъекхийтар,
Шен мурдехъ тарлур дац шуна,
Хъаьжас эли бахара.

Бала беза бу алий, динах духа ма довлалаш,
Бала баз мел бели Делан динца чIагIлолаш.
Бала беза бац шуна велча кочара баьн бериг,
Бала беза бу шуна велча кочахъ буьсу берг.

Динан хазалла гайта

Несаре боъдучу новкъяхъ. Де суьйренга лестана хан. Цхъа чкъург бер-
дах а яхна, ворда схъа ца яккхалуш воллу галгIа. Сту чехабо цо, сара бетта.

ГалгIа. Да-ваший велла биса хьо! ЖIаьлешна пхьор хила хьох!
Меттахболий духха...

Кунта-хъажа а, цуьнца болу накъостий а тIекхочу.

Кунта-хъажа. Салам Iалайкум!

ГалгIа (ца кхеташ). И фу мотт ба?

Ильяс. Маршалла хьотту хьогъа.

ГалгIа. Шу а догIалда марша!

Кунта-хъажа. По оьший-техъа хьуна, аьлла, хета суна.

Говраш тIера оьхъа а буьссий, тIебогIу.

ГалгIа. Ай, хIара да-ваший велла бисарг меттахбалац... (Тоха сара айбо).

Кунта-хъажа (куьйга-эшарехъ и саца а веш). Пурба дац хьуна! Багахъ
мотт а боцуш, дIадуйцучух кхета хьекъал а доцуш хъайба ма ду иза. Къа
ду цуьнан... ХIокхунна оьшург кхин ду... (Те а хуьлий, эсала куьг хьокху, лере
воьдий, цхъа шабарш до. Сту цIеххъана тохало...) Шадерш тасалол хIинца!
ХIа-хIа-хIани...

Ворда хъалайоккху

ГалгIа. Баркалла шуна... Со хъажа хIама дай?

Кунта-хъажа. Гена юй Несаре?

ГалгIа. ВIалле а яц... ДIо-о-о басел дехъа.

Кунта-хъажа. Далла бу хастам! Пелделлера тхо, некъ бина... Ламазан
хан тIехтуьлуш а лаьтта.

ГалгIа. Ай, тхуна дин дохьуш догIаш-м дац шу?

Кунта-хъажа. ХIан-хIа, дин дохьуш догIуш дац. Динан хазалла йийца...
гайта... хаийта догIуш ду.

ГалгIа. Эрна да... Хьалха а бехкаб... Пуллакх хилац...

Кунта-хъажа. АллахI-Делан ницкъ а, собар а доккха ду. Цкъа ца хилларг,
шозза ца хилларг, кхозлагIа хила тарло.

ГалгIа. Хьовса дале...

ГалгIа ворданахъ дIаволало. Кунта-хъажа а, цуьнан накъостий а, говрашна тIе
а ховший, Несарехъа дIабуйлало. Дечган мор гихъ дIа ца бахьалуш, тийсалуш
воллучу жимчу кIантана тIелиттало.

Кунта-хъажа. По де цунна, Ковранакъа.

Говрара вуссий, Ковранакъас, клантера дечган мор схъа а оьций, нуьй-
ра тлехъа дланисбо, клант шена хъалха хааво. Клант члогла самукъадавлла
ву.

Ильяс. Несаре нийса доьлхий вай?

Кланта корта талабо. Цлехъана коьллаш тлехъара аьзнаш, гловгла хеза.
Ши довхо ву чуччавахана воллуш. Цхъаммо шаьлта йоккху тоха дагахь. Говра
тлера охъа а оьккхий, Ильяс тлеводу, шаьлта карахь йолу куьг схъалоцу,
тлебаьхкинчу накъосташа дласакъаставо шиъ.

Кунта-хъажа (цхъана довхочуьнга). Цхъана млаьргонехь пхъа хъарча-
бора ахь хъайх, шайтла хъалха а иккхина. Дуйнен чохь айхъа йоккху йолчу
ханна дакъазволура хьо, эхартахь вуон бух кечбора хъайна. Хъайн доьзал-
на тле, гергарчарна тле бала бохъура... Бехк боцу нана елхайора, бераш буо
дуьтура, зуда тлехь цлийнда воцуш юьтура... И шадерг оьглазло бахъана до-
луш... Иблисна луур доккхуш... Цу Делан мостаглна той хлоттош, нахана тезет
хлоттош...

Ши довхо лерина ладуглуш лаьтта, ойлане хуьлий, дласаволу.

Ковранакъа. Хъажи, вай хъелой техъа?..

Кунта-хъажа. Са ма гатде, Ковранакъа. Вайх долу хабар вайл хъалха
длакхочур ду оцу нана-Несаре...

2010 г.

Шелахь хилла «шаьлтанан тлом» – зуламан дайша тесна питана

я Къонах мила ву къастаде

Зикархойн боламан корта а баьккхина, парглатбевлла лен дагахь бацара
паччахъан ледалан меттигера хъаькамаш. Цара юьхъарлаьцначу гуллакхан
кхаа декъах шиъ кхиамца кхочушдинера. Нохчашна шайна юккъехь дегаз-
лонаш кхоьллинера, цхъана вирдера нах кхечу вирдерчу нахаца эглийнера,
Кунта-хъажин (Дала къайле цланйойла цуьнан!) цле йожорхъама мотт-эладита
лелийнера, тлаьххъар а ша устаз а, цуьнан угар тешаме бартахой а, лиэца а
лецна, Сибреха бахийтинера. Илсхана-юьртарчу хъажин гуллакх кхоччуш
дохийна дладаккхархъама диснарг деккъа цхъаь дара: цунна тлаьхъахлиттинчу
могларерчу бусалбанийн тоба лахъяр, я яржийна, длаяккхар. Цу тлехь пач-
чахъан ледалан уггар жигара накъостий хилла длахиттира ламанхойх схъа-
бевлла эпсарш Довлет-мирза Мустафин (капитан), Орца Чермоев, Вагап

ладу (полковникаш). Къаьсттина лакхара мах хадийнера Курумов Къосаман. Цо гайтина «хъуьнарш» дагардеш, иштта могланаш а дара: цо сема терго латтийра глаттамна кечлуш болчарна тлехь; царна юкъя а вахна, дагахь дерг а хиъна, коьртехь лаьтташ берш билгал а баьхна, уггар хьалха шен хьаькаме длахаийтира зикархой тлеман ницкъаца хлаллакбан безаш хилар. Каде хьаьвзина цхьамогла молланаш а ца бисира совглаташ ца деш. Паччахьан ледало «хьаьстира» лабдул-Къедар Хордаев, Идик Исмаилов, Мустафин Абдуллаев, Махьмуд Борщигов, кхиберш. Айвира тешнабехканий, ямартлонний тлехь шега кхочуш кхиниг воцу паччахьан эскаран майор, Хьалха-Мартан клоштан наиб Османов Саладулла.

Кхузахь и цлераш вай яхар члир кхайкхо я дов хьедан деш дац. И цхьана а агор ца доглу Кунта-хьажас (Дала къайле цланйойла цуьнан!) длакхехьначу некъаца а, къобалдеш хиллачу гиллакхашца а. Хилларг хилла даьлла. Вай и хьахийна, кхин ваьш цхьаьнга а лиэн ца дайта, ваьшна юккье питана ца тийсийта, декъа а ца декъийта. Замано гайтина нохчашна церан доттагла мила ву а, мостагла мила ву а, бакъ мила ву а, харц мила ву а. Кадыров Ахьмад-хьажас, 150 шо дальча, билгалдаьккхина ма-хиллара, дехъара вуьйш верг а, сехъара вуьйш верг а нохчи ву. Эшам дийнна халкъана хуьлу. Цундела таханлерчу вайн куьйгалхочо Кадыров Рамзана герггарчу тидамехь латтадо къам ваьштатаьйна хиларан а, цхьабарт болуш хиларан а чолхе, амма сийлахь деза гуллуку. Илсхана-юьртарчу Хьажас вайна динчу дикачу гуллакхашна юккьехь къаьсттина меттиг дладоцу цо вайна дитинчу мехалчу дахаран а, историн а зеделлачо. Оцу зеделлачо вайна гло до кхин ваьшкара глалаташ ца дийлийта а, мостаглийн хилланах, иблисан ямартло-нах лардала а. И кхетам, и хьекъал хлетяхь цатоар бахъана долуш даккхий зенаш, бохамаш хилира нохчийн халкъана. Царна юккьехь шен къизаллица а, бляьрзаллица а билгалболу Шелахь хилла «шаьлтанан тлом».

Пера да длаваьлла доьзал санна, байлахь бисира Хьажин мурдаш. 1863–1864-чу шерийн ла шийла деара царна. Церан дегнашна чу гура йиллира, бутуо ша биллира устаз лацаро. И шийла кхаь шайга дла ма кхеччинехь, Нохчийчоьнан еа а маьлхехь резабацар, оьглазло, дералла кхехка йолаелира. Амма Кунта-хьажас (Дала къайле цланйойла цуьнан!) лацале хьалха а, лаьцначул тлаьхьа а далхош дерг цхьаь дара: ша бахъана долуш цхьана а тайпана бекхам баран хлумнаш ма леладе, шаьш зенах-зуламах ларде.

Хлетте а шайн устаз лацаро зикархошна юккьехь луьра хьал кхулли. Массо а ярташкара схьа а оьхуш, цхьаьнабеттало уьш, вовшех дагабуьйлу, Хьажа парглатваккхаран некъаш лобху. Кунта-хьажа (Дала къайле цланйойла цуьнан!) лаьцначул тлаьхьа боламна коьрте хлуьтту ши шайх – Салам, Млачиг, глараваьлла обарг Вара. Уьш майра а, доьналла долуш а нах бу. Илсхана-юьртарчу Хьажин бартахой белахь а, паччахьан ледалца йолу юкъаметтиг герзаца бен къасталур яц бохучу ойланна тле а тийжа уьш. Цундела цара дуьхьало яре кхойкху шайна тлаьхьахлиттинчаьрга, шаьш глаттамна кечам а бо Нохчийчоьхь. Устаз лацар массарна а новкъадеанера. Саламна а, Млаьчигна а, Варина а моьттура и парглатваккхархьама шадолу халкъ глоттур

дук. Амма царна хетарг хила доьгӀна дацара. ХӀинц-хӀинца чекхбаьллачу Кавказан тӀамо нах гӀелбинера, царех дукках болчеран тешам байнера шайн гӀуллакх хирг хиларх, цхьа аьтто хирг хиларх. Цу тӀе халкъан барт бацара, ойланаш а яьржина яра.

Шайх Салам кестта лецира ледало. МӀаьчиг-молла, кара ца ваха, кӀайлаваьлла лелара. Коьртехь стаг воцуш бисира зикархой.

Ишттачохь хуьлуш ма-хиллара, нахана юккӀехь тайп-тайпана хабарш даьржинера. Хетарехь, моттарехь чӀагӀдора Кунта-хьажа (Дала кӀайле цӀанийойла цуьнан!) Шелахь чувобллина ву, и кӀелхьараваккха гуллуш цуьнан мурдаш а бу, бохуш. БокӀалла а шина кӀоштара – Кхачкхалык, Эвтара – устан жигархой гулбелира Гермачигахь – вериге а 3000 гергга стаг. Уьш бухабовла дагахь а бацара шайн лалашо кхочуш ца еш. Ала деза, зикархойн хьал, устас лаьцначул тӀаьхьа, гуттар галдаьллера, телхинера. ЦхьамогӀа меттигашкахь паччахьан ледална бохкабелла болчу юьртдайша а, молланаша а зикархой емалбеш, сийсазбеш, шайн ма-хуьллу охьателаш хӀумнаш леладора, питанаш туьйсура, кхиберш царна дуьхьал бохура. Молха санна эkkха кийча яра Нохчийчоь.

14 январехь дукха адам схьататтало Шелана уллорчу Гермачига. 18-чу январехь Бас-хийистехь ламаз а оьций, тоьпаш охьа а кхуьйсий, зикарш а деш, шайна гуо лаьцначу паччахьан эскаршна тӀе буьйлало уьш. ХӀетале Нохчийн округан хьаькама инарлас Тумановс дукха эскар гулдо цигахь. Цхьа де хьалха, 17-чу январехь, цо зикархошца цхьа барт лахийта Хьалха-Мартанан наиб Османов Содалла тӀевохуьйту царна. Хьалха хӀоттош долудекхар: зикарш сацор, чубохка безаш болу нах («зуламхой») схьабалар. Амма Хьажин мурдаш реза ца хуьлу и кхочушдан. Бакъду, цара дош ло тӀом ца бан. Цуьнца цхьаьна дехар до шаьш кӀастийна болу нах уггар «лакхарчу хьаькамашна» тӀекхачийтар. Уьш дагахь бара лецна болу Кунта-хьажа а (Дала кӀайле цӀанийойла цуьнан!), цуьнца цхьаьна болу накӀостий а схьахецахьара шайн доьзалшна тӀе, аьлла, дехар дан. Инарла Туманов кхин ойла йолуш вара. Дийцарш даран меттана цо кхин а масех батальон тӀеозайо БердакӀела. Мотт бохьуш баьхкинчара цуьнга хаам бо Хьажин мурдаш шаьш бохучунна тӀера бовла дагахь цахиларан хьокӀехь. Аьллачунна тоьшалла до, цара схьа а хецна, Тумановна тӀе веанчу Содаллас. Инарлас кхин цкъа а хабар дохьуьйту зикархошна тӀе: юхадовла, шайга бохург, дӀаса ца таьлаш, кхочушде... Ций ца ленаш гӀуллакх хила доллуш дацара. И лана а ленира... «Шаьлтанан тӀом» дӀаболабаларх а, цуьнан тӀаьхьенех а лаьцна **иштта хаам бира Кавказски эскаран Коьртакомандующис Россин тӀеман министре Д. А. Милютине:**

«Чтобы не подвергаться невыгодам боя при движении колонны, генерал-майор князь Туманов оставил войска на месте их бивуачного расположения, в виде каре, перестроив только батальон в ротные колонны. Едва он успел это сделать и объехать войска, как густая толпа зикристов выступила из Шали и направилась на передний и правый фасы отряда: отдельная партия пошла на левый фас, кавалерия, выскочившая из аула,

одновременно с движением пехоты заскакала нам в тыл. Произошло дело, едва ли виданное в Чечне. Три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, кинжалами и шашками шла как иступленные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их неподвижно, держа ружья на руку. Зикристы подошли к войскам на расстоянии не более 30-ти сажень: партия их, шедшая на наш левый фас, дала залп и все они бросились бежать в совершенном расстройстве во все стороны, спеша скрываться в аул и ближайшем лесу: перед фронтом наших, рядом и среди осталось 150 чел. Взвод казачьей артиллерии, выскакав вперед, провожал бегущих картечью. Общая потеря мятежников еще не приведена в известность. В число заколотых штыками осталось 5 женских трупов. У нас убито 8 нижних чинов и ранено три обер-офицера и 30 рядовых, большею частью шашками и кинжалами. В числе раненных оказался Навагинского полка поручик Ларин (навылет в грудь из пистолета), и Куринского пехотного Его Императорского Высочества Великого князя Павла Александровича полка штабс-капитан Шосте (тяжело в голову) и прапорщик Двигубский. Лошадей строевых и подъемных не потеряно ни одной».

Паччахьан цийнах волчу Романов Михаила боху:

«Если бы дело подавления этой партии не было связано с вопросом о целом населении Чечни, и мы были вполне убеждены, что чеченцы совершенно равнодушно будут смотреть на участь последователей Кунты, то, конечно, нападение последних на отряд могло бы сопровождаться более блестящими результатами, особенно если бы аул Шали взят штурмом».

Илманчас Акаев Вахита билгалдоккху:

«Для власти было чрезвычайно важно, чтобы зикристы не получили общенародной поддержки. Здесь свое умение проводить политику «разделяй и властвуй» мастерски продемонстрировало военное командование, которое лишало зикристов поддержки и общего сочувствия населения и после их поражения.

Расправой над зикристами царский режим вверг Чечню в траур, редкой семьи зикристов не коснулась эта трагедия. После шалинской бойни начались массовые репрессии, аресты и ссылки кунтахаджинцев.

Существует версия, что восстание зикристов спровоцировали шейх Мячик-мулла и абрек Вара – очень деятельный и энергичный член зикристского братства. Первый якобы убеждал зикристов в том, что оружие русских солдат не выстрелит, ибо устаз Кунта-Хаджи наполнит их водой.

Число погибших зикристов в шалинской бойне по разным источникам различается. Так, в докладной записке наместника Кавказа называется цифра убитых зикристов более 150, а у Г. А. Вертепова – 100 человек, а по Х. Ошаеву – более 400, в том числе пять женщин, которые были одеты в мужскую одежду, а в «Очерках истории Чечено-Ингушетии» убитых насчитывается 164 человек, в том числе 6 женщин. Как видно, сведения о количестве убитых в восстании зикристов разноречивы».

...Оцу лаьнан шийлачу дийнахь глзотехь беллачарна юккъехь вара Белглатойн эвлара Догла а, цуьнан тлехьийза йол Кхокха а.

Пебартойн дин ма бацара Доглин, шен нийсархошна хьалха куралла ян.

Чермоев Орцин бахам ма бацара Доглин, шен юьртахошна хьалха до-
злла дан.

Глохойн Хьамзатан, цо Теркал дехьа а вуьйлуш, говрийн реманаш лобх-
куш яккхийтина цле ма яцара Доглин халкъалахь яккха.

Дечиг-пондар бара-кх Доглин локхуш. Дуьненах сакъералуш вара-кх
Догла.

Доглас караэцча, пондаран акхачу дечигна чу садоглура-кх:

Ялай-лахь вала-лай, хлай нохчийн ва клентий,

Шу гича шад хлутту, шун догмех къахетий.

Оьгу шу мангало длаьхьокху буц санна,

Дуьнен чу девлла шу клеззигчу ва ханна.

Далале даа вай малх кхетта клэйн дуьне,

Со шуьга кхойкхуш ву дахаран кху шуьне.

Пондаран мерзех плелг а туьйсуш, аз тодеш, илли олуш волчу Доглина
хьалха соцу юьртарчу кегийчу нехан тоба. Царех цхьаь вистхуьлу:

– Делахьа, Догла, ма дуьненах сакъерало зама яцара хлара. Хьайн ка-
рара пондар охьа а биллий, тхуна тлаьхьахлоттахьа. Илсхана-юьрта доьлхуш
ду тхо цигарчу шайхан хьехамашка ладогла.

Хлара йохье воккхуш, вукхо тлетуху:

– Кьонах вац хьо?

Юьхь тлера бос ца хийцалуш, жоп ло Доглас:

– Цхьа де доглур ду, кьонах мила ву хууш...

... И де шаре дахло. Шина шаре. Тлаьхьар а тлехьочу 1864-чу шеран ян-
варь беттан 18-гла де. Дукха луьйранна глоттий, уггар тоьлла духар тледухий,
маж-мекх лоргий, кечло жима стаг. Дечиг-пондар караоьцу. Лерина хьожу
цуьнга. Зевнечу мерзех плелг таса лаам хуьлу цуьнан. Амма сиха ойла хий-
цало. Юьстах охьабуйьлу цо иза. Ша-шега лен волало:

– Кхин сан лерг хьоьстур дац ахь.

Кхин сан ойла тлома йохур яц ахь.

Кхин сан дог тедийр дац ахь.

Массо а хлуманан шен зама ю; ши шо хьалха ас доглур ду баьхна де та-
хана деа.

Доглин накъост самукъадаьлла ву. Цкъа а хьалха ца хиллачу кепара
кечвелла, юьхь тлера бос богуш хлара шена гича, цо иза кхечу аглора туьду.
Ши накъост дийцина вара, Доглин тлехьийза йол Кхокха хийисте а кхайкхи-
на, тахана цуьнга хан йиллийта.

Хлорш длакхьачча, Кхокха луларчу цхьана йолаца клудалца хи оьцуш
йоллура. Къайлах блаьрг туьйхира цо некъах хьала. Догла шен доттагчуьнца
герга кхачна воглуш вара. Буйнахь лаьцна хьоза санна, тохаделира йоьлан

дог. Тохаделира, цунна тѣаххѣ... шел а делира. Тѣх а ваѣлла, Шела аглорхѣ болар сихдина воѣдура иза. Цуѣнан накѣост, хуѣлуш долчух ца кхеташ, ладийча санна лаѣтташ вара.

Юѣйхира Кхокха, хлѣкху лаѣнан ерриге а шело цуѣнан кийра юѣйлира. Яхѣ дѣа ца яла, тѣахѣакхайкхира йѣ!

– Ванах ва, Доѣла, ас тахана хѣйна хан юѣллур ю, аѣлла, дош делча, сох кѣахѣкина Шелан базара воѣду хир ма вац хѣѣ, нахана юккѣхѣ кѣайлава-ла, со тѣе ца кхийта хѣйна...

Сецира Доѣла. Вухавирзира. Аз тадеш, вистхилира:

– Хѣан-хѣа, сан деган мерза хѣаша, Кхокха... И дац бахѣана. Хѣара луѣйре ларѣеш, буѣйса яхѣелла, ойланашка велира со сийсара. Дуѣхѣал хлѣттийра хѣѣ сайн дола а яѣлла, нускалан сонехѣ лаѣтташ сурт. Воккхавийна а ца волура со... Цѣххѣана бодашкахѣ аѣзнаш хезира суна.

Цхѣаммо хаѣттира:

– Хѣаѣнга яхна хѣара, цхѣаннах а ешаш а хила йѣцу?

– Эцца дечиг-пондар лоѣкхуш лелаш волчу Доѣлига яхна-кх. Цѣ летира сан кийрахѣ. Ойла йира ас: йигахѣ, кѣонах а хила бен, юѣгур ма яц ас хѣѣ, аѣлла. Шела арахѣ тахана со гѣазотехѣ вуѣур ма ву хѣуна, я Илсхана-юѣртарчу устаз-на орцахбевллачарна юккѣхѣ доѣналла гайтина хѣуна хѣакѣволу цѣийнда хир ма ву хѣуна со...

Хазахийтира Кхокхина. Эхѣ хийтира Кхокхина. Ша-шега элира цѣ: «Ас йуѣ-ллур ю баѣхна хан тховса Бас-хийистехѣ юѣллу-кх ас хѣуна...»

... Уѣш летара дуѣхѣ-дуѣхѣал а бирзина. Шаршу санна кѣайн Шелан аре цѣарула цѣийеллера. Деѣлана лекха вара Доѣла. Там тѣхѣ кадолуш вара Доѣла. Цунан серий санна хѣѣкхура цѣ мостаѣгий шен буйнарчу шаѣлтанца. Амма уѣш дукха бара. Салташа гуѣ бира цунна. Стиглахѣ кхетта стелахаѣштиг хеталора цуѣнан карахѣ Атаѣларчу пхѣеро говза йина болатан шаѣлта. Цхѣаѣний ворхѣ цхѣамза бахара Доѣлин турпалчу деѣлах. Оцу цхѣамзанашна тѣхѣ хѣала-айвира цара иза. Лакхара охѣалестойора Доѣлас шен шаѣлта. Кхерабалар, инзар-бовлар, цакхетар дешалора мостаѣгийн бѣаѣргаш чохѣ...

...Оцу дийнахѣ декѣалхиллачаран моѣларшкахѣ пхиѣ зуда яра. Царех цхѣаѣ – Доѣлин тѣхѣийза йѣ! Кхокха. Сийлахѣ велларг – даима веѣа. Цу шиннах аѣлла ду и...

(Доѣлех лаѣцна дерг дѣаяздина Чечанар-чу Абазов Рустама дийцарехѣ).

Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик

Азаллехъ Делаца, Элчанца бухур
боцуш мах бина,
Дуьненан мискалла хъайна тлеэцна,
Эхартана долу даар Дала хъайга делла,
Иштанехъа Делаца, Элчанца
мах бина веънарг
Хьо вуйла хиъча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.

Веза хилла волчу вайн
Дала ша къематде далочу дийнахъ,
Члоглачу мохца и лекха ламанаш
Вовшах деттачу дийнахъ,
Дерриге дуьне шарделла
длахлоьттинчу дийнахъ,

Адамийн берий голош
Лаьтто шена тле йоьхучу дийнахъ,
Уьш длахьулъян Дала хъайна ницкъ
белла веънарг
Хьо вуйла хиъча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.

Веза хилла волчу вайн Дала
Хлара дуьне кхоллале диъ эзар шо хъалха,
Дала Элчанан са хъалха доккхуш,
Бле эзар, ткъа эзар, виъ эзар
овлаяшна юкъара

Устаз вина хаьржинарг хьо вуйла хиъча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.
Жинашца, шайтланашца дагаюьйлучу
тобано

Хъан дакъа шайга кхаьчна ву бохуш,
Азаллехъ Делаца, Элчанца
Бина мах меттара хиларна,
Малхбалехъа, малхбузехъа хъан тлерекъатан
Марзонаш лелаш яйча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.

Эзар меттехъ эзар мурид вала воьжча,
Массо а муридан корта хъайн кара биллина,

Церан массеран а са оьцуш, иманца
уьш нисбан

Дала хьайна ницкъ белла веънарғ
Хьо вуйла хиъча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.

Малхбалехъа вуьйлуш,
малхбузехъа вуьйлуш,

Дин доьчу кийрахъ дин детташ,
Делан цлена дин карладохуш,
Ййна лаьтта динан цлераш летаеш,
Малхбалехъа, малхбузехъа

динан марзонца
Хлара Адаман бераш чехкачу зуькаре
ловзадайтар

Хъан тлерекъатан дуйла хиъча,
Оха устаз лецира хьо, ва Кишин Мубарик.

Дуьненан марзонех шайн кийранаш
хъалабуьзна,

Эхартан бакъонех шайн кийранаш хьулбина,
Эхартан бакъонех шаьш беса бисина,
Хлокху дуьненца-шайтланца тоелла

йодьдучу тобанна
Мел клеизиг вевзара хьо, ва Кишин Мубарик.

Дела везар дицделла,
Далла тле боьдучу некъаца дог-ойла йоцуш,
Хлокху дуьненца-шайтланца

тоеллачу тобанна
Мел клеизиг вевзара хьо, ва Кишин Мубарик.

Веза хилла волчу Дала шен
къайле хьоьга елла,

Шен вели вина,
Шен Элчанан верас вина,
Мискачу нехан устаз хьо вуйла ца хууш,
И Делий, Делан Элчий везар члагдалаза,
Илманца нийса ламал йоьчу леламнахана
Мел клеизиг вевзара хьо, ва Кишин Мубарик.

Везачу вайн Делан вели,
Сий долчу Элчанан визиран меттара устаз,
Кишин Мубарик, хьо вуйла хууш,
И Дела, Делан Элча везар шен
кийрахъ члагделла,

Илманца нийса ламал нисъеллачу
Иламнахана
Мел дукха вийзира хьо, ва Кишин Мубарик.

Делан Элчано ша хеставар
Шен хьокъехь дукха схьадуьйлуш,
Кийрара Дела везаран марзо араьялча
Адаман берийн кийранаш хьалабузур
бара аьлла,

Делан Элчано ша хаставина
Увайсал-Къарний
Юьртан охланна ца вевзича,

Хюкху дуьнненца-шайтланца тоелла
йоьдучу тобанна
Хьо ца вовзар тамаша ца хилла,
ва Кишин Мубарик.

Азаллехь Дала синош кхоьल्लीна
Діахюьттинчу дийнахь,
Шаш декъала хилла,
Хьан яьинех хьаьрчина, тасаелла,
Хьо къобалвинчу тобанна
Мел дукха вийзира хьо, ва Кишин Мубарик.

1989 г.

Хьан къайле тайойла

М. Абуев

Хьо кхийира хьайн Дала,
Мухьаммад санна,
Хьайн бляьргаш белхийра ахь,
Ва муридаш белхабеш,
Баланаш лайра ахь, Аюба санна,
Хьан къайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.

Муридан са долуш хьо коьртехь веца,
Муридан лаьхьти чохь хьо накъост веца,
Муридах жоп дала орцах хьо волу,
Хьан къайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.
Да ву хьо тхан догӀмийн халачу дийнахь,
Лор ву хьо тхан догӀмийн доьхначу
дийнахь,

Да ву хьо тхан синош доьхначу дийнахь,
Хьан кьайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.
Вайн Далла хьо вийзира, хьуна ша везча,
Элчанна хьо вийзира, шен суннат дезча,
Хьайн хьаналчу дахарца
Хьайх муридаш тешийра ахь,
Хьан кьайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.

Илсхан ва юртахь жамаат латтадеш,
Муридийн тобанаш зукарца ловзош,
Терекъатан марзо церан дегнех етташ,
Хьан кьайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.

Пайракха-коьрта тлехь халкъ Деле доьхуш,
Маликийн тобанца члагаре хлуьттуш,
Сий долчу Элчанах хьо дагавуьйлуш,
Хьан кьайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.

Пийлачу ойланца Эртина вуьйлуш,
Эртина коьрта тлехь вайн Дела хьехош,
Малхбале, малхбузе терекъат кхайкхош,
Хьан кьайле тойойла, ва Хьаьжи, Дала.

1991 г.

3. Минкаилов

Кьайленга ваьлла хьо, ва Кишин Мубарик

Ва хьоьга кхайкхича баланаш байло,
Хьо вуьйцу ладобгича бляьргех хи долу,
Дуьненан балина хьо реза хилла,
Махкаха ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Нур хилла кьадыри дуьненчу ва даьлча,
Терекъат дуьйхина хьо араваьлча,
Динан мостагийин аьрзнаш
Совдевлла, махкаха ваьлла,
Кьайленга вели хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Сихачу дийнаца хьо ара ва ваьлла,
Хьох вели ва вина,

Дала хьох вели вира,
Хлара дуьне, эхарт а хьан кара делла,
Къайленга ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Хазачу мукъамашца вайн
Деле кхайкхина,
Сий долчу Элчане хьайна гло дехна,
Элчано глоаьцна
Гло хилла веара хьо,
Къайленга ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Ва кхечу муридаша
Хьо тхайна вийцича,
Кегийчу бераша сатуьйсу хьоьга,
Ва Деле мохь тоьхна,
Ладогла хевши,
Къайленга ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Стигланаш йоьлхийла,
Ва Хьаьжи, хьо воьхуш,
Латтанаш доьлхийла,
Ва Хьаьжи, хьо воьхуш,
Кху Делан маьхьшарехь
Хьо вийцар дитина,
Къайленга ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик.

Сулайма-пайхамар санна халкъана вевзина,
Юсуп-пайхамар санна халкъана везна,
Иийса-пайхамар санна махкаха ваьлла,
Къайленга ваьлла хьо,
Ва Кишин Мубарик,
Ла илахIа илла-ЛлахI,
Мухьаммади расулуллахIи,
Ла илахIа илла-ЛлахI,
Мухьаммади расулуллахIи,
Ла илахIа илла-ЛлахI,
Мухьаммади расулуллахIи.

1987 г.

Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала

Эртина ва коьртехь Хеда дIайоьллина,
Цу Iаьрбойн ва махкахь Эсет дIайоьллина,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хили-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш,
Хьо везначарна барт тоха да воцуш,
Ма кьайлабехи-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш.

Илсхана ва юьртаьхь Киши дIавоьллина,
Цу туркойн ва махкахь Мовсар дIавоьллина,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хили-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш,
Хьо везначунна бIаьрг тоха да воцуш,
Ма кьайлабехи-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш.

Эвтара ва юьртаьхь Мата дIайоьллина,
Цу гунойн ва юьртаьхь Хьапта дIайоьллина,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хили-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш,
Хьо везначунна бIаьрг тоха да воцуш,
Ма дIасакхийси-кха, Хьаьжи,
хьан доьзалш.

Илсхана ва юьртаьхь Муцу дIавоьллина,
Цу туркойн ва махкахь Висха дIавоьллина,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хилла-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш,
Хьо везначунна бIаьрг тоха да воцуш,
Ма кьайлабехи-кха, Хьаьжи, хьан доьзалш.

Делаца барт хилла хьо махках ваьлла,
Дуьненан и бала хьайна тIеэцна,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хан ю-кха хьо махках ваьлла,
Ма доккха кхоьлли-кха хIара дуьне Дала,
Ма дукха хан ю-кха хьо махках ваьлла.

1988 г.

Эртана зерате деана

Дала къайле тояро Нана-Хедига элира бах:

– Ва Нана-Хеда,

Хъайна тле бедар юхий кечам белах,

Лекхачу Эртана глор вайша аьлла,

Хьо яллалц вайн кертахь

Дезарш деш хьийзар ву хьуна.

Во-о, зерат дихкина,

Шена тле бедар юьйхина:

– Хьалхавала хъайна хлинца,

Ва Хъаьжи, – аьлла,–

Ша ма кечъелла ели хьуна,– аьлла,

Хъаьжи хьалха волуш,

Нана-Хеда шена тлаьхьа хлоьттина,

Кху Эртана боглучу новкъа делира бах,

Ва Хъаьжий, Хедий.

Во-о, деана кхечира бах,

Кху лекхачу Эртана.

Кху гу тле ваьлла,

Ша дласахьежа ма велира:

Малхбале воьрзуш, вайн Деле воьлхуш,

Къилбехьа воьрзуш, вайн Деле воьлхуш,

Къематдийне воьрзуш,

Шен боьлхуш болу гийла ши блаьрг

Нана-Хедеха ша лечкъабеш,

Дласахьежа ма велира Дала къайле тояриг.

– Дела реза хуьлда хьуна,

Шен дика ва Хъаьжи,

Хлун бала хилла те Хъаьжина гулбелларг,

Хлун ойла хилла те ахь дагчоь

къуьйлуш ерг,

Таханлерчу кху дийнахь зерате доглу аьлла,

Кху Эртана деанерий вайши-ма,

Малхбале воьрзуш, малхбузе воьрзуш,

Къилбехьа воьрзуш, къилбаседехьа

воьрзуш,

Хъайн гийла боьлхуш болу ши блаьрг

Шеха лечкѣабеш,
Кѣайлаваѣлла воѣлхуш ву хѣо,
Шен кхунах зерат ца хили хѣуна,
Хѣайчух хѣун хили-м хаац шена?

– Во-о, Дела реза хуѣлда хѣуна,
ва Нана-Хеда,
Делан кхиѣлана реза хилла,
Дала бохуриг хѣоѣга далхо веанерий ша-ма,
И хѣоѣга дѣадийца са ца хѣѣцуш,
И хѣоѣга дѣа ца дийцалуш воѣлхурий ша-ма

– Дела реза хуѣлда хѣуна,
Шен гѣийла ва Хѣаѣжи,
Таханлера хѣара де ма Делера
дуй хаѣа шена,
Вайн Дала хѣайга бохуриг
схѣадийцахѣа шега,
Ша ладугѣлуш ю хѣуна,
Шен гѣийла ва Хѣаѣжи.

– Дела реза хуѣлда хѣуна, ва Нана-Хеда,
Везачу вайн Дала ма боху шега,
Кху лекхачу Эртанахѣ хѣо дѣайѣѣллина,
Хѣо махках вала веза,
Везачу вайн Дала ма боху шега,
Лекхачу Эртанахѣ хѣо дѣаерзаяй,
Хѣо Дегѣастанах кѣааста веза.

– Во-о, шен дика ва Хѣаѣжи,
Стиглахула лелачу олхазарша бен,
Лаѣттахула лелачу акхароша бен
Латта ца хѣѣшучу
Кху лекхачу Эртанахѣ ша дѣайѣѣллина

Мича ваха воллу те хѣо?
Оцу Илсхан-Юѣртахѣ
Хѣайн Дадина Кишина гергахѣ
Дѣахѣулѣехѣа ша-ма,
Дала хѣайна цигахѣ дѣахѣулѣян
пурба да лахѣ,
Оцу Илсхан-Юѣртахѣ
Шен кѣантана Муцина герга
дѣахѣулѣехѣа ша-ма,

Дала хъайна цигахь длахьулъян
пурба ца лахь,
Оцу веданхойн кешнашка йоллий,
Адам долчу длахьулъехъа ша-ма,
Шен дика ва Хъаьжи.

– Дела реза хуьлда хъуна, ва Нана-Хеди,
Оцу Илсхана-Юьртахь
Вайн Дадина Кишина уллохь
Хьо длахьулъян
Дала пурба ца ло хъуна шена,
Оцу Илсхана-Юьртахь
Хъан кIантана Муцина гергахь
Хьо длахьулъян
Вайн Дала пурба ца ло хъуна шена,
Оцу веданхойн кешнашка хьо дIайолла
Дала пурба ца ло хъуна шена,
Кху лекхачу Эртанахь хьо дIайолла
боху шега.

Ша Делаца чIагIо йо хъуна,
Ва Нана-Хеда,
Маликийн, овлаийн орца
Кхузара хедар ма дац хъуна;
Хъаьжи кьобалвина,
Вай дуйцу хазарехь устаз лаьцна
Вайн баккхий, кегий муридийн,
Вайн кегийрачу берийн орца
Кхузара хедар ма дац хъуна;
Вайша бухахь долуш бен
Воьлург тIевогIур ма вац хъуна;
Вайша бухахь дитина бен
Воьдург юхавоьрзур ма вац хъуна;
И нехан дIабоьхкинчийн тезет
Мел дукха дахделча а,
КIиране бен ца долу хъуна;
Хъан тезет ца хедаш,
Авалера Эхаре гIур ду хъуна,
Хьо реза хилахъа, ва Нана-Хеда.

– Дела реза хуьлда хъуна,
Шен гIийла ва Хъаьжи,
Ша-ма реза ю хъуна вайн Дала бохучунна,
Маржа-яI, дуьне, хьо,

Хьо дуьхьала вирзина,
Хьан блаьрхиш ца дай-кха шена,
Хьо велавелла,
Хьан багара цергаш ца яй-кха шена,
Хлара дуьне иштта гийла диъна,
Хьо махках вала воллу-техьа,
Шен дика ва Хьаьжи.

– Дела реза хуьлда хьуна,
Ва Нана-Хеда,
Оцу кхана доглу долчу кьематдийнахь
Оцу Делан сийлахьчу Элчанан

гийла уммат

Оцу жоьжахатин лазапах хьалхадаьккхина,
И Делан Элча, «Алхьамдулиллах!», –

аьлла,

Парглатваьлча,
Цу дийнахь ша дуьхьалвирзина,
Шен блаьргаш гур ду хьуна,
Оцу дийнахь ша велавелла,
Шен багара цергаш гур ю хьуна,
ва Нана-Хеда.

– Алхьамдулиллах!,
Алхьамдулиллах!, Алхьамдулиллах!,
Хьо шен клант хиларна,
Ша хьан нана хиларна
Далла хастам бо ша,
Хьо ваийтарна,
Хьо дуьненчу Дала ваккхарна
Далла хастам бо ша, –
Нана-Хедас вайн Далла хастам беш,
Ва Хьаьжий, Хедий
Шаьш цлехьа дирзира боху

1998 г.

Кунта-Хъажин Іаса

«Исламан, деза маына долу къайленаш» книги тІехъ Иорданов Марата билгалдоккху: «Методы мистического познания и руководство формированием суфиев-муридов передаются ... от учителя к наиболее достойному ученику, достигшему необходимого уровня совершенствования. Символами передачи могут быть различные предметы, связанные с персоной наставника: халат, рубище, посох, головной убор, четки и т. д. При этом один и тот же суфий, достигший уровня учителя и имеющий духовное звание устаз (наставник, профессор, мастер), может получить от своих предшественников ижазу (благословение) по нескольким тарикатам».

Цунна тІедоыгІна, кхузахъ дало луур дара хІара бакъдерг. Къадырий тарикъатан шайх волчу Кишиев Кунта-хъажас (Дала къайле цІаніойла цуьнан) совгІатна шен Іаса йоуытIу накъашбандин тарикъатан да волчу Іусман-хъажина¹ (Лаха-Невре). Карарчу хенахъ и Іаса Іалашъеш ю Бацаев Вахин доръза-лехъ.

2010 г.

Хъаьжех хаамаш

Нохчийчохъ къадырийн тарикъат даржийнарг Ілсхан-Юьртара Кунта-Хъаьжа ву (Дала къайле цІаніойла цуьнан). Халкъалахъ лерамца Ілсхан-Юьртара Хъаьжа, Кишин воІ, Мубарик Хъаьжа, Хедин воІ, Мовсаран Ваша, Муцин Ваша, Висхин Ваша, Матин Ваша, Хъаптин Ваша, Эсетан Дада, Субаран Дада, Махьмин Дада, Мовлин Дада, Эртинара Хъаьжа, Іаламан Устаз, и. дІ. кх. а. цІерш йоху цуьнан. Хъаьжин дай: Товхьид, Ама, Шовхал, Киши. Шовхал Нохчийчу Гоьрдала веана. Хъаьжа дуьненчу ваьлла Ілсхан-Юьртахъ.

1840 шерашкахъ имам Шемалан шарІан кхиэлан наиб хІутту гунойн Геха (Пирма-Хъаьжин клентан Гумалтан клант. Да хъалхе кхелхина, бую кхиъна хилла иза). Цу хенахъ Гехин 20 шо хан хилла, бусалба Іилма Іамийна Іелам а хилла. Оццу шерашкахъ имам Шемалан наиб хуьлу Эвтар-хойн Ахьмад а. Хъаьжа а, Геха а, Ахьмад а нийсархой болу сурт хІуьтту. Паччахьан Іедалан векало Хъаьжа тІекхайкхинчу хенахъ Гехас цуьнан агІо лоцу. Хъаьжас аьлла, бохуш, дуьйцура юьртарчу баккхийчу наха: Геха, тахана суна а, паччахьана а юкъара хилз хьо, кхана хьуна а, Далла а юкъара хила дош ло ша. Геха кхелхича, делкъан хан а хилла, тезетахъ хабарш девлла: Хъаьжас иштта а

¹ Іусман-хъажа Хантиев – шайх, Іелам стаг, Кана-шайхан вовккхах волю ваша. ХантиевІеран тІаьхьенахъ бу АхметхановІар Султан а, Рамзан а, кхиберш а.

ма аьллера, иза кхузахь а ма вац... Хьаьжас Геха лаьхьти чу виллина – шен дош кхочушдеш (Геха кхелхина 1862 шарахь, длавоьллина Гуьнарчу кешнаш-кахь. Иза дийцина Гехин тлаьхьенах волчу Шемилев Илмана /1925 ш./).

Илсхан-Юьртара Хьаьжа паччахьан Iедало лаьчна, махках ваьккхина 1864 шеран 3 январь. Цул тлаьхьа, 1864–1866 шераш-кахь махках бевлла Хьаьжин доьзалш а.

Гуной хьалха Пеза-Хьаьжица тоба дина хилла (цунах Зандакьара Хьаьжа, База-шаих, Шайтланан букъ каггийнарг, Шайтла кьардинарг олу халкъалахь. Кхелхина Маккахь), Сесанара Хьаьжа а, Зандакьара Хьаьжа а Илсхан-Юьртарчу Хьаьжица цхьаьна Гуьнахь а хилла. Гуношна Илсхан-Юьртарчу Хьаьжица тоба дан бакъо луш, молла кхойкхучу чардакха тIера кьамел дина Зандакьарчу Хьаьжас, бохуш, дуьйцу баккхийчара (и чардакх лаьт-тина бешан маълиг гайтира Хизриев Ахьмада /1936 ш./). Кишин хIусамнана Хеда хилла (тайпана чарто). Цу шиннан доьзал: кIентий – Кунта, Мовсар, Муцу, Висха, Мовсуд (иза жима волуш кхелхина), йобIарий – Мата (иза доь-залехь йоккханиг хилла), Хьапта.

Киши Илсхан-Юьртахь кхелхина, цигахь зиярат а ду.

Хеда Гуьнахь кхелхина, Хьаьжа лацале ворхI шо хьалха, Эртанахь дIайоьллина, цигахь зиярат а ду.

Муцу, Мовсуд Илсхан-Юьртахь кхелхина. Мата Эвтарахь кхелхина, ци-гахь дIайоьллина, зиярат а ду. Хьапта Гуьнахь кхелхина, цигахь дIайоьллина, зиярат а ду. Мовсар туркхе махкахь, Висха туркхе махкахь кхелхина.

Хьаьжин шиь зуда хилла – Седа, Жансари. Седин (тайпана – гIумхо) доьзал: Махьма, Мовла, Хизир, Эсет, Субар.

Жансари Таймин Бийболатан йиша хилла, цуьнан доьзал ца хилла. ДIайоьллина ю Куьрчалахь, цигахь зиярат а ду.

Дайшкара дуьйна схьадоглуш долу гергарло

Сан кхоалгла да Ильяс а, цуьнан дешича Эскарха-Хьаьжа а Илсхан-Юьртарчу Хьажин (Кунта-Хьажин – Дала кьайле цланйойла цуьнан) уллора накъостий – мурдаш – хилла.

Хьажина уллохь Устюжин глалахь хан токхуш хилла Ильяс, ша санна болчу кхечу мурдашца цхьаьна. Оцу мурдех дийна виснарг веккьа цхьа Гихтлара Ковранакъа ву. Ссылкера иза цла кхачна, аьлла, сан дедеваша ладсалам вахана шен дех дерг хатта, цунах хилларг хаа Ковранакъа волчу.

Ковранакъас дийцира бохуш, тхан дас а, девашас Шахлада а дуьйцуш хезна сунна. Шайш набахтехь долуш, элира бахара Ковранакъас, Хьажа а, Мовсар а кьаьсттина йолчу цхьана камера чохь вара, ткьа важа болу мурдаш – кхечу камера чохь, юкьахь цхьа пен бен хлума а доцуш. И пен иккхина хилла, дуьйцург вовшашна хаза йиш йолуш. Шайца волу Ильяс могуш воцуш а хилла, глаларчу лазартне вигира, вигна бутт гергга хан яьлча, буьйсанна хан яьлла хан а йолуш, дехьара схьа вистхилира Кунта-хьажа. Цо хаам бира: «Вайн накъост Ильяс лазартнехь велла, ламазашна кечам бе, йуьйранна ваьшна пурба а дехна, иза длавуллур ву вай», – аьлла.

Де серладаьлча, не! тоьхна, надзиратель схьакхайкхина Хьажас. Иза схьавеьча, хаам бина: «Тхан накъост лазартнехь велла, аьлла, хаийтина тхуна, тхайн дино ма-бохху и длаволла пурба лахьара тхуна». Церан дехарна жоп ло надзиратело: «Шун накъост валарх тхуна хууш хлумма а дац. Шун дехаре хьовсур ду тхо. Нагахь санна иза веллехь, длаволла бакьо йохур ю».

Дукха хан ялале камеран неларш дла а йиллина, тхо арадехира. Ехачу коридора чохь тхол хьалха аравалийтина Хьажа а, Мовсар а вара. И шиь хьалха а волуш, велла волу лазартнера Ильяс схьа а эцна, вовшашкара шай-кай вовшаш а тоьхна, цигахь бехаш болчу глезалошкара (татараш) виран деглахь болу боккха ка а эцна, иза сагийна а боккхуш, Хьажас а, Мовсара а лахьти чу а вуьллуш, шун да Ильяс длавоьллира оха, аьлла, дийцира Ковранакъас тхан дедевешина ладсаламана.

Ас вуьйцуш волу ладсалам Хьажин доьзалхошца Махьмица а, Мовлица а жебеже а оьхуш, церан хенара стаг хилла. Цхьа зама кьайленна текхача герташ яхана цуьнан.

2010 г.

КРАСОТА ПРЕКРАСНОЙ ВЕРЫ

Принятие ислама ингушами

Быстрое распространение мусульманской веры в Чечне имеет свою основу. Первой причиной принятия чеченцами ислама было то, что обычаи, быт, сознание чеченцев не противоречили мусульманской вере. Религия ислам пропагандировала милосердие, уважение, поддержку друг другу. Мусульманская вера полностью отвечала социальным требованиям жизни и быта чеченцев.

Но было и другое направление: насильственно заставляли людей принять ислам, например с оружием в руках. Эту сторону поддерживал Гази-Магомет, Хамзат-Бек, особенно имам Шамиль. А для Кунта-Хаджи приемлемо было принятие ислама только мирным путем. С первых же дней ислам закреплял он на основе давно уже сложившихся устоев, обычаев, отношений чеченского общества. Главное внимание он уделял красоте, мягкости, милосердию, взаимному уважению людей в исламе. Вот именно по этой причине укреплялась мусульманская вера в Чечне. Не было случайным обращение и к ингушам Кунта-Хаджи. Во-первых, не было в его характере таких черт, как ущемление одних народов, вознося другие, не было, чтобы одну веру губил ради другой. Он был против такой политики, как деление одного народа, против вражды людей между собой. Именно справедливость в его характере и приняли многие народы Кавказа, в том числе черкесы и ингуши.

Чеченцы и ингуши имеют одни корни своего возникновения, но, несмотря на это, перепутье истории заставило их разойтись, как ветки дерева, в разные стороны. Но, несмотря на усердные старания наших недругов, на сплетни, розни, чеченцы и ингуши знают, что у них одни корни.

Как правильно определяют ученые-алимы, когда Кунта-Хаджи с многочисленной группой сподвижников отправился в Ингушетию, где их братья-мусульмане хорошо приняли, имело большое значение. Во-первых, религия ислам сама открывала себе дорогу – приличием, обходительностью, милосердием, целенаправленным содержанием и т.д. Во-вторых, открывая эти стороны ислама, разъясняя людям суть ислама, первопроходцем был Устаз из Илсхан-Юрта. Но то, что не смог сделать имам Шамиль в распространении ислама за короткий срок, сделал Кунта-Хаджи.

Рассуждая об этом, мы должны быть осторожны на счет мнения, что ингушский народ долго не принимал ислам, просто были некоторые причины, осложняющие ситуацию. Территориально Ингушетия находилась на границе других государств, в том числе и с Россией. Влияние России было огромное. С другой стороны политика Шамиля тоже не была направлена на тех, кто жаждал свободы и мирной жизни для своего народа. Но как только Устаз из Илсхан-Юрта стал впереди народа, ситуация несколько нормализовалась. К примеру, приведем цитату Ч. Ахриева, хотя не все

написано должным образом, но некоторые моменты открывают правду. Ингушский ученый пишет:

«В 1863 г. большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам из одного аула в другой или составляли отдельные кучки около порогов кунацких (сакли для гостей). Вместо обычной болтовни раздавались громкие напевы: «Ла иллах! илла-Ллах», сопровождавшие различными кривлениями, давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые перебирал с благочестивыми вдохами и набожными возгласами. Перебирание четок, как известно, считается между правоверными богоугодным занятием».

И. Попов добавляет к сказанному: «Распространяя в Терской области тарикатизм, он (Кунта-Хаджи.– Авт.) остановился на Батал-Хаджи, человеке разумном. Батал-Хаджи причастился к новому учению и стал мюридом Кунта-Хаджи».

А. П. Иппалитов заключает: «В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью».

Откуда возник зикр?

Зикр – это крик души о любви к Аллаху!

Пути Господни неисповедимы. Я знаю, что не смогу достичь тайн их глубокого и недостижимого смысла. Не такую цель ставлю я перед собой. Но я горжусь тем, что Аллах сотворил меня мусульманином, что эта прекрасная вера осветила мой разум. Жажда к изучению мусульманской религии движет мною. Как и мюриды других вирдов, я мюрид устаза из Илсхан-Юрта Хаджи, глубоко уважаю его и люблю. Зикр в тарикате кадыри я считаю самым прекрасным и дорогим сердцу жемчугом. «Считаю» здесь неуместно, точно есть, несмотря на то, что мне или кому-то это кажется. Откуда и от кого возник зикр? Я много думал об этом. Наша мать придерживалась другого вирда. Когда речь заходила о смерти и погребении, она каждый раз просила: «Сын мой, когда будешь меня хоронить, пусть совершат зикр, особенно зикр движения в кругу приносит моей душе спокойствие». Картина зикра своеобразно действует на человека. Зикр приближает нас к Аллаху. По разговорам знающих людей, зикр возник еще до появления человека. Ангелы, сомневающиеся на счет создания человека, намекнули об этом Аллаху. Но испугавшись, что Аллах обиделся на них, они встали в круг и, возвеличивая Аллаха, совершили зикр. Круг, сидеть в кругу с братьями-мусульманами, чтение мовлида, воззвание к Аллаху, вос-

хваление Аллаха, поминание Аллаха – все это имеет огромное значение. У круга нет начала, конца, в кругу все равны. В кругу чувствуется сила, единое мнение многих, одно желание, одно стремление. Вера становится единственной и первой в движении круга, где нет конца, начала и середины, как нет его в движении воды.

Когда Хаджи из Илсхан-Юрта находился в Мекке, много было встреч, советов с местными шейхами-старцами, учеными-богословами. От них он набрал очень многое. Среди всего этого в первую очередь о зикре.

Как мы знаем, Кунта-Хаджи совершил Хадж в 1848 (49) году. Если сказать другими словами, ему тогда было 18–19 лет. Туда и обратно их (вместе с отцом) дорога лежала через Турцию. Турки известны как придерживающиеся разных тайных вирдов, например дервиши. Но если изучить их, то можно найти много общего с нашими вирдами.

Когда он побывал во второй раз в Мекке, он писал домой письма, где указывал полезность в чтении зикра. Проведенные два-три года на Ближнем Востоке твердо закрепили его познания в изучении, чтении зикра.

Ссылаясь на вышесказанное, можно сделать вывод о том, что пребывание его в Мекке и что дорога туда лежала через Турцию, имело большое воздействие на Кунта-Хаджи. Именно он, Кунта-Хаджи, впервые привез зикр в Чечню, а привез он его или из Турции, или из Саудовской Аравии. Принятие чеченцами зикра связано именно с направленностью, значимостью, т.е. направленное на человеколюбие, уважение к людям, направленное на то, чтобы вместе совершить поклонение Аллаху. Зикр – это сердце дружбы мусульман. Это сердце открыто для всех мусульман и для всех людей на планете Земля. Кунта-Хаджи особое внимание уделял братству, уважению, любви друг к другу. Перед всеми своими последователями он ставил такие наставления:

1. Каждый мюрид должен иметь связь со своим Шейхом.
2. Сердце мюрида должно быть чистым от ненависти.
3. Мюрид не должен позволять распространение сплетен о других – это большой грех.
4. С другими мюрид должен быть в хороших, в уважительных отношениях.
5. Мюрид не должен позволять говорить неправду о других. Если в присутствии мюрида происходит подобное, то он должен это предотвратить.
6. Мюриды Кунта-Хаджи обязаны уважать, как своего, Устаза других мюридов, если даже он поссорился с его устазом. Устаза – это тот, кто посредничает между Аллахом и мюридом. Мюрид считается приближенным Аллаху, если тот соблюдает все требования зикра и если он последователь своего Устаза.

В одном письме из Сибири Кунта-Хаджи пишет: «Совершайте зикр!»
Зикр – это крик души о любви к Аллаху!

Хаджа совершил паломничество в Мекку

В тот день, как Хаджа собрался в Мекку,

Хаджа сказал:

– Разреши мне, Хеди, совершить хадж
в возвеличенную Аллахом святую Мекку.

Хеди ответила Хадже:

– Я-то разрешаю, но на кого оставляешь маленьких детей,
Нашу Родину-мать без присмотра оставляешь?

Ответила Хеди Хадже:

– Хеди, о Хеди, я же не оставляю своих маленьких детей без присмотра,
Я же не еду не возвращаться.

Чтобы присмотреть за Родиной,

Оставляю за себя Пези-Хаджи,

Быть призванным наставником Аллахом на земле.

По благословению Хеди

Собрался Хаджи в Мекку,

Когда добрался Хаджи до арабской горы,

Собрались все овлия и шейхи,

Ангелы с небес спустились на эту гору,

Из Мекки, Медины Посланник Аллаха (а.с.с.)

С асхабами пришли на эту гору.

Вокруг Хаджи образовали круг большой,

Тогда Мовсару, плачущему на Родине,

Хаджи показал круг большой вокруг себя,

– Альхамдулиллах-альхамдулиллах, – произносили они.

Тихо напевая мелодию зикра и плача,

Пришел к Хеди Мовсар.

– Ты плачешь, что Хаджи умрет в Мекке,

Или боишься, что он навсегда оставит Эртаны,

Гайрак-скалу, или, что он своей семьи лишится, испугавшись, плачешь? –

Спросила Хеди Мовсара.

Я не плачу, испугавшись, что он лишится Родины,

Гайрак-скалы или семьи,

Собрались все овлия и шейхи со всех концов на арабскую гору,

Ангелы с небес спустились на эту гору,

Вокруг Хаджи собрался круг большой,

Не в силах вынести все это, плачу я.

По возвращении от арабской горы:

«Мовсар, о Мовсар, почему ты опечалил Хеди?» – Спросил Хаджа.

– Хаджи, о Хаджи,

Я же не нарочно заплакал,

Со всех концов овлия и шейхи

На этой арабской горе,

Ангелы с небес спустились,

Из Мекки, Медины асхабы с Посланником Аллаха

Пришли на эту гору арабскую.

Не выдержав это, заплакал я.

– Хаджи, о Хаджи, от этой арабской горы,

Не посетив Посланника Аллаха, вернулся ты, почему?

Наши недруги скажут, что у тебя не было возможности встретить
Посланника Аллаха.

Разве ты не подумал об этом? – Спросил Мовсар Хаджу.

– Мовсар, о Мовсар,

Разве ты не видел, со всех концов овлия и шейхи вокруг меня собрались,

Ангелы с небес спустились, на этой горе вокруг нас с тобой, не видел ли ты?

Посланник Аллаха со своими асхабами

Пришел на арабскую гору, не видел ли ты его возле меня?

– С арабской горы в Медину пойду я встретить кого? –

Ответил Хаджи Мовсару.

Прославим, прославим того, которого Аллах прислал своим наставником,

Помощником Посланника,

Учителем мюридов, предводителем овлия,

Сто тысяч, двадцать тысяч, четыре тысячи,

Его величают овлия,

Имя дал Аллах ему еще в утробе матери,

Он прислан был охранять покой людей,

А в небытие его слава среди прославленных!!

Так прославим же мы Хаджи, сына Киши!

1987 г.

Записал С.-М. Умаев

Зикр Хаджи

– Хаджи, о Хаджи, ты ведь жил с шариатом Аллаха в согласии,

Ты ведь жил с тарикатом Аллаха в согласии,

Твой «Олиуллах-улиллах» зикр

Я в религиозных книгах не нахожу,

Живущий в Эртанах Хаджи,

Живущий в Эртанах Хаджи,
В Эртанах живущий Хаджи,
Этот «Олилуллах-улиллах» зикр твой,
Расскажи, откуда он возник,
Если не можешь рассказать, откуда он появился,
Ради Аллаха и Посланника Аллаха,
Я пришел с иноземными учеными-алимами просить тебя,
Чтобы ты оставил этот зикр,
О живущий в Эртанах Хаджи!

– О, мулла из Илсхан-Юрта,
О, мулла из Илсхан-Юрта,
Если ты знаешь, что я правильно соблюдаю шариат
В тарикате Аллаха,
Зикр «Олилуллах-улиллах» чем тебе мешает?
Чем он тебе не по нраву?
О мулла из Илсхан-Юрта,
О мулла из Илсхан-Юрта,
Откуда возник зикр «Олилуллах-улиллах»,
Я бы тебе не рассказал,
Если бы тебе я рассказал о нем,
Ты бы мне не поверил.
Ученые-богословы сами расскажут тебе об этом,
О мулла из Илсхан-Юрта,
Сто тысяч, двадцать тысяч, четыре тысяча
Овлия собрал Аллах,
У них на глазах построил Аллах страшный колодец
Проникающий в самые глубокие недра земли,
Из этого колодца собрался Аллах достать редкий жемчуг,
Вывести жемчуг на свет,
– Тот, кто пойдет за этим жемчугом, тот от Меня получит благополучие, –
сказал Аллах.
С такими словами отправил Аллах своего Ангела Джабраила к овлия.

Среди ста тысяч, двадцати тысяч, четырех тысяч овлия не нашелся тот, кто
достал бы этот жемчуг,
Постыдившись перед Аллахом и его Посланником,
Отправить без ответа Ангела Джабраила,
Постыдившись дать ответ от себя перед старейшинами,
Отправил он Ангела Джабраила
За разрешением от Аллаха проникнуть в глубокий колодец,
Чтобы достать оттуда редкий жемчуг.

– О Аллах, о Великий правитель,
Посланный Тобой своим наставником на землю,
Отец тариката кадыри, сын Киши, просит Тебя
Разрешить ему достать из страшного колодца жемчуг.

Шел я по страшному колодцу,
Преградил мне дорогу большой дракон,
– Уйди с дороги,– прокричал я,–
Я пришел по велению Аллаха,
Я лишь бедный гость Аллаха.
Но он не уступил дорогу,
Я стал душить его, но силы оставляли меня.

Я посмотрел на Зилбукар, «Олаллах!-улилуллах!»
Стал я читать.
Мелодичность произносимого зикра зажгла в нем азарт,
Он отпрыгнул от дороги, и я вернулся на ночлег.

Но этот зикр «Олаллах!-улилуллах!»
Не оставлял меня в покое,
И прокричал я с юга на восток
зикр на все четыре стороны,
– Олаллах-улилуллах, – кричал я.
Те души, не побывавшие еще у спин отцов, забрали зикр у меня,
Те души, не побывавшие еще в утробе матери, забрали зикр у меня,
Вплоть до Судного дня, изо дня в день размножаясь,
Будет распространяться этот зикр.
Ради Аллаха, ради Его Посланника,
Не будь несчастным,
О, мулла из Илсхан-Юрта!

1987 г.

И. Идрисов

Сон Киши

1

Посетил Киши однажды своего сына Хаджи и спросил:
«Прошлой ночью, о мой юный Хаджи, я увидел сон.
Мне некому его поведать, и он беспокоит меня».
«О мой дада * Киши, ты открой мне сновиденья свои,
А я постараюсь растолковать их тайну тебе».

2

«О мой юный Хаджи, я увидел во сне зелёный курган,
С этого красивого кургана улетали чудесные птицы,
Когда эти чудесные птицы возвращались снова на курган,
То я не заметил среди них их особенно красивого вожака».

3

«О мой дада Киши, курган зелёный, увиденный тобой
Это ведь любимая мною вершина местечка Эртана.
А птицы, слетавшие с того кургана, – это мои мюриды,
Которые, навестив меня, возвращались к себе домой.
А особенный их вожак, которого ты видел впереди их,
Это был я, возглавлявший зикр круговой.

4

О мой дада Киши, когда прекрасные птицы снова
Возвращались к тому кургану, тот незамеченный тобой
Отделённый от стаи вожак – это я, о мой дада Киши,
Которого разлучат с мюридами и родной стороной.

5

«О мой юный Хаджи, неужто оправдаются слухи
О том, что тебя разлучат с родной стороной нашей?»
«Я вынужден покинуть родную отчизну Нохчи-мохк,
Так как закончилось моё пропитание в этой стране».

6

«О мой юный Хаджи, в грядущий Судный день,
Когда человечество будет выстроено для допроса,
А солнце будет приближено на расстояние дробтика,
Так что мозги будут кипеть в голых головах людей,
Когда в отчаянии будет метаться человечество,
Когда ты, в сопровождении мюридов своих верных,
Станешь молить прощения у Всевышнего Создателя,
Да ответит на твою мольбу положительно Господь,
О мой юный Хаджи!

7

Аминь, о Аллах, аминь, о Аллах!
О Господь, дай ответ,
На мольбу Хаджи ответь!
Аминь, о Аллах, аминь, о Аллах!

1988 г.

Сон Муцу

С болью в сердце, схваченный болезнью,
 Лежал в постели брат Хаджи Муцу.
 Хаджа, о Хаджа, твой брат Муцу,
 Схваченный болезнью тяжелой, лежит в постели.
 Ходил ли ты его проводить? – спросили его, говорят.
 Не мог прийти к тебе иначе,
 Как по воле Господа,
 Я ждал дозволения Господа нашего,
 Мы не можем не быть довольными
 Решениями Господа, о Мовсар.
 Со стороны неба
 Пришел один зов к сыну Киши:
 – О Киши Мубарик,
 Тебе велено проводить брата Муцу,
 Говорили, – сказали Хадже,
 Говорят, что пешком пошел он проводить своего брата
 Хаджа (Да осветит Аллах тайну твою):
 – Ассалам-Алайкум, мой брат Муцу,
 Как сильно ты был схвачен болезнью тяжкой,
 В каком ты состоянии пребываешь сейчас?
 – Не в плохом состоянии я пребываю,
 Пребываю я в состоянии, которую мне дал Господь,
 О мой брат Хаджи,
 Почему ты не приходил проводить меня?
 Если ты и сегодня не пришел бы проводить меня,
 Клянусь Господом, я обвинил бы тебя,
 Когда мы предстали бы перед Аллахом и Его Пророком,
 Клянусь твоим благородством, я обвинил бы тебя.
 – Извини, о Муцу,
 Не обвиняй меня, Муцу,
 Я не мог прийти к тебе,
 Не иначе, как только с позволения Господа,
 О мой брат Муцу, нет возможностей у нас,
 Мы не можем быть не довольными,
 Волей и решением Господа.
 – Хаджи, о мой брат Хаджи!
 Мне ночью немного сны
 Привиделись, приснились мне,
 Растолкуй мне ты сновидения мои, о Хаджи.

– Муцу, пусть праведными и благими сделает Господь
Сновидения твои,
Я сделаю толкование
Твоим сновидениям.

– Хаджи, о мой брат Хаджи!
Прошедшей ночью, спустившись с небес,
Пчела села на меня,
Ужалив меня,
Я видел, как она поднялась в небеса.

– Муцу, о Муцу!
Пчела, спускавшаяся с небес, которую ты видел,
Это Ангел Смерти,
Который спустится сегодня ночью,
Чтобы душу твою забрать на небеса;
Наша немощная мать, которая раздавала милостыню
До моего возвращения с Мекки,
Завтрашний день
Будет раздавать милостыню
До поднятия твоего тела на носилках гроба
Эта наша немощная мать Хеда;
Эти черные вороны, которые ты видел,
Женщины, совершающие Господом и Пророком
Недозволенное оплакивание.

А тот, который будет запрещать им это,
Бросая свой посох перед ними,
Я – твой бедный брат, о Муцу.
Клянусь Господом нашим,
Не уходишь из этой жизни,
Оставив после себя любимее брата,
Чем ты, о Муцу!

1982 г.

М. Мусаев

Ты украсил Отчизну, брат Мовсара

1

За то, что получавшего веселье от Луны и Солнца Пророка
Ты принял своим наставником, мы полюбили тебя,
И поэтому, когда горе одолевает нас, мы взываем к тебе,
Отзовись и приди на наш зов с помощью, о брат Мовсара.

2

Знавший, что будет со временем на много лет вперёд,
Словом Божиим умноживший ствол истинной веры,
Вписывая в сердца мюридов своё славное имя,
Ты украсил Отчизну, о брат Мовсара.

3

Не постигнет нас горе и радость, которые заставят забыть вас,
Наши сердца уверены, что ты вернёшься, чтоб осчастливить нас.
Прося помощи у Пророка, мы вызываем к тебе,
Отзовись и приди на наш зов с помощью, о брат Мовсара.

4

Во всех небесных сферах тебя прославляют небожители,
Народы земные тебя избирают в наставники,
Тарикатские братства мюридов укрепляя повсюду,
Ты украсил Отчизну, о брат Мовсара.

5

Слов «Юлалах!-Юлилах!» ценность и значенье
Невозможно передать языком людей.
Через любовь и познание, приобщив нас к вере,
Ты украсил Отчизну, о брат Мовсара.

6

Колыбель твоя – Эртана – живо процветает,
С неё можно видеть ясно вершину Гайрака,
Всё, что связано с тобой, мы почитаем свято.
Ты украсил Отчизну, о брат Мовсара.

7

Обрели почёт и счастье мы, приняв тебя устазом,
Так как ты наше сознание обратил любовью к вере,
Вселил в наши сердца понятие единства Бога,
Возвращайся к нам с подмогой, о брат Мовсара.

8

Твои любимые мюриды, с которыми ты разлучён насильно,
Остаются неприкаянными сиротами, о сын Киши Хаджи,
Вымаливая своих бедных мюридов у Всевышнего Аллаха,
Возвращайся к нам с подмогой, о брат Мовсара.

1985 г.

ХАДЖИ ВЕСЕТАШ

В вечности без начала словом «кун»,
Из сияющего света святого Посланника
Создана была твоя душа, о Мубарик наш Хаджи.
Да возвысит твои тайны Творец наш – Аллах!

В предшествующие Аллаху творенью времена,
И позднее, когда ты был вместе с Посланником,
И имя твое, произносимое Им, было «последний варис»,
Остановился ты на Арше, о Мубарик наш Хаджи.

После этого Всевышний Аллах, соединив твое сияние
С сиянием Посланника, окутанный оболочкой, вместе с ним
Остановился ты в Къуддусе, и в этих двенадцати оболочках
Аллах привел тебя в мечеть, о Мубарик наш Хаджи.
Да возвысит твои тайны Творец наш – Аллах!

После этого Всевышний Аллах, сотворив
Всех овляюв и шейхов из твоего сияния,
Избрал тебя из всего сотворенного. Спусти
Двенадцать столетий после ухода из жизни
Посланника Аллах, пришел ты и стал
Известным нам, о Мубарик наш Хаджи.

Первым из твоих отцов был Лев Аллах – Али,
Первыми близкими родственниками твоего дома
Были (знаменитые) чистые люди из рода Курейш.
Будучи Киши твоим отцом, а Хеди – матерью,
Явился на свет ты, о Мубарик наш Хаджи.

Когда ты закончил изучение знаний Аллах,а,
Когда ангел Жабраил стал посещать тебя,
Когда Аллах начал звать на Арш тебя,
Начал ты проповедовать, о Мубарик наш Хаджи.

Попрекая тебя, что ты выходец с бедняков,
И не обучен знаниям, как ученые твоего времени,
Говоря, что не может быть ученым неграмотный,
Ученые твоего времени ненависть к тебе проявили,

Шейхи, созданные из твоего сияния, книги читая,
Что переходишь ты границы, дозволенные ими, считая,

Что нет слов «Олилуллах-улиллах» в этих книгах утверждая,
Выступали против тебя, вражду свою размножая.

Когда вершины знаний твоих они обозрели,
Когда знания эти их доводы все одолели,
Когда, что нет знаний выше твоих, они узрели,
Не обладающие тайнами Аллаха, вражду к тебе проявили.

Невежественные головы ненависть к тебе проявили,
Не ведая, что ты наследник Посланника, вражду объявили,
По воле Аллаха ты совершил переселение великое
Да возвысит тайны Аллах, о Мубарик наш Хаджи!

По воле Аллаха великое переселение совершая,
По воле Аллаха край свой родной покидая,
Брата Мовсара взял ты в спутники в чужие края,
Да будет возвышена Аллахом Всевышним тайна твоя!

В Илсхан-Юрте захоронив Даду-Киши,
В высоком Эртане захоронив Нану-Хеди,
В пустынные земли Аравии домочадцев отправив,
Покинул ты край свой, о Мубарик наш Хаджи.
Да возвысит твои тайны Аллах, о Мубарик наш Хаджи!

По воле Аллаха обвязав пояс свой преданностью Ему,
Как солнце золотое, идущее к своему закату,
В пучине моря скрылся ты, о наш Мубарик Хаджи.
Да возвысит твои тайны наш Творец – Великий Аллах!

Когда ты, группы мюридов своих в кругу вращая,
И быстрым зикром их любовь к Аллаху прививая,
Вышел в народ с сияющими крыльями, их обучая,
Выселили тебя, о Мубарик-Хаджи из родного края.

Аллах сделал ему подарок из Своих знаний (**Аллах щедро одарил
его дарами бесценных знаний**),
Наделил (полной) долей от удела шейхов его,
Открыл ему нужные великие Свои тайны,
И ознакомил с состоянием (бедного) народа его.
Обо всем этом рассказал Пези-Хаджи из Зандака,
Да возвысит наш Творец-Аллах (все) тайны его!

Друг друга же любите, друг друга обожайте,
От мрака вражды все вы навсегда избавьтесь.

И старших и младших среди вас, всех вы уважайте!
Наставление сие сделал Киши Хаджи, вы знайте!
Да возвысит наш Творец-Аллах (все) его тайны!

Когда приблизилось время расставания, пребывая
В селах, Хаджи своим мюридам, проповеди совершая,
Говорят, говорил: «Спрашивайте меня, о чем бы хотели,
И соблюдайте, мои мюриды, все мои наставления».

Смотрите, берегитесь, мои мюриды, смотрите, берегитесь,
О мои Мюриды! Я завещаю всем вам: недозволительно,
Склонившись к земному, считать главным желания тела,
Смешивать религию Аллаха с базарными делами недопустимо
Перед Аллахом. Берегитесь, мюриды, берегитесь, мои мюриды!

Я завещаю вам наставления мои, вы берегите,
Обязательства перед Аллахом соблюдайте,
И времена их исполнения соблюдайте,
Во времени свои вирды соблюдайте,
И времена этих вирдов не упускайте,
Понедельник и четверг не забывайте,
Много Священный Коран читайте,
Следуя его заветам, их вы выполняйте
Быстрый зикр часто (Аллаху) совершайте,
В Кругу вы друг друга оберегайте,
Походку (ритм) ног вы соблюдайте,
Телами друг-друга вы не пренебрегайте.

Мое завещание в связи с кончиной мюрида:
Три ночи читайте ясин, три ночи зикр совершайте,
В задней стене могилы каш-лахта (нишу) устройте,
У могилы сто раз «нет бога, кроме Аллаха» скажите.

В задней стене могилы Каш-лахта устройство
Произнесение вами зикра, стоя вокруг могилы,
Заклучение со мной обета и в мое отсутствие,
Выражения «Олилуллах-улиллах» вами произнесение.

Эти четыре вещи не следует спрашивать у книг (жайнаш),
Если вы и спросите о них у ученых – не найдете ответа,
Кроме них ничего, чего нет в Коране или жайнах,
Детям Адама-пророка я не проповедовал никогда.

Взявший меня наставником, о мой мюрид,
Берегись чрезмерного сна – одеяло не износится.
Смотрите, берегитесь, о мои мюриды, дым табака
И бритье лица лезвием ножа недопустимы
Моему мюриду, – говорят, так сказал Хаджи Мубарик.

Из-за тяжкого горя от религии не отходите,
Чем тяжелее горе, крепитесь в Аллаха религии.
Не то горе, которого не будет после кончины,
А то горе, которое останется на шее и после кончины.

1986 г.

Х. Юнусов

Выявление красоты религии (Ингуш)

Действие происходит на дороге, ведущей в Назрань. День склоняется к вечеру. Ингуш не может вытащить телегу, одно колесо которого зависло над обрывом. Он ругает (запряженного) быка, побивая его прутом

Ингуш. Да чтоб ты остался после смерти отца и брата! Да чтобы ты стал ужином для собак! И не сдвинулся...
(Подходят Кунта-Хаджи и его товарищи.)

Кунта-Хаджи. Салам Алейкум!

Ингуш (не понимая). Что это за язык?

Ильяс. Приветствуют тебя.

Ингуш. Да будет свободным и ваш приход!

Кунта-Хаджи. Мне кажется, что тебе требуется помощь.
(Слезли с лошадей и подходят.)

Ингуш. Ай, да чтобы он остался без отца и брата, не сдвигается...
(Поднимает прут, чтобы ударить.)

Кунта-Хаджи (останавливая его знаком руки). Не дозволиительно тебе! Она же скотина, не умеющая языком говорить и не имеющая ума, чтобы понимать. Жаль ее... Ей нужно другое... (Подходит, нежно гладит и что-то шепчет в ухо. Бык, неожиданно делает движения...) Теперь давайте все вместе возьмемся! А ну...
(Телегу (арбу) вытаскивают.)

Ингуш. Благодарю вас... Чем могу быть вам полезен?

Кунта-Хаджи. До Назрани далеко?

Ингуш. Ей-Богу нет... Вон за тем холмом.

Кунта-Хаджи. Хвала Аллаху! Подустали мы в дороге... да и время намаза (молитвы) истекает.

Ингуш. Кстати, уж не религию вы нам несете?

Кунта-Хаджи. Нет-нет, мы не несем с собой религию. Но рассказать о красоте религии... показать... познакомить идем.

Ингуш. Напрасно... и раньше приходили... не получилось...

Кунта-Хаджи. У Бога-Аллаха сила и терпение неиссякаемы. То, что не получилось раз, не получилось два раза, может получиться третий раз.

Ингуш. Попробуйте тогда...

(Ингуш с телегой трогаются. Кунта-Хаджи и его спутники садятся на коней и трогаются в сторону Назрани и настигают мальчика, с трудом пытающегося нести на спине охапку дров.)

Кунта-Хаджи. Помоги ему, Ковранак.

(Ковранак слезает с коня, забирает у мальчика охапку дров и крепит ее за седлом, а мальчика сажает впереди себя. Мальчик очень доволен.)

Ильяс. В Назрань мы едем правильно?

(Мальчик кивает головой. Неожиданно из зарослей раздается шум и голоса. Двое поссорившихся сошлись в драке. Один вынимает кинжал с целью применить. Спрыгнув с коня, Ильяс подходит и хватает руку, которая держит кинжал, подоспевшие товарищи разнимают их.)

Кунта-Хаджи (одному из поссорившихся). Еще один миг, и ты сделал бы из себя кровника, дав (возможность) упредить Шайтану. На всю оставшуюся жизнь ты сделал бы себя несчастным, и в мире ином подготовил бы себе плохое основание. Своей семье и родственникам принес бы ты горе, заставил бы плакать безвинную мать, оставил бы детей сиротами, оставил бы без супруга жену... и все это из-за гнева... исполняя желание Иблиса (Дьявола)... устраивая этому врагу Бога пир, а людям тезет (траурное место, где принимают соболезнования)... Двое поссорившихся стоят, внимательно слушая, в раздумьях, они расходятся.

Ковранак. Хаджи, не опаздываем ли мы?

Кунта-Хаджи. Не беспокойся, Ковранак. Известие о нас раньше нас достигнет матери – Назрани...

2010 г.

Шалинская «Кинжальная Бойня» – вражда, посеянная подстрекателями

Определите, кто герой

Местные царские чиновники не собирались останавливаться, лишив зарождавшееся движение «Зикризм» в Чечне своего предводителя – Кунта-Хаджи Кишиева. Из их намеченных трех целей две цели были успешно полностью достигнуты. Была посеяна вражда среди чеченцев, мюриды одного течения были поссорены с мюридами другого течения, чтобы скомпрометировать имя Кунта-Хаджи Кишиева, посеяв ложь. И в конце концов, отправили в Сибирь всех его самых верных последователей и самого Кунта-Хаджи Кишиева. Единственное, что осталось исполнить царским чиновникам, чтобы окончательно покончить с движением Кунта-Хаджи Кишиева из села Илсхан-Юрт, как можно уменьшить численность или полностью ликвидировать его рядовых последователей – мусульман.

В этом активное участие приняли выходцы из горцев, стоявшие на службе у царя, офицеры Довлет-Мирза Мустапаев (капитан), Орца Чермоев, Вагап Іаду (полковники). Особо высоко была оценена заслуга Курумова Косама. В перечислениях его «подвигов» есть такие строки: «... он внимательно следил за подготовкой последователей к восстанию, внедрившись в их среду. Выявил все их цели и выявил их предводителей, в первую очередь сообщил своему начальнику о необходимости привлечения военных сил для их уничтожения». Не остались в стороне от наград целый ряд религиозных деятелей (муллы), принявших активное участие. Царская власть приласкала и наградила Хардаева Абдул-Кедара, Исмаилова Идика, Абдулаева Мустафина, Боршигова Махмуда и других. Царская власть подняла по службе не имеющего себе равных в предательстве и вероломстве майора царской армии наиба¹ Урусмартановского района Османова Саадулла.

Эти имена мы называем не для того, чтобы отомстить или объявить им кровную месть. Это не соответствует и не вяжется с тем, что проповедовал Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!), и с тем, что он признавал правильным. Что было, то прошло. Мы упомянули это для того, чтобы не оступиться нам еще раз на этом, чтобы нас не обманули еще раз, чтобы недоброжелатели не посеяли вражду между нами и не разделили нас. Время показало, кто является их другом, кто – врагом, кто прав, а кто не прав. Как определил Кадыров Ахмат-Хаджи, по истечении 150 лет, любой убитый, независимо, с этой стороны или с другой стороны – чеченец. Это потеря для всего чеченского народа, поэтому сегодняшний наш руководитель Кадыров Рамазан Ахматович держит под контролем, чтобы сохранить единство нации и народа, ибо это архиважный вопрос. Сохранение самого народа и его целостность занимает особое место в важном, бесценном наследии, которое оставил нам Хаджа Илсхан-Юртовский. Это наследие

¹ Наиб – глава, ставленник царской власти.

помогает нам не допускать ошибки в социальной жизни, предохраниться от коварства, хитростей врагов и шайтана (сатаны). Из-за того, что у нашего народа тогда не хватило понимания и разума, это нанесло нашему народу невосполнимые потери, вред и урон. Особое место в этом ряду потерь занимает жестокая, бессмысленная и кровопролитная «кинжальная война», произошедшая около села Шали.

Как семья, оставшаяся сиротой после смерти отца, остались сиротами мюрида Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!). Зима 1863–1864 годов стала холодной для его мюридов. Арест наставника-учителя поселил в их сердцах стужу. Как только эта горькая весть долетела до них, во всех уголках Чечни начали вскипать возмущение, гнев, злость и несогласие. Однако Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах) и до его ареста и после наставлял своих мюридов: «Из-за меня не предпринимайте никаких мер и действий мести и оберегайте себя от бедствий и зла».

Тем не менее арест учителя и наставника создает в среде зикристов-мюридов крайне напряженную атмосферу. Собираясь из всех сел в группы, советовались, обменивались мнениями по вопросу освобождения учителя-наставника Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!). После ареста Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!) во главе движения становятся два шейха – Салам, Мачик и известный абрек Вара. Они смелые и мужественные люди. Хотя они были союзниками Хаджи из Илсхан-Юрта, но решение вопроса взаимоотношений с царской властью они видели только вооруженным путем. Поэтому они своих последователей призывали к сопротивлению и сами готовились к вооруженному сопротивлению в Чечне. Салам, Мачик и Вара думали, что весь народ восстанет, чтобы освободить арестованного учителя-наставника. Но этому не было суждено сбыться. Только что закончившаяся Кавказская война ослабила силы народа, многие из них потеряли веру в успех сопротивления. В этом у народа не было единства, мнения разделились.

В скором времени шейха Салама царские власти арестовали, а Мачик-мулла скрывался от властей, чтобы не быть схваченным ими. Таким образом, народ, движение зикристов-мюридов, остался без человека во главе.

Как обычно, среди людей распространялись разные слухи и сплетни. Сомнения усиливали разговорами, сплетнями, что Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!) сидит в Шали в тюрьме и его мюриды собираются, для того чтобы его освободить. Действительно, из двух районов Качкалыка и Автуры собрались активисты Устаза² в селе Герменчук – всего их было около 3000 человек. Они не собирались отступать, не добившись своей цели. Надо сказать, что после ареста устаза состояние дел мюридов ухудшилось. Во многих местах продавшиеся старосты, священники (муллы), обвиняя, оскорбляя, любыми способами унижая, сеяли вражду и ненависть между людьми, противопоставляя одних против других. Чечня была готова вспыхнуть как порох.

² Устаз – учитель-наставник

14 января много народа собралось в село Герменчук, которое расположено рядом с селом Шали. 18 января, совершив намаз у реки Басс, сложив оружие, чтобы не провоцировать окружившие их царские войска, произнося зикр, протестующие двинулись в сторону царских солдат. До этого командующий войсками Чеченского округа генерал Туманов собрал туда большое войско. Днем раньше, 17 января, он посылает наместника Урус-мартана Османова Са'дулла, чтобы провести переговоры для достижения согласия с такими требованиями: прекращение совершения зикра (религиозного обряда), выдача людей, подлежащих арестам. Однако мюриды Хаджи не согласились выполнить эти требования. Правда, они дали слово не воевать и попросили, чтобы их делегаты переговорили с самым «высочайшим начальством». Они намеревались подать прошение, чтобы Кунта-Хаджи (Да освятит его тайну Аллах!) и всех арестованных с ним людей освободили и отпустили к своим семьям. Генерал Туманов имел другое намерение. Вместо переговоров он продвигает еще несколько батальонов ближе – к селу Бердыкель. Доносчики приносят ему сообщение, что мюриды Кунта-Хаджи не намерены отступать от своих намерений. Это подтвердил пришедший к генералу Туманову, отпущенный мюридами Са'дулла. Генерал еще раз передал зикристам свою весть с требованиями, которые были предъявлены ранее... Видно было, что без кровопролития не обойдется. И она пролилась...

О начале «Кинжальной войны» и ее последствиях так доложил главнокомандующий войсками Кавказа министру обороны России Д. А. Милутину:

...В этот зимний холодный день среди павших в газавате³ был Дога из села Белгатаю и его невеста Кока.

Не было у Доги кабардинского скакуна,
Чтобы возвыситься над сверстниками.
Не было у Доги богатства Орцы Чермоева,
Чтобы возвыситься над сверстниками.
Не было у Доги в народе имени,
Как у Гиххоевского Хамзата, завоеванный табунами,
Пригнанными из-за Терека походами,
Чтобы возвыситься над односельчанами.

Был у Доги «дечиг-пондар»⁴, на котором он играл,
Радовался жизни Дога.
Когда в руки брал его Дога,

³ Газават – священная война за веру.

⁴ Дечиг-пондар – деревянный трехструнный музыкальный инструмент (типа балалайки).

Лесного дерева пондар⁵ оживал,
И звуки чудные издавал.
«Ялай-лахь вала-лай», о чеченские сыны,
При виде вас сворачивается ком в горле
Приливом жалости к вашим телам.
Падаете вы, как трава из-под косы,
Давайте насладимся миром, солнцем освещенным.
Пришли вы в этот мир на малое мгновенье,
Я приглашаю вас на жизни застолье.

Перед перебирающим струны пондара и настраивающим голос Догой встала группа юношей села. Один из них сказал:

– Ради Бога, Дога, не время сейчас для веселья, положи свой пондар, следуй за нами. Мы идем в Илсхан-Юрт слушать проповедь местного шейха.

Вдохновляя его, другой добавил:

– Разве ты не добрый молодец?

Не омрачаясь в лице, Дога ответил:

– Придет день, который покажет нам доброго молодца.... И этот день длится год. Два года. И наконец, настает 18 января 1864 года.

Встав рано-рано утром, сделав стрижку, побрившись, одевшись в самые лучшие одежды, собрался молодец. Берет он в руки дечиг-пондар. Внимательно смотрит на него. Приходит желание к нему перебрать звонкие струны. Однако быстро покидает оно его. Он положил инструмент в сторону и начал сам с собою говорить:

– Ты больше слух мой не уладишь.

Не поднимешь меня в думах в полет.

Больше сердце мое не утихомиришь.

Всему свое время и час настает;

Пришел тот день, о котором

Я говорил года два вперед.

Друг Доги был в хорошем настроении. Когда он увидел своего друга, как никогда нарядного, с сияющим лицом, он это отнес к другому поводу. Два друга договорились, что сегодня они пригласят Коку – невесту Доги – к роднику и назначат день выхода ее замуж за Догу.

Когда они приближались к роднику, Кока вместе с соседской девушкой набирала воду в кудал⁶. Она украдкой кинула взгляд на дорогу. Дога вместе со своим другом уже был близок к роднику. Как птица, пойманная в ладонь, восторженно взволнованно сердце девушки. Восторженно и

⁵ Пондар – дечиг-пондар.

⁶ Кудал – национальная посуда, большой кувшин для ношения воды.

затем ... застыло. Прошел мимо и пошел он спешно в сторону Шали. Его друг в оцепенении стоял на месте, не понимая происходящего.

Растерялась и Кока, весь мороз зимы этой забрался в ее сердце. Чтоб не показаться растерянной, девушка крикнула вдогонку:

– Кстати, о Дога, не на базаре же Шали ты решил скрыться от меня, из-за того слова, данного мной тебе, и что сегодня день, когда мы должны были назначить день моего выхода замуж за тебя. Дога, остановись.

Он возвратился. Настроив голос, он сказал:

Нет-нет, моему сердцу милый гость Кока.... Не это является причиной. В ожидании этого утра ночь длилась для меня вечно в думах. Предстала ты предо мной молодой невестой под фатой. Радости моей не было конца... Внезапно в сумерках послышались голоса мне. Один спросил другого:

– За кого она вышла замуж, которая не признавала никого?

– Да там, вышла за того Догу, который ходил, играя на дечиг-пондар.

Огонь вспыхнул в моем сердце. Я подумал: Если и женюсь на ней, только став кьонаха⁷. Или я сегодня паду в газавате на поле Шали, или прославившись мужеством среди пришедших на помощь Илсхан-Юртовскому устазу, мужем твоим стану перед тобой...

Обрадовалась Кока. Постыдилась Кока. Она сказала сама себе: «Время, которое я собиралась назначить, назначу сегодня у реки Бас...».

...Они сражались, став друг против друга. Шалинская равнина, белая, как простыня, стала красной от крови шахидов, мюридов – защитников веры. Был высоким Дога. Был ловким воином Дога. Он кинжалом своим, как кукурузные стебли, косил врагов. Но врагов было много. Солдаты окружили его. Казался молнией в его руках Атагинского мастера искусно кованный булатный кинжал. Одновременно семь штыков вонзилось в тело Доги. И на этих штыках подняли они его. Из этой высоты ударял вниз он свой кинжал. В глазах врагов читалось удивление, испуг, недоумение...

...Среди павших в этот день было 5 женщин. Одна из них – Кока, невеста Доги. Славой павший герой живет вечно. Об этих двоих сказано это... (Сказанное о Доге написал Абазов Рустам в своем рассказе).

С.-Х. Ахмадов

Мы приняли тебя наставником своим, о благодатный сын Киши!

1

С вечности без начала, заключивший союз с Господом и Пророком,
Нищету бренного мира взваливший на себя,
Пищу загробного мира принявший от Бога,
Узнав о твоей бескорыстной верности Господу и Пророку,
Мы приняли тебя наставником своим, о благодатный сын Киши!

⁷ Кьонаха – достойный почтения, уважения молодец.

2

Когда Всевышний установит Свой Судный день мирянам,
Когда ветры буйные начнут выравнивать высокие горы, сталкивая меж собою,

В то время, когда вселенная превратится в ровную площадку,
Когда нагие людские голени будут склоняться к земле,
Узнав, что Господь тебе позволил укрыть их наготу,
Мы приняли тебя наставником своим, о благодатный сын Киши!

3

Когда Всевышний за четыре тысячи лет до сотворения вселенной,
Создав душу Пророка, а затем – души ста двадцати четырёх тысяч святых,
И когда мы узнали, что Господь выделил тебя устазом

из их общего числа,

Мы приняли тебя своим наставником, о благодатный сын Киши!

4

Скопище магов-чародеев, советующееся с джинами и чертями,
Утверждало, что ты наделён свыше той же долей, что и они.
Однако мы, узнав об истинном твоём союзе с Господом и Пророком
И о распространении сладости твоего тариката на Запад и Восток,
Приняли тебя своим наставником, о благодатный сын Киши!

5

Коль настигнет кончины час тысячу твоих послушников в тысяче местах,
Узнав, что Господь тебе позволил, выправив их смирение, одновременно
Прильнув к изголовьям их всех, принять их чистое покаяние,
Мы приняли тебя своим наставником, о благодатный сын Киши!

6

Странствовал ты, обращаясь с востока на запад,
Распространяя веру в душах людей,
Напоминая всем об истинном исламе,
Разжигая тлеющие искорки веры в костры
В вихре святого зикра среди адамовых детей
И узнав, что сей тарикат исходит от тебя,
Мы приняли тебя наставником своим, о благодатный сын Киши!

7

Мирским утехам на откуп отдав души,
Сердца отторгнув от Господа и загробной жизни,
С нутром пустым для вечной доли,
Толпа, избравшая с дьяволом и тленным миром братство,
Как слабо и мало познала тебя, о благодатный сын Киши!

8

Утративши любовь к Господу Всевышнему,
И не имея рвения к пути, ведущему к Богу,
Толпа, избравшая с шайтаном и тленным миром братство,
Как мало и слабо познала тебя, о благодатный сын Киши!

9

Всевышний Господь, свою тайну доверив тебе, сделал тебя
Своим приближённым и наследником Своего Пророка. Не ведая
о твоём лидерстве среди бедноты и о любви Бога и Пророка к тебе,
В поклонении Аллаху, НЕКОТОРЫЕ заблудившиеся теологи
Как слабо постигли твоё учение и тебя, о благодатный сын Киши!

10

Зная, что ты приближённый Всевышнего Господа
И завизированный Пророком истинный наставник,
О благодатный сын Киши, тебя безмерно полюбили учёные мужи,
Сердца которых преисполнены чистым Исламом.

11

Когда восхваленья Пророка о нём достигли зенита,
Когда стала очевидной его любовь к Господу,
И, чтобы заразить этой любовью сердца адамовых детей,
Превознесённый божьим Пророком, о Увайс аль-Карний,
Коль не признала тебя общественность твоего села,
То не удивительно, что не познала и тебя смирившаяся
С тленным миром и дьяволом заблудшая толпа,
о благодатный сын Киши!

12

Со дня сотворения душ в вечности без начала
Прощённые Господом сонмы послушников
За то, что они ухватились за тебя и твоё учение,
Как к тебе благоволила и любила тебя эта верная секта,
О благодатный сын Киши!

1989 г.

Да освятится твоя тайна...

1

Всевышний возлелеял тебя,
как пророка Мухаммада,
Из глаз твоих струились слёзы,
плакали с тобой мюриды.
Испытал ты горести, как Аюб,
Да освятит твою тайну,
О Хаджи, Господь!

2

При кончине мюрида – ты в его изголовье,
В нище могильной – товарищ мюрида,
Отвечающий за него на вопросы допроса.
Да освятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

3

Ты отец наших тел в трудный Судный день,
А также лекарь их в трудный Судный день,
Ты отец наших душ в день смятенья и страха.
Да освятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

4

Когда ты предался Богу, полюбил и Он тебя,
Когда стал на путь ты Сунны, полюбил Пророк тебя,
Твой безгрешный образ жизни покорила сердца мюридов.
Да освятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

5

Открыл ты в Илсхан-Юрте моленья джамаат,
Кружа мюридов братства с зикром на устах,
Наполнял сердца их сладью мёда тариката.
Да освятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

6

На вершине Гайрака молил ты Бога о народе,
С сонмами ангелов в зикре кружась,
Со славным Пророком советуясь часто.
Да освятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

С горестными мыслями поднимался ты
На вершину Эртана, прославляя Господа,
Оглашая тарикат, с восхода солнца на закат.
Да осятит твою тайну, о Хаджи, Господь!

1991 г.

3. Минкаилов

Ты вознёсся в неведенье, о славный сын Киши!

1

Когда взываешь к тебе, облегчается горе,
Когда слышишь рассказы о тебе, плачут глаза,
Ударам судьбы и невзгодам жизни не возмущаясь,
Ты покинул родной край, о благодатный сын Киши!

2

Когда кадырийская заря осветила вселенную
И, облачившись в тарикат, ты вышел в путь,
Когда увеличились жалобы врагов религии,
Покинув край родной, ты вознёсся в неведенье,
О благодатный сын Киши!

3

С мелодичными напевами обращаясь к Богу,
У славного Пророка ты просил подмогу,
И хотя от Пророка пришла тебе помощь,
Ты вознёсся в неведенье, о славный сын Киши!

4

Когда иные мюриды рассказывают нам о тебе,
Даже малые детишки, возмечтав увидеть тебя,
Взывая к Богу, садятся прислушавшись.
Ты вознёсся в неведенье, о благодатный сын Киши!

5

Пусть небеса прослезятся, о Хаджи, в мольбах за тебя,
Пусть земля прослезится, о Хаджи, в мольбах за тебя,
На арене Божьего суда, оставив о себе славную молву,
Ты вознёсся в неведенье, о благодатный сын Киши!

Как пророк Сулейман, признанный народом,
 Как пророк Иса, возлюбленный людьми,
 Как пророк Иисус, изгнанный из родной земли,
 Ты вознёсся в неведенье, о благодатный сын Киши!

Ла илаха илла-л-Лаху, Мухьаммадар расулулах!,
 Ла илаха илла-л-Лаху, Мухьаммадар расулулах!,
 Ла илаха илла-л-Лаху, Мухьаммадар расулулах!,

1987 г.

Я. Халаева

О, как велик этот мир, созданный Богом!

1

На вершине Эртана покоится Хеда,
 На арабской земле нашла приют Эсет.
 О, как велик этот мир, созданный Богом!
 Как раскидала судьба твою семью, о Хаджи,
 Что некому из них наставлять полюбивших тебя.
 Какая тайна скрыла твоих потомков, о Хаджи?!

2

В Илсхан-Юрте покоится Киши,
 На турецкой земле нашёл приют Мовсар.
 О, как велик этот мир, созданный Богом!
 Как раскидала судьба твою семью, о Хаджи,
 Что некому из них наставлять полюбивших тебя.
 Какая тайна скрыла твоих потомков, о Хаджи?!

3

В селе Автуры покоится Мата,
 В селе Гуни нашла приют Хапта,
 О, как велик этот мир, созданный Богом!
 Как раскидала судьба твою семью, о Хаджи,
 Что некому из них наставить полюбивших тебя.
 Какая тайна скрыла твоих потомков, о Хаджи?!

4

В Илсхан-Юрте покоится Муцу,
 На турецкой земле нашёл приют Висха,

О, как велик этот мир, созданный Богом!
Как раскидала судьба твою семью, о Хаджи,
Что некому из них наставить полюбивших тебя.
Какая тайна скрыла твоих потомков, о, Хаджи?!

5

В согласии с Господом ты покинул родину,
Приняв все горести мира на себя.
О, как велик этот мир, созданный Богом!
Как раскидала судьба твою семью, о Хаджи,
Что некому из них наставить полюбивших тебя.
Какая тайна скрыла твоих потомков, о, Хаджи?!

1988 г.

М. Джамалдинов

Посетив зиярат⁸ Эртан...

1

(Да освятит его тайну Господь!) Хаджи сказал Нане-Хеде:
– О Нана-Хеди,
Приоденься хорошенько и приготовься,
Мы посетим с тобою святое местечко Эртана.
А пока ты будешь собираться,
Я займусь неотложными делами в нашем дворе.

2

Совершив в душе намерение
на посещение святого зиярата,
Приодевшись хорошенько:
– Ты пройди теперь вперед,
о Хаджи, – сказала она, –
Я закончила приготовления.
Тогда Хаджи пошёл впереди,
Оставив Нану-Хеди следовать за собой,
Так, говорят, вышли Хаджи и Хеда
на дорогу, ведущую к Эртану.

3

Так, говорят, они подошли
К святой вершине Эртана.

⁸ Зиярат – паломничество в святое место.

Поднявшись на одну из горок,
Стал осматриваться вокруг,
Поворачиваясь на восток, слёзно взывая к Господу,
Поворачиваясь на юг в рыданиях перед Господом,
Представив в мыслях Судный день,
Заплаканные, грустные глаза свои
Скрывая и пряча от От Наны-Хеди,
Стал озираться Хаджи, да освятит его тайну Господь.

– Да будет доволен тобой Аллах,
О Хаджи, мой добрый!
Какое горе у Хаджи накопилось,
Какие думы ты таишь в себе?
Сегодня, придя сюда на зиярат,
На Эртан мы поднялись.
То на восток повернешься,
То на запад.
То на юг повернешься,
То на север.
Свои грустные, плачущие
Глаза от меня пряча,
В уединении ты плачешь.
Для меня не состоялся этот зиярат,
А что для тебя это будет – не знаю.

– О-о-о, да будет доволен тобой Аллах, о Нана-Хеда!
В согласии с волей Господа
Я пришел сюда донести до тебя, что сказал Господь,
И тебе всё это рассказать. Я не мог собраться с духом,
Вот поэтому-то я и плакал, собираясь с духом.

– Да будет доволен тобой Господь,
О мой бедный, Хаджи!
Я знаю, что сегодняшней этот день от Господа,
А то, что Господь тебе велит, ты Расскажи мне,
Я слушаю тебя,
О мой бедный Хаджи!

– Да будет доволен тобой Аллах, о Нана-Хеди:
Всевышний Господь говорит мне:

– Похоронив тебя на этой высоте Эртана,
Ты должен покинуть страну родную.

Всевышний Господь говорит мне:

– Упокоив тебя на этой вершине Эртана,
Должен ты разлучиться с Отчиной.

– О-о-о мой добрый Хаджи,
Похоронив меня на этой высоте Эртана,
Где в небе парят только птицы,
Где по земле рыскают только дикие звери,
Куда ты хочешь уйти?

Если будет тебе соизволение Аллаха,
То похорони меня
Вблизи твоего отца Киши
В этом Илсхан-Юрте
Или же близ моего сына Муцы.
Захорони меня в Илсхан-Юрте,
Если на то тебе будет соизволение Аллаха,
Или же на кладбище в Ведено среди людей
Упокой меня, о мой хороший Хаджи!

Да будет доволен тобой Аллах, о Мама-Хеда!
В этом Илсхан-Юрте, вблизи Дады-Киши,
Захоронить тебя Аллах не позволяет мне.
В этом Иласхан-Юрте, вблизи твоего сына Муцы,
Захоронить тебя Аллах не позволяет мне.
На кладбище веденцев похоронить тебя
Всевышний Аллах не позволяет мне.
– На этой вершине Эртана похорони её,– говорит (Он) мне.

Я клянусь Всевышним Аллахом, о Нана-Хеда!
С этого места благодать Ангелов и Святых никогда не иссякнет;
Тех, кто одобрил Хаджи, услышав о нас, и принял устазом, и
Наших почтенных и рядовых мюридов благодать здесь не иссякнет,
Приток сюда нашей молодёжи и благодать её здесь не иссякнет;
Без того, чтобы мы с тобою не были здесь, никто сюда не придет;
Без того, чтобы нас с тобою здесь не оставить, никто отсюда не уйдет.
Похоронный процесс у людей длится не более недели,
Твой тезет беспрерывно будет длиться до начала Судного дня.
Так будь же довольна и смиренна, о Нана-Хеда.

Я довольна повелением Аллаха. Эх, жизнь!!!
Я не видела твоих умиленных слез ко мне,
И не обнажала мне твоя счастливая улыбка зубы.
Прожив свою жизнь в такой (безрадостной) тягости,
Неужели собираешься ты покинуть (наш родной) край?

Да будет доволен тобой Всевышний Аллах, о Нана-Хеда!
В том грядущем дне Суда, когда свою бедную Умму,
Отстояв от гнета Ада, Посланник Аллаха,
сказав: «Альхамдулиллах», – освободится,
Увидишь ты мои глаза и зубы в улыбке.
О, моя Нана-Хеда!

– Альхамдулиллах, Альхамдулиллах, Альхамдулиллах (Хвала Аллаху!),
За то, что Он сделал меня твоей матерью, воздаю хвалу я Аллаху,
За то, что Он тебя сотворил и за то, что прислал,
воздаю я хвалу Аллаху! –
Говорят, восхваляя Всевышнего Аллаха,
Нана-Хеда и Хаджи вернулись домой.

1998 г.

Х. Юнусов

Посох Кунта-Хаджи

Иорданов Марат в своей книге «Тайны возвышенных смыслов ислама» отмечает: «Методы мистического познания и руководство формированием суфиев-мюридов передаются... от учителя к наиболее достойному ученику, достигшему необходимого уровня совершенствования. Символами передачи могут быть предметы, связанные с персоной наставника: халат, рубище, посох, головной убор, четки т. д. При этом один и тот же суфий, достигший уровня учителя и имеющий духовное звание устаз (*наставник, профессор, мастер*), может получить от своих предшественников ижазу (*благословение*) по нескольким тарикатам».

В свете этого хотелось бы привести следующую действительность. Шейх тариката кадырий – Кишиев Кунта-Хаджи (*Да очистит и возвысит его тайны Аллах!*) присылает в подарок свой посох главе накашбандийского тариката Усману-Хаджи⁹ (*Нижнее-Невре*). В настоящее время этот посох хранится в семье Бацаева Вахи.

2010 г.

Сведения о (Кунта) Хаджи

Распространителем в Чечне Кадырийского тариката является Кунта-Хаджи из Илсхан-Юрта (*Да очистит и возвысит его тайны Аллах*). В народе с уважением называют его Хаджи из Илсхан-Юрта, Сын Киши, Мубарик

⁹ Усман-Хаджи Хантиев – Шейх, алим (*ученый*), старший брат Кана-Шейха. Потомками Хантиевых являются Ахматхановы Султан, Рамзан и другие.

Хаджи, Сын Хеди, Брат Мовсара, Брат Муци, Брат Висхи, Брат Мати, Брат Хапти, Дада Эсеты, Дада Субы, Дада Махмы, Дада Мовлы, Хаджи из Эртаны, Устаз мира и т. д.

Предки Хаджи: Товхид, Ама, Шовхал, Киши. Дед Устаза Кунта-Хаджи Шовхал покоится в селе Гордали. Хаджи родился в селе Илсхан-Юрт.

В 1840 году наибом имама Шамиля становится Геха из Гуни (внук Пирма-Хаджи и сын Гумалта, который вырос сиротой, рано лишившись отца). В то время Гехе было двадцать лет. В эти же годы становится наибом имам Шамиля и Ахмад Автуринский. Создается впечатление, что Хаджи, Геха и Ахмад – сверстники. Когда представитель царской власти вызвал к себе Хаджи, Геха стал на сторону Хаджи. Старики села рассказывали, что Хаджи сказал: «Геха, сегодня ты стал посредником между мной и царем, даю тебе слово, что завтра (т.е. в ином мире) я буду посредником между Аллахом и тобой». Когда скончался Геха, было время обеда, на тезете (траурное место, где принимают соболезнования) пошли разговоры: Хаджи сказал так, а его здесь нету... Хаджи уложил его в нишу могилы. (Геха скончался в 1862 году и похоронен на кладбище в селе Гуни. Об этом рассказал являющийся потомком Гехи Шемилев Илман (1925)).

3 января 1864 г. власть царя арестовала Киши-Хаджи и отправила в ссылку. В 1864–1866 годах покинули край члены семьи Хаджи.

Раньше гуной (род) были последователями Геза-Хаджи (его называют в народе Хаджи из Зандака, переломивший хребет Дьяволу, переспоривший черта. Скончался в Мекке), Хаджи из Сесана и Хаджи из Зандака вместе с Хаджи из Илсхан-Юрта были в Гуни, когда Хаджи из Зандака с возвышения для произнесения Азана произнес речь, в которой разрешил жителям Гуни быть последователями Хаджи из Илсхан-Юрта, совершив с ним товбу. Об этом рассказывают старейшие жители (место это в углу сада показал Хизриев Ахмед (1936). Супруга Киши – Хеда – была из рода чартой. Семья состояла из: сыновей Кунта, Мовсар, Муцу, Висха, Мовсуд (он умер маленьким), дочерей Мата (она была из детей самая старшая), Хапта.

Киши скончался в Илсхан-Юрте, там же находится его зиярат (гробница святых).

Хеди скончалась за семь лет до ареста Хаджи, похоронена в Эртане, там находится ее зиярат.

Муцу и Мовсуд скончались в Илсхан-Юрте.

Мата скончалась в Автурах и погребена там же, имеется зиярат.

Хапта скончалась в Гуни и похоронена там же, имеется зиярат.

Мовсар умер в Аравии (в Турции. – Авт.), а Висха – в Турции.

У Хаджи были две жены – Седа и Жансари.

Семья Седы: Махма, Мовла, Хизир, Эсет, Субар.

Жансари была сестрой Таймиева Бейбулата, детей у нее не было. Она похоронена в с. Курчалой, там же имеется зиярат.

РОДСТВО, ИДУЩЕЕ ОТ ОТЦОВ

Мой прадед Ильяс и двоюродный брат его отца Эскарха-Хаджи были мюридами и близкими товарищами Хаджи из Илсхан-Юрта (Кунта-Хаджи, Да возвысит и очистит его тайну Всевышний Аллах). Рядом с Хаджи в ссылке в городе Устюжно провел время Ильяс с такими же, как он, другими мюридами. Из этих мюридов остался в живых только один – Ковранак из Гехи. Узнав, что он вернулся из ссылки, брат моего деда Адсалам, желая расспросить о своем отце и узнать, что с ним, пошел к Ковранаку. Я слышал от отца и его брата Шахада о том, что рассказал Ковранак. Ковранак рассказал, что когда они были в тюрьме, Хаджи и Мовсар были в одной отдельной камере, а остальные мюриды находились в другой камере, и между ними была лишь одна стена. В стене была трещина, через которую можно было переговариваться. Бывший с нами Ильяс заболел и был переведен в городской лазарет. Прошло около месяца, и однажды глубокой ночью, Кунта-Хаджи сообщил нам через трещину в камере: «Наш товарищ Ильяс скончался в лазарете. Приготовьтесь к молитвам, утром, попросив разрешения, мы его похороним».

Когда рассвело, постучав в дверь, Хаджи вызвал надзирателя и сообщил ему: «Нам сообщили о том, что наш товарищ скончался в лазарете, разрешите нам похоронить его соответственно требованиям нашей религии». Надзиратель ответил: «Нам ничего не известно о смерти вашего товарища. Ваше прошение мы приняли во внимание. Если он действительно умер, мы попросим разрешения на захоронение». Прошло немного времени, двери камер открылись, и нас вывели. В длинном коридоре были выпущенные раньше нас Хаджи и Мовсар. Во главе с ними, забрав с лазарета Ильяс, собрав деньжонки, которые у нас были, мы купили у местных татар размером с осла крупного барана и употребив его для милостыни, Хаджи и Мовсар уложили его в нишу могилы. «Таким образом мы похоронили вашего отца», – рассказал Ковранак брату нашего деда Адсаламу.

Упомянутый мной Адсалам ходил с детьми Хаджи Махмой и Мовлой пасти овец и был человеком их возраста.

Одно время у него прошло, пытаясь постичь тайное.

2010 г.

КОПИИ ВЫПИСОК, РАПОРТОВ, ДОНЕСЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ШЕЙХОМ КУНТА-ХАДЖИ

Выписка из дела канцелярии начальника Терской области о политическом преступнике Кунта-Хаджи, отправленном под надзором адъютанта штабс-капитана Фон-Шака, и его сообщниках. (Архив, д. 631, оп. 226).

Копия

Милостивый Государь,

Князь Александр Георгиевич, штабс-капитан Фон-Шак сего дня утром доставил во Владикавказ Ших-Кунту и брата его Мовсура.

Прошу Вашей искренней заинтересованности за вполне основательное выполнение этого арестования.

Остаюсь уверенным, что им совершенное ослабление в чеченском племени развившейся зикры будет приведено к успешному окончанию на основании тех соглашений, которые известны Вашему сиятельству из предшествовавшей переписки по этому делу. Я совершенно разделяю мнение ваше, что, предприняв однажды эти арестования, не следует останавливаться на полумерах, а напротив, довести дело до конца, тем еще более, что настоящее время года дает нам по этому делу полную возможность, трудно допустить, чтобы при настоящих холодах чеченцы в состоянии предпринять что-либо серьезное, и поэтому-то необходимо, опираясь на благомыслящую часть населения, в течение двух остающихся зимних месяцев изъять из чеченского племени наиболее беспокойные возмущающие народ личности.

В числе мер, которые необходимо принять теперь же, я считаю необходимым возложить под строжайшей ответственностью наибов и старшин наблюдение за прекращением всякого зикристкого пения и плясок в аулах. В мечетях же они могут выполнять обряд той зикры, который будет оправдан имамами и кадиями, известными нам строгими и точными исполнителями обряда исламизма.

Кунте объявлено сегодня о том, что он высылается в Россию, в губернию, где пребывание и содержание его будет зависеть от последующего поведения чеченцев. Прилагаемое письмо от Кунты на имя духовных и почетных лиц Чечни, а также векелей и наибов написано с дозволения моего. Он молит чеченцев оставаться спокойными.

Прошу Ваше сиятельство обратить особенное внимание на содержание этого письма, приказав перевести его доверенному переводчику, предоставляю ближайшему усмотрению Вашего сиятельства или дать письму этому гласность, или же оставить его у себя без всякого оглашения.

Если вы не уведомили об арестовании Кунты начальника Дагестанской области, то я прошу Вас сообщить ему об этом особо от уведомления посланного Вами к начальнику Андинского округа.

По известным причинам я полагал бы выгодным для нас муллу Мансу не подвергать высылке в Россию, обязав его только посредством верного поручительства переселиться немедленно с семьей в Турцию.

№ 26 от 6 января 1864 года. Владикавказ

От начальника т. о. 6 января 1864 года № 37
Начальнику атаману войска Донского

Рапорт

Признав необходимым немедленно удалить из вверенной мне области уроженца Чечни Ших-Кунту, я сделал распоряжение об отправлении его на почтовых в сопровождении двух благонадежных урядников в г. Новочеркасск, где он и имеет быть представлен в штаб вверенного Вашему Высокопревосходительству войск.

Входя вместе с сим представлением к его Императорскому Высочеству, командующему армией, о дальнейшем отправлении Кунты в одну из внутренних губерний, я покорнейше прошу распоряжения Вашего В-ва, дабы вперед до получения особого уведомления Ших-Кунта содержался под строжайшим караулом, не подвергая его ни закованию в кандалы, ни тесному тюремному заключению, так как человек этот не принадлежит к разряду обыкновенных преступников и удаление его с Кавказа вызвано только крайнею степенью религиозного фанатизма, распространяемого им среди мусульманского населения под видом особых религиозных обрядов и угрожающего принять политическое направление. Если во время своего пребывания в Новочеркасске Кунта пожелает написать на родину письмо, то покорнейше прошу Ваше В-во приказать доставлять письма его в Штаб вверенных вам войск. О приказании, какое будет мною получено от его И. В. касательно дальнейшей участи Кунты, я не замедлю донести Вашему В-ву.

Копия с рапорта командующему войсками Терской области, исполняющего должность среднего урядника 7 января за № 30. В дополнение донесения моего от 5 января за № 5 доношу, что вместе с этим арестованы и отправлены в Екатериноград для содержания на гаупвахте, вперед особого приказания Вашего превосходительства, векиля ученик зикры: мулла Гойтинского аула Гаймарзуко-Хаджи и Тарко-кадий, Абдусалам Тутгиреев Алихан-Юртовского аула, Корнай Телебов Гехинского аула, Талиб Старо-Атагинского аула; все они жители Урусмартановского наибства.

Подлинно подписал генерал-майор
князь Туманов

№ п/п	Имя и фамилия	
1	Семья Хамзат Хан Дундуев из села Илсхан-Юрт жена Ядых сын Абубакар дочь Элесной двоюр. брат Ваха Муртаев мать Салимат Салам Мусолаев из Алих. юрта жена Газу сын Садул дочь Заик брат Висаит двоюр. брат Хизир братья Муслиман Семья Косам Мочик Валлеринского аула Жена Хайбат сын их брат жены Джамбулат Гасилат	30 л 1 г. 3 г. 2 г. 60 л. 30 л. 2 1/2 г. 20 л. 20 л. 1 г. 25 л.

350

Исполняющий должность начальника отдела
генерал-майор князь Туманов
исполняющий долж. старший адъютант (Подпись)

Препроводить к подполковнику Павлову с тем, чтобы составлено было представление о высылке первых без срока, пока начальство не признает возможным возвратить их; то же самое и о трех последних без срока, но в отдаленную губернию России.

Подпись

В. Д. Новочеркасского полицмейстера

Копия

В Штаб начальника Терской области.

На основании отзыва начальника Терской области от 7 числа минувшего января за № 37 к начальнику атаману войска Донского препровождаю при сем два письма от находящихся под стражей в Новочеркасске чеченцев: Ших-Кунты и брата его Мовсура.

Подполковник Березовский

Копия с копии

Ваше сиятельство,

Я с братом в Новочеркасске благополучно, где мы в настоящее время благодаря Бога и по милости Государя находимся в здоровом и спокойном состоянии, не заботясь ни о чем кроме наших семейств, о здоровье и положении, которых имеем честь просить покорнейше Ваше сиятельство известить нас, коли это Вам не будет затруднительно. И так остаюсь в надежде, что по милости Вашего сиятельства письмо наше дойдет до нашего семейства, наших не оставьте без внимания. Вы о наших семействах можете узнать от сына моего Мухамеда или брата Висха.

Известный Вам Кунта-Хаджи
Верно: поручик Павловский

Письмо составлено Кунта-Хаджи, Мовсуром к их родным
(перевод)

От сосланных Кунта-Хаджи и Мовсура любезному брату их Висхе и семейству их, да будет приветствие, и да простит вас Бог высочайший, где бы вы ни находились. Мы прибыли в г. Новочеркасск благополучно и живем здесь в полном здоровье по милости Бога Высочайшего и Великого

Государя. После желаем благополучия и здоровья, просим вас, чтобы вы разводили виноградный сад в местечке Биозархатало, а не оставляли бы цидарх без присмотра и просим вас также смотреть за овощами нашими, которые пусть находятся вместе с овощами Турлау. Да будет от нас поклон же выслать с Кавказа; из них главного распространителя этой секты Ших-Кунта, брата его Мовсура, а также муллу Гойтакинского аула Гушмарзуко-Хаджи и Торко в г. Новочеркасск к наказному атаману земли войска Донского: первого для препровождения установленным порядком по этапу под караулом в гор. Тамбовск к тамошнему гражданскому губернатору впредь до дальнейшего распоряжения министерства внутренних дел о бессрочном поселении Ших-Кунты в одну из отдаленных губерний под надзором полиции, а последних трех – до воспоследования Высочайшего повеления ссылке в арестанские роты Турлау, Кадию, Темиру и прочим.

Письмо по магометанскому летоисчислению 14-го Рамазана. Вероятно, название месяца (1280) 1864 г. в городе Новочеркасске.

Переводил С. Г о л у б о в.

Командующий Кавказской армией № 309

23 февраля 1864 г. в г. Тифлисе

Начальнику Терской области

Разрешено Вашему превосходительству нижепоименованных горцев, оказавшихся наиболее виновными к распространению фанатической секты «зикры», принявшей политическое направление, каждого сроком на пять лет с тем, чтобы по окончании этого времени поименованные горцы были бы сосланы в Сибирь на бессрочное поселение.

Жителей аула Алихан-юрта Абдусалам Тутгиреева, аула Гехи Корная Телебова и аула Старо-Атагинского Талиба выслать в г. Тамбов к тамошнему гражданскому губернатору впредь до дальнейшего распоряжения министерства внутренних дел о бессрочном поселении вышеупомянутых горцев в одну из отдаленных от Кавказа губерний под надзором полиции. Об этом распоряжении, Ваше превосходительство, сообщите наказному атаману войска Донского и тамбовскому гражданскому губернатору.

Генерал-фельдцехмстер (П о д п и с ь)
Начальник Главного штаба (П о д п и с ь)

От начальника Терской области № 2017

23 марта 1864 г.

Тамбовскому гражданскому губернатору

Его Императорское Высочество командующий Кавказской Армией предписанием от 23 февраля 1864 г. за № 309 разрешить изволил: высланных мною по особому разрешению Его Высочества в ведение наказного Атамана войска Донского в Новочеркасск уроженцев вверенной мне области, оказавшихся наиболее виновными в распространении фанатической секты «зикры», а именно: главного распространителя этой секты Ших-Кунта и жителей аула Алхан-Юрта Абдусалама Тутгиреева, аула Гехи Корная Телебова и аула Старо-Атагинского Талиба отправить этапом под караулом в город Тамбов к Вашему превосходительству впредь до дальнейшего распоряжения министерства внутренних дел о бессрочном поселении в одну из отдаленных от Кавказа губерний.

Сообщив о таковом распоряжении Его Императорского Высочества наказному атаману войска Донского для ответственного распоряжения и уведомления об этом Вашего Превосходительства, считаю необходимым присовокупить, что Абдусалам Тутгиреев, Корнай Телебов и Талиб происходят из простого звания и средства к содержанию себя в ссылке не имеют, что же касается до Ших-Кунты, по бедности своей также не может содержать себя в ссылке на свой счет, то я вместе с сим вхожу с представлением о разрешении вследствие особых обстоятельств производить ему довольствие наравне с лицами привилегированных сословий.

От начальника Терской области. № 2018

23 марта 1864 г.

Копия

Начальнику Главного штаба, имея в виду, что подлежащие по распоряжению Его Императорского Высочества командующего армией бессрочному поселению под надзором полиции, распространитель зикринской секты Ших-Кунта не имеет средства к содержанию себя в ссылке на свой счет и, признавая необходимым обеспечить по возможности положение его в ссылке в материальном отношении; прошу зависящего ходатайства Вашего Превосходительства о производстве ему во все время нахождения его под надзором полиции того довольствия, которое определено для лиц привилегированных сословий.

Главный штаб Кавказской Армии
Канцелярия по управлению кавказскими горцами
Отделение 1 стол
23 апреля 1864 г. № 757 в
гор. Тифлис в дополнение к № 09

Правителя канцелярии начальника Терской области министр внутренних дел от 20 марта сего года за № 2087 уведомил, что министерством сделано распоряжение о поселении сосланного с Кавказа жителя чеченского округа Ших-Кунта под надзором полиции в Новгородскую губернию бессрочно. О чем имею честь сообщить для доклада Начальнику области.

Управляющий канцелярией подполковник Черкесов
Зам. начальника отделения, причисленного городскому штабу,
штабс-капитан Жданов

От канцелярии № 393 от 10 февраля 1865 г.
Новгородскому гражданскому губернатору

Препровождая при сем письмо на имя жителя чеченского округа Ших-Кунты, находящегося под надзором полиции в Новгородской губернии, канцелярия просит распоряжения В В-ва о выдаче (передаче) письма этого по адресу и уведомить о том начальника Терской области.

От брата и сына Мухамеда к Хаджи-Кунте. Да будет приветствие и милосердие Божее Аминь. Уведомляем Вас, что мы, слава Богу, здоровы душевно и телесно, пользуемся постоянным благополучием, и только не получения от вас до настоящего времени письма наводит на нас печаль.

Месяц Рамазан 5 дня 1281 г. по магометанскому летоисчислению
Переводил С. Голубов

Именной список главнейших и известнейших деятелей
зикристской партии в Чечне.

Наибами указаны:

1. Мовсар – брат Кунта-Хаджи. Он возглавлял Автуринское наибство, расположенное между Мичиком и Хулхулау.
2. Хаматхан. Его наибство распространяется на Качкалыковскую деревню.
3. Абдул-Хамид из Шали. Набство его от Шали и Герменчука до Урус-Мартана.
4. Мячик – мулла из аула Валерик. Набство его между Урус-Мартаном и Ачхой-Мартаном.

5. Манцу – мулла из Староюртовского аула Надтеречной деревни. Наибство его в Надтеречной деревне.

Все желающие присоединиться к зикристам являлись к этим наибам, которые были в постоянном контакте с Кунта-Хаджи, спрашивали у него совета по различным вопросам.

К активным сторонникам Кунта-Хаджи отнесен кадий Гушмазуко-Хаджи из аула Беной Надтеречного наибства.

В качестве векилей Шейха Киши-Хаджи проходят нижеперечисленные лица:

1. Ильяс из аула Центарой, фамилии Беной.
2. Насур Гиртаев из фамилии Ялхой.
3. Алхазур Гадиев из аула Гельдиген.
4. Аббас из Цацан-Юрта
5. Дада Арслангириев из аула Автуры.
6. Уллубей Цацаринов из Мескер-Юрта Шалинского аула.
7. Ахматхан Хамзатханов из аула Шали, фамилии Арсаной.
8. Яшурка Итаев, фамилии Ялхой.
9. Батака из аула Большой Чечен (бежавший из грозненской гауптвахты во время ареста).
10. Али из фамилии Энгеной, аула Берды-Кел.
11. Хапта из Шама-Юрта, фамилии Тергой.
12. Пейзулла из аула Катар-Юрт, фамилии Галгай.
13. Хаджи Еса из аула Катар-Юрта, фамилии Кновелой.
14. Таршу из аула Катар-Юрт, фамилии Магарой.
15. Чага Хамаев из аула Шалажи, фамилии Аки.
16. Шатука Пицоев из аула Шалажи.
17. Хушта из аула Шалажи, фамилии Пешхой.
18. Маджа Батагов, фамилии Терлой, аул Валерик.
19. Эди Элаев из аула Валерик.
20. Касим – мулла из аула Валерик, тавлинец.
21. Джамбулат Гашбулатов из аула Валерик.
22. Эло Цишков из аула Ново Алды, фамилии Гуной.
23. Абусалам Тутгиреев из аула Алхан-Торт.
24. Салам Мусаев из аула Алхан-Юрт.
25. Ломака Мусаев из аула Алхан-Юрт.
26. Ману из аула Кулары, фамилии Бовхой.
27. Таиб из фамилии Терлой.
28. Каврунка Таиев из аула Гехи, фамилии Нашхой.
29. Мухаш Евраев из аула Гехи, фамилии Чинахой.
30. Халид (Хамид) из аула Урус-Мартан, фамилии Беной.
31. Инарука из аула Урус-Мартан, фамилии Пешхой.
32. Курнай из аула Урус-Мартан, фамилии Гендерченой.
33. Тарки мулла из аула Урус-Мартан «беспокойный».
34. Алибеков Цуцхан.
35. Махти Цухороев, аул Шалинский.

36. Израил Идрисов.
37. Астемир Астемиров из Дубай-Юрта.
38. Довлет-бей Урселинов.
39. Мохо Кациев.
40. Бади Абдулла.
41. Мовсар Урус-Мартановский.
42. Баадди из аула Алхан-Юртовского.
43. Бамат-Гирей, приближенный Кунта-Хаджи из Автуринского наибства.

Ниже приведенная таблица показывает, какое количество последователей Кунта-Хаджи имелось в аулах Чечни в период становления зикризма

Таблица

№ п/п	Название аула	Количество зикристов
1.	Шали	800
2.	Гехи	790
3.	Шалажи	440
4.	Валерик	490
5.	Новые Атаги	420
6.	Автуры	400
7.	Катар-Юрт	370
8.	Ачхой-Мартан	335
9.	Урус-Мартан	375
10.	Алхан-Юрт	300
11.	Большой Чечен	200
12.	Ново-Алды	140
13.	Гельдеген	130
14.	Цацан-Юрт	100
15.	Центорой	57
16.	Шама-Юрт	57
17.	Мескер-Юрт	54
18.	Берд-Кел	50
19.	Кулары	50
20.	Бачи-Юрт	30

Итого: 5588

Таким образом, наибольшее число последователей зикризма имелось в аулах: Шали, Гехи, Шалажи, Валерик, Новые Атаги, Автуры, Катар-Юрт, Урус-Мартан. По данным царских чиновников, у шейха Кунта-Хаджи отсутствуют последователи в его родном ауле Илсхан-Юрт.

КУНТА-ХЪАЪЖЕХ НАЗМАНАШ

ДЕРРИГ ДУЪНЕ ДЕЛХИЙ АХЪ

ХIара суьйре елхий ахь,
ХIара Iуьйре елхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

Сийна стигал елхий ахь,
Iаьржа латта делхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

Пайракх-корта белхий ахь,
Лекха Эрта елхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

Дада Киши велхий ахь,
Нана Хеди елхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

Ваша Мовсар велхий ахь,
Йиша Хъапта елхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

Йиша Мата елхий ахь,
Хъайн муридаш белхий ахь,
Дерриг дуьне делхий ахь,
Марша ва, Хъаъжа, хьо.

1982 ш.

**МА БЕРКАТЕ
ВЕАРА ХЬО**

Маълхан нур ва санна, хъайн юьхъах нур дуьйлуш,
Беттан нур ва санна, хъайн деглах нур хьерчаш,
Багара йолучу лаьнарца иманан нур даржадеш,
Ва Хъаьжи, ма беркате веара хьо,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи,
Ва Хъаьжи, Дала къайле хъан цIанйойла,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи.
Малхбалехъа нур даьржи, хьоьца Дегласта гулъели,
Дела вовзаран иманехъ Делан Iалам нисдели,
Хъайн багара мотт лебеш Делан Iалам хьох кхетта,
Ва Хъаьжи, Даллий, тхуний юкъавуьйли хьо,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи,
Ва Хъаьжи, Дала къайле хъан цIанйойла,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи.

Динан Iаьршашна го бина маликаш хIуьттур ду,
Зуькран чIагаре хIиттина, цуьнан эшаре ва дуьйлуш,
Къадарин мулкаца Делан Iаьршан го ловзош,
Ва Хъаьжи, ма беркате гучувели хьо,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи,
Ва Хъаьжи, тхуний, Даллий юкъавуьйли хьо,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи,
Ва Хъаьжи, Дала къайле хъан цIанйойла,
ЛаилахIа-иллаллахIи, лаилахIа-иллаллахIи.

1982 ш.

Записал М. Абуев

БАКЪОНЦА ВЕА ХЬО

Азаллехъ синошка шайн устаз лоцуьйтуш,
Синошка чIогIа тIеобцуьйтуш веа хьо,
Шовкъаца хъайн мурдаш ма ловза беги ахь,
Марша ва, Хъаьжа хьо, бакъонца веа хьо.

Малхбалехъ, малхбузехъ вуьйцуьйтуш веа хьо.
Малхбалехъ, малхбузехъ хьо кхойкхуш веа хьо,
Цу БухIару бохучу хIордан кийрахъ дин Iамош веа хьо,
Марша ва, Хъаьжа хьо, бакъонца веа хьо.

Хи чурчу чѣраша кхаънаш дохуш веа хьо,
Хѳора цѣнна кѣадарий хьо кхайкхош веа хьо,
Дуьненан баланаш тѳеобцуш веа хьо,
Марша ва, Хѳаъжа хьо, бакѳонца веа хьо.

Маликийн моґларе хьо хѳуьттуш веа хьо,
Маликийн чѳуг айхѳа хѳийзаеш веа хьо,
Чагарехь хьо хѳийзаш веа хьо,
Марша ва, Хѳаъжа хьо, бакѳонца веа хьо.

Тиллачу наха тилла ву бохуш,
Мунепикъ наха мегар вац бохуш,
Делан Пайхамаре хьо дукха кхойкхучу
Илсхан-юьртах ваьккхи хьо, ва Кишин Хѳаъжа.

1986 ш.

Записал Э. Мулуев

ХЬО МАРША ВОПИЙЛА, ВА КИШИН МУБАРИК

Масане стигланан охѳланаш нисби ахь,
Масане кху лаьттахь эвляяъ кхийй ахь,
Масане мурдашна кѳайленаш гайти ахь,
Хьо марша воґийла, ва Кишин Мубарик.

Масане са долуш иман чохь кхалхий ахь,
Масане барт хаттар тешаме дайти ахь,
Масане Иблиса боьґна гур бохий ахь,
Хьо марша воґийла, ва Кишин Мубарик.

Масане Иблисан эскараш эший ахь,
Масане Иблисан шахьараш йохий ахь,
Хѳара дуьне гатди ахь иманехь воцчунна,
Хьо марша воґийла, ва Кишин Мубарик.

Баланаш латтий ахь сий долчу хѳайн дегѳехь,
Хѳара дуьне доьхкина, эхарт ва эцна,
Дала хьо хаьржина, шен ѳилманан устаз вина,
Хьо марша воґийла, ва Кишин Мубарик.

Акхарой дузий ахь тѳерекѳатан марзонца,
Олхазарш дузий ахь кѣадарий хесторца,

Хи чуъра и члерий хьо хестош ловзура,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Вайн Дела везарца хьайн кийра бузий ахь.
Хьо везар марзонца хьайн мурдаш бузий ахь.
Хлара къадарий тлерекъат мел мерза даржий ахь,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Вайн Дала кхийира хьо, Элчане кечвойтуш,
Хьайн мурдаш кхийира ахь цу стигла ва бохуш,
И мелчихойн ва Мала ахь стигла ваьккхира,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Шен Илманан хлорд Дала хьан кийра биллина,
Шен балхехь вайн Дала массанхьа ларий хьо,
Элчанан асхьабех хлара тоба тарйи ахь,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Мостагінн тарраш тле хьан мурдаш хьаьлхира.
Цхьамзанца ирх бахча чу тарраш диттира,
Элчанан асхьабийн хьуьнарш ма гайтира,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Дала баккха аьлча бен ког баьккхина вацара хьо,
Дала ала аьлларг бен дош аьлла вацара хьо,
Ахь воглур ву аьллера, и сецна даьллера,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Длабуьзна малх санна, хьо къайла ма велира,
Схьакхетта малх санна, цкъа гучувер ву хьо,
Хьан некъаш хедийначара байттамал бохур ду,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

Хьо везнарг Дала ша шен шуьне кхойкхур ву,
Хьан омра лардинарг Элчано хьоьстур ву,
Ялсамане мулкхехь ахь боьв а воккхур ву,
Хьо марша вогійла, ва Кишин Мубарик.

1988 ш.

Записал М. Абдулмежидов

**ВАЙН ХЬАЪЖИ
ХЕСТОШ ВУ**

Ва Iела ма велира,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Хьаъжин цийнан цу тхов tie,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Мохь бетташ кхайкхира,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Ва Маккин элашка,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Цо цаьрга аьллера,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Аш шега ладогIа,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Ша бала бу шуна,
ЛаклахIа-иллаллахIи,
Дала ша боссийна,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Тахана хьовсийша,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Сий долчу Элчане,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Таьххьара де ду шуна,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Ва Маккин элий,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Ша Деттар ду шуна,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
ХIара Делан зилбукьар,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Шу туьрца хедадеш,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Ша охьадохкур шу,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Ва йела ма хъаъвзира,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Сий долчу Макки чу,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Сий долу зилбукъар,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Шен буйнахъ ва къуьйлуш,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Цо цаьрга аьллера,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Шен туьрах ларлолаш,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Дарделла лом ду ша,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Макки чу деана,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

И Дела цхъаъ велаш,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Бакъ велаш и Элча,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

И атта ду шуна,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Шуьгарчу харцонал,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Малхбалехъа, малхбузехъа,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Кишин воI хестош ву,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Вайн Далла хастам бу,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Хъайн устаз лацарна,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Стигланан Iаьршашкахъ,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Хедин воI хестош ву,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Вайн Далла хастам бу,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
И бакъо яларна,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Малхбале, бузехъа,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
ДегIаста гIаттийна,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Боккхачу балхана,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Вайн Хъабжи да ма ву,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Са оьцу мулкалмот,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Вайн Хъабжин гергара ду,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Дала войла хъо декъала,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Вайн устаз меттара ву,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

И оьзда маликаш,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Вайн Хъабжин гергара ду,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

Дала войла хъо декъала,
ЛаилахIа-иллаллахIи,
Вайн устаз меттара ву,
ЛаилахIа-иллаллахIи.

1998 ш.

Записал А. Ансаров

**ХЪО ДАЛА ЛАРВОЙЛА,
ВА КИШИН ВОI МУБАРИК**

«АлхъамдуллилахI», бохуш,
Вайн Далла хастам беш,
Вайн сийлахъ Элчанна «Салават» дуьллуш,

Вайн декъаза ламалаш юьйцуш,
Аш ойла елаш, хлай динан вежарий.

Элча дуьне длатесна миска стаг ма вара,
Хьо хлара дуьне дитарехь Элчане нисвелла,
Дуьненан бахамаш и лобхуш вацара,
Хьо Дала ларвойла, ва Кишии во! Мубарик.

Элчанан асхьабаш миска нах ма хилла,
Хлара дуьне дитарехь Элчане тарбелла,
Уьш санна хьан мурдаш миска нах ма хилла,
Хьо Дала ларвойла, ва Кишин во! Мубарик.

Элчано шен асхьабашка мел бина хьехамаш
Кху нохчийн къомана ахь бина ма хилла,
Хьан хьехам схьалаьцнарг декъала хилла,
Хьо Дала ларвойла, ва Кишин во! Мубарик.

Элчано шен асхьабашка мел дина весеташ
Хьайн мурдийн тобане ахь дина ма хилла,
Хьан весеташ схьалаьцнарг декъала ма хилла,
Хьо Дала ларвойла, ва Кишин во! Мубарик.

Кишин во! Мубарик, ма сийлахь кхоьल्लीна хьо,
Элчанан илманаш ахь дуьйцуш хиллера,
Цуьнан ерриг къайленаш ахь юьйцуш хиллера,
Хьо Дала ларвойла, ва Кишин во! Мубарик.

Элчано шен асхьабашлахь
Абубакар хаьржина ма хилла,
Ахь Мовсар вежаршлахь къастийна ма хилла,
И накъост ва лаьцна махкаха велира хьо,
Хьо Дала вухалойла-кха, Кишин во! Мубарик.

Тешна дац тхан дегнаш хьо кхелхар вац аьлла,
Вайн Дела воцуриг кхалхаза ма ца воу,
Хьо вухавоьхуш вайн Деле тхо кхойкхур ду,
Хьо вухалойла-кха кхоьллинчу вайн Дала.

Хьан заманан илманан нах хьан довхой ма хилла,
Цара зуламаш ма дина хьан илма ца яз деш,
Хьан устаз Элча вуй ца хиьна царна-ма,
Хьо вухалойла-кха кхоьллинчу вайн Дала.

1993 ш.

Записал А. Мурдагалиев

ХЪАЪЖИ, ТХАН ДОЛА ДЕХЪА

Стигла хъала ва вуьйлуш,
Стиглара охла ва гиттадеш,
Лабтта охъа ва вуьссуш,
Делан лаам гиттадеш,
Ва Хъаъжи, Делан халкъашна
Ма беркате гучувелира хьо;
Лаилахла-иллаллахли,
Ва Хъаъжи, Дала къайле хъан тойойла,
Лаилахла-иллаллахли.

Стигла хъала ва вуьйлуш,
Маликийн члуг ловзаеш,
Лабтта охъа ва вуьссуш,
Адаман бераш ловзадеш,
Бийшинарш гиттабеш,
Питтинарш ловзабеш,
Ва Хъаъжи, ма беркате гучувелира хьо,
Лаилахла-иллаллахли.

Хийла да валийна,
Хийла да гаттийна,
Хлора къоман маттаца
Хъайн багара мотт лебеш,
Цатешарш тешабеш,
Ва Хъаъжи, Делан халкъаш ахь ловзош ду,
Лаилахла-иллаллахли.

Хъайн деглана го бина,
Элчанан уммат гиттадеш,
Хъайн хъуьжарш ехкина,
Делан некъе берзийна,
Дегластанара халкъаш
Хъайн хъуьжаре хъовсийна,
Вайн Далла тле боьду некъ
Цу халкъашна бовзуьйтуш,
Ва Хъаъжи, Делан халкъаш ахь кхетош ду,
Лаилахла-иллаллахли.

Малхбалехъа, бузехъа
Ворхл Дегласта гулийна,

Хлора кѡман маттаца
Хъайн багара мотт лебеш,
Дела везаран мулкан некъ
Делан халкъашна бовзуйтуш,
Іаламан неІ йиллина,
Ва Хъаъжи,
Делан Іалам ахъ кхетош ду,
ЛаилахІа-иллаллахІи.

Малхбалехъа, бузехъа Делан Іалам гІаттийна,
Лекхачу Эртана веана,
Хъайн муридаш ГІовттийна,
Гайракх-коърта ва вуьйлуш,
Вайн Делева кхойкхуш,
Ілсхана-юъртахъ жамІат хІоттийна,
Ва Хъаъжи, Делан балхехъ хѡ лелаш ву,
Ва Хъаъжи, хѡ дукхавезар тхан хІун бехк бу,

ЛаилахІа-иллаллахІи.
Ва Хъаъжи, тхан болх Деле балхабехъа,
ЛаилахІа-иллаллахІи,
Ва Хъаъжи, тхо мисканийн дола дехъа.

1985 ш.

Записала С. Музаева

МА ХАЗА ЛИЙЛИРА Хѡ

Мунепакъ нахаца гергарло доцуш,
Ва пасикъ охІланца доттагІалла доцуш,
Іесачу нахаца дог-ойла йоцуш,
Ма хаза лийлира хѡ, Мубарик-Хъаъжи.

Іесачу ва нахе тІедерза ва бохуш,
ХІара деза къадарий дІаэца бохуш,
Шовкъаца тІерекъат ловзор вай бохуш,
Ма хаза лийлира хѡ, Мубарик-Хъаъжи.

Маликийн тобанца и Іарш-курс ловзош,
Муридийн тобанца и Эрти ловзош,
Ілсхана ва юъртахъ жамІаташ латтош,
Ма хаза лийлира хѡ, Мубарик-Хъаъжи.

Малхбале вуьйлуш, тIерекъат ва кхайкхош,
Малхбузе ва вуьйлуш, тIерекъат ва кхайкхош,
Бакъ болчу новкъа тIехъ халкъе нисло ва бохуш,
Ма хаза лийлира хьо, Мубарик-Хъаьжи.

Гийлачу ойланца Эртана вуьйлуш,
Гайракха ва коьрте долица вуьйлуш,
Вайн Далла хьесталуш, халкъ Деле ва доьхуш,
Ма хаза лийлира хьо, Мубарик-Хъаьжи.

Шарлаца доцуриг нийса дац бохуш,
Ахъ шайга жоп делча, жайнахъ дац бохуш,
«Бакъонан некъаха тилла хьо», – бохуш,
Ма къиза хьийзийра хьо, Мубарик-Хъаьжи.

1987 ш.

Записал Д. Мулуев

ГО ДОЙЛА ЦЕРАН

ХIара сийна стигланаш яра, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
Го дойла церан, ва Мовсар.

ХIаваэхъ овлаяш бара, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
Го дойла церан, ва Мовсар.

Дашо малх, дашо бутт бара, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
Го дойла церан, ва Мовсар.

Вайн сийлахъ Элча вара, Мовсар,
Вайн везачу Деле маршо йоьхуш,
Вайн Дала, вайн везачу Дала
Го дойла цуьнан, ва Мовсар.

Хъуьнхара акхарой яра, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
Го дойла церан, ва Мовсар.

Хлара лаържа латтанаш дара, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
По дойла церан, ва Мовсар.

Стиглара маликаш дара, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
По дойла церан, ва Мовсар.

И шийла шовданаш дара, Мовсар,
Хъан ваша Деле ва воьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
По дойла церан, ва Мовсар.

Мотт ца хуу хъайбанаш дара, Мовсар,
Вайн везачу Деле маршо йоьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
По дойла церан, ва Мовсар.

Хлара сийна стигланаш яра, Мовсар,
Вайн везачу Деле маршо йоьхуш,
Вайн Дала, Делан Элчано
По дойла церан, ва Мовсар.

1989 ш.

Записал С. Гагаев

СУЬИРЕНАШ ЙОЪЛХИЙЛА...

Хьо марша йогийла, ва хаза блаьсте,
Шемехь йолу блаьсте, хьо ма гийла ели,
Эсет длакхалхарца, Шемехь ша йоьлхуш,
Ибрахlim, хьо воьлхуш, шаш охли боьлхуш.

Шемера къаьхьа кхаь хьо бохьуш еа,
Тхан дегнаш шелдеш, шийла мох хьоькхуш,
Делера хьо блаьсте хилар хаарца,
Марша я хьо, аьлла, тхо реза ма хили.

Хъаьжин къайларо дохийна денош,
Ма сингаттаме еа хьо, ва хаза блаьсте,
И Хъаьжин муридаш ма белхош еа хьо,
Эсетан доьзалаш ма белхош еа хьо.

Хьо кхелхар вац бохуш дов деш ма дац тхо,
Вайн Дела воцуриг кхалхаза ца волу,
Хьан дашах тешарна, хьоьга ладоьгуш ду,
Хьо воьгуш ву бохуш, хьо Деле воьхуш ду.

Буоберийн закаташ дууш волчунна,
Кхача, кхаллар къасто хууш воцчунна,
Хьо вели хилар хууш ца хилла-кха,
Къинхетам бойла хьох, ва Хьаьжи, Дала.

Хан ю-кха дуьненахь хьо, блаьсте, йолуш,
Вайн Элча кхалхарца бакьо ю хууш,
Блаьсте йийцина вай тилла ма дац,
Ибрахим, хьох бойла къинхетам Дала.

Суьйренаш йоьлхийла хьо Деле воьхуш,
Юьйренаш йоьлхийла хьо Деле воьхуш,
Маликаш доьлхийла хьо Деле воьхуш,
Хьан муридаш боьлхуш бу хьо Деле воьхуш.

Стигланаш йоьлхийла хьо Деле воьхуш,
Дашо малх боьлхийла хьо Деле воьхуш,
Беттаса доьлхийла хьо Деле воьхуш,
Хьан муридаш боьлхуш бу хьо Деле воьхуш.

1998 ш.

**Народные религиозные песни,
назмы про Кунта-Хаджи**

Перевод

Записала П. Акмерзаева

Ты всплакнул весь мир

Этот вечер ты всплакнул.
Это утро ты всплакнул.
Весь наш мир ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

Небо синее всплакнул,
Землю черную всплакнул.
Весь наш свет ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

Кремень-голову всплакнул,
Святую Эрту ты всплакнул.
Весь наш свет ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

Киши деда ты всплакнул,
Хеду мать наш ты всплакнул.
Весь наш свет ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

Мовсара брата ты всплакнул,
Сестру Хапту ты всплакнул.
Весь наш свет ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

Сестру Мату ты всплакнул,
Своих мюридов ты всплакнул.
Весь наш свет ты всплакнул, –
Добро пожаловать, Хаджи!

1982 г.

Записал Х. Болатмурзаев

Каким благодатным пришел ты

Как солнца сиянье, с лица свет излучая,
Как сиянье луны, нас в ночи согревая,
Голосом своим свет веры излучая,
Наш Хаджи, с какой благодатью явился ты!
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.

Наш Хаджи, да благословит тебя Аллах!
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.
Засиял ореол на западе – рядом встала вся Чечня!
Узнав Аллаха, вся природа верой прониклась.
Твой язык познав, природа тебя поняла.
Ты, Хаджи, между нами и Аллахом встал.
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.
Наш Хаджи, да благословит тебя Аллах,
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.

Вокруг нимба веры ангелы встанут,
В зикры пускаясь, в его ритме качаясь,
С кадырин плетью небеса качая,
Наш Хаджи, с какой благодатью показался ты.
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.
Наш Хаджи, да благословит тебя Аллах!
Лаилаха-иллалахи. Лаилаха-иллалахи.

1982 г.

Записал М. Абуев

Ты правдой явился

Души людские, признав тебя устазом,
Все сердцем, душою приняли тебя.
И мюриды твои вошли в экстаз.
Добро пожаловать, наш праведный Хаджи!

О тебе говорят на востоке и западе.
На востоке и западе слышен призыв твой.
В чреве Бухару-море, изучая ислам,
Добро пожаловать, наш праведный Хаджи!

Рыбы речные приносили вести,
Что пришел ты с учением кадырия,
Взвалив на себя горести земные.
Добро пожаловать, наш праведный Хаджи!

В когорте ангелов явился ты,
Возглавляя круги этих ангелов.
Впав в зикр, явился ты.
Добро пожаловать, наш праведный Хаджи!

Твердили блудливые, что ты – блудлив.
Безбожники не принимали тебя.
Посланник Аллаха поселил тебя
В Илсхан-Юрт, о Киши-Хаджи!

1986 г.

Записал Э. Мулуев

Добро пожаловать, Киши-Мубарик!

Сколько небесных созданий взрастил ты,
Сколько на земле овлия воспитал.
Сколько мюридам раскрыл ты тайны,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Сколько ты помог на смертном одре,
Сколько ты облегчил уход в праведный мир.
Сколько сатаны капканов разрубил ты,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Сколько сатанинских войск ты разбил,
Сколько городов сатаны разрушил.
Белый свет стал не мил неверным,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Сколько горя видало твое тело святое,
Ты мечтал лишь о мире потустороннем.
Бог избрал тебя наставником ислама,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Накормил ты зверей сладостью тариката,
Птиц накормил ты, восхваляя кадырий.
Рыбы речные тебя возносили,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Безгранична твоя любовь к Аллаху
Потому и мюриды любят тебя.
Ты сладко расширил кадырий тарикат,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Бог тебя создал, а Пророк взрастил,
Ты же взрастил своих мюридов.
В небеса ты вознес Маа из Мелч-хи
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Бог подарил тебе море знаний,
И помог тебе Он успеть повсеместно.
Похожи мюриды на воинов Пророка,
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Мюриды твои ринулись на сабли вражды,
Это был мощный сабельный бой.
Показав стойкость, словно воины Пророка
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Без воли Аллаха не делал ты шагу,
Без воли Аллаха не говорил ничего.
Ты сказал возвратишься. И это – правда.
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Ты исчез, как солнце на закате дня,
И появишься ты, как солнце однажды.
А те, кто не внял тебе, весьма сожалеют.
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

Любивший тебя приблизится к Богу
Пророк поощрит всех, кто слушал тебя.
Станешь желанным ты гостем рая.
Добро пожаловать, о Киши-Мубарик!

1988 г.

Записал М. Абдулмежидов

Мы восхваляем Хаджи

Как взошел наш Али,
Лаилаха-иллалахи,
На крышу дома Хаджи,
Лаилаха-иллалахи!

Обратился страстно он,
Лаилаха-иллалахи,
К князьям Мекки их призвать,
Лаилаха-иллалахи.

Он тогда им сказал,
Лаилаха-иллалахи,
Вы послушайте меня,
Лаилаха-иллалахи.

Горе тяжкое ваше я,
Лаилаха-иллалахи,
Аллахом спущенный с небес,
Лаилаха-иллалахи.

Посмотрите нынче вы,
Лаилаха-иллалахи,
На Пророка нашего,
Лаилаха-иллалахи.

Ваш последний день настал,
Лаилаха-иллалахи,
Князья Мекки всей,
Лаилаха-иллалахи.

Я начну вас рубить,
Лаилаха-иллалахи,
Этим божьим вот мечом,
Лаилаха-иллалахи.

Мечом этим вас рубя,
Лаилаха-иллалахи,
Положу на землю,
Лаилаха-иллалахи.

Взъяренный наш Али,
Лаилаха-иллалахи,
Вошел в славную Мекку,
Лаилаха-иллалахи.

Славный меч зилбукар,
Лаилаха-иллалахи,
В руках сжимая, он сказал:
Лаилаха-иллалахи.

Он так сказал им:
Лаилаха-иллалахи,
Берегитесь вы меча,
Лаилаха-иллалахи.

Взъяренный лев я,
Лаилаха-иллалахи,
Пришел в Мекку к вам,
Лаилаха-иллалахи.

Аллах наш един,
Лаилаха-иллалахи,
Муххамад – Пророк Его,
Лаилаха-иллалахи.

Это зачтется вам,
Лаилаха-иллалахи,
Чем творить свое зло,
Лаилаха-иллалахи.

На западе и на востоке,
Лаилаха-иллалахи,
Восхваляют сына Киши,
Лаилаха-иллалахи.

Слава Аллаху нашему,
Лаилаха-иллалахи,
Что взял в Устазы его,
Лаилаха-иллалахи.

И в небесной роздыми,
Лаилаха-иллалахи,
Сына Хеди восхваляют,
Лаилаха-иллалахи.

Славим Аллаха мы,
Лаилаха-иллалахи.
За то, что Он дал право,
Лаилаха-иллалахи.

На западе и на востоке,
Лаилаха-иллалахи,
Всю Чечню подняв,
Лаилаха-иллалахи.

Свершить великие дела,
Лаилаха-иллалахи,
Наш Хаджи всегда готов,
Лаилаха-иллалахи.
Ангел смерти Азраил,
Лаилаха-иллалахи,
Покровительствует ему,
Лаилаха-иллалахи.

Да благословит тебя Аллах,
Лаилаха-иллалахи,
Наш устаз – достойный ты,
Лаилаха-иллалахи.

Небесные эти ангелы,
Лаилаха-иллалахи,
Хаджи родственники,
Лаилаха-иллалахи.

Да благословит тебя Аллах,
Лаилаха-иллалахи,
Наш устаз достойный ты,
Лаилаха-иллалахи.

1998 г.

Записал А. Ансаров

Да сбережет тебя Бог, Кишиев сын Мубарик!

Произнося «Альхамдулиллах!»,
Хвала Создателю нашему!
Читая молитву в честь Пророка,
Изъясняя исповедь нашу,
Вы подумайте, братья-единоверцы.

Пророк наш был прост, неприхотлив,
И ты, сын Киши, подражал ему во всем.
Ты также не искал благ земных.
Да сбережет тебя Бог, сын Киши Мубарик.

Праведными были асхабы Пророка.
Во всем походили они на него.
Им подражали мюриды Пророка.
Да сбережет тебя Бог, сын Киши Мубарик.

Все наставленья Пророка асхабам
Были сделаны и нам, чеченцам.
Внявший наставленьям твоим – счастлив стал.
Да сбережет тебя Бог, сын Киши Мубарик.

Сын Киши Мубарик, ты родился святым,
Пророка науку нес в народные массы.
Пророка предвиденья ты проповедовал.
Да сбережет тебя Бог, сын Киши Мубарик.

Средь верных асхабов своих –
Абубакара избрал Пророк.
Средь братьев своих ты избрал Мовсара.
Вместе с братом-мюридом ты покинул Отчизну.
Да возвратит тебя Бог, о сын Киши Мубарик.

Сердца наши не верят в погибель твою,
Хотя лишь Всевышний бессмертен.
О твоём возвращенье молим у Бога.
Да возвратит тебя Создатель наш.

Когда ученый люд стал врагом твоим,
И современники не признали твою святость.
Не знали они, что устаз твой – Пророк наш.
Да возвратит тебя нам Создатель наш!

1993 г.

Записал А. Мурдагалиев

Защити нас, Киши-Хаджи

Поднимаясь в небеса,
Пробуждая живые созданья.
Спускаясь на землю,
Пробуждая вселенную Бога.
О Хаджи, народам Создателя
Ты принес благодать-беркат.
Лаилаха-иллалахи!

Поднимаясь в небеса,
В кругу тамошних ангелов,
Спускаясь на землю,
Играя с детьми Адама,

Пробуждая уснувших
И играя с проснувшимися,
О Хаджи, ты принес благодать-беркат.
Лаилаха-иллалахи!

Стольких людей ты привел,
Стольких людей ты поднял.
На языках народов
Объясняя им все,
Убеждая неверующих.
О Хаджи, убедил ты народы Создателя.
Лаилаха-иллалахи!

Всем своим телом и душой,
Пробуждая умму Пророка,
Открыл школы-медресе,
Указав верный путь Аллаха
Народам Отечества,
Направив их в медресе,
Указав народам путь,
Ведущий к Аллаху.
О Хаджи, ты просвещаешь народы.
Лаилаха-иллалахи!

С востока до севера,
Собрав семь Отецеств,
Народу каждому ты четко указал путь,
Ведущий к Всевышнему.
Лаилаха-иллалахи!

С востока до севера,
Разбудив Божий мир,
Подняв мюридов своих,
Ты прибыл в святую Эртан¹
Встал на кремь-холм,
Призывая Создателя.
В Илсхан-Юрте² собрал джамаат.
О Хаджи, ты на пути Всевышнего.
О Хаджи, разве можем мы тебя не любить?
Лаилаха-иллалахи!

¹ Эртан – селение около Ца-Ведено, в котором находится зиярат матери Кунта-Хаджи – Хеди.

² Илсхан-Юрт – село близ г. Гудермес, откуда родом святой овлия Кунта-Хаджи Кишиев.

О Хаджи, пусть Бог смилостивится
Лаилаха-иллалахи!
Защити нас, правоверных.

1985 г.

Записала С. Музаева

Как красиво прожил ты

Не дружа с неверным людом
И с бежбожниками не дружа,
Не связываясь с еретиками,
Как красиво ты жил, Мубарик-Хаджи.

Призывая неверных к исламу,
Протянув им святой тарикат.
Встав в экстаз ученья этого.
Как красиво ты жил, Мубарик-Хаджи.

Вместе с когортой ангелов
И группой мюридов в Эртан,
Создав джамаат в Илсхан-Юрте,
Как красиво ты жил, Мубарик-Хаджи.

Обратясь на восток, призывая к тарикату,
К западу обратясь, призывая к тарикату,
Направляя народ на праведный путь,
Как красиво ты жил, Мубарик-Хаджи.

С грустными мыслями посещая Эртана,
Молитву читая на кремневом холме,
Чтоб Бог послал милость народу,
Как красиво ты жил, Мубарик-Хаджи.

Все, что вне шариата – это неправда,
Убеждал ты инакомыслящих.
Говоря: «Ты заблудился в правдивом пути»,
Измывались они, Мубарик-Хаджи.

1987 г.

Да помогут им всем...

Голубые небеса эти, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Бог наш и Его Пророк
Да помогут небесам, о Мовсар.

В пространстве овлийи, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Бог наш и Его Пророк
Помогут овлийи, о Мовсар.

Солнца диск и луна, Мовсар,
Просили у Аллаха брата твоего.
Пусть Бог наш и его Пророк
Да помогут им, о Мовсар.

Святой Пророк наш, Мовсар,
Просил благоденствия у Бога –
Создателя нашего Всевышнего.
Да поможет Он, о Мовсар.

Лесные звери, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Аллах наш и Его Пророк
Да помогут зверям, Мовсар.

Эти черные земли, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Аллах наш и Его Пророк
Помогут землям, о Мовсар.

Небесные ангелы, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Аллах наш и Его Пророк
Да помогут ангелам, о Мовсар.

Студеные родники, Мовсар,
Просили у Бога брата твоего.
Пусть Аллах наш и Его Пророк
Да помогут родникам, о Мовсар.

Неговорящие животные, Мовсар,
Просили у Бога благоденствия.

Пусть Аллах наш и Его Пророк
Да помогут животным, Мовсар.

Эти синие небеса, Мовсар,
Просили у Бога благоденствия.
Пусть Аллах наш и Его Пророк
Да помогут небесам, о Мовсар.

1989 г.

Записал С. Гагаев

Пусть плачут вечера...

Добро пожаловать, красивая весна!
Весна нынче в Сирию пришла холодная,
Эсет скончалась, рыдая на чужбине,
Плакал Ибрагим и все члены семьи.

Плохую весть ты принесла, весна, из Сирии.
Охладели наши сердца, мы обессилели
Зная, что ты, весна, от Всевышнего,
Приветствовать тебя готовы мы.

Мрачными стали дни Хаджи в неизвестности.
Мрачная пришла ты, о весна-красна.
Мюриды Хаджи плачут навзрыд,
Эсета семья тоже ревет.

Мы не спорим о том, что ты – бессмертен.
И только лишь Бог бессмертен наш.
Слову твоему поверив, мы ждем,
У Бога просим возвращенья твоего.

Кто пожирает милостыню сирот,
И не различает хлеб-соль.
Не знали о том, что ты – святой.
Да благословит тебя Аллах.

У весны также пора цветенья.
Мы знаем правду о смерти Пророка.
О весне говорим мы и не бредим.
Ибрагим, пусть тебя благословит Аллах.

Пусть плачут вечера, прося тебя у Аллаха.
Пусть рассветы плачут, прося тебя у Аллаха.
Пусть ангелы плачут, прося тебя у Аллаха.
Твои мюриды плачут, прося тебя у Аллаха.

Пусть плачут небеса, прося тебя у Аллаха.
Пусть солнце плачет, прося тебя у Аллаха.
Пусть лунная ночь плачет, прося тебя у Аллаха,
Твои мюриды плачут, прося тебя у Аллаха.

1998 г.

ШЕЙХ КУНТА-ХАДЖИ: ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ

Начало религиозной деятельности Кунта-Хаджи

Зикризм

Из истории суфийских учений известно, что любой тарикат успешно приспосабливался к традициям, обычаям, духовным представлениям того народа, в среду которого он проникал. В этом смысле не составляет исключения кадырийский тарикат – одно из многочисленных суфийских учений. Он широко распространился в Чечне, благодаря религиозной деятельности шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Данный вид тариката в официальной историографии царского периода получил название «зикр». Оно впервые было употреблено в донесениях царских вельмож и в исторической литературе дореволюционного периода. Производный от слова «зикр» термин «зикризм» закрепился в основном в исследованиях советского периода. Мы же, следуя этой традиции, будем придерживаться этого термина, хотя в строго научном плане отождествление кадырийского тариката с зикризмом не совсем верно, ибо «зикр» – упоминание Бога – культовый элемент всякого тариката. Поэтому любой тарикат в равной мере можно считать зикризмом. Термин «зикризм» прижился только в Чечено-Ингушетии. Условно можно считать, что зикризм – кавказский вариант кадырийского тариката, обладающий своей спецификой, о которой будет сказано ниже.

Основателем кадырийского тариката в мусульманском мире считается Абдул Кадыр Гилани (1077–1166), жизнь и деятельность которого прошли в Багдаде. Орден кадырийа отличается от других суфийских организаций громким исполнением зикра. Ал-Гилани считается одним из канонизированных и глубоко почитаемых святых у мусульман.

Среди многочисленных мусульманских святых XII века единственно ему удалось «пережить время и стать вдохновителем миллионов, небесным ходатаем и покровителем страждущих вплоть до наших дней», – считает западный ориенталист Дж. Тримингэм. В энциклопедическом словаре «Ислам» ал-Кадыр признается популярным багдадским ханбалитом, сыгравшим «большую роль в универсализации суфийских идей».

Несмотря на признание того, что ал-Кадыр был широко образован, изучал ханбалитский курс юридических наук, при этом отсутствуют свидетельства того, что он получил суфийское образование. Хотя известно, что он в течение двадцати лет странствовал по пустыням Ирака, ведя при этом аскетический образ жизни. В возрасте пятидесяти лет ал-Кадыр неожиданно прославился

в Багдаде как знаменитый проповедник фикха¹ и Корана, знания по которым он имел основательные. К какому-либо суфийскому направлению он не примыкал, но имел связи с великими суфиями своего времени. Абдул Кадыр по совету знаменитого суфия Юсуфа ал-Хамадани, признавшего в нем глубокого знатока Корана и фикха, начал им проповедовать. Еще одна деталь, отрицающая его принадлежность к суфиям. Он одевался, как алим, что подтверждает его непричастность к суфизму. Кроме того, у Кадыра не было собственного пути мистического познания и никого он не наставлял. Но после смерти Абдул Кадыра его сыновья и сподвижники стали распространять тарикат от его имени.

Дж. Тримингэм считает, что согласно преданию, музыка и ритмичный танец в кадырийском тарикате появились только во времена Шамсуддина, правнука Абдул Кадыра.

В XV веке орден кадырийа выходит за пределы Ирака и основывается в ряде мусульманских стран. В XVI веке он проникает в Стамбул, и здесь появляется большое количество суфийских обитателей (текке).

Над могилой Абдул Кадыра в Багдаде возведена мечеть.

Мечеть – могила святого служит местом паломничества многочисленных его последователей. Существует предание о том, что Кунта-Хаджи, будучи во время паломничества в Мекке, услышал о Святом Абдул Кадыре и решил навестить его могилу. Возможно, здесь он и познакомился с учением кадырийа. Как бы то ни было, зачинателем учения кадырийа, получившего название зикризм, в Чечне и в целом на Северном Кавказе является Кунта-Хаджи Кишиев.

Однако в западной ориенталистике на этот счет высказывается ошибочное суждение. Такой авторитетный исследователь суфизма, как Дж. Тримингэм, полагает, что «суфийские братства Кунта-Хаджи, Баммат-Хаджи, Батал-Хаджи представляют собой ответвления старой тарики накшбандийа». Приходя к такому выводу, Дж. Тримингэм ссылается на работу «Ислам в Советском Союзе» А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже. Но эти авторы отмечают, и это подтверждает сам Дж. Тримингэм, что «члены этих братств устраивают публичные сеансы (зикр), которые сопровождаются религиозным пением и танцами».

Несмотря на такую явно «зикристскую» характеристику ритуальной части кадырийского тариката, Дж. Тримингэм неверно считает зикристские братства Кунта-Хаджи, Баматгири-Хаджи, Батал-Хаджи ответвлениями тариката накшбандийа. Искусственную связь между тарикатом кадырийа и накшбандийа в свое время устанавливал кавказовед Н. А. Смирнов, который признавал наличие на Кавказе какого-то «тариката кадыри-накшбандиев». Конечно же, такого тариката на Кавказе никогда не существовало.

В соответствующей литературе по зикризму имеются несколько версий о проникновении кадырийского тариката на Северный Кавказ.

¹ Фикх – мусульманское правоведение.

Дореволюционные исследователи в качестве правдоподобной считают версию, что тарикат кадырийа занесен в Чечню из Османской империи с тем, чтобы вызвать волнения горцев против политики царской власти. Привязка кадырийского тариката к Турции объясняется идеологическими соображениями. Царизм всегда считал, что причина любых волнений горцев на Кавказе – агентурные действия турецких эмиссаров, под влиянием которых якобы чеченцы-единоверцы находились постоянно, готовые поддаться их уговорам. Несмотря на имеющиеся факты, прямо ее опровергающие, эта установка являлась доминирующей в царско-дворянской историографии.

О якобы турецком происхождении зикризма писал также майор царской армии, непосредственный участник подавления зикристского движения в Чечне А. П. Ипполитов. Все последующие сторонники версии турецкого происхождения зикризма берут за основу один и тот же источник – статью А. Ипполитова, в которой, в частности, сказано: «Учение зикра, как надо полагать, занесено первоначально на Кавказ из Турции...»

Дореволюционный исследователь Г. А. Вертепов в своей публикации о зикристах пишет: «Учение зикристов есть не что иное, как видоизмененное учение одного из турецких мусульманских духовных орденов, а именно, руфайясов (по имени основателя этого ордена Саида Ахмета Руфайя)». Гипотезу о турецком происхождении зикризма Г. А. Вертепов заимствовал у А. Ипполитова.

На наш взгляд, высказывание, что тарикат кадырийа происходит из Турции и он родственен тарикату руфайя, сомнительно. На самом же деле, орден руфайя активизировал свою деятельность в Турции в конце XIX века, а Кунта-Хаджи был арестован царскими властями в 1864 году. До активизации ордена руфайя в Анатолии наиболее популярным и авторитетным считался орден накшбандийа. Поэтому логичнее предположить, что зикризм вытекает из накшбандийа, но не из руфайя, хотя и такую постановку вопроса нельзя признать окончательной.

Попытка локализации зикризма путем отнесения места его возникновения только к Турции нам кажется неправдоподобной. Для более достоверного ответа на рассматриваемый вопрос нужны точные факты, соответствующие документы, а таковыми мы пока не располагаем. По данному вопросу представляется заслуживающим внимания мнение А. Д. Яндарова. Вот что он пишет: «Что же касается интересующего нас тариката кадырийа, то вероятность его заимствования из Турции настолько же реальна, насколько и из любой другой мусульманской страны, через которую пролегал путь Кунта-Хаджи Кишиева в Мекку». Здесь уместно одно уточнение. Тарикат кадырийа мог быть заимствован, на наш взгляд, не только по пути следования Кунта-Хаджи в Мекку, но и возвращения.

Вывод А. Д. Яндарова подкрепляется мыслью авторитетного исследователя ислама И. П. Петрушевского, считавшего, что «приверженцы суфийского ордена кадырийа есть теперь во всех мусульманских странах». Трудно, не имея точных сведений, установить географическое место заимствования

Кунта-Хаджи своего учения, тем не менее представляется более приемлемой версия, согласно которой он познакомился с кадырийским тарикатом в Мекке. По утверждению Дж. Тримингэма: «...все же Мекка в XIX в. была главным средоточием мусульманских орденов, здесь были представлены почти все направления».

Чтобы правильно ответить на вопрос, где же Кунта-Хаджи познакомился с кадырийским тарикатом, следует продолжать поиск писем, которые он писал из места паломничества. Обнаружение и знакомство с этими письмами, возможно, позволило бы ответить на этот вопрос. Последователи Кунта-Хаджи считают, что такие письма существовали и они находились у его единомышленников.

Отсутствие достоверных сведений о том, кто уполномочил Кунта-Хаджи возвещать тарикат, породило среди зикристов ряд легенд. Согласно одной из них право возвещать тарикат им получено от самого Аллаха. Причина такого возвеличивания зикристами своего устаза объяснима глубоким почитанием и любовью к нему.

Кунтахаджиевцы рассказывают такую легенду: «Совершая хадж в Мекку, устаз, утомленный длительным переходом по пустыне, наткнулся на бездонный колодец. Приблизившись к нему, он услышал голос сверху. Подчинившись требовательному голосу, Кунта-Хаджи спустился в колодец. Блуждая по колодцу, он наткнулся на ослепительно сверкающий драгоценный камень – жовхар. На камне светилась арабская надпись: “Кто возьмет этот камень, тот станет господствовать миром”. Кунта-Хаджи не позарился на драгоценность и продолжил свой путь. Спустя некоторое время он обнаружил еще один такой же камень, излучавший лучи, высветившие арабскую надпись: “Кто возьмет этот камень, тот станет обладателем эхарта” (вечность, загробный мир). Взяв второй камень, Кунта-Хаджи начал подниматься из подземелья, но его миглом окружают чудовища. Тут Аллах в уста шейха вложил громкий зикр. Исполняя зикр “Ла-илаха-ил-аллах”, Кунта-Хаджи вырывается из окружения чудовищ. Но они не отстают, преследуя его. Опять на помощь приходит Аллах, внушивший ему слово “Уллилах”, мелодично повторяя его, он уходит от преследований чудовищ. Кунта-Хаджи, совершая зикр, поднимается из подземелья и тем самым выдерживает ниспосланное ему Аллахом испытание. Так рождается новый вир – зикр – “Уллилах”».

В предании примечательна идея: стремление Кунта-Хаджи не к богатству, властвованию над материальным миром, а к вечности путем даже самых невообразимых испытаний. Здесь уместна ремарка о том, что не только в легенде, но и в жизни судьба подвергла Кунта-Хаджи тяжелейшему испытанию, и он перенес его с не меньшим хладнокровием, чем в легенде.

Существует другая легенда, которую приводит Халид Ошаев: «В момент разгара борьбы Шамиля с царизмом появился в Чечне, в с. Илсхан-Юрт, человек по имени Кунта-Хаджи, который объявил, что он уполномочен самим пророком Магомедом поучать людей истинам учения “тарикат” во всей его чистоте».

Кунта-Хаджи родился примерно в 1830 году в чеченском ауле Илсхан-Юрт. Его отца звали Киши, мать – Хеди. Здесь прошло детство Кунты. Предание гласит, что в детстве он отличался некоторыми «странностями»: любил уединение, не по годам был задумчив и сообразителен. Чеченский писатель М. С. Гадаев в своей незаконченной пьесе «Кунта-Хаджи», анализируя детские странности Кунты, изображает десятилетнего мальчика, исполняющего круговую пляску (зикр) на плоской крыше дома своих родителей. Зикр мальчик Кунта распространял среди своих сверстников, которые, взявшись за руки, совершали этот обряд, но не понимая всей глубины его сакрального смысла. Перед детским воображением Кунты возникали далеко недетские вопросы: почему солнце всходит и заходит, имеет ли конец земля, почему мир разнообразен, откуда зло и т. д. В юношеские годы к нему за советом обращались старшие по возрасту.

Он обучался начальной арабской грамоте, умел читать Коран. Однако в царских источниках отрицается факт его образованности. «Он не получил никакого образования и, говорят, не умел даже и читать Коран», – утверждает А. П. Ипполитов. С этим трудно согласиться, ибо будучи арестован царскими войсками, он писал письма родственникам на арабском языке. Такое изображение Кунта-Хаджи в царско-дворянской историографии осуществлялось намеренно. Кунта Кишиев, по нашему предположению, совершил первый свой хадж вместе со своим отцом Киши в возрасте 18–19 лет, что приходится на 1848–1849 годы.

Согласно информации, имеющейся в кратком справочнике «Ислам», зикр в Чечне он стал распространять в 40-х годах XIX века, что, с нашей точки зрения, неверно. Но в официальных источниках XIX века в качестве даты начала распространения зикризма в Чечне приводится конец 50-х годов XIX века. Нам представляется, что последняя дата является более точной. В это время многолетняя Кавказская война приближалась к своему логическому завершению. Сохранились предания о том, что Шамиль, узнав о новом учении, проповедуемом Кунта-Хаджи, от своих приближенных алимов, немедленно потребовал от него явиться в свою ставку в Ведено. Зная крутой нрав имама, Кунта-Хаджи не решился сразу отправиться к Шамилю. И он поделился своими опасениями с родственниками и друзьями. Те успокоили шейха, и он вместе с мюридами отправился к имаму. Шамиль на совете алимов подверг главу зикристов экзамену по канонам ислама.

Предание утверждает, что устроенный ему экзамен он выдержал и при этом убедительно доказал непротиворечивость своей деятельности исламу. После испытания грозный имам якобы не стал тревожить Кунта-Хаджи и позволил ему беспрепятственно проповедовать зикризм среди горцев.

Согласно другой версии, когда Устаз прибыл в Ведено со своими мюридами, энергично исполнявшими зикр, то Шамиль, увидев экстатический зикр, ворвался в круг зикристов и вместе с ними исполнил ритуал до его окончания. После такого своего поведения и последующей беседы с Кунта-Хаджи Шамиль не стал ему мешать.

И, наконец, третье более правдоподобное предание. Вызвав Кунта-Хаджи в Ведено, Шамиль, пригрозив расправой, строго-настрого запретил ему исполнение зикра. Вот что пишет А. Ипполитов по этому поводу: «...обряды этого учения сопровождалась исступленною пляскою, пением, криками, а поэтому Шамиль, нашедши его противным религии, немедленно прекратил сборы зикристов и строго воспретил Кунте его проповеди». С точки зрения официального мусульманского учения, Шамиль поступил верно, так как, по толкованию многих известных мулл Северного Кавказа, практика зикризма противоречила исламу. В запрете Шамиля А. Ипполитов наряду с указанным мотивом усмотрел и личный мотив. Шамиль, считает он, увидел в зикризме опасность для учения газавата, благодаря которому он стал во главе народа. При этом он боялся и того влияния, которое проповедники типа Кунта-Хаджи всегда оказывают на народ. «Влияние – это нравственная сила, власть, а власти, кроме своей собственной, Шамиль не терпел никакой».

По мнению А. Д. Яндарова, Шамиль деятельность Кунта-Хаджи пресек не столько потому, что зикр кунтахаджинцев сопровождался пением, музыкой и пляской, запрещенными в имамате, сколько потому, что «прекрасно понял несовместимость зикризма с мюридизмом». Мюридизм – идеология объединения, идейное знамя национально-освободительной борьбы, мобилизовывал и активизировал силы народа, а «зикризм с его проповедью непротивления и смирения подрывал усилия Шамиля и его имамата». Причину преследования Кунта-Хаджи Шамилем А. Д. Яндаров видит в том, что «Шамиль в интересах возглавлявшейся им общенародной борьбы за независимость имел все основания запретить зикризм, который сразу и решительно заявил о своем отрицательном отношении к газавату». Итак, идеология газавата и идеология зикризма находились в противоречии, что и обусловило преследование Шамилем Кунта-Хаджи. Кунта-Хаджи из-за враждебного отношения накшбандийцев к его пацифистским проповедям покинул Чечню и отправился совершать второй хадж. Учение Кунта-Хаджи, его высказывание, что «мюрид должен иметь при себе четки, а не оружие», находились в прямом противоречии с идеологией мюридизма, требующей борьбы с царизмом до победного конца. Предпринимаемые Шамилем усилия в конце Кавказской войны с целью мобилизовать чеченцев на очередной этап антиколониальной борьбы Кунта-Хаджи сводил на нет, призывая прекратить войну, кровопролитие и покориться противнику, многократно превосходящему чеченцев по своей силе. Противодействие Шамиля зикризму было продиктовано прежде всего его идеологической несовместимостью с газаватом и личным неприятием Шамилем Кунта-Хаджи, авторитет которого среди беднейшего слоя чеченцев стал значительно расти.

Преследования Шамиля и официального духовенства вынудили Кунта-Хаджи отправиться в очередное паломничество в Мекку. По признанию Г. А. Дзагурова: «В 1859 году он отправился в Мекку на поклонение гробу Магомета, а оттуда, задолго до своего возвращения, стал писать письма-наставления своим родственникам и последователям о необходимости

молиться Богу и делать зикр, т. к. по уверению его, час Страшного суда близок». Чем занимался Кунта-Хаджи, находясь в течение 3–4 лет на Востоке, нам ничего неизвестно.

Кунта-Хаджи возвращается на родину после поражения национально-освободительной борьбы кавказских горцев и пленения Шамиля. В ряде документов царского периода имеются разночтения в самой дате возвращения Кунта-Хаджи. Так, А. Ипполитов датой возвращения Кунта-Хаджи из Мекки считает 1862 год. А наместник Кавказа, главнокомандующий Кавказской армией, великий князь Михаил Романов в своем отзыве военному министру от 23 января 1864 года писал: «Возвратясь из путешествия своего в Мекку осенью 1861 года (подчеркнуто нами. – Авт.), Кунта-Хаджи начал свою проповедь и вскоре приобрел в Чечне значительное число последователей и особое уважение народа, считавшего его святым». Как видно из приведенных высказываний, трудно определить точную дату возвращения Кунта-Хаджи из очередного паломничества и начала последующего этапа его религиозной деятельности.

По возвращении из паломничества Кунта-Хаджи активизировал свою деятельность. В его религиозно-нравственных проповедях появляются элементы, заимствованные из восточных религиозно-философских, мистических учений. Если до очередного паломничества проповеди Кунта-Хаджи многими горцами воспринимались равнодушно, то теперь число его сторонников стало значительно увеличиваться. Здесь закономерен вопрос: почему же воспринятое вначале с безразличием новое учение вдруг неожиданно-негаданно приобретает большое количество сторонников? Дело в том, что придерживаясь принципов суфийской мистики, Кунта-Хаджи в своих проповедях стал придавать большое значение духовно-нравственному совершенствованию человека, осуждению зла, насилия, призывал к миролюбию. Его призывы о необходимости социальной справедливости, братского единения горцев, призывы к непротивлению злу находили отклик у уставших от войны и кровопролития чеченцев, отражали их настроения и извечное желание приобрести покой и мир. Такой же точки зрения придерживался М. М. Мустафинов, писавший: «Проповедь, призывающая к аскетизму и подвижничеству, как бы отвечала умонастроению экономически разморенных и физически истощенных горцев, что обусловило распространение влияния шейха Кунта-Хаджи. А доступность широким массам несложных принципов кадырийского тариката привлекла много адептов из среды социальных низов». Мистико-философские взгляды Кунта-Хаджи не содержали в себе те социальные, военно-политические аспекты, которые присутствовали в газаватском мюридизме. В мистических воззрениях Кунта-Хаджи не ставился вопрос о необходимости борьбы с социальным злом, поиска социального выхода из тупика, в котором оказались горцы после поражения в войне с царизмом. Выход ему виделся в смирении, непротивлении злу, взаимной поддержке, братском отношении друг к другу. Однако философия смирения, проповедуемая Кунта-Хаджи, не

могла прижиться среди горцев, всегда отстаивающих вольность, свободу от посягательств внешнего врага. Поэтому мистическая часть зикризма, а также морально-философские взгляды Кунта-Хаджи, временно залечивавшие раны, нанесенные войной, не прижились среди горцев.

Ранний зикризм, проповедующий непротивление злу, следует классифицировать как форму пассивной борьбы с властью. В зикризме начало оформляться политическое крыло, превратившееся в прямую оппозицию к царизму, приобретшее антиколониальную, антироссийскую направленность. Из пассивно-мистического учения зикризм постепенно преобразовывается в активное религиозно-политическое движение. Следует отметить, что эта трансформация зикризма произошла вопреки воле Кунта-Хаджи. Процессу политизации нового учения препятствовал сам Устаз зикристов.

Тем не менее после ареста Кунта-Хаджи в 1864 году зикризм приобретает открытый политический характер. Образование политического крыла зикризма напоминает ситуацию раскола суфийского тариката накшбандийа, возродившегося в Дагестане в начале XIX века, под воздействием соседнего Ширвана. В итоге возникает газаватский (или наибский) мюридизм, идеология которого явилась идейным знаменем национально-освободительной борьбы горцев, сначала под руководством Гази-Мухаммада, а затем Гамзат-бека и Шамиля. Конечно, наибский мюридизм, опиравшийся на газават, противоречил мистической части учения накшбандийа, осуждавшего насилие, зло. То же самое происходит с зикризмом. Сторонники Кунта-Хаджи все чаще стали отходить от лозунгов «непротивления злу», склоняясь к призывам газавата.

В отличие от сторонников газаватского мюридизма зикристы не достигли четкого, хорошо организованного структурного оформления, социально-политической направленности и в военном отношении оказались гораздо слабее своих предшественников.

Причина антиколониальной направленности зикризма в публикациях царского периода усматривалась в скрытых указаниях Кунта-Хаджи, якобы создавшего параллельную тайную зикристскую власть во всех аулах Чечни и Ингушетии. Так, в 1864 году в газете «Русский инвалид» Михаил Романов писал, что, вернувшись из Мекки, Кунта-Хаджи создает свою организацию. В наибствах, независимо от назначенных царизмом наибов, он назначает своих наибов, которые должны наблюдать за действиями векилей, распространяющих учение зикр. Постепенно учение Кунта-Хаджи проникает к ингушам и тем самым расширяется его база. Ингушский просветитель и этнограф Чах Ахриев указывал на следующие обстоятельства принятия ингушами учения Кунта-Хаджи: «Что же касается учения Кунта-Хаджи, – пишет он, – так оно проникло к ингушам из Чечни и быстро распространилось между ними, благодаря их легковерному восприимчивому характеру». Думается, что слишком поверхностна и субъективна указанная Ч. Ахриевым причина принятия ингушами зикризма, ибо дело не в «легковерном и восприимчивом характере ингушей», а прежде всего в социально-экономических причинах. Зикристское братство было связано не только религиозными узами, но и

экономическими. Оно каждого своего члена брало под защиту, оказывало материальную помощь. По описанию того же Ч. Ахриева процедура принятия ингушами кадырийского тариката происходила таким образом: «В 1863 г. большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам из одного аула в другой или составляли отдельные кучи около порогов кунацких (сакли для гостей). Вместо обычной болтовни, раздавались громкие напевы: «ла-илаха-илалахь», сопровождавшиеся различными кривлениями, давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые перебирал с благочестивыми вздохами и набожными возгласами. Перебирание четок, как известно, считается между правоверными богоугодным занятием». Из сказанного видно, что зикризм среди ингушей нашел много последователей и причины принятия ингушами учения Кунта-Хаджи все-таки не столь поверхностны.

«Распространяя в Терской области тарикатизм, он (Кунта-Хаджи. – Авт.) остановился на Батал-Хаджи. Батал-Хаджи причастился к новому учению и стал мюридом Кунта-Хаджи», – сообщает И. Попов. Принятие зикризма влиятельным среди ингушей Батал-Хаджи Белхороевым увеличило сторонников Кунта-Хаджи в Ингушетии.

С 1863 года учение Кунта-Хаджи стало принимать неожиданное направление. По признанию А. Ипполитова: «Последователи Кунта-Хаджи увеличились; сборы их стали чаще и многочисленнее, наставления его, которых, однако же, лично он никогда не делал, но передавал через своих шейхов и векилей, слушали с жадностью и в свою очередь передавались по аулам Чечни с различными толками и комментариями, имевшими характер не всегда миролюбивый. С этого же времени в организации новой секты, имевшей до того характер чисто мистический, ясно стали обозначаться два совершенно отдельные начала: духовное и светское. Каждая из этих властей имела отдельную иерархию, хотя нередко случалось, что и другая власть сосредоточивалась в руках одного и того же лица. Представители власти духовной были имам, или устаз и двое шейхов. Представителями власти светской были наибы, векили и их мюриды.

В Чечне было назначено восемь наибов и большое число старшин, так что организовалось особое тайное управление, помимо земского управления нашей администрации, и в большей части чеченских и назрановских аулов, у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами; к этим же последним причислялись и ученики Кунта-Хаджи, с каждым днем все более и более увеличивавшиеся. Все они подчинялись шейхам и наibaм, в свою очередь подчинявшимся Кунта-Хаджи, как главе учения и имаму».

Из процитированного текста видно, что зикристы начали создавать стройную религиозно-политическую организацию, во главе которой находился имам (устаз) и два шейха, которым подчинялись наибы, векили и мюриды, из которых назначались старшины. «В скором времени Чечня,

Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью», – сообщает источник. Из приведенных цитат вовсе не следует, что Кунта-Хаджи – непосредственный организатор тайной власти в Чечне. Если он не организатор, то кто же создавал тайную власть в Чечне?

К движению Кунта-Хаджи присоединилась, объявив себя его учениками и последователями, часть тех, кто сражался с царскими войсками в годы Кавказской войны, чаще не имевшие при этом ни малейшего представления о зикризме. Вот «они-то в особенности и придали мистическому учению тот материальный и вместе с тем воинственный характер, которого в сущности оно вовсе не имело», – признается царский чиновник.

Влияние политического крыла зикризма на общественную и духовную жизнь чеченцев, по-видимому, было достаточно ощутимым. Источник сообщает, что «начались открытые сборы народа, в домах векилей и на улицах, сопровождавшиеся песнями, криками и исступленною пляскою с обнаженным оружием в руках».

«Тайные убийства наших солдат и казаков учащались с каждым днем более и более. Все приказания сектаторам раздавались наибами и векилями от имени Кунта-Хаджи, принявшего временно, как он утверждает, звание имама или устуса», – пишет А. Ипполитов. Но от Кунта-Хаджи такие указания никогда не исходили, кроме того, он звания имама не принимал. Об этом говорит все тот же А. Ипполитов: «Надо заметить, что даже перед самыми преданными себе людьми Кунта-Хайжи никогда не выдавал себя за имама; он утверждал, что он не более как только посланный имамом, который явится, когда настанет для этого время; но сам по грехам своим, не достоин носить, даже и временно, великое имя устуса». Несмотря на такую скромную самооценку, последователи Кунта-Хаджи видели в нем истинного устаза и одного из трехсот пятидесяти шести святых, постоянно существующих на земле.

Появление наибского элемента в зикризме, то есть избрание народом из своей среды наибов, по всей видимости, означает заимствование тактики газаватского мюридизма в новых условиях. Конечно же, горцы понимали, что для борьбы с царизмом нужна хорошо организованная, структурно-оформленная сила. Существует предположение, что движение зикристов не успело оформиться в четкую политическую структуру. Этой точки зрения придерживается А. Д. Яндаров. Он утверждает: «Зикристский орден не имел, по крайней мере при своем возникновении в Чечне, четкой организованности, какая была, например, у накшбандийской суфийской организации». Если придерживаться сведений, собранных Канцелярией начальника Терской области, то структура зикристской организации выглядела следующим образом.

В соответствующих архивных документах упоминается название пяти наибств, на которые якобы была разбита Чечня и назначены руководители. В документе «Список главнейших и известнейших деятелей зикристской партии в Чечне», наибами указаны:

1. Мовсар – брат Кунта-Хаджи. Он возглавляет Автуринское наибство, расположенное между Мичиком и Хулхулау.

2. Хаматхан. Его наибство распространяется на Качкалыковскую деревню.

3. Абдул-Хамид из Шали. Наибство его от Шали и Герменчука до Урус-Мартана.

4. Мячик-мулла из аула Валерик. Наибство его между Урус-Мартаном и Ачхоевским Мартаном.

5. Манцу-мулла из Староюртовского аула. Наибство его в Надтеречной деревне.

К числу активных сторонников Кунта-Хаджи в цитируемом документе отнесен кадий Гушмазуко-хаджи из аула Беной Надтеречного наибства. В качестве векилей шейха Кунта-Хаджи проходят следующие лица:

1. Ильяс из аула Центарой Качкалыковского наибства, фамилии Беной.

2. Насур Гиртаев.

3. Алхазур Гадиев из аула Гельдиген.

4. Яшурка Итаев, фамилии Ялхой.

5. Аббас из Цацан-Юрта.

6. Дада Арслангириев из аула Автуры.

7. Уллубей Цацаринов из Мескер-Юрта.

8. Ахматхан Хамзатханов из аула Шали.

9. Батак из аула Большой Чечен (ему удалось во время ареста сбежать из Грозненской гауптвахты).

10. Али из аула Берды-Кел, фамилии Энгеной.

11. Пейзулла из аула Катар-Юрт, фамилии Галгай.

12. Хапта из Шама-Юрта, фамилии Терлой.

13. Хаджи Еса из аула Катар-Юрт, фамилии Киовелой.

14. Таршу из аула Катар-Юрт, фамилии Магарой.

15. Чага Хамаев из аула Шалажи, фамилии Аки.

16. Шатука Пицоев из аула Шалажи.

17. Хушта из аула Шалажи, фамилии Пешхой.

18. Маджа Батагов, фамилии Терлой.

19. Эди Элаев из аула Валерик.

20. Касим – мулла из аула Валерик, тавлинец.

21. Джамбулат Гашбулатбв из аула Валерик.

22. Эло Цицков из аула Ново-Алды, фамилии Гуной.

23. Абусалам Тутгиреев из аула Алхан-Юрт.

24. Салам Мусаев из аула Алхан-Юрт.

25. Ломака Мусаев из аула Алхан-Юрт.

26. Ману из аула Кулары, фамилии Бовхой.

27. Тайб из фамилии Терлой.

28. Каврнука Таиев из аула Гехи, фамилии Нашхой.

29. Мухаш Евраев из аула Гехи, фамилии Чинахой.

30. Халид из аула Урус-Мартан, фамилии Беной.
31. Инарука из аула Урус-Мартан, фамилии Пешхой.
32. Курнай из аула Урус-Мартан, фамилии Гендергеной.
33. Тарки – мутла из аула Урус-Мартан.

В указанном списке названы фамилии 11 «беспокойных людей», в числе которых Баматгирей как «приближенный Кунти». Имеется и такой документ: медицинское освидетельствование здоровья Чин-Мирзы Таумурзаева от 14 февраля 1864 года, находившемся в крепостной тюрьме Грозного.

Царская администрация скрупулезно собирала информацию об активных последователях Кунта-Хаджи. Нижеприведенная таблица, извлеченная из архивных документов, наглядно показывает, какое количество последователей Кунта-Хаджи имелось в аулах Чечни в период становления зикризма.

№ п/п	Название аула	Кол-во зикристов
1	Центорой	57
2	Гельдеген	130
3	Цацан-Юрт	100
4	Автуры	400
5	Мескер-Юр	54
6	Шали	800
7	Новые-Атаги	420
8	Большой Чечен	200
9	Берд-Кел	50
10	Шама-Юрт	57
11	Катар-Юрт	370
12	Шалажи	440
13	Ачхой-Мартан	335
14	Валерик	490
15	Ново-Алды	140
16	Алхан-Юрт	300
17	Кулары	50
18	Бачи-Юрт	30
19	Гехи	790
20	Урус-Мартан	375
	Итого:	5588

Как видно, наибольшее количество последователей зикризма имелось в аулах: Шали, Гехи, Шалажи, Ново-Алды, Автуры, Урус-Мартан, Катар-Юрт. Интересная деталь: по данным царских чиновников, у Кунта-Хаджи отсутствуют

последователи в ауле Илсхан-Юрт. До ареста Кунта-Хаджи и его векилей в Чечне количество зикристов достигло 5588 человек. Цифра – достаточно внушительная. Кроме того, шел непрерывный рост его сторонников. Зикристское движение набирало силу и заодно претерпело качественное изменение, все больше и больше активизируя свою деятельность против царских порядков. Именно такой оборот дела вызвал беспокойство у местной администрации, имевшей опыт военного столкновения с идеологией мюридизма.

Горцы, несмотря на поражение, психологическую и моральную подавленность, в полной мере не восприняли мистико-аскетические идеи шейха. Они не мирились с порядками, установленными царской властью в Чечне.

Наряду с теми, кто находил в учении Кунта-Хаджи душевное лечение, моральное удовлетворение, к нему стали примыкать и те, кто не желал смириться с царской властью в крае. Это была радикально настроенная часть чеченцев, предпринимавшая усилия для продолжения борьбы за свое освобождение, начатой газаватским мюридизмом. Именно эта часть горцев задалась целью использовать движение зикристов в политических целях. Надо сказать, что это им и удалось.

Главнокомандующий Кавказской армией сообщает, что движение зикристов приняло на Кавказе «более политический характер; оно послужило в руках злонамеренных людей средством к возбуждению фанатизма и к соединению мусульманского населения в одно органическое целое, с целью ниспровержения русского правительства». О приобретении зикризмом политического характера пишет и А. Ипполитов: «Но приданный зикру воинственный характер зависел не столько от самих принципов проповедовавшегося учения, сколько от характера народа, его усвоившего, и, главное, от того, что сторонниками зикра в Чечне были, как я сказал, по большей части люди, смотревшие на это учение, как на предлог и орудие, с помощью которого они думали волновать умы и поднять целый край против русских».

Приведенные суждения убеждают в том, что зикризм начал настойчиво приобретать явно политическое содержание. Но тем не менее следует подчеркнуть, что вопреки высказываниям царских сановников Кунта-Хаджи был далек от использования зикризма в военно-политических целях. Наоборот, он выступал против всякой конфронтации с властью, и ранний зикризм (деятельность Кунта-Хаджи) никакой опасности для власти не содержал. Об этом же говорит А. Ипполитов, признававший, что зикризм «ограничивался в то время изустным лишь чтением молитв, наставлениями не только безвредными, но и весьма нравственными, так что в сущности оно скорее могло принести пользу, нежели быть в каком-либо отношении опасным».

Такого же мнения придерживался: о раннем зикризме Главнокомандующий Кавказской армией, заявлявший; «Проповеди Кунты, по-видимому, не

заклучали в себе ничего вредного; он убеждал народ в необходимости молитвы, труда, взаимной помощи и даже советовал перестать носить оружие».

Сказанное фиксирует мирный характер зикризма и отсутствие в нем каких-либо антирусских, антиколониальных целей. Именно поэтому начальство Грозненского округа не решалось предпринять активных действий против зикристов. И даже противилось принятию решительных мер пресечения деятельности Кунта-Хаджи, справедливо считая их вредными. «Лояльность» местных властей, по мнению наместника Кавказа, привела к тому, что в течение зимы 1862/63 года число последователей Кунта-Хаджи достигло 3000 человек и не переставало возрастать в той же пропорции. Конечно же, рост авторитета Кунта-Хаджи, увеличение числа его сторонников серьезно встревожило кавказскую администрацию. И она готовила почву для его ареста.

Обосновывая план ареста Кунта-Хаджи и его последователей, начальник Терской области Лорис-Меликов в своем донесении от 28 июля 1863 года начальнику Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанту А. П. Карцеву, одному из главных деятелей по переселению чеченцев в Турцию, писал: «Учение зикр направлением своим, во многом подходящее к газавату, служит лучшим средством народного соединения (подчеркнуто нами. – Авт.), ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил».

Для кавказской администрации мнение Лорис-Меликова являлось авторитетным. Думается, что начальник Терской области, намеренно связывал зикризм с газаватом, желая тем самым подчеркнуть «неблагонадежность» чеченцев, так и ждущих своего часа подняться против самодержавия. Разве не на это указывают слова, что зикризм «служит теперь лучшим средством народного соединения»? Воспитанник великодержавного шовинизма, Лорис-Меликов, наверняка понимал, на что следует акцентировать внимание высокого начальства, чтобы в очередной раз направить военные силы на усмирение непокорных чеченцев.

Анализ донесений чиновников наводит на мысль, что между начальником Грозненского округа Тумановым и его непосредственным начальником Лорис-Меликовым существовали «противоречия» в вопросе о степени опасности зикристского движения и его предводителя. Лорис-Меликов признавал необходимость решительной борьбы с зикристами, а Туманов, находясь в Чечне и на месте наблюдая зикристское движение, не усматривал в нем серьезной опасности для вмешательства власти.

Царская администрация понимала, что арест Кунта-Хаджи может быть сопряжен с серьезными последствиями. На это указывает записка Лорис-Меликова от 14 июня 1863 года, поступившая в штаб Кавказской армии, в которой он предвидит, что арест Кунта-Хаджи вызовет волнение среди чеченцев. В ней сообщается: «Что же касается до арестования Кунты и его векилей, то я не могу ручаться, принесет ли мера эта пользу, и будет ли она

сообразна с теми обстоятельствами, о которых я могу судить только на месте. Зикра есть уже факт совершившийся и невоинственный Кунта вреднее того, как был до сих пор, быть уже не может. Между тем удаление его, без сомнения, произведет возбуждение умов в народе, и для нас будет очень невыгодно, если взамен главы религиозной секты у чеченцев явится вождь восстания. Вообще выбор лиц, удаление которых было бы необходимо в области, может быть сделан мной не иначе, как по прибытии в Грозную и по обсуждении на месте всех обстоятельств и положения Среднего Отдела».

Тем не менее тот же Лорис-Меликов ускорил арест Кунта-Хаджи, его брата Мовсара и других векилей. Тенденциозные источники в качестве одной из причин, вызвавших арест Кунта-Хаджи и его векилей, называют антихристианские, антирусские призывы устаза зикристов, требовавшие не иметь каких-либо сношений с русскими и терпеливо ожидать время, когда он, Кунта-Хаджи, начнет войну против неверных. На самом деле данная версия далека от истины. С этим не соглашается даже А. Ипполитов, писавший: «Надо при этом заметить, что большая часть чеченцев, не бывших сторонниками зикра, были убеждены, что все эти фантастические наставления делались без ведома Кунты и что этот последний, кроме молитвы, милосердия к бедным, любви к ближнему и необходимости труда, – никогда ничего более своим последователям не внушал».

Наметив репрессии против Устаза зикристов и его ближайших сподвижников, царская администрация стала настраивать против них население и официальное духовенство, используя имеющиеся между ними религиозные противоречия. «Начальник Терской области предложил духовенству края, для блага самого же народа и ради религии, ими исповедуемой и ложно толкуемой сектаторами, также со своей стороны действовать на народ силой слова и убеждения». Выполняя указания начальника области, отдельные представители официального духовенства предприняли активные действия по развенчиванию учения Кунта-Хаджи. Дело доходило иной раз до того, что зикристам запрещалось посещение мечетей, исполнение в аулах зикра. Отдельные представители ортодоксального ислама всячески поносили самого шейха, опровергая его святость, доказывая ложность его учения, считая, что оно противоречит шариату.

Часть официального духовенства, хорошо адаптировавшаяся к новым условиям, обласканная милостью администрации, в мечетях и других собраниях верующих призывала не следовать примеру зикристов. Тем самым власти удалось настроить официальное духовенство, которое в основном состояло из представителей ордена накшбендия, против Кунта-Хаджи и его учения.

Для борьбы с зикристами власти использовали и такой психологический момент, как почитание народом духовенства и наиболее авторитетных его представителей, которые действительно стояли на страже интересов народа и были готовы защитить их. По свидетельству А. Ипполитова: «Первый и самый пламенный протест против догматов новой секты заявил мулла

Абдул Кадыр, человек весьма ученый и начитанный, и которого прямой и суровый характер исключал в глазах чеченцев всякую мысль возможности влияния на него нашей административной власти».

Кадии Абдул Кадыр, Эльмурза, Мустафа Абдуллаев и другие собирали духовных авторитетов, созывали сходы по аулам и устраивали диспуты с Кунта-Хаджи и его векилами по религиозным вопросам. Все это, безусловно, вносило раздор в среду верующих чеченцев и натравливало их друг на друга, отвлекало внимание от основных задач борьбы против царских колонизаторов и местных эксплуататоров. Разлад между духовенством и Кунта-Хаджи был мастерски использован властями для «искоренения» зикра среди чеченцев. Втянув в идейную борьбу с Кунта-Хаджи авторитетных в народе религиозных деятелей, власти религиозно-политическое содержание зикризма переводят на плоскость схоластических и теологических споров, трений. Кроме того, противопоставляют представителей двух тарикатов: накшбандийа и кадырийа.

«Лучшие люди Чечни и обществ нагорных были теперь уже на нашей стороне», – констатирует царский источник. «Духовенство, со своей стороны, не переставало также громить словом новое учение, доказывая, что оно совершенно противно духу и букве Корана», – утверждается в нем. Такой поворот дела приводил зикристов к лишению поддержки среди населения. А антизикристская позиция официального духовенства предоставила возможность царским властям расправиться не только с Кунта-Хаджи и ближайшим его окружением, но и с многими чеченцами, признавшими его своим Устазом.

В донесениях царских чиновников Кунта-Хаджи, исповедовавший смирение, осуждавший зло, характеризуется как «политический преступник».

Учение Шейха Кунта-Хаджи

В исламоведении отсутствует объективный анализ нравственно-религиозных воззрений чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева. Незамеченными остались его религиозно-философские мысли, изложенные в арабоязычной литературе, изданной в частных типографиях дореволюционного Дагестана.

Незнание и игнорирование арабских текстов способствовали превратному и одностороннему толкованию духовных наставлений шейха Кунта-Хаджи. В атеистической литературе, интенсивно появлявшейся в период господства коммунистической идеологии, не обошлось без идеологических наскоков на деятельность и учение Кунта-Хаджи.

А между тем еще в изданиях царского периода, наряду с негативной оценкой учения тариката, встречались и позитивные оценки. Так, в книге «Покоренный Кавказ» можно прочесть следующее высказывание: «Основы

тариката (суфизма. – Авт.) – гуманность в самом широком смысле слова». Тут же сообщается, что «нравственные догматы тариката состояли в том, что мюрид должен был уничтожить в себе порочные наклонности и сделаться незлобивым, равнодушным к земным почестям и вообще ко всему земному, должен воздерживаться от излишеств, поститься и, главное, постоянно устремлять свои помыслы к Аллаху». Более подробно эти идеи изложены в упомянутом выше суфийском тарикате накшбандийского шейха, мюршида Дагестана Джамал-Эддина Казикумухского.

Основные положения сочинения Джамал-Эддина содержат в себе требование, предписывающее постоянно вспоминать Бога, повиноваться ему, строго исполнять шариат, избегать порочных поступков, придерживаться хороших и похвальных нравов, отказаться от лишней еды, лишнего сна, постоянно нуждаться в Боге, освобождаться от страстей ко всему обманчивому, довольствоваться судьбой.

Мюриды Кунта-Хаджи приписывают ему такую проповедь, произнесенную им после возвращения из Мекки: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения и «разговоры» (хабары. – Чеч.), что из Турции придут войска для спасения нашего освобождения, что турецкий султан (хункар) желает нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами.

Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви – идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставляют носить кресты – носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но! Если ваших женщин будут использовать и насиловать, заставлять забыть язык, культуру и обычаи, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска чурека (сискал)».

Эта глубоко осмысленная речь Кунта-Хаджи выражала моральное, духовное состояние и социальное положение народа. Кроме того, в речи шейха просматривается обеспокоенность судьбой народа, тотальное сопротивление которого может привести его к полной гибели, поэтому он и предлагает смириться, выполнять требования власти. Но он тут же ставит предел смирению. Смириться до тех пор, пока власть не будет посягать на честь женщин, заставлять забыть родной язык, обычаи, культуру, в противном случае Кунта-Хаджи требует биться до последнего.

В проповедях, нравственно-философских воззрениях устаза зикристов заметное место занимали антивоенные высказывания. Осуждая войны, призывая к прекращению кровопролития как богопротивного дела, Кунта-Хаджи невольно вступал в прямое противоречие с известной на Кавказе

шамилевской идеологией мюридизма, призывающей горцев к газавату с захватнической политикой царизма. Царский историк Н. Дубровин отмечал, что предводители народа «смотрели недоброжелательно на проповедников тариката, как на личных своих врагов, людей, отвлекающих от их воинственных знамен целые сотни способных людей».

В учении Кунта-Хаджи четко просматривается интеллектуально-мистический элемент, появившийся после возвращения его из повторного паломничества в Мекку. По-видимому, годы, проведенные там, и близкое знакомство с мистическими учениями Востока оказали на мировоззрение Кунта-Хаджи достаточно сильное влияние. В итоге он превращается в опытного знатока суфийского тариката кадирийя. Приобретая многочисленных сторонников, Кунта-Хаджи придает своему учению логическую завершенность. Сохранилось предание о том, что он, еще до ареста царскими властями, продиктовал основные положения зикризма своему векилю и личному секретарю Абдусаламу Тутгирееву из аула Алхан-Юрт, сопровождавшему Устаза в ссылке. О существовании такого текста писал А. Д. Яндаров.

В высказываниях Кунта-Хаджи важное место занимали идеи братства всех мусульман и недопустимость вражды между ними. Вопреки противодействию официального духовенства, нравственно-религиозные поучения шейха возымели благотворное воздействие на уставший от войны и жестокости народ. Идеи братского единения в период социальной апатии находили понимание и поддержку в беднейших слоях народа. Призывы вручить свою судьбу Аллаху в этой брэнной жизни, а не стремиться ее преобразовать, отвечали умонастроению народа, страдавшего от неисчислимых бедствий, нанесенных колониальной политикой царизма.

Появление Кунта-Хаджи, произносившего благочестивые и душе-спасительные речи, народ воспринимал как чудо. Люди с жадностью ловили его слова, ибо они оживляли измученные, исстрадавшиеся сердца людей, залечивали душевные раны, очищали их души. Проповеди шейха-чудотворца передавались из аула в аул, слушать его приходили из самых отдаленных горских аулов. Кое-кто отдельные мысли шейха интерпретировал с целью разжигания очередных антироссийских выступлений.

Свои наставления Кунта-Хаджи вел как устно, так и посредством рукописных религиозных воззваний, называемых «святыми письменами». По утверждению Х. Мамлеева, в одном из воззваний говорилось: «Скажи, кто не примет и теперь слова моего, тот в день страшного суда будет наказан. Настоящая жизнь и все, что в настоящей жизни – все это тленное и скоропроходящее: одна жизнь будущая есть вечная! Так пусть же с усердием молятся они Богу, так как день суда близок». В данном воззвании отмечены некоторые принципы эсхатологического мировоззрения шейха, состоящие в следующем: покаяние, молитва, зикр, наличие страха перед Богом.

В учении Кунта-Хаджи большое значение отводится связи мюрида сулазом. Такое же значение связи мюрида с шейхом отводится и в накшбендийском трактате «Ал-Адабул-Марзия». В нем констатируется, что мюрид, чтобы

достигнуть духовного совершенства, состояния богосозерцательности, должен «ввести шейха в свое сердце, водворить его и не выводить его оттуда, пока он не сделается богознателем, посредством шейха, потому что шейхи суть источники Большого вдохновения, а кто вводит в свое сердце этот источник, тот достигнет и степени вдохновения».

Далее в трактате¹, принадлежащем Устазу зикристов, сообщается духовная сила, которой должен обладать истинный Устаз: «Если у Устаза в разных местах умирают две тысячи мюридов одновременно, то он успевает помочь каждому из них при отделении его души от тела и держит ответ перед ангелами-мучителями за деяния мюрида. Пока у умирающего не побывает его Устаз, ангел смерти не приступит к его умерщвлению. Устаз оберегает своих мюридов от страха перед смертью и страшных мест на том свете».

После ареста Кунта-Хаджи в последующем в зикризме появляются новые мотивы, связанные с признанием его богоизбранности. Надо сказать, что сам Кунта-Хаджи не допускал такой вольности и очень скромно оценивал свои способности и заслуги перед Господом. Далее в трактате сказано, что избравшие кадырийский тарикат – Божьи люди, и они превосходят всех, кто избрал земные блага. Они пастыри людей на земле и ими остаются и в загробной жизни. Кунтахаджинец усерден, он являет собой образец набожности, всегда правдив, так как не смешивает правду с ложью. Кратко суть учения Кунта-Хаджи охватывается следующими основными принципами:

1. Мюрид со своим шейхом должен иметь неразрывную связь.
2. Сердце мюрида должно быть свободно от зависти.
3. В своем присутствии мюрид не допускает осуждения людей, поскольку это страшный грех.
4. Мюрид обязан относиться к людям уважительно.
5. Мюрид не должен допускать злословие на брата-мусульманина. Если же это при нем происходит, то должен немедленно опровергнуть наговор.
6. В обязанности мюрида-кунтахаджинца входит почитание любого другого устаза, как своего, если даже тот находится во вражде с его устазом. Устаз является посредником между мюридом и Богом. Условие приближения к Богу – строгое соблюдение всех установлений зикризма, следование за своим Устазом. Устаз является ответчиком перед Аллахом за образцовое поведение своего мюрида.

Перечисленные принципы составляют каркас нравственно-религиозного воззрения Кунта-Хаджи и они идентичны основным идеям многих суфийских течений в исламе. Зикристы наряду с другими представителями суфийских направлений признают в качестве своей теоретической основы каноны Корана и шариата.

Религиозно-нравственные высказывания Кунта-Хаджи заслуживают самого пристального изучения, ибо в них содержится много ценных идей,

¹ Речь идет об арабском тексте «Тарджамат макалати. Кунта-Шейх», изданном в Дагестане в дореволюционный период.

мыслей. Так он утверждает, что порицанию подлежит тот, кто избрал своим ремеслом ложь, а также тот, кто слушает ее, высоко оценивается им предостерегающийся от сомнительных (безнравственных. – *Авт.*) поступков. При этом Кунта-Хаджи говорил, что если «человек безразличен ко всему и довольствуется тем, что ест и пьет, то он далек от нравственного совершенства».

По его мнению, к духовным высотам человек может прийти через сердечную любовь к Богу, людям. «Если мюрид хочет знать, насколько он близок к Богу, пророку и устазу, то пусть послушает свое сердце, если же оно поражено идеями вождизма, и мюрид добивается власти, то пусть знает, что он далек от Бога, Пророка и Устаза», – поучал Кунта-Хаджи. И дальше: «Если сердце мюрида ноет, наполнено жалостью, состраданием к людям и оно лишено неприязни к тем, кто выше его, то пусть знает, что он близок к Богу, Пророку и Устазу».

Кунта-Хаджи говорил, что «остановивший в своем сердце гнев, простивший зло, стократ упоминаящий имя Аллаха, молящийся за тех, кто злословит – раб Божий». Он осуждал пренебрежительное отношение к бедным, нищим. Однажды в Цоцан-Юрте верующий у Кунта-Хаджи спросил: «Я хочу надеть на свою голову чалму. Правильно ли это?» Кунта-Хаджи ответил: «Сначала обяжи свое сердце чалмой, очищаясь от греха, пороков, а затем голову. Если ты хочешь носить чалму не ради Бога, а ради славы, оставляя при этом «грязным» свое сердце, то это повернется против тебя».

В приведенных мыслях Кунта-Хаджи большое место отводится чистоте сердца. Почему же необходимо очищение сердца от всего безнравственного? На этот вопрос ответ дает один из самых известных теологов, мыслителей мусульманского средневековья Абу Хамид ал-Газали. Он пишет: «Если сердце станет чистым, то, может быть, ему предстанет Истина (Бог. – *Авт.*)...»

Проповедуя свои нравственные идеи, шейх исходил из духовной культуры, обычаев, традиций, веками сложившихся адатов вайнахов, подвергая при этом осуждению тех, которые несли с собой зло.

О высоком моральном облике Кунта-Хаджи говорит и то, что он решительно отказывался принимать элементарную помощь от своих мюридов. На этот счет бытует такое предание. Однажды мюриды решили оказать помощь своему устазу. Незаметно пристроившись на кукурузном поле, где Кунта-Хаджи собственноручно совершал прополку, его мюриды начали полоть кукурузу. Обнаружив на своем поле мюридов, он подходит к ним, благодарит за помощь, отделяет линией часть поля, прополотую мюридами, и твердо заявляет, что урожай с части, где не приложен его труд, ему не принадлежит и он отдаст его бедным.

Осуждая высокомерие, гордыню, корыстолюбие, неуважительное отношение к людям, шейх изрекал, что, если они присутствуют в сердце его мюрида, то он лишится своего устаза. Кунта-Хаджи учил, что его мюрид обязан признать превосходство над ним всякого, кто старше его по возрасту, он также должен знать, что его превосходит и любой, кто младше его, ибо,

возможно, что тот согрешил меньше, чем мюрид. Шейх высказывается и против бытовавшего среди чеченцев обычая деления жителей аулов на местных и пришлых, обосновывая это тем, что все мусульмане перед шариатом Мухаммада равны. Большим грехом считал Кунта-Хаджи изгнание скотины, забредшей в чужой огород, подвергая ее ругани и избиению.

Однажды у Кунта-Хаджи спросили: «Алимы говорят, нельзя быть святым (залия), если не знать четырех мазхабов. Верно ли это?» Кунта-Хаджи ответил: «Пророк познакомил нас с шариатом и определил тарикат. Шариат и тарикат – корни мазхабов. Пророк не умел ни читать, ни писать. Ссылаться на мазхабы, считая что они от Пророка, неверно. Аллах дает интеллект тому, кому пожелает, а также кладет его в сердце по своему усмотрению. Поэтому чтение книг, посвященных мазхабам, не обязательно». Поясняя свои мысли, он приводит следующий пример: «Охотник в поисках дичи идет по следу, но когда он видит саму дичь, то необходимость в следе отпадает». Он считает, что «для того, кто видит Мухаммада и говорит с ним, нет надобности в книгах, разъясняющих мазхабы». Для Кунта-Хаджи важен не путь (следы) сам по себе, посредством которого постигается истина (Бог), а способ непосредственного усмотрения истины. Он признает, что «муллы шариата» обязаны знать мазхабы, а «устазы тариката» через знание шариата идут по пути, ведущему к Богу. «Первые познают Бога после изучения мазхабов, а вторые «глазами сердца» и любовью к пророку», – разъясняет Устаз.

В приведенных суфийских, религиозно-философских рассуждениях Кунта-Хаджи зафиксирован многовековый спор, который велся алимами, последователями шариата и суфиями, последователями тариката. Среди зикристов существует предание, рассказывающее о споре, имевшем место между суфием Кунта-Хаджи и алимами. Этот спор в поэтической форме изложен в назме (религиозная песня. – *Авт.*) о Кунта-Хаджи. В ней сообщается, что однажды в чеченском ауле Автуры местный мулла в присутствии верующих поклялся, что разрушит учение Кунта-Хаджи из аула Илсхан-Юрт. Через своего мюрида об этом узнает шейх зикристов. Когда взволнованный мюрид рассказал услышанное в Автурах, то Кунта-Хаджи успокоил его, сказав, что автуринский мулла знает то, что написано в священных книгах и с ним он собирается спорить по законам той науки, которую усвоил. Но он не знает божественные тайны, не обладает эзотерическими, скрытыми знаниями. И когда Кунта-Хаджи сообщит мулле тайные знания, то он пожалеет о своем поведении. Мулла не сможет разрушить его знания, ибо они от Бога, и только он один это сможет сделать. После таких слов своего Устаза его мюрид успокоился.

Совершив вечерний намаз и заявив, что мулле автуринскому приснятся странные сны, Кунта-Хаджи лег спать. В середине ночи он просыпается, совершает намаз, одевает свои изношенные тулуп, шапку, обувь, опираясь на посох и перебирая деревянные четки, отправляется в Автуры к мулле. Прибыв в дом муллы, он застаёт его склонившимся над религиозными текстами. Поздоровавшись с ним, Кунта-Хаджи спрашивает, почему он не спит,

мулла отвечает, что он проснулся от таких сновидений, которых со дня своего рождения не видел и пытается в священных текстах найти им объяснение. Кунта-Хаджи сообщает ему, что сколько бы не перебирал священные тексты, он не найдет в них объяснение. Мулла взмолился и попросил шейха растолковать ему сновидение. Кунта-Хаджи спрашивает, видел ли он гигантский столб белого сияния, простирившийся от глубин неба до земли. Пораженный мулла подтверждает это. Кунта-Хаджи повторно спрашивает у него, видел ли он, что от столба исходили золотые лучи, озарявшие все четыре стороны Вселенной и видел ли он в Илсхан-Юрте огромную чинару, прекраснее всех деревьев на свете. Продолжая рассказывать сновидение, Кунта-Хаджи сообщил, что на нижних ветвях чинары мулла во сне видел смирного мальчика, зорко лицезревшего мир. После того как Кунта-Хаджи точно воспроизвел увиденный муллой сон, тот взмолился, прося шейха растолковать его.

Кунта-Хаджи дает такую интерпретацию: «Гигантский сияющий столб, увиденный тобой, – тарикат, спущенный с неба Богом, золотые лучи, расходящиеся от столба, – суть тарикат, распространившийся по всей земле, чинара в Илсхан-Юрте – тарикат, вложенный Аллахом в мое сердце, а мальчиком, зорко смотрящим вдаль, являюсь я, повсюду распространяющий светлый тарикат». После таких слов Кунта-Хаджи мулла разрыдался и попросил у него прощения.

Как известно, алимы, изучая и осмысливая священные писания, хадисы, религиозную литературу, опираются на разум, интеллект. Для них в познавательном процессе преобладающими являются логические средства, рациональные формы познания Бога. Иной подход к познанию Бога у последователей тариката, суфиев-мистиков. У них именно сердце является органом, осуществляющим познание.

Самопознание, с их точки зрения, осуществляется опорой на чувства, сердце (сердечную любовь), на интуитивно-мистическое состояние души. Процесс познания имеет эзотерический (тайный, скрытый) характер. Вместе с тем Кунта-Хаджи сообщает, что нельзя быть святым (овлия. – Чеч.), если отсутствует понимание (кхетам. – Чеч.), посредством которого узревается Аллах, а также, не опираясь на Сунну, пророка. Здесь Кунта-Хаджи предпринимает попытку связать две различные формы познания Бога.

Примечательна и следующая мысль, принадлежащая Кунта-Хаджи: «Подняться в воздух для нас (истинных суфиев. – Авт.) ничего не стоит». «Если кто-то заявляет, что он видит души тех, кто в аду, тот бесспорно невежда, но, если кто-то скажет, что скрытое познание возможно «глазами сердца», прошел семь ступеней испытания, имеет устаза, то он прав и настоящий мусульманин».

Не прошедший семи ступеней испытания, по мнению Кунта-Хаджи, не достигает нравственной чистоты. Осмелившийся взяться за тарикат опасен, если его не наставляет устаз, тот, кто гоняется за материальным благополучием, тот не может следовать тарикату, полагает Кунта-Хаджи. Следование канонам ислама и поиски земного рая для него – несовместимые

вещи. О равнодушном отношении Устаза зикристов к земным благам говорит следующая его мысль о том, что золото и кочки земли на дороге равноценны. Имея золото, не следует радоваться больше, чем имея ком земли, и при потере золота не следует огорчаться больше, чем при потере кома земли.

Здесь, на наш взгляд, напрашивается аналогия с мыслями Абу Хамида ал-Газали об аскетизме. Определяя признаки аскетизма, ал-Газали писал, что аскет не должен радоваться имеющемуся и огорчаться утерянному и должен быть равнодушен как порицающему его, так и восхваляющему. Первый признак – отречение от имущества, второй – отречение от престижа. Третий признак аскетизма – любовь к Аллаху, привязанность к нему. В сердце аскета несовместимы привязанность к миру и привязанность к Аллаху.

Ал-Газали, излагая свои соображения, исходил из соответствующего положения Корана, которое гласит: «Чтобы вы не печалились о том, что вас миновало, и не радовались тому, что к вам пришло. Аллах не любит всякого гордеца хвастливого».

Значительное место в учении Кунта-Хаджи занимает практическая его часть – исполнение громкого зикра – ритуал воспоминания имени Аллаха, совершаемый громко и сопровождаемый сначала медленными телодвижениями, а затем перемещением, переходящим в быстрый бег по кругу против часовой стрелки. Интенсивное отправление зикра часто приводит исполнителя его в экстатическое состояние (шовкъ. – Чеч.). Считается, что достигающий состояния экстаза отмечен Божьей печатью и он как бы приближается к Богу. В громком зикре, то есть в зикре – джахрийа, ставшим новым для горцев ритуалом, забывались все земные невзгоды, жестокость времени. Зикр временно избавлял мюридов от душевного дискомфорта, страданий. Исполняя зикр, вращаясь по общему кругу, кунтахаджинцы демонстрировали свою организованность, единство. В ранних религиозных проповедях Кунта-Хаджи присутствовали эсхатологические идеи о конце мира, они были созвучны пораженческо-пессимистическому настроению, охватившему многих горцев в период затухания Кавказской войны.

В кратком словаре «Ислам» даются следующие тенденциозные сведения о Кунта-Хаджи: «Пытаясь привлечь к себе бедняков, Кунта-Хаджи постоянно подчеркивал свою приверженность нищенскому образу жизни: ходил в рваной одежде, отказывался от подношений со стороны мюридов». Данное суждение построено на основе известных идеологических штампов, согласно которым деятельность всякого религиозного деятеля, а тем более из числа чеченцев, никак не могла быть искренней, нравственно возвышенной. Аскетизм Кунта-Хаджи – не тщеславная демонстрация, рассчитанная на популярность, а норма его жизни, реальное, осознанное поведение, продиктованное внутренним убеждением. Предание сообщает, что он отказывался от подарков, которые преподносили ему верующие, а те, что вынуждали его брать, отдавал нищим и бедным. Кунта-Хаджи меньше всего стремился к афишированию своей святости. Это та самая личность, о которой с уверенностью можно сказать, что образ его мыслей и поведения не расходился, а находились в гармонии.

В этом отношении Кунта-Хаджи сравним с философом-моралистом античного мира Сократом, посвятившим себя делу нравственного выздоровления афинян, осуждавшим зло, восхвалявшим и творившим добро. Несмотря на относительность данной аналогии, хочется заметить, что Кунта-Хаджи для чеченцев и ингушей является тем, кем был Сократ для духовной жизни греков. Нравственные принципы, которых придерживались Сократ, Кунта-Хаджи и не только они, – вечны, ибо они всегда согревают людей, вызывают к добру и милосердию. В час тяжелых испытаний для своего народа он добивался установления духовного братства людей, их нравственного очищения и возвышения.

Арест и ссылка Кунта-Хаджи

3 января 1864 года местная администрация Чечни подвергает аресту Кунта-Хаджи, его брата Мовсара и других последователей. По одному из преданий, его арестовали в ауле Сержень-Юрт, где он скрывался у своих родственников, предвидя свой арест. Власти арест шейха производят, учитывая временную обессиленность горцев, противостоявших в течение двадцати пяти лет крупным военным силам царской армии, а также неоднозначное отношение к новому тарикату населения и духовенства. Время ареста – зима выбрано специально. Зимние холода, по расчету властей, лишали бы чеченцев возможности предпринять активные действия. Цель ареста Кунта-Хаджи была обозначена более чем определенно: «Искоренить зикр в чеченском племени». Власти ставят задачу: «В течение двух оставшихся зимних месяцев изъять из чеченского племени наиболее беспокойные и возмущающие народ наглости». Под последним, надо полагать, подразумевались зикристы.

6 января Кунта-Хаджи вместе с другими его сподвижниками из крепости Грозной доставляется во Владикавказ. Здесь, в тюрьме, устазу зикристов объявляется о высылении его в Россию. В профилактических целях царские чиновники вынуждают Кунта-Хаджи под диктовку написать письмо к «духовным и почетным лицам Чечни, а также его векилям и наибам».

В своем письме шейх просит чеченцев оставаться спокойными после его ареста. Царские чиновники ему внушают, что срок пребывания и условия содержания его в ссылке будут целиком и полностью зависеть от последующего поведения чеченцев.

Какое значение придавали власти аресту Кунта-Хаджи, говорит тот факт, что вопрос этот решался в Тифлисе и Санкт-Петербурге. Арест главы зикристов санкционируется по прямому распоряжению наместника Кавказа Его Императорского Высочества, Великого князя Михаила Николаевича Романова.

Начальнику Терской области от Командующего Кавказской армией за подписью «Михаил» поступает рапорт, разрешавший отправку Кунта-Хаджи в

арестантские роты наказного атамана войска Донского в г. Новочеркасск. Туда вместе с ним были отправлены Мовсар и его ближайшие сподвижники.

Царские власти спешат выслать Кунта-Хаджи подальше от Кавказа. Из Владикавказа он и его векили в сопровождении штабс-гикапитана Фон-Шаке и двух урядников отправляются в Новочеркасск в арестантские роты Войска Донского. Путь следования арестованных в ссылку пролегал через пункты Змейская, Прохладная, Георгиевская, Ставрополь, Екатеринодар, Новочеркасск. Последний пункт ссылки был обозначен своей властью наместником Кавказа. Из Новочеркасска Кунта-Хаджи по прямому указанию императора Александра II ссылается в бессрочную ссылку под надзором полиции в одну из отдаленных от Кавказа губерний. Последователи Кунта-Хаджи распоряжением министра внутренних дел Российской империи ссылаются на различные сроки в разные российские губернии.

Кунта-Хаджи и его сподвижники доставляются в арестантские роты Наказного атамана Войска Донского. Мовсар, Абдусалам, Карнай и Талиб – векилы Кунта-Хаджи проходят медицинское освидетельствование о состоянии здоровья. Медкомиссия находит их здоровыми и предписывает выполнение в крепости земляных и других работ. Упоминание о прохождении медицинского осмотра Кунта-Хаджи в цитируемых нами документах отсутствует. Повидимому, мюриды не позволяли своему устазу выполнять тяжелые земляные работы, беря на себя эту функцию.

Более полугода Кунта-Хаджи вместе со своими векилями проживает в Новочеркасске. К этому времени император издает рескрипт сослать Кунта-Хаджи под надзором полиции в уездный город Устюжно Новгородской губернии. На основе указания императора Министерство внутренних дел издает распоряжение от 20 марта 1864 года «О поселении сосланного с Кавказа жителя Чеченского округа Ших-Кунты под надзором полиции в Новгородскую губернию без срока». А остальные его мюриды – Абдусалам, Карнай и Талиб – распоряжением от 23 апреля 1864 года отправляются в ссылку «в Смоленскую губернию без срока». Брат Кунта-Хаджи – Мовсар, муллы Гушмазуко-хаджи и Тарко-кадий были сосланы высочайшим повелением в Выборгские арестантские роты сроком на пять лет с тем, чтобы по происшествии этого срока отправить на бессрочное поселение в Сибирь.

Из документов становится известно, что «Мовсар в Выборгские арестантские роты не прибыл». Он совершает побег по пути следования в Выборг. Соответствующий документ гласит, что «Мовсар на родину не пребывал, по частным сведениям, от выходцев из Турции, известно, что он находится в Турции при его семействе». (Гражданин Сирии Мухаммад Вяппи подтверждает, что Мовсар действительно жил в Турции, где прожил долгую жизнь, умер и похоронен там. Интересные сведения о современных родственниках Кунта-Хаджи привел в своих публикациях в газете «Даймохк» о чеченской диаспоре Ближнего Востока журналист Абу Уциев. В них также сообщается, что Мовсар жил в Турции). По прибытии в Тамбов Кунта-

Хаджи разлучают со своими соратниками. Здесь в течение двух месяцев он остается один. На пропитание ему выделяются деньги в размере трех копеек. Здоровье шейха пошатнулось. Он лишен минимальных средств для поддержки своего здоровья. Но в нем еще теплится надежда на улучшение своего положения.

Отсутствие рядом товарищей, болезнь и нужда вынудили Кунта-Хаджи написать несколько писем на родину, адресованных генерал-майору Туманову и князю Турлау-Беку (Турлову. – *Авт.*), родным, наибам и кадиям Чечни. Написаны они на арабском языке и переведены на русский язык. Их он пишет как с пути следования, так и с места окончательной ссылки. В одном из писем он сообщает, что не знает, сколько пробудет в ссылке, но якобы ему объяснили – два года. Кто объяснил и почему именно два года, в письме не говорится. Наверняка, по каким-то причинам Кунта-Хаджи не было сообщено, что он ссылается навечно. В том же письме шейх огорчается: «Нет у меня никого из моих товарищей!»

Далее из содержания письма становится известно, что Мовсар, Кашмизка (Гушмазуко-Хаджи. – *Авт.*), Тарко удалены в крепость Выборг, а Корнай, Талиб и Абдусалам в Минскую губернию. Шейх сетует на незнание русского языка, цен на продукты, отсутствие возможности справить необходимую одежду, на болезнь глаз и всего тела. Оказавшись в затруднительном положении, Кунта-Хаджи взывает: «Обратитесь, друзья, к князю Туманову, попросите его ради моей немощи, оставить при мне хоть одного человека до окончания срока моей ссылки».

Сильно беспокоит его незнание положения оставшихся на родине семьи и родственников. Именем Аллаха он просит сообщить ему о состоянии своей семьи, семьи брата Мовсара и родственников. А также просит рассказать о своем сыне Мовле, которому «на поляне Хаджи-Ирзав (Хаджи-Ирзо. – *Авт.*) Мухамад нанес две раны в голову». Тут же шейх интересуется: «Продолжает ли он (Мовла. – *Авт.*) учиться чтению и письму или уже покинул?» Далее добавляет: «Я прошу Вас написать мне о сыне, боясь, чтобы не повторил, что он бы меня – как это было прежде». Данную мысль Кунта-Хаджи, думается, следует понять так, что если его сын Мовла продолжит учение нового тариката, то его постигнет та же участь, что и шейха.

В тексте этого же письма Кунта-Хаджи просит уведомить его о «положении религии, исповедуемой им». Это выражение в тексте переводчиком подчеркнуто.

Обращаясь к своим родственникам, Кунта-Хаджи призывает беречь известную им поляну, ибо она пригодна для посева. В заключение письма обращается к князю Турлову быть благосклонным к своей семье.

Но просьбы и обращения, попавшего в беду Хунта-Хаджи, оказались гласом вопиющего в пустыне. «Друзья» так и не сочли нужным прийти ему на помощь. Письма Кунта-Хаджи не передавались ни его родственникам, ни последователям, они застревали в канцеляриях царских ведомств. В письме,

переведенном, по признанию неизвестного переводчика, не совсем четко, Кунта-Хаджи сообщает, что ему решительно есть нечего.

В одном из письменных сношений Туманова со штабом Главнокомандующего Кавказской армией проскользнула попытка оказать материальную помощь Кунта-Хаджи. Обращая внимание на его бедность, Туманов докладывал: «Что касается до ших Кунты, по бедности своей не могущего содержать себя в ссылке на свой счет, я вхожу с представлением о разрешении вследствие особых обстоятельств производить ему довольствие на равных с лицами привилегированных сословий».

Из этого же документа напрашивается такой вывод, что к определенным лицам царские власти делали снисхождение, производя им довольствие на равных с лицами привилегированных сословий».

На желание Туманова проявить благосклонное отношение к шейху-узнику высшее чиновничество Кавказского наместничества не замедлило отреагировать. Лорис-Меликов, к этому времени получивший повышение в Тифлис, на запрос Туманова повелительно потребовал ответить: «Как следует понимать то «особое содержание для лиц привилегированных сословий, о котором упоминается в этом отношении». Туманов, поняв свою «оплошность», не дает ответ на запрос Лорис-Меликова. Тогда следует второй запрос. И на него Туманов не отвечает. Предприняв неудачную попытку оказать материальную помощь Кунта-Хаджи для нормального его содержания в ссылке, Туманов ее больше не повторил. Слишком издевательски звучал запрос Лорис-Меликова, властно требующего от Туманова дать ему разъяснение по поводу неосторожно высказанного намерения. Таким образом, устаз, творивший добро, призывавший к справедливости, братству и милосердию, проповедовавший ненасилие, лишается каких-либо привилегий.

Прибыв к месту окончательной ссылки, определенной высочайшим повелением, 3 февраля 1865 года Кунта-Хаджи пишет записку своей супруге Седе.

Приведем полный текст записки, которая, возможно, не лишена некоторых вкраплений, намеренно сделанных переводчиком: «Милая моя жена Седа. Будь столь добра, пришли мне десять рублей серебром, то мне жить нечем, получаю кормовых денег всего 6 копеек в сутки, а хлеб очень дорог и прочие продукты. Я, слава богу, остаюсь жив и здоров, чего и тебе душевно желаю. Адрес, где я живу, Новгородской губернии, уездный город Устюжно. Находящемуся под надзором полиции Ших-Кунты».

Приискорбно то, что она также не дошла до адресата. Если бы даже это письмо не задержали, то все равно жена Кунта-Хаджи его не получила бы, так как она с детьми и ближайшими родственниками переселилась в Турцию, а произошло это в мае 1865 года, т. е. через год после ссылки предводителя зикристов.

Возникает вполне закономерный вопрос: как же так случилось, что, не дождавшись из ссылки своего мужа, Седа отправилась на чужбину? Тем более, что она наверняка знала, как и все горцы, что Турция для них никогда

не была обетованной землей. Дело в том, что после Кавказской войны царские власти прилагают огромные усилия для удаления с Северного Кавказа в единоверную, но далеко недружелюбную Турцию, как можно больше чеченцев. Первая волна переселения чеченцев в Турцию началась в 1859 году, сразу же после окончания Кавказской войны, а вторая – в 1864 году, которая усилилась после подавления зикристского восстания в Шали, а также поражения восстания Тазы Экмирзаева в 1865 году.

По инициативе кавказского наместничества велась широкомасштабная пропаганда среди населения, подбивая горцев к переселению в Турцию. Царская администрация после зикристских выступлений увидела в них серьезную опасность для себя.

Чтобы подтолкнуть зикристов к переселению в Турцию, начальник Терской области Лорис-Меликов, генералы Туманов, Муса Кундухов и другие чиновники распространили слух о скором переселении Кунта-Хаджи в Турцию. Чтобы реализовать свой замысел, власти идут и на то, что заставляют переселиться в Турцию одного из братьев Кунта-Хаджи. Генерал-майор Кундухов в своем донесении Лорис-Меликову пишет: «В Большой же Чечне, по-моему, необходимо двинуть брата Кунты: с ними пойдут все зикристы, и это было бы хорошо во всех отношениях. Я послал к нему, чтобы он поскорее выступил со всеми своими родственниками».

Горцы восприняли провокацию царских чиновников за чистую монету, поддавшись этому обману, в значительном количестве покидают родину. В числе переселенцев оказалась и Седа – жена Кунта-Хаджи.

Только сегодня мы узнаем как сложилась дальнейшая судьба семьи Кунта-Хаджи на чужбине. Его два сына – Мовла и Мухаммад умерли рано. Дочь Эсет вышла замуж в Турции. Она побывала в Чечне в начале XX века и в 30-х годах. По рассказу Яраги Мамадаева, праправнук Кунта-Хаджи, правнук Эсет – Довхан Гуйреш сегодня является министром обороны Турции. Таковы неполные сведения о родственниках шейха, переселившихся в Турцию.

Совершенно мало сведений о Кунта-Хаджи за период нахождения его в ссылке в Новгородской губернии, где он находился под надзором полиции более двух лет.

В поисках таких сведений мы запрашивали государственные архивы Новгородской, Вологодской областей (г. Устюжно ныне территориально относится к Вологодской области). Из государственного архива Новгородской области получена выписка из «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции Новгородской губернии в городе Устюжна и уезде за 1865 год». Под номером 18 данных ведомостей проходит: «Чеченец Ших-Кунты. Возраст 35 лет. Сослан за распространение фантастического учения «зикра». Проживает в Устюжне, постоянных занятий не имеет. Получает в месяц 1 руб. 80 коп. Женат, жена живет на их родине».

Другими сведениями государственный архив Новгородской области не располагает. В государственном архиве Вологодской области сведений о

Кунта-Хаджи вообще не оказалось. Дореволюционный историк И. Попов в 1866–1867 годах имел личную встречу с Кунта-Хаджи. И вот что он сообщает о впечатлении, произведенном на него устазом зикристов: «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением вести беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства. Это был обаятельный человек и опасен в смысле политическом, к чему он стремился».

Искренне импонируя Кунта-Хаджи, И. Попов неправ в утверждении, что он стремился к каким-то политическим действиям. Подробно мы об этом говорили выше. Жизнь Устаза зикристов в ссылке, судя по тому, что ему выделялось в сутки 6 копеек, не была легкой и не шла ни в какое сравнение с арестантской жизнью Шамиля. Казалось бы, на пленного Шамиля, как главного врага царизма, должна была снизойти не милость царская, а гнев высочайший, но тем не менее император Александр II своего врага и врага своего отца, проявив благосклонность, встречает царскими почестями. Шамиль ссылается в Калугу, туда же прибывает его многочисленная семья, ему назначается ежегодная пенсия в размере 15 тыс. рублей, семье выделяется большой трехэтажный дом. Любую прихоть Шамиля и его чад власти исполняют незамедлительно. Местные вельможи наносят визиты Шамилю и сами принимают визиты имама и его семьи. Везде и всюду Шамиль и члены его семьи – желанные гости. Поэтому трудно назвать предводителя кавказских горцев пленником, скорее всего он почетный гость. Либерализм царского двора к Шамилю, на первый взгляд, вызывает недоумение, однако все это объяснимо. Шамиль не просто пленник, он глава проигравшего войну государства – имамата. По существующему международному этикету, император Александр II проявил к своему пленнику царское великодушие. Кроме того, Шамиль в отличие от Кунта-Хаджи, не был просто нищим пленником. Он имел большие богатства и сам мог по-царски одарить кого угодно. Для императора Шамиль хоть и пленник, но по духу он ему близок, ибо стремился к владычеству на Кавказе, как и все русские цари.

Другое дело Кунта-Хаджи. Будучи выходцем из беднейшей части чеченцев, на земле, завоеванной Российской империей, он пытался установить духовное братство, социальное равенство, добивался выполнения этой программы всем своим существом, высоконравственными поступками, силой слова, духа. Успех в борьбе с социальным злом он видел не в применении силы, а в нравственном самоочищении, возвышении, взаимной поддержке горцев, вечном поиске Бога. Строгий аскетический образ жизни, глубокая набожность, желание облегчить людские страдания привлекали на сторону шейха наиболее пострадавших в войне чеченцев. Отношение к Кунта-Хаджи царских вельмож и самого императора было совершенно иным, нежели к Шамилю. Конечно же, Кунта-Хаджи несравним с Шамилем как с выдающимся военно-политическим деятелем. Вне всякого сомнения Шамиль был достойным противником русских императоров. В отличие от него Кунта-

Хаджи – не воин и он не совершал иных подвигов. Он миротворец, святой. Его подвиги лежат в сфере духовной. Он признает одну единственную власть – власть Бога. Поэтому к Кунта-Хаджи не могло быть снисхождения со стороны сильных мира сего.

В политическом отношении, стремлении к неограниченной власти Шамиль и русские императоры близнецы, хотя и являлись злейшими врагами. Кунта-Хаджи же их полный антипод.

Для царизма люди с мировоззрением Кунта-Хаджи были куда более опасны, чем Шамиль. Для царских властей Кунта-Хаджи – фанатик, преступник, смутьян, подбивающий людей служить не господам, а Богу. Поэтому в официальных царских документах он зачисляется «в политические преступники», «фанатики», ибо искал праведное общество, призывая жить по справедливости, по законам совести, мучался до самоистязания, переживая за людские пороки. И в самой России подобные Кунта-Хаджи «фанатики» всегда подвергались гонениям. Кто знает, быть может, русский император, подписывая рескрипт об аресте Кунта-Хаджи, упреждал возможность распространения и проникновения его «крамольных» идей в массы мусульманского населения России. Последователи Кунта-Хаджи считают, что он скрылся и явится вновь. В самые трагические годы для собственного народа Шейх Кунта-Хаджи не уставал вызывать к взаимной помощи и милосердию. За его нравственную чистоту, поиски общего блага, высокую духовность в Индии Кунта-Хаджи непременно нарекли бы именем Махатма, что означает Учитель, а в Чечне народ его называет Овлиа, что означает Святой. Он не просто святой, а святой, пострадавший за новую философию, за новое мировоззрение. Он святой – великомученик!

Зло, грубая сила, антинародная власть погребли слабые, начавшиеся распространяться в Чечне и за ее пределами ростки новой философии – философии ненасилия. Так и хочется перебросить мостик от духовного мира Кунта-Хаджи к духовному миру Льва Толстого, а от него к Мохандасу Ганди. И если эта цепочка состоятельна, то не означает ли это присутствие духовного родства между этими великими людьми? А впрочем, это вопрос для специального исследования.

КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВ

Власть, злоба и крайняя ее форма – война, богатство, тревогуddie – лишнее. А лишнее не от Бога.

Кунта-Хаджи

Правильный круг из плотно, плечом к плечу, сидящих мюридов. Посредине тамада, зачинщик *назма* – религиозной песни по-арабски. Запевала берет тон – сперва протяжный, скорбный... Темп нарастает... И дрогнул, всколыхнулся круг, качнулся в такт песнопению, будто маятник, – пошли наклоны, слаженно задвигались тела, головы. Включился, заработал круговой механизм священнодействия, называемый *зикр*. Сидящие тихо, словно из глубины души произносят заветное: «Ла-иллаха илла-ллах». «Ла-иллаха» – и наклон в одну сторону; «илла-Ллах» – в другую. Запевала, как бы раскачав и запустив маховик *зикра*, отступает, сливается с другими участниками. И вот уже на его месте, в центре, сам устаз, учитель, шейх Кунт-Хаджи, посланец Неба, духовная опора этой общинной братской круговой поруки. А темп растет. Зачинщик-запевала задает ритм, хлопая в ладони. Его хлопки подхватывают все. Песнопение незаметно сходит на нет, только взмахи ладоней, только покачивание туловищ и голов. На подъеме экстаза участники *зикра* разом вскидываются. Не прекращая качания, хлопанья и возгласов, мюриды начинают плотно и ходко двигаться по кругу направо: сначала тягуче, потом быстрее, быстрее. И пошел слаженный бег с припаданием на одну ногу для усугубления такта. Гул летит окрест из облака пыли – это раздаются исступленные возгласы, славящие Всевышнего. И вот уже мчится сплошной вихрь. И так, в нарастающем темпе, продолжается час и больше. До изнеможения. Кто-то упал, кто-то в аффекте (*шовкъ*), бледнея лицом и сверкая взором, не может найти себе места, вскидывает голову вверх, ищет выхода страстям – его подхватывают, смирят...

Самые выносливые продолжают бег – этот порыв от земли к небу. Захватывающее действие. И смотреть на него без привычки жутковато. Пробуждается в тебе что-то потаенное... Но так ощущаешь со стороны. Надо войти в этот общинный круг, стать его самозабвенным звеном, и тогда не возникает никакого отчужденного страха перед ликом разверзшихся небес.

А потом, когда Кунт-Хаджи ушел и из этого круга-зикра, и из земного, это святое место занимает только Дух.

Восхождение

У каждого свое восхождение. Кто-то стремится к сияющим заоблачным вершинам Тибета или Гималаев и, осекаясь дыханием, одолевая уступ за уступом, взбираясь по серпантинным тропам, достигает поднебесной высоты и чувствует при этом что-то необычное, щемящее душу. И все, что происходило доселе с паломником, вдруг соединяется в одно целое, мир предстает как на ладони, смутно различимый смысл жизни обретает ясность и значительность, кажется, еще чуть-чуть, и сердцу будет дарован ответ свыше на вопрос: *зачем?* Не об этом ли задумался Михаил Лермонтов, когда писал:

*А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной...
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... – зачем?..»*

После посещения Палестины великий отшельник Гоголь преобразился. Никаких, казалось бы, новых значительных событий не случилось в его жизни. По-прежнему писал, комкал и рвал суетное, сжигал то, что считал нужным предать огню. Но его, так сказать, «стило творца» уже выходило за рамки проповеди и отповеди в царство *исповеди* и *заповеди*. Все, что он будет делать потом, после «Палестины души», проходило через ее строгую цензуру. Он доверил и свое перо, и свою жизнь Богу.

Восходят единожды. Посещение святых мест – просто туризм. К настоящему восхождению готовятся долго и истово. После паломничества продолжать прежнюю жизнь в заблуждениях, неправедности и излишествах – непростительных грех. Мне все еще боязно решиться на такой шаг. Я, честно признаюсь, не готов. Отягощенная мирским душа жаждет очищения и просветления – жаждет паломничества к святому, но трепетно немеет, одолевает страх, словно тебе предстоит заглянуть в книгу собственной судьбы.

Это наваждение мучает меня не один год. Приходит во сне. И я вижу то, что мне рано или поздно предстоит увидеть наяву. И эту дымящуюся лиловой мглой расщелину; и исхоженные петли дороги вверх; и раскинувшееся над головой весеннее, промытое, сквозное небо, приветствующее святой месяц Рамазан; и, после солнечного наваждения, столь же внезапно, густые тени ольховых рощ с запаленными светилом свечками-сережками;

и чуть слышный хруст старых суставов вековых груш в полудиком саду; и кряжистый дуб на утесе – его исполинские ветви-руки раскрыты для объятия. А вот и она – заветная вершина горы Эртана и святое место – мавзолей (*зиярат*) Хеди – матери нашего великого учителя жизни Кунта-Хаджи. И теперь весь мир под тобой, хотя там, далеко внизу, всего лишь горстка селений, которые отсюда, с птичьего полета, с орлиных высей, кажутся игрушечными, призрачными, сказочными.

Я только представляю себе все это, и меня пронзает дрожь. И все-таки внутренним зрением я уже вижу, уже понимаю, что так оно и случится. Вот только когда? Хотя *что именно* я увижу, а главное, *что именно буду переживать* там, на вершине святого Эртана, загадка. Дружья-паломники рассказывали мне об этом. Но я заметил, что не внешние приметы у этих рассказов, не детали увиденного, а память душевная. Все они, мои друзья, признавались, что, восходя на святые места кунтхаджинцев, они напрягали чувства, чтобы как можно больше увидеть, услышать и запомнить. И что же? Скупость деталей и подробностей. Словно ухо заложило, и глаз покрыла пелена. Все как в тумане. Так бывает у только что проснувшегося человека. Он уже здесь, а его все еще держат грезы сна. Видимо, это внутреннее созерцание, вернее, глубокое переживание души, невольное «ослепление». Это как слушание музыки. Закрываешь глаза, чтобы лучше «видеть», чувствовать мир звуков.

Повторяю, я не знаю, когда пробьет час моего восхождения. Знаю одно: он пробьет. Это во-первых. Во-вторых, я не буду опережать события и торопить время. Всему свой черед. И в-третьих, все, чему суждено свершиться в душе, касается только меня. А значит, пусть это и останется моей тайной. Хотя я, как и многие мои соплеменники (как, впрочем, и люди соседнего Дагестана, и Средней Азии, и Китая, и заокеанского континента, и многих других стран), все мы называем себя *кунтхаджинцами*, то есть приверженцами учения нашего великого земляка Кунта-Хаджи, сына Киши. Я верю тебе, Учитель, и надеюсь, что на окне и моего родного дома, на родной земле, будет веточка от вечнозеленой сосны с вершины святого Эртан-Корта.

Сегодня мир, распавшийся на нации и конфессии, ищет, мучается поисками новых спасительных религий. То здесь, то там вырастают, как сорняки, и новые Будды, и Браммы, и Христосы. Более того (и это самое чудовищное), во плоти, в живой, трехмерной, так сказать, оболочке реальных людей, как правило выскочек-авантюристов. Но не в этом суть. Суть в поиске все того же ответа на вопрос, поставленный небом: зачем? *Зачем живут на свете?* И теперь не стоит доказывать, что без религиозного сознания мир не устоит. Об этом надо просто сказать, как говорят «да» или «нет». Только вера уравновесит великий материальный диссонанс или дисбаланс человечества. Только вера объяснит и гармонизирует сильно расшатанный, сорвавшийся с оси земной шар. Увы, конец света наступил. Мы просто этого не заметили. Мы продолжаем веселиться на последнем пиру. Материальный

мир рушится, падает в бездну холодного космоса; связь времен распадается. Но только мир материальный... Духовный – бессмертен. Ибо не знает он ни времени, ни пространства, как мир доисторического рая, который до срока не ведал греха. За это *неведение* и награжден был Творцом бессмертием. Реку жизни оттеснило Дерево знаний. Время включилось, место обозначилось. Вот рай. Запомни его, первочеловек. Все остальное – запретельная жизнь. Тело никогда уже не вернется к тем благодатным кушам. Но душа!.. Круг замкнется. Дух сольется с Духом.

И все-таки кунтахаджизм – *нашу религию*, восходящую над миром, не хочется называть *новой*. Не новая, а забытая старая. Или так: не совсем забытая. И верней называть ее религией жизни. Ибо вышла она из ислама. А ислам и жизнь – одно. Многие религии тяготеют к культу смерти («загробная благодать», «эсхатология» и прочее). Там, потом, после нас будет вечная благодать. Вот утешение. А здесь? Здесь суeta и мука. Смутно все это, надуманно и обреченно.

«Совершенствование религии состоит в ее упрощении, уяснении, освобождении от всего того, что скрывает ее», – писал Л. Н. Толстой (о Кунта-Хаджи и великом кунаке горцев Л. Н. Толстом подробный разговор впереди). Ислам, как наиболее молодая из всех мировых религий, намного упростил догмы религиозного сознания, освободился от чудес и суеверий. *Религия жизни* призвана идти дальше, ибо жизнь не стоит на месте. Аллах избрал Мухаммада (а.с.с.), чтобы Пророк говорил с человеком его земным языком. Аллах всемилостив. Он дал нам, вайнахам, во спасение и Кунт-Хаджи. Великий шейх и скромнейший из людей, Кунт-Хаджи не почитал себя Пророком. Мы называем его так. Ибо дело Пророка спуститься на землю *вовремя*. Мир заблудился. Мир остутился в грехе, изгнан из рая, и Бог указал путь – Христа, позже Мухаммада (а.с.с.). Горцы-аборигены Кавказа и Передней Азии, древнейшие народы, в чьих жилах течет кровь прародителей человечества – *хурритов, миттани и урартов*, – в том числе и вайнахи, оказались в страшной беде, подошли к последней черте физического истребления, полнейшего вырождения, оказавшись под кованой пятой «равнинного соседа» – неуклюжего, свирепого и беспощадного, как разбуженный в берлоге медведь-шатун. И вот, на благо вайнахов, в их души снизошел светоч Кунта-Хаджи.

Так что цель этих моих заметок о нашем великом мудреце и спасителе – не только воздать ему должное, вывести Устаза из исторического тумана (а в российских историях религии, философии и, в частности, в культовом толстоведении – «толстовстве» имя Кунта-Хаджи забыто), но и сделать его учение доступным многим. Кавказ – с античным Прометеем и библейским Ноем – указал человечеству путь к спасению. К физическому, так сказать, бытийному. Теперь новый век, новая эра – черед спасения духовного. Была биосфера (власть природы), сменила ее ноосфера (власть человека), грядет спиритосфера (власть духа).

Оборотная сторона мифа

Телесный мир – и дальше больше – слишком пренебрегает миром духовным. Земные беды пытаются устранять земным. Знакомая карусель. Кричат о прогрессе. А человек падает. Еще старик Кант, оглядываясь на дело рук человека, сказал: «С развитием цивилизации растет сумма общественного зла». Мудрейший кенигсбергский «педант-затворник», по-прежнему восхищаясь звездами на небе и моральным законом внутри нас, не переставал пристально вглядываться в сторону Бога. Но, увы. Бог удалялся по мере приближения золотого тельца. Распятого Христа заменила сытая церковь. Да и в церковь ходят по праздникам, по какому-то машинальному, заводному почину, а не по потребности души. И, произнося имя Господа всуе, опять и опять галдят и толкутся на ярмарке тщеславия, толкают друг дружку локтями в очереди за лакомым куском. И вдруг, когда уже дышать нечем, и дом дал трещину от фундамента до крыши и вот-вот рухнет, и дети уже перестают понимать речь и дела родителей, – вдруг запоздало начинают вспоминать тех, кого некогда отвергли, предали глухому забвению, ввергли в убогую ссылку беспамятства. И начинают говорить о бессмертии идей, о прозрениях пророка...

Нет, нет, не мог умереть, не умер Кунта-Хаджи. И вот то здесь, то там признание, откровения, полные чудес. Кто-то видел Учителя в Мекке, на хадже (и было это в 1971 году). И глядел Пророк прямо и кротко и безмолвно говорил, *как жить*. Это был он. Никакого сомнения. И об этом говорит не один ярый мусульманин-фанатик. Многие говорят, просто и внятно... Кто-то заснул за рулем, и в последний критический миг его внутреннему «отлученному» взору является поперек дороги на бричке некий старичок с белой бородкой. Очнувшись, жмет водитель на тормоза на краю бездны. Кунта-Хаджи! Он! О нем думают. На него уповают. И он помогает... В другой раз вспыхнул двигатель автомобиля. Вот-вот взорвется. Пожар в самый опасный момент отвел Кунта-Хаджи. Как? Подул – и огня как не бывало. Говорит об этом человек весьма почтенный, серьезный и совершенно непьющий... Кто-то полагает, что искать следы Пророка следует в Китае. Там Кунта-Хаджи учредил братство. Или в степях Средней Азии среди «первобытных уйгуров».

И говорят о бессмертии Кунта-Хаджи со строгими, несуетными лицами. И что он от рождения отмечен Всевышним, что воспитан ангелами и жить ему Бог дал три человеческих срока... Кто-то из ученых людей объясняет этот феномен простой мудростью: помним – значит, жив. И тот, о ком жива память, не умрет никогда, покуда жив будет последний человек на земле. Вот и облакают легендами того, кого любят... Русские в свое время не хотели расставаться с Александром Павловичем, царем, сломавшим хребет Наполеону. И не умер император Александр I в Таганроге, а стал старцем Федором Кузьмичом, который жил долго-долго, творил праведные дела и растворился житием своим Божиим в гуще народа. Ученые-историки хмы-

кают и сличают бумажки документов (печать, подпись, квитанция), а народ *верит*. И тот, кто не должен, по его разумению, умереть, тот и не умрет. Вера не требует научных доказательств, тем более канцелярских «открытий» какого-нибудь чиновника, «копателя буквы и цифры».

Нет, корни мифа слишком глубоко, суть его слишком серьезна, чтобы говорить о нем только как о фантазии, сказке. Миф – соединение реальных, вероятных и невероятных событий истории. Нечто неосязаемое, но важное, соединяющее разнородное, разъятое дьявольским наваждением человечество общей идеей, судьбой, глубинным истоком...

Скажем, миф о Ваале (в других источниках – Балу, Молох) – наипервейшем враге Бога. У каждого древнего народа мира своя легенда о Ваале. Нас интересует вайнахская версия сказания об этом божестве идолопоклонников, пожирающем людей. Длиннющие шеи его возлежат на Евразийском континенте, из них, предчувствуя беду, произрастают головы, которые друг друга и сожрут. Одна на север глядит, другая – на юго-восток. И дело не в самой легенде, а в том, что это мифическое чудовище упоминает Кунт-Хаджи в своих песнопениях – *назмах*. Некоторые из этих сказов-импровизаций дошли до нас из прошлого века, «от изустных зикровых откровений». Вот пророческий назм (записал некоторые его куплеты – *байты* от стариков горцев и литературно обработал Адам Долатов).

*О люди! Вас ждут впереди
Жестокие времена испытаний.
Заблудшие, мифа своего ради,
Поведут вас по кругам ада.
Все будут в гипнозе века
Безбожного обмана ваалов,
Любовь и вера человека
До срока в цене не будут.
Низко нравы людей падут,
Бога-Творца позабудут.
И даже собственную мать
Сыновья для блуда возьмут.
Расцветет святотатство и пьянство,
Мздоимство и блудодейство.
Осуждающих будет мало,
Когда победит зло Ваала.
Святых ославят безбожники
И подвергнут гонениям.
Имущих ограбят насильники
И в тюрьмы их заточат.
Верующим будет так же трудно,
Как держать за пазухой огонь.
Верующий будет везде неугоден*

И на подозрении со всех сторон.
Справедливые законы исчезнут
Из жизни обществ и народов,
Жестокими будут законы ваалов,
Что в угоду себе они создадут.
При разбирательстве на суде
Неправый окажется правым,
А правый станет неправым,
Осмеяны будут его жалобы везде.
Бится друг с другом братья начнут,
Родичи и близкие в распрях погибнут,
Щадить человек человека не станет,
Когда век бурь и крови настанет.
Милосердие, порядочность, честь –
Суть этих понятий будет забыта,
Их антиподы расцветут,
Когда победит зло ваалов.
Перемешаются все языки
И разных людей наречия,
Брат не узнает брата
По языку и обличию.
Души их очерствеют тогда,
Милосердие пропадет без следа,
И своей благодати вконец
Их на время лишит Творец.
Жизнь потечет без смысла.
И число смертей возрастет,
И долго люди не смогут от злых
К добрым нравам вернуться.
И голод, и холод, и вражду
От коварства и лжи ваалов
Испытают сполна вайнахи,
Оказавшись вдали от Кавказа на время...
Народы распознают зло обмана,
Разрушат памятники ваалов,
Анафеме предадут их имена,
Проклятые на все времена.

Родник учителя

В мудрости ислама – его созвучие жизни. Это не отвлеченное поучение надмирного духа, а земной поводырь души, ее путеводитель. Жизнь важнее догм. Потому-то ислам посредством толкований высек из своей совокупной мудрости свод норм, управляющих и духовной, и светской жизнью правоверных мусульман, – *шариат*. Но путь к Богу – процесс живой, люди и обстоятельства меняются, а народы, как и отдельный человек, проходят фазы развития. Так что эту животворную линию: ислам – шариат – продолжило такое важное понятие или учение, как *тарикат*, по-арабски – *путь*. Конечно же, в духовном смысле – *путь к Богу*.

Именно в тарикате истоки северокавказского суфизма – зикризма Кунта-Хаджи Кишиева – этой нравственной (а как оказалось, и физической) опоры вайнахского народа... Здесь уместно говорить и о явлении учитель – ученик, продолжающем великую духовную цепь (ислам – шариат – тарикат). Нет на земле союза плодотворнее. Благо, когда жизненный путь к Богу указывает ученику (муриду – по-чеченски именно так, через «у») учитель (шейх, устаз). Вся восточная мудрость держится на этой спайке двух душ, на диалоге двух судеб – восходящей и нисходящей. Все античные школы, все искусства и ремесла основывались на такой форме непосредственного обучения, передачи жизненного и религиозного опыта. Книги, конечно, подспорье, это кладезь знания. Но они без наставника мертвы. Тот вкладывает в ученика душу, учит на примерах из жизни. Это, как теперь сказали бы современные педагоги, – адресно-опорное обучение.

Путь к Богу тернист. Учитель призван помочь выбрать наиболее верную дорогу к спасению. А она тем верней, чем дальше удаляется ученик от собственных грехов. Тарикат изустен. Это непосредственная связь поколений через слово. Никаких письменных уставов и сводов. Мюрид дает обязательство – *тоба* (группа) – вести жизнь праведно: не злословить, не пить, не курить, помогать ближнему и личным трудом, и советом, и средствами (и не раз, два, а всегда); чтить букву шариата; быть истинным братом члену духовной общины; у мюридов свои (помимо общемусульманских) молитвы; он, мюрид, должен уважительно относиться к женщине и детям; калым за родичей не должен у него превышать небольшой условной цены; он обязан засеивать сверх положенного по исламскому *закъату* полоску (делянку) вдове или сиротам или выполнять по мере надобности другую работу. Есть у мюридов и другие общинные («коммунные») права и обязательства: отказываясь от своего эгоистического «я», трудиться сообща, пользоваться коллективными орудиями труда – инвентарем, тягловой силой и пр. В суфийской общине приняты совместные моления, а также решение неотложных жизненных вопросов. Вообще в тарикате отчетлива общеисламская тенденция: веротерпимость к иным конфессиям, уважение к иноплеменникам. Мюриды должны называть друг друга *братьями*; стремление к власти осуждается; мюрид избегает ссор, кровной вражды (он

первый должен сделать шаг к примирению, к прощению обидчика); тем более не соответствуют духу шариата какие бы то ни было войны.

Главные орудия воздействия приверженцев шариата самые мирные и, как они полагают, самые полезные: вера, несуетное, то есть идущее из души, слово и мудрость, то есть умение анализировать тончайшие душевные переживания.

Но дальше. У тариката несколько (кажется, шесть) толков. В Чечне (и, кстати, в соседнем Дагестане) известны два: «кадырия» (его приверженцев еще называют «открытыми») и «накшбанди» («тайные»). Мюридов-кадырийцев именуют *зикристами* (от слова «зикруллах», что по-арабски значит «имя Божие»). Кадырийцы совершают священный танец, коллективную круговую молитву зикр, открыто, на людях, и громко, славя в экстазе моления имя и дела Всевышнего. Демократизм кадырийцев допускает в модельный круг подчас и женщин, и иноверцев.

Накшбанди такого откровенного зикра не знают, молятся отдельно, тайно, у себя дома. Их зикр тихий. Имя Бога они упоминают мысленно.

Самый великий кадыриец – Устаз Кунта-Хаджи. А самый что ни на есть накшбанди – имам Шамиль. Разница между ними, как между небом и землей. И об этом речь впереди.

Земные шаги

Кунта-Хаджи родился в селении Илсхан-Юрт (Гудермесский район). Семья была бедной. В детстве Кунта пас коз. Кормились с небольшой делянки земли, урожая хватало ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Рос Кунта смышленным, рассудительным, вдумчивым не по годам. Сызмальства его отличало редкое чувство справедливости и сердечной доброты. Ко всем без исключения. Тихий свет доброты излучали его кроткие глаза. Соседи удивлялись чистой душе отрока. Более того, искали у него справедливости в споре, шли за советом, как ходят к почтенному мулле.

Как-то Кунта пас коз. Прилег в высокую траву, стал вглядываться ввысь. Небо было в легкой дымке. Внезапно клочок лилового облачка сгустился, заплыл тьмой, потяжелел, сбился в тучу. И вдруг она стала падать. Возле самой земли, над головой пастушка, зависла. Из тучи прозвучал голос: «Не бойся, святой человек. У нас к тебе дело...» Туча разъялась, оттуда выпорхнули ангелы, приблизились к самому его уху и тихо, словно горлицы, заговорили. Они посланы по воле Бога, Всевышний объявляет Кунта избранником неба и поручает собрать братство. И он сам, и его братья попадут в рай... Ангелы улетели. Кунта заворуженно провожал их глазами, переживая происшедшее. Махнул вслед посланникам небес, а когда опустил руку, в ней лежал томик Корана. И, как оказалось, не простого, а заговоренного, потаенного, потому что образованные муллы пытались читать этот Коран и не смогли. Читать и толковать его мог только сам Кунта, сын Киши. Хотя

он еще ни арабского языка не знал, ни письменностью никакой не владел. Рассказал родителям о видении. Те повздыхали и, помолившись, благословили отрока на духовную стезю. А так как истинный путь мусульманина начинается с Мекки, то Кунта на исходе 1840-х годов отправился совершать хадж.

Вернулся он из паломничества, добавил, как положено, к своему имени приставку «хаджи» и стал проповедовать «всеверие единобожия», смирение да незлобивость.

Ну, скажем, что за новость называть друг друга братьями, помогать делом, советом, средствами, особенно неимущим и убогим... Правда, одно – говорить об этом, другое – так поступать, совсем другое – *быть*. Вот тут в обычном как раз и начинается не совсем обычное. Ну, например: человек имеет право есть только то, что добыл своими руками и на своем поле. А это уже аскеза, смирение и опрощение. И все-таки (в отличие от аскезы монашества) это полноценная жизнь в равенстве. Ибо зачем человеку лишнее? Излишек ведет к несправедливости, к преимуществу брата перед братом, к гордыне, то есть к власти одного над другим. Богатство – грех, а добытое присвоением чужого труда – преступление.

Или взять незлобивость. Чего, казалось бы, проще сказать: не ссорьтесь, люди. А если поссорились (всякое бывает, жизнь есть жизнь), закрыть путь вражде. Сами не уладили дело миром – приходите на общинный круг. Поделитесь с братством, там злоба и канет. Ибо на кругу всегда найдется мудрый – даст добрый совет, отведет от беды, остановит нарождающееся зло...

В новинку ли такое? Ведь истари проповедовалось незлобие, дружба, братство... Но тут, на проторенном вроде бы пути, и открывается исподволь суть кунтахаджинского вероучения. Все известные постулаты и положения *взаимосвязаны*. Исключить что-либо из этой цепи нельзя. Иначе новая суфийская система, истинный тарикат толка Кунта-Хаджи, рассыплется. Или все, или ничего. Или все одинаково придерживаются всех без изъятия общинных устоев – и тогда Бог к ним, к нам, милостив. Или опять миру рушиться, вязнуть в неисчислимой, бездонной греховной пучине...

А какие самые тяжкие грехи по Кунта-Хаджи? Злословие про своего ближнего и, конечно, месть. Кровь за кровь, око за око, зуб за зуб... Старая песня. С ветхозаветных времен. Кунта-Хаджи признавал за великий грех кровную месть. Адат ее позволял и позволяет. Тебе руку отрубили – отруби и врагу. Причем тем же оружием. Зуб выбили. Лиши обидчика того же зуба. Кунта-Хаджи учит: смирись и останови реку крови, ибо отмщение не имеет конца. Сам сделай шаг примирения. Война, а тем более с сильнейшим врагом, признается наиболее противной истинному тарикату.

Еще раз повторю: мало объявить и призвать общину следовать своему учению (мудрецов и ученых людей много, праведников – наперечет), держаться его буквы и духа с аскетической последовательностью, точностью и непреклонностью – вот цель и задача.

Праведник Кунта-Хаджи жил не в укрытиях-катакомбах, подальше от мирской суеты, не в затерянных монашеских скитах, а в гуще равных себе. Жил общинной жизнью, не признавая никакого чинопочитания. Все братья и сестры – только так. Вот единственное звание любого человека. Кунта-Хаджи, наимудрейший, знал, что земной срок его не вечен. И завещал общинному братству не учреждать никаких постов его заместителей. Управлять общиной должны все мюриды, всем миром.

Да и высоких духовных званий не жаловал Кунта-Хаджи. Титул *шейха* (как старейшины ислама) резал ему слух. Не лучше ли так: *учитель*. А еще лучше – *брат*.

Шейхом, по традиции чеченцев и ингушей, именовали авторитетных людей, владеющих тайными знаниями и даром предсказания. Этим и отличался Кунта-Хаджи.

Шел он как-то с братом Мовсаром по пустыне. Жажда нестерпимая. Вдруг Кунта-Хаджи показывает рукой, говорит: «Вон там будет бить источник чистейшей воды, родник радости. Это место огласится человеческими голосами, оно будет полниться людьми и цветами; его полюбят братья, почитающие Всевышнего». Брат Мовсар пристально всмотрелся в лицо Устаза. Он знал, что не физическая жажда мучила учителя в тот миг – духовная («Духовной жаждою томим...»), и верил, что предречение сбудется... Так и вышло. В тех местах отныне одна из почитаемых чеченских святынь, истинный оазис души.

Говорят, события идут навстречу великим людям, а не наоборот. Кавказская война, позорная, неправая, с морем напрасной крови, с жуткими картечными метелями по живому, по невинным, с варварскими вырубками реликтовых лесов и дикими набегами на мирные, трудолюбивые аулы, после чего оставался лишь чадный прах и вечное эхо стонов, – все это зашло слишком далеко, за последний предел. Восставший вольнолюбивый чеченский народ попал под беспощадную пядь «равнинного колосса», «великодержавного Молоха», «ненасытного Ваала». Проще говоря, целый этнос, древнейшая нация оказалась у бездны, перед угрозой полного уничтожения. Увы, исчезали с лица земли и великие народы... Бог направил события к стопам нового Пророка – Кунта-Хаджи. Дух великого учителя пресек гибельный путь – остановил войну; а через годы, на новом витке беды, вновь восстал, раскинул спасительные крылья и над азиатскими степями в период советской депортации. Насильственно отринутый от родины, но не отдавший воли, вайнах вглядывался в горизонт через полынные и ковыльные пространства и видел внутренним зрением родные горы, поминая имя Кунта-Хаджи, ища в нем опору, мысленно произносил он сладкие слова: *отчий дом*. И опаленное новым пожаром чеченское сердце открывалось навстречу мудрому учителю, его *религии жизни*. И откатилась лавина истребительной войны, и вспыхнула заново чуть позже... Но указан путь к человеческому единению, хоть и странно звучит это в мире, где все и вся рушится. Именно гармонии во всем и со всем, что есть

живое на земле, жаждал Кунта-Хаджи. С Богом, между людьми, с природой, с каждой юркой и потаенной зверюшкой и каждой трепетной былинкой. Люди в добре, в любви – только так! – приближаются к Богу. Не книги, не наука объясняют божественную основу жизни. Только человек верующий, более того – праведный, устремлен к высшей истине. Кунта-Хаджи говорил, что ищущий Бога подобен охотнику, который идет по следу дичи. Когда он уже возле дичи, то след ему не нужен.

Так что сердечность и гармоничность в отношениях людей – наиглавнейшее условие жизни. Братское общество отвергает эксплуатацию. Каждый вправе, в силах и обязан прокормить себя. Так поступал Кунта-Хаджи.

Рассказывают, что как-то без ведома устаза ученики вскопали ему часть огорода, с которого он кормился. Учитель, увидев это, отметил обработанный участок, а собранный с него урожай раздал бедным.

А вот как Кунта-Хаджи говорит о золоте: «Слиток золота не должен вызывать у человека больше радости, чем ком земли».

Кунтахаджинцы относятся к земле, как к живому телу. Грех забивать в землю без надобности кол. Взятое у земли туда должно вернуться. Не ломай, брат, по пустякам ветку. Она живая. Ей больно. У нее свой плач и своя печаль. Она часть единой гармонии праматери-природы, над которой также распростерта длань Всевышнего... Ты зачем, брат, стегашь лошадь? Она знает путь. Скажи ей, что ты хочешь. Говори с ней душой. Только три раза в жизни ты имеешь право стегать лошадь, дабы отвести явную беду. Грех бить скотину, даже забредшую в чужие владения. Переведи, брат, возмущенное дыхание, укажи неразумной корове путь домой. И они, брат, как и мы, «вечно блуждают»... Овец доите щадящим способом (и ведь был такой способ. Где он?). Мед качали из ульев, не распугивая пчел едким дымом. Человек, по Кунта-Хаджи, входит в лес, как в дом соседа или друга – с трепетом, открытым сердцем и чистыми помыслами. Дикие яблоки полагалось окультурить. Кукурузу пололи мотыгой без замаха, чтобы не пугать живые початки... Будь, брат, скромнен в потребностях, строг по отношению к плоти. После женитьбы не отвлекайся на развлечения... Оставь, брат, оружие. Что в его бряцании и блеске? На людях носи только посох; опояшись куском белого полотна – покажи этим кушаком, что ты всем брат. Пусть и они делают так.

Святость Кунта-Хаджи в его простоте. Как жил, так и думал; как думал, так и поступал. Тому и учил, никого не поучая. Чтил и соблюдал без усилий – как давнюю привычку – простые правила жизни. Жить под иноземцем не сладко. Колония – она и есть колония. В твой дом пришли с чужим уставом. Но стоит ли рвать волосы и биться головой о стенку? Смирись, дождись своего часа. Враг отпадет, как перезрелый сгнивший плод под собственной тяжестью. А закон тяготения для всех един.

Как-то кипел злобой и извечным нетерпением имам Шамиль. Крыл русских едким словом. Кунта-Хаджи дождался паузы в гневливой речи «предводителя Кавказа», сказал:

– С русскими мы живем вынужденно. Унижений тьма. Но детей рожающую женщину, телят рожающую корову и жеребят рожающую кобылу никто не унизит.

Женщина и семья, кротость детей, и ответственность родителей за них, и в свою очередь почитание родителей детьми – вот ценности, вот опора жизни. По мысли Кунта-Хаджи, Бог пожалел Адама и Еву – дал им в утешение потомство. Что было дальше – другое дело. Первые люди познали волю. И что же? За пределами рая первые дети первых людей, раз оступившись в грехе, умножили грех. Каин убил Авеля. Забыли Бога. Решили, что можно теперь без него.

У друга Устаза умер сын. Киши-Хаджи знал, что нет горя сильнее. И все-таки еще хуже неразделенное горе. Надо утешить человека, брата в такой беде. Надо пожалеть. И найти нужные слова, хотя в такой безысходности какие слова облегчат страдания... Пророк их нашел:

– Это не потеря, брат. Да, он твой сын... Но принадлежал тебе не полностью. Его тебе послал Бог... Для сохранения. Сын оказался Ему нужен. И он забрал его, как свое. Земля знала твоего сына. Теперь будет знать небо. Утешься хотя бы этим, брат.

Еще одна наиважнейшая сторона учения Кунта-Хаджи касается самой трепетной темы нашего повествования – союза двух великих душ. Я говорю о *непротивлении злу насилием*. Да, именно так, по-толстовски, звучит фундаментальная идея кунтахаджизма. Это и еще *опрощение* воспринял от святого горца будущий великий русский писатель и пророк Лев Толстой, когда в начале 1851 года, на изломе своей молодой жизни, в глубочайшем нравственном кризисе, он вырвется из страны «рабов и господ» и «голубых мундиров» на вольный Кавказ, дабы найти свой *тарикат* – путь к Богу, просветление, незлобие и покой, что художник-праведник отстаивал всю свою долгую жизнь.

Диалог великих

Братья выехали из Казани, чтобы попасть на левый, восточный фланг русских войск. Держались близ Волги. Дорога тянулась скучно, однообразно. Седоков укачало... Ревниво поглядывали на реку. Волга былинно набегала на берег волной, играла на стремнине пенистыми бурунчиками, по песчаным откосам курился теплый воздух, набитый роистой мошкой. Господа офицеры лениво перебранивались с обозной прислугой. Николай Николаевич предложил сменить обстановку.

– Левушка, река течет, а мы ползем. Надобно соединить наши усилия.

– Николая, это гениально, ибо в самый раз, – поддержал утомившийся тряской дорогой юнкер брата-офицера. – Плыть и только плыть – и никаких вопросов.

Купили огромную, как Ноев ковчег, барку, взгромоздили на нее свой тарантас и отдались течению матушки-реки, красотам мягко отлетающей

назад природы, неспешным разговорам исключительно на философские темы и чтению всласть.

Три недели растянулись на целую вечность. Преодолевали какую-то символическую полосу в собственной судьбе. Его, Льва Толстого, томила прежняя жизнь – с картами и кутежами, попыткой учения в Казанском университете, с этими скучно-пошлыми рамками комильфо... И как следствие ошибок и метаний – ноющая душа и жуткие долги. Все это теперь отступало, не отпуская. Но не только долги и усталость души – причина спешного решения 23-летнего юноши, родового графа, отправиться вольноопределяющимся на опасный воюющий Кавказ. Фальшь светской жизни, «обер-точная ее сторона» стала поперек горла. Поощрялось тщеславие – не будь самим собой (хотя вся мировая мудрость говорила наоборот), играй роль салонного шута, волочись за декольтированными особами, пей шампанское до лютой изжоги и говори не то, что думаешь, а то, что хотят от тебя услышать. Все к черту! Дошло до того, что стал, морщась, рассматривать себя в зеркале: фу, глазки пуговицами, спрятаны глубоко, как в копилку; а нос... какая-то картошка; оттопыренные хрящеватые уши; угловатая фигура... грубо сработано – не резцом, а тупым топором. Но хуже, когда нравился себе. Когда как бы в компенсацию за физическую непривлекательность близкие хвалили его ум и способности. Дрянь и мерзость все это, думал, краснея, глядел на небо в чудесных легких облаках, слушал, как за бортом лодки воркует вода.

Как-то чуть свет проснулся. Злой, раздраженный, потянул затекшее плечо (всю ночь проспал на досках), сказал себе понятное только ему одному:

– Река Иордан... Отмыться с ног до головы... А там хоть и черкесская пуля...

И глядел неотрывно, вглядывался в курящуюся даль, которую затгивал свинцовый полог.

Познакомился с мирным чеченцем Садо. Обменялись подарками (до сих пор шашка Садо хранится в Музее Толстого). Стали кунаками. Кунак Толстого, кстати, отыграл значительный долг русского друга-юнкера. Сделал это за спиной графа. Толстой узнал подробности из письма брата Николая: «На днях был у меня Садо, он выиграл у Кнорринга твои векселя и привез их мне, он так был рад этому выигрышу, так мило меня спрашивал: "Как думаешь, брат рад будет, что я сделал?", что я его за это очень полюбил, этот человек действительно к тебе привязан...»

Садо горяч. Купил лошадь, пригласил друга-графа проехаться. Нарвались на отряд чеченцев. Чуть было не погибли. Чудом спаслись. Толстой пережил душевный укол. И страх, и любопытство к страху. Ему стало известно за легкомысленное отношение к собственной жизни. Подумал о том, что жизнь имеет отношение и к Богу, а значит... Все это мальчишество. Вон его друзья подставляют голову под пули, чтобы получить Георгиевский крест. И он ведь хотел получить. Но после того случая (а в Севастополе под

даврывами ядер еще больше убедится в правильности своего прозрения) стал осторожней. Страх переплавился в рассказ «Кавказский пленник».

Страсть – вот ветер души, вот жизни!.. Но и вглядывался в солдат и станичников. Полюбил простой люд. На Кавказе сделать это было легче. Свой народ там, в России, завяз в невольном грехе крепостничества. Между барином и его холопом – стена, игра лукавая в поддавки: ты от мужика хочешь истины, а он, шельма, ухмыляясь и ломая шапку, голову тебе морочит, поддакивает и кланяется, а отойдет на шаг и все сделает по-своему. Здесь же, на вольном Кавказе, не знающем рабства, каждый второй по виду простолюдин, а по нутру, по натуре каждый – герой. «Так кто же выше? – мучил себя раздумьями молодой граф. – Я в лучшем случае ровня им, а то и ниже. Я – барчук, они живут трудом. Я без денег – ничего, а они именно без денег – все. Жалеть... Это другое. А любить можно только равного».

И вдруг в один прекрасный день как прорвало отягощенную душевную плотину: «Зачем все это? Зачем богатые и бедные? Зачем война и смерть? Тесно ли здесь? Боже праведный!.. Вон сколько всего. Дух захватывает от неоглядной вольности, от просторов и размаха. Живите, люди добрые. Вот царство, где орлы и метели, и тут же нежнейший изумруд долин. Лавры, кипарисы. Тропы барса и говор родников. Куда бы ни пошел, где бы ни скрылся – следят за тобой, держат твою душу снеговые шапки Казбека и Эльбруса. Пламень солнца, брызжащий хрусталь рек, дубовые рощи, заросшие пронзительно духовитыми азалиями, в которых прячутся до ночного срока соловьи...» То есть в нем вся прежняя жизнь перевернулась; сразу и резко пришло озарение: зачем война, кровь? Зачем при таком естественном богатстве в завсегдатаях салонов и владельцев поместий столько жажды излишнего? Для чего прилагать столько усилий ради добывания пагубной роскоши, когда подле разящая нищета?.. И странной показалась ему смерть от какой-то ничтожной тяжеленькой негодяйки-пульки, пронзающей живое существо. Тебя – ищущего и озадаченного поисками смысла, счастья, любви – не будет, а все это роскошество природы и загадка человека останутся.

В 1851 году отправился молодой граф на Кавказ латать прорехи в кармане и в душе. А вернулся другим человеком. Не сразу открыл высокую и тяжкую правду религиозного сознания; не сразу возвел в себе незлобие на пьедестал непротivления злу; но уже не однажды ощутил в себе тягу к простоте, то святое просветление, что уводит человека от нищеты духа. Кавказ очистил его душу, выгреб кремнистыми своими хребтами из недр ее сор и наросты; а главное, возвел с его заблуждениями на гору прозрения, подарил встречу с праведником-учителем, чтобы через многие годы у всемирно признанного писателя появилась возможность и потребность самому стать праведным учителем жизни.

Его Кавказ начала пятидесятых – первая ступень головокружительного восхождения к себе, к «царствию Божию внутри нас».

И мятущийся юнкер, приехавший проверить себя войной, породистый граф, полагавший, что достаточно образован, начал свое *восхождение к истине*. К вероучению Кунта-Хаджи. Шел Толстой тем же путем тариката, каким прошли до него паломники и еще не раз пройдут. И ему высоко впереди, в поднебесье, сияла святая гора Эртана, самое сердце Ичкерии.

У каждого из нас свое представление о рае. О рае земном, ибо рай небесный, «чертоги Бога», – вечный сон нашей жаждущей и неутоленной души – награда ее в будущем за праведность и покаяние.

Кто-то соединит понятие о земном рае с холмами Мацесты, что нависли над легкомысленным Сочи, где сказочные лавровые аллеи и малахитовые кущи склонов с терраской на самой макушке горы, где реликтовые леса и деревья чуть ли не со всего света. Кто-то с равнинной и задумчивой душой дрогнет сердцем при виде окского затона с грациозными цаплями где-то за рязанскими далями. И, почуяв, как покатались из глаз от этой неожиданной хрупкой красоты жгучие слезы, воскликнет: «Это рай! Я, Господи, здесь бы умер...»

– Это рай. Рай земной! – воскликнул Лев Николаевич. – И души людей, живущих здесь, должны быть столь же открытыми¹.

За перевалом открылась иная панорама. За вершинами Эртана прятались еще более грандиозные горы. Граф шел к духовному вождю этого гордого народа как к своему учителю, наставнику.

У южного склона Эртана была видна знаменитая грушевая роща, в тени которой отдыхают паломники. Там часто совершаются *зикры*.

– А где он учился? Где получил степень Шейха? – спросил граф у Садо, когда они уже были совсем рядом от аула, где находился дом устаза.

– Кунт-Хаджи учился везде, – отвечал Садо. – В Турции, Иране, в Аравии – на родине Пророка Мухаммада (а.с.с.). Домой он вернулся только после того, как почувствовал, что знает, как избавить народ от страданий. Он, думается, нашел ключ к спасению. И этот ключ более подходит нашему народу, чем сабля имама Шамиля... Говорят, Шамиль однажды велел своим нукерам арестовать и привести к нему Шейха Кунта-Хаджи. После беседы с шейхом имам понял, что перед ним человек, который дошел до таких глубин ислама, что он и предполагать не мог. Имам испугался Шейха и велел отвести его обратно. Да и завидовал Шамиль учености Кунта-Хаджи. Как-то имам признался: «Не я спасу эти горы. Спасение придет с солнечных склонов Эртана».

Шейх Кунта-Хаджи, обаятельный и вовсе не старый мужчина, сидел в саду на скамейке и читал *жайн* (книгу). Садо попросил жену устаза не прерывать его досуга. Но, заслышав шаги, шейх встал и пошел навстречу гостям. Обнялся как со старыми добрыми друзьями...

¹ Версию встречи Л. Н. Толстого с Кунта-Хаджи я воспроизвожу по талантливому роману-эссе моего земляка С. Х. Нунуева «Нахи, пророки, судьба» (М., 1996).

– Я привел к тебе необычного гостя, Кунта-Хаджи, – сказал Садо. – Сам я из Дойкар-Эвла, что за крепостью на Сунже. Этот гость, – Садо кивнул на графа, – офицер русской армии... Он давно мечтал увидеть тебя.

– Если я дожил до такого дня, когда в мой дом, дом бедного горца в самом сердце непокоренной Чечни, в гости пришел с миром русский офицер, значит, что-то меняется в этом мире.

Шейх и граф обнялись.

Зажгли фонарь. Со стороны ущелий рек Шовда, Хулхулау, Эпстинжойн-Ахк потянуло прохладным ветерком.

– Шейх, вами восторгаются ваши ученики. Вы ко всем добры? – спросил Толстой.

– Это требование Всевышнего, – с ласковой улыбкой отвечал Устаз. – Самая большая награда, дарованная Всевышним, – умение и возможность найти в себе добро. Человек изначально добр, поэтому человек в младенчестве ангел. Плохое в человеке от дикой жизни. А наша жизнь сплошь дикость. Нами повелевают животные инстинкты... Самые большие враги ислама – это те, кто ищут в жизни войну.

Разговор шел обстоятельно и неспешно. Не хотелось отвлекаться от высоких тем. Граф только опасался, как бы при переводе его слова, а еще важнее – слова почтеннейшего шейха не потеряли свой смысл.

Коснулись многих религий. Шейх сказал: все, что сотворено Всевышним, имеет право на жизнь. Пусть будут разные религии и национальности, и непохожие люди и народы, ибо самый большой грех – однообразие, насильно установленное злой рукой. А выделять и ценить людей по национальности – тяжкий грех. В Коране сказано об этом достаточно.

Заговорили на самую мучительную тему – о войне.

– Шейх, вы против войны России на Кавказе. Но вы и против того, чтобы горцы с оружием в руках отражали карательные экспедиции русских в чеченские горы.

– Насилие не может длиться бесконечно. Поэтому мусульманам, когда они в явном меньшинстве, нужно сохранить себя до лучших времен. Погибать, как бабочки, летящие в огонь, не великое геройство и уж конечно не мудрость. Всевышний даровал человеку жизнь. И не надо ее отдавать. Жить! Вот что надо делать. И отдельному человеку, и всему народу. И целые народы стирает с земли лавина зла. А что же дальше?.. Если уже *ничего не будет*... Верящий в Бога человек чувствует, что все люди равны. Равны именно в Боге. Нельзя применять насилие в равенстве и свободе, нельзя свою прихоть навязывать другим. Богатый отнимает у бедного. В чем богатство? В деньгах? А что это такое? Это то, что можно сосчитать. Но кто сосчитает душу человека?.. Люди, выросшие в рабстве и насилии, так и думают, что именно насилием и рабством можно привести человека к счастью.

Толстой заметно волновался. Он чувствовал, как учитель открывал в нем то светлое, чему и надлежало быть открытым и что лежало под пластом светской грязи, порочных бездумных привычек. Он все эти годы мечтал

именно о таком учителе. Учителя были, но это были опытные наставники в познании наук. Никто не учил его мудрости жизни. Теперь юнкер слышал те самые слова, которые, как ему казалось, сказал бы себе сам. И еще юный граф понял, открыл для себя всю несовместимость умствования и гордыни с глубоким познанием жизни. Более того, он сейчас уверовал в то, что вообще невозможно учить жизни, мудрости ее, каким бы великим педагогом ни был твой собеседник. Ты, только ты сам, отступаясь на тернистом пути к Богу, имеешь шанс чему-то научиться, специально не учась ничему... Мысли одолевали его в паузах речи Кунта-Хаджи, теснились, кружа голову до тошноты. Но эта муторность была нужна ему. Он хотел этого чувства похмелья, этой боли правды и откровения.

Садо тем временем дальше переводил шейха, и его, устаза, неспешные и несуетные мысли плотно и легко, словно клинок в ножны, вкладывались в мысли Толстого.

– Творец не прощает человеку лишнего, что он корежит и режет по ненужному капризу. Все живое чувствует боль, хочет жить и, как человек, тянется к солнцу. Даже земля чувствует боль. Поэтому не надо пугать лес топором. Руби то, что необходимо. А лучше подбери, что само упало; валежник – это труп дерева. Греховно загрязнять животворные реки и озера. Природа сближает нас, столь разных... Один молодой мюрид, – шейх как-то исподволь повернул русло разговора, – признался недавно, что самая большая радость – это радость отдыха после труда. А не в этом ли радость всех людей?.. Так зачем же война?

– Глупость и еще раз глупость! – воскликнул горячо русский юнкер и оглянулся, как бы ища поддержку своим мыслям у гор, проглядывающих сквозь кущи сада. – Не пора ли поумнеть? Ведь люди со временем должны уметь, шейх. Не так ли? Иначе в чем тогда прогресс?

– Я не знаю, что это такое – прогресс. Есть другое, неученое понятие, путь к истине. Или пути. У нас – свой, у вас – свой. Но – к истине. Значит, к Богу... А люди не поумнеют со временем. С чего бы им? Земля будет ветшать, человек болеть. Разве что крепчать духом... А спор вечный, что важнее, душа или тело, – пустая трата времени и ума. Тело требует сытости. Где черта между сытостью и пресыщенностью? Тело безмерно, как барабан шайтана, а вот душа, хоть и бесконечна, как вечность, – смиренна, ибо ей, душе, телесного и всякого прочего от земного и всего-то горсть нужна, чтобы быть... А кто пришел на наши земли? Зачем? Засеять и пахать чужое – грех. Горьким будет для чужаков хлеб с чужой полосы, выращенный на крови исконных хозяев этих полей... Земли предков. Но и у захватчика проснется душа... Рано или поздно. Терпите, братья... А война – это великое нетерпение и беда. Войной мы оправдываем насилие. Мы воюем не с врагом, равным и достойным, как у вас, у русских благородных, на дуэли, а с убийцей. А убийца проклинает Всевышнего. – Шейх понимающе посмотрел на графа, и, хоть перед ним сидел молодой человек в обычной горской одежде, шейх мысленно видел на нем офицерские знаки отличия. – Царская армия и ее

офицеры не столь безнадежны, если есть среди них такие, как ты, мой друг, коль пришел ко мне с открытой душой. Добрый знак. Да будет так!..

—Аул за перевалом исчез из виду. Граф испытывал странное чувство: он не торопился домой. Он не чувствовал себя чужим в этом уголке воющего мира. И он еще больше возненавидел войну. «Насилие не от Бога. Разве нельзя договориться между собой? Разве не поняли мы друг друга? Я и Шейх. Не лучше ли множить добро? Разве не ляжет коварство и неправедность тяжким камнем, пострашнее могильной плиты, на души тех, кто все это затеял?..»

Остановились у речки, дымящейся хрустальной пылью в радужном обруче.

— Садо, жажду плюхнуться в реку и смыть с себя грехи (их столько у меня!), а потом присесть вон на той веселенькой лужайке и помолиться...

— Я, брат, разделю с тобой твоё желание. И помолюсь вместе с тобой... Ты — за свой русский народ, я — за свой, чеченский.

Был великий восход Льва Толстого. И был великий его уход. Старец пилигрим покидал с котомкой за плечами и посохом суетный мир. Смерть настигла его в дороге, на забытой Богом станции Астапово. Куда он шел? Какой еще обители жаждала его душа? В кармане паломника нашли железнодорожный билет до Владикавказа. Кто ведаёт, может статься, шел он к истокам своего юношеского восторженного прозрения души, возвращался в места, отмеченные духом первого его учителя веры — Кунта-Хаджи, дабы поставить точку на самой последней странице книги своей жизни. И он, и шейх чуждались спеси наставничества и поучений. Их называли (называют и по сей день) пророками и учителями. Они себя — никогда. Только так братья.

Тень

Странное противостояние: Кунта-Хаджи и Шамиль. Слава имама до неприличия громогласна, эхо ее и по сей день качает горы Дагестана. У «великого земляка» — непререкаемый культ. Забыты ярость и нетерпение Шамиля, спесь его, а по сути и предательство по отношению к союзникам (прежде всего к чеченцам), и какой-то недостойный финал имамата, и пленение, когда лютого врага вместо клетки, плахи и четвертования поселяют, как какого-нибудь графа-фаворита, в калужское имение, а Москва встречает его иудиними целованиями бывших линейных генералов (в том числе и Ермолова), а затем и вольное отпущение в Мекку, где беззубый воин и почил в бозе, обласканный домашним уютом, под тихое журчание покаянных молитв. Деспот брал славу за рога, силой оружия и жестокостью покорял Кавказ — осуществлял железной рукой поголовный «замес наций и племен», выхватывал несмышленных детей из самых разных аулов

и рассеивал их по взгорьям и долам Кавказа, дабы не было впредь ни народов, ни племен, ни наций, ни тейпов, никакой кровной связи, а чтобы была одна когорта кавказская, одна кровь Шамилева разлива и один хозяин и вождь – сам бессмертный имам.

А тут ему, бесстрашному вояке, перешел дорогу кроткий шейх Кунт-Хаджи, о котором день ото дня росла молва. Кто таков? Что за глупая идея непротивления, ненасилия, когда кругом война, когда *большой сосед* рвет глотку Кавказу, будто волчица агнцу?

Ну-ка вызвать его на суд к наиглавнейшему имаму! Не может быть, чтобы взгляды нового Пророка были столь непоколебимы. Укрепился имам аж девятью богословами. Условие такое: докажут в споре неправоту шейха – голову его на кол.

Кунта-Хаджи вошел в покои имама, поприветствовал, воздал хвалу Аллаху и попросил принести девять люлек с младенцами. Свита имама переглянулась, ухмыльнулась... но исполнили требование «чудного шейха с видом простака». Принесли зыбки, Кунт-Хаджи стал ходить между ними и напевать «Ла-иллаха илла-ллах»... И тут свершилось чудо: все младенцы, как один, стали вторить учителю. Смысл очевиден: если даже такие несмышлениши внемлют голосу шейха, что же говорить о взрослых мужах... Спор выигран. Стало быть, не шейховой голове быть на колу, а Шамилевым умникам-буквоедам. Но зачем столько жертв доброму человеку? Попросил Шамиля пощадить их. Спор есть спор. А кровь – это совсем другое.

И отбыл Кунта-Хаджи Кишиев снова в благословенную Мекку. Держал связь со своими мюридами (а число их уже было внушительным) через письма. В них излагал основы кадыризма, прежде всего веротерпимость и ненасилие.

В 1859 году взяли в плен Шамиля. И официально объявили об окончании Кавказской войны. А вскоре вернулся из Аравии домой и Кунт-Хаджи. В свое время он предрек падение власти Шамиля и его полный крах. Пророков не слушают. Но так и вышло. Горские народы, изнуренные войнами, один за другим отпадали от беспощадного и неукротимого Шамилева воинства. С отпадом Чечни и начался конец Шамилю. Дорога царских войск в Дагестан пролежала через Чечню, а Чечня была единственным поставщиком хлеба в Дагестан. Не случайно резиденция имама в Ведено (Шамиль жил здесь 12 лет) и лежала на «продовольственном пути». Война явно затянулась. Амбиции имама росли, а тяжесть войны давила на плечи народа. И тут прозревшим горцам ничего не оставалось, как принять миролюбивые идеи Кунт-Хаджи. Лучше мир с русскими, лучше затаиться, спрятать на дно души свою веру, свои помыслы и упования, чем неминуемая смерть, чем поголовное истребление от беспощадного противника, за которым вооруженная до зубов держава. Шамиль вздыбился: как это так – не имам, а какой-то «блажной чеченец» держал в руках души его, Шамиля, подданных?! Но преследовать мюридов шейха Шамилю не удалось. Его время прошло.

Хоть и объявлен конец войне, воинствующий дух все еще стлался по горам и долам Кавказа. Новое восстание против царизма поднял бывший наиб Шамиля – Атаби. К нему примкнул кунтхаджинец Мачик и абрек Вара. Кампания развернулась под названием «шалинское дело». На своем знамени восставшие начертали букву Кунта-Хаджи. Шейх ничего об этом не знал. Царские власти решили отрубить голову новому опасному движению – арестовали совершенно невинного и уж точно невиновного в восстании шейха. Если бы власти знали истинную, а не спекулятивную букву учения Кунта-Хаджи! Как бы то ни было, Мачик и Вара решили, что настал их час. Повод есть: их «любимый учитель» за решеткой. И как тут не поднять мюридов на святое дело освобождения вождя? Шали вскипело. Зикристов собралось по всей Чечне числом не менее трех тысяч. 18 января 1865 года – трагическая дата в истории движения кадырийцев. На село свалилась несметная Царева сила – тьма пехоты, кавалерия, поддерживаемые артиллерией. Сшиблись в пяти верстах от Шали. Мачик уверил мюридов какой-то странной и диковой фразой: дескать, «ружья русских наполняются водой» и возьмем мыdasf захватчиков в рукопашной голыми руками. А вооружение у мюридов только «холодное» – кинжалы да шашки; редко у кого ружье кремневое. Разве что дух неистов. С криками «Аллах!» в экстазе зикра бросились на врага...

Страшная картина венчала «шалинское дело». Горы трупов – выше четырехсот павших от кинжальной картечи. Шалинский бой так и назвали – «кинжальный». А сколько позже погибло от ран! Были среди убитых и переодетые женщины.

Авантюрист Мачик исчез. Абрек Вара чуть позже в селении Новые Атаги был расстрелян.

А Кунта-Хаджи срочно, под покровом ночи, выслали куда-то... Тень пала на Чечню... Позже из архивов Владикавказа стало известно, что Кунта-Хаджи вместе с братом Мовсаром был арестован 3 января 1864 года. 6 января вместе с несколькими учениками препровожден во Владикавказ. Затем полгода в застенках Новочеркасска... Говорили, что в тюрьме устاز творил чудеса: сбрасывал кандалы, уходил из тюрьмы, когда хотел, и возвращался. Мог ли учитель убежать? Ответ очевиден. Но, как и Христос, Сын человеческий, на кресте не был отведен от великой скорби Всемогущим Отцом Небесным, так и в роковую судьбу великого Вероучителя не вмешивалась рука Всемиловитейшего.

Его упрятали в глухой старинный город Устюжно Новгородской губернии (ныне Вологодской области). Страдал Пророк от тяжелейших условий: голод, холод, болезнь глаз. Словом, тихо и обреченно угасал в российском захолустье вдали от родины. Писал письма (они сохранились; полагают, что они подлинные, ибо кому еще придет в голову писать из такой дыры по-арабски?). Что было в письмах? Поддерживал дух своих учеников, рассказывал о каторжных условиях жизни – просил о помощи (его арестантский паек был 7 копеек в сутки). Писал жене, спрашивал, учится ли

его любимый сын Мовла. За почти три года ссылки ни одно письмо шейха не дошло до адресата.

В полицейской ведомости по г. Устюжно и уезду о лицах, состоящих под надзором полиции, сообщается: «...под № 18 проходит чеченец Ших Кунти. Возраст 35 лет. Сослан по распоряжению Его Императорского Высочества наместника Кавказа за распространение фанатичного учения «Зикры» с 3 января 1864 года. Ссылка без срока, под постоянный надзор. Проживает в Устюжне, постоянных занятий не имеет, получает в месяц 1 рубль 80 копеек. Женат, жена живет на родине».

ИМАМАТ НОВОГО УЧЕНИЯ

Шейх Кунта-Хаджи вошел в историю Чечни как религиозный деятель, призвавший к миру в то время, когда еще не закончилась Кавказская война. В условиях имамата Шамиля нужно было обладать немалым мужеством и чувством подлинной гражданственности, чтобы выступить против официального курса на священную войну против неверных. В этом, наверное, и заключается главное в деятельности шейха Кунта-Хаджи – в стране, где все известные люди говорили о войне как о главной обязанности мусульманина, – он первый в полный голос заговорил о мире для всех. Трагичность судьбы Кунта-Хаджи не только в ее внешних обстоятельствах (арест, ссылка), но и в том, что его поучения не предотвратили все новых кровопролитий, а религиозное братство, созданное им для дела мира, оказалось идеальной «крышей» для тех, кто мечтал о продолжении вооруженной борьбы. Тем не менее его влияние на историческую судьбу чеченцев и ингушей трудно переоценить. Даже его имя, в силу исключительной святости Кунта-Хаджи, оказалось табуированным – обычно его называют «шейх из Илсхан-Юрта», «сын Киши», «Мубарик-Хаджи», а то и просто «Хаджи». И сегодня более половины чеченцев и ингушей называют Кунта-Хаджи своим Устазом. Чеченская традиция считает его первым и старшим среди устазов, якобы единственным, кто имеет право ходатайствовать перед Всевышним за своих последователей. Кроме того, целый ряд вирдовых братств среди чеченцев и ингушей основаны его векилами – Баматгири-Хаджи Митавым, Чим-Мирзой Таумирзаевым, Батал-Хаджи Белхороевым.

Несмотря на то, что конечные результаты проповеднической деятельности шейха Кунта-Хаджи оказались столь впечатляющими, осталось сравнительно немного достоверных сведений о его жизни и деятельности. Родился он приблизительно в 1830 г., поскольку из полицейского досье на него следует, что в 1865 г. его возраст был 35 лет (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 66). Очевидно, другой исследователь Я. З. Ахмадов пользовался непроверенными сведениями от информаторов, поскольку пишет, что Кунта-Хаджи родился в самом начале XIX в.

Местом рождения Кунта-Хаджи считается селение Илсхан-Юрт. Отца его звали Киши, а мать – Хеди. Народная традиция утверждает, что еще до рождения Кунта-Хаджи были необычайные приметы. Так, существует предание, что Кунта-Хаджи явился своей матери еще до рождения. Хеди (уже ожидавшая ребенка) одна возвращалась домой, когда ее тяжело груженная дровами арба застряла в лесной чащобе. Наступала ночь, и женщине, окончательно заплутавшей в лесу, грозила гибель. Отчаявшись, Хеди взмолилась Всевышнему с просьбой послать ей спасителя, и тогда перед ней появился неизвестный старец, который благополучно вывел ее из леса. Возле самого села старик так же таинственно исчез. Потрясенная

Хеди никому не рассказывала об этом случае, но много лет спустя Кунта-Хаджи напомнил ей этот эпизод, пояснив, что он сам явился ей на помощь в образе почтенного старца.

Родители Кунта-Хаджи переселились в селение Илсхан-Юрт до появления на свет Святого Устаза. Традиция утверждает, что уже в детском возрасте Кунта-Хаджи удивлял взрослых умом, способностью угадывать мысли других и предсказывать события. В десятилетнем возрасте он в первый раз исполнил зикр, совершенно до этого не известный в Чечне (Тутуев В. Вовшашка хъовса... // Даймохк. 1991. 17 июля). Вероятно, при сельской мечети Кунта-Хаджи обучался арабской грамоте и изучал Коран, тем более что он рос в религиозной семье. Он хорошо владел арабским языком и письменностью – известно, что он писал письма на родину будучи в хадже (приблизительно 1859–1861 гг.), а также из ссылки. В. Х. Акаев высказал предположение, что первый хадж Кунта-Хаджи совершил вместе с отцом еще в 1848–1849 гг. (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 30). Если это предположение верно, то не исключено, что именно тогда, в возрасте 18–19 лет, религиозный юноша мог впервые познакомиться с учением кадырийского тариката, активным проповедником которого он стал несколько позже.

По некоторым источникам, распространение зикризма в Чечне началось еще в 40-х годах XIX в. (Ислам. М., 1988. С. 134). Все дореволюционные исследователи, писавшие о Кунта-Хаджи (А. Ипполитов, Г. Вертепов) относили начало первых проповедей нового тариката ко времени совершения Кунта-Хаджи паломничества к святым местам ислама, откуда он писал письма на родину. Хотя сведения о попытках более ранней проповеди имеются и у них. Например, у Г. Вертепова читаем: «Кунта-Хаджи не выделялся из общей массы чеченцев какими-либо особенными достоинствами и поэтому не мог быстро выдвинуть свое учение зикр...; но испытанная честность, строгая нравственность и редкое трудолюбие Кунта-Хаджи заставляли чеченцев смотреть на него, как на человека необыкновенного, и многие с интересом прислушивались к чтению его писем из Мекки, куда он отправился на поклонение святыням в 1859 г. В этих письмах Кунта-Хаджи проповедовал молитву (зикр-уллахь), милосердие к бедным, любовь к ближним, необходимость труда и воздержание от спиртных напитков и курения табаку. Миротворительный характер проповедей Кунта-Хаджи очень не нравился Шамилю, который запретил Кунте, еще до путешествия его в Мекку, открыто проповедовать свое учение и преследовал зикристов. Пение, пляска и неистовства во время молитвенных собраний зикристов были противны, по мнению Шамиля, духу мусульманской религии, но помимо этого имам, вероятно, боялся влияния Кунты на народ, которое могло помешать его замыслам и кровавому учению газавата» (Вертепов В. А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2. С. 78).

Аналогичного мнения придерживался и А. Ипполитов: «Проповеди свои начал он еще при Шамиле; но и тогда, как и в последнее время, об-

ряды этого учения сопровождалась исступленною пляскою, пением и криками, а потому Шамиль, нашедши его противным религии, немедленно прекратил сборы зикристов и строго воспретил Кунте его проповеди. С точки зрения мусульманского духовенства, Шамиль был совершенно прав, так как обряды учения зикра, по толкованию большинства мулл, противоречили духу религии. Между тем цель его в этом случае была, как кажется, и другая, более личная: он хотел сохранить во всей его чистоте учение газавата, им самим проповедуемое, и с помощью которого он стал во главе народа; притом же он боялся того влияния, которое проповедники, подобные Кунта-Хаджи, всегда имеют на народ. Влияние – это нравственная сила, власть, а власти, кроме своей собственной, Шамиль не терпел никакой» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 2, 3).

Противостояние зикризма и официального духовенства зафиксировано и Н. С. Иваненковым: «Кунта-Хаджи говорил, что только ему дана воля от Бога через ангелов учить народ, а не муллам. Он учил делать добрых и хороших дела; так например: не убивать, не воровать, помогать друг другу и бедным, не жить с чужой женщиной, любить свое ученье (устаз), за сделанное зло не отвечать злом, и проч. Муллы возмутились, будто бы, против Кунта-Хаджи, говоря, что он сбивает, с толку народ» (Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1910. С.137, 138).

Вообще, эпизод об отношениях между Шамилем и Кунта-Хаджи достаточно интересен. Как видим, дореволюционные авторы явно противопоставляют Кунта-Хаджи и его учение Шамилю и газавату, подчеркивая мирный характер зикризма. О том, что Шамиль запретил исполнение зикра по причине несовместимости его с учением газавата, пишет и А. Д. Яндаров: «зикризм с его проповедью непротивления и смирения подрывал усилия Шамиля и его имамата» (Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 141, 142). Большой знаток чеченской истории А. Айдамиров писал о взаимоотношениях Шамиля и Кунта-Хаджи: «Многолетняя война и деспотическая власть Шамиля и его наибов довели горцев до нищеты, почти до физического истребления. Народ устал. А Шамиль, его наибы и духовенство постоянно призывали к газавату, обещая людям счастье в ином мире. Народ же мечтал о мире и спокойствии.

Именно в этот момент снова появился проповедник Кунта-Хаджи, изгнанный в свое время Шамилем. И вновь начал он распространять в Чечне ученье кадыри.

Кунта-Хаджи выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению, запрещал курение и употребление хмельных напитков. Он утверждал, что мир и равенство на земле

нельзя установить путем войны и кровопролитий, их может дать лишь всемогущий Аллах, а потому следует положиться во всем на Всевышнего.

“Не слушайте самозванных шейхов и имамов, призывающих вас к войне, – говорил он, – не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя. Если вам велят носить крест – носите его. Ведь это лишь металл. Если вам прикажут посещать церковь – идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры затребуют для развлечения ваших женщин...” Имам стал всячески притеснять Кунту-Хаджи и, наконец, в 1859 г. тот вынужден был отправиться в Мекку» (Айдамиров А. Долгие ночи. М., 1996. С. 16, 17).

Современная же чеченская устная традиция приписывает взаимоотношения Шамиля и Кунта-Хаджи совершенно иной характер, причем существует целый ряд преданий, существенно отличающихся в деталях. Согласно устным преданиям, Шамиль, узнав о проповедях Кунта-Хаджи, потребовал от него явиться в Ведено на публичный диспут с учеными богословами. Все предания сходятся на том, что Кунта-Хаджи прибыл в Ведено. Начиная с этого момента, появляются различные версии дальнейших событий. Согласно одной из них, Кунта-Хаджи в присутствии Шамиля легко ответил на самые сложные вопросы ученых алимов и в свою очередь задал им ряд вопросов, на которые, никто не смог дать правильного ответа. Тогда Шамиль, убедившись, что перед ним подлинный шейх, предложил Кунта-Хаджи совершить хадж в Мекку для обретения еще большей святости. Согласно другой версии, Шамиль после экзамена в Ведено разрешил Кунта-Хаджи проповедовать среди народа. И наконец, существует третья версия, согласно которой Кунта-Хаджи прибыл в Ведено в сопровождении группы мюридов, которые громко исполняли зикр. Когда они приблизились к тому месту, где находился Шамиль, имам не выдержал и сам вступил в круг зикристов и не выходил из него до полного завершения обряда. Не приходится сомневаться, что возникновение указанных преданий относится ко времени более позднему, во всяком случае, уже после удаления с Кавказа самого Кунта-Хаджи, когда российские власти предприняли энергичные меры по запрещению братства зикристов. Именно тогда возникла потребность «помирить» грозного имама Чечни и Дагестана с проповедником абсолютного ненасилия Кунта-Хаджи.

Проповеди Кунта-Хаджи находили отклик среди чеченцев, измученных длительной войной. Можно даже сказать, что это учение должно было возникнуть, чтобы спасти народ от истребления. Согласно чеченской устной традиции, учение зикра было ниспослано Кунта-Хаджи в виде божественного дара. Существует предание, рассказывающее, что во время паломничества в Мекку, Кунта-Хаджи после длительного перехода очутился в пустыне. Здесь на пути ему встретился глубокий колодец. Когда Кунта-Хаджи приблизился к нему, он услышал голос свыше: «Кто ве-

рует и хочет познать меня, тот должен спуститься в этот колодец». Не задумываясь, Кунта-Хаджи спустился под землю и здесь наткнулся на ослепительно сверкавший драгоценный камень с надписью, сообщавшей, что владелец камня будет обладать властью над всем миром. Кунта-Хаджи не только не взял этот камень, но и постарался поскорее отойти от него. Продолжая блуждать по дну колодца, он вскоре обнаружил еще один драгоценный камень, испускавший лучи, подобно солнечным. На втором камне также имелась надпись, сообщавшая, что его владелец будет обладать властью над вечностью, загробным миром (Эхартан да – владыка загробного мира.)

Взяв в руки второй камень, Кунта-Хаджи начал подниматься наверх, когда его со всех сторон окружили страшные чудовища. Он уже готовил себя к неминуемой гибели, когда Аллах внушил ему громкий зикр. Услышав его, чудовища расступились, освобождая дорогу. Повторяя слова «ла-иллаха-ил-аллах», Кунта-Хаджи устремился наверх, но чудовища продолжали преследовать его. Именно в этот момент Аллах внушил Кунта-Хаджи слово «уллиалах», ритмично повторяя которое, он сумел избавиться от преследования и вернулся на поверхность земли (*Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 18, 19.*)

Таким образом, обретение зикра представляется последователям Кунта-Хаджи Божьим даром, ниспосланным для спасения и обретения счастья в загробном мире. Особый интерес представляет то обстоятельство, что согласно данному преданию Кунта-Хаджи обрел божественный дар во время хаджа, т. е. новое учение окончательно выкристаллизовалось после 1859 г.

Известно, что в предыдущую эпоху на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, получил широкое распространение суфизм, а именно его накшбандийский тарикат. Истоки учения суфиев относятся еще к эпохе Пророка Мухаммада (а.с.с.), хотя оформляться в виде учения со своими школами и канонами суфизм начал в конце VIII в. На протяжении довольно длительного времени суфизм рассматривался ортодоксальным духовенством как учение если и не еретическое, то все же сомнительное, пока выдающийся богослов Абу Хамид аль-Газали (получивший, кстати, титул «возродителя и обновителя ислама») не доказал в своих трудах ценность морально-этических норм и способов глубокого осознания веры, выработанных суфиями. Кроме того, аль-Газали признал правомочность с точки зрения исламской религии таких ключевых элементов суфийской практики, как исполнение зикра, уединение, очищение души от суетных желаний и т. п. Он писал: «Если сердце станет чистым, то, может быть, ему предстанет Истина в наблюдаемой форме, если человек спит, или, если он бодрствует, – в рифмованном слоге (произносимом тайным голосом), слышание которого поражает. Это одна из сорока шести частей пророчества. ...В подобном же состоянии чистоты узнаются сокровенные мысли в сердцах. Это узнавание выражается в рассматривании. Поэтому Пророк, да пребудет на нем

благословение и благодать Аллаха, сказал: "Берегись пронительности верящего, ведь он зрит при свете Господнем"» (Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С. 108, 109).

С середины XII в. начинают складываться суфийские братства, внешне напоминая христианские монашеские ордена, но не имевшие строгой организации и централизованного управления. Одним из первых таких суфийских братств, возникших в XII в. в Багдаде, было братство кадырийя (кадырийский тарикат). Основателем этого тариката (истоки которого, как и всех других тарикатов, уходят непосредственно к Пророку Мухаммаду) был суфийский Шейх Абдул Кадыр Гилани (ал-Джилани) (1077–1166). В основу тариката кадырийя был положен громкий зикр джахрия. К этому времени организовались и другие братства дервишей джахрия: йасавийа (ясавиа) – основатель Хаджи-Ахмед Ясави; руфайя – основатель Сеид-Ахмед-Абу-ль-Аббас Руфай. Помимо громкого зикра джахрия существует еще тихий зикр – хуфия. При этом часть суфийских теоретиков, например шейх Джунейд ал-Багдади, отдавали предпочтение тихому зикру, указывая, что громкий зикр таит в себе опасность для самих его исполнителей – находясь в возбужденном состоянии, они могут принять обманчивые видения за подлинное откровение. Окончательное размежевание между последователями громкого и тихого зикра произошло в XIV в., с возникновением накшбандийского тариката. Его главным теоретиком и основателем, как уже указывалось, считается шейх Мухаммед Бахауддин Накшбанди (1318–1389). Тихий (или тайный) зикр хуфия стал основным положением накшбандийского тариката, получившего широкое распространение на Северном Кавказе раньше, чем сюда пришел кадырийский тарикат.

Довольно долгое время кадырийский тарикат развивался на территории Ирака, и лишь с XV в. начинается его распространение в ряде соседних государств. В XVI в. последователи кадырийского тариката появляются в Турции, известно, что в Стамбуле имеется значительное число их обителей.

Между прочим, как дореволюционные российские, так и европейские исследователи часто ошибались в определении принадлежности учения Кунта-Хаджи. Так, А. Ипполитов относил Кунта-Хаджи и его последователей к тарикату руфайя. Он писал: «...сравнивши учение их с учением зикра, для всякого, сколько нибудь знакомого с этим последним, будет очевидно, что оба они совершенно тождественны...» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 10).

Могила Абдул Кадыра Гилани, над которой возведена мечеть, вскоре после его смерти стала местом поклонения его многочисленных последователей. Не исключено, что Кунта-Хаджи во время своего паломничества в Мекку мог посетить могилу святого. Во всяком случае, среди последователей самого Кунта-Хаджи такое предание имеется. Большин-

ство исследователей сходятся на том, что Кунта-Хаджи познакомился с кадырийским тарикатом на территории Турции или в самой Мекке. И там и здесь было немало последователей этого учения. Во всяком случае, один из наиболее глубоких исследователей кавказского суфизма А. Д. Яндаров считал, что Кунта-Хаджи мог познакомиться с кадырийским тарикатом практически в любой мусульманской стране, через которую проходил путь в Мекку (Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 106).

Основные положения, содержащиеся в проповедях Кунта-Хаджи, сегодня известны в основном благодаря устным традициям. Что касается письменного изложения им основ своего учения, то известно, что еще до своего ареста Кунта-Хаджи продиктовал их своему векилю (а заодно и секретарю) Абдусаламу Тутгирееву из Алхан-Юрта. О том, что такой текст действительно существовал, пишет А. Д. Яндаров (Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 141). К сожалению, этот текст, который до сих пор существует в рукописных вариантах, так и остается неопубликованным. Главная причина в том, что лица, владеющие им, отказываются предоставить его для копирования или издания.

В дореволюционном Дагестане в частных типографиях на арабской графике издавалось довольно значительное количество религиозной литературы, в том числе был издан и трактат «Тарджамат макалати. Кунта-Шейх», приписываемый Кунта-Хаджи. Не исключено, что в основу этого издания лег текст, записанный в свое время Абдусаламу Тутгиреевым. Сравнительно недавно В. Х. Акаевым была предпринята попытка ввести в научный оборот сведения, содержащиеся в указанном издании. Правда, это не может ни в коей мере заменить публикацию самого первоисточника.

«Тарджамат макалати. Кунта-Шейх» содержит требования, исполнение которых является обязательным для каждого последователя Кунта-Хаджи. Это следующие требования:

1. Мюрид со своим шейхом должен иметь неразрывную связь.
2. Сердце мюрида должно быть свободно от зависти.
3. В своем присутствии мюрид не допускает осуждения людей, поскольку это страшный грех.
4. Мюрид обязан относиться к людям уважительно.
5. Мюрид не должен допускать злословие на брата-мусульманина. Если же это при нем происходит, то должен немедленно опровергнуть наговор.

6. В обязанности мюрида кунтахаджинца входит почитание любого другого Устаза, как своего, если даже тот находится во вражде с его Уставом. Устав является посредником между мюридом и богом. Условие приближения к богу – строгое соблюдение всех установлений зикризма, следование за своим Уставом. Устав является ответчиком перед Аллахом за образцовое поведение своего мюрида (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 51).

Эти правила вполне отвечают духу требований к мюридам, изложенным в работах, например, накшбандийских тарикатистов: «Начну с качеств истинного мюрида, и хотя их неисчислимо множество, но я ограничусь здесь указанием самых главных из них... Их восемь:

1) Мюрид должен быть постоянно и всегда занят молитвами и служением своему Господу, Творцу... 2) Он должен стараться заменить свои дурные и низкие наклонности и привычки похвальными и хорошими; очистить свое тело от осквернения грехами и сердце от вражды, ненависти к ближнему и пр., а главное – заняться тем, чтобы обновить свое нравственное существо. 3) Он должен обратиться всеми мыслями к Богу, с полным раскаянием во всех грехах, ибо грех заграждает совершителю оного путь к блаженствам будущего света... 4) Он должен отказаться от всего, что соблазняет человека на свете, как то: богатства, величия и пр. 5) Он должен во всех своих делах уповать на Бога, с полною верой в него... 6) Он должен освободить себя от подчинения телесным потребностям и желаниям, кроме самых необходимых для существования человека... 7) Он должен постоянно вспоминать Всевышнего Бога... 8) Он должен поставлять себя ниже всякой Божьей твари, так, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными» (*Магомед-ханов М. Истинные и ложные последователи тариката // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 5, 6).*

Согласно учению Кунта-Хаджи (и в этом он полностью следует канонам суфизма), только через чистую и возвышенную любовь к Богу человек может достичь истинного спасения. Чувству любви к Богу суфии придавали огромное значение: «Главное условие... высокого тариката составляет любовь...» – писал Джемалэддин Казикумухский. Он же далее пояснял, что любовь к Богу идет через любовь к своему шейху, устазу: «Для мюрида необходимо любить своего шейха, который делается посредником между ним и Богом, для созерцания Его. Потому, что шейх есть зеркало, в котором отражается истина и лице Божии. Когда мюрид полюбит своего шейха, тогда в нем являются означенные качества и он сам начинает созерцать Господа Бога, без посредничества шейха, и делается совершенно как шейх, во всех его качествах. Одним словом, мюрид приближается к шейху сообразно степени любви, и этой любви достаточно для достижения к Богу» (*Адабуль-Марзия (Правила достойных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 16, 17).*

Кунта-Хаджи также придает исключительное значение и исключительные возможности устазу. Истинный Шейх-Устаз обладает необычайной духовной силой. Он учил, что Устаз незримо приходит к смертному одру каждого своего мюрида. Даже если одновременно умирают две тысячи его мюридов, Устаз успеет побывать возле каждого из них. Именно Устаз помогает умирающему дать ответы на вопросы ангелов, и пока Устаз не побывает возле умирающего мюрида, ангел смерти не может забрать его душу.

Устная традиция приписывает самому Кунта-Хаджи необычайные способности. «Ему приписывался народом дар творить чудеса, исцелять больных, способность переноситься с одного места на другое и присутствовать невидимо в храме Мекки, ежедневно, во время пяти канонических часов дня» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 4).

Но, как учил Кунта-Хаджи, хорошее отношение мюрида к окружающим его людям, доброта, чистосердечие, прощение обид и т. д. также совершенно необходимы для того, кто желает приблизиться к Богу. «Если мюрид хочет знать, насколько он близок к Богу, пророку и устазу, то пусть послушает свое сердце, если оно поражено идеями вожизма и мюрид добивается власти, то пусть знает, что он далек от Бога, пророка и устаза... Если сердце мюрида ноет, наполнено жалостью, состраданием к людям и оно лишено неприязни к тем, кто выше его, то пусть знает, что он близок, к Богу, пророку и устазу» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 52). Кунта-Хаджи в своих проповедях постоянно подчеркивал, что истинный раб Божий только тот, кто очищает свое сердце от гнева, прощает обиды и молится за тех, кто злословит.

При этом внешней атрибутике, одежде придается второстепенное значение. Известно, что когда один из верующих спросил у Кунта-Хаджи дозволяется ли надевать чалму, проповедник посоветовал прежде всего очиститься от грехов. Ношение чалмы не принесет человеку никакой пользы, если делается это без внутреннего очищения. Если в сердце мюрида свили гнездо высокомерие, корыстолюбие, гордыня, пренебрежение к людям, то этот мюрид лишается поддержки и помощи своего устаза. Истинный мюрид должен признавать превосходство не только старшего по возрасту, но и младшего, поскольку младший, быть может, имеет меньше грехов. Мюрид не должен делить людей на высших и низших, поскольку все они равны перед Создателем. Тяжким грехом Кунта-Хаджи считал избивать и подвергать ругани скотину, забредшую на чужой участок.

Кунта-Хаджи считал также, что углубленное знание исламской теологии не является обязательным условием для того, чтобы стать Шейхом. При этом он ссылаясь на пример Пророка Мухаммада (а.с.с.), который не знал грамоты, но именно через него был ниспослан Коран. Он же установил шариат и определил тарикат. Пророк Мухаммад (а.с.с.), согласно учению Кунта-Хаджи, может непосредственно передать святость и знание тариката избранному. Здесь у него имеется определенное расхождение с остальными суфийскими шейхами, считавшими, что знание тариката может передаваться лишь непосредственно от шейха к мюриду в процессе длительного обучения. «Знай, что сообщество с шейхами во всех высоких тарикатах есть самостоятельное средство для достижения до высшей степени. Потому, что достижение до созерцания Творца во всех путях зависит от сообщества с совершенными шейхами и от наставлений, достигших до

Бога учителей» (*Адабуль-Марзия* (Правила достойных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 20). У Кунта-Хаджи, как известно, шейха-наставника не было.

Шейх Кунта-Хаджи учил, что существует два пути познания Божественной Истины. Один из них – это изучение и осмысление Корана, Сунны, хадисов и другой религиозной литературы. Это путь рационального познания Бога. Но есть и другой путь – путь тариката, когда познание достигается через чувство. Это познание имеет тайный, мистический характер. Связующая нить между этими двумя способами познания Бога – вера. В этом плане характерно следующее высказывание Кунта-Хаджи: «Если кто-то заявляет, что он видит души тех, кто в аду, тот бесспорно невежда, но, если кто-то скажет, что скрытое познание возможно «глазами сердца», прошел семь ступеней испытания, имеет Устаза, то он прав и настоящий мусульманин» (*Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 56*).

Иллюстрацией к этой части учения Кунта-Хаджи может служить широко известное предание о случае, который произошел между Устазом и муллой селения Автуры. Последний был известен как ученый богослов-алим. Услышав о появлении нового проповедника, мулла якобы в присутствии верующих поклялся, что, основываясь на знаниях, полученных из книг, он докажет, что Кунта-Хаджи на самом деле не является подлинным Устазом. Слова автуринского муллы были переданы Кунта-Хаджи одним из его мюридов. Кунта-Хаджи успокоил взволнованных последователей, объяснив, что посредством внушенного ему свыше тайного знания он заставит муллу признать свою неправоту и раскаяться. Совершив вечерний намаз, Кунта-Хаджи объявил во всеуслышание, что сегодня ночью автуринскому мулле приснятся странные сны, смысл которых он не сможет разгадать самостоятельно. Посреди ночи, совершив очередной намаз, Кунта-Хаджи отправился в Автуры к дому муллы, которого он застал за учеными книгами. Как и предсказывал Кунта-Хаджи, мулла был крайне встревожен сновидением, смысл которого он тщетно пытался разгадать при помощи разного рода религиозных текстов.

Кунта-Хаджи сам пересказал мулле его сон, а именно: мулле приснился гигантский столб белого сияния, поднявшийся от земли до неба. От столба во все стороны исходили лучи света, при которых была видна огромная чинара в Илсхан-Юрте, а в нижних ветвях дерева – мальчик, лицезревший мир. Пораженный тем, что Кунта-Хаджи знает его сон, автуринский мулла попросил растолковать ему смысл этого видения. Тогда Кунта-Хаджи пояснил, что сияющий столб света – это тарикат, спущенный с неба для спасения верующих; лучи света, исходящие во все стороны, символизируют распространение тариката по всей земле; огромная чинара в Илсхан-Юрте есть не что иное, как учение, ниспосланное Аллахом Кунта-Хаджи, а мальчик – это сам Кунта-Хаджи, распространяющий тарикат. Предание завершается тем, что автуринский мулла раскаялся в своих необдуманных словах и признал Кунта-Хаджи подлинным Устазом.

Еще одно предание рассказывает о теологическом споре между Кунта-Хаджи и известным в Чечне алимом Гайсумом. Спор происходил на поле, и пока Гайсум излагал свои аргументы, основанные на книжном знании, Кунта-Хаджи наклонился к едва проросшему кукурузному стеблю и произнес молитву. На глазах у потрясенного Гайсума стебель увеличился и на нем появились два созревших початка. Сорвав эти початки, Кунта-Хаджи передал их Гайсуму, чтобы тот угостил ими своих детей.

Кунта-Хаджи часто повторял, что нельзя следовать заповедям Пророка Мухаммада (а.с.с.) и искать земных благ одновременно. Поэтому тот, кто желает достичь блаженства в будущей жизни, должен отказаться от него в настоящей. Отсюда вытекает необходимость аскетизма и отказа от богатств. Кунта-Хаджи учил, что, имея кусок золота, не следует радоваться больше, чем имея такой же ком сухой земли. Потеряв же золото, не следует огорчаться больше, чем при потере аналогичного кома земли. В этом учение Кунта-Хаджи полностью согласуется с учением всех суфийских теоретиков. Абу Хамид аль-Газали, например, писал: «Каждый, кто любит Аллаха, занят им и никем другим. // Поэтому некто был спрошен, к чему привел его аскетизм, он ответил: “К привязанности к Аллаху”. Привязанность к миру и привязанность к Аллаху несовместимы» (Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С. 201).

Сам Шейх Кунта-Хаджи строго следовал указанному правилу и всегда отказывался от приношений со стороны верующих. В тех же случаях, когда в силу разных обстоятельств он не мог отказаться от принятия подношения, он передавал его в пользу бедных и сирот. Также он не допускал, чтобы мюриды работали на него, подчеркивая, что мусульманин не имеет права присваивать себе результат чужого труда. Известен случай, когда мюриды решили помочь Кунта-Хаджи в прополке его участка. Опасаясь, что Устаз не позволит им этого, мюриды незаметно приступили к работе за спиной Устаза Кунта-Хаджи. Последний, увидев, что значительная часть поля прополота не им, тут же отметил это, заявив, что весь урожай с этого участка он передаст нуждающимся.

Громкий зикр – джахрия, до Кунта-Хаджи совершенно не известный широким массам чеченцев, производил большое впечатление на горцев своей театрализованностью и страстностью. Впрочем, зикр действительно впечатляет. В этом плане представляет интерес описание, оставленное Н. С. Иваненковым, впервые увидевшим исполнение зикра глубокой ночью в чеченских горах: «В ночь на 10 июля я был разбужен каким-то шумом, криком и пением, происходившими на улице. От времени до времени слышны были и выстрелы из ружей. Наскоро одевшись, я спустился вниз на улицу и увидел 30–40 человек, стоящих плотным кругом. В середине круга один горец нараспев высоким звонким голосом говорил что-то рифмованное. После каждого периода речи – распева толпа монотонно тянула напев в тоне «до». Этот монотонный припев ни на минуту не прерывавшийся, а только усиливавшийся или ослабевавший, составлял свое-

образный звуковой фон для песни речитатива. Человек 30 слушателей толпились вокруг певцов; некоторые держали фонари и освещали их. Все видимо с интересом слушали пение.

Тихая звездная ночь; крутые горы, упиравшиеся, казалось, в самый темно-синий купол небесного свода; громкий говор горной речки и эта толпа людей производили глубокое впечатление» (*Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1910. С. 137*).

Необходимо отметить, что чеченская устная традиция и имеющиеся письменные источники сходятся на том, что сам Кунта-Хаджи не считал себя имамом, а тем более святым. Так, у А. Ипполитова читаем: «Надо заметить, что даже пред самыми преданными себе людьми Кунта-Хаджи никогда не выдавал себя за имама; он утверждал, что он не более как только посланный имамом, который явится, когда настанет для этого время; но что сам он, по грехам своим, не достоин носить, даже и временно, великое имя Устуса (Устаза). Несмотря на эти уверения, последователи его тем не менее считали Кунту истинным имамом и одним из трехсот пятидесяти шести святых, постоянно существующих на земле, по общему мнению мусульман» (*Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 4*).

В определенной степени увеличению числа последователей Кунта-Хаджи способствовало и то обстоятельство, что вступивший в его братство мог в случае необходимости рассчитывать на помощь и поддержку со стороны других членов братства. Тем более что Кунта-Хаджи и его векилы постоянно внушали мюридам необходимость быть внимательными по отношению друг к другу, заботиться о своих духовных братьях, постоянно быть готовыми оказать им любую посильную помощь.

Очень упрощен был и обряд вступления в братство нового рядового члена. От него не требовалось какого-либо специального посвящения. Считалось достаточным свидетельства со стороны других мюридов, что претендент ведет достойный образ жизни и нет препятствий для его посвящения в мюриды. После этого шейх или векил брал его за руку и задавал вопрос: обязуется ли он, признавая в душе и оправдывая святость избранного устаза, во имя Бога и Пророка Мухаммада (а.с.с.), помимо пяти канонических намазов, ежедневно произносить стократно свидетельство веры «Ла-иллаха илла-Ллах» для увеличения благодати своего Устаза и участвовать в групповом исполнении зикра? Принятие такого обязательства завершалось принятием «тоба» – смысл которого сводится к признанию Аллаха единственным божеством, Пророка Мухаммада (а.с.с.) – праведным пророком, а своего устаза – избранным. Затем вновь посвященный должен был сто раз произнести указанный символ веры, после чего обряд посвящения считался завершенным.

Таким образом, впервые проповедь нового учения – зикра была начата Кунта-Хаджи до паломничества (возможно, уже второго в его жизни) в 1859 г.

Политический характер движение Кунта-Хаджи начало приобретать только с 1863 г. В том же рапорте Михаил Романов докладывал: «Проповеди Кунты по-видимому не заключали в себе ничего вредного; он убеждал народ в необходимости молитвы, труда, взаимной помощи и даже советовал перестать носить оружие. Это кажущееся благочестие проповедника и было причиною, по которой местное начальство Терской области сочло не справедливым и даже вредным предпринимать решительные меры против его деятельности...» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 54). Нельзя также забывать, что указанный рапорт написан уже после кровавых событий под Шалями, когда нужно было обосновать предпринятые репрессии. Во многом этим объясняется попытка приписать деятельности Кунта-Хаджи политический характер. Но все же данное сообщение интересно тем, что подтверждает распространение кадырийского тариката на Кавказе в последние годы существования имамата Шамиля. Об этом же говорит и упоминавшийся конфликт Кунта-Хаджи с имамом Шамилем.

Познакомиться с этим учением Кунта-Хаджи мог во время первого хаджа (1848–1849). Впрочем, это был не единственный путь. Дело в том, что на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, в распоряжении мулл и ученых богословов имелась достаточно обширная теологическая литература. То, что здесь был широко распространен накшбандийский тарикат не означает, что не существовало литературы о всех других известных тарикатах. Поэтому первое представление о громком зикре Кунта-Хаджи мог получить из доступной ему литературы. Если учесть, что остается под большим сомнением совершение им хаджа в 1848 г., то это единственное логическое объяснение его проповеднической деятельности еще во времена существования имамата.

За три года, пока длилось его паломничество к святым местам (1859–1861), Кунта-Хаджи без сомнения гораздо полнее изучил избранный им тарикат. Именно об этом должны свидетельствовать его письма-обращения, которые задолго до своего возвращения он стал писать «...своим родственникам и последователям о необходимости молиться Богу и делать зикр, т. е. по уверению его, час страшного суда близок» (Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925. С. 196).

Относительно даты возвращения Кунта-Хаджи из ссылки имеются определенные разногласия в дореволюционных источниках. Впрочем, не только в дореволюционных. А. Ипполитов и Г. Вертепов считали, что Кунта-Хаджи вернулся в Чечню в 1861 г. (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 3; Вертепов Г. Сектантство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2. С. 78). Командующий Кавказской армией и наместник Кавказа

Великий князь Михаил Романов в своем рапорте военному министру называл датой возвращения Кунта-Хаджи из паломничества осень 1862 г. (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 53об). В. Х. Акаев в своей книге «Шейх Кунта-Хаджи» ошибочно указывает, что А. Ипполитов считал датой возвращения Кунта-Хаджи 1862 г., а князь Михаил Романов – 1861 г. (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 33).

После своего возвращения Кунта-Хаджи приступает к активной проповеднической деятельности. По утверждению А. Ипполитова, первое время проповеди Кунта-Хаджи не имели особого успеха: «...около него снова стали собираться иногда его последователи, но все учение его ограничивалось в то время изустным лишь чтением молитв, наставлениями не только безвредными, но и весьма нравственными, так что, в сущности, оно скорее могло принести пользу, нежели быть в каком-либо отношении опасным. Число последователей зикра было при этом так ничтожно, что большая часть даже и самих чеченцев или не знала об этом учении, или не обращала на него внимания» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 3). Перелом произошел зимой 1862–1863 гг., когда число зикристов резко возросло и составило примерно 3 тысячи человек (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 54).

Неожиданный успех нового учения В. Х. Акаев объясняет следующим образом: «Дело в том, что придерживаясь принципов суфийской мистики, Кунта-Хаджи в своих проповедях стал придавать большое значение духовно-нравственному совершенствованию человека, осуждению зла, насилия, призывал к миролюбию. Его призывы о необходимости социальной справедливости, братского единения горцев, призывы к непротивлению злу находили отклик у уставших от войны и кровопролития чеченцев, отражали их настроения и известное желание приобрести покой и мир» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 33). Такого же мнения придерживается и М. М. Мустафинов (Мустафинов М. М. Современные суфийские ордена (тарикаты) в Чечено-Ингушетии // Опыт и проблемы национального и атеистического воспитания. М., 1976. С. 138, 139).

До Кунта-Хаджи в Чечне действительно не известны организационно оформленные братства кадырийского тариката. Кунта-Хаджи первым начал создавать такое братство и, если верить итогам официального расследования российских властей (а не верить им в данном вопросе нет видимых причин), в короткий срок сумел создать большую и хорошо отлаженную организацию. Что касается накшбандийского тариката, то в Чечне организационно оформилось в то время только братство последователей Ташу-Хаджи

Вообще, источники дают несколько противоречивую оценку положения Кунта-Хаджи в созданном им братстве. С одной стороны, он признанный устаз, влияние которого на своих последователей «почти безусловное». С другой стороны, он сам непосредственно не проповедует

перед народом, а передает свои наставления через приближенных ему людей, во всяком случае, его приближенные действуют от его имени. Он лично отказывается даже временно признать себя имамом, но для своих сторонников он истинный имам и в качестве такового имеет право не только на духовную, но и на светскую власть. Если наибами и шейхами движения зикристов были люди «без всякой энергии и способностей, лишь бы только они знали Коран, или были известны своею набожностью», а сам Кунта-Хаджи демонстративно отстранился от организационной и политической деятельности, то кто же тогда создал мощную организацию, которая в короткий срок охватила своим влиянием не только чеченцев, но и преданных России ингушей?

Если зимой 1862–1863 гг. власти Терской области насчитывали в Чечне до 3 тысяч сторонников Кунта-Хаджи, то к следующей зиме только в 20 чеченских аулах имелось, по данным властей, уже 5588 зикристов. Наибольшее влияние Кунта-Хаджи отмечается в следующих селениях: Шали, Гехи, Валерик, Шалажи, Новые Атаги, Автуры, Урус-Мартан, где проживало соответственно 800, 790, 490, 440, 420, 400 и 375 его активных сторонников (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 40, 41). А между тем влияние Кунта-Хаджи не ограничивалось лишь этими селениями. В 1863 г. большое количество ингушей признает его своим устазом: «В 1863 г. большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам из одного аула в другой или составляли отдельные кучи около порогов кунацких (сакли для гостей). Вместо обычной болтовни, раздавались громкие напевы: “Ла-иллаха илла-Ллах”, сопровождавшиеся различными кривляниями, давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые перебирал с благочестивыми вздохами и набожными возгласами» (Ахриев Ч. О характере ингушей // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1876. Вып. 1. С. 279).

Местные власти предприняли меры по выявлению лиц, стоявших во главе движения Кунта-Хаджи. На основании поступавших непосредственно с мест донесений канцелярией начальника Терской области был составлен «Список главнейших и известнейших деятелей зикристской партии в Чечне». В отличие от более поздних публикаций, говорящих о восьми наибствах, созданных кунтахаджинцами в Чечне, в данном «Списке...» перечислены имена лишь пяти наибов. Ими были:

1. Мовсар – брат Кунта-Хаджи. Он возглавляет Автуринское наибство, расположенное между Мичиком и Хулхулау.
2. Хаматхан. Его наибство распространяется на Качкалыковскую деревню.
3. Абдул-Хамид из Шали. Наибство его от Шали и Герменчука до Урус-Мартана.

4. Мячик-мулла из аула Валерик. Наибство его между Урус-Мартаном и Ачхоевским Мартаном.

5. Манцу-мулла из Староюртовского аула. Наибство его в Надтеречной деревне.

Кроме того, приводятся имена 33 векилов, назначенных в различные селения Чечни. В числе активных сторонников Кунта-Хаджи фигурирует и Гушмазуко-хаджи, кадий селения Беной Надтеречного наибства. Указаны имена еще 11 «беспокойных людей» из числа приближенных к Кунта-Хаджи, в том числе Баматгирей и Чин-Мирза Таумурзаев (В. Х. Акаев. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 39, 40).

Создание кунтахаджинцами в Чечне параллельных структур власти уже само по себе должно было вызвать серьезное беспокойство российских властей. Начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов был убежден, что «Учение зикр направлением своим, во многом подходящее к газавату, служит лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил» (Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925. С. 13). Тем более оно было обеспокоено ростом напряженности в Чечне, которое возрастало по мере увеличения влияния Кунта-Хаджи. «Начались открытые сборы народа в домах векилей и на улицах, сопровождавшиеся песнями. (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 4).

Таким образом, ситуация в Чечне все больше накалялась. Нет сомнения, что подавляющее большинство чеченских наивов и представителей духовенства, утвержденных официальными властями, были всерьез обеспокоены «конкуренцией» со стороны кунтахаджинцев, перехватывавших реальную власть на местах. Не меньшее беспокойство испытывало начальство Терской области и кавказский наместник, перед которыми вставал грозный призрак газавата. Трудно поверить, что за всем этим стоял далекий от мирской суеты проповедник, учивший смирению и братской любви к ближнему. Он не мог не знать, что происходит вокруг, тем более что согласно чеченской традиции, Кунта-Хаджи предсказывал свой арест и ссылку. Очевидно, Кунта-Хаджи считал распространение среди горцев тариката кадырийа делом гораздо более важным, чем его собственная судьба, и поэтому предоставил событиям развиваться именно так. Предание гласит, что Кунта-Хаджи, предсказав свое будущее, добавил, что он не имеет права изменить что-либо в своей судьбе. И не предприняв никаких попыток избежать ареста, он тем самым отнимал у власти повод к продолжению репрессий. Созданное им братство активно пополнялось новыми членами, а когда власти предприняли меры по пресечению деятельности зикристов, Кунта-Хаджи позволил себя арестовать, тем самым выводя из-под удара своих последователей и давая им возможность со-

хранить организационные структуры. К сожалению, именно его арест был использован частью его последователей как предлог, чтобы бросить открытый вызов российской власти, а та в свою очередь поспешила воспользоваться выступлением зикристов для разгрома всего движения.

Кстати, начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов планировал арест Кунта-Хаджи еще задолго до января 1864 г., хотя у него еще оставались сомнения в целесообразности данной меры: «Что же касается до арестования Кунты и его векилей, то я не могу ручаться, принесет ли мера эта пользу и будет ли она сообразна с теми обстоятельствами, о которых я могу судить только на месте. Зикра есть факт: уже совершившийся и невоинственный, Кунта вреднее того, как был до сих пор, быть уже не может. Между тем удаление его, без сомнения, произведет возбуждение умов в народе, и для нас будет очень невыгодно, если взамен главы религиозной секты у чеченцев явится вождь восстания. Вообще выбор лиц, удаление которых было бы необходимо в области, может быть сделан мной не иначе, как по прибытии в Грозную и по обсуждении на месте всех обстоятельств...» (Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925. С. 12).

Как видим, колебания российских властей были вызваны опасением усугубить ситуацию, если на смену Кунта-Хаджи придет не менее влиятельный и более воинственный и враждебный по отношению к России деятель. Однако к зиме 1863–1864 гг. было принято окончательное решение об аресте Кунта-Хаджи и всех его наиболее опасных с точки зрения власти последователей. Причем решение было принято непосредственно наместником Кавказа Великим князем Михаилом Романовым: «Я нашелся вынужденным разрешить командующему войсками Терской области арестовать Кунту и его главнейших помощников и выслать их из края. Распоряжение выполнено. В начале нынешнего месяца Кунта, брат его Мавсур и пять главных векилей отправлены под караулом в Ставрополь для ссылки в Россию» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 54об. – 55).

Арест Кунта-Хаджи был произведен 3 января 1864 г. Чеченская традиция считает, что схвачен он был в селении Сержень-Юрт, где жил в доме одного из своих родственников. Одновременно было арестовано еще несколько человек, пребывание которых в Чечне считалось наиболее опасным. Доставленный первоначально в крепость Грозную Кунта-Хаджи и его арестованные последователи срочно переправляются затем во Владикавказ. Торопясь вывезти Кунта-Хаджи и его ближайших сподвижников подальше от Чечни, власти направляют их через Ставрополь в Новочеркасск. Но еще до отправки по этому маршруту Кунта-Хаджи из тюрьмы пишет письмо своим последователям и всем другим влиятельным в Чечне лицам, с просьбой не вызывать беспокойства в народе по причине его ареста. В. Х. Акаев считает, что указанное письмо было написано Кунта-Хаджи «под диктовку», исключительно по принуждению властей, стремившихся таким образом свести к минимуму нежелательные последствия ареста. При этом:

«Царские чиновники внушают ему, что срок пребывания и условия содержания его в ссылке будут целиком и полностью зависеть от последующего поведения чеченцев» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 59). Представляется, однако, что у самого Кунта-Хаджи для написания такого письма были основания, вовсе не связанные со «сроком пребывания и условиями содержания» в ссылке. Человек, который дал себя арестовать, чтобы сохранить свое братство и уберечь своих последователей от возможных репрессий, должен был воспользоваться любой возможностью, чтобы удержать своих последователей от необдуманных действий, могущих привести к тяжелым последствиям. Если российским чиновникам было важно сохранить видимое благополучие в крае, то Кунта-Хаджи важно было уберечь своих последователей. И в этом случае действия Кунта-Хаджи не расходятся с его собственными словами, что он не может допустить, чтобы из-за него пострадал хотя бы один человек.

После ареста Кунта-Хаджи и его ближайших сподвижников во главе братства оказываются два его помощника – Салам и Мачик-мулла. Российские источники дают им разную оценку. А. Ипполитов считал их обоими людьми самыми заурядными: «...оба – люди честные и набожные, но настолько безвредные, что, в самый разгар зикристского учения в Чечне, я не считал даже нужным употребить против них каких-либо сильные меры, не желая этим придать им в глазах народа значение, которого они не имели и по качествам своим ни в каком случае не могли иметь» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 11). Другого мнения придерживается Г. Вертепов: «После Кунта-Хаджи во главе зикристов стали его шейхи Салам и Мачик; первый не имел особого значения, но Мачик, человек выдающийся по уму и весьма начитанный, довел дело до открытого возстания» (Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. №2. С. 79).

Среди остальной массы зикристов выделяется также знаменитый чеченский абрек Вара, долгое время являвшийся одним из людей, близких к шамилевскому наибу Атаби Атаеву. Он являлся активным участником восстания в Аргунском ущелье в 1860–1861 гг. После подавления этого восстания Вара скрывался в различных селениях Чечни. Видимо, он доставлял много беспокойства властям, поскольку А. Ипполитов дает ему следующую характеристику: «Большая часть преступлений, совершавшихся в то время в крае, была делом или лично самого Вара, или же он всегда принимал в них деятельное участие» (Ипполитов А. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 16). В бою под Шалями Вара действовал в качестве одного из векилов и выделялся свои черным значком.

Известие об аресте Кунта-Хаджи и ряда других руководителей братства послужило толчком к вооруженному выступлению. Трудно сказать, произошло ли это выступление стихийно или же оставшиеся в Чечне руко-

водители тайной организации, готовившей восстание, решили, что представлялся удобный случай, чтобы поднять всю Чечню. Если верно второе, то следует признать, что они неправильно оценили ситуацию в Чечне, что подтверждается дальнейшим ходом событий. Из российских официальных источников следует, что сразу же за арестом Кунта-Хаджи руководители зикристов начали агитацию в чеченских селениях с целью «...поднять к возманию все население Чечни». Одновременно группы последователей Кунта-Хаджи начали сосредотачиваться в селении Герменчук. Первыми сюда прибыли мюриды из Большой Чечни. Позже к ним начали присоединяться кунтахаджинцы из Малой Чечни и Ичкерии.

Вскоре российские власти (надо думать, не без душевного облегчения) констатировали, что основная масса населения Чечни не желает участвовать в восстании: «Большинство жителей вело себя хотя и весьма не решительно, но открыто к ним, за исключением самого незначительного числа молодежи, не присоединился никто, а некоторые аулы даже просили присылки войск, чтобы недопустить к ним зикристов» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 55). Вместе с тем напряжение в крае сохранялось из-за присутствия большого числа вооруженных мюридов возле Герменчука. К 14 января, по оценке российского командования, их число достигло трех тысяч и продолжало возрастать.

Герменчук был избран местом сбора зикристов, видимо, по одной только причине – близость к Шалинской крепости, где, как полагали чеченцы, находился Кунта-Хаджи. Не предпринимая никаких активных действий, собравшиеся кунтахаджинцы настойчиво выдвигали только одно требование – немедленно освободить всех арестованных. Российское командование всерьез опасалось, что невыполнение этого требования может побудить последователей Кунта-Хаджи к активным наступательным действиям. В этом случае они, ввиду своей многочисленности, представляли серьезную угрозу для станиц Сунженской Линии и небольших укреплений. Исполняющий обязанности начальника Среднего военного отдела генерал-майор Туманов распорядился о переброске к крепости Грозной дополнительно шести батальонов (1, 2 и 3-го батальонов Навагинского пехотного полка, 2-го и 3-го батальонов Куринского пехотного полка и 2-го батальона Кабардинского пехотного полка), двух сотен Моздокского и двух сотен Гребенского казачьих полков, двух конных и двух батарейных орудий. Командующий войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликов лично направился к Грозной из Владикавказа во главе отряда из трех батальонов пехоты при двух орудиях, куда он прибыл 18 января (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 55об., 56).

Не дожидаясь прибытия Лорис-Меликова, генерал-майор Туманов, получив сведения, что последователи Кунта-Хаджи не ограничиваются теперь простым требованием освободить арестованных ранее, но и готовы воспрепятствовать намеченным новым арестам, предпринял демонстративное движение к Герменчуку, направив туда три батальона при

направилась на передний и правый фасы отряда; отдельная партия пошла на левый фас, а кавалерия, выскочившая из аула одновременно с движением пехоты, заскакала нам в тыл. Произошло дело, едва ли виданное в Чечне. Три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, с кинжалами и шашками, шли, как изступленные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их неподвижно, держа ружья на руку. Зикристы подошли к войскам на расстояние не более 30-ти сажень. Партия их, шедшая на наш левый фас, дала залп, и все они бросились в шашки. Тогда князь Туманов приказал стрелять: отряд открыл батальный огонь, и через несколько минут атакующие толпы бросились бежать в совершенном разстройстве во все стороны, спеша скрыться в ауле и ближайшем лесу; перед фронтом наших рядов и среди их осталось более 150-ти тел. Взвод казачьей артиллерии, выскакав вперед, провожал бегущих картечью. Общая потеря мятежников еще не приведена в известность. В числе заколотых штыками осталось 5 женских трупов. У нас убито восемь нижних чинов и ранено три обер-офицера и 30 рядовых, большею частью шашками и кинжалами» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 57об., 58об.).

Чеченская традиция сообщает, что кунтахаджинцы двинулись по направлению к российским войскам, совершая зикр и без огнестрельного оружия. Накануне среди них разнесся слух, что во время зикра им придет на помощь сам устаз и оружие не сможет стрелять. Только после того, как по ним был открыт огонь, прервав зикр, они пошли врукопашную. Именно поэтому этот бой вошел в чеченскую народную традицию под названием «кинжального боя».

Что касается количества убитых в «кинжальном бою», то оно так и осталось неустановленным. Минимальная цифра приводится у Г. Вертепова, который ограничился общим замечанием, что в бою погибли более ста человек (Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2. С. 79). Максимальная цифра убитых в тот день – более 400 человек, приведена в работе Х. Ошаева «Мюридизм в Чечне» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 73).

Властями были приняты меры также по розыску и задержанию других активных участников братства Кунта-Хаджи. В тех случаях, когда не удавалось захватить намеченных к аресту лиц, власти, требуя явки с повинной, подвергали аресту их ближайших родственников. К концу января было арестовано 14 наиболее активных векилей Кунта-Хаджи, еще трое разыскивались. Чтобы вынудить последних сдаться властям, были задержаны в качестве заложников 15 человек из числа их близких родственников (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 75, 76). Всего «по делу Кунта-Хаджи» было сослано 18 человек (Ахмадов Я. З. Сын Киши // Республика. 1991. 11 июля).

Особо были отмечены заслуги генерал-майора Туманова, главной из которых считалось то, что ему удалось своими действиями изолировать зикристов от широких народных масс и тем самым удержать чеченцев от всеобщего восстания: «Для нас было чрезвычайно важно, чтобы дело это не

приняло более широких размеров. Поэтому-то князь Туманов употребил все старания, чтобы разделить партию зикристов от народа и вел свое дело так, чтобы большинство населения само убедилось в необходимости энергичных мер против них и не выказало к ним особенного сочувствия, даже и после их поражения. Если бы дело подавления этой партии не было связано с вопросом о целом населении Чечни, и мы были бы вполне убеждены, что чеченцы совершенно равнодушно будут смотреть на участь последователей Кунты, то конечно, нападение последних на отряд могло бы сопровождаться более блестящими результатами, особенно если бы аул Шали был взят штурмом. Но большая часть жителей этого огромного аула не принадлежала к зикристам, и войска, увлеченные боем, едва ли пощадили бы кого-нибудь. Следовательно такая победа соединила бы партию зикра с народом заодно и была бы прямо противна нашей цели» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 58об. – 59об).

26 января в крепости Грозной были собраны все чеченские наобы и представители мусульманского духовенства, от которых М. Т. Лорис-Меликов потребовал содействия в восстановлении порядка в Чечне, а также помощи в задержании лиц, подлежащих ссылке. По всей Чечне вводился запрет на проведение зикристских ритуалов, за соблюдением которого должны были следить старшины и представители духовенства. Кроме того, во всех сельских мечетях должны были быть прочитаны для верующих отдельные проповеди «об истинных обрядах исламизма». Требования властей должны были быть приняты в срок до 1 февраля, в случае же их невыполнения начальник Терской области пригрозил двинуть в Чечню войска и взять в заложники семьи всех известных в Чечне людей. Впрочем, наученные горьким опытом многие чеченские селения, не дожидаясь грозных распоряжений властей, приняли меры к тому, чтобы обезопасить себя от обвинений в сочувствии к последователям Кунта-Хаджи. На сельских сходах принимаются решения о запрещении совершения зикра под угрозой выдачи виновных и их семей властям. «Во всех аулах Большой и Малой Чечни жители связываются взаимною порукою, и списки старшин в фамилиях и ответчиков перед правительством, в случае нарушения кем-либо спокойствия, или возобновления зикра, должны были быть представлены...» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 77).

Впрочем, власти Терской области, а также наместник Кавказа были в целом удовлетворены ситуацией в Чечне и вокруг нее: «При первом известии о движении зикристов жители Нагорного округа тотчас послали своих наобы и старшин к подполковнику Муравьеву и по распоряжению последнего устроили караулы из пеших и конных, чтобы не допустить мятежников на свои земли.

Собственно на приверженцев Кунты дело под Шалими произвело очень сильное впечатление. Они разошлись мелкими партиями в Ичкерия и по аулам Автуринского и Аргунского наобств и, не надеясь более на собственные силы, считают себя, без поддержки населения, погибшими, а потому употребляют все усилия, чтобы возбудить к себе сочувствие народа.

Замечательно, что все сообщения наши, во время этих беспорядков, охранялись туземною милициею чрезвычайно бдительно, происшествий пока нет. Ни один всадник не оставил своего поста и кардонная служба отправлялась исправно» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 429, л. 59об. – 60).

Главной причиной быстрого разгрома движения Кунта-Хаджи (и об этом прямо говорили сами российские власти) было то, что они не сумели заручиться поддержкой большинства чеченских селений.

Сам Кунта-Хаджи вместе с арестованными одновременно с ним сподвижниками примерно полгода провел в заключении в Новочеркасске, ожидая окончательного приговора. С ним находились его брат Мовсар, а также векилы Абдусалам, Карнай (Кавнарк) и Талиб. 20 марта 1864 г. датируется распоряжение Министерства внутренних дел о ссылке Кунта-Хаджи в Новгородскую губернию «без срока», т. е. пожизненно. Другие руководители братства были навечно сосланы в разные губернии: Абдусалам, Карнай и Талиб – в Смоленскую губернию; Мовсар, Гушмазуко-хаджи и Тарко-хаджи приговорены к ссылке в Выборгские арестантские роты сроком на пять лет с последующим бессрочным выселением в Сибирь.

По дороге в Выборг Мовсар сумел бежать и добрался до Турции. Вскоре к нему прибывает его семья, а также жена Кунта-Хаджи с детьми и семьи их ближайших родственников. Прожив некоторое время в Турции, Мовсар вскоре перебрался в Сирию, затем – в Турцию. Согласно находкам 2011 года, Мовсар умер и похоронен в населенном пункте Джейхан провинции Адан. – *Авт.*)

Кунта-Хаджи направлялся через Тамбов, где провел два месяца. Здесь он был разлучен со своими товарищами, отправленными в другие места. Известно, что на питание ему выделялось три копейки в день, что отразилось на его здоровье. По пути следования в ссылку, а также из города Устюжно Кунта-Хаджи пишет несколько писем князю Туманову, князю Турлову, наибам, кадиям Чечни и своим родным. В письмах, ссылаясь на незнание русского языка, цены на продукты, отсутствие элементарных вещей, необходимых для жизни, болезнь глаз и всего тела, он просит оставить с ним хотя бы одного из близких ему людей, сосланных в другие места. В одном из писем он прямо пишет, что ему решительно нечего есть.

Сильно беспокоит его положение семьи и родственников, оставшихся на родине. В частности, он часто спрашивает о сыне Мовле, опасаясь, что его постигнет участь отца. Также он просит уведомить его о состоянии братства, оставленного им. В работе В. Х. Акаева приводится текст одного из его писем жене: «Милая жена моя Седа. Будь столь добра, пришли мне десять рублей серебром, то мне жить нечем, получаю кормовых денег всего 6 копеек в сутки, а хлеб очень дорог и прочие продукты. Я, слава богу, остаюсь жив и здоров, чего и тебе душевно желаю. Адрес, где я живу, Новгородской губернии, уездный город Устюжно. Находящемуся под надзором полиции ших Кунты» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 64). Интересно, что Кунта-Хаджи сообщал в своих письмах, что срок ссылки ему определили в два года. На чем основывалась его уверенность, неизвестно. Вряд

ли полицейское начальство вводило его в заблуждение, скрывая настоящий приговор – пожизненная ссылка.

Неизвестно, доходили ли письма Кунта-Хаджи до его родственников. Скорее всего нет, потому что в мае 1865 г. его семья и другие близкие родственники переселились в Турцию. Известно, что генерал-майор Туманов, которому писал Кунта-Хаджи о своем бедственном положении в ссылке, обращался к командующему Кавказской армией Великому князю Михаилу Романову с просьбой улучшить положение Кунта-Хаджи: «Что касается до Ших-Кунты, по бедности своей не могущего содержать себя в ссылке на свой счет, я вхожу с представлением о разрешении вследствие особых обстоятельств производить ему довольствие на равных с лицами привилегированных сословий». Впрочем, князь Туманов не стал также и настаивать на своем представлении, когда потребовалось его повторить (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 63).

Сведения о том, как проходил ссылку Кунта-Хаджи, практически отсутствуют. В г. Устюжно с ним встречался российский историк И. Попов, на которого чеченский Устаз произвел большое впечатление: «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением держать беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства. Это был обаятельный человек и опасен в смысле политическом, к чему он стремился» (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 66).

Ссылка Кунта-Хаджи длилась недолго. С 19 мая 1867 года отсутствуют какие-либо сведения о дальнейшей судьбе Шейха Кунта-Хаджи. Его последователи уверены, что Устаз скрылся и со временем появится вновь. Таким образом, Кунта-Хаджи признается ими махди – мессией, который явится, чтобы возвестить приближающийся конец света. Тем более что он предсказал свое возвращение, и тогда в долине Бай-тугли под Шалами произойдет решающее сражение между мусульманами и неверными (рускими), в котором последние потерпят окончательное поражение.

О том, что число последователей Кунта-Хаджи увеличивалось, говорит и то, что в начале 80-х годов из братства Кунта-Хаджи выделяются новые братства, во главе которых стояли Баматгири-Хаджи (ловда) Митаев, Чим-Мирза Таумирзаев и Батал-Хаджи Белхороев. Все они были близкими сподвижниками Кунта-Хаджи и считались его векилами. От кунтахаджинцев указанные братства отличаются только некоторыми особенностями совершения ритуала зикра. Активизация последователей кадырийского тариката, возникновение новых братств, рост авторитета таких проповедников, шейхов, как Баматгири (ловда) Митаев, вызывало беспокойство местного начальства: «...в Чечне снова сеялись смуты, а в самое последнее время возрождение религиозно-политического учения зикристов опять едва не наделало нам хлопот» (Максимов Е. Историко-географический и статико-экономический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 30). Отмечая возрождение зикризма в Чечне в 90-х годах XIX в., Г. Вертепов подчеркивает, что «...современные зикристы пропове-

дуют религиозную общину, в которой частная собственность признается только для движимого имущества, а земля и в некоторых случаях даже рабочий скот считается достоянием общины; труд также должен быть общим, при условии права всех общинников на равную долю продуктов труда» (Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 2. С. 80). Увеличение числа зикристов и, в частности, кунтахаджинцев, зафиксировал и этнограф К. Боруевич (Боруевич К. Сектанство среди ингушей // Этнографическое обозрение. М., 1893. № 3. Кн. 18. С. 141).

Усиление влияния среди чеченцев и ингушей религиозных деятелей, не отличающихся лояльностью к российским властям, серьезно тревожило местное начальство. Тем более что стали известными связи многих духовных лиц с абреческим движением, имевшим место в Чечне. Так, Баматгири-Хаджи Митаев оказывал покровительство знаменитому абреку Зелемхану. Во многом благодаря помощи религиозных братств последнему долгое время удавалось оставаться недосягаемым для полиции. В 1911 г. власти отправили в ссылку в Калугу сразу более 30 наиболее влиятельных представителей духовенства Чечни и Ингушетии, в числе которых были Баматгири-Хаджи Митаев, Сугаип-мулла Шалинский, Абдул-Азиз Шаптукаев (Докку-шейх), Батал-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чим-Мирза Таумирзаев (Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 104). Лишившийся в результате этой меры поддержки братств в 1913 г. погиб и абрек Зелемхан. Вообще, усиление репрессий в эти годы привело к тому, что в Турцию переселилось еще около тысячи чеченских семейств (Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1991. С. 97).

Помимо братств кадырийского тариката в Чечне и Ингушетии образуются религиозные братства накшбандийского тариката. Самым известным Шейхом накшбандийского тариката был Дени Арсанов, которого признавали своим Устазом некоторое количество чеченцев и ингушей. Интересно, что репрессии 1911 г. не затронули лидеров накшбандийских братств. Можно предположить, что таким способом власти хотели избежать всеобщего возмущения чеченцев и ингушей, а заодно и противопоставить друг другу последователей двух тарикатов. В общем, политика «разделяй и властвуй» получала в Чечне конкретное воплощение. Несмотря на то, что тогда российским властям не удалось противопоставить друг другу чеченцев, являвшихся последователями двух разных тарикатов, но все же определенное напряжение эта политика создавала. Кстати, эта политика будет полностью продолжена и при советской власти, когда основной упор в репрессиях делался именно против кадырийских братств при одно-временном относительно либеральном отношении к братствам накшбандийским. Можно предположить, что либерализм властей в отношении накшбандийских братств определялся главным образом тем, что в численном отношении они далеко уступали братствам кадырийского тариката.

НАСТАВЛЕНИЯ ВЕРУЮЩИМ

(основателя кадырийского тариката)

1. Слово данное надо держать, не лгать, каяться.
2. Не брать чужого.
3. У каждого своя дорога.
4. Не в возрасте, а в уме сила веры.
5. Упорство – с помощью Аллаха для постижения азов Ислама – истинный путь.
6. На путь истины должен стать настоящий мусульманин.
7. Богобоязненность.
8. Наставление.
9. Проявления щедрости, уважения друг другу.
10. Доброжелательность.
11. Терпение. Аллах с теми, кто терпелив.
12. Уединение – приближение к Аллаху, служение Ему.
13. Чистота помыслов – искренность в вере во Всевышнего.
14. Истинное поклонение Аллаху во всем.
15. Правда и учение – это жизнь.
16. Разделять дозволенное и недозволенное.
17. Многие ведут себя так, как будто пришли на этот свет вечно, мало думая о будущей жизни. Но в ней будет с нами то, что мы посеяли на этом свете; то доброе, что мы творили на этой грешной земле станет нашей защитой.
18. Жизнь как цветок, относится к добрым людям.
19. Не забывать о смерти.
20. Хорошие люди любят хороших, а плохие – плохих.
21. Не причинять вреда.
22. Все делать во имя Аллаха Всевышнего.
23. Преклоняться Аллаху, благодарить Аллаха за жизнь дарованную, за все.
24. Если Аллах не пожелает, то ничего не будет.
25. С чистым сердцем только ради Всевышнего Аллаха совершать молитвы и добрые дела.
26. Искренне покайтесь и всем сердцем просите у Аллаха прощения.
27. Время течет как вода, жизнь проходит. Мы копим имущество, которым не пользуемся, мы строим большие дома, в которых не живем. Гонимся за прибылью, в которой не нуждаемся. Все это не поможет нам и не пригодится в Судный день.
28. Все предопределено сверху.
29. Человек понимает свою беззащитность и зависимость от Всевышнего только тогда, когда оказывается в беде или в горе.

30. Совершенные в молодости поклонения очень высоко оцениваются так же, как и защита Родины от врага.

31. Человек не должен совершать зло ни себе, ни другому человеку.

32. Человек зависит от своего Творца, должен просить прощения и искать у Него защиты.

33. Очищайте свои сердца и души.

34. Не забывайте Аллаха Всевышнего!

35. Проснитесь, иначе вас разбудит смерть.

36. Великодушие, чистота помыслов и прощение недостатков друзей.

37. Все изменяется со временем.

38. Не теряйте надежду.

39. Всевышний примет искреннее покаяние каждого.

40. Других наставляйте на праведный путь.

41. Если желаете заступничества Всевышнего, то делайте, что Он велит.

42. Осознавая, что Аллах все видит и знает, продолжаем бесстыдно грешить.

43. Вера – это глоток воздуха, это солнце и сама жизнь.

44. Вера дороже жизни и всех богатств мира.

45. Аллах в наших сердцах.

46. Помочь ближнему – долг мусульманина.

47. Спасение в наших руках, в истинности, в вере.

48. Каждый день готовьте себя к Судному дню.

49. Дай мне силы, о Аллах, помоги мне, о Аллах!

50. Этот мир для неверующих – рай, а для верующего – тюрьма.

51. Будьте с праведными людьми. Будьте рядом с разумными людьми.

Если будете рядом с невеждами, то сами станете невеждами.

52. Ислам – духовный рай и спокойствие.

53. Безграничность – сила Всевышнего Аллаха.

54. Готовность предстать перед Аллахом.

55. Быть мусульманином – счастье, вершина мира и вечное спасение.

56. Аллах оживляет опустошенные сердца людей. Он – последняя надежда для потерянных и оказавшихся в безысходности.

57. Не жалуйся на Аллаха рабам Его. Не будь жалобщиком Его рабам! Судьба всякой вещи в руках Аллаха. Никто, кроме Него, не способен вершить судьбу. Если сохранишь в тайне свои беды и страдания, духовные мучения, не будешь разглашать сделанные тобой добрые дела и потраченную милостыню – увеличишь богатство своих добрых дел.

58. Пусть страхи относительно последующей жизни будут у тебя на первом месте по сравнению со страхами относительно этой жизни. Если сможешь сделать так, то для тебя будет прибыль и эта жизнь, и последующая, и достигнешь счастья в обоих мирах. Если же мирские страхи у тебя будут на первом месте, то ты потерпишь убыток в обоих мирах и к тому

же заслужишь наказание. Когда ты выбросишь из сердца любовь к этому миру, то и приобретенные мирские блага будут для тебя благом.

59. Без труда ничто не упадает само к твоим ногам. А ведь некоторые вещи тебе обязательно необходимы. Поэтому трудись, старайся, а помощь – от обладателя великой чести, твоего Господа. Если будешь постоянно двигаться в этом море жизни, то волны всегда будут выталкивать тебя наверх и в конце концов приведут к берегу. От тебя – молитва, помощь – от твоего Господа.

60. Остерегайся и еще раз остерегайся! Будь самим собой, ни с кем не ссорься ради мирских благ. Не старайся препятствовать чужому богатству. Потому что каждому свое. Если в судьбе твоей предопределено, что из рук твоих уйдет то, чем обладаешь, это тоже будет. И это не по твоему желанию.

61. Тебе нужно полагаться на Аллаха. После того, как приложишь все усилия и создашь все причины для достижения успеха, во всем положишься на Аллаха. Не надейся на собственные силы и способности. И не возражай деяниям Аллаха в этом мире. Не думай, что ты сам или другие люди могут что-либо сделать против воли Аллаха.

62. Один мудрый правитель собрал всех своих подданных. Всех богатых и знать он поставил в первом ряду. В следующую очередь – бедняков, затем калек, позади всех велел поставить мертвецов. Потом правитель поинтересовался их жизнью. Богачи в первом ряду стали жаловаться на большие налоги и т. д. Правитель им сказал: «Оглянитесь, посмотрите каково беднякам, которые не могут даже досыта наесться». Бедняки пожаловались на притеснение со стороны богачей и бедную жизнь. Правитель им сказал: «Посмотрите назад, каково тем, у кого нет того или иного жизненно важного органа». Калеки пожаловались на неполноценную жизнь из-за отсутствия руки, ноги, глаза и т. д. Правитель им сказал: «Оглянитесь, взгляните на тех, кто уже лишен возможности радоваться этой жизни, заниматься богослужением и восхвалять Всевышнего за Его дары. Вы всегда смотрите на тех, кто ниже вас социальным или материальным положением, чтобы воздать хвалу Аллаху за это». Хадис гласит: «В мирском вы смотрите на тех, кто ниже вас, а в богослужении – на тех, кто выше вас». Посмотрите же, сколько мудрости в этом хадисе и как много вопросов он решает! Этим мы за каждый дар Аллаха воздаем Ему хвалу и не оставляем места самодовольству из-за своего богослужения!

ТАРИКАТ АБДУЛ КАДЫРА И ЕГО ОСНОВАТЕЛИ

1. Пророк Мухаммад (а.с.с.)
2. Али ибн Абу Талиб – первый имам, четвертый праведный халиф.
3. Али-Хасан бин Али Абу Мухаммад ал-Муджаба – второй Имам (624–669).

4. Али Хусайн бин Али Абу Іабдаллах аш-Шахид – третий Имам (626–680).

5. Абу Халид Аль-Газали – суфийский шейх и великий Имам (1058 г.р.).

6. Гавсускалейн Абдул-Кадыр Гилани – шафиитский шейх (1077–1166).

7. Шахърани Шейх.

8. Ширвани Шейх.

9. Мубарик Салади (1194).

10. Мухыммадан Йарағи.

11. Абдуррахман Суглури (1505).

12. Кунта-Хаджи Кишиев из Илсхан-Юрт (1800 г. р.)

Великие люди ислама

АБДУЛ КАДЫР ГИЛАНИ

Абдул Кадыр Гилани (Да будет доволен им Аллах!) родился в 470 году по хиджре (примерно в 1077 году христианского летоисчисления) в иранском городе Гилан в семье потомков Пророка (Мир ему и благословение Аллаха!). Его родословная восходит к Хасану ибн Али (Да будет доволен Аллах ими обоими!). Его мать, Уммунь Хайр Фатимат, также происходила из хорошего, благородного рода и отличалась прекрасным нравом и старательностью в богослужении.

О высочайшем предназначении Абдул Кадыра Гилани стало известно еще в раннем детстве. В месяце Рамазан днем он отказывался от материнского молока. Весть о том, что родился мальчик, который в грудном возрасте соблюдает пост, распространилась по всей округе. А в следующем году, когда из-за тумана возникли трудности с определением начала месяца Рамазан, горожане пришли к матери маленького Абдул Кадыра, чтобы узнать, берет ли он грудь в этот день.

В тот день Абдул Кадыр соблюдал пост, и позже выяснилось, что начало Рамазана приходилось именно на этот день. В дальнейшем выявилось еще немало таких признаков богоизбранности Абдул Кадыра.

В возрасте восемнадцати лет с разрешения матери он отправился в Багдад для продолжения учебы. Мать дала ему сорок золотых монет (динаров) и припрятала их, зашив на рубашке. Провожая сына, Уммунь Хайр Фатимат наказала ему, чтобы он никогда не обманывал.

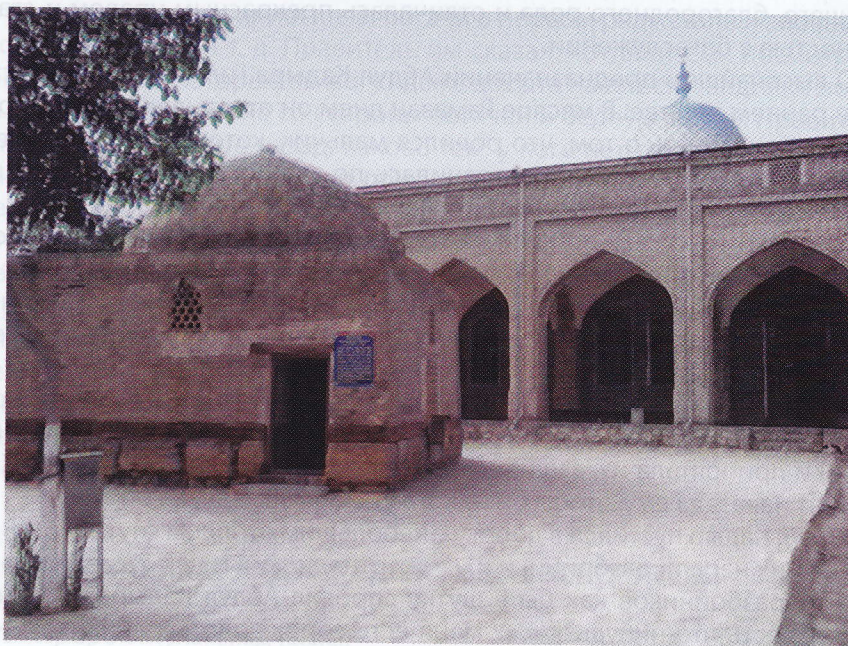
Абдул Кадыр пустился в дорогу с небольшим отрядом спутников. В дороге на них напали разбойники и у всех отняли деньги и другие ценности. Один из разбойников как бы в шутку спросил Абдул Кадыра: «А у тебя, мальчик, есть что-нибудь?» – «У меня есть сорок золотых динаров», – ответил он. Разбойник захохотал, подумав, что мальчик шутит. Другой разбойник задал Абдул Кадыру тот же вопрос и получил такой же ответ. Они повели мальчика к своему предводителю. Там они спросили, где спрятаны

эти монеты. Он ответил: «Они защиты на рубашке». Проверив, разбойники убедились, что мальчик говорил правду, и были очень удивлены. «Почему ты сказал нам об этих монетах?» – спросил Абдул Кадыра предводитель разбойников. «Потому что я обещал матери никогда не лгать», – ответил он. Это произвело на разбойника очень большое впечатление, и он заплакал: «Ты не нарушаешь слово, данное своей матери, а я столько лет нарушал заветы Всевышнего». После этого он произнес тавбу (слова покаяния), и другие разбойники также покаялись.

В Багдаде Абдул Кадыр познакомился с известными алимами, учился у многих из них и получил высшее образование. Алимы восхищались его умом и глубокими знаниями.

Он достиг такого уровня, что стал выносить фетвы (решения по религиозным вопросам) по двум мазхабам: аш-Шафии и Ахмада. Все алимы Ирака признавали его фетвы.

Однажды ночью Абдул Кадыру приснился Пророк (а.с.с.). Он спросил у алима, почему тот не выступает с проповедями. Абдул Кадыр ответил: «О Посланник Аллаха, я ведь аджами (не араб). Как я могу выступать перед талантливыми алимами Багдада?» Тогда Пророк (Мир ему и благословение Аллаха!) открыл его рот, дунул туда семь раз и повелел ему проповедовать. Вначале его проповеди слушали два-три человека, затем стало приходить

Мазар и мечеть имени Шейха Мухиддин Абд аль Кадыраль Гилани

все больше и больше людей. Впоследствии мечеть уже всех не вмещала, и он стал выступать на пустыре, на окраине города. В конце концов слушать его проповеди стали приходить более семидесяти тысяч человек.

Более пяти тысяч христиан и иудеев приняли ислам, послушав шейха, более ста тысяч мусульман совершили тавбу. Все алимы того времени единодушно признавали его величайшим из людей, живущих в то время.

Умер он в 562 году по хиджре (1166) в Багдаде и похоронен там, где и находится его зиярат – мечеть и медресе.

Да смилуется над ним Всевышний Аллах.

Абдул Кадыр Гилани: Не завидуйте и не ропщите

Абдул Кадыр Гилани (ум. в 562/1166) из Гилана – один из величайших шейхов ислама. Его родословная восходит к праведному халифу Али ибн Абу Талибу (да будет доволен им Аллах). Он был знатоком мусульманского права (фикх), Корана, хадисов и их толкований (тафсира), тасавуфа. Миллионы людей благодаря его слову нашли истину. Абдул Кадыр Гилани автор около 50 книг, наиболее известны «аль-Кунья», «аль-Фатх ар-Раббани», «Футух аль-Кайб». Представляем вашему вниманию одну из дошедших до нас его проповедей.

Почему, о правоверный, я вижу, что вы завидуете вашему соседу из-за его пищи и его питья, его одежды, его жены, его дома, его наслаждения своим богатством и благословениями его Господа (Всемогуц и Преславен Он) и предназначенной ему доли?

Разве вы не понимаете, что это такая вещь, которая ослабляет вашу веру, заставляет вас пасть перед Господом (Всемогуц и Преславен Он) и делает вас ненавистным Ему? Разве вы не слышали хадис, переданный от Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), согласно которому Аллах (Всевышний Он) сказал ему среди прочего: «Зависть – враг Моего благословения»? Разве вы не слышали, что Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) также сказал: «Зависть пожирает добрые дела, как огонь, поглощает дерево».

Что на самом деле делает вас завидующим ему, несчастный человек? Его доля или ваша собственная? Если вы завидуете его доле, которую Аллах предназначил ему в соответствии с Его словами: **«Лишь Мы – делители среди них всего потребного в сем мире»** (43:32), тогда вы несправедливы к тому человеку, который просто наслаждается благословением его Господа, которым Он милосердно одарил его и назначил в соответствии с декретом, и в котором Он не предоставил никому больше часть или долю. Так кто может быть более несправедлив, более жаден, более глуп и менее разумен, чем вы?

Если, с другой стороны, вы завидуете ему из-за вашей собственной доли, то вы показываете предельное невежество, потому что ваша доля не будет дана никому, кроме вас, и не будет передана от вас кому-то другому. Да будет оно далеко от Аллаха (сделать так)! Поскольку Аллах (Всемогущ и Преславен Он) сказал: **«И Мое Слово неизменно. И к Моим слугам никогда Я не позволю малейшую несправедливость»** (50:29).

Аллах (Всемогущ и Преславен Он) не до того несправедлив к вам, что Он отберет то, что Он выделил вам и даст это кому-то другому! Сама идея изобличает ваше невежество и вашу несправедливость к вашему брату.

Было бы разумнее для вас завидовать земле, которая является складом сокровищ и запасов всевозможного золота и серебра и драгоценных камней, накопленных древними королями Ада и Самуда, Хозроем и Цезарем, вместо того, чтобы завидовать вашему соседу, будь он правоверный или безнравственный тип. Так как все, что он может иметь в его доме, не может составить даже миллионную часть того, что содержит земля.

Ваша зависть к вашему соседу вызывает следующее сравнение: человек видит короля со всем его могуществом, с его армиями и его окружением, с его владением и управлением громадным состоянием, с которого он собирает налоги и пользуется доходом. Он видит, как король наслаждается всевозможной роскошью, удовольствиями и блаженствами, но он не завидует ничему из этого. Затем он видит собаку, действующую в качестве слуги одной из собак короля, вставая в стойку, сидя на корточках, лая и получая остатки и объедки пищи из королевской кухни, за счет которых она кормится. Человек начинает завидовать этой собаке, становится враждебным к ней, желает ее смерти и уничтожения и хочет занять ее место, по низким и мелким причинам, а не в духе аскетизма, религиозного благочестия и скромной удовлетворенности. Существовал ли когда-либо более глупый, более бестолковый и более невежественный человек?

Кроме того, вы жалкий человек, если бы вы только знали какому длинному отчету ваш сосед должен будет подвергнуться в предстоящий День Воскрешения! Если он не был послушен Аллаху относительно всех благ, которые Он предоставил ему, если он не выполнил обязательства по ним, следуя Его велениям и соблюдая Его запреты, где они могли иметь отношение, и используя его преимущества в поддержку служения Ему и повиновения Ему, как он будет желать, чтобы он никогда не имел ни единого атома из всего этого, чтобы он ни в один день не имел ни единого блага!

Разве вы не слышали слова Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), как они дошли до нас в хадисе: «В День Воскрешения будут группы людей, которые будут, несомненно, желать, чтобы их плоть была бы изрезана ножницами, из-за награды, которую они увидят данной тем, кто перенес горести».

Ваш сосед поэтому будет сожалеть, что он не был на вашем месте в этом мире, из-за длинного отчета и допроса, которому он должен подвергнуться, и из-за того, что ему придется стоять под жаром солнца в течение

пятидесяти тысяч лет при Воскрешении, из-за комфорта, которым он наслаждался в этом мире, в то время как вы будете вдали от всего этого, в тени Трона, вкушая и впивая, наслаждаясь, веселый, счастливый и расслабленный, из-за вашей терпеливой выдержки мирских затруднений, ограничений, неприятностей, страданий и бедности, благодаря вашей удовлетворенности и готовности следовать вашему Господу (Всемогущ и Преславен Он), когда Его план и решение означали бедность для вас и богатства для других, болезнь для вас и хорошее здоровье для других, затруднение для вас и непринужденность для других, унижение для вас и почет для других. Да включит Аллах и нас, и вас в число тех, кто переносит горести с терпением, кто восхваляет за благословения, и кто вверяет их дела Господу небес!

Позвольте мне дать вам и такой совет: никогда не ропщите, не жалуйтесь никому на вашу судьбу, будь то друг или враг, и не обвиняйте Господа (Всемогущ и Преславен Он) в плохом обращении с вами и в принуждении вас подвергаться бедствиям. Вам скорее следует показывать ваше одобрение и вашу благодарность. Лучше даже сказать ложь, выражая благодарность за благо, которое вы не получили, чем констатировать очевидный факт вашей ситуации правдиво, но как жалобу. Кто полностью лишен милости Аллаха (Всемогущ и Преславен Он)? Аллах (Всевышний Он) сказал: **«И если станете считать благодеяния Аллаха, Вам (никогда) не счесть их (до конца)»** (16:18).

Сколькими благословениями вы наслаждаетесь, не признавая их таковыми! Не довольствуйтесь обыкновенным смертным как вашим близким конфидентом и не рассказывайте никому о ваших проблемах. Это с Аллахом (Всемогущ и Преславен Он) вам следует быть в близких и конфиденциальных отношениях, и любое ваше сетование должно быть о Нем и обращено Ему.

Не признавайте никого другого, поскольку никто не имеет власти дать вам потерю или выгоду, доход или расход, честь или позор, повышение или понижение, бедность или богатство, движение или отдых. Все вещи – сотворение Аллаха (Всемогущ и Преславен Он). Они в руке Аллаха (Всемогущ и Преславен Он), а способ их функционирования – в Его велении и с Его позволения. Все идет своим курсом до назначенного срока, и все регулируется Им. Нет опережения тому, что Он отложил, и отсрочки тому, что Он поставил впереди. Аллах (Всемогущ и Преславен Он) сказал:

**«Если Аллах бедой тебя коснется,
То от нее, кроме Него, нет избавителя тебе.
А если Он добро тебе назначит,
То нет того, кто Его милость сможет удержать.
И Он низводит (то или другое)
На тех служителей Своих,
Кого сочтет Своей угодой, –
Прощающ Он и милосерд!»** (10:107).

Если вы жалуетесь на Него (Всемогущ и Преславен Он), в то время как вы в добром здравии и уже наслаждаетесь каким-то благословением, только желая получить больше, и презрительно закрывая ваши глаза на блага и благосостояние, полученные вами от Него, Он рассердится на вас и лишит вас и того и другого. Он даст вам что-то реальное, чтобы жаловаться, удваивая вашу напасть, усиливая наказание, отвращение и ненависть, которым вы должны подвергнуться, и изгонит вас.

Вам следует крайне опасаться сетования, даже если б вас расчленили, а ваша собственная плоть изрезывалась бы ножницами. Остерегайтесь, остерегайтесь, еще раз остерегайтесь! Аллах, Аллах и снова Аллах! Спасайтесь, спасайтесь! Берегитесь, берегитесь!

Большинство различных бедствий, которые сокрушают человека, происходят из-за его жалоб на его Господа (Всемогущ и Преславен Он). Как может кто-то иметь обиду на Него, когда Он Самый Милосердный из милосердных, Лучший из всех судей, Мудрый, Сведущий, Милостивый, Сострадательный; когда Он добр к Его слугам, а не жестокий рабовладелец; когда Он как мудрый, сочувствующий и доброжелательный домашний врач?

Нашли бы вы недостаток в добросердечной матери? Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «Аллах более милосерден к Его слуге, чем мать к ее ребенку». Ведите себя лучшим образом, вы – жалкий человек! Будьте стойкими перед лицом неудачи, даже если вы и не можете быть терпеливыми. Затем будьте терпеливы, даже если вы и не можете охотно довольствоваться. Затем охотно довольствуйтесь, если вы еще там. Затем прекратите существовать, если вас уже нигде не найти. О философский камень, где ты, где тебя найти и увидеть? Неужто вы не обращаете внимания на Его слова (Всемогущ и Преславен Он):

**«Вам воевать предписано (на промысле Господнем),
И это крайне ненавистно вам.
Быть может, то, что ненавистно вам,
(Со временем) вам обратится благом,
И может быть, вам любо то,
Что злом (со временем) вам станет, –
Вам (никогда) не знать того,
О чем, поистине, известно лишь Аллаху» (2:216).**

Знание действительности вещей скрыто от вас под покровом, а вы скрыты от него за завесой. Так что не ведите себя плохо, что бы вам нравилось или не нравилось.

Следуйте священным законам в том, что может случиться с вами, если вы в состоянии набожности (таква), что является первым шагом. Следуйте прямым приказам, не превышая их, если вы в состоянии посвящения (вилая) и исчезновения желания (хумуд вуджуд аль-хава), что является вторым шагом.

Отойдите в сторону от тропы судьбы; уйдите с ее пути. Откажитесь от самости и желания. Удержите ваш язык от сетования. Если вы сделаете это, тогда, если то, что предназначено вам – хорошее, то Господь даст вам дополнительное удовольствие, счастье и радость; а если оно плохое, то Он уберезет вас в послушном служении Ему, пока оно идет своей стезей. Он избавит вас от вины и уберезет вас, пока оно длится до тех пор, пока оно не закончится для вас и станет прошлым, как ночь заканчивается с рассветом дня и как зимний холод исчезает, когда приходит лето. Вот пример для вас, так извлеките урок.

Так много грехов и ошибок, и бесчинств, так много разных злодеяний и проступков приводят к загрязнению.

Чтобы быть достойным компании Благородного Господа, нужно быть очищенным от нечистот грехов и недостатков. Никому не дается аудиенция в Его дворе, если он не чист от грязи претенциозности и самомнения, так же, как никто не достоин компании королей, не будучи очищенным от всевозможных нечистот и всякой вони и грязи. Напасти имеют искупительный и очистительный эффект. Как так правдиво сказал Пророк (да благословит его Аллах и приветствует): «Лихорадка одного дня – искупление за год (грехов)».

Шейх Абдул Кадыр Гилани